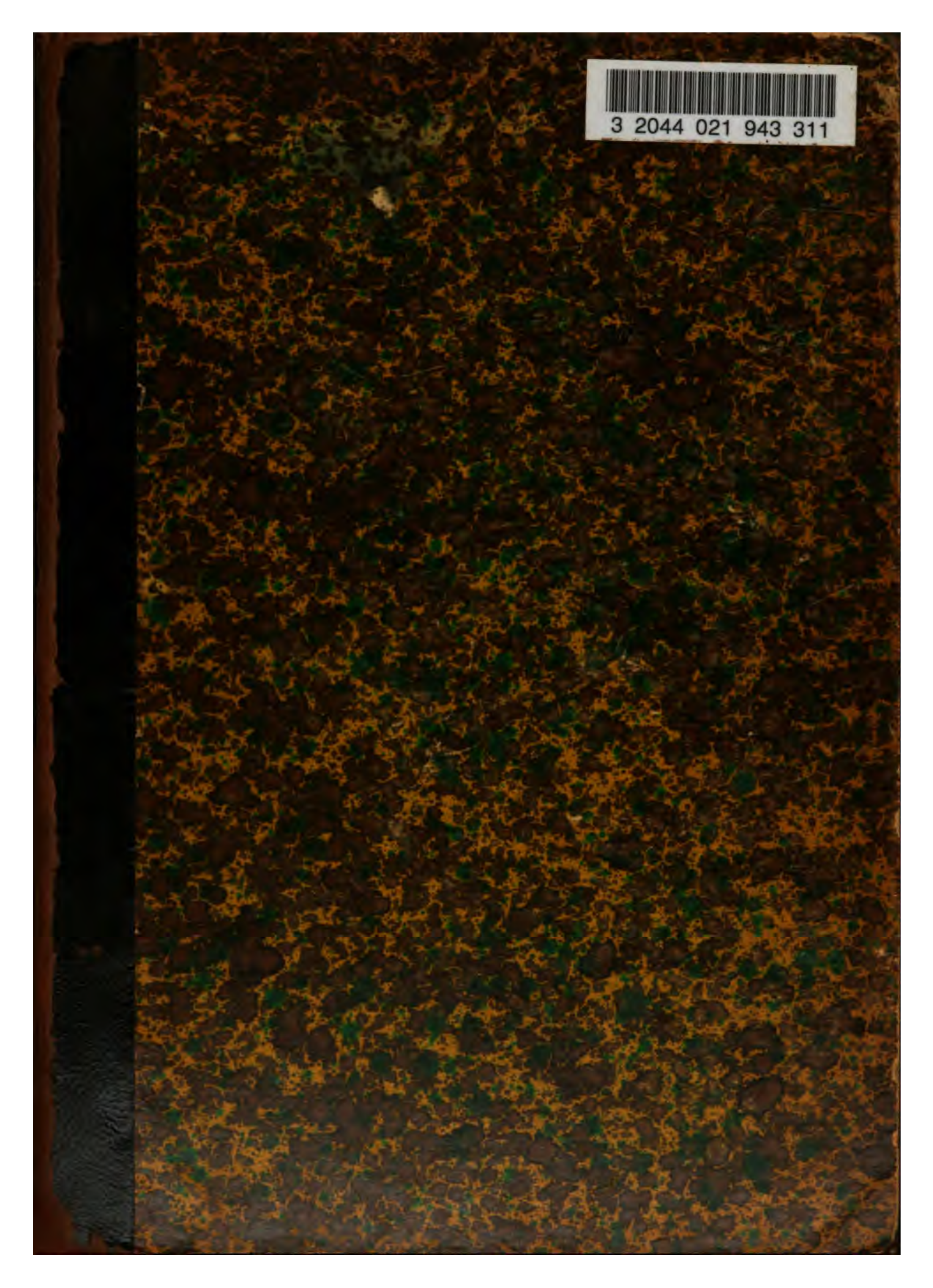

3 2044 021 943 311

VE
RI
TAS

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЯ
ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ

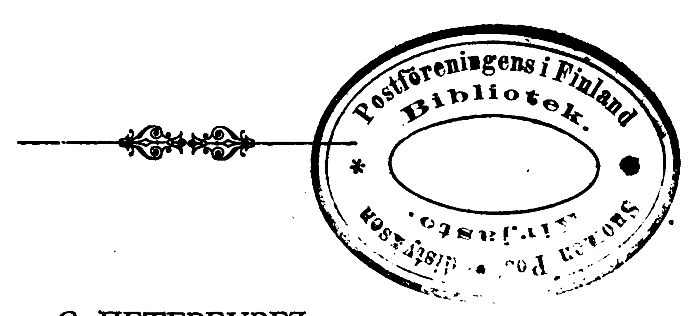
ЖУРНАЛУ „НИВА“

НА

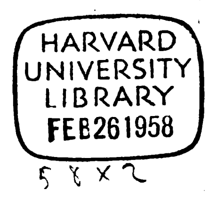
1898 г.

ЗА

Сентябрь, Октябрь, Ноябрь и Декабрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. Маркса.

 Типографія А. Ф. Маркса, Средняя Подьяч., № 1.

Дозволено цензурою. 7 декабря 1898 г. СПБ.

Оглавленіе.

Іонычъ.

Разсказъ **Антона Чехова.**

I.

Когда въ губернскомъ городѣ С. пріѣзжіе жаловались на скуку и однообразіе жизни, то мѣстные жители, какъ бы оправдываясь, говорили, что, напротивъ, въ С. очень хорошо, что въ С. есть библіотека, театръ, клубъ, бываютъ балы, что, наконецъ, есть умныя, интересныя, пріятныя семьи, съ которыми можно завести знакомства. И указывали на семью Туркиныхъ, какъ на самую образованную и талантливую.

Эта семья жила на главной улицѣ, возлѣ губернатора, въ собственномъ домѣ. Самъ Туркинъ, Иванъ Петровичъ, полный, красивый брюнетъ съ бакенами, устраивалъ любительскіе спектакли съ благотворительной цѣлью, самъ игралъ старыхъ генераловъ и при этомъ кашлялъ очень смѣшно. Онъ зналъ много анекдотовъ, шарадъ, поговорокъ, любилъ шутить и острить, и всегда у него было такое выраженіе, что нельзя было понять, шутитъ онъ, или говоритъ серьезно. Жена его Вѣра Іосифовна, худощавая, миловидная дама въ pince-nez, писала повѣсти и романы, и охотно читала ихъ вслухъ своимъ гостямъ. Дочь Екатерина Ивановна, молодая дѣвушка, играла на рояли. Однимъ словомъ, у каждаго члена семьи былъ какой-нибудь свой талантъ. Туркины принимали гостей радушно и показывали имъ свои таланты весело, съ сердечной простотой. Въ ихъ большомъ каменномъ домѣ было просторно и лѣтомъ прохладно, половина оконъ выходила въ старый тѣнистый садъ, гдѣ весной пѣли соловьи; когда въ домѣ сидѣли гости, то въ кухнѣ стучали ножами, во дворѣ пахло жаренымъ лукомъ — и это всякій разъ предвѣщало обильный и вкусный ужинъ.

И доктору Старцеву, Дмитрію Іонычу, когда онъ былъ только-что назначенъ земскимъ врачомъ и поселился въ Дялижѣ, въ девяти верстахъ отъ С., тоже говорили, что ему, какъ интеллигентному человѣку, необходимо познакомиться съ Туркиными. Какъ-то зимой на улицѣ его представили Ивану Петровичу; поговорили о погодѣ, о театрѣ, о холерѣ, послѣдовало приглашеніе. Весной, въ праздникъ — это было Вознесеніе, — послѣ пріема больныхъ, Старцевъ отправился въ городъ, чтобы развлечься немножко и кстати купить себѣ кое-что. Онъ шелъ пѣшкомъ, не спѣша (своихъ лошадей у него еще не было) и все время напѣвалъ:

Когда еще я не пилъ слезъ изъ чаши бытія...

Въ городѣ онъ пообѣдалъ, погулялъ въ саду, потомъ какъ-то само собой пришло ему на память приглашеніе Ивана Петровича, и онъ рѣшилъ сходить къ Туркинымъ, посмотрѣть, что это за люди.

— Здравствуйте пожалуйста,—сказалъ Иванъ Петровичъ, встрѣчая его на крыльцѣ.—Очень, очень радъ видѣть такого пріятнаго гостя. Пойдемте, я представлю васъ своей благовѣрной. Я говорю ему, Вѣрочка,—продолжалъ онъ, представляя доктора женѣ:—я ему говорю, что онъ не имѣетъ никакого римскаго права сидѣть у себя въ больницѣ, онъ долженъ отдавать свой досугъ обществу. Не правда ли, душенька?

— Садитесь здѣсь,—говорила Вѣра Іосифовна, сажая гостя возлѣ себя.—Вы можете ухаживать за мной. Мой мужъ ревнивъ, это Отелло, но вѣдь мы постараемся вести себя такъ, что онъ ничего не замѣтитъ.

— Ахъ, ты, цыпка, баловница...—нѣжно пробормоталъ Иванъ Петровичъ и поцѣловалъ ее въ лобъ.—Вы очень кстати пожаловали,—обратился онъ опять къ гостю:—моя благовѣрная написала большинскій романъ и сегодня будетъ читать его вслухъ.

— Жанчикъ,—сказала Вѣра Іосифовна мужу, — dites que l'on nous donne du the.

Старцеву представили Екатерину Ивановну, восемнадцатилѣтнюю дѣвушку, очень похожую на мать, такую же худощавую и миловидную; выраженіе у нея было еще дѣтское и талія тонкая, нѣжная; и дѣвственная, уже развитая грудь, красивая, здоровая, говорила о веснѣ, настоящей веснѣ. Потомъ пили чай съ вареньемъ, съ медомъ, съ конфетами и съ очень вкусными печеньями, которыя таяли во рту. Съ наступленіемъ вечера, мало-по-малу, сходились гости, и къ каждому изъ нихъ Иванъ Петровичъ обращалъ свои смѣющіеся глаза и говорилъ:

— Здравствуйте пожалуйста.

Потомъ всѣ сидѣли въ гостиной, съ очень серьезными лицами, и Вѣра Іосифовна читала свой романъ. Она начала такъ: «Морозъ крѣпчалъ...» Окна были отворены настежь, слышно было, какъ въ кухнѣ стучали ножами и доносился запахъ жаренаго лука... Въ мягкихъ, глубокихъ креслахъ было покойно, огни мигали такъ ласково въ сумеркахъ гостиной; и теперь, въ лѣтній вечеръ, когда долетали съ улицы голоса, смѣхъ и потягивало со двора сиренью, трудно было понять, какъ это крѣпчалъ морозъ и какъ заходившее солнце освѣщало своими холодными лучами снѣжную равнину и путника, одиноко шедшаго по дорогѣ; Вѣра Іосифовна читала о томъ, какъ молодая, красивая графиня устраивала у себя въ деревнѣ школы, больницы, библіотеки и какъ она полюбила странствующаго художника,—читала о томъ, чего никогда не бываетъ въ жизни, и все-таки слушать было пріятно, удобно и въ голову шли все такія хорошія, покойныя мысли,—не хотѣлось вставать.

— Не дурственно...—тихо проговорилъ Иванъ Петровичъ.

А одинъ изъ гостей, слушая и уносясь мыслями куда-то очень, очень далеко, сказалъ едва слышно:

— Да... дѣйствительно...

Прошелъ часъ, другой. Въ городскомъ саду по сосѣдству игралъ оркестръ и пѣлъ хоръ пѣсенниковъ. Когда Вѣра Іосифовна закрыла свою тетрадь, то минутъ пять молчали и слушали «Лучинушку», которую пѣлъ хоръ, и эта пѣсня передавала то, чего не было въ романѣ и что бываетъ въ жизни.

— Вы печатаете свои произведенія въ журналахъ?—спросилъ у Вѣры Іосифовны Старцевъ.

— Нѣтъ,—отвѣчала она,—я нигдѣ не печатаю. Напишу и спрячу у себя въ шкапу. Для чего печатать? — пояснила она.—Вѣдь мы имѣемъ средства.

И всѣ почему-то вздохнули.

— А теперь ты, Котикъ, сыграй что-нибудь, — сказалъ Иванъ Петровичъ дочери.

Подняли у рояля крышку, раскрыли ноты, лежавшія уже наготовѣ. Екатерина Ивановна сѣла и обѣими руками ударила по клавишамъ; и потомъ тотчасъ же опять ударила изо всей силы, и опять, и опять; плечи и грудь у нея содрогались, она упрямо ударяла все по одному мѣсту и, казалось, что она не перестанетъ, пока не вобьетъ клавишей внутрь рояля. Гостиная наполнилась громомъ; гремѣло все: и полъ, и потолокъ, и мебель... Екатерина Ивановна играла трудный пассажъ, интересный именно своею трудностью, длинный и однообразный, и Старцевъ, слушая, рисовалъ себѣ, какъ съ высокой горы сыпятся камни, сыпятся и все сыпятся, и ему хотѣлось, чтобы они поскорѣе перестали сыпаться, и въ то же время Екатерина Ивановна, розовая отъ напряженія, сильная, энергичная, съ локономъ, упавшимъ на лобъ, очень нравилась ему. Послѣ зимы, проведенной въ Дялижѣ, среди больныхъ и мужиковъ, сидѣть въ гостиной, смотрѣть на это молодое, изящное и, вѣроятно, чистое существо и слушать эти шумные, надоѣдливые, но все же культурные звуки, — было такъ пріятно, такъ ново...

— Ну, Котикъ, сегодня ты играла, какъ никогда,—сказалъ Иванъ Петровичъ со слезами на глазахъ, когда его дочь кончила и встала. — Умри, Денисъ, лучше не напишешь.

Всѣ окружили ее, поздравляли, изумлялись, увѣряли, что давно уже не слыхали такой музыки, а она слушала, молча, чуть улыбаясь, и на всей ея фигурѣ было написано торжество.

— Прекрасно! превосходно!

— Прекрасно! — сказалъ и Старцевъ, поддаваясь общему увлеченію.—Вы гдѣ учились музыкѣ?—спросилъ онъ у Екатерины Ивановны.— Въ консерваторіи?

— Нѣтъ, въ консерваторію я еще только собираюсь, а пока училась здѣсь, у мадамъ Завловской.

— Вы кончили курсъ въ здѣшней гимназіи?

— О, нѣтъ!—отвѣтила за нее Вѣра Іосифовна.—Мы приглашали учителей на домъ, въ гимназіи же или въ институтѣ, согласитесь, могли быть дурныя вліянія; пока дѣвушка растетъ, она должна находиться подъ вліяніемъ одной только матери.

— А все-таки въ консерваторію я поѣду,—сказала Екатерина Ивановна.

— Нѣтъ, Котикъ любитъ свою маму. Котикъ не станетъ огорчать папу и маму.

— Нѣтъ, поѣду! Поѣду! — сказала Екатерина Ивановна, шутя и капризничая, и топнула ножкой.

А за ужиномъ уже Иванъ Петровичъ показывалъ свои таланты. Онъ, смѣясь одними только глазами, разсказывалъ анекдоты, острилъ, предлагалъ смѣшныя задачи и самъ же рѣшалъ ихъ, и все время говорилъ на своемъ необыкновенномъ языкѣ, выработанномъ долгими упражненіями въ остроуміи и, очевидно, давно уже вошедшемъ у него въ привычку: «большинскій», «не дурственно», «покорчило васъ благодарю»...

Но это было не все. Когда гости, сытые и довольные, толпились въ передней, разбирая свои пальто и трости, около нихъ суетился лакей Павлуша, или, какъ его звали здѣсь, Пава, мальчикъ лѣтъ четырнадцати, стриженый, съ полными щеками.

— А ну-ка, Пава, изобрази!—сказалъ ему Иванъ Петровичъ.

Пава сталъ въ позу, поднялъ вверхъ руку и проговорилъ трагическимъ тономъ:

— Умри, несчастная!

И всѣ захохотали.

«Занятно», — подумалъ Старцевъ, выходя на улицу.

Онъ зашелъ еще въ ресторанъ и выпилъ пива, потомъ отправился пѣшкомъ къ себѣ въ Дялижъ. Шелъ онъ и всю дорогу напѣвалъ:

Твой голосъ для меня, и ласковый и томный...

Пройдя девять верстъ и потомъ ложась спать, онъ не чувствовалъ ни малѣйшей усталости, а напротивъ, ему казалось, что онъ съ удовольствіемъ прошелъ бы еще верстъ двадцать.

«Не дурственно...» — вспомнилъ онъ, засыпая, и засмѣялся.

II.

Старцевъ все собирался къ Туркинымъ, но въ больницѣ было очень много работы, и онъ никакъ не могъ выбрать свободнаго часа. Прошло больше года такимъ образомъ въ трудахъ и одиночествѣ; но вотъ изъ города принесли письмо въ голубомъ конвертѣ...

Вѣра Іосифовна давно уже страдала мигренью, но въ послѣднее время, когда Котикъ каждый день пугала, что уѣдетъ въ консерваторію, припадки стали повторяться все чаще. У Туркиныхъ перебывали всѣ городскіе врачи; дошла, наконецъ, очередь и до земскаго. Вѣра Іосифовна написала ему трогательное письмо, въ которомъ просила его пріѣхать и облегчить ея страданія. Старцевъ пріѣхалъ, и послѣ этого сталъ бывать у Туркиныхъ часто, очень часто... Онъ, въ самомъ дѣлѣ, немножко помогъ Вѣрѣ Іосифовнѣ, и она всѣмъ гостямъ уже говорила, что это необыкновенный, удивительный докторъ, но ѣздилъ онъ къ Туркинымъ уже не ради ея мигрени...

Праздничный день. Екатерина Ивановна кончила свои длинные, томительные экзерсисы на рояли. Потомъ долго сидѣли въ столовой и пили чай, и Иванъ Петровичъ разсказывалъ что-то смѣшное. Но вотъ звонокъ; нужно было идти въ переднюю встрѣчать какого-то гостя; Старцевъ воспользовался минутой замѣшательства и сказалъ Екатеринѣ Ивановнѣ шопотомъ, сильно волнуясь:

— Ради Бога, умоляю васъ, не мучайте меня, пойдемте въ садъ!

Она пожала плечами, какъ бы недоумѣвая и не понимая, что ему нужно отъ нея, но встала и пошла.

— Вы по три, по четыре часа играете на рояли, — говорилъ онъ, идя за ней, — потомъ сидите съ мамой и нѣтъ никакой возможности поговорить съ вами. Дайте мнѣ хоть четверть часа, умоляю васъ.

Приближалась осень, и въ старомъ саду было тихо, грустно и на аллеяхъ лежали темные листья. Уже рано смеркалось.

— Я не видѣлъ васъ цѣлую недѣлю, — продолжалъ Старцевъ, — а если бы вы знали, какое это страданіе! Сядемте. Выслушайте меня.

У обоихъ было любимое мѣсто въ саду: скамья подъ старымъ широкимъ кленомъ. И теперь сѣли на эту скамью.

— Что вамъ угодно? — спросила Екатерина Ивановна сухо, дѣловымъ тономъ.

— Я не видѣлъ васъ цѣлую недѣлю, я не слышалъ васъ такъ долго. Я страстно хочу, я жажду вашего голоса. Говорите.

Она восхищала его своею свѣжестью, наивнымъ выраженіемъ глазъ и щекъ. Даже въ томъ, какъ сидѣло на ней платье, онъ видѣлъ что-то необыкновенно милое, трогательное своей простотой и наивной граціей. И въ то же время, несмотря на эту наивность, она казалась ему очень умной и развитой не по лѣтамъ. Съ ней онъ могъ говорить о литературѣ, объ искусствѣ,

о чемъ угодно, могъ жаловаться ей на жизнь, на людей, хотя во время серьезнаго разговора, случалось, она вдругъ некстати начинала смѣяться, или убѣгала въ домъ. Она, какъ почти всѣ с—кія дѣвушки, много читала (вообще же въ С. читали очень мало, и въ здѣшней библіотекѣ такъ и говорили, что если бы не дѣвушки и не молодые евреи, то хоть закрывай библіотеку); это безконечно нравилось Старцеву, онъ съ волненіемъ спрашивалъ у нея всякій разъ, о чемъ она читала въ послѣдніе дни, и, очарованный, слушалъ, когда она разсказывала.

— Что вы читали на этой недѣлѣ, пока мы не видѣлись?—спросилъ онъ теперь.—Говорите, прошу васъ.

— Я читала Писемскаго.

— Что именно?

— «Тысяча душъ»,—отвѣтила Котикъ. — А какъ смѣшно звали Писемскаго: Алексѣй Феофилактычъ!

— Куда же вы?—ужаснулся Старцевъ, когда она вдругъ встала и пошла къ дому. — Мнѣ необходимо поговорить съ вами, я долженъ объясниться... Побудьте со мной хоть пять минутъ! Заклинаю васъ!

Она остановилась, какъ бы желая что-то сказать, потомъ неловко сунула ему въ руку записку и побѣжала въ домъ, и тамъ опять сѣла за рояль.

«Сегодня, въ одиннадцать часовъ вечера,—прочелъ Старцевъ,—будьте на кладбищѣ возлѣ памятника Деметти».

«Ну, ужъ это совсѣмъ не умно,— подумалъ онъ, придя въ себя.—При чемъ тутъ кладбище? Для чего?»

Было ясно: Котикъ дурачилась. Кому, въ самомъ дѣлѣ, придетъ серьезно въ голову назначать свиданіе ночью, далеко за городомъ, на кладбищѣ, когда это легко можно устроить на улицѣ, въ городскомъ саду? И къ лицу ли ему, земскому доктору, умному, солидному человѣку, вздыхать, получать записочки, таскаться по кладбищамъ, дѣлать глупости, надъ которыми смѣются теперь даже гимназисты? Къ чему поведетъ этотъ романъ? Что скажутъ товарищи, когда узнаютъ? Такъ думалъ Старцевъ, бродя въ клубѣ около столовъ, а въ половинѣ одиннадцатаго вдругъ взялъ и поѣхалъ на кладбище.

У него уже была своя пара лошадей и кучеръ Пантелеймонъ въ бархатной жилеткѣ. Свѣтила луна. Было тихо, тепло, но тепло по-осеннему. Въ предмѣстьи, около боень, выли собаки. Старцевъ оставилъ лошадей на краю города, въ одномъ изъ переулковъ, а самъ пошелъ на кладбище пѣшкомъ. «У всякаго свои странности,— думалъ онъ, — Котикъ тоже странная и — кто знаетъ?—быть-можетъ, она не шутитъ, придетъ»,—и онъ отдался этой слабой, пустой надеждѣ, и она опьянила его.

Съ полверсты онъ прошелъ полемъ. Кладбище обозначалось вдали темной полосой, какъ лѣсъ или большой садъ. Показалась ограда изъ бѣлаго камня, ворота... При лунномъ свѣтѣ на воротахъ можно было прочесть: «Грядетъ часъ въ онь же...» Старцевъ вошелъ въ калитку, и первое, что онъ увидѣлъ, это бѣлые кресты и памятники по обѣ стороны широкой аллеи и черныя тѣни отъ нихъ и отъ тополей; и кругомъ далеко было видно бѣлое и черное, и сонныя деревья склоняли свои вѣтви надъ бѣлымъ. Казалось, что здѣсь было свѣтлѣй, чѣмъ въ полѣ; листья кленовъ, похожіе на лапы, рѣзко выдѣлялись на желтомъ пескѣ аллеи и на плитахъ, и надписи на памятникахъ были ясны. На первыхъ порахъ Старцева поразило то, что онъ видѣлъ теперь первый разъ въ жизни и чего, вѣроятно, больше уже не случится видѣть: міръ, не похожій ни на что другое,—міръ,

гдѣ такъ хорошъ и мягокъ лунный свѣтъ, точно здѣсь его колыбель, гдѣ нѣтъ жизни, нѣтъ и нѣтъ, но въ каждомъ темномъ тополѣ, въ каждой могилѣ чувствуется присутствіе тайны, обѣщающей жизнь тихую, прекрасную, вѣчную. Отъ плитъ и увядшихъ цвѣтовъ, вмѣстѣ съ осеннимъ запахомъ листьевъ, вѣетъ прощеніемъ, печалью и покоемъ.

Кругомъ безмолвіе; въ глубокомъ смиреніи съ неба смотрѣли звѣзды, и шаги Старцева раздавались такъ рѣзко и некстати. И только когда въ церкви стали бить часы, и онъ вообразилъ самого себя мертвымъ, зарытымъ здѣсь навѣки, то ему показалось, что кто-то смотритъ на него, и онъ на минуту подумалъ, что это не покой и не тишина, а глухая тоска небытія, подавленное отчаяніе...

Памятникъ Деметти въ видѣ часовни, съ ангеломъ наверху; когда-то въ С. была проѣздомъ итальянская опера, одна изъ пѣвицъ умерла, ее похоронили и поставили этотъ памятникъ. Въ городѣ уже никто не помнилъ о ней, но лампадка надъ входомъ отражала лунный свѣтъ и, казалось, горѣла.

Никого не было. Да и кто пойдетъ сюда въ полночь? Но Старцевъ ждалъ, и точно лунный свѣтъ подогрѣвалъ въ немъ страсть, ждалъ страстно и рисовалъ въ воображеніи поцѣлуи, объятія... Онъ посидѣлъ около памятника съ полчаса, потомъ прошелся по боковымъ аллеямъ, со шляпой въ рукѣ, поджидая и думая о томъ, сколько здѣсь, въ этихъ могилахъ, зарыто женщинъ и дѣвушекъ, которыя были красивы, очаровательны, которыя любили, сгорали по ночамъ страстью, отдаваясь ласкѣ. Какъ въ сущности не хорошо шутитъ надъ человѣкомъ мать-природа, какъ обидно сознавать это! Старцевъ думалъ такъ, и въ то же время ему хотѣлось закричать, что онъ хочетъ, что онъ ждетъ любви во что бы то ни стало; передъ нимъ бѣлѣли уже не куски мрамора, а прекрасныя тѣла, онъ видѣлъ формы, которыя стыдливо прятались въ тѣни деревьевъ, ощущалъ тепло, и это томленіе становилось тягостнымъ...

И точно опустился занавѣсъ, луна ушла подъ облака, и вдругъ все потемнѣло кругомъ. Старцевъ едва нашелъ ворота,—уже было темно, какъ въ осеннюю ночь,—потомъ часа полтора бродилъ, отыскивая переулокъ, гдѣ оставилъ своихъ лошадей.

— Я усталъ, едва держусь на ногахъ,—сказалъ онъ Пантелеймону. И, садясь съ наслажденіемъ въ коляску, онъ подумалъ:

«Охъ, не надо бы полнѣть!»

III.

На другой день вечеромъ онъ поѣхалъ къ Туркинымъ дѣлать предложеніе. Но это оказалось неудобнымъ, такъ какъ Екатерину Ивановну въ ея комнатѣ причесывалъ парикмахеръ. Она собиралась въ клубъ на танцовальный вечеръ.

Пришлось опять долго сидѣть въ столовой и пить чай. Иванъ Петровичъ, видя, что гость задумчивъ и скучаетъ, вынулъ изъ жилетнаго кармана записочки, прочелъ смѣшное письмо нѣмца-управляющаго о томъ, какъ въ имѣніи испортились всѣ запирательства и обвалилась застѣнчивость.

«А приданаго они дадутъ, должно-быть, не мало», — думалъ Старцевъ, разсѣянно слушая.

Послѣ безсонной ночи онъ находился въ состояніи ошеломленія, точно его опоили чѣмъ-то сладкимъ и усыпляющимъ; на душѣ было туманно, но радостно, тепло, и въ то же время въ головѣ какой-то холодный, тяжелый кусочекъ разсуждалъ:

«Остановись, пока не поздно! Пара ли она тебѣ? Она избалована, каприз-

на, спитъ до двухъ часовъ, а ты дьячковскій сынъ, земскій врачъ...»

«Ну, что-жъ? — думалъ онъ. — И пусть».

«Къ тому же, если ты женишься на ней, — продолжалъ кусочекъ: — то ея родня заставитъ тебя бросить земскую службу и жить въ городѣ».

«Ну, что-жъ? — думалъ онъ. — Въ городѣ, такъ въ городѣ. Дадутъ приданое, заведемъ обстановку...»

Наконецъ, вошла Екатерина Ивановна въ бальномъ платьѣ, декольте, хорошенькая, чистенькая, и Старцевъ залюбовался и пришелъ въ такой восторгъ, что не могъ выговорить ни одного слова, а только смотрѣлъ на нее и смѣялся.

Она стала прощаться, и онъ—оставаться тутъ ему было уже незачѣмъ—поднялся, говоря, что ему пора домой: ждутъ больные.

— Дѣлать нечего,—сказалъ Иванъ Петровичъ: — поѣзжайте, кстати же подвезете Котика въ клубъ.

На дворѣ накрапывалъ дождь, было очень темно, и только по хриплому кашлю Пантелеймона можно было угадать, гдѣ лошади. Подняли у коляски верхъ.

— Я иду по ковру, ты идешь, пока врешь,—говоритъ Иванъ Петровичъ, усаживая дочь въ коляску:—онъ идетъ, пока вретъ... Трогай! Прощайте пожалуйста!

Поѣхали.

— А я вчера былъ на кладбищѣ,—началъ Старцевъ.—Какъ это не великодушно и немилосердно съ вашей стороны...

— Вы были на кладбищѣ?

— Да, я былъ тамъ и ждалъ васъ почти до двухъ часовъ. Я страдалъ...

— И страдайте, если вы не понимаете шутокъ.

Екатерина Ивановна, довольная, что такъ хитро подшутила надъ влюбленнымъ и что ее такъ сильно любятъ, захохотала и вдругъ вскрикнула отъ испуга, такъ какъ въ это самое время лошади круто поворачивали въ ворота клуба и коляска накренилась. Старцевъ обнялъ Екатерину Ивановну за талію; она, испуганная, прижалась къ нему, и онъ не удержался и страстно поцѣловалъ ее въ губы, въ подбородокъ и сильнѣе обнялъ.

— Довольно,—сказала она сухо.

И чрезъ мгновеніе ея уже не было въ коляскѣ, и городовой около освѣщеннаго подъѣзда клуба кричалъ отвратительнымъ голосомъ на Пантелеймона:

— Чего сталъ, ворона? Проѣзжай дальше!

Старцевъ поѣхалъ домой, но скоро вернулся. Одѣтый въ чужой фракъ и бѣлый жесткій галстукъ, который какъ-то все топорщился и хотѣлъ сползти съ воротничка, онъ въ полночь сидѣлъ въ клубѣ въ гостиной и говорилъ Екатеринѣ Ивановнѣ съ увлеченіемъ:

— О, какъ мало знаютъ тѣ, которые никогда не любили! Мнѣ кажется, никто еще не описалъ вѣрно любви, и едва ли можно описать это нѣжное, радостное, мучительное чувство, и кто испыталъ его хоть разъ, тотъ не станетъ передавать его на словахъ. Къ чему предисловія, описанія? Къ чему ненужное краснорѣчіе? Любовь моя безгранична... Прошу, умоляю васъ,—выговорилъ, наконецъ, Старцевъ:—будьте моей женой!

— Дмитрій Іонычъ,—сказала Екатерина Ивановна съ очень серьезнымъ выраженіемъ, подумавъ.—Дмитрій Іонычъ, я очень вамъ благодарна за честь, я васъ уважаю, но...—она встала и продолжала, стоя:—но, извините, быть вашей женой я не могу. Будемъ говорить серьезно. Дмитрій Іонычъ, вы знаете, больше всего въ жизни я люблю искусство, я безумно люблю, обожаю музыку, ей я посвятила всю свою жизнь. Я хочу быть

артисткой, я хочу славы, успѣховъ, свободы, а вы хотите, чтобы я продолжала жить въ этомъ городѣ, продолжала эту пустую, безполезную жизнь, которая стала для меня невыносима. Сдѣлаться женой—о, нѣтъ, простите! Человѣкъ долженъ стремиться къ высшей, блестящей цѣли, а семейная жизнь связала бы меня навѣки. Дмитрій Іонычъ (она чуть-чуть улыбнулась, такъ какъ, произнеся «Дмитрій Іонычъ», вспомнила «Алексѣй Феофилактычъ»), Дмитрій Іонычъ, вы добрый, благородный, умный человѣкъ, вы лучше всѣхъ... — у нея слезы навернулись на глазахъ,—я сочувствую вамъ всей душой, но... но вы поймете...

И, чтобы не заплакать, она отвернулась и вышла изъ гостиной.

У Старцева перестало безпокойно биться сердце. Выйдя изъ клуба на улицу, онъ, прежде всего, сорвалъ съ себя жесткій галстукъ и вздохнулъ всей грудью. Ему было немножко стыдно и самолюбіе его было оскорблено, — онъ не ожидалъ отказа, — и не вѣрилось, что всѣ его мечты, томленія и надежды привели его къ такому глупенькому концу, точно въ маленькой пьесѣ на любительскомъ спектаклѣ. И жаль было своего чувства, этой своей любви, такъ жаль, что, кажется, взялъ бы и зарыдалъ или изо всей силы хватилъ бы зонтикомъ по широкой спинѣ Пантелеймона.

Дня три у него дѣло валилось изъ рукъ, онъ не ѣлъ, не спалъ, но когда до него дошелъ слухъ, что Екатерина Ивановна уѣхала въ Москву поступать въ консерваторію, онъ успокоился и зажилъ попрежнему.

Потомъ, иногда вспоминая, какъ онъ бродилъ по кладбищу, или какъ ѣздилъ по всему городу и отыскивалъ фракъ, онъ лѣниво потягивался и говорилъ:

— Сколько хлопотъ, однако!

IV.

Прошло четыре года. Въ городѣ у Старцева была уже большая практика. Каждое утро онъ спѣшно принималъ больныхъ у себя въ Дялижѣ, потомъ уѣзжалъ къ городскимъ больнымъ, уѣзжалъ уже не на парѣ, а на тройкѣ съ бубенчиками, и возвращался домой поздно ночью. Онъ пополнѣлъ, раздобрѣлъ и неохотно ходилъ пѣшкомъ, такъ какъ страдалъ одышкой. И Пантелеймонъ тоже пополнѣлъ, и чѣмъ онъ больше росъ въ ширину, тѣмъ печальнѣе вздыхалъ и жаловался на свою горькую участь: ѣзда одолѣла!

Старцевъ бывалъ въ разныхъ домахъ и встрѣчалъ много людей, но ни съ кѣмъ не сходился близко. Обыватели своими разговорами, взглядами на жизнь и даже своимъ видомъ раздражали его. Опытъ научилъ его мало-по-малу, что пока съ обывателемъ играешь въ карты или закусываешь съ нимъ, то это мирный, благодушный и даже не глупый человѣкъ, но стоитъ только заговорить съ нимъ о чемъ-нибудь несъѣдобномъ, напримѣръ, о политикѣ или наукѣ, какъ онъ становится втупикъ или заводитъ такую философію, тупую и злую, что остается только рукой махнуть и отойти. Когда Старцевъ пробовалъ заговорить даже съ либеральнымъ обывателемъ, напримѣръ, о томъ, что человѣчество, слава Богу, идетъ впередъ и что современемъ оно будетъ обходиться безъ паспортовъ и безъ смертной казни, то обыватель глядѣлъ на него искоса и недовѣрчиво и спрашивалъ: «Значитъ, тогда всякій можетъ рѣзать на улицѣ кого угодно?» А когда Старцевъ въ обществѣ, за ужиномъ или чаемъ, говорилъ о томъ, что нужно трудиться, что безъ труда жить нельзя, то всякій принималъ это за упрекъ и начиналъ сердиться и

назойливо спорить. При всемъ томъ обыватели не дѣлали ничего, рѣшительно ничего, и не интересовались ничѣмъ, и никакъ нельзя было придумать, о чемъ говорить съ ними. И Старцевъ избѣгалъ разговоровъ, а только закусывалъ и игралъ въ винтъ, и когда заставалъ въ какомъ-нибудь домѣ семейный праздникъ и его приглашали откушать, то онъ садился и ѣлъ молча, глядя въ тарелку; и все, что въ это время говорили, было неинтересно, несправедливо, глупо, онъ чувствовалъ раздраженіе, волновался, но молчалъ. И за то, что онъ всегда сурово молчалъ и глядѣлъ въ тарелку, его прозвали въ городѣ «полякъ надутый», хотя онъ никогда полякомъ не былъ.

Отъ такихъ развлеченій, какъ театръ и концерты, онъ уклонялся, но зато въ винтъ игралъ каждый вечеръ, часа по три, съ наслажденіемъ. Было у него еще одно развлеченіе, въ которое онъ втянулся незамѣтно, мало-помалу, это—по вечерамъ вынимать изъ кармановъ бумажки, добытыя практикой, и, случалось, бумажекъ—желтыхъ и зеленыхъ, отъ которыхъ пахло духами, и уксусомъ, и ладаномъ, и ворванью,—было понапихано во всѣ карманы рублей на семьдесятъ; и когда собиралось нѣсколько сотъ, онъ отвозилъ въ «Общество взаимнаго кредита» и клалъ тамъ на текущій счетъ.

За всѣ четыре года послѣ отъѣзда Екатерины Ивановны онъ былъ у Туркиныхъ только два раза, по приглашенію Вѣры Іосифовны, которая все еще лѣчилась отъ мигрени. Каждое лѣто Екатерина Ивановна пріѣзжала къ родителямъ погостить, но онъ не видѣлъ ея ни разу; какъ-то не случалось.

Но вотъ прошло четыре года. Въ одно тихое, теплое утро въ больницу принесли письмо: Вѣра Іосифовна писала Дмитрію Іонычу, что очень соскучилась по немъ и просила его непремѣнно пожаловать къ ней и облегчить ея страданія, и кстати же сегодня день ея рожденія. Внизу была приписка: «Къ просьбѣ мамы присоединяюсь и я. К.»

Старцевъ подумалъ и вечеромъ поѣхалъ къ Туркинымъ.

— А, здравствуйте пожалуйста!—встрѣтилъ его Иванъ Петровичъ, улыбаясь одними глазами.—Бонжурте.

Вѣра Іосифовна, уже сильно постарѣвшая, съ бѣлыми волосами, пожала Старцеву руку, манерно вздохнула и сказала:

— Вы, докторъ, не хотите ухаживать за мной, никогда у насъ не бываете, я уже стара для васъ. Но вотъ пріѣхала молодая, быть-можетъ, она будетъ счастливѣе.

А Котикъ? Она похудѣла, поблѣднѣла, стала красивѣе и стройнѣе; но уже это была Екатерина Ивановна, а не Котикъ; уже не было прежней свѣжести и выраженія дѣтской наивности, и во взглядѣ, въ манерахъ было что-то новое—несмѣлое и виноватое, точно здѣсь, въ домѣ Туркиныхъ, она уже не чувствовала себя дома.

— Сколько лѣтъ, сколько зимъ!—сказала она, подавая Старцеву руку, и было видно, что у нея тревожно билось сердце; и пристально, съ любопытствомъ глядя ему въ лицо, она продолжала: — Какъ вы пополнѣли! Вы загорѣли, возмужали, но въ общемъ вы мало измѣнились.

И теперь она ему нравилась, очень нравилась, но чего-то уже не доставало въ ней, или что-то было лишнее—онъ и самъ не могъ бы сказать, что̀ именно, но что-то уже мѣшало ему чувствовать, какъ прежде. Ему не нравилась ея блѣдность, новое выраженіе, слабая улыбка, голосъ, а немного погодя уже не нравилось платье, кресло, въ которомъ она сидѣла, не нравилось что-то въ прошломъ, когда

онъ едва не женился на ней. Онъ вспомнилъ о своей любви, о мечтахъ и надеждахъ, которыя волновали его четыре года назадъ,—и ему стало стыдно.

Пили чай со сладкимъ пирогомъ. Потомъ Вѣра Іосифовна читала вслухъ романъ, читала о томъ, чего никогда не бываетъ въ жизни, а Старцевъ слушалъ, глядѣлъ на ея сѣдую, красивую голову и ждалъ, когда она кончитъ.

«Бездаренъ, — думалъ онъ, — не тотъ, кто не умѣетъ писать повѣстей, а тотъ, кто ихъ пишетъ и не умѣетъ скрыть этого».

— Не дурственно,—сказалъ Иванъ Петровичъ.

Потомъ Екатерина Ивановна играла на рояли шумно и долго, и, когда кончила, ее долго благодарили и восхищались ею.

«А хорошо, что я на ней не женился»,—подумалъ Старцевъ.

Она смотрѣла на него и, повидимому, ждала, что онъ предложитъ ей пойти въ садъ, но онъ молчалъ.

— Давайте же поговоримъ,—сказала она, подходя къ нему.—Какъ вы живете? Что у васъ? Какъ? Я всѣ эти дни думала о васъ,—продолжала она нервно:—я хотѣла послать вамъ письмо, хотѣла сама поѣхать къ вамъ въ Дялижъ, и я уже рѣшила поѣхать, но потомъ раздумала—Богъ знаетъ, какъ вы теперь ко мнѣ относитесь. Я съ такимъ волненіемъ ожидала васъ сегодня. Ради Бога, пойдемте въ садъ.

Они пошли въ садъ и сѣли тамъ на скамью подъ старымъ кленомъ, какъ четыре года назадъ. Было темно.

— Какъ же вы поживаете?—спросила Екатерина Ивановна.

— Ничего, живемъ понемножку,—отвѣтилъ Старцевъ.

И ничего не могъ больше придумать. Помолчали.

— Я волнуюсь,—сказала Екатерина Ивановна и закрыла руками лицо:—но вы не обращайте вниманія. Мнѣ такъ хорошо дома, я такъ рада видѣть всѣхъ и не могу привыкнуть. Сколько воспоминаній! Мнѣ казалось, что мы будемъ говорить съ вами безъ умолку, до утра.

Теперь онъ видѣлъ близко ея лицо, блестящіе глаза, и здѣсь, въ темнотѣ, она казалась моложе, чѣмъ въ комнатѣ, и даже какъ будто вернулось къ ней ея прежнее дѣтское выраженіе. И въ самомъ дѣлѣ, она съ наивнымъ любопытствомъ смотрѣла на него, точно хотѣла поближе разглядѣть и понять человѣка, который когда-то любилъ ее такъ пламенно, съ такой нѣжностью и такъ несчастливо; ея глаза благодарили его за эту любовь. И онъ вспомнилъ все, что было, всѣ малѣйшія подробности, какъ онъ бродилъ по кладбищу, какъ потомъ подъ утро, утомленный, возвращался къ себѣ домой, и ему вдругъ стало грустно и жаль прошлаго. Въ душѣ затеплился огонекъ.

— А помните, какъ я провожалъ васъ на вечеръ въ клубъ?—сказалъ онъ.—Тогда шелъ дождь, было темно...

Огонекъ все разгорался въ душѣ, и уже хотѣлось говорить, жаловаться на жизнь...

— Эхъ!—сказалъ онъ со вздохомъ.—Вы вотъ спрашиваете, какъ я поживаю. Какъ мы поживаемъ тутъ? Да никакъ. Старимся, полнѣемъ, опускаемся. День да ночь,—сутки прочь, жизнь проходитъ тускло, безъ впечатлѣній, безъ мыслей... Днемъ нажива, а вечеромъ клубъ, общество картежниковъ, алкоголиковъ, хрипуновъ, которыхъ я терпѣть не могу. Что хорошаго?

— Но у васъ работа, благородная цѣль въ жизни. Вы такъ любили говорить о своей больницѣ. Я тогда была какая-то странная, воображала себя великой піанисткой. Теперь всѣ барышни играютъ на рояли и я тоже

играла, какъ всѣ, и ничего во мнѣ не было особеннаго; я такая же піанистка, какъ мама писательница. И конечно, я васъ не понимала тогда, но потомъ, въ Москвѣ, я часто думала о васъ. Я только о васъ и думала. Какое это счастье быть земскимъ врачомъ, помогать страдальцамъ, служить народу. Какое счастье!—повторила Екатерина Ивановна съ увлеченіемъ.—Когда я думала о васъ въ Москвѣ, вы представлялись мнѣ такимъ идеальнымъ, возвышеннымъ...

Старцевъ вспомнилъ про бумажки, которыя онъ по вечерамъ вынималъ изъ кармановъ съ такимъ удовольствіемъ, и огонекъ въ душѣ погасъ.

Онъ всталъ, чтобы идти къ дому. Она взяла его подъ руку.

— Вы лучшій изъ людей, которыхъ я знала въ своей жизни,—продолжала она.—Мы будемъ видѣться, говорить, не правда ли? Обѣщайте мнѣ. Я не піанистка, на свой счетъ я уже не заблуждаюсь и не буду при васъ ни играть, ни говорить о музыкѣ.

Когда вошли въ домъ и Старцевъ увидѣлъ при вечернемъ освѣщеніи ея лицо и грустные, благодарные, испытующіе глаза, обращенные на него, то почувствовалъ безпокойство и подумалъ опять:

«А хорошо, что я тогда не женился».—

Онъ сталъ прощаться.

— Вы не имѣете никакаго римскаго права уѣзжать безъ ужина,—говорилъ Иванъ Петровичъ, провожая его. — Это съ вашей стороны весьма перпендикулярно. А ну-ка, изобрази!—сказалъ онъ, обращаясь въ передней къ Павѣ.

Пава, уже не мальчикъ, а молодой человѣкъ съ усами, сталъ въ позу, поднялъ вверхъ руку и сказалъ трагическимъ голосомъ:

— Умри, несчастная!

Все это раздражало Старцева. Садясь въ коляску и глядя на темный домъ и садъ, которые были ему такъ милы и дороги когда-то, онъ вспомнилъ все сразу—и романы Вѣры Іосифовны, и шумную игру Котика, и остроуміе Ивана Петровича, и трагическую позу Павы, и подумалъ, что если самые талантливые люди во всемъ городѣ такъ бездарны, то каковъ же долженъ быть городъ.

Черезъ три дня Пава принесъ письмо отъ Екатерины Ивановны.

«Вы не ѣдете къ намъ. Почему?—писала она.—Я боюсь, что вы измѣнились къ намъ; я боюсь, и мнѣ страшно отъ одной мысли объ этомъ. Успокойте же меня, пріѣзжайте и скажите, что все хорошо.

«Мнѣ необходимо поговорить съ вами. Ваша Е. Т.»

Онъ прочелъ это письмо, подумалъ и сказалъ Павѣ:

— Скажи, любезный, что сегодня я не могу пріѣхать, я очень занятъ. Пріѣду, скажи, такъ, дня черезъ три.

Но прошло три дня, прошла недѣля, а онъ все не ѣхалъ. Какъ-то, проѣзжая мимо дома Туркиныхъ, онъ вспомнилъ, что надо бы заѣхать хоть на минутку, но подумалъ и... не заѣхалъ.

И больше ужъ онъ никогда не бывалъ у Туркиныхъ.

V.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Старцевъ еще больше пополнѣлъ, ожирѣлъ, тяжело дышитъ и уже ходитъ откинувъ назадъ голову. Когда онъ, пухлый, красный, ѣдетъ на тройкѣ съ бубенчиками и Пантелеймонъ, тоже пухлый и красный, съ мясистымъ затылкомъ сидитъ на козлахъ, протянувъ впередъ прямыя, точно деревянныя, руки, и кричитъ встрѣчнымъ «Прррава держи!», то картина бываетъ внушительная, и кажется, что ѣдетъ не человѣкъ, а языческій богъ. У него

въ городѣ громадная практика, некогда вздохнуть, и уже есть имѣніе и два дома въ городѣ, и онъ облюбовываетъ себѣ еще третій, повыгоднѣе, и когда ему въ «Обществѣ взаимнаго кредита» говорятъ про какой-нибудь домъ, назначенный къ торгамъ, то онъ безъ церемоніи идетъ въ этотъ домъ и, проходя черезъ всѣ комнаты, не обращая вниманія на неодѣтыхъ женщинъ и дѣтей, которыя глядятъ на него съ изумленіемъ и страхомъ, тычетъ во всѣ двери палкой и говоритъ:

— Это кабинетъ? Это спальня? А тутъ что?

И при этомъ тяжело дышитъ и вытираетъ со лба потъ.

У него много хлопотъ, но все же онъ не бросаетъ земскаго мѣста; жадность одолѣла, хочется поспѣть и здѣсь, и тамъ. Въ Дялижѣ и въ городѣ его зовутъ уже просто Іонычемъ.—«Куда это Іонычъ ѣдетъ?» или: «Не пригласить ли на консиліумъ Іоныча?»

Вѣроятно оттого, что горло заплыло жиромъ, голосъ у него измѣнился, сталъ тонкимъ и рѣзкимъ. Характеръ у него тоже измѣнился; сталъ тяжелымъ, раздражительнымъ. Принимая больныхъ, онъ обыкновенно сердится, нетерпѣливо стучитъ палкой о полъ и кричитъ своимъ непріятнымъ голосомъ:

— Извольте отвѣчать только на вопросы! Не разговаривать!

Онъ одинокъ. Живется ему скучно, ничто его не интересуетъ.

За все время, пока онъ живетъ въ Дялижѣ, любовь къ Котику была его единственной радостью и, вѣроятно, послѣдней. По вечерамъ онъ играетъ въ клубѣ въ винтъ и потомъ сидитъ одинъ за большимъ столомъ и ужинаетъ. Ему прислуживаетъ лакей Иванъ, самый старый и почтенный, подаютъ ему лафитъ № 17, и уже всѣ—и старшины клуба, и поваръ, и лакей—знаютъ, что онъ любитъ и чего не любитъ, стараются изо всѣхъ силъ угодить ему, а то, чего добраго, разсердится вдругъ и станетъ стучать палкой о-полъ.

Ужиная, онъ изрѣдка оборачивается и вмѣшивается въ какой-нибудь разговоръ.

— Это вы про что? А? Кого?

И когда, случается, по сосѣдству за какимъ-нибудь столомъ заходитъ рѣчь о Туркиныхъ, то онъ спрашиваетъ:

— Это вы про какихъ Туркиныхъ? Это про тѣхъ, что дочка играетъ на фортепьянахъ?

Вотъ и все, что можно сказать про него.

А Туркины? Иванъ Петровичъ не постарѣлъ, нисколько не измѣнился и попрежнему все остритъ и разсказываетъ анекдоты; Вѣра Іосифовна читаетъ гостямъ свои романы попрежнему охотно, съ сердечной простотой. А Котикъ играетъ на рояли каждый день, часа по четыре. Она замѣтно постарѣла, похварываетъ и каждую осень уѣзжаетъ съ матерью въ Крымъ. Провожая ихъ на вокзалѣ, Иванъ Петровичъ, когда трогается поѣздъ, утираетъ слезы и кричитъ:

— Прощайте пожалуйста!

И машетъ платкомъ

ИЗЪ ЭМИЛЯ КЛААРА.

Жизнь.

Увидишь-ли ты, какъ случайная тѣнь на стѣнѣ
Скользнетъ безъ слѣда;
Увидишь-ли ты, какъ расползшихся врозь облаковъ
Исчезнетъ гряда;
Увидишь-ли ты, какъ растаетъ туманъ въ золотомъ
Просторѣ полей,—
Увидишь начало тогда и увидишь конецъ
Ты жизни своей.

Свиданіе.

Ты безъ горечи, я знаю,
Рѣчи сладкія твердила;
Но глубокой скорби сердца
Отъ меня не утаила.

И въ твоей улыбкѣ дѣтской,
И въ твоемъ невинномъ взорѣ
Я давно читала повѣсть
О твоемъ недѣтскомъ горѣ.

О, довѣрься мнѣ, какъ другу:
Въ этой гордости—что толку!
Ворковать не станемъ больше,
А поплачемъ втихомолку.

Что случилось—то случилось;
Виноватаго не сыщемъ!
Но—ни жалобъ, ни упрековъ
Надъ завѣтнымъ пепелищемъ!

Сродни.

На дорогѣ лежащій увядшій цвѣтокъ,
Эхо, въ чащѣ лѣсной потонувшее,
Чуть успѣвшій блеснуть на вѣтру огонекъ—
Шлютъ поклонъ тебѣ, счастье минувшее!

В. С. Лихачовъ.

Обреченные на гибель.

Повѣсть В. Я. Свѣтлова.

(Продолженіе.)

XX.

— Дай мнѣ всѣ твои книги, всѣ твои сочиненія, — сказала однажды Лизавета Демидовна мужу.

— Зачѣмъ?—спросилъ онъ.

— Вотъ мило! Онъ спрашиваетъ— зачѣмъ? Чтобы читать, понятно. Я хочу знать всѣ твои мысли, всѣ думы, узнать изъ твоихъ романовъ, какъ ты чувствовалъ, какъ любилъ...

— Но ты, Лизокъ, говорила давно, что ты ихъ читала...

Она немного сконфузилась и покраснѣла.

— Да, я брала ихъ, но не успѣла прочесть всѣхъ. Ихъ такъ много...

Она забиралась съ ногами на диванъ, забивалась въ уголокъ и читала. Онъ садился за столъ работать. Мечта его осуществлялась... Картина, давно создавшаяся въ его воображеніи, сбылась.

Порой она прерывала чтеніе восклицаніемъ:

— Какая прелесть! Откуда ты берешь это? Вотъ эта вещь тебѣ съ неба свалилась... ее нельзя было выдумать... она создалась прямо, наитіемъ, вдохновеніемъ.

Когда она натыкалась на любовную сцену въ романѣ, она не могла не надуть губки и не хмуриться.

Онъ оборачивался къ ней, замѣчалъ, что она не въ духѣ, и робко говорилъ ей:

— Что съ тобой, Лиза? Ты чѣмъ-то недовольна? Тебѣ не нравится?

— Ахъ, нѣтъ, не то! Опять любовная сцена..

— Такъ что-жъ!

— Я ревную: ты писалъ съ натуры... Кто она? Блондинка или брюнетка? Ты любилъ ее? Очень? Больше меня?

— Глупенькая!..

— Нѣтъ, не отвиливай... говори правду! Такую сцену нужно было пережить... такой обстановки не придумать... Сознавайся...

— Это вымыселъ...

— Неправда, неправда... Признавайся... Ты очень любилъ эту героиню?

— Какую?..

— Не представляйся... съ которой ты списалъ этотъ портретъ...

— Ахъ, Лизокъ, никогда не задавай писателю такихъ вопросовъ! Художественная литература черпаетъ матеріалъ изъ жизни... Жизнь даетъ ей героевъ, факты, событія и обстановку. Безъ натуры ничего не выдумаешь; но нельзя списывать; можно заимствовать что-либо и заимствованное переработать въ горнилѣ художественнаго творчества...

— Этого я не понимаю. Объясни, что это значитъ!

— Это значитъ... Положимъ, тебя заинтересовало извѣстное лицо; если ты буквально изобразишь его въ своемъ романѣ или повѣсти—выйдетъ портретъ, но не типъ, протоколъ, а не художественное творчество. Но когда

ты проанализируешь то, что тебя заинтересовало въ немъ, когда ты отбросишь все мелкое и ненужное, выдѣлишь и оттѣнишь все важное и существенное, преувеличишь одно, уменьшишь другое, придашь рельефность и окраску согласно идеѣ, замыслу, фабулѣ, вообще найдешь полную гармонію,—то ты создашь типъ, живое лицо, далекое отъ прототипа... Трудно тогда сказать, что въ этомъ созданіи вымышлено, что взято изъ жизни; какая черточка принадлежитъ автору, какая натурѣ... Какъ же ты хочешь, чтобы я тебѣ отвѣтилъ?..

Она продолжала чтеніе, онъ—работу; и онъ не могъ понять, удовлетворилась ли она его объясненіемъ.

Иногда книга выпадала у нея изъ рукъ, скользила по дивану и падала на полъ. Съ полураскрытыми губками, обнажавшими рядъ прелестныхъ бѣлыхъ зубовъ, она засыпала.

Онъ глядѣлъ на нее съ восторгомъ и любовью. Вся собравшись въ комочекъ, въ углу дивана, съ зажмуренными глазами, она удивительно походила на кошечку. Поцѣловавъ ее, онъ забиралъ жену, какъ ребенка, на руки и переносилъ на кровать, гдѣ она окончательно засыпала.

Потомъ возвращался къ столу, садился работать; но вдругъ онъ спрашивалъ себя, на какомъ именно мѣстѣ книги заснула Лиза? Онъ шелъ къ дивану, подымалъ томикъ и читалъ ту страницу, которая погрузила въ сонъ жену.

Это всегда было какое-либо отвлеченное философское разсужденіе или картинное описаніе природы, словомъ одна изъ тѣхъ страницъ, написанныхъ сплошь, безъ «разговоровъ», безъ короткихъ строкъ; эти сплошныя страницы производятъ на дамъ-читательницъ обыкновенно удручающее впечатлѣніе, результатомъ котораго является гипнотическій сонъ...

Часто Лиза обращалась къ мужу съ просьбой:

— Спроси у меня роль!..

Это ему всегда очень нравилось. Онъ откладывалъ перо и брался за тетрадку. Онъ подавалъ реплики. Она «отвѣчала» роль...

— Ну же, ну?—торопила она его, когда вдругъ запиналась и останавливалась на полуфразѣ.

— Оставь, не надо... сама знаю,—говорила она, когда онъ начиналъ ей подсказывать въ тѣхъ мѣстахъ, которыя она твердо знала.

— Какъ сказать эту фразу?—спрашивала она. И онъ указывалъ ей, объяснялъ психологію типа, который она должна была создавать на сценѣ.

Она всегда въ такихъ случаяхъ говорила, что и сама такъ думала, сама представляла себѣ именно такъ, но не умѣла это только выразить словами такъ гладко, какъ онъ, и не могла пока найти надлежащаго тона, но, если бы онъ ея не торопилъ, несомнѣнно нашла бы.

— Но когда же я тебя торопилъ?—смѣялся онъ.

Въ дни, когда не было репетицій и когда Лиза не была занята въ спектаклѣ, она иногда садилась за рояль. Играла она плоховато, по-дѣтски, безъ души, безъ отдѣлки, но довольно свободно читала ноты.

«Въ ея игрѣ много простоты»,—думалъ онъ.

У нея былъ недурной голосокъ. Ему очень нравилось, когда она пѣла. Голосъ ея былъ небольшой, но чистый и пріятный. Если онъ ее просилъ пѣть, она не сразу соглашалась.

— Спой, Лиза, что-нибудь.

— Я не въ голосѣ, милый...

— Ну, не все равно? Вѣдь не передъ публикой...

— Нѣтъ, дорогой, не могу... сегодня не могу, право.

Она лѣниво перебирала клавиши и

въ концѣ концовъ все-таки начинала пѣть вполголоса, потомъ громче и громче:

Въ саду жасминъ благоухалъ,
Бѣлѣя на цвѣтномъ газонѣ,
И майскимъ утромъ разъ вздыхалъ
О нѣжномъ розовомъ бутонѣ...

Романсъ заканчивался слѣдующими словами:

Но вотъ сбылись желанья всѣ:
Ихъ майской ночью обвѣнчали,
Когда во всей своей красѣ
На травкѣ свѣтляки мерцали...
Жасминъ былъ въ розу такъ влюбленъ,
О счастьи грезилъ безмятежно...
Но утромъ убѣдился онъ,
Что есть шипы у розы нѣжной...

Она захлопывала крышку рояля съ хохотомъ и кидалась къ нему на шею съ поцѣлуями.

— Ты—жасминъ, я—роза...

— Почему? Я еще не вижу шиповъ...

— Ты скоро убѣдишься...

— Пустяки... не вѣрю...

«Жасминъ и роза» былъ излюбленнымъ романсомъ Лизаветы Демидовны. Когда на нее находилъ музыкальный стихъ, она готова была безъ устали пѣть его и повторять безсчетное число разъ.

Весеньевъ давно уже выучилъ этотъ романсъ наизусть, но каждый разъ съ новымъ удовольствіемъ слушалъ ея пѣніе и наслаждался звуками ея чистаго, звонкаго голоска...

Первый день, въ который онъ присутствовалъ на спектаклѣ въ качествѣ не простого зрителя, а «мужа ingenue», былъ очень радостенъ. Онъ зналъ ея роль слово въ слово и съ интересомъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ она играла. Ничто и никто другой не существовали для него на сценѣ, кромѣ ея одной. Онъ ловилъ каждую ея фразу, каждую перемѣну интонаціи.

«А, это она сказала по-моему... я ее такъ училъ... вотъ-вотъ... хорошо... а это нѣтъ, не усвоила... Это мѣсто ей вообще не давалось...»

Если ей аплодировали, если вызывали, онъ расцвѣталъ душой и изнывалъ отъ благодарныхъ чувствъ къ залѣ, къ зрителямъ... Онъ оглядывался на аплодировавшихъ, они ему казались друзьями, и онъ готовъ былъ любить ихъ.

«Нѣтъ, что ни говори, публика всегда справедлива, публика очень чутка и всегда оцѣнитъ настоящее дарованіе...»

Если, напротивъ, публика принимала ее холодно и сухо, онъ увядалъ и приходилъ въ уныніе или въ озлобленіе; онъ готовъ былъ ворчать и ругаться.

«Публика бараны,—думалъ онъ.— И ничего она не понимаетъ въ искусствѣ... просто стадо, ничего больше...»

Чаще ему приходилось возвращаться домой во второмъ состояніи духа. Лизавета Демидовна, оставшаяся на сценѣ подъ фамиліей Рюминой, продолжала не имѣть успѣха у публики. Критика оставила ее въ покоѣ — ее больше не трогали. Но это было хуже всего: ее похоронили заживо, замолчали. Рядомъ съ гробовымъ молчаніемъ, образовавшимся вокругъ ея имени въ газетахъ, шелъ попрежнему шумъ и гамъ вокругъ имени Маревой, которая заняла положеніе настоящей восходящей звѣзды.

Это очень огорчало Рюмину и Весеньева, но большая заслуга была за ней, ибо это огорченіе она умѣла оставлять за кулисами театра или въ уборной и не приносила его въ домъ. Дома они избѣгали говорить о театральныхъ дѣлахъ, о неудачахъ, объ огорченіяхъ; но малѣйшій успѣхъ раздувался обоими и обоихъ приводилъ въ неестественно-радостное, почти возбужденное состояніе.

Но успѣховъ было мало и съ каждымъ разомъ становилось меньше и меньше...

Виталій Николаевичъ тоже умѣлъ

оставлять свои неудачи внѣ стѣнъ дома. Онъ никогда не говорилъ о непріятныхъ встрѣчахъ съ непріятными людьми, о литературныхъ дрязгахъ и сплетняхъ, о томъ, какъ противъ него интриговали въ редакціяхъ, подставляли ножку мнимые друзья и клеветали явные враги.

Приходя домой, онъ радостно шелъ къ Лизѣ, обнималъ и цѣловалъ ее, забывая весь міръ, всѣ огорченія, всю людскую злобу и ненависть.

Поэтому счастье и согласіе царили въ домѣ.

Отношенія обоихъ супруговъ къ Нютѣ тоже какъ-то сами собой урегулировались. Нюта снова стала дружна, тепла и искренна съ братомъ; они теперь гораздо меньше видѣлись, чѣмъ прежде, и Виталій иногда не проявлялъ уже къ ней той мелочной внимательности, какою отличался раньше, но зато сталъ къ ней относиться болѣе любовно, чѣмъ во время ихъ краткой размолвки, и Нюта охотно прощала ему его забывчивость и упущенья, отлично сознавая, что ему теперь не до того; она сумѣла отнестись къ этому разумно, безъ обиды.

Отношенія ея къ Лизаветѣ Демидовнѣ остались тѣ же: сдержанныя и формальныя, но всегда деликатныя, тактичныя, наружно-пріятныя.

Виталію, въ его продолжавшемся ослѣпленіи, казалось, напротивъ, что двѣ женщины удивительно скоро сходятся и начинаютъ любить другъ друга.

Что касается Рюминой, то она относилась къ Нютѣ просто вполнѣ равнодушно, стараясь, однако, всѣми силами скрыть это отъ нея и отъ мужа.

Лиза съ Нютой видѣлась по утрамъ, а затѣмъ до самаго ухода въ театръ она не заходила въ комнату больной.

Такимъ образомъ Нюта была бы совершенно покинута, если бы Катя не удвоила своего вниманія и преданности, если бы Покорскій не удвоилъ количества своихъ визитовъ и если бы Загорскій не посѣщалъ ее почти ежедневно.

И мало-по-малу она перестала тосковать о братѣ, понемногу привыкала къ его отсутствію и отучалась отъ его общества. Но любовь ея къ нему нисколько не уменьшалась, а, напротивъ, становилась теперь глубже, строже, серьезнѣе...

———

Дни шли за днями и исчезали въ пучинѣ времени до такой степени незамѣтно, что Весеньеву казалось, будто прошло нѣсколько дней со времени свадьбы, между тѣмъ какъ прошло уже около трехъ мѣсяцевъ.

За это время онъ окончилъ одну повѣсть, прочелъ ее Лизѣ, которая нашла ее превосходной, и отнесъ рукопись въ редакцію.

XXI.

Повѣсть Весеньева, появившаяся вскорѣ въ выдающемся ежемѣсячномъ журналѣ, произвела сенсацію въ литературныхъ кружкахъ, въ читающей публикѣ и въ критикѣ. О ней заговорили. Таировъ написалъ очень обстоятельную, очень серьезную и очень большую статью, что съ нимъ случалось рѣдко.

Весеньевъ радовался и съ наслажденіемъ читалъ отзывы о своемъ новомъ произведеніи. До сихъ поръ о немъ отзывались на-двое: его хвалили, но всегда болѣе или менѣе умѣренно; нѣкоторые его замалчивали, въ особенности Таировъ, слово котораго было вѣско и весьма цѣнилось публикой и товарищами по перу, которые, однако, предпочитали въ этомъ не сознаваться. Но разъ «самъ» Таировъ сломалъ печать молчанія, можно было быть увѣреннымъ, что имя писателя «сдѣлано».

Онъ былъ счастливъ. Теперь у него

было все: громкое литературное имя, деньги, много работы, любимая жена. Все вмѣстѣ какъ-то неожиданно, разомъ соединилось, чтобы освѣтить жизнь его радужными огнями. Эту удачу онъ, не безъ суевѣрія, приписывалъ своей женѣ.

— Посмотри, Лиза, какъ я пошелъ въ гору... и это именно съ тѣхъ поръ, какъ я на тебѣ женился.

Она улыбалась и принимала эту искреннюю лесть къ свѣдѣнію. Эти увѣренія льстили ея женскому самолюбію.

Время шло, а съ нимъ шла и любовь, быстро приближаясь къ апогею своего развитія, къ конечному кульминаціонному, поворотному пункту.

Въ своемъ увлеченіи Лизаветой Демидовной Весеньевъ быстро приближался къ вершинѣ чувства.

Но ничего нѣтъ новаго, ничего нѣтъ вѣчнаго подъ луной. За расцвѣтаніемъ слѣдуетъ періодъ развитія, затѣмъ увяданія.

На чистомъ, безоблачномъ, блистающемъ небѣ ихъ счастья показалась маленькая, еле замѣтная, темная точка.

Эта точка была артистическимъ соревнованіемъ, jalousie de métier, профессіональною ревностью.

По мѣрѣ того, какъ росло имя Весеньева,—имя Рюминой умалялось; о Весеньевѣ писали,—о ней молчали; Весеньеву давали работу, заваливали просьбами и заказами,—у нея отнимали роль за ролью, передавая ихъ другимъ актрисамъ, ее затирали, затушевывали, сводили на нѣтъ. Теперь, когда она вышла замужъ, она окончательно потеряла свой престижъ; за ней нельзя было ухаживать; за ея спиной всегда стоялъ мужъ; въ театрѣ не очень-то любятъ это и всегда холоднѣе относятся къ замужней актрисѣ, чѣмъ къ «свободной».

Однажды утромъ, выйдя въ столовую съ газетой въ рукѣ, Лизавета Демидовна, смѣясь, сказала мужу:

— Однако... я боюсь, что ты зазнаешься... тебя такъ хвалятъ... такъ хвалятъ... Вы теперь навѣрно свысока относитесь къ вашей женѣ?—шутя, говорила она.

Виталій Николаевичъ сконфузился. Онъ даже покраснѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, ему самому стало непріятно, что о немъ такъ много говорили, потому что ему инстинктивно совѣстно было передъ женой, о которой безпощадно молчали; но до сихъ поръ онъ ничего не замѣчалъ въ Лизѣ, что̀ могло бы его встревожить; она была все той же милой, любящей, какъ ему казалось, хорошей женщиной. И только сейчасъ, въ это утро, чуткій слухъ его сумѣлъ различить въ ея шуткѣ что-то неискреннее, чуть-чуть фальшивое, какую-то нотку неудовольствія.

Это было первой трещинкой въ его счастьѣ.

Его тонкой, чуткой, нервной натурѣ достаточно было этого дисгармоническаго штришка, чтобы съ этого момента начать тревожно прислушиваться и присматриваться къ своему счастью.

Тревога порождаетъ мнительность; мнительность любитъ преувеличивать...

Съ этого утра Весеньевъ сталъ подмѣчать въ женѣ враждебныя къ себѣ нотки.

Дня черезъ три онъ засталъ жену въ очень веселомъ расположеніи духа. Онъ зорко присмотрѣлся къ ней. Около нея на полу валялась газета. Онъ ее поднялъ, но Лиза не хотѣла уступить листокъ. Онъ боролся съ нею, оба хохотали, и наконецъ ему удалось овладѣть газетой.

Это была «Увеселительная польза».

Въ нижнемъ этажѣ газеты помѣщенъ былъ фельетончикъ за подписью Рожнова. Въ этомъ фельетончикѣ онъ разносилъ повѣсть Весеньева, кото-

рую всѣ такъ неумѣренно хвалили. Онъ одинъ былъ диссонансомъ въ общемъ хорѣ похвалъ.

«Повѣсть г. Весеньева хотя изъ артистическаго міра, но далеко не артистическая.

«Это блѣдное, безцвѣтное произведеніе съ претензіями на что-то, съ потугами на философское мышленіе, съ самомнѣніемъ бездарности».

Далѣе слѣдовало изложеніе фабулы разсказа въ ультракомическомъ, безшабашно-беззаботномъ родѣ.

Потомъ слѣдовалъ благодушный совѣтъ Весеньеву какъ можно скорѣй забыть свой тяжкій литературный грѣхъ, забыть по крайней мѣрѣ на то время, пока его чувства, умъ и сознаніе не придутъ въ надлежащую норму, не получатъ равновѣсія и не освободятся отъ постороннихъ, властныхъ вліяній...

...«Существуетъ на свѣтѣ «власть тьмы», «власть рампы», «власть земли» и «власть женщины...» Мы не знаемъ, которая изъ властей владѣетъ теперь талантомъ подававшаго надежды автора; но несомнѣнно, что какая-то владѣетъ... Желаемъ ему...— благорасположенный критикъ всегда долженъ чего-нибудь желать «разбираемому» автору,—пожелаемъ, чтобы это не была послѣдняя изъ перечисленныхъ нами властей. Эта власть самая опасная...»

Эти строки были уже похожи на пасквиль. Это былъ прозрачный намекъ на то, чего публика могла не знать, но что̀ было слишкомъ хорошо извѣстно пишущей братіи. Это было вторженіе въ его семейную жизнь...

Вотъ почему благодушное настроеніе жены сильно шокировало Весеньева.

«Чему же она смѣется? Неужели моя Лиза, такая умненькая, разсудительная, не понимаетъ всей гадости, всей гнусности этой пошлой рецензіи?»—думалъ онъ.

— Чему же ты смѣешься, Лиза?— спросилъ онъ.

— О, только не тому, что онъ задѣлъ тебя... я бы готова была растерзать его за это...

— Такъ чему же?

— Согласись, нельзя ему отказать въ остроуміи и злости. Рецензія написана блестяще...

— Вотъ какъ!..

— Ты знаешь, я сама на него зла... Но надо быть справедливой... Я такъ смѣялась. Ай-ай, Витя! Ты сердишься... Ты недоволенъ. Юпитеръ— ты не правъ... или какъ это говорится?.. Неужели ты сердишься на Рожнова?

Онъ подошелъ къ ней, привлекъ ее на диванъ, сѣлъ рядомъ съ ней, обнялъ за талію и ласково, дружески сказалъ:

— Послушай, Лиза; я бы хотѣлъ, чтобы ты поняла меня. Ты знаешь, я очень хладнокровно отношусь къ нападкамъ на меня, къ рецензіямъ...

— Этого не видно,—смѣясь, сказала она.

— Выслушай же. И я бы смѣялся, какъ ты, надъ его шутовскими и гаерскими выходками. И кто бы писалъ! Рожновъ! Рожновъ, толкующій о слогѣ! «Критика усмотрѣла шагъ...» «по ошибкѣ близорукихъ людей, принимающихъ корову за дерево...» Съ такимъ слогомъ критиковать слогъ! Это дѣйствительно смѣшно — не болѣе... онъ... который никогда ничего не читалъ кромѣ «Увеселительной пользы», а въ ней—свои фельетоны! Но... заключительныя слова его статьи содержатъ всѣ элементы пасквиля, бросаютъ тѣнь на мою семейную жизнь... И это уже не смѣшно, а гадко; надъ этимъ нельзя смѣяться, и за это надо бить... или презирать... Неужели, Лиза, ты, чуткая, правдивая, чистая... не

замѣтила этой гадости?.. Не поняла ее?..

— Отлично поняла! Онъ хотѣлъ сказать, что ты находишься подъ моимъ вліяніемъ, въ моей власти...

— Ну, да...

— И ты обидѣлся... А-а! Вы не хотите быть подъ властью вашей женушки? Это вамъ показалось обидно?..

— На этой почвѣ спорить нельзя,— сказалъ огорченный Весеньевъ и всталъ. Грусть набѣжала на него.

— Если ты не хочешь сама понять, Лиза...—началъ онъ.

— Ахъ, тутъ есть еще...—прервала она его, не слушая и указывая на столбецъ: — я узнаю... это его же статья... О, я ихъ изъ тысячи узнаю... Объ «артистическихъ бракахъ»... онъ вышучиваетъ браки актрисъ съ художниками, писателями и актерами... Вотъ-вотъ... а!—она слѣдила глазами, пробѣгая столбецъ.—Онъ находитъ, что женщины-артистки не должны выходить за мужчинъ художественныхъ профессій; что тощія и толстыя коровы артистическаго міра, выходя другъ за друга замужъ, поѣдаютъ другъ друга, какъ фараоновы коровы... Что̀ это... постой... неразборчиво... что это: бракъ между родственниками... это ведетъ къ де... къ де-ге-нераціи... На, прочти... хочешь?

— Не хочу! Довольно съ меня того, что̀ я прочелъ... И тебѣ, Лиза, не совѣтую... Это грязно и пошло.

Она надула губки.

Весь день она ходила задумчивая, онъ—недовольный и убитый.

Онъ видѣлъ, какъ она тщательно свернула газету, отмѣтила интересовавшія ее мѣста краснымъ карандашомъ и спрятала газету въ столъ.

Это была первая ласточка размолвки, которая не дѣлала еще весны... или, вѣрнѣе, осени въ ихъ отношеніяхъ. То, что̀ случилось сегодня, собственно даже не имѣло характера размолвки, но это была именно та темноватая точка на свѣтломъ горизонтѣ, которая при малѣйшемъ вѣтеркѣ могла разрастись въ грозную тучу.

XXII.

Картина семейнаго счастья съ этихъ поръ начала быстро мѣняться.

Черной точкой на горизонтѣ, первой трещинкой въ счастьѣ были мнѣнія Лизаветы Демидовны по поводу рецензіи Рожнова. А за этой точкой пошли другія, которыя должны были рано или поздно слиться въ одну общую тучу, и трещина должна была расшириться и углубиться.

Конечно, все это случилось не вдругъ. Все обстояло еще вполнѣ благополучно на поверхности уже начинавшаго снизу волноваться моря.

Но импульсъ былъ уже данъ; Весеньевъ сталъ наблюдательнѣе; повязка стала спадать съ его отуманенныхъ глазъ, но глаза еще не привыкли къ новому реальному, а не фантастическому освѣщенію и продолжали видѣть предметъ попрежнему, какъ въ то время, когда повязка мѣшала видѣть реальнымъ зрѣніемъ и помогала разсматривать предметъ идеальнымъ, умственнымъ окомъ— окомъ фантазіи.

Наблюдательность привела за собой анализъ, рефлексію... и мало-по-малу съ еле уловимою логическою послѣдовательностью—разочарованіе.

Весеньевъ сталъ замѣчать, что послѣ рецензіи о его повѣсти Лизавета Демидовна вдругъ перестала интересоваться его работами; она какъ-то сразу охладѣла къ нимъ. Это, конечно, его обидѣло, и между ними началась глухая борьба за артистическое самолюбіе, пока еще не ясно сознаваемая и ничѣмъ почти существеннымъ не выражаемая. Но борьба эта, а съ нею обида, росла съ угрожающей быстро-

той и неминуемо должна была дать плачевные результаты.

Лизавету Демидовну стали рѣдко занимать въ театрѣ. Времени у нея было достаточно, и она много читала. Но она перестала брать книги изъ шкапа мужа, находя ихъ скучными и неинтересными, а абонировалась въ библіотекѣ и стала носить оттуда домой вороха книгъ.

Иногда онъ заглядывалъ въ эти толстыя связки.

Тамъ были переводные романы. Онъ ничего не имѣлъ противъ такого рода литературы; но выборъ былъ ужасный.

Забившись въ уголокъ дивана, Лиза упивалась чтеніемъ. Этотъ уголокъ былъ ея излюбленнымъ мѣстомъ. Оторвавшись отъ работы, мужъ садился около нея отдохнуть, поболтать. Она, нехотя, откладывала въ сторону книгу.

— Чѣмъ это ты такъ упиваешься, Лизокъ?—спрашивалъ онъ.

— А, это очень интересно... «Месть карбонарія»...

— Неужели интересно?

— О... чрезвычайно.

Онъ бралъ въ руки книжку и перелистывалъ ее. Онъ натыкался на слѣдующія строки:

«Часы на колокольнѣ пробили двѣнадцать... На пустынныхъ улицахъ огромнаго города было темно... Изъ низенькой, еле замѣтной дверки высокаго, мрачнаго дома вышелъ человѣкъ въ маскѣ... онъ держалъ въ рукахъ потайной фонарь, свѣтъ котораго узенькой полоской падалъ на его темный плащъ... «Ты здѣсь, Сильвія?»—глухо спросилъ онъ... Начиналъ накрапывать дождь... Безмолвіе было ему отвѣтомъ»...

Весеньевъ переворачивалъ страницы.

«Она быстро подбѣжала къ столу и схватила лежавшій на немъ ножъ. Стальной блескъ ея разъяренныхъ глазъ и стальной блескъ ножа блеснули передъ нимъ. Онъ отступилъ на шагъ въ глубину комнаты. Она вся дрожала... Онъ былъ не такимъ человѣкомъ, чтобы испугаться. Кривая усмѣшка исказила его губы. Онъ вперилъ въ ея блестящіе глаза свой острый, нестерпимый взглядъ. Подъ вліяніемъ этого взгляда, усыплявшаго ея энергію, парализовавшаго ея мужество, она оставила ножъ, и руки ея безпомощно опустились... Онъ сталъ подходить къ ней. Въ этой тѣсной, мрачной комнатѣ готово было совершиться еще одно ужасное преступленіе... Обезсиленная, она почти упала въ его объятія. «Ты моя!»—дико вскрикнулъ Родриго, охватывая ея тонкій станъ...

«Въ это время съ сосѣдней церковной колокольни раздался благовѣстъ... Въ дверь три раза постучали. Она была спасена»...

— Опять колокольня!—смѣялся Весеньевъ.—Какъ всегда звонарь или пономарь во-время умѣетъ звонить!.. Хочешь, я тебѣ раскажу, что дальше будетъ?

И онъ начиналъ излагать ей содержаніе романа въ юмористической формѣ.

Она сердилась.

— Тебя захвалили и ты зазнался...

— Меня?

— Да. Вы странные люди, современные писатели...

— Чѣмъ?

— Самомнѣніе у васъ...

— Самомнѣніе? Ты говоришь самомнѣніе?.. у меня?!

— Ну, да; ты пренаивно воображаешь, что можно читать только тебя...

— Лиза!

— Да, да... ты это воображаешь!.. Ты все бракуешь, что бы я ни взяла... Но мнѣ довольно... Я тебя уже наизусть знаю... Знаю впередъ, что ты скажешь... и какъ скажешь... И слогъ...

— Что слогъ? Договаривай...

— Онъ тяжеловатъ...

— А!..

Иногда, по вечерамъ, онъ пробовалъ ей читать то, что̀ писалъ въ данное время. Сначала она слушала довольно внимательно, пока шла «разговорная часть» романа; потомъ начинала зѣвать...

— Это пропусти...—говорила она.

— Пропустить? Какъ, зачѣмъ?

— Къ дѣлу, къ дѣлу! Что̀ было дальше. Ну, они увидѣлись? Потомъ?

— Но, вѣдь тутъ идетъ анализъ душевнаго состоянія героя... я здѣсь подготавливаю...

— Скучно... отвлеченныя разсужденія...

Онъ покорялся и продолжалъ читать, быстро переворачивая сплошныя страницы и прочитывая одни діалоги. Но чтеніе уже переставало интересовать его, и онъ спѣшилъ кончить.

— Недурно...—лѣниво говорила она по окончаніи чтенія.—Только это мнѣ напоминаетъ сцену изъ романа «Волосы Эльзы»... Ты не читалъ?

Это походило на тонкое оскорбленіе, на намекъ, на упрекъ въ позаимствованіи.

— Богъ съ тобой, что̀ ты говоришь, Лиза!..

Въ послѣднее время она очень увлекалась романомъ Кротова, печатавшимся въ нижнемъ этажѣ «Увеселительной пользы». Романъ былъ изъ абиссинской жизни и назывался «Любовь Негуса». Онъ печатался коротенькими фельетончиками, прерывавшимися всегда «на самомъ интересномъ мѣстѣ». Фельетончики печатались коротенькими абзацами; діалоги тоже были коротенькіе, и слова, какъ будто нарочито, выбирались самыя укороченныя. Все это въ изобиліи было пересыпано многоточіями, восклицательными и вопросительными знаками, безъ нужды, безъ всякой видимой необходимости, и романъ съ перваго взгляда съ внѣшней стороны походилъ скорѣе на какой-то узоръ или телеграфную грамоту, чѣмъ на беллетристическое произведеніе.

— Ты не знакомъ съ Кротовымъ?—спросила Лизавета Демидовна.

— Кротовъ?.. Кротовъ?..—припоминалъ онъ.—А!.. какъ же, какъ же... а что̀?

— Я хотѣла бы съ нимъ познакомиться...

— Ты?.. Къ чему это?

— Онъ такъ интересно пишетъ... Его романъ изъ абиссинской жизни... Какъ онъ хорошо знаетъ бытъ, страну...

— Онъ?!

— Ну, да.

— Откуда же ты можешь судить объ этомъ? Вѣдь ты не была, надѣюсь, въ Абиссиніи?

Она возмущалась.

— Что̀ изъ этого? Ты только умѣешь насмѣхаться.. Это сейчасъ чувствуется.

— Увѣряю тебя, что Кротовъ нигдѣ не былъ дальше Мѣщанской улицы... Романъ изъ абиссинской жизни!..

Мало-по-малу лежанье на диванѣ сдѣлалось хроническимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ утрачивалась внѣшняя грація Лизаветы Демидовны. Она стала какъ-то незамѣтно для самой себя опускаться. Не слѣдила за туалетомъ; съ утра влѣзала въ капотъ и пребывала въ немъ до вечера.

— Отчего ты не пріодѣнешься, Лизокъ?..—иногда спрашивалъ онъ ее.

— Для кого? Для Кати?.. у насъ никто не бываетъ.

— Какъ для кого? Прежде всего для себя, потомъ хотя бы для меня... Развѣ ты не хочешь мнѣ казаться интересной?

— Полюби насъ черненькими...

— Но, Лиза...

— Я для тебя должна быть всегда интересной. Надѣюсь, ты *меня* любишь, а не мои платья?.. Ты фантазеръ... Всѣ писатели фантазеры!..

Онъ пожималъ плечами.

— Почему же?

— Ты не любишь во мнѣ меня самоё, обыкновенную женщину со всѣми ея недостатками, ты хочешь меня всегда видѣть въ ореолѣ блеска и красоты, нарядную, разукрашенную... Ты видишь во мнѣ мечту... что-то созданное твоей фантазіей... Это тяжело...

О, какъ она была права въ данномъ случаѣ.

Такъ какъ кухня и домашнее хозяйство не интересовали ея вовсе, а семейная жизнь вообще интересовала ее мало, она стала скучать и томиться, почти не скрывая этого.

Виталій Николаевичъ мучился, терзался, ломалъ себѣ голову, какъ бы помочь горю, чѣмъ бы развеселить ее, утѣшить, развлечь; но, занятый работой, ничего не могъ придумать.

Теперь онъ уже не задавался вопросами о безплодности и ненужности своихъ писаній, о невозможности произнести новое слово, создать что-нибудь выдающееся, колоссальное, въ родѣ шекспировскаго. Онъ просто писалъ изъ неудержимой, настойчивой потребности писать, писалъ потому, что его осаждали образы, осаждали мысли, которые просились на бумагу. Долгій отдыхъ, долгое ничегонедѣланье накопили его творческую энергію.

Лизавета Демидовна воодушевлялась только въ тѣ дни, когда играла. Но такъ какъ это бывало рѣдко теперь, то и воодушевленіе находило на нее рѣдко. Почти всѣ ея роли перешли къ Маревой.

Пьеса Таирова была уже на репертуарѣ. День перваго представленія былъ недалекъ.

По настоянію жены, Весеньевъ ѣздилъ два раза къ Таирову просить назначить роль Рюминой; но хлопоты его не увѣнчались успѣхомъ. Таировъ принялъ его очень любезно, наговорилъ ему комплиментовъ о его литературной дѣятельности, но лишь разговоръ заходилъ о Рюминой, онъ умолкалъ или отвѣчалъ холодно и сухо.

Это было щелчкомъ по самолюбію Весеньева, но ради жены онъ снесъ его безропотно и, уступая просьбамъ, поѣхалъ въ третій разъ.

— Я ничего не могу сдѣлать, Виталій Николаевичъ, ничего... я уже заявлялъ вашей женѣ... давно... что назначеніе ролей я предоставилъ режиссеру; я въ это дѣло не вмѣшиваюсь... Что?.. могъ бы? Конечно, могъ бы...—но...—замялся онъ:—во всякомъ случаѣ, теперь уже поздно; нельзя отобрать роль, да и репетиціи давно начались.

— Простите, ради Бога, мою настойчивость,—краснѣя, говорилъ Весеньевъ:—но... почему же вы съ самаго начала не похлопотали о назначеніи роли Лизѣ?..

— Вы непремѣнно это хотите знать?—спросилъ тотъ, раздражаясь.—Непремѣнно? Вы третій разъ пріѣзжаете ко мнѣ...

— Простите.

— Ничего, не въ томъ дѣло. Но... наконецъ, вы добиваетесь правды... я долженъ вамъ ее сказать. Прошу не обижаться: tu là voulu, George Dandin...

— Чтò же это?—съ испугомъ спросилъ Весеньевъ.

— О, ничего особеннаго... ничего... Но, извините меня... я всегда вамъ удивлялся... вы человѣкъ съ тонкимъ вкусомъ, вы понимаете толкъ въ искусствѣ... и вы... неужели же вы, наконецъ, не хотите понять, не хотите увидѣть, что Лизавета Демидовна...

— Чтò?

— Бездарность.

— А-а!..

— Ну, да, вы не должны обижаться. Я не о вашей женѣ говорю. Я говорю объ артисткѣ, которую судить можетъ

всякій... Не спорю, она, можетъ-быть, дивная женщина... но... артистка плохая. Я бы не сказалъ этого, но вы приставали. Это какъ поэтики, какъ беллетристы ко мнѣ пристаютъ. Отчего я о нихъ ничего не напишу?.. Хвалить ихъ нельзя, ругать не за что... лучше молчать. Они понять этого не хотятъ... Вчера Кротовъ приставалъ: «Константинъ Григорьевичъ, напишите о моемъ абиссинскомъ романѣ... ну, хоть вышутите... осмѣйте... но напишите». А? Каково? Я буду писать объ его абиссинскомъ романѣ? Нравится вамъ это? Я даже не знаю, гдѣ онъ печатается...

Критикъ пришелъ въ желчное настроеніе, что̀ бывало съ нимъ не рѣдко.

Весеньевъ, сконфуженный, опечаленный, убитый, ушелъ.

«Неужели она бездарность? Неужели ее преслѣдуютъ по праву, а не по интригамъ?.. Бездарность... бездарность... бездарность... она?»...

Это слово звучало въ его ушахъ всю дорогу, какъ унылый, печальный, погребальный напѣвъ.

Ничего онъ не сказалъ женѣ и поспѣшилъ опять уйти изъ дому, не повидавшись съ нею.

XXIII.

— Лиза, пойдемъ смотрѣть «Ночи Нерона»?

— Конечно... должна же я видѣть, какъ *мою* роль будетъ играть г-жа Марева.

— Почему же именно твою?

— Потому что она по праву принадлежитъ мнѣ, и очень жаль, что ты этого не понимаешь...

Лизавета Демидовна говорила раздраженно, мужъ ея—спокойно.

— А не лучше ли намъ не ѣхать?

— Почему?

— Ты будешь волноваться...

— Я?! изъ-за чего? Ты меня мало знаешь. Ты увидишь, какъ публика приметъ бездарную Мареву, выступившую въ бездарной пьесѣ...

«Теперь она его обвиняетъ въ бездарности»,—подумалъ Весеньевъ.

Они отправились въ театръ.

Вопреки предсказанію Рюминой, и пьеса, и Марева имѣли успѣхъ. Пьеса была «сдѣлана» очень хорошо; постановка блестящая, стихи звучные, костюмы эффектные. Мареву вызвали одиннадцать разъ и автора вызывали шумно и дружно.

Рюмина кусала губы отъ злости, сидя въ ложѣ, но въ коридоръ выходила спокойная, веселая, почти сіяющая; по возвращеніи въ ложу, съ ней чуть не сдѣлалась истерика. Только заправская актриса способна на такія быстрыя метаморфозы.

Вызовы Маревой укрѣпили въ Рюминой одну идею, которая съ этого вечера засѣла гвоздемъ въ ея головѣ: она *должна* завоевать свое прежнее положеніе, и она добьется этого. Нѣтъ на свѣтѣ существа болѣе настойчиваго и рѣшительнаго, какъ актриса, оскорбленная въ своемъ артистическомъ самолюбіи.

Въ коридорѣ она встрѣтила Кротова.

— Я зачитываюсь вашимъ романомъ...

Тотъ покраснѣлъ отъ удовольствія.

— А!.. это «Любовь Негуса»?

— Да...

— Онъ мнѣ стоилъ немалыхъ трудовъ. А вашъ мужъ?—робко спросилъ онъ.

— Что́, мужъ?

— Онъ читалъ? Онъ одобряетъ?

— Нѣтъ... онъ не читалъ...— сказала она, и вдругъ, въ непонятномъ, но настойчивомъ озлобленіи на мужа, ей захотѣлось пріобрѣсти ему врага и она солгала:—Онъ сказалъ: «я глупостей не чтецъ, а пуще образцовыхъ»... но онъ очень ошибается, увѣряю васъ... мы, женщины, лучшіе

критики, чѣмъ мужчины, даже писатели...

У нея шевельнулась недобрая, завистливая мысль: «Виталія всѣ хвалятъ, всѣ превозносятъ... онъ не понимаетъ моего положенія развѣнчанной актрисы, которую всякій можетъ ругать... пусть у него будутъ враги, они его будутъ ругать, и мы будемъ съ нимъ на равномъ положеніи...»

И она стала пріобрѣтать ему враговъ, сдѣлавъ первый опытъ надъ Кротовымъ.

Мимо нея проходилъ Рожновъ.

— Здравствуйте, Николай Павловичъ? Куда спѣшите?.. Ай-ай, нехорошо забывать друзей... мы повздорили, это правда, но кто старое помянетъ...

Даже онъ, Рожновъ, котораго не легко было смутить, и тотъ смутился.

— Заходите къ намъ...

— А мужъ? — спросилъ онъ, пріобрѣтая снова свой обычный нахальный видъ и собираясь уходить.

Она сдѣлала двусмысленную гримаску и граціознымъ, кошачьимъ движеніемъ руки остановила его.

— Васъ приглашаетъ *жена*... а не мужъ.

— Но: «мужъ въ каждомъ домѣ всегда глава»...

— Ерунда... приходите.

Рожновъ помчался дальше: «эге, какъ быстро ночь минула!..» — подумалъ онъ.

Поймавъ въ коридорѣ Весеньева, онъ съ добродушной ласкою и дружеской простотой взялъ его подъ руку и сказалъ:

— Намъ нечего дѣлить, Виталій Николаевичъ... «Враги... давно ли другъ для друга...» — продекламировалъ онъ. — Все это вздоръ... я къ вамъ зайду...

— Милости просимъ, — сухо сказалъ Весеньевъ.

На другой день состоялось чтеніе рецензій о «Ночахъ Нерона».

Всѣ выражались почтительно о пьесѣ важнаго критика, боясь его острыхъ критическихъ зубовъ; всѣ хвалили драму и воспѣвали Мареву.

Рюмина опять злилась, читая эти отзывы.

— Это подло, это несправедливо, это продажно... Отчего ты не хочешь заплатить? — сказала она мужу.

— Заплатить? Кому?

— Рецензентамъ.

— За что?

— Чтобы меня хвалили.

— Лиза! Ты ли говоришь это?.. Я никогда не прибѣгалъ къ такимъ унизительнымъ мѣрамъ... Я не думаю, чтобы ты серьезно говорила это.

— Вполнѣ... я говорю, что ты фантазеръ, ты живешь въ эмпиреяхъ... ты витаешь въ облакахъ... Въ наше время надо жить такъ... какъ живутъ въ наше время.

Онъ пожалъ плечами и замолчалъ.

Онъ боялся сознаться самому себѣ въ истинѣ; онъ всячески закрывалъ глаза на положеніе вещей; онъ еще не вѣрилъ очевидности. Но фактъ былъ уже почти совершенъ. Крушеніе идеала шло съ головокружительной быстротой. Въ сущности, тутъ ничего не было удивительнаго и поразительнаго. Рюмина осталась тѣмъ, чѣмъ всегда была: она не сдѣлалась ни хуже, ни лучше. Но ему эта перемѣна въ ея обращеніи съ нимъ казалась паденіемъ и, что хуже всего, паденіемъ необъяснимымъ.

Но какъ могло произойти это все такъ скоро?.. И онъ, и она были артистическими натурами. У такихъ натуръ впечатлѣнія вырастаютъ быстро и столь же быстро смѣняются. Для обыкновенныхъ людей потребовался бы болѣе продолжительный масштабъ... Ему довольно было двухъ-трехъ словъ, звучавшихъ фальшью, двухъ-трехъ по-

ступковъ, не отвѣчавшихъ тѣмъ, которые онъ ждалъ съ своей идеальной точки зрѣнія, и его кумиръ зашатался, пьедесталъ, на который кумиръ былъ возведенъ, поколебался и самъ кумиръ былъ близокъ къ паденію...

Не прошло и полугода, какъ длилось его эфемерное «счастье», которое неожиданно, рѣзко привело его къ слѣдующему результату.

Однажды принесли изъ театра повѣстку.

Рюминой назначалась хорошая, выдающаяся роль, которую она страстно желала и за которую трепетала.

— А, наконецъ-то! — сказала она, нарадостно вздохнувъ.—Витя, Витя!—позвала она.

— Что тебѣ?

Онъ бросилъ писать и пошелъ къ ней.

— Ты меня любишь еще?

— Что за вопросъ?

— Однако... я хочу знать...

— Но ты это знаешь... надѣюсь.

— Я хочу слышать изъ собственныхъ твоихъ устъ и собственными ушами...

— Лиза...

— Хочу, хочу, хочу... не противорѣчить...—и она обняла его и поцѣловала. Ея кошачьи ужимки и ухватки, ея черные лукавые глазки, узенькія плечики и гибкія движенія все еще производили на него обаятельное впечатлѣніе.

— Люблю...—пробормоталъ онъ,—конечно, люблю...

— Ну, такъ вотъ: слушать внимательно...

Она посадила его на диванъ, уютно усѣлась къ нему на колѣни и вкрадчиво, ласкаясь, произнесла:

— Мнѣ прислали роль... давно отъ меня отобранную... изъ «Звѣзды Севильи»... помнишь?

— Поздравляю, Лизокъ, отъ души поздравляю...

Онъ говорилъ это, хотя послѣ рѣзкаго приговора Таирова самъ уже не вполнѣ вѣрилъ въ ея талантливость.

— Не въ томъ дѣло... помнишь, ты говорилъ, что послѣ женитьбы на мнѣ тебѣ повезло въ литературѣ?.. Помнишь? Это дѣйствительно бываетъ...

— Ну?

— Я не лошадь, милостивый государь, чтобы меня понукать...

— Лизокъ!

— Слушай же...—И она принялась его цѣловать. Въ послѣднее время онъ успѣлъ порядочно-таки отвыкнуть отъ этихъ нѣжностей.—Слушай... а я наоборотъ. Выйдя за тебя замужъ—я все потеряла...

— Ты?!—воскликнулъ онъ въ изумленіи.

— Да... да... т.-е. я хотѣла сказать, что мнѣ не повезло... Ты видишь самъ, какъ меня свели на нѣтъ!.. Ну, такъ постарайся же теперь поправить это...

— Какъ? — уныло спросилъ онъ, огорченный страшнымъ упрекомъ, кинутымъ ему женой.

— Роль отвѣтственная... Я ее сыграю хорошо... можно вновь завоевать положеніе. Но ты понимаешь, если будутъ молчать... все погибло! Или если будутъ ругать...

— Ахъ, это...

— Да; и ты долженъ мнѣ обѣщать написать обо мнѣ и моей игрѣ рецензію, нѣтъ... лучше критическій отзывъ...

— Я? Но ты шутишь, Лиза!—рѣзко сказалъ онъ наконецъ.—Ты забываешь два обстоятельства. Во-первыхъ, ни въ одной газетѣ я не пишу, у каждой свои рецензенты; во-вторыхъ—я мужъ твой; если бы я и состоялъ гдѣ-нибудь рецензентомъ, то, во всякомъ случаѣ, о тебѣ писать бы не могъ...

— Ты отказываешься?

— Положительно.

Она готова была разразиться упреками, жалобами, слезами; онъ все еще обнималъ ея талію; но она капризно-настойчивымъ движеніемъ высвободилась изъ его рукъ и отошла въ сторону. Вдругъ, одумавшись, она сказала:

— Ты правъ, Витя, не надо...

— Я узнаю свою Лизу...

— Нѣтъ, нѣтъ, это не то... я ошиблась. Ну, вотъ что, — дѣловитымъ тономъ начала она.—Ты съѣздишь къ Рожнову и попросишь его... да хорошенько попросишь, чтобы онъ... не отказалъ...

— Опять? Нѣтъ, ужъ, слуга покорный. Не будемъ говорить объ этомъ.

— А-а! Ты и въ этомъ мнѣ отказываешь? Ты во всемъ всегда мнѣ отказываешь. Я не понимаю, зачѣмъ ты женился на мнѣ? Ты просто хотѣлъ меня погубить... теперь я знаю... ты меня не любишь, ты никогда меня не любилъ... ты... ты... эгоистъ! Вотъ кто ты! Ты — лицемѣръ! Жестокій, бездушный, черствый эгоистъ...

— Лиза!.. опомнись...

— Да, да, да, да...

Это была первая супружеская сцена.

Къ ней подходили долго, въ теченіе шести мѣсяцевъ; она зрѣла медленно, но разразилась бурно, сразу показавъ всю силу озлобленія, всю непонятную ненависть этой маленькой бездушной брюнетки, которая обвиняла въ эгоизмѣ своего великодушнаго мужа.

— Ты не хочешь?—когда рыданія и всхлипыванья кончились, спросила она.

— Нѣтъ! — рѣзко отвѣтилъ Весеньевъ и, хлопнувъ дверью, вышелъ.

— Я приглашу Рожнова къ намъ въ такомъ случаѣ... ты раскаешься!..— кричала она ему вдогонку.

Если до этой сцены можно было еще сомнѣваться въ чемъ-либо относительно счастья супруговъ Весеньевыхъ, то теперь сомнѣніямъ уже не оставалось мѣста. Отношенія ихъ быстро покатились подъ гору... Съ Лизаветой Демидовной какъ будто что-то сдѣлалось; какъ будто какая-то мрачная, недобрая сила дѣйствовала на нее извнѣ, парализовала ея волю и толкала на все то, что могло окончательно погубить семейный міръ, согласіе и добрыя отношенія супруговъ.

Первый трудный шагъ былъ сдѣланъ; плотина прорвалась; послѣдующіе шаги были уже легки; вода хлынула обильной струей и грозила затопить счастье Весеньева, если оно вообще когда-нибудь существовало...

Однажды, придя домой, онъ засталъ у жены веселое общество.

Кротовъ декламировалъ стихи:

— Послушайте, Лизавета Демидовна, какіе я чудные стихи сочинилъ:

Надежда всѣ мои надежды разрушаетъ,
Любовь не платитъ мнѣ любовью за любовь...
Я къ Вѣрѣ—съ вѣрою, но Вѣра увѣряетъ,
Чтобъ понапрасну я не тратилъ лишнихъ словъ...
Осталась Софья мнѣ, хочу софистомъ быть:
Безъ Вѣры, безъ Любви и безъ Надежды жить...

Хозяйка дома смѣялась.

— Да, полно, ваши ли это?—сказала она.

— А я и самъ не знаю... кажется— мои. А вотъ подите же, стиховъ моихъ не признаютъ, и я долженъ былъ перейти на романъ... Но всѣ романы избиты... не скажешь новаго слова...

«И онъ о новыхъ словахъ!»—подумалъ Весеньевъ.

— А потому я избралъ себѣ спеціальность: я пишу романы изъ всякихъ бытовъ, только не русскаго. Я такъ и спрашиваю редактора: вамъ какой? Абиссинскій, испанскій или корейскій романъ?

— Какъ же вы ихъ пишете?—спросилъ Весеньевъ.

— Очень просто: покупаю соотвѣтствующій учебникъ для старшаго возраста и по немъ пишу... ну, не хватаетъ — энциклопедическій словарь... въ немъ не хватитъ свѣдѣній—добавлю изъ собственной сокровищницы.

— Изъ какой?

Онъ показалъ себѣ на лобъ.

— Кстати, вы не слыхали? Я только-что отъ Булатова... онъ очень боленъ и говорилъ мнѣ...

Весеньеву стало вдругъ отрадно на душѣ. Какъ давно онъ не былъ у Булатова! Его повлекло къ нему. Въ тяжелыя минуты жизни онъ, самъ не зная почему, всегда съ особеннымъ удовольствіемъ направлялся къ больному писателю. И онъ рѣшилъ надняхъ зайти къ «старому цинику». Онъ понималъ, что за его якобы цинизмомъ скрывается доброе, отзывчивое, простое сердце, которое онъ именно старается маскировать изъ природной скромности и конфузливости этимъ напускнымъ цинизмомъ.

Рожновъ разговаривалъ съ Лизаветой Демидовной.

Весеньевъ видѣлъ, какъ она ему дѣлала глазки, кокетничала съ нимъ, принимая тѣ же аллюры наивнаго ребенка, граціозной кошечки, которые принимала съ нимъ самимъ, когда хотѣла покорить его своей волѣ, завлечь его въ свои сѣти, извлечь изъ него то, что̀ было ей нужно.

И Весеньевъ видѣлъ, что Рожновъ относится къ ея заигрыванью, какъ къ чему-то давно-давно ему знакомому и достаточно ему надоѣвшему. Онъ довольно плохо скрывалъ насмѣшку и иронію. Весеньевъ готовъ былъ вытолкать его въ шею, но онъ всегда былъ врагомъ крутыхъ мѣръ и скандала.

Одна Рюмина не замѣчала ироніи Рожнова.

«Неужели она еще и глупа?»—подумалъ Виталій Николаевичъ.

Рюмина запѣла:

Жасминъ въ саду благоуха-алъ..
Бѣлѣя на цвѣтномъ газонѣ...

«Опять!»—съ тоскою прошепталъ мужъ.

— Vous avez manqué votre position,—дурнымъ французскимъ языкомъ заговорилъ Рожновъ.

— О,—поморщилась Рюмина:—говорите лучше по-русски.

— Да, изъ васъ могла бы выйти прелестная шансонетная... pardon, я хотѣлъ сказать: опереточная пѣвичка... pardon, я хотѣлъ сказать: пѣвица...

— Вы думаете? — обрадовавшись, спросила она, и какъ будто какая-то мысль осѣнила ее.—Вы серьезно думаете?...

— Развѣ такими вещами шутятъ!—отвѣтилъ важно Рожновъ.

Весеньевъ чувствовалъ, что ему больше нечего дѣлать между этими странными и чужими ему людьми.

Онъ всталъ и сказалъ:

— Прощайте, господа! Я ухожу...

Лизавета Демидовна зорко посмотрѣла ему въ глаза.

— Куда?—сухо спросила она.

— Куда?.. Въ театръ что ли...

Онъ вышелъ, гости остались.

XXIV.

Тучи, скопившіяся на горизонтѣ супружеской жизни Весеньева, быстро принимали угрожающій характеръ.

Когда Весеньевъ, поздно ночью, вернулся домой, онъ нашелъ жену въ гостиной; гости разъѣхались, и она, очевидно, ждала его. Съ какою цѣлью? На лицѣ ея было написано что-то недоброе.

Онъ ожидалъ сцены и приготовился.

Лизавета Демидовна не дала ему раскрыть рта. Накопившееся въ ней озлобленіе такъ и просилось наружу.

— Что̀ это такое?—накинулась она

на него:—безумство, идіотство, любовь или полное презрѣніе?.. Я думаю, скорѣе всего послѣднее. Только совсѣмъ не уважая женщину, можно такъ поступать...

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ.

— Думалъ ли ты хотя одно мгновеніе обо мнѣ? Нѣтъ! Ты былъ занять только своимъ дряннымъ самолюбьишкомъ...

Онъ пожалъ плечами, хотѣлъ возразить; но ее трудно было остановить.

— Какъ... ты пришелъ, ты—мужъ, владыка и собственникъ, и вдругъ увидѣлъ другихъ, дерзкихъ, которые не исчезли, не провалились отъ твоего грознаго взгляда!.. Ты думаешь, Рожнову пріятно бы было сидѣть съ тобой? Нѣтъ, нѣтъ! Но онъ остался изъ уваженія къ когда-то любимой женщинѣ...

— Что̀?!. Къ любимой женщинѣ?.. ты?.. ты?..

Она спохватилась, что проговорилась. Всѣ знали это, кромѣ ея мужа, который долженъ былъ знать объ этомъ раньше и прежде всѣхъ, но, какъ обыкновенно бываетъ, — мужъ узнавалъ теперь позже всѣхъ, и то случайно.

Чувствуя себя виноватой, по женской тактикѣ, Лизавета Демидовна поспѣшила первая сдѣлать ему грандіозную сцену.

Съ запальчивостью и горячностью она продолжала:

— Ты долженъ былъ знать это... я никогда не скрывала. Не дѣлай такого глупаго вида... я тебя предупреждала передъ свадьбой...

— Когда?

— Я развѣ не говорила тебѣ, что у меня есть прошлое, что не тебя перваго я полюбила?.. Ты развѣ не обѣщалъ мнѣ никогда не корить меня прошлымъ?

— А... такъ это прошлое—былъ... Рожновъ?..

— Пожалуйста, не изображай изъ себя невиннаго младенца... ты *дол-женъ* былъ знать это... а если не зналъ... тѣмъ хуже... Рожновъ остался на нѣсколько лишнихъ минутъ, чтобы не ставить меня въ неловкое положеніе, уйдя сейчасъ же при твоемъ входѣ, и тѣмъ не показать вида, что между нами было когда-то... что-то... Ты... который увѣрялъ меня въ своей безумной любви, подумалъ ли ты, въ какомъ смѣшномъ видѣ являюсь я въ глазахъ другихъ, когда ты, какъ угорѣлый, хватаешь шапку и летишь куда-то?.. Положимъ, быть-можетъ, въ твоихъ глазахъ я не стою уваженія... но я все же его требую...

— Лиза!

— О, я знаю, ты найдешь массу оправданій, скажешь, что сдѣлалъ необдуманно, подъ вліяніемъ минуты... чтобы доставить мнѣ удовольствіе, не мѣшать... почемъ я знаю? И все это будетъ неправда... одно гнусное самолюбіе заговорило, одинъ эгоизмъ... Все мнѣ... ничего другимъ...

— Лиза, Лиза, опомнись, что̀ ты говоришь?.. Развѣ жена можетъ принадлежать другимъ?..

Но она его не слушала. Она все болѣе и болѣе разгорячалась отъ звука собственныхъ словъ и не могла остановиться:

— Это вы называете чистымъ именемъ любви? Это любовь интеллигентнаго человѣка? Нѣтъ, это... это... безсмысленная любовь дикаря! Впрочемъ, что я? Когда любятъ, такъ уважаютъ—это во-первыхъ, во-вторыхъ... любовь безъ жертвъ мертва. А чѣмъ ты мнѣ пожертвовалъ, чѣмъ поступился? Ничѣмъ абсолютно... Даже вотъ подобнымъ пустякомъ, какъ просидѣть нѣкоторое время съ моими знакомыми...

У нея вдругъ не хватило голоса, она захлебнулась и заплакала.

Она плакала долго. Плакала, какъ

плачутъ несправедливо обиженныя дѣти.

Ему стало до глубины души жалко ея. Онъ чувствовалъ себя невиноватымъ, онъ находилъ ея выговоръ нелѣпымъ—чего она собственно хотѣла? Чтобы онъ «дѣлился» съ Рожновымъ? Не могла же она серьезно говорить объ этомъ?.. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ ея слезамъ.

Онъ подошелъ къ ней, взялъ ее обѣими руками за голову и поцѣловалъ въ самые мокрые глаза.

— Дѣтка! — сказалъ онъ: — перестань... перестань же... Прошу тебя. Ну... да... быть-можетъ... дѣйствительно... можетъ-быть, я не правъ... Ну, если не правъ—прости, прости меня... Будемъ опять друзьями, хочешь? Миръ... попрежнему? Хочешь?

Она перестала плакать, такъ же внезапно, какъ перестаютъ избалованныя дѣти, когда имъ посулятъ игрушку или конфетку.

— Вотъ видишь, ты сознаешь... ты неправъ... Рожновъ никогда не поступалъ со мной такъ...

Это было величайшей безтактностью женщины... Онъ отшатнулся отъ нея. И все ласковое, все доброе, все хорошее, что̀ пробудилось въ его душѣ, разомъ исчезло. Онъ сталъ холоденъ; глухое раздраженіе овладѣло имъ.

«Превосходно,—думалъ онъ:—то я долженъ учиться у Рожнова такту и вѣжливости; теперь любовь Рожнова сравнивается съ моей... Весело жить съ женой, у которой есть прошлое! По крайней мѣрѣ, у нея есть мѣрило, критерій, которымъ она съ опытностью измѣряетъ и сравниваетъ любовь мужа съ любовью другихъ мужчинъ... ахъ, какъ весело!.. Хоть бы ужъ молчала!..»

Открытіе, которое она ему сдѣлала, къ его огорченію и изумленію, мало повліяло на него. Онъ отнесся къ нему теперь почти равнодушно.

«Не то было бы нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ,—подумалъ онъ:—неужели я къ ней до такой степени охладѣлъ?..»

На другой день разразилась другая сцена.

Лизавета Демидовна не явилась къ обѣду, не предупредивъ мужа.

Онъ долго прождалъ ее, и, когда она пришла, веселая, возбужденная, смѣющаяся, ему вдругъ стало досадно. Это въ первый разъ, что̀ она не пришла домой обѣдать. Гдѣ она была? Куда ходила? Отъ этой взбалмошной женщины всего можно ожидать... Кто знаетъ, не ходила ли она утѣшать Рожнова? О, у нея мягкое сердце! Она всѣхъ жалѣетъ... всѣхъ, кромѣ мужа.

И ему стало вдругъ такъ досадно, что захотѣлось сказать ей что-нибудь рѣзкое. Но въ раздраженіи онъ ничего не могъ придумать, кромѣ слѣдующихъ словъ:

— Я человѣкъ занятой и не могу ждать обѣда по два часа. Если тебѣ и другой разъ придетъ охота обѣдать внѣ дома, ты бы недурно сдѣлала, если бы вспомнила обо мнѣ и заранѣе предупредила.

Въ словахъ не было ничего особеннаго, но въ тонѣ было много жесткаго.

Лизавета Демидовна разомъ утратила свое жизнерадостное настроеніе и вспылила.

— И ты мнѣ это *такъ* говоришь? Знаешь, я еще никогда не видала такого обращенія. Ты не можешь безъ меня пообѣдать? Для чего я тебѣ? Обниматься... цѣловаться... ругаться? Для чего я должна была, сломя голову, летѣть сюда? Что̀, ужъ я не могу выйти изъ дому безъ спросу? Ты хочешь сдѣлать изъ меня рабу? Не насмотрѣлся еще?.. Не налюбовался? Такъ вѣдь я жена тебѣ... мы скованы навѣки... успѣешь вдоволь, надоѣсть...

— Лиза, ты находишь, что ты права? Чѣмъ я тебѣ такъ досаждаю? Чего такого особеннаго я отъ тебя требую?

— Перестанемъ говорить объ этомъ... Право, это невесело... Какъ ни милы эти семейныя сцены, но лучше, если бы ихъ не было.

— Я тоже такъ думаю...

— Не отъ меня зависитъ ихъ не возобновлять.

— И не отъ меня...

— Отъ старшаго дворника, должно-быть.

— А, ты начинаешь острить... это мило.

— Лучше острить, чѣмъ брюзжать...

— Лучше ни то, ни другое, а относиться другъ къ другу съ уваженіемъ.

— Да, тебѣ не мѣшаетъ позаботиться объ этомъ. Очень не мѣшаетъ... Ты скоро посадишь меня въ желѣзную клѣтку. Ни одинъ мужчина со мной не обращался такъ... Я помню, Даяновъ... и потомъ Огарскій и Рожновъ... они меня больше любили... и уважали... они не осмѣливались...

— Лиза!..

— Что?

— Пощади же! Неужели, ты думаешь, мнѣ очень пріятно выслушивать твои воспоминанія о прошломъ?

Она даже какъ будто нѣсколько удивилась и приподняла брови: «что же тутъ можетъ быть непріятнаго»?

— Но вѣдь это же прошлое...— наивно сказала она.

Со вчерашняго вечера у нея сдѣлалось хроническимъ обыкновеніемъ корить мужа любовью своихъ бывшихъ поклонниковъ и ставить ему ихъ въ примѣръ, достойный подражанія.

Часто она ему наивно говорила:

— Я отучила Рожнова отъ ревности. Сначала онъ ревновалъ. Къ гостямъ, къ письмамъ... Хорошо,—сказала я:—я его отучу... завела переписку съ друзьями, завела гостей... Привыкъ. Прежде при видѣ письма онъ дрожалъ: отъ кого? О чемъ? Откуда? Потомъ не обращалъ никакого вниманія... Освоился. Надо и тебя отучить отъ ревности... тогда между нами будетъ миръ и согласіе...

Она говорила о ревности! Какъ далекъ былъ теперь Весеньевъ отъ этого чувства! Ей нечего было заботиться о томъ, чтобы его отучать. Онъ все рѣже и рѣже ревновалъ, потому что чувствовалъ, что перестаетъ любить ее. Но эти «сравнительныя жизнеописанія и параллели» между нимъ и бывшими поклонниками просто раздражали его своею безтактностью.

Въ ея тирадѣ выразилась съ циничной обнаженностью вся ея душа, испорченная кулисами и «поклонниками таланта».

Весеньевъ сразу увидѣлъ передъ собой бездонную пропасть, въ которой, кромѣ безпросвѣтной тьмы, ничего не было. И онъ испугался.

Онъ все еще не сомнѣвался въ томъ, что основы у Лизаветы Демидовны были хорошія; что у нея было и сердце, и умъ, и элементарныя понятія объ этикѣ. Не могъ же онъ такъ грубо, такъ дико ошибиться, онъ—психологъ, онъ, который взялся въ своихъ писаніяхъ анализировать человѣческую душу. Проклятое художническое воображеніе, «фантазерство», какъ называла это его жена, могло его обмануть, но не до такой же степени... Онъ думалъ, что ее испортили мужчины; что они, эти многочисленные поклонники, поколебали то хорошее, что въ ней было; что они расшатали ея нравственныя основы... власть рампы—великая, могучая, деморализирующая власть, противъ которой устоять трудно молодой женщинѣ съ слабыми зачатками воли.

Но теперь ему было все равно. Чувство его исчезало, и съ каждымъ

днемъ, приносившимъ ему домашнюю сцену, онъ отшатывался отъ нея съ брезгливостью, какъ отъ чего-то нравственно нечистоплотнаго. Какъ всегда, быть-можетъ, и въ этомъ случаѣ, онъ нѣсколько преувеличивалъ. Но онъ не видѣлъ ничего, что̀ могло бы, если не остановить, то задержать обратный ходъ чувства; ни малѣйшаго корректива къ этимъ, роковымъ образомъ сложившимся, обстоятельствамъ, ни малѣйшей надежды въ будущемъ. Она, жена его, всѣми силами помогала этому регрессу чувства...

Однажды онъ увидѣлъ, какъ Лизавета Демидовна, выходя изъ комнаты Нюты, держала около своего носика какой-то флакончикъ и нюхала изъ него.

— Что̀ это?—спросилъ онъ.

— Это камфора.

— Камфора?—изумился онъ:—ты нюхаешь камфору? Зачѣмъ это?..

— Какъ зачѣмъ? Я вовсе не желаю заразиться чахоткой... Я еще молода... я не хочу умирать во цвѣтѣ лѣтъ... Театральный врачъ сказалъ, что это предохраняетъ...

Больно рѣзнули его по сердцу эти слова.

— Нюта видѣла? Она знала это?

— Да, я не сочла нужнымъ скрывать этого, разъ мы живемъ съ ней въ одномъ домѣ и видимся ежедневно... Она нисколько не обидѣлась...

Тогда онъ не выдержалъ.

— Ты женщина или... или безчувственное животное?—яростно спросилъ онъ. — Есть у тебя сердце? Я тебя спрашиваю?.. Или ты истуканъ, или ты дерево, или ты утеряла всякія понятія о простомъ человѣколюбіи?..

— Я не понимаю, Виталій Николаевичъ, что̀ это значитъ? И потомъ, вы позволяете себѣ выражаться... Я ни отъ кого еще никогда не слыхала...

— Приведи теперь нѣсколько историческихъ примѣровъ... поклонникъ такой-то... ухаживатель такой-то...

— Вы мнѣ надоѣли.

Онъ не могъ больше говорить съ ней и схватилъ шапку. Ему нуженъ былъ воздухъ, улицы, дома̀, люди, шумъ, рѣчь. Онъ не могъ оставаться дома.

Уходя, онъ слышалъ, какъ жена спокойно усѣлась за рояль, спокойно взяла нѣсколько аккордовъ и запѣла:

Въ саду жасминъ благо-уха-алъ,
Бѣлѣя на цвѣтномъ газонѣ.

— Что̀ это за женщина?—подумалъ онъ, скрываясь за дверью...

За этими первыми сценами послѣдовалъ рядъ дальнѣйшихъ. Теперь почти не проходило дня, чтобы между нимъ и женой чего-нибудь не вышло. Сцены сыпались за сценами, какъ густой осенній снѣгъ, и угрожали покрыть своей уныло-безнадежной скатертью, своимъ ледянымъ, холоднымъ покровомъ ниву тяжелыхъ супружескихъ дней.

Весеньеву страшно опостылѣлъ его домъ и этотъ каменный бездушный городъ, населенный женщинами съ каменною душою, кокетками съ опустошенными сердцами, похожими на заброшенные мавзолеи, въ которыхъ когда-то свѣтился вѣчный огонь истины, добра и красоты; но ничего нѣтъ вѣчнаго подъ луной, ничего нѣтъ даже болѣе или менѣе продолжительнаго, все временно, эфемерно, все скоропреходяще... И мужчина, въ особенности изъ серіи театральныхъ поклонниковъ, всегда спѣшитъ потушить этотъ огонь въ сердцѣ женщины, потому что онъ мѣшаетъ ему развратить ея умъ и сердце и превратить женщину въ бездушную куклу, которою ему хочется играть...

И эта кукла жестоко мститъ ему за себя.

Весеньеву хотѣлось уѣхать, чтобы скорѣй забыть свое печальное разочарованіе, свою страшную ошибку.

Онъ съ мужествомъ переносилъ свое горе; никому не довѣрялъ его; ни съ кѣмъ никогда не говорилъ о женѣ, никому не жаловался; лицемѣрилъ передъ всѣми: передъ пріятелями, передъ врагами, передъ сестрой, передъ самимъ собой. Онъ не снималъ маски, добровольно надѣтой на себя, ни на одну минуту. И ему тяжело стало носить ее.

— Арсеній Петровичъ, — сказалъ онъ Покорскому.—Вы говорили мнѣ о поѣздкѣ... помните?

— Да...

— Тогда мнѣ это было трудно, почти невозможно сдѣлать. Теперь мои финансы поправились... Я бы могъ взять Нюту и уѣхать на югъ.

Покорскій посмотрѣлъ на него въ упоръ. Въ его взглядѣ Весеньевъ прочелъ угрюмое горе и безпощадный укоръ.

— Ради Бога...

— Поздно. Я говорилъ вамъ... теперь безполезно... дайте ей умереть спокойно.

XXV.

Нельзя сказать, что въ продолженіе всѣхъ этихъ мѣсяцевъ, прошедшихъ со дня свадьбы Весеньева, Нюта была бы имъ забыта. Но той совмѣстной, общей жизни съ братомъ уже не было. Не стало ни общихъ интересовъ, ни длинныхъ дружескихъ разговоровъ. Казалось бы, и то и другое должно было бы только развиться; но вышло наоборотъ.

Нюта покорилась безропотно своей участи. Она такъ привыкла за время своей болѣзни покоряться силѣ роковыхъ обстоятельствъ, что отучилась даже роптать, жаловаться и безплодно протестовать.

Она позволила себѣ единственный протестъ, незадолго до свадьбы, когда отказалась знакомиться съ Рюминой; быть-можетъ, тутъ играло роль ясновидѣніе любящей женщины, которое до очевидности убѣждало ее, что братъ не можетъ быть счастливъ съ Рюминой.

Обстоятельства покорили ее и подчинили твердо высказанному желанію брата. Но въ ея душѣ ничто не измѣнилось отъ этого. Глухое недовѣріе къ Рюминой, вызванное вначалѣ словами Загорскаго, усилилось послѣ перваго ея свиданія съ будущей родственницей. Совмѣстная жизнь только расширила и углубила это недовѣріе, которое теперь, основываясь на положительныхъ фактахъ, совершенно укрѣпилось.

Да и сама Рюмина какъ будто дѣятельно хлопотала объ укрѣпленіи въ сердцѣ Нюты этого недоброжелательства.

Обѣ женщины видѣлись ежедневно, но на самое короткое время по утрамъ. И этого короткаго времени было слишкомъ достаточно, чтобы ледяная холодность между ними установилась незыблемо съ первыхъ же шаговъ.

Молодая жена говорила съ Нютой о себѣ, и только о себѣ; о своемъ мужѣ она почти никогда не упоминала. Это была эгоистка въ полномъ смыслѣ слова. Нюта же была все, что угодно, только не эгоистка; и такія женщины очень чутки къ проявленію эгоизма въ другихъ; передъ ними трудно маскироваться, и онѣ сразу его угадываютъ.

Во всѣхъ предположеніяхъ, заботахъ, проектахъ и планахъ о текущей жизни, о будущемъ, о лѣтнемъ предполагаемомъ времяпрепровожденіи, во всѣхъ мелочахъ, о которыхъ говорила Рюмина съ Нютой, всегда звучала нота эгоизма, несознаваемаго, быть-можетъ, ею, но несомнѣнно существующаго.

— Вы уже говорили съ Виталіемъ

объ этомъ? — спрашивала иногда Нюта.

— Съ Виталіемъ?—Нѣтъ... О, я знаю, онъ сдѣлаетъ, какъ я хочу...

— Но будетъ ли это ему удобно?

— О, вѣроятно... хотя... Онъ какъ-нибудь постарается устроиться... Правда, я объ этомъ не подумала.

И она съ безтактностью молодой, любимой женщины откровенно прибавляла:

— Видите ли, Нюта, мужъ долженъ заботиться о женѣ и ея удобствахъ, а не наоборотъ. На то онъ и мужъ...

Тонъ Рюминой тоже не нравился Нютѣ. Въ немъ было что-то подчасъ ухарское, вызывающее, какъ будто она хотѣла показать, подчеркнуть, что она совсѣмъ другого круга женщина и гордится этимъ, что она давно отрѣшилась отъ такъ-называемыхъ «предразсудковъ» и имѣетъ свои оригинальные и свободные взгляды. Словомъ, въ каждомъ ея словѣ чувствовалась заправская, коренная актриса.

«Чѣмъ могъ очароваться Витя? — думала Нюта:—что онъ въ ней нашелъ особеннаго, привлекательнаго?»

Когда Лизавета Демидовна достаточно уже привыкла къ новой семьѣ, она стала еще развязнѣе, стѣсняла себя еще менѣе и держалась еще свободнѣе.

Она даже не умѣла ходить въ комнатѣ больной. Рѣзкія движенія, передвиганіе стульевъ, черезчуръ громкій разговоръ, хохотъ, чрезмѣрное веселіе,—все это дѣйствовало раздражающимъ образомъ на Нюту и во всемъ этомъ видѣлись ей нежеланіе войти въ ея положеніе, неделикатность и грубоватость Рюминой.

Душа женщины часто познается въ отношеніяхъ ея къ больнымъ. Здоровая и жизнерадостная Рюмина рѣшительно не переносила около себя болѣзней. Она какъ-то брезгливо и недоброжелательно относилась къ больнымъ. Ее удручалъ видъ больной дѣвушки, ей было не по себѣ отъ этого запаха лѣкарства, отъ этой тишины, полутьмы, отъ мягкихъ ковровъ. И она безъ церемоніи подымала штору, не заботясь о томъ, что яркій свѣтъ рѣжетъ Нютѣ глаза; она выражала неудовольствіе, что въ комнатѣ такъ тихо и говорила безтактность за безтактностью, которыя всегда больно отзывались на душѣ Нюты.

— Что это у васъ за тишина, точно въ гробницѣ?—спрашивала она.—Неужели вамъ не скучно?

Нюта вздрагивала отъ этихъ словъ, и ей дѣйствительно начинало казаться, что она заживо погребена въ этой темной, глухой могилѣ.

Нѣсколько разъ Нюта пробовала говорить о братѣ; она вызывала Лизавету Демидовну на откровенность, желала услышать отъ нея хотя что-нибудь о ея чувствахъ къ Виталію; за одно теплое слово, за одну искреннюю фразу, въ которой она могла бы услыхать нотку любви къ Витѣ, она бы простила ей многое и въ душѣ примирилась бы съ ней; но никогда ничего подобнаго она не слыхала.

Рѣчи Рюминой звучали если не холодностью, то полнѣйшимъ индиферентизмомъ.

Такимъ образомъ установилась между ними холодность, которая съ каждымъ днемъ укрѣплялась все больше и больше.

Съ братомъ Нюта почти никогда не говорила о Рюминой. Это было между ними чѣмъ-то въ родѣ молчаливаго соглашенія.

Вскорѣ послѣ свадьбы у Весеньева не осталось ни малѣйшихъ изъ прежнихъ иллюзій относительно того, что эти двѣ дорогія ему женщины не любятъ другъ друга. И такъ какъ онъ ничего не могъ сдѣлать противъ этого, то ему ничего не оставалось, какъ

молча покориться; онъ долго разбирался и соображалъ, кто изъ нихъ виноватъ? Ослѣпленный женой, онъ въ первое время не прочь былъ всю вину возложить на сестру, помня ея ничѣмъ необъяснимое озлобленіе противъ Рюминой, когда та еще была его невѣстой; но ослѣпленіе не могло долго продолжаться, и истина вскорѣ выяснилась.

Здоровье Нюты ухудшалось не по днямъ, а по часамъ. Арсеній Петровичъ былъ совершенно правъ, говоря, что теперь уже поздно было думать о поѣздкѣ куда бы то ни было. Нюта была очень плоха. Она таяла, какъ воскъ; исхудала до неузнаваемости; отъ страшной худобы казалась еще выше; щеки ея ввалились и обнаружили выдающіяся скулы; ротъ поблѣднѣлъ, носикъ заострился; и только глаза ея горѣли лихорадочнымъ огнемъ и на щекахъ игралъ предательскій румянецъ; кожа ея стала прозрачна; руки дрожали; силы до такой степени оставили ее, что она не могла безъ посторонней помощи перейти съ кресла на постель; ночные поты изнуряли ее ужасно; кашель разбивалъ глубоко запавшую грудь; жалко было смотрѣть на это милое, ни въ чемъ неповинное существо, никогда никому не сдѣлавшее зла и такъ жестоко отданное судьбой въ жертву смертельному недугу...

Весна наступила. Но Нютѣ не о чемъ было мечтать: съ каждымъ весеннимъ днемъ, съ каждымъ теплымъ лучомъ, свѣтившимъ ей черезъ окна, недугъ ея усиливался и держалъ ее все крѣпче въ своихъ цѣпкихъ объятіяхъ; какъ будто весь зимній холодъ, уступившій дыханію весны въ природѣ, переселился въ нее и замораживалъ ея тщедушное тѣло, и она вѣчно дрожала въ лихорадкѣ.

Грозный призракъ не покидалъ теперь ее и нашептывалъ торжествующія, грозныя рѣчи, заглушая, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе слабѣвшій, голосъ надежды. И надежда, покоренная, уходила отъ нея далеко-далеко. Больная сжилась уже со своимъ призракомъ и привыкла къ нему; и всѣ въ домѣ чувствовали страшное его присутствіе; и такъ какъ выгнать его изъ этого дома не было никакихъ человѣческихъ силъ, то пришлось безропотно покориться и помириться съ своей участью.

Незадолго передъ концомъ у тяжко больныхъ появляется на лицѣ несомнѣнный отпечатокъ смерти. Какъ будто грозный призракъ накладываетъ на лицо ужасную маску. Трудно сказать, въ чемъ собственно происходитъ перемѣна, но духъ смерти витаетъ уже надъ обреченной жертвой, осѣняя ее своими темными крыльями, обвѣвая ее ледянымъ дыханьемъ могилы...

Однажды, войдя къ Нютѣ, Весеньевъ отшатнулся, увидя страшное измѣненіе, происшедшее въ ея лицѣ. Онъ еле удержался, чтобы не заплакать. Онъ взглянулъ на нее пристально, вдумчиво, упорно, думая, что ошибся, что ему такъ показалось въ обманчивой полутьмѣ ея спальни. Но нѣтъ! Достаточно было взглянуть на ея обтянувшійся лобъ, на ея глаза, выглядывавшіе изъ глубокихъ впадинъ, на опустившіеся углы губъ и складки, легшія вокругъ нихъ, на обостренный подбородокъ, на всю ея съежившуюся, подавшуюся, осунувшуюся фигуру, чтобы малѣйшее сомнѣніе изчезло...

Что-то подступило къ горлу; ему стоило нечеловѣческихъ усилій удержаться отъ рыданій. Онъ стиснулъ зубы, еще разъ взглянулъ на нее, на доктора, и встрѣтилъ его упорный, строгій взглядъ. Побѣдивъ свое смущеніе, онъ сѣлъ рядомъ съ сестрой. И ему показалось, что вокругъ него

повѣяло холодомъ, что передъ нимъ мелькнула тѣнь, что и его задѣло крыло смерти. Онъ задрожалъ.

Нюта говорила, съ трудомъ переводя дыханіе.

— Мнѣ плохо, милый... ахъ... какъ плохо... я еле дышу... быстро надвигается часъ...

Онъ молчалъ; онъ не могъ ничего ей отвѣтить. Онъ готовъ былъ бы отдать ей всю свою разбитую жизнь, чтобы спасти ее. Небольшая жертва! Слова не шли съ его языка.

— Какъ бы мнѣ хотѣлось уѣхать... далеко, далеко... туда, гдѣ солнце, грѣетъ... гдѣ яркое небо... скажите, докторъ... милый... вы скоро меня увезете... или уже нѣтъ рѣшительно никакой надежды?..

Весеньевъ взглянулъ на Покорскаго.

— И, что вы, дѣтка! — громко и твердо отвѣтилъ онъ. — Это обыкновенная слабость... вы скоро поправитесь, и мы съ Виталіемъ увеземъ васъ, чтобы поправить васъ окончательно... Не надо падать духомъ, не надо... Вы вовсе не такъ больны...

Весеньевъ недоумѣвалъ. Говорилъ ли онъ серьезно? У него было столько убѣжденія и такая искренность звучала въ его словахъ, что Виталій самъ усумнился на одну минуту. Откуда этотъ человѣкъ, горячо любившій Нюту, могъ черпать свое мужество, если онъ лгалъ?..

Нюта зорко посмотрѣла прямо въ глаза Арсенію Петровичу. Ея блестящій лихорадкою взглядъ впился въ него. Въ немъ былъ укоръ, тоска, смертельная боязнь и вмѣстѣ съ тѣмъ покорность, спокойствіе и слабый, слабый лучъ надежды. Такимъ взглядомъ смотрятъ только приговоренные къ смерти... и подъ этимъ взглядомъ опустились глаза доктора.

Нюта задремала.

Арсеній Петровичъ и Виталій Николаевичъ тихо, безшумно поднялись и хотѣли уйти. Больная открыла глаза и взглядомъ удержала ихъ. Съ трудомъ вздохнула она и тихо спросила:

— Въ послѣдній разъ скажите мнѣ, Арсеній Петровичъ... мнѣ недолго жить?

И вдругъ въ лицѣ доктора что-то дрогнуло. Онъ не выдержалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... не говорите...—сказала Нюта:—я теперь все поняла...

Она опять задремала.

Они вышли.

Въ кабинетѣ докторъ далъ волю своему горю.

Онъ не сѣлъ, а какъ-то грузно, тяжело опустился на диванъ, и здоровая, бодрая фигура его задрожала отъ глухихъ, беззвучныхъ рыданій.

— Что это, что это!—растерянно спрашивалъ Весеньевъ. — Неужели такъ уже близко?..

— Развѣ вы не видите? Развѣ вы не видите, что это конецъ?..

Въ комнату вошла Лизавета Демидовна.

— Я хотѣла сказать тебѣ, Виталій... я хотѣла бы сегодня...

— Все, что тебѣ угодно, все, что тебѣ угодно...—холодно отвѣтилъ онъ, не желая слушать.

Она постояла на порогѣ, посмотрѣла на нихъ и, пожавъ плечами, вышла.

XXVI.

У Виталія Николаевича оказалось достаточно силы воли, чтобы скрывать отъ сестры свои огорченія, неудачи и несчастья. Онъ никогда не жаловался ей на жену; она не слыхала отъ него еще ни одного упрека, ни одного недобраго или раздраженнаго слова о Лизаветѣ Демидовнѣ. Онъ избѣгалъ говорить о ней, а Нюта тоже не навязывала ему своихъ разговоровъ.

Еще значительно раньше, когда Весеньевъ узналъ, наконецъ, отъ доктора истинное положенiе болѣзни Нюты, онъ опять вернулся къ ней всей любящей душой своей, удвоилъ попеченiя, заботы и ласки. И она поняла, что въ этой перемѣнѣ играло не послѣднюю роль разочарованiе его въ женѣ.

Долгiе, длинные вечера просиживалъ братъ въ комнатѣ больной сестры. У нихъ образовался свой тѣсный кружокъ: докторъ, Загорскiй, Виталiй и Катя; они всѣ полюбили другъ друга и относились другъ къ другу, какъ люди, связанные однимъ общимъ несчастьемъ; они жили интересами и новостями этой печальной комнаты, они окружили заботами дорогую больную.

Въ квартирѣ Весеньевыхъ образовалось два мiрка: мiрокъ Лизаветы Демидовны и мiрокъ Нюты. Оба мiрка жили отдѣльной жизнью; что̀ интересовало однихъ, то не интересовало другихъ, и квартира походила болѣе всего на меблированныя комнаты, въ которыхъ судьба свела совершенно случайно людей, не имѣвшихъ между собою ничего общаго.

Иногда Лизавета Демидовна заходила въ комнату Нюты и вносила ледяной холодъ въ общество близкихъ къ Нютѣ людей. Она всегда приходила со своей неизбѣжной камфорой, говорила что-нибудь вымученное, дѣланное, фальшивое, походила на гостью, принужденную изъ приличiя дѣлать непрiятный ей визитъ. Всѣ разговоры смолкали при ней; тяжелое настроенiе овладѣвало всѣми, и въ особенности Нютой. Освѣдомившись ледянымъ тономъ о здоровьѣ больной, Лизавета Демидовна обращалась съ разговорами къ Загорскому неизмѣнно объ одномъ и томъ же: какую онъ пишетъ пьесу и будетъ ли въ ней для нея роль? Доктора она съ безпокойствомъ спрашивала о заразительности болѣзней вообще и нѣкоторыхъ въ частности; во всѣхъ этихъ разговорахъ проглядывала единственная забота о себѣ, жестокiй эгоизмъ, который удручающимъ образомъ дѣйствовалъ на присутствующихъ и заставлялъ ихъ отвѣчать неохотно и холодно. Когда она, наконецъ, уходила—что̀ случалось очень скоро: она не засиживалась,—всѣ облегченно вздыхали, и прежнее настроенiе овладѣвало ими.

Однажды Виталiй Николаевичъ не выдержалъ. Онъ вышелъ за женой и, остановивъ ее въ гостиной, сказалъ:

— Послушай, я хочу поговорить съ тобой серьезно.

— Пожалуйста...

Она произносила это слово протяжно, обидно-равнодушнымъ тономъ, какъ будто хотѣла сказать нѣчто въ этомъ родѣ: «Мнѣ-то что? Говори, о чемъ хочешь или вовсе не говори,—мнѣ рѣшительно все равно...»

— Я хотѣлъ сказать... послушай... если ты совершенно равнодушна къ Нютѣ... зачѣмъ ты ходишь къ ней?

— Это мой долгъ... и наконецъ, кто тебѣ сказалъ, что я къ ней...

— Ахъ, оставимъ это... и о долгѣ тоже не будемъ говорить; мало ли долговъ, которые мы не исполняемъ. Но къ чему лицемѣрить... но ты ведешь себя въ ея присутствiи, какъ жестокая эгоистка... Ты употребляешь въ разговорахъ съ ней убiйственный тонъ какого-то покровительства здороваго человѣка; ты съ ней черезчуръ холодна и равнодушна; всѣ твои разговоры только напоминаютъ ей о ея болѣзни, ты думаешь только о себѣ... Если ты такъ боишься заразиться... такъ не ходи вовсе... къ чему это лицемѣрiе?

— Это она просила передать?

— Это *я* тебѣ говорю.

— Это похоже на формальный отказъ отъ дому! Нечего сказать, въ хорошенькую семейку я попала, гдѣ позволяютъ себѣ третировать такимъ образомъ жену брата...

— Лиза!—воскликнулъ онъ гнѣвно.

Съ этихъ поръ она стала заходить къ больной очень рѣдко, а такъ какъ и ея положеніе не было завидно—она была теперь совершенно покинута и оставалась цѣлыми днями одна,—то стала часто уходить изъ дому.

Сестра безъ словъ догадывалась, что братъ несчастенъ, и это ее ужасно мучило.

Вечеромъ, когда всѣ разошлись и съ ней остался одинъ Виталій, она пригнула къ себѣ его голову, нѣжно поцѣловала его и тихо сказала:

— Послушай, Витя, ты... очень несчастенъ?

Онъ вздрогнулъ. Это были первыя простыя, откровенныя, дружескія слова, далекія отъ тѣхъ условныхъ фразъ, которыя до сихъ поръ произносились между ними.

Онъ пробовалъ отрицать, защищаться.

— Что ты, голубка? Откуда взяла это? Напротивъ... я...

— Не лги,—строго сказала она.—Къ чему ложь? Ты думаешь, я ничего не вижу?.. Ты думаешь, я многаго не замѣчаю?.. Бѣдный мой, бѣдный Витя!..

Она взволновалась и заплакала: ему передалось ея волненіе. Онъ нагнулся къ ея рукѣ, чтобы скрыть свои слезы, горячо поцѣловалъ эту руку и прошепталъ:

— Ну, да... правда... я очень, очень несчастливъ... Я ошибся въ ней... Я думалъ совсѣмъ другое... Ахъ, Нюта, Нюта, если бы ты знала, какъ я наказанъ... если бы ты знала!..

Въ комнатѣ было тихо; что-то ужасное закрадывалось ему въ душу, и онъ говорилъ подъ впечатлѣніемъ этого ужаснаго, прислонившись головой къ ея колѣнямъ, не поднимая головы; онъ чувствовалъ, какъ слова застрѣваютъ въ его горлѣ, какъ какой-то страхъ заползаетъ къ нему въ сердце. Ужасъ овладѣвалъ имъ; подгоняемый этимъ ужасомъ, онъ все говорилъ, говорилъ, желая звуками словъ отогнать это ужасное, этотъ призракъ, вставшій вдругъ передъ нимъ...

Онъ долго разсказывалъ сестрѣ повѣсть своихъ невзгодъ... Но почему она не отвѣчаетъ? Почему въ комнатѣ такое безмолвіе? Почему рука ея, которую онъ держалъ въ своей рукѣ, вдругъ какъ-то похолодѣла? Онъ задрожалъ отъ ужаса...

Онъ поднялъ голову.

Головка Нюты свѣсилась на грудь, смертельная блѣдность покрывала ея лицо.

Что̀ съ ней обморокъ? Смерть?

Онъ дико вскрикнулъ, высвободилъ свою руку и побѣжалъ къ двери.

Жена его была на этотъ разъ дома.

Онъ встрѣтилъ ее, схватилъ за руку и сказалъ:

— Поѣзжай сейчасъ же къ доктору... Кати нѣтъ...

— Мнѣ некогда... я должна...

Тогда онъ стиснулъ ея руку такъ, что у ней хрустнули пальцы; глаза его горѣли огнемъ бѣшенства; онъ подошелъ въ упоръ къ ней, къ самому лицу, ожигая ее своимъ взглядомъ и своимъ горячимъ дыханіемъ.

— Негодная!—прошипѣлъ онъ:—Я убью тебя, если ты не поѣдешь...

И кинулся въ комнату Нюты.

Лизавета Демидовна опустилась на стулъ, словно въ конецъ обезсиленная. То, что̀ она отвѣтила мужу, вовсе не было жестокосердіемъ. Она не знала, что съ Нютой такъ плохо. Но теперь, послѣ обидныхъ словъ мужа, она поняла, что совершилось что-то важное, и, собравъ всѣ свои силы, побѣдивъ негодованіе про-

тивъ мужа, вызванное сдѣланной ей сценой, она поѣхала къ Арсенію Петровичу. По дорогѣ она нашла даже въ себѣ столько великодушія, чтобы простить Виталію его грубую выходку.

Съ Нютой было плохо. Что-то клокотало въ груди; блѣдность превращалась въ синеву; глаза закатились; изъ полуоткрытыхъ, посинѣвшихъ губъ вырывался хрипъ. Все тѣло ея вытянулось...

Виталій подошелъ къ ней.

— Нюта!..—шепнулъ онъ.

Ему показалось, что по ней прошелъ какой-то трепетъ. Какъ будто она хотѣла отозваться на этотъ зовъ, услышанный ею уже издалека, откликнуться, повернуться, но что-то роковое удерживало ее, и у ней не хватало силъ шевельнуться.

Когда пріѣхалъ Арсеній Петровичъ, Нюты уже не стало.

Слыхала ли она исповѣдь брата? Не онъ ли убилъ ее своими горестными словами?

Арсеній Петровичъ не плакалъ, не вздыхалъ. Съ жестокимъ стоицизмомъ онъ дѣлалъ свое дѣло; но въ его глазахъ было столько нѣмого, страшнаго горя!.. Этотъ серьезный, дѣловой человѣкъ любилъ только разъ въ жизни, и вотъ чѣмъ кончилась эта любовь! Нюта умерла, даже не зная, сколько горячаго, искренняго, хорошаго чувства возбуждала она въ окружавшихъ ее людяхъ...

XXVII.

Шторы были спущены, зеркала завѣшаны. Въ открытую форточку вмѣстѣ съ морознымъ воздухомъ врывался временами гулъ той улицы, которой совершенно не знала Нюта.

Псаломщикъ стоялъ у изголовья и читалъ псалтырь; онъ читалъ вяло, монотонно, формально; порой ничего нельзя было разобрать. И это унылое чтеніе, и эти восковыя, тускло горящія свѣчи,—вся обстановка производила гнетущее впечатлѣніе.

«Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ и на пути грѣшныхъ не ста и на сѣдалищѣ губителей не сѣде. Но въ законѣ Господнѣ воля его...» Такъ читалъ псаломщикъ, и присутствующимъ казалось, что эти слова прямо относятся къ покойницѣ, которая не знала грѣха, не вѣдала нечестивыхъ помысловъ.

Тѣло Нюты исхудало и какъ-то еще больше вытянулось; худоба ея была поразительна, и на дѣтскомъ личикѣ ея лежала печать недѣтскаго выраженія. Оно было строгое, торжественное, сосредоточенное; какъ будто что-то ей одной доступное, ей одной видимое витало передъ ея закрытыми глазами; и несмотря на серьезность, порой казалось, что блаженная улыбка осѣняла ея красивыя, изящно очерченныя губы.

Около ея гроба собрались тѣ немногія лица, которыя имѣли общеніе съ нею при жизни. Тутъ были Загорскій, Арсеній Петровичъ, Катя, неутѣшно рыдавшая, Лизавета Демидовна въ глубокомъ траурѣ и Виталій Николаевичъ, холодный, безучастный съ виду, какъ бы одеревенѣвшій. Разныя чувства волновали этихъ людей, но горе было искреннее и всеобщее. Даже Лизавета Демидовна плакала, и повидимому безъ малѣйшаго лицемѣрія. Загорскій зорко присматривался къ ней, желая подмѣтить хотя одну черточку комедіантства, но ничего не замѣтилъ, и потому мысленно рѣшилъ: «нѣтъ, все-таки у нея есть сердце», и это его нѣсколько помирило съ ней.

Разныя думы одолѣвали Весеньева. Ему вспомнились слова Булатова: «неприспособленные, слабые, неорганизованные должны погибнуть... въ этомъ роковой законъ эволюціи, борьбы

за существованіе, прогресса типа...» и вотъ одна изъ такихъ неприспособленныхъ, слабыхъ—погибла... Но насколько эта неприспособленность лучше, чище тѣхъ хорошо вооруженныхъ, тѣхъ сильныхъ, тѣхъ, которые умѣютъ приспособляться къ жизни и жизнь приспособлять къ себѣ, умѣютъ бороться и выходить изъ борьбы здоровыми, бодрыми, неунывающими! Они черствѣютъ, они озлобляются, они часто утрачиваютъ все лучшее, что̀ у нихъ было до вступленія въ эту тяжелую борьбу... Потомъ мысли, обрываясь на серединѣ, не приводя ни къ какимъ результатамъ, перебрасывались на другой строй вопросовъ. «Теперь я одинъ»,—думалъ онъ:—«одинъ въ этомъ огромномъ водоворотѣ... жена... съ ней давно кончено!.. И если мы еще наружно жили вмѣстѣ, то это благодаря Нютѣ... Теперь ея нѣтъ, и послѣдняя связь порвана... Мы разойдемся... Къ чему появилась на свѣтъ Нюта, чтобы безслѣдно исчезнуть, не узнавъ жизни? Къ чему я женился, чтобы такъ скоро разойтись, не извѣдавъ счастья?.. Къ чему все это?.. Живъ ли Булатовъ?.. Онъ одинъ могъ бы отвѣтить на это... Бѣдный Покорскій!.. онъ такъ любилъ ее... А этотъ Петръ Ивановичъ... глаза его блестятъ отъ слезъ... Этотъ мужественный мужчина, этотъ сильный... чего онъ плачетъ? За что онъ любилъ Нюту и тѣшилъ ее, какъ ребенка? Что̀ она ему, балагуру, занятому своими пьесами?.. И... *эта*... плачетъ—Лиза! Поздно! Лицемѣритъ она или нѣтъ? О, нѣтъ, кажется, нѣтъ!..»

Видъ плачущей жены на него подѣйствовалъ благотворно. Онъ чувствовалъ, какъ отупѣніе и одеревенѣлость проходила; какъ что-то мягкое, теплое и хорошее вливалось въ его душу... «Прости ей, Господи...—думалъ онъ:—не вѣдала, что творила...» И кто знаетъ, почему въ ней было столько недомыслія, столько озлобленія, столько комедіантства?...

Панихида кончилась; онъ все стоялъ неподвижно у гроба и вглядывался въ милыя, дорогія ему черты. Порой ему казалось, что глаза Нюты раскрывались и глядѣли на него тѣмъ милымъ, тѣмъ дорогимъ, тѣмъ горячимъ взглядомъ, какимъ они смотрѣли на него при жизни. И ему казалось еще, что ея блѣдныя губы улыбались ему нѣжно, ласково, какъ будто ободряя на дальнѣйшую борьбу, на плодотворную работу, на великіе подвиги... Волосы на лбу Нюты зашевелились. Изъ форточки доносилась до ея волосъ струя воздуха, но Виталію показалось, что Нюта кивнула головой. Онъ бросился къ ней и упалъ на ея трупъ. Только теперь рыданія, давно просившіяся наружу, вырвались у него, и подъ ихъ тяжестью онъ склонилъ свою бѣдную, одинокую голову.

Кто-то взялъ его подъ руку и, несмотря на его нежеланіе, настойчиво вывелъ изъ комнаты. Это былъ Арсеній Петровичъ.

Они прошли въ комнату Нюты. Тамъ все было попрежнему, все стояло въ томъ же порядкѣ, все напоминало Нюту; но уже не чувствовалось присутствія жизни; даже призракъ, поселившійся въ комнатѣ незадолго до смерти и присутствіе котораго всѣ ощущали,—теперь исчезъ.

Они упали другъ другу въ объятія и горько заплакали.

Такъ могутъ плакать только души чистыя, непорочныя—дѣтскія души...

(Окончаніе будетъ.)

ИЗЪ „ОСЕННИХЪ МЕЛОДІЙ".

Задумчивые дни безъ солнца, безъ тепла,
И зори смутныя, и ночи, какъ могила...
Я осень узнаю: незримо подошла
И тихо, блѣдная, въ права свои вступила.

Ни дѣвственныхъ цвѣтовъ, ни пѣсенъ—нѣтъ слѣда,
Обнажены лѣса, осиротѣли нивы,
И съ пастбищъ брошенныхъ послѣднія стада
Плетутся медленно, усталы и лѣнивы.

Зато, какъ эта даль спокойна и нѣжна,
Какъ облака идутъ медлительно и плавно...
Когда царитъ кругомъ такая тишина—
И дышится легко, и думается славно!

Не смерть холодная проходитъ мимо насъ,
Не смерть безжалостно былые всходы коситъ:
Желанный миръ идетъ, и близокъ этотъ часъ:
Усталая земля его такъ жадно проситъ!

Пусть осень шлетъ мнѣ день, лишенный красоты,
Пусть мертвенную ночь смѣняетъ грусть разсвѣта...
Я не отдамъ такой печали за цвѣты,
За лживые цвѣты обманчиваго лѣта.

Сергѣй Сафоновъ.

Маленькая пчелка.

Сказка **Г. Панина.**

I.

Маленькая Пчелка только-что вылупилась изъ своего крошечнаго яичка и сразу почувствовала, что ей было нехорошо. Почему? Она сама этого не знала.

Удивляясь собственному существованію и всему, что было вокругъ нея, этому множеству нелопнувшей еще пчелиной червы и хлопотавшихъ тутъ старыхъ пчелъ, кучамъ трутней, неподвижно лежавшихъ па сотахъ и выгрѣвавшихъ черву, и шестиграннымъ ячейкамъ, и запаху меда, и сырому и душному теплу воздуха въ ульѣ,—она увидѣла далеко отъ себя, въ противоположной стѣнѣ, яркое, свѣтящееся пятно, отъ котораго тянулась вглубь улья свѣтлая полоса, терявшаяся свѣтлымъ же пятномъ въ закупоренныхъ, полныхъ меда ячейкахъ. Она, конечно, не могла дать себѣ отчета въ томъ, что это было такое, но она чувствовала, что тамъ лучше, чѣмъ въ душномъ ульѣ. И, неуклюже карабкаясь своими нетвердыми еще мохнатыми ножками, она поползла къ свѣтлому пятну на противоположной стѣнѣ улья.

И чѣмъ ближе она подвигалась къ блестѣвшему свѣтлому пятну, тѣмъ все сильнѣе становилось въ ней радостное

чувство удивленія собственному существованію и всему окружающему, тѣмъ больше возрастала и увѣренность въ томъ, что за этимъ свѣтящимся пятномъ она найдетъ то настоящее существованіе, которое такъ неудержимо ее привлекало. И она подползла къ этому свѣтлому пятну, и нѣсколькими отчаянными усиліями нетвердыхъ мохнатыхъ ножекъ перевалилась за стѣнку улья, туда, наружу, на Божій свѣтъ, — перевалилась на подставленную къ летку дощечку и... замерла отъ нахлынувшаго на нее чувства восторга, удивленія, въ тысячу разъ сильнѣйшаго, чѣмъ то, которое она испытывала раньше въ ульѣ. Все было залито яркимъ свѣтомъ, и, прижавшись поплотнѣе къ теплой, нагрѣтой солнцемъ поверхности дощечки, она всецѣло отдалась охватившему ее радостному, громадному чувству,—чувству жизни.

Она замерла въ теплѣ солнечныхъ лучей, ожидая, что же будетъ дальше? А дальше было все то же и то же: солнце грѣло её, и это тепло было не то сырое, удушливое тепло улья, а новое, живительное; вѣтерокъ ласкалъ ея крылышки, шевелилъ нѣжныя желтыя шерстинки ея мохнатаго тѣльца, теплою струей проникая до живой, чувствительной кожицы и вливался въ грудь черезъ жадно дышавшія дыхальцы.

Понемногу приходя въ себя отъ охватившихъ ее новыхъ сильныхъ и радостныхъ ощущеній, она принялась двигать своими мохнатыми нетвердыми ножками, часто останавливаясь и почесывая переднею парой головку. Ползя такимъ образомъ и почесываясь, она вдругъ обратила вниманіе на какой-то странный, жужжащій звукъ, который, какъ ей казалось, издала она сама же. Звукъ этотъ она слыхала и раньше, еще въ ульѣ, но тогда она не обратила на него вниманія. Прислушавшись къ звуку, она убѣдилась, что дѣйствительно она сама его издаетъ, когда начинаетъ двигать крылышками. Но къ чему эти крылышки, къ чему она по временамъ двигала ими, къ чему издавала этотъ веселый жужжащій звукъ—этого она не знала.

Вдругъ она, добравшись до края дощечки, опрокинулась куда-то въ бездну и, уцѣпившись за дощечку крошечнымъ коготкомъ одной только ножки, безпомощно повисла въ воздухѣ. Крылышки на спинѣ сами собой, помимо ея воли, задвигались, звукъ получился гораздо тоньше, чище и сильнѣе, чѣмъ раньше, и, отдѣлившись отъ дощечки, она плавно понеслась надъ бездной, въ пространствѣ, купаясь въ теплѣ солнечныхъ лучей. Всѣ чувства, волновавшія ее до сихъ поръ, теперь возросли и слились въ одно радостное, громадное, всеобъемлющее чувство,—чувство, говорившее ей: «Какъ хорошо! Тамъ, вверху, гдѣ синѣетъ небо, гдѣ плывутъ бѣлыя тучки, гдѣ сверкаетъ это море огня, это солнце, на которое и смотрѣть-то даже нельзя,—какъ хорошо! А тамъ, внизу, гдѣ такъ зелено, гдѣ трава колышетъ свои остролистые стебельки, гдѣ киваютъ своими головками цвѣточки—красные, бѣлые, синіе, желтые—какъ хорошо! И здѣсь, въ воздухѣ, гдѣ такъ тепло, такъ привольно, такъ легко дышится, въ воздухѣ, который несетъ меня Богъ знаетъ куда — какъ хорошо! И во мнѣ, въ моей груди, какая радость, какое веселье, какая жизнь!» Какъ хорошо! Какъ хорошо!

II.

Такъ летѣла Маленькая Пчелка и радовалась собственному существованію, которое было для нея новостью, и всему окружающему, такъ же новому для нея, какъ и ея существованіе. Скоро ко всѣмъ этимъ ощущеніямъ присоединились еще два такія же новыя. Первое была усталость, второе—голодъ. И съ тою же самою безошибочностью невольнаго влеченія, которое она испытала уже однажды въ ульѣ, завидѣвъ свѣтлое пятно летка, съ тою же увѣренностью, что она найдетъ то, что ей нужно, она опустилась

внизъ, ища, гдѣ бы присѣсть, чтобы отдохнуть, и чего бы поѣсть, чтобы утолить голодъ.

Она увидѣла на солнечномъ склонѣ большой горы много красивыхъ синихъ колокольчиковъ, и, заслышавъ ихъ медвяный запахъ, уже знакомый ей въ ульѣ, понеслась къ нимъ, въ полной увѣренности, что она нашла то, чего ей недостаетъ. Она опустилась на одинъ изъ синихъ колокольчиковъ, чтобы немного отдохнуть. Но запахъ меда, выходившій изъ чашечки колокольчика, былъ такъ силенъ и такъ неотразимо привлекателенъ для нея, что она забыла объ усталости и поползла въ чашечку, отряхая съ тычинокъ желтую пыль и покрывая ею свои нѣжныя, мохнатыя шерстинки. На днѣ чашечки былъ медъ, который она съ жадностью стала ѣсть.

Къ той же чашечкѣ, изъ которой ѣла Маленькая Пчелка, прилетѣла съ густымъ, дѣловымъ гудѣньемъ старая, большая пчела. Не обращая вниманія на то, что чашечка была уже занята, она проворно заползла въ нее, и, раздвигая нѣжныя тычинки цвѣтка своими крѣпкими, мохнатыми лапами, обивая желтую пыль жужжаніемъ крыльевъ и обдавая ею Маленькую Пчелку, она живо добралась до меда и сразу уничтожила его весь. Маленькая Пчелка съ удивленіемъ наблюдала за старою обжорой, но такъ какъ она уже не испытывала голода, то не сердилась на старую пчелу.

Опорожнивъ дочиста всю чашечку, старуха съ такимъ же дѣловымъ гудѣньемъ вылетѣла изъ нея, и, повертѣвшись вокругъ цвѣтка, полетѣла дальше. Маленькая Пчелка была очень заинтересована старухой, и особенно тѣмъ сосредоточеннымъ дѣловымъ видомъ, съ которымъ она влетала въ цвѣтокъ, пила медъ и вылетала обратно. Никакъ нельзя было думать, что она просто устала, проголодалась и прилетѣла отдохнуть и поѣсть. Напротивъ, было совершенно очевидно, что дѣло для нея вовсе не въ этомъ, а въ чемъ-то другомъ, неизмѣримо важнѣйшемъ. Это-то важное, неизвѣстное и непонятное Маленькой Пчелкѣ, главнымъ образомъ и заинтересовало ее. Она проворно вылетѣла изъ пустой чашечки, гдѣ не осталось даже запаха меда, и понеслась вслѣдъ за старухой, стараясь не потерять ея изъ виду. Это было совсѣмъ не трудно, такъ какъ Маленькая Пчелка съ удивленіемъ замѣтила, что старуха, все сохраняя свой сосредоточенный дѣловой видъ, влетала поочередно въ каждый попадавшійся ей по пути цвѣтокъ, и, очевидно высосавъ изъ него весь медъ, перелетала къ слѣдующему. «Какъ она можетъ такъ много ѣсть?»—подумала Маленькая Пчелка, летя вслѣдъ за старухой и заглядывая въ опорожненные ею цвѣтки. И наконецъ, не утерпѣвъ, она подсѣла къ Старой Пчелѣ, когда та совсѣмъ исчезла въ синей чашечкѣ, такъ что видна была только задняя пара мохнатыхъ лапокъ, да остренькое брюшко.

— Какъ ты можешь такъ много ѣсть?— спросила Маленькая Пчелка.

Старуха высунулась изъ чашечки и, важно усѣвшись на лепесткѣ, перестала жужжать. Она была необыкновенно толста и казалась очень утомленною. Маленькая Пчелка замѣтила это.

— Я не ѣмъ, — отвѣтила старая пчела.

— А что̀ же ты дѣлаешь?

— Какъ, что?—промолвила старуха, и ея крылышки издали недовольный, негодующій звукъ. —Развѣ ты не видишь? Я собираю медъ, чтобы приносить пользу улью и отблагодарить его за то, чѣмъ я ему обязана.

И толстая мохнатка сердито отвернулась отъ легкомысленной пчелки, давая понять, что разговоръ конченъ. Она опять дѣловито загудѣла и тяжело понеслась къ слѣдующему цвѣтку, не опускаясь, а какъ-то устало падая на него вслѣдствіе тяжести меда, который она уже успѣла собрать.

— Нѣтъ, постой, объясни, научи! — отчаянно закричала Маленькая Пчелка

въ то время, какъ старуха высасывала уже третій цвѣтокъ, и, не обращая вниманія на покинутую собесѣдницу, перелетѣла на четвертый. Маленькая Пчелка осталась въ величайшемъ изумленіи.

Она изумлялась не тому открытію, что она чѣмъ-то кому-то обязана и должна платить этотъ свой долгъ, потому что теперь ей казалось, что она это и раньше знала. Она изумлялась тому, что это такъ просто, справедливо и хорошо. Она вспомнила родной улей, его темноту, запахъ меда, запахъ воска, сыроватый, жилой воздухъ улья, и все то, что̀ прежде отталкивало ее, теперь стало казаться ей необыкновенно дорогимъ, роднымъ и привлекательнымъ. Ей вдругъ страстно захотѣлось всего этого: и темноты улья, и множества хлопочущихъ въ немъ пчелъ, и запаха меда, особеннаго, сгущеннаго и смѣшаннаго съ запахомъ воска, и сыроватаго, жилого воздуха улья. И, подчиняясь необыкновенной силѣ этого желанія и еще другого, такого же сильнаго желанія—уяснить себѣ окончательно все, что̀ она только-что узнала, или, какъ ей казалось, и раньше знала, она погналась за Старою Пчелой.

— Объясни же мнѣ, старая,—сказала она, догоняя ее на цвѣткѣ:—открой мнѣ глаза!

— Не нужно тебѣ никакихъ объясненій,—сердито отвѣтила старуха: — собирай медъ и неси его въ улей на пользу общую.

Слова: «на общую пользу» точно свѣтомъ озарили Маленькую Пчелку. Она вдругъ успокоилась, словно все поняла. Это спокойствіе было вызвано главнымъ образомъ открытіемъ, что медъ можно не только ѣсть, но и собирать.

И она вдругъ почувствовала сильную любовь къ улью, къ обществу, котораго она еще не знала, и особенно къ старой, мохнатой и сердитой пчелѣ, открывшей ей истину. Она радовалась, что и ей, Маленькой Пчелкѣ, дано будетъ приносить пользу обществу. Это радостное сознаніе заставило ее усердно собирать медъ, причемъ она старалась быть поближе къ старой пчелѣ, такъ, чтобы старуха видѣла, какъ она трудится на общую пользу, и сама полюбила бы ее за это.

III.

Наконецъ, Маленькая Пчелка набрала много меду и почувствовала, что брать больше некуда. Старуха уже очень утомилась, и обѣ рѣшили, что пора уже отнести взятокъ въ улей. Тяжело гудя и несясь низко надъ травой, онѣ полетѣли вмѣстѣ домой. Рвеніе Маленькой Пчелки, ея желаніе трудиться на общую пользу, платить улью свой долгъ, котораго она еще хорошенько не понимала, были такъ велики, что она никакъ не могла удержаться отъ соблазна еще и еще опуститься на какой-нибудь цвѣтокъ. Глядя на нее, старуха, можетъ-быть, вспоминала свою молодость, и въ ея сварливомъ гудѣньи слышалась материнская нѣжность. «Да ну ужъ,—гудѣла она:— нельзя же такъ: будетъ, будетъ. Пора и въ улей, а то надорвешься».

Онѣ прилетѣли въ то мѣсто на солнечномъ склонѣ горы, гдѣ, подъ тѣнью старыхъ липъ, накрытые большими желтыми глиняными мисками и сверху еще толстыми соломенными кошмами, стояли ульи. Какъ ни много ихъ было, Маленькая Пчелка отлично узнала бы свой и ни за что не попала бы въ чужой, хотя съ виду всѣ они были похожи другъ на друга. Она летѣла рядомъ со старухой не какъ новичокъ, а увѣренно и твердо, какъ будто бы обѣ одинаковое число разъ пролетали по этимъ мѣстамъ, между этими липами и ульями, и одинаково знали дорогу домой. Старуха тяжело опустилась на деревянную приступку у летка и, переваливая свое толстое брюхо и грузно волоча его по горячему дереву, поползла въ улей.

Маленькая Пчелка съ замираніемъ сердца поползла въ первый разъ въ улей, и притомъ съ богатою добычей.

Чувство, испытанное ею при этомъ, былъ стыдъ и угрызеніе совѣсти за испытанное раньше желаніе разстаться съ ульемъ. Ей было стыдно и досадно, что она тогда хотѣла покинуть этотъ, теперь дорогой и родной для нея, улей, могла не дорожить имъ, не полюбить его сразу, что ей могло казаться, будто не хорошо ей въ этомъ ульѣ, будто въ мірѣ гдѣ-то есть мѣсто лучше, привлекательнѣе его. Теперь она знала, что нигдѣ нѣтъ мѣста, болѣе ей дорогого, чѣмъ родной улей, и что весь остальной міръ существуетъ только для него, для этого улья. И это чувство стыда и раскаянія за свое прежнее заблужденіе было дорого и пріятно ей, такъ какъ искупало вину прежняго нехорошаго чувства.

Она стала искать того мѣста, куда слѣдовало сложить принесенный ею медъ. Это было совсѣмъ не трудно. Всякій зналъ, что ему дѣлать.

Однѣ тянули новую, чистую и бѣлую, какъ снѣгъ, вощину, располагая ее правильными, удивительно точно выдѣланными шестиугольниками. Другія, набравъ на вишняхъ вытекшаго изъ растрескавшейся коры и загустѣвшаго клея, замазывали, задѣлывали и исправляли старые, побурѣвшіе и желтоватые соты. Третьи запечатывали воскомъ ячейки, наполненныя вызрѣвшимъ и слегка загустѣвшимъ медомъ. Большіе длиннотѣлые трутни, распластавшись, неподвижными купами лежали на вощинѣ, вырѣвая невылупившуюся еще черву; но громадное большинство пчелъ узкою, колышащеюся и мѣрно двигавшеюся лентой тянулось отъ летка въ противоположную сторону улья, неуклюже переваливая на ходу свои толстыя брюшки. Эта *сила* несла медъ въ соты. Чувствовалось, что эта колышащаяся и переваливающая толстыя брюшки лента совершаетъ самую важную, самую цѣнную и любимую работу, и что всякая пчела, кромѣ развѣ лѣнивыхъ трутней, охотно примкнула бы къ этой лентѣ.

Маленькая Пчелка давно потеряла въ этой, повидимому, безпорядочной толкотнѣ пчелъ свою старую руководительницу; но, разъ попавъ въ летокъ, она уже, помимо собственной воли, общимъ теченіемъ всей этой колышащейся ленты, ея общимъ опытомъ, ея духомъ неудержимо была увлечена, и именно туда, куда надо было. Попавъ изъ яркаго солнечнаго свѣта въ полутемный улей, она ничего не могла видѣть и безсознательно ползла туда, куда подталкивали ее эти толстыя, мохнатыя брюшки, мѣрно двигавшіяся ножки и сложенныя на спинкахъ беззвучныя теперь крылышки. Привыкнувъ къ темнотѣ, она увидѣла, что лента рабочихъ пчелъ ползетъ по висящимъ поперечными рядами сотамъ, перебираясь съ одного ряда на другой. Когда лента доползала до того мѣста въ ульѣ, гдѣ слѣдовало сложить принесенный медъ, она разбивалась, разстраивалась, расползалась, какъ разбѣгается вода въ ручьѣ, когда изъ узкаго, опредѣленнаго русла онъ выбѣжитъ на отлогій берегъ большой рѣки и образуетъ широкую, неправильную дельту. Въ той дельтѣ, которою заканчивалась лента рабочихъ пчелъ, каждая суетилась по-своему, то нагибаясь къ ячейкѣ, то приподымаясь, то исправляя что-то въ ней. И несмотря на кажущійся безпорядокъ этой суетящейся дельты, было очевидно, что нигдѣ во всемъ ульѣ порядокъ не доведенъ до такого совершенства, какъ при этой важнѣйшей ихъ работѣ.

Маленькая Пчелка, попавъ, наконецъ, въ эту суетящуюся дельту, сразу нашла свою ячейку. Это была не случайно найденная, не первая попавшаяся ячейка, а именно та, которая должна была принадлежать ей, и которую не могла занять никакая другая пчела.

Она совершенно забыла теперь свои первоначальныя ощущенія въ ульѣ: и свое желаніе улетѣть изъ него, и свое раскаяніе и стыдъ за это желаніе, и другое свое желаніе, чтобы всѣ видѣли ее и радовались, глядя на нее:—вотъ-молъ

какъ Молодая Пчелка работаетъ. Напротивъ, важность дѣла, которое занимало всѣхъ, и ее вмѣстѣ съ другими, была такъ велика, всѣ были до того поглощены имъ, что, поддаваясь общему настроенію, она думала и старалась только о томъ, какъ бы получше, почище сдѣлать то, что надо было дѣлать. И, отдаваясь этому единственному оставшемуся въ ней желанію исправной работы, она быстро и ловко дѣлала то, что надо было дѣлать и что дѣлали и другія пчелы.

Выгрузивъ медъ, она замѣтила, что всѣ опроставшіяся пчелы не собираются въ прежнюю правильную ленту, а, напротивъ, разсѣваются, куда-то исчезаютъ. Очевидно, у каждой, помимо общаго дѣла, были еще и свои личныя дѣла, которыми онѣ занимались по желанію. У Маленькой Пчелки не было такого дѣла, а потому ясно было, что надо ползти обратно къ летку, опять вылетѣть изъ улья, за медомъ. И она наугадъ поползла черезъ висѣвшіе ряды вощины, пустой и полной, запечатанной и незапечатанной, съ блестѣвшимъ жидкимъ медомъ, старой буро-желтой и новой бѣлоснѣжной. Она ползла, разсчитывая какъ-нибудь пробраться къ летку.

Вдругъ она обратила вниманіе на громадную кучу пчелъ, безпорядочно сбившихся, копошившихся, лѣзшихъ другъ черезъ дружку на кучу и изъ кучи, кувыркавшихся, падавшихъ, точно пьяныя, и при этомъ гудѣвшихъ совершенно своеобразно. Она не понимала, зачѣмъ это пчелы такъ копошатся, толкаются и орутъ. Но очевидно было, что тутъ совершается что-то очень важное, всѣхъ занимающее и чрезвычайно радостное. И чѣмъ ближе она подвигалась въ копошащейся и орущей кучѣ пчелъ, тѣмъ все больше охватывало ее это общее, царствовавшее въ кучѣ настроеніе безумной радости по поводу чего-то, и вдругъ она сама въ какомъ-то радостномъ восторгѣ бросилась къ кучѣ, залѣзла въ самую середину, смѣшалась съ ней, не замѣчая ни жары, ни давки. Она вынырнула на противоположной сторонѣ кучи, измятая и вспотѣвшая, и увидѣла то, что приводило всѣхъ въ это состояніе радости и восторга.

На бѣлоснѣжныхъ клѣткахъ новой вощины, занимая ихъ на нѣкоторое разстояніе въ длину и въ ширину, распластавшись громадными мохнатыми лапками и разставивъ въ стороны большія темныя крылышки, лежала громадная пчела, вялая и апатичная, и равнодушно дѣлала что-то, очевидно очень важное для другихъ и трудное для нея. Она по временамъ вздрагивала отъ трудности совершаемой ею работы и не обращала никакого вниманія на происходившую около нея восторженную толкотню.

Такъ вотъ оно, животворящее, правящее начало,—сама матка! И охваченная новымъ бурнымъ порывомъ восторга, любви и преданности, Маленькая Пчелка, неистово гудя, ринулась обратно въ кучу, въ невообразимую давку, и опять исчезла въ грудѣ наваленныхъ другъ на друга копошащихся пчелиныхъ тѣлъ. Она вынырнула изъ кучи совершенно изнеможенная отъ волненія, жары, давки и усилій, употребленныхъ на то, чтобы выбиться изъ кучи, и, едва отдышавшись, почувствовала себя настоящею пчелой. Ничто пчелиное ей не было чуждо.

Когда она опомнилась и совершенно оправилась, она почувствовала неодолимую потребность труда, и ей казалось, что она понимаетъ, для чего этотъ трудъ нуженъ, что ей ясно *все*. На самомъ дѣлѣ, она поняла только устройство улья.

Она поползла къ летку, и увидѣла, что, приближаясь къ нему, пчелы, желавшія вылетѣть изъ улья, строились такою же правильною, колышащеюся лентой, какъ и влетавшія въ него. И она примкнула къ этой лентѣ, и спокойная, равнодушная, не обращая ни на кого и ни на что вниманія и желая только побольше и получше трудиться, дѣловымъ тономъ,

совершенно похожимъ на тонъ старой пчелы, вылетѣла изъ улья.

IV.

Стояла очень жаркая погода. Дождей давно уже не было, по зарямъ едва-едва выпадали маленькія росы, и все истомилось отъ жажды. На высокихъ солнечныхъ мѣстахъ трава выгорѣла. Ручьи и болотца начинали пересыхать, едва означаясь ярко-зеленѣющими и все болѣе и болѣе суживающимися живыми пятнами на пожелтѣвшемъ отъ жары и жажды фонѣ.

Боже, Боже, дай дождика—и все такъ и зазеленѣетъ и зацвѣтетъ скрытою теперь силой и жизнью.

Для пчелъ это было особенно тяжелое время. Липы, черемуха и бѣлыя акаціи уже отцвѣли, эспарцетъ и красный клеверъ были скошены, и лишь изрѣдка на жесткой щетинѣ покоса виднѣлись жалкіе, худосочные цвѣточки, очень бѣдные медомъ. Всевозможные маки, малина, подсолнечники, — все это было удивительно бѣдно; въ хилыхъ, недоразвитыхъ цвѣточкахъ едва-едва было столько меда, чтобы прокормить пчелу, а о взяткѣ нечего было и думать.

Пчелы сидѣли по ульямъ; онѣ уже не походили на прежнихъ пчелъ. Обиліе меда дѣлало ихъ энергичными, трудолюбивыми, домовитыми, предусмотрительными, запасливыми. Теперь, наоборотъ, недостатокъ меда, бѣдность, въ которой онѣ не были виноваты и предъ которой онѣ чувствовали себя безсильными, породили въ нихъ пороки, совершенно противоположные ихъ прежнимъ добродѣтелямъ. Онѣ сдѣлались апатичными, вялыми и лѣнивыми.

Теперь уже не было массы снующихъ между ульями пчелъ, летящихъ въ поле и обратно, не было веселой толкотни у летковъ, въ ульяхъ не было прежняго радостнаго и напряженнаго шума. Лишь изрѣдка выползетъ въ открытую дырочку летка пчелка-другая и съ соннымъ гудѣньемъ отправится разыскивать затерявшійся гдѣ-нибудь кустикъ малины.

Маленькая Пчелка все это время чувствовала себя очень дурно. Она еще не успѣла хорошенько осмыслить и понять то странное чувство неудовлетворенности, недовольства собой и всѣмъ окружающимъ, которое въ послѣднее время все чаще и чаще охватывало ее; но ей казалось, что трудъ, составлявшій главное содержаніе ея жизни, уже не приноситъ ей того радостнаго сознанія исполненнаго долга, которое она испытывала раньше. Она считала это чувство неудовлетворенности очень дурнымъ чувствомъ, и всѣми силами гнала его отъ себя, приписывая его тому обстоятельству, что при измѣнившихся условіяхъ трудъ сдѣлался малопроизводительнымъ. Но скоро она убѣдилась, что она ошибается, что не въ большей или меньшей производительности труда дѣло, а въ зародившемся новомъ вопросѣ «зачѣмъ?», и что возникъ этотъ вопросъ, какъ она теперь припоминала, гораздо раньше засухи.

Началось это съ того самаго момента, когда, увидавъ впервые матку и испытавъ къ ней то бурное чувство восторга, любви и преданности, она, счастливая, спокойная и, какъ ей казалось, *все* понявшая, вылетѣла изъ улья. Тогда еще шевельнулось въ ней странное чувство безпокойства; ей все казалось, будто бы еще надо что-то осмыслить и понять. Но ей рѣшительно некогда было думать. Солнце такъ ласково свѣтило, земля благоухала легкими испареніями; въ чашечкахъ цвѣтовъ было такъ много медвяной росы, что хотѣлось только одного—работать, хотѣлось поскорѣе набрать взятокъ, а набравши—снести его въ улей. А то смутное, недодуманное, что шевельнулось въ ней, додумается, ей казалось, когда-нибудь потомъ, на досугѣ. И ей казалось, что понять и выяснить себѣ это недодуманное будетъ очень легко, да и оно не казалось ей особенно важнымъ.

Но постепенно это странное чувство

внутренняго безпокойства становилось все сильнѣе. Такъ въ хрустальномъ стаканѣ стоитъ чистая, прозрачная вода, и только на днѣ есть немного мутнаго осадка, который, повидимому, нисколько не мѣшаетъ чистотѣ и прозрачности всей жидкости; но стóитъ только немножко всколыхнуть жидкость—и мгновенно осадокъ подымается со дна, наполняетъ стаканъ, и вся вода дѣлается мутною. Попробуйте отдѣлить осадокъ—вода только помутнѣетъ, а его все равно не отдѣлишь. Осадокъ портится, вода мутнѣетъ все больше и больше, и становится никуда негодной.

Чѣмъ же все это было вызвано? Однажды на зарѣ, когда легкій утренній холодокъ разбудилъ пчелъ, давая имъ понять, что время отдыха прошло и пора летѣть на работу, всѣ вдругъ замѣтили, что въ ульѣ что-то неладно. Маленькая Пчелка, заслышавъ внизу улья, ниже летка, на самомъ днѣ, совсѣмъ особенное, грозное и призывное, какъ набатъ, гудѣнье, вмѣстѣ съ другими пчелами ринулась внизъ. Кого же она тамъ увидѣла? Смертельнаго врага пчелъ, длиннохвостаго вора—мышь. Едва заслышавъ тревогу, мышь, со своею отвратительною и трусливою воровскою манерой, присѣдая на короткихъ ножкахъ и всѣмъ туловищемъ прижимаясь къ стѣнѣ улья, бросилась къ продѣланной ею лазейкѣ. Но двѣ старыя пчелы, какъ двѣ пули, влѣпились ей въ бокъ, и, судорожно корчась отъ боли, мышь повалилась въ ямку, выкопанную подъ ульемъ въ виду обильнаго тогда взятка.

Мышь конвульсивно корчилась отъ боли и безсмысленно дрыгала всѣми четырьмя лапами, а двѣ пчелы, съ завязшими у нея въ мясѣ кривыми жалами, вертѣлись съ яростнымъ гудѣньемъ на одномъ мѣстѣ, такъ какъ не въ силахъ были оторваться отъ сраженнаго врага. Еще десятокъ пчелъ облѣпили воровку, и всѣ увязали въ ней жалами. Жалить было уже некуда, и мышь, вся облѣпленная яростно гудѣвшими и вертѣвшимися на одномъ мѣстѣ пчелами, судорожно вытянула лапки и околѣла. Сраженіе было кончено, врагъ — побѣжденъ, затрубили отбой, и пчелы—однѣ съ стихающимъ гуломъ двинулись къ летку, а другія подбирали капавшій изъ прокушенныхъ мышью ячеекъ медъ, относили его въ пустыя ячейки и чинили испорченные соты.

Вся эта грозная сцена яростной борьбы и защиты своей собственности оставила въ Маленькой Пчелкѣ тяжелое впечатлѣніе, и ей показалось, что тотъ мутный осадокъ чего-то непонятаго, опять всколыхнулся. Она смотрѣла на мертвую мышь, на облѣпившихъ ее, все еще вертѣвшихся и гудѣвшихъ пчелъ и думала о томъ, отчего онѣ не улетаютъ. Приблизившись, она поняла, что это происходило оттого, что онѣ не могли вытащить изъ трупа своихъ увязшихъ въ немъ кривыхъ жалъ. Маленькая Пчелка почувствовала, какъ мутный осадокъ окончательно помутилъ ея ясное сознаніе. Наконецъ, одна изъ увязшихъ въ трупѣ пчелъ оторвалась. Безсмысленно взвизгнувъ и описавъ въ воздухѣ кривую линію, она грохнулась о землю, повертѣлась, взбивая крыльями сухую пыль, и невѣрными, ковыляющими движеніями поползла въ уголъ, волоча за собой что-то отвратительное, выматывавшееся изъ ея брюха.

Маленькая Пчелка подползла съ тяжелымъ предчувствіемъ чего-то ужаснаго, недобраго и, присмотрѣвшись къ забившейся въ уголъ пчелѣ, поняла все. Она поняла, что это испачканное въ пыли мохнатое тѣло, эта отвратительная нитка, вымотавшаяся изъ брюшка, это частое, прерывистое дыханіе, сопровождающееся странными подергиваніями всего тѣла, что все это означало смерть. И она почувствовала, что та недодуманная мысль, которую она считала несущественною и легко разрѣшимою, вдругъ выросла въ громадный, первостепенной важности вопросъ, не разрѣшивъ котораго и жить было нельзя.

Вопросъ этотъ у трупа забившейся въ уголъ пчелы представился ей въ слѣдующемъ видѣ: «смерть есть зло, котораго я

не понимаю.» И какъ только она себѣ это сказала, тотчасъ она почувствовала, что, прежде чѣмъ думать о взяткѣ, объ испорченныхъ сотахъ, прежде всего этого нужно разрѣшить вопросъ о злѣ, и, не разрѣшивъ этого вопроса, нельзя думать обо всѣхъ этихъ пустыхъ житейскихъ заботахъ.

У трупа убитой мыши, облѣпленнаго трупами ея убійцъ (онѣ всѣ также уже околѣли), вопросъ этотъ представился ей въ слѣдующемъ видѣ: «зло смерти вызывается тѣмъ зломъ, которое мы дѣлаемъ другимъ. Если мы дѣлали бы другимъ не зло, а добро, то и смерть для насъ была бы не зломъ, а только отдыхомъ, и потому добромъ».

Далѣе, она подумала о томъ злѣ, которое произвела мышь разрушеніемъ сотъ. Это представилось ей несомнѣнно зломъ, и зло она видѣла въ томъ, что прекрасные, новые соты, прежде вполнѣ удовлетворявшіе своему назначенію, теперь были приведены въ безобразное и никуда негодное состояніе. Зло было также и въ томъ, что пропало много меду. Правда, мышь не должна была пользоваться медомъ, не ею накопленнымъ. Но это было сравнительно небольшое зло. И за это малое зло пчелы почему-то сочли нужнымъ сдѣлать ей громадное зло, и не только ей, но и себѣ, такъ какъ, убивая мышь, гибли и сами. И это зло было ужасно и отвратительно. Оно было, кромѣ того, безсмысленно, потому что чинить соты все-таки пришлось, а одною мышью больше или меньше на свѣтѣ—не все ли равно? Размышляя такъ, Маленькая Пчелка додумалась, наконецъ, и до того рѣшенія вопроса, что служить надо не улью, а Богу, общему хозяину и пчелъ, и мышей, и всего созданнаго Имъ. И такъ какъ, несомнѣнно, Онъ одинаково любитъ все, Имъ созданное, то и уплата долга должна состоять не въ любви къ улью, а въ любви ко всему существующему. При такомъ пониманіи жизни и смерть представилась Маленькой Пчелкѣ уже не зломъ, а только уплатой долга Богу, возвращеніемъ къ Нему, и потому такимъ же добромъ, какъ и жизнь.

Додумавшись до этого рѣшенія, Маленькая Пчелка почувствовала, что въ ней уже нѣтъ того, что мѣшало ей жить, что, напротивъ, все для нея ясно, и что она можетъ попрежнему заниматься житейскими дѣлами, общій смыслъ которыхъ для нея теперь выяснился.

V.

Засуха миновала. Ночью, послѣ зарницъ, тихій дождь поилъ неостывшую еще землю, и на зарѣ теплый благоуханный паръ густыми клубами взвивался надъ болотцами, надъ низинками и ползъ вверхъ по горѣ между деревьями, уходя и теряясь въ небѣ. Славное было утро. Все блеститъ, все свѣжо, сочно, зелено. А въ чашечкахъ цвѣтовъ снова набрался откуда-то медъ, и вѣтеръ донесъ съ далекаго поля густой ароматъ вдругъ обильно зацвѣтшей гречихи.

Ульи зашумѣли. «Сила» двинулась въ поля. И опять между ульями съ дѣловымъ шумомъ производительной жизни засновали пчелы, опять у летковъ — веселая суматоха возвращающихся съ взяткомъ толстыхъ, повеселѣвшихъ пчелъ.

Маленькая Пчелка, несмотря на свое измѣнившееся міросозерцаніе, была рада дождю точно такъ же, какъ и другія. Точно такъ же, какъ и другія, она спѣшила въ поле, проворно высасывала цвѣты; точно такъ же, какъ и другія, спѣшила назадъ, тяжелая, толстая, веселая и усталая, и быстро, ловко и чисто дѣлала свое обычное дѣло. Трудъ попрежнему занималъ ее, и пока ея измѣнившееся міросозерцаніе ничѣмъ особеннымъ не проявилось.

Но, согласно своей новой жизненной программѣ, она должна была всѣми силами содѣйствовать тому, чтобы всѣ пчелы возможно скорѣе прониклись убѣжденіемъ въ безполезности борьбы со зломъ при помощи зла, чтобы онѣ поняли, что улей, соты и медъ—не ихъ собственность, а

собственность Того, Кто создалъ и пчелъ, и все остальное въ мірѣ. Этимъ она думала не только споспѣшествовать уничтоженію зла въ мірѣ и установленію на землѣ царства любви и добра, но и устроить жизнь пчелъ на новыхъ, болѣе разумныхъ основаніяхъ, такъ, чтобы и жизнь была бы прекрасна, и смерть не страшна.

Эта новая, принятая ею на себя, обязанность распространенія открывавшагося ей ученія, которое она считала истиннымъ, была для нея такъ же дорога и необходима, какъ и привычный пчелиный трудъ. Не могла она не летѣть въ поле, не собирать взяткà, не относить душистаго меда въ пустыя ячейки. Точно такъ же, преисполненная восторга, вѣры въ новое истинное ученіе и жалости ко всѣмъ не знавшимъ его, которыхъ она считала вслѣдствіе этого несчастными, не могла она не распространять этого новаго ученія.

Возвращаясь съ взяткомъ вмѣстѣ со старою пчелой, она сообщила ей свои новыя мысли о томъ, что зло есть зло, какъ бы его ни называли, что дѣлать зло значитъ дѣлать зло, какими бы побужденіями ни руководствоваться, что зло, для чего бы оно ни было сдѣлано, всегда родитъ только зло, нисколько не возстанавливая справедливости, а, напротивъ, еще болѣе нарушая ее, и что поэтому никогда не нужно дѣлать зла, а нужно дѣлать одно только добро. Старуха отвѣтила на это, что зло, оправдываемое устройствомъ улья, его порядками и необходимое для ихъ поддержанія—разумно, и потому должно существовать.

Маленькая Пчелка ужасно удивилась тому, что то, чтò представлялось ей такимъ яснымъ и неопровержимымъ, могло быть не понято старухой; мало того, что старуха считаетъ такимъ же яснымъ и неопровержимымъ совершенно обратное, и она стала размышлять, отчего бы это могло происходить. Она рѣшила, что старуха проповѣдуетъ ученіе міра, противоположное ученію Бога, проповѣдуемому ею, и отъ этого происходитъ то, что вещи, совершенно противоположныя, кажутся каждой изъ нихъ одинаково логичными. Но такъ какъ два противоположныя рѣшенія одного и того же вопроса не могли быть оба одинаково справедливы, то она сообразила, что ученіе міра, проповѣдуемое старухой, ошибочно въ самыхъ первоначальныхъ своихъ основахъ и потому безобразно въ своихъ выводахъ.

Рѣшивъ это, она почувствовала еще большую потребность проповѣдывать. Ей казалось, что она совершенно поняла ученіе, котораго держалась старуха, насквозь увидѣла его несостоятельность, и отъ этого она еще больше укрѣпилась въ своемъ ученіи. И, встрѣтившись опять со старухой въ полѣ, она сказала ей, желая все-таки убѣдить ее.

— Ты проповѣдуешь ученіе міра, которое противоположно ученію Бога и потому не только ошибочно въ своихъ основаніяхъ, но безобразно въ своихъ выводахъ и пагубно для тѣхъ несчастныхъ, которые ему слѣдуютъ. Для того же, чтобы убѣдиться въ этомъ, не нужно много мудрствовать, нужно только открыть глаза и не закрывать ихъ насильственно, какъ ты это дѣлаешь, и ты узнаешь настоящее ученіе Бога, и жизнь твоя сдѣлается отъ этого не только не тяжеле, но, напротивъ, гораздо легче, потому что разумнѣе и сообразнѣе съ волею Бога.

— Міръ живетъ по ученію міра, и иначе не можетъ жить. А твое ученіе, хотя очень хорошо и возвышенно, но къ жизни міра неприложимо.

И она опять со своею разсѣянною и хлопотливою манерой залѣзла въ цвѣтокъ, какъ будто у нея совсѣмъ не было ни времени, ни охоты толковать объ этомъ.

У Маленькой Пчелки готовы были десятки возраженій. Она хотѣла сказать, что, чѣмъ ученіе возвышеннѣе и лучше, тѣмъ оно и болѣе приложимо къ жизни, что трудно исполнять не ея ученіе, а напротивъ, противоестественно, пагубно и очень трудно исполнять ученіе міра, и она, какъ ей казалось, могла сотнями дово-

довъ подтвердить это и представить много примѣровъ. Но изъ цвѣтка торчало только остренькое брюшко старухи, пара мохнатыхъ ножекъ, да вздрагивавшія и частымъ короткимъ звукомъ гудѣвшія крылышки. Маленькая Пчелка подумала, что старуха слишкомъ предана суетнымъ заботамъ міра, и эти заботы не даютъ ей ни времени, ни возможности оглянуться на свою жизнь, что эти суетныя заботы, какъ терновникъ пшеницу, заглушаютъ въ ней добрыя сѣмена, въ существованіи которыхъ у всякой безъ исключенія пчелы она не сомнѣвалась. И ея сердце сжалось отъ жалости къ этой несчастной, не видѣвшей собственной гибели, и ко всѣмъ другимъ, подобнымъ ей.

Сдѣлалось душно. Не было уже того сухого палящаго зноя, который стоялъ раньше надъ землею; но наступилъ другой, сырой, влажный, томительный и зловѣщій зной, разнѣживавшій и отнимавшій энергію и охоту къ движенію и вмѣстѣ заставлявшій спѣшить, торопиться, успѣть со всякими дѣлами до наступленія чего-то грознаго и страшнаго.

Приближалась гроза.

Пчелы спѣшили, торопились, превозмогая истому, старались успѣть съ взяткомъ до наступленія грозы и съ повышеннымъ безпокойнымъ гудѣніемъ усиленно рылись въ утомленныхъ, размякшихъ, будто увядающихъ отъ истомы чашечкахъ цвѣтовъ.

Но успѣть было мудрено. Утомленные цвѣты какъ будто не въ силахъ были скрывать медъ, прежде цѣломудренно хранимый гдѣ-то въ глубокихъ и таинственныхъ внутренностяхъ чашечекъ, и онъ благоуханною росой обильно выступалъ у основанія тычинокъ, издавая усиленный, сгущенный, какой-то неотразимо привлекательный ароматъ.

Невозможно было миновать благоухающій кустъ синихъ фіалокъ, и старуха съ Маленькой Пчелкой принялись высасывать синія чашечки. Но едва онѣ успѣли побывать въ нѣсколькихъ цвѣткахъ, какъ имъ пришла мысль, что онѣ не успѣютъ до грозы убраться въ улей, и обѣ опрометью бросились вонъ. Красный макъ торчалъ на ихъ пути, и его томно трепетавшіе, нѣжные, опустившіеся, точно увядающіе лепестки обѣщали то, чего не было даже въ покинутой только-что фіалкѣ. Пчелками руководила даже не жадность, не желаніе побольше набрать меда, въ нихъ заговорило чувство знатока. И обѣ пчелы, забывъ о разницѣ своихъ міросозерцаній, исчезли вмѣстѣ въ одной и той же чашечкѣ.

Пахнуло холоднымъ и сырымъ дыханіемъ надвинувшейся тучи, кругомъ все вдругъ потемнѣло, и громадная капля ударила въ цвѣтокъ, обдавъ обѣихъ пчелъ холодною водяною пылью. А громъ уже приближался, ширился, разрастался, все покрывая тяжелою массой могучаго звука. Нечего было и думать о возвращеніи въ улей, и обѣ пчелы благодарили судьбу за то, что гроза застигла ихъ въ опущенной внизъ раструбомъ просторной чашечкѣ мака.

— Я скажу тебѣ, въ чемъ заключается корень всѣхъ твоихъ заблужденій,— сказала Маленькая Пчелка, нагибаясь поближе къ старухѣ и стараясь, чтобы та разслышала ее.—Онъ заключается въ томъ, что ты считаешь себя во всемъ обязанной не Богу, а улью, и отсюда происходитъ то несомнѣнное зло, что улей для тебя лучше и дороже всего остального. Если бы ты считала себя обязанной во всемъ не улью, а Богу, то взглядъ твой былъ бы шире, справедливѣе, и ты...

Въ это время порывъ вѣтра сильно качнулъ стебель мака, нагибая его почти до земли, дождь брызнулъ внутрь раструба чашечки и обдалъ водою обѣихъ пчелъ.

— Держись покрѣпче, неровенъ часъ упадешь—вѣдь утонешь,—сказала старуха тономъ, показывавшимъ, что дѣло теперь не въ высокихъ мысляхъ, излагаемыхъ Маленькою Пчелкой, а единственно въ томъ, чтобы покрѣпче держаться.

Дѣйствительно Маленькая Пчелка, увлеченная глубиною и истинностью мыслей,

которыя она излагала, плохо держалась въ чашечкѣ, и вѣтеръ чуть не вышибъ ее.

— Да, тогда ты не считала бы улей выше всего, — продолжала Маленькая Пчелка, устраиваясь покрѣпче и возвращаясь къ прерванному теченію своихъ мыслей,—а, напротивъ, относилась бы одинаково любовно ко всѣмъ существамъ міра, и такимъ образомъ уничтожилось бы зло, тяготѣющее, какъ кошмаръ, надъ міромъ.

Она долго еще говорила, все болѣе и болѣе увлекаясь открывавшимися перспективами добра, правды и счастливой жизни, но старуха, очевидно, не слушала ея. Она физически страдала отъ холода, сырости, усталости и громаднаго количества захваченнаго ею меда.

Туча вылилась вся. Она образовала мутныя лужи по землѣ, быстрыми потоками вода сбѣгала съ пригорковъ, свѣтлыми каплями осѣла на листьяхъ деревьевъ, на травѣ, на цвѣтахъ. Все было свѣжо, упруго, зелено и снова освѣщено какимъ-то новымъ, чистымъ, ласковымъ солнцемъ. Можно было уже летѣть домой, и обѣ пчелы отправились въ путь.

Пролетая надъ ложбинкой, по которой стремительно неслась громадная масса воды, онѣ увидѣли въ мутныхъ волнахъ безпомощно барахтавшуюся осу. Обѣимъ стало жаль бѣдняжку, но, устало кружась надъ потокомъ и летя внизъ по теченію вслѣдъ за уплывавшею осой, онѣ ничего не могли придумать для ея спасенія; но судьба желала пощадить бѣдную осу, и волна, подхвативъ ее, выплеснула на пучокъ свѣжей травы и отхлынула. Чуть только оса очутилась на травѣ, силы покинули ее, крылья, какъ мокрыя тряпки, облѣпили длинное полосатое ея тѣло, лапки перестали двигаться. Очевидно было, что она околѣетъ.

Сострадательныя пчелы сжалились надъ нею. Онѣ схватили осу за мокрыя крылья и, не разсуждая о разницѣ своихъ міросозерцаній, несмотря на тяжесть утопленницы и вообще на громадную трудность того, что онѣ затѣяли, потащили осу отъ бурно клокотавшаго ручья на успѣвшій уже просохнуть пень бурелома. Онѣ провѣтривали измокшія крылья осы, просушивали ихъ на солнцѣ, обсасывали воду съ тѣла, всячески тормошили ее, стараясь возвратить къ жизни. Наконецъ, оса вздохнула и шевельнула лапками. Она была спасена.

— Эхъ, и стоило же возиться съ этакой дрянью,—сказала старуха, но по тону, которымъ были сказаны эти слова, было очевидно, что, въ дѣйствительности, она не только не жалѣетъ о потраченныхъ для спасенія осы громадныхъ усиліяхъ, а напротивъ, очень рада тому, что онѣ увѣнчались успѣхомъ.

Маленькая Пчелка стала кормить утопленницу медомъ, а старуха, едва двигая крыльями, тяжело дыша и постоянно присаживаясь для отдыха, полетѣла въ улей.

VI.

Чѣмъ дольше жила Маленькая Пчелка, тѣмъ болѣе она проникалась новымъ, открывшимся ей, ученіемъ. Особенно ее привлекало въ этомъ ученіи то, что оно удивительно логично разрѣшаетъ жизненныя явленія, всевозможные вопросы, и при томъ разрѣшаетъ всегда въ сторону той высшей справедливости, которая приводитъ къ добру. Оно доставляло ей неизъяснимую отраду, успокоеніе души и сердца.

Проповѣдь этого ученія также попрежнему занимала ее. Она была убѣждена, что ученіе это, какъ истинное ученіе, несомнѣнно вложено въ душу каждой пчелы, что стоитъ только напомнить о немъ пчеламъ, чтобы изгнать зло изъ міра.

Но, распространяя среди пчелъ новое, открывшееся ей, ученіе, она замѣтила, что пчелы относятся къ нему точно такъ же, какъ относилась къ нему старуха. Прежде всего очень трудно было выбрать время, когда пчела не была занята какою-нибудь спѣшною и неотложною работой, и потому трудно было найти слушательницъ и овладѣть ихъ вниманіемъ.

Когда же это удавалось, пчелы находили ея ученіе прекраснымъ, весьма возвышеннымъ, нѣкоторыя, болѣе мягкосердечныя, даже умилялись, и всѣ, кому приходилось слушать ученіе, полюбили проповѣдницу. Но для исполненія и руководства въ жизни всѣ находили это ученіе не только труднымъ, но и вовсе неприложимымъ и противорѣчащимъ условіямъ жизни и принудительнымъ требованіямъ мірского существованія. Болѣе же соотвѣтствующимъ условіямъ міра и приложимымъ къ жизни считали все-таки прежнее ученіе.

Сочувствовали Маленькой Пчелкѣ вполнѣ, однако, только немногія пчелы въ родѣ старухи. Остальной же массѣ, «силѣ», было просто-на-просто некогда, некогда и некогда. И вслѣдствіе того, что пчеламъ всегда было некогда, онѣ не могли не только осмыслить новое ученіе, но даже усвоить себѣ его.

Зато громадное число послѣдователей новаго, открывшагося Маленькой Пчелкѣ, ученія нашлось среди трутней. Трутни представляли собой аристократію улья. Имѣя несравненно больше досуга, чѣмъ рабочія пчелы, они были въ высокой степени интеллигенты. Среди нихъ было много безпокойныхъ, пытливыхъ умовъ, страстно искавшихъ истины и очень отзывчивыхъ ко всему, что было похоже на истину; было много великихъ сердецъ, жаждавшихъ добра и правды, и постоянное и неизмѣнное разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ въ сторону добра и правды въ этомъ ученіи неотразимо плѣняло и привлекало ихъ. Они признали новое ученіе не только прекраснымъ, возвышеннымъ и божественнымъ, но и несомнѣнно приложимымъ къ жизни; не только приложимымъ къ жизни, но единственнымъ, истиннымъ и могущимъ спасти міръ отъ зла.

Такъ какъ по открывшемуся имъ новому ученію всякая дѣятельность, какъ имѣющая цѣлью насильственное пресѣченіе и искорененіе зла и поддержаніе стараго, порождавшаго, по ихъ убѣжденію, зло, порядка жизни, была не только безполезна, но и очень вредна, то всѣ, посвящавшіе себя ей, немедленно оставили ее и съ неподражаемою искренностью измѣнили свою жизнь. Ученый и всякій другой умственный трудъ, какъ нимало не способствующій водворенію на землѣ царства добра и правды, былъ признанъ также совершенно безполезнымъ и ненужнымъ, и всѣ занимавшіеся имъ оставили его и также измѣнили свою жизнь. Единственно нужнымъ для жизни признано было дѣланіе добра, а единственною дѣятельностью, приносящею существенную и несомнѣнную пользу, признанъ былъ хлѣбный трудъ, доставлявшій пчеламъ физическую пищу, т.-е. сбираніе взятка. И соотвѣтственно этому убѣжденію, всѣ принявшіе новое ученіе, какимъ бы трудомъ они раньше ни занимались, оставили его и посвятили себя всецѣло сбиранію взятка.

Дѣло это, такое простое и немудреное для приспособившихся къ нему пчелъ, оказалось для нихъ чрезвычайно труднымъ. Въ этомъ дѣлѣ ненужно было все то, чѣмъ они обладали, т.-е. высокое умственное развитіе, а напротивъ, нужно было очень многое, чего у нихъ не было и не могло быть, т.-е. физическая сила и выносливость въ физическомъ трудѣ, и еще нѣкоторая спеціальная приспособленность.

Такъ какъ для оставленной ими дѣятельности нашлось много другихъ, охотно занявшихся ею, то жизнь улья въ общемъ не измѣнилась. Всѣ прежніе порядки, привычные пчеламъ и удобные для ихъ жизни, остались въ полной силѣ, и потому никто не относился къ послѣдователямъ новаго ученія враждебно. Напротивъ, всѣ находили ихъ очень добрыми, хотя и очень смѣшными. Пчелы съ улыбкой смотрѣли, какъ изящный и нѣжный длиннотѣлый трутень пачкался въ желтой пыли тычинокъ, дѣлалъ громадныя усилія и, несмотря на это, ничего не добывалъ изъ цвѣтка. Но такъ какъ это

никому не было вредно, то на это и не обращали вниманія.

VII.

Уже совсѣмъ обутрѣло. Солнце вырѣзывалось золотымъ краешкомъ изъ-за горизонта. Было очень ясно и холодно, но чувствовалось, что день прогонитъ нежеланнаго гостя—ранній холодъ, и что будетъ еще тепло. И утренникъ, пушистою сѣдиной осѣвшій на умирающей травѣ и сухомъ валежникѣ, уходилъ, какъ уходитъ воръ, испугавшійся возвратившагося хозяина.

Улей еще не просыпался. Ему нельзя было теперь просыпаться. Какъ дѣти спокойно спятъ и не знаютъ, какъ и когда хозяинъ-отецъ справился съ забравшимся въ домъ воромъ, такъ и пчелы, угрѣвшись въ ульѣ, спокойно спали, пока хозяинъ-день уничтожалъ серебряные слѣды, оставленные на землѣ утренникомъ.

Сбившись въ плотныя кучи между висѣвшими рядами сотовъ, пчелы додремливали въ рѣдѣвшихъ сумеркахъ улья послѣднюю утреннюю дрему, какъ вдругъ внизу протрубили тревогу. Испуганный, нервный звукъ пронесся по улью. Потомъ другой, третій такой же. Грознымъ вопросомъ отозвалась на эти призывные звуки зашевелившаяся вдругъ куча, потомъ другая, третья, и, какъ лѣсной пожаръ при сильномъ вѣтрѣ охватываетъ смолистый боръ, пока все не сольется въ одномъ общемъ, громадномъ воѣ и крикѣ, такъ и улей вдругъ весь заревѣлъ, закопошился, заметался, ища опасности и не находя ея.

Маленькая Пчелка съ первыми звуками поднявшейся тревоги бросилась внизъ, съ бьющимся сердцемъ, говоря себѣ, что вотъ *оно* начинается. Она еще не знала, что именно, но было очевидно, что то, что начиналось, грозно и страшно.

Спотыкаясь на дрожавшихъ отъ страха и ожиданія ножкахъ, она по сотамъ торопливо пробиралась внизъ, уносимая потокомъ стремившихся туда же пчелъ. Внизу, въ свѣтлой, тянувшейся отъ летка, полосѣ уже сновало множество пчелъ, торопливо и безпорядочно, какъ будто нужно было всѣмъ что-то дѣлать чрезвычайно важное, спѣшное, неотвратимое и страшное, и никто не зналъ, что дѣлать и какъ начать. Въ общей безпорядочной суматохѣ сновали красивые и нѣжные длиннотѣлые трутни. Они высокими, возбужденными голосами что-то говорили суетившейся толпѣ и, казалось, хотѣли установить какой-то общій порядокъ, овладѣть толпой, что-то предотвратить. Многія слушали ихъ, какъ будто хотѣли имъ повиноваться, но напиравшая сверху масса пчелъ опять разстраивала тотъ порядокъ, который имъ удавалось установить, сшибала ихъ съ ногъ, затирала въ толпу, и опять все шумѣло, галдѣло и двигалось.

Пробившись черезъ толпу впередъ, Маленькая Пчелка увидѣла то, что было причиной всего этого шума и сумятицы, то грозное, чего она боялась. Она увидѣла вдали на сотахъ множество желтыхъ полосатыхъ осъ.

«Вотъ *оно* начинается»,—опять съ замирающимъ отъ тоски и страха сердцемъ подумала она. И теперь она уже знала, что это такое было: сейчасъ произойдетъ бойня и страшное истребленіе другъ друга. Но еще страшнѣе для нея лично было другое. Она знала, что она должна теперь, осуществивъ открывшееся ей истинное ученье, отдать за него свою жизнь, и она знала, что теперь уже ничто не можетъ этого ни предотвратить, ни отсрочить.

Боровшіеся съ наплывомъ толпы и старавшіеся овладѣть ею трутни продолжали свое дѣло. Ихъ сшибали съ ногъ, затирали въ толпу, но они опять подымались, измятые и возбужденные, и все болѣе и болѣе громкими и возбужденными голосами что-то кричали. Маленькая Пчелка поняла, что эти трутни были ея послѣдователи и что они дѣлали ея дѣло. Но были другіе трутни, не принадлежавшіе къ числу ея послѣдователей. Эти, очевидно, дѣлали совсѣмъ другое, не ея, а

враждебное ей дѣло. И толпа относилась къ нимъ иначе. Ихъ не смѣли сшибать съ ногъ, а напротивъ, вокругъ нихъ тѣсно смыкались пчелы, имъ повиновались, и очевидно было, что за ними-то толпа и признаетъ право и обязанность распоряжаться *теперь*. Маленькая Пчелка почувствовала, что эти трутни—старый міръ, олицетвореніе его порядковъ, символъ его ученія, и что *теперь* они побѣдятъ ее. Но она рѣшила, что она отдастъ жизнь за новое ученіе.

Трутни, принадлежавшіе къ числу ея послѣдователей, замѣтивъ, наконецъ, ея появленіе въ толпѣ, со всѣхъ сторонъ устремились къ ней и, сплотившись, образовали вокругъ нея плотный строй. Она велѣла имъ вести себя въ самое сердце ревущей толпы, и они, плотнымъ, сомкнутымъ строемъ ринулись въ толпу, неся на своихъ спинкахъ Маленькую Пчелку. Они, наконецъ, овладѣли толпой. Они давили, тѣснили, раздвигали ее, и тамъ, гдѣ они проходили съ Маленькой Пчелкой, шумъ умолкалъ. Они остановились въ самой серединѣ толпы, и Маленькая Пчелка заговорила. Она говорила о пчелахъ, о добрѣ и злѣ, о мирѣ и любви, о страшной несправедливости убивать живыя существа, и было время, когда казалось, что всѣ готовы ей подчиниться.

Уже совсѣмъ разсвѣло. И въ этомъ увеличившемся свѣтѣ пчеламъ видны были ненавистныя длинныя фигуры осъ, слышно было ихъ непріятное и раздражающее своею грубостью жужжанье. И вдругъ толпа опять яростно заревѣла.

Въ это время произошло то, что должно было рѣшить судьбу Маленькой Пчелки, т.-е. нанести ей неизбѣжный и давно ожидаемый ею смертельный ударъ. Между рядами сотовъ появилась матка. Она была въ страшномъ возбужденіи; ею овладѣлъ порывъ гнѣва, бѣшенства, негодованія, и четыре громадные трутня съ трудомъ удерживали ее. Очевидно было, что она хочетъ сама сейчасъ ринуться на осъ. Маленькая Пчелка смотрѣла на нее и не узнавала эту большую, апатичную матку. Она казалась теперь не только большою, но громадною, и не только не апатичною, но вся она дышала силой, энергіей, одушевленіемъ и гнѣвомъ. Маленькая Пчелка ждала, что будетъ. Но уже по одному зловѣщему молчанію, воцарившемуся въ толпѣ съ появленіемъ матки, она поняла, что дѣло ея проиграно.

Всѣмъ сдѣлалось очевидно, что теперь нужно слушать не жужжаніе трутней, не проповѣдь Маленькой Пчелки, а ждать сигнала матки и затѣмъ ринуться и уничтожить враговъ.

— Впередъ, малодушные, врагъ въ домѣ! Впередъ!—громко и гнѣвно крикнула она. И ничего новаго она этимъ не сказала. Напротивъ, всѣ гораздо раньше ея знали, что враги въ ульѣ, а также знали и то, что и прежде во всѣхъ подобныхъ случаяхъ бросались на враговъ и истребляли ихъ. Но не успѣла она договорить, какъ страшный шумъ покрылъ ея голосъ. Все ринулось куда-то, закружилось, смѣшалось въ общемъ неудержимомъ и яростномъ стремленьѣ. Осы и пчелы сшибались, жалили другъ друга, падали и умирали.

— Братья! Братья! Братья!—кричала Маленькая Пчелка. Больше она не находила словъ, рыданія душили ее. Это были рыданія побѣжденнаго неизбѣжнымъ зломъ добра. Ее сшибли съ ногъ и увлекли въ неудержимомъ потокѣ въ самую середину свалки.

Вдругъ громадная оса бросилась на нее. Смерть теперь была желаннымъ другомъ для нея, и она замерла въ страстномъ ожиданіи. Но оса, налетѣвъ на нее, вдругъ остановилась и отшатнулась. Маленькая Пчелка узнала ее. Это была та самая оса, которую она когда-то спасла и накормила медомъ. «Неужели она убьетъ меня?»—подумала Маленькая Пчелка, и оса, дѣйствительно, опять бросилась на нее, оплела ее ногами, повалила, закрыла крыльями. «Когда же она будетъ жалить?»—подумала Маленькая Пчелка. Но

оса не жалила. Масса другихъ осъ и пчелъ навалилась на нихъ, убивая другъ друга, и Маленькая Пчелка потеряла сознаніе.

Когда она очнулась, пчелы уже занимались вытаскиваніемъ труповъ изъ улья. Освободившись изъ-подъ навалившейся на нее крыльями осы, Маленькая Пчелка увидѣла, что оса была мертва. Она поняла, что она спасла ей жизнь.

VIII.

Маленькая Пчелка старалась разобраться въ своихъ чувствахъ, мысляхъ, ощущеніяхъ; но это ей никакъ не удавалось. И не только она не могла разобраться въ этомъ хаосѣ самыхъ противорѣчивыхъ, путавшихся и смѣшивавшихся ощущеній, но она чувствовала, что, чѣмъ больше она углубляется въ себя, тѣмъ сильнѣе ея мысли путаются. Она чувствовала, какъ затягивался мертвою петлей какой-то ужасный, неразрѣшимый узелъ, сплетенный изъ множества самыхъ разнообразныхъ, противоположныхъ и несоотвѣтствующихъ другъ другу нитей. Добро и зло, любовь и ненависть, я и не я каждаго живого существа, мое и не мое, наши и чужіе, врагъ и ближній, — все это перепуталось, смѣшалось и нельзя было ни разобраться, ни понять что-нибудь.

Она чувствовала, что этотъ ужасный и противорѣчивый узелъ жизни все больше стягивался и, стягиваясь, все сильнѣе давилъ ее, не позволялъ жить и дышать. И вдругъ весь этотъ хаосъ мучительныхъ и противорѣчивыхъ ощущеній разрѣшился однимъ страстнымъ, непреодолимымъ желаніемъ, въ которомъ потонули и исчезли всѣ ея мысли и чувства. Это было желаніе, чтобы *не было* того, что только-что было, страстное, невозможное и потому безумное желаніе *того добра*, которое было до тѣхъ поръ, пока не было этого зла, и такое же невозможное и безумное желаніе, чтобы вдругъ не стало всего того ужаса, который такъ несомнѣнно, осязательно проявился, и чтобы онъ захватилъ, закружилъ, унесъ и ее въ своей подавляющей, громадной, неотвратимой волнѣ.

Она чувствовала, что то зло, которое только-что на ея глазахъ совершилось, было такъ громадно, что совершенно подавило, отодвинуло все то добро ея жизни, которое было и *могло* быть раньше, и сдѣлало его несуществующимъ и невозможнымъ.

И потому мысль о смерти, не только разрѣшавшей весь ужасъ и путаницу ея чувствъ, но и разсѣкавшей узелъ невозможной жизни, представилась ей необыкновенно привлекательною и желанною. Но тотчасъ же она рѣшила, что желаніе это дурно, такъ какъ жизнь и смерть принадлежатъ не ея волѣ, но волѣ Бога, и потому превозмогла овладѣвшее ею желаніе смерти.

Она еще чувствовала—и это было самое тяжелое изъ всѣхъ овладѣвшихъ ею чувствъ,—что вся та жизнь, съ ея условіями, ея сцѣпленіемъ причинъ и слѣдствій, побужденій и дѣйствій, которая была у нея раньше, невозвратно покончена совершившимся только-что громаднымъ зломъ, и что теперь она должна начать какую-то совсѣмъ новую жизнь, съ новыми причинами и слѣдствіями, новыми побужденіями и дѣйствіями. И эта новая жизнь, которую, она чувствовала, она должна начать, была ей совершенно неизвѣстна, и эта неизвѣстность была ужасна.

Старуха давно уже разыскивала ее между сбившимися въ кучи и разбросанными въ одиночку трупами и томилась неизвѣстностью того, жива она, или погибла. Она искренно и глубоко любила Маленькую Пчелку, какъ и всѣ безъ исключенія знавшія ее пчелы, и потому судьба ея не могла ея не интересовать. Въ послѣдній разъ она видѣла ее взобравшеюся на спины трутней и пламенно говорящею толпѣ смолкнувшихъ пчелъ; затѣмъ она видѣла, какъ появилась матка, слышала ея грозныя слова, видѣла, какъ послѣ этихъ словъ все смѣшалось и за-

кружилось въ неудержимомъ вихрѣ ненависти и злобы, какъ Маленькая Пчелка съ рыданіями отчаянія была увлечена толпой, смѣшалась и исчезла въ ней. Больше она ничего не видѣла.

Теперь она, наконецъ, нашла ее неподвижно сидящею среди труповъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи и подумала, что она тяжело ранена.

Старуха разыскивала Маленькую Пчелку не только потому, что, любя ее, живо интересовалась ея судьбой, но и потому, что то, что̀ сдѣлала Маленькая Пчелка въ виду непріятеля, было извѣстно маткѣ и сильно ее разсердило.

Громадное большинство пчелъ также уже не было на сторонѣ Маленькой Пчелки. Прежде ее любили за ея доброту и относились безразлично къ ея ученію; теперь ее презирали.

Когда старуха, наконецъ, разыскала ее и нашла не только живою, но даже здоровою и не раненою, самымъ важнымъ для нея дѣломъ было, какъ она сама себѣ выражалась, «спасти» Маленькую Пчелку. Спасеніе это, по ея мнѣнію, должно было состоять въ томъ, чтобы помочь Маленькой Пчелкѣ выбраться изъ улья заблаговременно и такимъ образомъ избѣжать гнѣва матки.

— Ахъ, наконецъ, слава Богу!—сказала она, увидѣвъ Маленькую Пчелку.— Ты жива и даже здорова!

Маленькая Пчелка молчала, и старухѣ казалось, что она даже не замѣчаетъ ея.

— Это я, — продолжала она:—это я, но, ради Бога, какое несчастье, ахъ, какое несчастье!

Она была страшно возбуждена еще возбужденіемъ сраженія и побѣды и, кромѣ того, тѣмъ, что̀ такъ скоро и неотложно нужно было сдѣлать для Маленькой Пчелки, чтобы спасти ее, и говорила быстро, отрывисто, съ несвойственною ей живостью. Несчастьемъ же она называла не то зло, которое только-что совершилось, а то, что̀ сдѣлала Маленькая Пчелка. Маленькая Пчелка продолжала молчать, отдаваясь теченію своихъ мыслей, не имѣвшихъ никакого отношенія къ тому, что̀ говорила старуха.

— Ну, не говорила ли я тебѣ, что твое ученіе не принесетъ никакой пользы? Теперь тебѣ угрожаетъ гнѣвъ матки, и надо спасаться.

Маленькая Пчелка молчала.

— Ахъ, и зачѣмъ было тебѣ кричать, лѣзть въ толпу! Но торопись же, сегодня летитъ послѣдній рой, ты можешь присоединиться къ нему,—да слышишь ли ты, что̀ я говорю?!

Маленькая Пчелка начинала мало-помалу приводить въ связь отдѣльные возгласы старухи съ неудержимымъ теченіемъ собственныхъ мыслей, въ тысячный разъ приводившимъ ее все къ тому же страстному желанію небытія, которое она всякій разъ отвергала, и вдругъ она зарыдала, горько, неудержимо, какъ рыдаютъ маленькія дѣти, когда имъ вдругъ сдѣлаютъ очень больно.

— Не жить... не видѣть... не знать...

Подобно тому, какъ вешняя вода, наконецъ, разрываетъ плотину и неудержимо низвергается, съ шумомъ унося скопившійся ледъ, такъ и эти прорвавшіяся, наконецъ, рыданія неудержимо и непонятно для нея самой вырывали изъ ея души безсвязные, полные отчаянія вопли. Старуха не выдержала и, тоже плача, старалась оттащить ее куда-нибудь въ уголъ, гдѣ никто бы ихъ не видѣлъ.

— Ну, успокойся, успокойся...—Она почувствовала, что эти слова не помогутъ, что нѣтъ такихъ словъ, которыми она могла бы утѣшить Маленькую Пчелку.

— Боже мой, сюда идутъ, все погибло!— сказала она, замѣтивъ приближающихся къ нимъ нѣсколькихъ трутней.

Маленькая Пчелка, увидѣвъ ихъ, что-то какъ будто вдругъ поняла, что-то рѣшила, и это принятое ею рѣшеніе облегчило и успокоило ее. Она перестала плакать и оправилась въ ожиданіи приближавшихся трутней. Тѣ ее повели къ маткѣ.

IX.

Маленькая Пчелка шла среди разступавшейся передъ нею, шумѣвшей, волновавшейся, двигавшейся вслѣдъ за нею толпы, и ее охватило новое ужасное чувство,—чувство отчужденности отъ всѣхъ подобныхъ себѣ существъ. Она вспомнила, какъ прежде она могла свободно и любовно вступать въ общеніе со всѣми пчелами, и какъ всѣ къ ней относились просто, какъ къ обыкновенной и хорошей пчелѣ. Теперь, глядя на эту возбужденную, движущуюся и любопытно глазѣющую на нее толпу, она почувствовала, что въ глазахъ этой толпы она сдѣлалась дурною пчелой, и что во всей этой толпѣ не было ни одной пчелы, съ которой для нея возможно было бы прежнее простое и любовное общеніе. И чѣмъ сильнѣе она сознавала невозможность такого общенія съ подобными себѣ существами, тѣмъ больше оно представлялось ей желаннымъ и необходимымъ для нея. Она чувствовала себя глубоконесчастною.

Она знала, что сейчасъ она увидитъ матку, и съ замираніемъ сердца ждала и боялась этого, какъ чего-то неотразимопривлекательнаго и страшнаго.

Наконецъ, ее ввели въ большой полукругъ. Въ центрѣ полукруга она увидѣла матку.

Маленькая Пчелка чувствовала, что то, чтò готовится сейчасъ, есть послѣдняя ея борьба.

— Скажи намъ, — обратилась къ ней матка:—скажи намъ, признаёшь ли ты себя виновною въ томъ, что ты воспротивилась изгнанію осъ?

Это былъ именно тотъ вопросъ, котораго ожидала Маленькая Пчелка.

— Я признаю, — отвѣтила она: — что долгъ нашъ состоитъ не въ томъ, чтобы убивать другъ друга, а въ томъ, чтобы дѣлать всѣмъ добро.

Матка тоже ожидала этого отвѣта, и продолжала:

— Ты признаешь своимъ долгомъ не отражать нападеніе враждебныхъ намъ силъ. Ты не признаешь, что твое личное благосостояніе основано на общемъ нашемъ трудѣ и на безчисленныхъ принесенныхъ милліонами пчелъ жертвахъ; ты не признаешь себя обязанной защищать плоды этихъ трудовъ, жертвовать своею жизнью и жизнью другихъ для обезпеченія блага улья?

— Я не...—пчелка, очевидно, затруднялась найти выраженіе для своей мысли,— я не... *виновата* въ томъ, что приходилось и приходится убивать...

Сказавъ это, Маленькая Пчелка почувствовала, что она сказала вовсе не тò, чтò хотѣла и чтò надо было сказать.

— А знаешь ли ты, — продолжала матка: — что если бы всѣ думали такъ, какъ ты, то улей погибъ бы неизбѣжно?

Маленькая Пчелка съ возрастающимъ мученьемъ старалась уловить то, чтò ей нужно было отвѣтить; но отвѣта не приходило ей въ голову.

— А если ты,—продолжала матка:— пользуясь плодами нашихъ трудовъ и жертвъ, отказываешься сама приносить жертвы и ставишь свое ученіе выше блага улья, то тебѣ въ немъ нѣтъ мѣста. Уходи изъ улья вмѣстѣ съ тѣми, кто тебѣ сочувствуетъ. Такова моя воля; таковъ неизбѣжный законъ.

И матка умолкла, а Маленькую Пчелку увели.

На другой день, не успѣло еще солнце растопить серебряный иней утренника, осѣвшій на мертвой травѣ и сухомъ валежникѣ, какъ старуха, охваченная любовью и жалостью къ Маленькой Пчелкѣ, вылетѣла изъ улья.

Она нашла ее на верхушкѣ толстой соломенной кошмы, покрывавшей улей, окруженною трупами заиндевѣвшихъ трутней. Ея видъ былъ печальный, словно она уснула, скорбя о злѣ, царящемъ на нашей бѣдной землѣ.

Каменный дождь.

Очеркъ проф. **Р. Прөнделя.**

(Съ 4 рис.).

Въ центральной Мексикѣ, на границѣ между провинціями Закатекасъ и Коагуиля, лежитъ маленькій городокъ Мазапиль. Верстахъ въ 12-ти, къ востоку отъ него, находится военное поселеніе, носящее названіе «Rancheria de Concepcion». «Ранчеріями» называютъ въ Мексикѣ нѣчто въ родѣ нашихъ казачьихъ станицъ, населенныхъ тамъ племенемъ, происшедшимъ отъ смѣшенія испанцевъ съ индѣйцами. Представители этого племени слывутъ за искусныхъ наѣздниковъ и охотниковъ и несутъ во время войны военную службу, образуя иррегулярную конницу, наподобіе нашихъ казаковъ. Это—такъ-называемые «Rancheros».

27-го ноября 1885 года солнце зашло за холмы, ограничивающіе съ запада мѣстность, на которой расположено это поселеніе, часу въ шестомъ вечера (по мѣстному времени), и жители «ранчеріи», покончивъ наскоро съ дневными занятіями, забрались въ хижины.

Ночь, повидимому, предстояла холодная; въ это время года, когда въ центральной Мексикѣ атмосферные осадки представляютъ необычайно рѣдкое явленіе, воздухъ особенно прозраченъ, и на темномъ фонѣ южнаго неба ярко горятъ прекрасныя созвѣздія.

Южный Крестъ, точно гигантская алмазная брошка, вставленная въ середину млечнаго пути, соперничаетъ по красотѣ и силѣ блеска своихъ звѣздъ съ сосѣдними созвѣздіями — Центавра и Корабля Арго. Менѣе ярко блестятъ на южномъ небосклонѣ крупныя звѣзды Эридана, Южной Рыбы и Кита. Въ ноябрѣ надъ центральной Мексикой восходятъ ночью на сравнительно короткое время и блестятъ надъ горизонтомъ также и нѣкоторыя изъ нашихъ сѣверныхъ созвѣздій: Пегасъ, Андромеда, Персей и др.

Часовъ въ девять вечера вся «Rancheria» спала уже глубокимъ сномъ, и ночная тишина нарушалась только по временамъ ржаньемъ и топотомъ коней въ загонахъ, да лаемъ собакъ. Въ это время одинъ изъ обитателей ранчеріи, Эулохіо Михаре́съ, въѣзжалъ въ поселеніе. Онъ былъ въ городѣ, немного опоздалъ и, видимо, торопился, такъ какъ ему передъ тѣмъ, чтобы лечь спать, предстояло еще задать кормъ лошадямъ и сдѣлать койкакія хозяйственныя распоряженія на завтрашній день. Въѣхавъ во дворъ, онъ разбудилъ одного изъ «vaqueros» *) и, сдавъ ему коня, направился къ амбару, въ которомъ хранился овесъ. Черезъ нѣсколько минутъ въ загонѣ слышно было, какъ лошади мѣрно жевали овесъ, да по временамъ то та, то другая изъ нихъ громко чихала отъ забившейся въ ноздри ости и пыли. Вдругъ въ воздухѣ что-то просвистѣло, *затѣмъ* раздался сухой, сильный ударъ, на землѣ засверкали искорки, и во дворъ упала «огненная глыба». Испугавшіяся лошади взвились на дыбы и начали метаться изъ стороны въ сторону. Приводимъ дословно подробности, которыя сообщилъ очевидецъ этого явленія, ранчеро Михаре́съ, директору закатекаской

*) Vaquero—конный пастухъ.

астрономической обсерваторіи, профессору Бонильѣ.

«Въ 9 час. вечера (27-го ноября 1885 г.), когда я кормилъ лошадей въ загонѣ, я услышалъ шумъ (шипѣніе?), подобный тому, который происходитъ, если бросить раскаленное до-красна желѣзо въ холодную воду, и *почти-что одновременно* съ этимъ раздался сухой, довольно сильный ударъ, а затѣмъ я увидѣлъ, что поверхность всего двора (corral) покрылась фосфорическимъ свѣтомъ и въ воздухѣ носились свѣтящіяся искорки, точно отъ фейерверка.

«Не успѣлъ я опомниться, какъ этотъ свѣтъ исчезъ, и на поверхности земли остался только въ одномъ мѣстѣ свѣтъ, подобный тому, какъ если въ темнотѣ потереть фосфорной спичкой.

«Нѣсколько человѣкъ изъ моихъ сосѣдей выбѣжали изъ хижинъ и помогли мнѣ успокоить лошадей, которыя отъ испуга начали метаться изъ стороны въ сторону. Мы всѣ недоумѣвали, что̀ случилось, и не рѣшались войти во дворъ изъ боязни быть обожженными. Прійдя въ себя, мы замѣтили, что фосфорическій свѣтъ исчезъ, и тогда, освѣтивъ землю искусственнымъ свѣтомъ (luces artificiales—свѣчи?), мы нашли въ одномъ мѣстѣ углубленіе, въ которомъ лежала огненная (раскаленная?) глыба; всѣ мы отскочили, опасаясь, чтобы ее не взорвало и насъ не поранило; обративъ затѣмъ наши удивленные взоры къ небу, мы замѣтили на немъ отъ времени до времени истеченіе (exalaciones) звѣздъ, которыя гасли черезъ нѣсколько мгновеній безъ всякаго шума; мы видѣли многія-многія звѣзды двигавшимися и угасавшими... По прошествіи нѣкотораго времени вернулись мы къ ямѣ и нашли въ ней еще горячій камень; на слѣдующій день мы увидѣли, что онъ былъ похожъ на кусокъ желѣза... И въ слѣдующую затѣмъ ночь наблюдался звѣздный дождь, хотя мы не замѣтили, чтобы какая-либо изъ звѣздъ упала на землю: всѣ онѣ гасли высоко надъ землей».—«Вотъ безыскусственный разсказъ «ranchero» о видѣнномъ имъ явленіи,—прибавляетъ отъ себя профессоръ Бонилья.—Изъ этого разсказа я могъ замѣтить, что, хотя «ranchero» и не получилъ никакого образованія, но былъ отъ природы одаренъ наблюдательностью».—Доставленный астроному Бонильѣ упавшій кусокъ вѣсилъ около $9^3/_4$ фунта (4 килогр.) (см. рис. 1).

Что же это за таинственный посланникъ съ неба, который въ ночь съ 27-го на 28-е ноября 1885 г. упалъ во дворъ мексиканскаго поселянина?

Прежде чѣмъ попытаться отвѣтить на поставленный нами вопросъ, постараемся хотя бы вкратцѣ резюмировать то, что̀ намъ вообще извѣстно о подобныхъ камняхъ, падающихъ изъ межпланетнаго пространства на землю.

Что камни иногда падаютъ съ неба на землю, объ этомъ искони зналъ народъ. Въ виду неожиданности самаго явленія паденія камней и той грандіозности свѣтовыхъ и звуковыхъ эффектовъ, которыми оно обыкновенно сопровождается, оно должно было во всѣ времена импонирующимъ образомъ дѣйствовать на вображеніе неразвитой массы. Поэтому въ народныхъ сказаніяхъ объ этомъ интересномъ явленіи, по большей части, упоминается объ «огненномъ зміѣ», объ «изрыгающемъ пламень чудовищѣ» и т. п. фантастическихъ существахъ. Понятное дѣло, что ученые, въ виду тѣхъ фантастическихъ прикрасъ, которыми народъ приправлялъ разсказы о падающихъ камняхъ, долгое время относились съ недовѣріемъ и къ самому факту паденія камней изъ межпланетнаго пространства, считая его за вымыселъ народной фантазіи. Поэтому-то, даже когда въ 1803 г. фактъ паденія тысячи камней (каменный дождь) съ неба близъ города Лэгля во Франціи былъ оффиціально засвидѣтельствованъ и сообщенъ мэромъ этого городка министру внутреннихъ дѣлъ, то нѣкоторыя газеты подняли мэра на смѣхъ, а другія даже

сожалѣли о населеніи города, во главѣ управленія котораго стоитъ столь невѣжественный человѣкъ, способный вѣрить всякимъ небылицамъ. Тѣмъ не менѣе, народная молва объ этомъ событіи росла и волновала умы, въ виду чего министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ парижской академіи командировать изъ своей среды кого-либо для разслѣдованія вопроса, откуда могъ возникнуть подобный слухъ. Парижская академія командировала извѣстнаго физика Біо, который вполнѣ подтвердилъ сообщенный мэромъ фактъ, прибавивъ, что площадь, покрытая нѣсколькими тысячами камней, вѣсомъ отъ 1/2 лота до 17 ф., была эллипсовидной формы и имѣла въ длину около 8 верстъ (2 льё), а въ ширину около 4-хъ (1 льё), причемъ самые крупные камни выпали въ юго-восточномъ концѣ эллипсиса, а самые мелкіе въ сѣверо-западномъ углу его, средніе же по величинѣ лежали по серединѣ. Всѣ они имѣли форму неправильнаго вида обломковъ сѣраго цвѣта съ блестками внутри, а снаружи были покрыты матовой черной корой. Объ обстоятельствахъ паденія ихъ Біо сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующія свѣдѣнія, засвидѣтельствованныя сотнями очевидцевъ:

«26-го апрѣля 1803 года, около 1 часу дня, жители Лэгля и его окрестностей увидѣли быстро двигавшееся съ юго-востока облако, изъ котораго раздалось нѣсколько ударовъ, подобныхъ пушечнымъ выстрѣламъ, а затѣмъ послѣдовалъ шумъ, въ родѣ ружейной перестрѣлки, длившійся около 5—6 минутъ, и вскорѣ посыпались на землю камни. Число собранныхъ камней было около 2—3 тысячъ».

Несмотря на то, что сообщеніе это было сдѣлано такимъ выдающимся физикомъ, какъ Біо, многіе ученые все же съ недовѣріемъ относились къ самому факту, и знаменитый геологъ и метеорологъ того времени Де-Люкъ писалъ по этому поводу слѣдующее: «Я вѣрю, потому что *вы* это говорите, но не повѣрилъ бы, если бы самъ видѣлъ это собственными глазами».

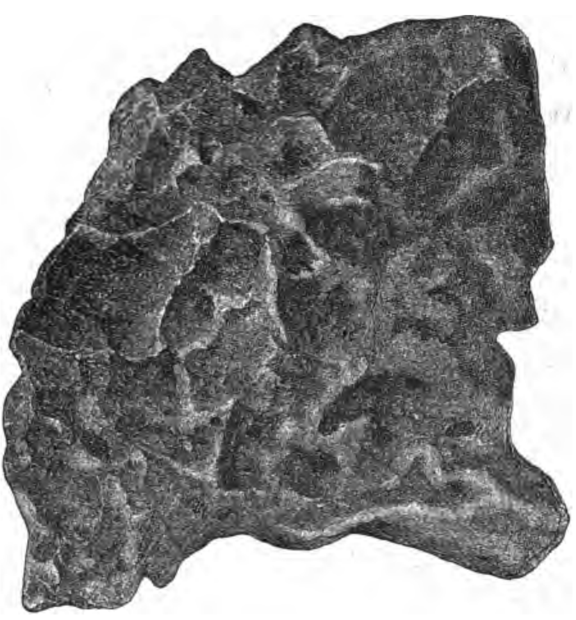

Рис. 1. Мазапильскій метеоритъ, упавшій близъ селенія „Rancheria de Concepcion" (Мексика).

Нынѣ уже никто изъ ученыхъ не сомнѣвается въ фактѣ паденія камней изъ межпланетнаго пространства. Камни эти, называемые метеоритами (или аэролитами), *обыкновенно* сѣраго цвѣта и покрыты снаружи черной корой, то матовой, то блестящей, происшедшей отъ оплавленія ихъ въ нашей атмосферѣ. Оплавляются же они оттого, что при необычайно быстромъ движеніи *) чрезъ нашу атмо-

*) Скорость ихъ при вступленіи въ нашу атмосферу опредѣляется отъ 10 до 45 верстъ въ секунду. Скорость эта—планетная, такъ, напр., земля движется со среднею скоростью 29—30 верстъ въ секунду.

сферу, послѣдняя оказываетъ на нихъ тормозящее дѣйствіе и, какъ кожа руки, старающейся затормозить быстро вращающееся колесо, нагрѣвается, такъ и поверхность метеорита накаляется отъ торможенія его атмосферой. Высчитано, что, если шаровидное тѣло, имѣющее вѣсу $35^1/_2$ фунтовъ и 8 дюймовъ (немного болѣе четверти аршина) въ діаметрѣ, влетитъ въ атмосферу въ 700 разъ менѣе плотную, чѣмъ наша, и движется въ ней со скоростью 45 верстъ въ секунду, то оно должно, вслѣдствіе тормозящаго дѣйствія даже такой разрѣженной атмосферы, уменьшить свою скорость у поверхности земли до $3^1/_2$ верстъ въ секунду; при этомъ, вслѣдствіе такого торможенія атмосферою, на поверхности шара разовьется такое количество тепла, которое способно привести въ кипѣніе около 5,500 пудовъ воды, взятой при 0°. Понятно, что часть этого тепла поглощается воздухомъ, а часть концентрируется на поверхности метеорита. Метеоритъ во время полета обгораетъ и оставляетъ нерѣдко за собою длинный свѣтящійся хвостъ искръ (оттуда, конечно, и сравненіе народомъ полета метеорита съ полетомъ огненнаго змія). Вотъ почему многіе небольшіе метеориты сгораютъ, не достигнувъ земли, и имѣютъ видъ огненныхъ шаровъ, спустившихся на землю, но не оставившихъ по себѣ никакого слѣда, — это такъ-называемые болиды. Изъ всего сказаннаго слѣдовало бы ожидать, что всѣ метеориты, которые не успѣли сгорѣть въ атмосферѣ, падаютъ на землю (подобно тому, какъ это наблюдалъ нашъ ранчеро Михарѐсъ) раскаленными. Въ дѣйствительности же оказывается, что большинство изъ нихъ, будучи немедленно подняты, оказывались только горячими или теплыми и лишь немногіе, состоящіе изъ чистаго желѣза, раскаляются до-красна, какъ, напримѣръ, пудовый желѣзистый метеоритъ, упавшій 14-го іюля 1847 г. близъ с. Браунау, въ Богеміи, который еще по прошествіи 6 часовъ послѣ паденія былъ настолько горячъ, что его съ трудомъ можно было держать въ рукахъ. Но зато извѣстны и случаи, что упавшіе метеориты были холодны; таковы, напримѣръ, метеориты, упавшіе близъ Альфіанелло (въ Италіи, 16-го февраля 1883 г.), близъ с. Савченскаго (Херсонской губ., Тираспольскаго уѣзда, 27-го іюля 1894 г.) и въ особенности метеоритъ, упавшій близъ Дурмсала (Пенджабъ, Индія) 14-го іюля 1860 г. *). Послѣдній былъ настолько холоденъ, что лица, нашедшія его вскорѣ послѣ паденія, не могли удержать его въ рукахъ: руки, что называется, ломило отъ холода. Подобныя явленія объясняются тѣмъ обстоятельствомъ, что метеориты прилетаютъ къ намъ изъ межпланетнаго пространства, температура котораго принимается гораздо ниже температуры, наблюдавшейся на земномъ шарѣ, а именно ее считаютъ въ 141° ниже нуля**). Камень, охлажденный до такой температуры, влетая въ нашу атмосферу, какъ мы выше видѣли, развиваетъ вокругъ себя громадное количество тепла, способное расплавить самыя трудноплавкія вещества; но полетъ его совершается до такой степени быстро и путь его въ атмосферѣ такъ сравнительно коротокъ, что тепло это, вслѣдствіе дурной проводимости камня, не успѣваетъ прогрѣть его насквозь. Вотъ почему только нѣкоторые метеориты, состоящіе почти исключительно изъ желѣза, которое, какъ и всѣ металлы, хорошо проводитъ тепло, накаляются до-красна, остальные же (каменистые) метеориты оплавляются только съ поверхности, и это поверхностное тепло, послѣ паденія метеорита, моментально поглощается сильно охлажденной внутренностью камня.

*) Во всей статьѣ числа приведены по новому стилю.

**) Самая низкая температура, которую наблюдалъ Нансенъ въ полярныхъ странахъ, была —52°.

Въ настоящемъ очеркѣ мы только упомянемъ, что метеориты по своему составу дѣлятся на: 1) состоящіе главнымъ образомъ изъ каменистой массы съ разсѣянными въ ней блестками металлическаго желѣза и сѣрнистаго желѣза и 2) состоящіе главнымъ образомъ изъ металлическаго желѣза съ небольшою примѣсью каменистыхъ частей Весьма рѣдкое явленіе представляютъ метеориты, состоящіе изъ каменистой массы, пропитанной бо̀льшимъ или меньшимъ количествомъ органическаго вещества, похожаго на нашу нефть. Болѣе близкое ознакомленіе читателя съ составомъ метеоритовъ и ихъ формой для цѣлей настоящей нашей замѣтки не требуется.

Рис. 2. Мигейскій метеоритъ, содержащій органическія вещества. Упалъ 18-го іюля 1889 г., близъ с. Мигея, Елисаветград. уѣзда, Херсонской губ.

Рис. 3. Гроссливентальскій метеоритъ, упавшій 19-го ноября 1881 г., близъ Одессы.

Мы уже имѣли случай упомянуть при описаніи паденія метеоритовъ близъ Лэгля, что метеориты являются къ намъ въ формѣ сравнительно небольшихъ тѣлъ, имѣющихъ видъ обломковъ, и изъ приведенныхъ нами примѣровъ можно было усмотрѣть, что они падаютъ или тысячами (метеоритные дожди), или въ одиночку. Величина ихъ очень разнообразна: начиная отъ величины пылинокъ и крупинокъ и до кусковъ вѣсомъ въ 18 пудовъ *). Но изъ метеоритовъ, упавшихъ въ незапамятныя времена, нѣкоторые имѣли гораздо бо̀льшіе размѣры; такъ, напр., хранящійся въ нашей Академіи Наукъ Палласовъ метеоритъ вѣсилъ въ первоначальномъ видѣ болѣе 40 пудовъ, а одна изъ подобныхъ метеоритныхъ массъ, найденная въ Бразиліи, имѣла вѣсу около 4,300 пудовъ.

После сдѣланнаго нами краткаго отступленія, перейдемъ къ возможному рѣшенію поставленнаго нами выше вопроса,— что̀ такое метеориты? Изъ разсказа ранчеро мы узнали, что въ тотъ вечеръ, когда упалъ метеоритъ въ его дворъ, были видны падающія звѣзды въ большомъ количествѣ. Ранчеро Михарѐсъ говоритъ: «и въ слѣдующую затѣмъ ночь наблюдался звѣздный дождь, хотя мы не замѣтили, чтобы какая-либо изъ звѣздъ упала на землю: всѣ онѣ гасли высоко надъ землей». Онъ, слѣдовательно, разсматривалъ упавшій при немъ камень, какъ падающую звѣзду. И этотъ взглядъ раздѣляется нынѣ большинствомъ ученыхъ. Почему же *не всѣ* падающія звѣзды падаютъ къ намъ на землю? Отчасти, вѣроятно, потому, что онѣ обладаютъ при своемъ движеніи громадной скоростью, благодаря чему большинство пролетаетъ мимо нашей планеты, измѣнивъ только

*) Такой вѣсъ имѣлъ одинъ изъ камней, упавшихъ 9 іюля 1866 г. близъ с. Княгиня, въ Венгріи.

немного свой путь, вслѣдствіе притяженія земли; отчасти же и потому, что многія изъ нихъ имѣютъ незначительные размѣры и при полетѣ своемъ сгораютъ. Наконецъ, слѣдуетъ также принять во вниманіе и то обстоятельство, что, очень можетъ быть, въ періоды обилія падающихъ звѣздъ, нѣкоторыя изъ нихъ и попадаютъ къ намъ на землю, но ускользаютъ отъ наблюденій, въ виду того, что въ потокѣ падающихъ звѣздъ отдѣльные экземпляры, входящіе въ составъ его, значительно удалены другъ отъ друга. Такъ, напр., во время паденія метеоритнаго дождя въ Трансильваніи, 3-го февраля 1882 года, упало болѣе 100,000 камней, вѣсившихъ въ общей сложности всего около 25 пудовъ, причемъ высчитано, что въ среднемъ пришлось по одному камешку приблизительно на двѣ квадратныхъ версты.

Итакъ, ученые разсматриваютъ метеориты или какъ образчики тѣлъ, изъ которыхъ состоятъ нынѣ существующіе потоки падающихъ звѣздъ, или же какъ уцѣлѣвшіе остатки нѣкогда существовавшихъ потоковъ ихъ. Каждому мало-мальски наблюдательному человѣку извѣстно, что въ началѣ августа (съ 8-го по 12-е число пов. ст.) и въ срединѣ ноября (съ 12-го по 14-е число н. ст.), а также и въ концѣ этого мѣсяца (съ 27-го по 29-е число н. ст.) падающія звѣзды особенно часто прорѣзываютъ небесный сводъ. Астрономы отмѣчаютъ, кромѣ того, еще другія времена въ году, когда, однако, количество падающихъ звѣздъ не столь обильно: такъ, напр., въ первыхъ числахъ января, въ срединѣ апрѣля, въ концѣ іюля и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ звѣзды кажутся намъ прорѣзывающими небосклонъ во всѣхъ направленіяхъ, но исходящими изъ одной точки неба, которая называется точкою радіанта. Для августовскихъ падающихъ звѣздъ она лежитъ въ созвѣздіи Персея, и потому онѣ называются *персеидами*; для перваго ноябрьскаго потока она находится въ созвѣздіи Льва, и потому ихъ называютъ *леонидами;* для второго ноябрьскаго потока точка радіанта находится въ созвѣздіи Андромеды, это—*андромедиды* и т. д. Метеоритъ, поднятый нашимъ ранчеро въ ночь съ 27-го на 28-е ноября, принадлежалъ, слѣдовательно, второму ноябрьскому потоку—потоку андромедидъ. Профессоръ Бонилья со своимъ ассистентомъ насчитали въ эту ночь на закатекаской обсерваторіи около 3,000 падающихъ звѣздъ. Слѣдуетъ замѣтить, что обиліе падающихъ звѣздъ въ августовскихъ и другихъ потокахъ остается ежегодно приблизительно одинаковымъ, тогда какъ ноябрьскіе потоки имѣютъ опредѣленный періодъ наибольшей интенсивности ихъ: этотъ періодъ равенъ приблизительно 33¼ годамъ. Въ первый разъ явленіе это занесено было въ научную хронику Гумбольдтомъ, который въ 1799 году наблюдалъ его въ Южной Америкѣ. По его свидѣтельству, десятки тысячъ метеоровъ бороздили тогда небо, которое казалось пылающимъ. Затѣмъ оно наблюдалось въ 1833 и 1866 годахъ и ожидается съ нетерпѣніемъ астрономами въ ноябрѣ будущаго 1899 года. Это періодичное появленіе особенно обильныхъ ноябрьскихъ роевъ падающихъ звѣздъ, въ связи съ другими астрономическими данными, дало возможность опредѣлить путь, по которому движутся эти рои въ межпланетномъ пространствѣ, а также сравнить путь ихъ съ путемъ движенія и астрономическими элементами другихъ небесныхъ тѣлъ. Директоръ обсерваторіи въ Миланѣ Джіовани Скіапарелли, занявшись этимъ вопросомъ, пришелъ къ слѣдующимъ весьма интереснымъ выводамъ: потоки падающихъ звѣздъ образуютъ, по его мнѣнію, кольцевидныя скопленія въ межпланетномъ пространствѣ, которыя пересѣкаются землею при ея поступательномъ движеніи ежегодно. Въ большинствѣ изъ этихъ кольцевидныхъ потоковъ количество тѣлецъ, входящихъ въ ихъ составъ, довольно равномѣрно распростра-

нено по всему протяженію кольца, и только въ кольцѣ, составленномъ изъ ноябрьскихъ метеоровъ, существуетъ одно мѣсто съ наиболѣе густымъ скопленіемъ вещества. Это-то мѣсто пересѣкается нашею планетою при ея поступательномъ движеніи періодично черезъ $33^1/_4$ года. Опредѣляя характерныя черты движенія августовскихъ и ноябрьскихъ метеорныхъ кольцевыхъ потоковъ въ межпланетномъ пространствѣ, Скіапарелли замѣтилъ, что по тому же самому пути, по которому они двигаются, двигаются также нѣкоторыя кометы; такъ, напр., элементы дви-

женія августовскихъ метеоровъ совпадаютъ съ элементами движенія одной изъ кометъ 1862 года (третья комета 1862 г.), первый ноябрьскій потокъ имѣетъ элементы движенія, весьма сходные съ таковыми 1-ой кометы Темпеля, и, наконецъ, второй ноябрьскій потокъ (андромедиды)—съ элементами движенія кометы Біэлы. На основаніи этихъ астрономическихъ данныхъ, Скіапарелли полагалъ возможнымъ принять, что метеорныя кольца произошли отъ распаденія кометъ и вслѣдствіе разсѣеванія веществъ послѣднихъ по пути своего движенія. Что распаденіе кометъ дѣйствительно существуетъ, доказали наблюденія надъ нѣкоторыми изъ изученныхъ кометъ: такъ, напр., сентябрьская комета 1882 года распалась на пять частей, августовская комета 1889 года распалась также на нѣсколько частей, то же случилось и съ упомянутой выше кометой Біэлы. Такъ какъ эта послѣдняя, по мнѣнію Скіапарелли, дала своимъ распаденіемъ начало потоку андромедидъ (т.-е. рою вторыхъ ноябрьскихъ метеоровъ), принесшихъ съ собою камень, упавшій 27 ноября 1885 года, то мы нѣсколько дольше остановимся на исторіи этой кометы. Комета эта получила свое названіе отъ фамиліи австрійскаго полковника Вильгельма Біэла, который открылъ ее въ 1826 г. Астрономъ Гамбартъ въ Марсели вычислилъ время ея обращенія вокругъ солнца и нашелъ его равнымъ $6^3/_4$ года. Но ни въ 1833, ни въ 1839 году ея не наблюдали, вѣроятно, вслѣдствіе неблагопріятнаго для наблюденій положенія ея относительно земли. Въ концѣ 1845 года она вновь появилась, и въ январѣ 1846 года, такъ сказать, на глазахъ наблюдателей раздѣлилась на двѣ части, двигавшіяся рядомъ на разстояніи около 300,000 верстъ. При слѣдующемъ появленіи ея въ 1852 году, части эти были уже удалены другъ отъ друга на 2,500,000 верстъ. Затѣмъ ни въ 1859, ни въ 1865 г. она болѣе не появлялась. Астрономы сочли ее разрушившеюся окончательно и разсѣившею вещество, изъ котораго она состояла, по длинѣ своего пути. Въ самомъ дѣлѣ, въ ноябрѣ 1872 г., когда ждали ея появленія, наблюдался такой грандіозный по своимъ размѣрамъ потокъ падающихъ звѣздъ, какого до тѣхъ поръ астрономы никогда не наблюдали. Вычисленія показали, что въ это время земля пересѣкла путь кометы Біэла. Различными астрономами Европы было сосчитано за ночь съ 27-го на 28-е ноября 1872 года отъ 20 до 30 тысячъ падающихъ звѣздъ, бороздившихъ небо. Въ эту ночь гётингенскому астроному Клинкерфусу (наблюдавшему это явленіе, слѣдовательно, въ сѣверномъ полушаріи) пришла въ голову счастливая мысль. Если, разсуждалъ онъ, этотъ необычайный потокъ падающихъ звѣздъ, сыпавшихся, какъ казалось, изъ созвѣздія Андромеды, обязанъ своимъ происхожденіемъ тому обстоятельству, что земля при своемъ движеніи пересѣкла его въ одномъ мѣстѣ,

то продолженіе этого потока должно быть видимо въ южномъ полушаріи въ соотвѣтственной точкѣ неба, и именно въ созвѣздіи Центавра. Если, соображалъ онъ далѣе, потокъ этотъ обязанъ своимъ происхожденіемъ кометѣ Біэла, то, можетъ-быть, онъ будетъ виденъ въ этой точкѣ южнаго неба, как удаляющаяся комета. Такого рода соображенія побудили Клинкерфуса телеграфировать астроному Погсону въ Мадрасѣ (Индія) слѣдующее: «Біэла коснулась земли, ищите близъ звѣзды θ. Центавра». Погсонъ немедленно направилъ телескопъ на указанную точку неба и дѣйствительно увидѣлъ тамъ туманность, имѣвшую видъ кометы, и на слѣдующее утро у нея ясно вырисовался незначительныхъ размѣровъ хвостъ. Такимъ образомъ удалось установить, почти внѣ всякихъ сомнѣній, связь періодическихъ кометъ съ періодическими же потоками падающихъ звѣздъ. Уже давно было замѣчено, что, при періодическомъ появленіи одной и той же кометы на нашемъ небосклонѣ, ея размѣры съ каждымъ послѣдующимъ появленіемъ въ большинствѣ случаевъ убываютъ; она становится все менѣе и менѣе грандіозной, разсѣивая, повидимому, вещество по пути своего движенія.

Въ 1879 году (т.-е. черезъ $6^3/_4$ года послѣ 1872 г.) второй ноябрьскій потокъ метеоровъ былъ не особенно великъ, но зато въ 1885 году онъ наблюдался со всѣхъ обсерваторій земного шара въ самыхъ грандіозныхъ размѣрахъ. Астрономъ Боргетти въ Суэцѣ писалъ, что падающія звѣзды сыпались въ ночь съ 27-го на 28-е ноября 1885 года подобно хлопьямъ снѣга, а директоръ обсерваторіи на о. Бурбонѣ (къ востоку отъ Мадагаскара) Дюбюиссонъ извѣщалъ, что народъ съ ужасомъ слѣдилъ за явленіемъ, опасаясь, что ни единой звѣзды не останется болѣе на небѣ. На одной изъ обсерваторій въ Европѣ (Марсель) было отмѣчено 24,000 падающихъ звѣздъ въ часъ, а въ Монкальери (Италія) насчитано ихъ болѣе 39,000 въ часъ и т. д.

Во время этого грандіознаго потока падающихъ звѣздъ упалъ упомянутый Мазапильскій метеоритъ. Камень этотъ, разсматриваемый большинствомъ ученыхъ, какъ частичка кометы Біэла, былъ подвергнутъ химическому анализу *). Онъ оказался состоящимъ изъ металлическаго желѣза (91,26%), никкеля (7,84%), кобальта (0,65%), фосфора (0,30%) и незначительнаго количества углерода и хлора. Болѣе подробное разсмотрѣніе состава метеоритовъ, равно и изложеніе тѣхъ выводовъ, которые на основаніи ихъ состава можно сдѣлать, мы отлагаемъ до другого раза, а пока позволимъ себѣ обратиться къ тѣмъ изъ читателей «Нивы», которые владѣютъ метеоритами, съ просьбой сообщить въ минералогическій кабинетъ Новороссійскаго университета въ Одессѣ имѣющіяся у нихъ свѣдѣнія о времени паденія и обстоятельствахъ, сопровождавшихъ паденіе камня, а также, если возможно, прислать наложеннымъ платежомъ въ названный кабинетъ и самый камень для изслѣдованія. По производствѣ изслѣдованій, метеоритъ будетъ возвращенъ владѣльцу его съ сообщеніемъ результатовъ изслѣдованія. Чѣмъ больше разнообразныхъ метеоритовъ подвергнется изученію, тѣмъ, конечно, болѣе свѣта прольется на происхожденіе этихъ интересныхъ пришельцевъ изъ межпланетнаго пространства.

---

*) Нѣкоторые ученые видятъ въ паденіи «мазапильскаго метеорита», во время метеорнаго потока съ 27-го на 28-е ноября, случайное совпаденіе, такъ какъ метеориты падаютъ и въ другое время года, и это будто бы единственный случай, когда камень упалъ во время метеорнаго дождя, приводимаго въ связь съ кометой. Это, однако, не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ извѣстны и другіе подобные случаи.

Эхо.

Разсказъ **Роберта Гиченса.**

I.

Египетъ, — эта блестящая страна съ монотонной музыкой, дикими плясками, священными могилами, дерзкими арабами и туристами, съ такимъ пыломъ стремящимися къ его горячимъ пескамъ, производитъ очень различное впечатлѣніе на путешественниковъ.

Мистеръ Беллэрсъ отправился туда въ полномъ убѣжденіи, что онъ циникъ, а на самомъ дѣлѣ оказался романтикомъ. Онъ старался относиться ко всему какъ можно равнодушнѣе: ни чѣмъ особенно не восторгаться, не удивляться, не мечтать и не допускать никакихъ иллюзій. Всякое проявленіе чувствительности онъ считалъ позоромъ; поэтому все, что въ немъ было мягкаго и задушевнаго, онъ старался заглушить всѣми силами. Въ Лондонѣ это ему какъ будто удавалось, но въ Египтѣ онъ не могъ совладать съ собой и впалъ въ мечтательность. Въ концѣ концовъ, къ своему великому ужасу, онъ долженъ былъ сознаться, что онъ не что иное, какъ сантиментальная душа, а можетъ-быть даже поэтъ. Боже милостивый! Беллэрсъ—поэтъ!

Вмѣсто того, чтобы послѣ обѣда спокойно сидѣть и играть въ карты, онъ всю ночь бродитъ по узкимъ улицамъ Каира, изучаетъ нравы туземцевъ и пьетъ ихъ кофе. Бывали даже минуты, постыдныя минуты, когда ему хотѣлось носить ихъ костюмъ; завернуть свою долговязую британскую фигуру въ широкій плащъ и обернуть свою черную голову бѣлымъ тюрбаномъ. Онъ, конечно, не поддался этому искушенію, но одна мысль, что такое постыдное желаніе могло придти ему въ голову, выводила его изъ себя.

«Я больше не Беллэрсъ», — говорилъ онъ себѣ, въ то время какъ пароходъ, на которомъ онъ ѣхалъ вверхъ по Нилу, подходилъ къ Люксору. —Я сталъ другимъ человѣкомъ. Я любуюсь закатомъ солнца, восторгаюсь цвѣтами на Ливійскихъ горахъ, брожу и мечтаю по ночамъ, прислушиваясь къ жалобнымъ стонамъ пастушескихъ флейтъ. Прощай, Беллэрсъ! Поѣзжай назадъ въ Англію! Я остаюсь здѣсь!»

Въ этотъ же день онъ сошелъ съ парохода и нанялъ себѣ на мѣсяцъ комнату въ люксорскомъ отелѣ.

Беллэрсу было двадцать восемь лѣтъ, онъ еще не былъ женатъ и путешествовалъ одинъ; поэтому около него не было любопытныхъ глазъ, которые могли бы подмѣтить совершившуюся въ немъ перемѣну, не было и болтливыхъ языковъ, которые выразили бы свое удивленіе по этому поводу. Цѣлый мѣсяцъ онъ можетъ жить какъ ему угодно и не бороться съ собой. Съ этой мыслью онъ направился къ берегу Нила. Въ тѣни его коричневыхъ береговъ виднѣлась цѣлая вереница дахабій. *) Съ нѣкоторыхъ судовъ доносилась музыка. Беллэрсъ съ сигарой во рту тихо бродилъ по берегу, сладко мечтая и лѣниво прислушиваясь къ музыкѣ. Съ палубы ближайшей дахабіи до-

*) Дахабія—нильское судно съ палубою и каютами.

неслись до него очаровательныя звуки мазурки. Беллэрсъ любилъ музыку, а исполненіе было такъ хорошо, что онъ даже остановился, чтобы лучше прислушаться.

Музыка прекратилась.

— Бетти, — сказалъ женскій голосъ по-англійски, но съ чуть замѣтнымъ французскимъ акцентомъ:—я хочу посмотрѣть на звѣзды, пойдемъ погулять.

— Пойдемъ погулять,—отвѣтилъ другой, болѣе мягкій, женскій голосъ.

Беллэрсъ улыбнулся: «первый голосъ, это — вѣроятно голосъ музыкантши, а второй, кажется—его эхо»,—сказалъ онъ самъ себѣ.

Онъ стоялъ еще на берегу, когда обѣ женщины сошли внизъ по трапу и стали подниматься по берегу къ узкой тропинкѣ.

Проходя мимо, онѣ посмотрѣли на него съ большимъ любопытствомъ. Одна изъ нихъ была женщина лѣтъ тридцати, брюнетка, съ блѣднымъ лицомъ и рѣзкими чертами. Другая была молоденькая дѣвушка, блондинка, лѣтъ семнадцати, аристократка на видъ.

«Она—эхо,—подумалъ Беллэрсъ.—Довольно милое эхо». Онъ на нѣкоторомъ разстояніи послѣдовалъ за ними, и вскорѣ увидѣлъ ихъ сидящими въ саду около отеля. Онъ также сѣлъ невдалекѣ. Въ это время къ нимъ подошелъ знакомый ему господинъ и, поговоривъ съ ними, приблизился къ Беллэрсу.

— Эта дама очень хорошо играетъ,— сказалъ Беллэрсъ.

— Вы говорите про m-lle Леру?—О, да. Вы ее знаете?

— Совсѣмъ не знаю, я только слышалъ ее съ берега.

— Она путешествуетъ съ лордомъ Брайдономъ и подруга его дочери, леди Бетти Ламбе.

— Этой хорошенькой барышни?

— Да. Хотите я васъ представлю?

— Я былъ бы въ восторгѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ Беллэрсъ ужъ сидѣлъ около молодыхъ женщинъ и бесѣдовалъ объ Египтѣ.

Ему казалось, что онѣ поддержатъ въ немъ тѣ новыя чувства, которыя вселила въ него эта страна. Можетъ быть, это и ускорило ихъ знакомство. Какъ бы то ни было, но въ разговорѣ ихъ ужъ слышался дружескій тонъ. Беллэрсъ слушалъ m-lle Леру и смотрѣлъ съ большимъ интересомъ и восхищеніемъ на леди Бетти.

Черезъ нѣсколько времени первая сказала:

— Я знала, что вы намъ будете сегодня представлены.

Беллэрсъ удивился.

— Когда вы это узнали? — спросилъ онъ.

— Вотъ сейчасъ, когда мы проходили мимо васъ по берегу Нила.

— Я тоже знала, — сказала леди Бетти.

— Вы, вѣроятно, очень проницательны,—сказалъ Беллэрсъ.

— Женщины обыкновенно проницательны,—замѣтила m-lle Леру.

— Что же вамъ говоритъ ваша проницательность,—будетъ наше знакомство пріятно и долго продолжаться?

— Можетъ - быть, но я никогда не предсказываю.

— Отчего?

— Потому что тѣ, которые заглядываютъ въ будущее, обыкновенно видятъ только мракъ.

— Пока я въ Египтѣ, я этому не повѣрю,—отвѣтилъ Беллэрсъ.

II.

Недѣлю спустя Беллэрсу казалось, что онъ всю жизнь былъ знакомъ съ m-lle Леру и леди Бетти Ламбе. Лордъ Брайдонъ и леди Брайдонъ почти каждый день приглашали его завтракать на дахабію, а по вечерамъ онъ заходилъ и безъ приглашенія. Днемъ они обыкновенно совершали прогулки на ослахъ въ Карнакъ, или отправлялись на ту сторону Нила къ

пирамидамъ, или въ древнія Ѳивы. Лордъ Брайдонъ страдалъ грудью и поэтому проводилъ зиму и весну въ Египтѣ. Леди Брайдонъ почти никогда не оставляла его одного. Такимъ образомъ часто случалось, что Беллэрсъ и его двѣ новыя знакомыя коротали время втроемъ. Беллэрсъ сталъ все больше и больше ими интересоваться и былъ пораженъ той необыкновенной симпатіей, которая существовала между этими двумя женщинами, если только леди Бетти можно было назвать женщиной. M-lle Леру достигла такого сильнаго вліянія на молодую дѣвушку, что, казалось, она передала Бетти не только свои мысли и воззрѣнія, но также свои чувства и привязанности. То, что первая думала про себя, послѣдняя также думала, и когда онѣ высказывали свою мысль, то часто случалось, что обѣ одновременно произносили почти одну и ту же фразу. Иногда m-lle Леру выражала съ увлеченіемъ какое-нибудь свое чувство Беллэрсу, когда леди Бетти не было; часъ или два спустя леди Бетти непремѣнно высказывала то же самое, только съ меньшимъ увлеченіемъ. Положительно казалось, что у этихъ двухъ женщинъ одинъ умъ и одна душа, и именно тотъ умъ и та душа, которые первоначально составляли нераздѣльную собственность старшей.

— Вы чрезвычайно щедры,—сказалъ однажды Беллэрсъ m-lle Леру.

— Почему? — спросила она съ удивленіемъ.

— Потому что вы отдаете другимъ такія вещи, которыми большинство изъ насъ не можетъ ни съ кѣмъ дѣлиться.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Можетъ-быть, когда-нибудь я вамъ объясню.

Клариса Леру была очень впечатлительна и съ первой же минуты сильно увлеклась Беллэрсомъ. Леди Бетти по обыкновенію раздѣляла ея чувства. Когда же увлеченіе Кларисы стало переходить въ болѣе серьезное чувство, то леди Бетти, какъ ни странно это казалось, все-таки продолжала идти по ея слѣдамъ, подчиняясь малѣйшимъ движеніямъ ея ума и сердца. Все это было такъ необыкновенно, что Беллэрса это очень занимало. Въ началѣ онъ не дѣлалъ между двумя женщинами никакого различія и игралъ ими, какъ ребенокъ играетъ двумя одинаковыми куклами.

Но вещи обыкновенно имѣютъ свойство усложняться, если предоставлены самимъ себѣ и развиваются безъ опредѣленнаго плана. Беллэрсъ вскорѣ долженъ былъ сознаться, что его дѣла начинаютъ запутываться. Онъ пришелъ къ этому убѣжденію однажды вечеромъ въ Карнакѣ.

Они втроемъ сидѣли среди старыхъ развалинъ, защищенные отъ взоровъ туристовъ огромными полуобвалившимися колоннами. Цѣлый лѣсъ нагроможденныхъ другъ на друга камней находился вокругъ нихъ. Ясное голубое небо было полузакрыто отъ ихъ взоровъ узкимъ дугообразнымъ навѣсомъ, который, вѣроятно, когда-то былъ частью какого-нибудь грандіознаго сооруженія. Гробовое молчаніе безконечныхъ вѣковъ царило вокругъ нихъ.

— Вотъ прошла уже недѣля, а слѣдующія три мнѣ покажутся еще короче,— сказалъ Беллэрсъ, прервавъ наконецъ томительное молчаніе.

— Вы черезъ три недѣли уѣзжаете?— спросила Клариса съ чуть замѣтной тревогой въ голосѣ.

— Да, въ концѣ января.

— А мы пробудемъ здѣсь до конца марта.

— Да,—сказала леди Бетти: — время будетъ ужасно тянуться; февраль покажется безконечнымъ.

— Это самый короткій мѣсяцъ въ году,—замѣтилъ Беллэрсъ.

Клариса саркастически на него посмотрѣла.

— Вы, англичане, ужасно прозаичны, — воскликнула она: — французъ сейчасъ бы понялъ.

— Что?

— Что мы вамъ сказали комплиментъ.

— Можетъ-быть, я и понялъ, но предпочелъ этого не показывать. Вѣдь существуетъ же чувство скромности.

— Существуетъ также ложная скромность.

— Именно,—замѣтила леди Бетти.

— Я съ удовольствіемъ приму вашъ комплиментъ,—сказалъ Белларсъ, смотря на леди Бетти.

— Мой?—спросила Клариса.

— Да,—отвѣтилъ Белларсъ.

Сознаніе, что онъ гораздо болѣе дорожитъ мнѣніемъ Бетти, чѣмъ Кларисы, въ первый разъ смутило его. Онъ опять взглянулъ на Бетти, но уже съ новымъ чувствомъ. Она спокойно отвѣтила на его взглядъ. Потомъ онъ посмотрѣлъ на Кларису: глаза ея были съ странной запальчивостью устремлены на него. Вдругъ у него въ первый разъ блеснула мысль, что въ концѣ концовъ у этихъ двухъ женщинъ не одинъ умъ и не одно сердце, что онѣ чувствуютъ не совсѣмъ одинаково. Бетти была всегда на шагъ позади Кларисы. Да, въ этомъ и заключалась вся разница между ними. Хотя эхо моментально повторяетъ сказанное, но всетаки только повторяетъ. Неужели Бетти вѣчно будетъ только эхо?

Въ этотъ день Белларсъ пришелъ къ очень странному убѣжденію. Ему вдругъ стало ясно, что если Клариса еще не влюблена въ него, то уже очень близка къ этому. Онъ понялъ кромѣ того, что любитъ Бетти. Но она его еще не любила и даже не была близка къ этому. Белларсъ былъ увѣренъ, что если бы Бетти была въ Египтѣ одна, безъ Кларисы, то она не обратила бы на него ни малѣйшаго вниманія. Онъ привлекъ ее только потому, что ему удалось привлечь Кларису. Можно ли заставить ее полюбить такимъ же образомъ? Хотя добиваться взаимности одной женщины, завладѣвъ сердцемъ другой — способъ столько же оригинальный, сколько и опасный, но Белларсъ рѣшилъ къ нему прибѣгнуть. Въ бесѣдахъ съ Кларисой онъ показывалъ себя такимъ, какимъ его сдѣлалъ Египетъ. Онъ зналъ, что поэтичность, которая вытѣснила прозу, унаслѣдованную имъ отъ предковъ, и тѣ чувства, которыхъ онъ уже больше не стыдился, теперь послужатъ ему оружіемъ для завоеванія двухъ сердечекъ—сердца, которое заключаетъ въ себѣ другое сердце, какъ одинъ ларецъ заключаетъ въ себѣ другой.

III.

— Я знала, что это случится, въ первый разъ, какъ васъ увидѣла,—сказала Клариса. — Какъ взглянула на васъ въ тотъ вечеръ на берегу рѣки, сейчасъ же узнала.

— Какъ странно,—отвѣтилъ Белларсъ.

— А вы ничего не предчувствовали, когда слушали, какъ я играла?

— Эту мазурку? Я никогда ея забуду.

Они сидѣли ночью въ саду. Публики было очень мало, такъ какъ все небольшое люксорское общество собралось слушать знаменитаго австрійскаго піаниста, который въ этотъ вечеръ игралъ въ общественномъ залѣ. До слуха Белларса и Кларисы долетали отрывки полонеза Шопэна, звуки котораго смѣшивались съ барабаннымъ боемъ и завываніемъ флейтъ въ сосѣдней деревушкѣ. Белларсъ только-что объяснился въ любви Кларисѣ, она отвѣтила ему тѣмъ же; онъ поцѣловалъ ее, и поцѣлуй былъ ему возвращенъ.

«Будетъ ли у этого поцѣлуя свое эхо?»—подумалъ онъ, и глаза его невольно обратились къ освѣщеннымъ окнамъ зала, въ которомъ находилась въ эту минуту Бетти.

— Вы вѣрите въ эхо? — снова обратился онъ къ Кларисѣ.

— Въ эхо?

— Да, вѣрите-ли вы, что все, что̀ мы въ жизни дѣлаемъ,—каждое наше слово, каждое восклицаніе, каждое дѣйствіе, рано или поздно, должно быть повторено?

— Тѣмъ же человѣкомъ?

— Или другимъ—все равно.

— Какая странная мысль. Вы думаете, что мы ничего не можемъ сдѣлать безъ того, чтобы у насъ не было подражателя? Я не хочу этому вѣрить. Я не допускаю мысли, что когда-нибудь состоится точное повтореніе нашихъ сегодняшнихъ чувствъ или дѣйствій.

— Можетъ-быть и состоится, кто знаетъ?

— Я знаю, инстинктъ мнѣ говоритъ, что этого не можетъ быть. Никогда не было и никогда не будетъ женщины, которая чувствовала бы совершенно такъ же, какъ и я, и отдала свое сердце мужчинѣ такимъ же образомъ, какъ я его отдала вамъ. Какъ вамъ пришла такая ужасная мысль?

— Самъ не знаю, отчего это пришло мнѣ въ голову,—и онъ снова взглянулъ на окна зала.

— Міръ переполненъ повтореніями,—продолжалъ онъ:—наши печали постоянно повторяются.

— Да, но не наши радости, наши сердечныя радости; нѣтъ, нѣтъ, никогда!

— Всегда существовали влюбленные, и всѣ они дѣйствуютъ почти одинаково!

— Какъ отвратительно! Отчего мы съ вами не можемъ придумать что-нибудь новое?

— Потому что мы такіе же люди и созданы всѣ одинаково.

— Я готова заплакать отъ злости.

Взглянувъ на нее, онъ замѣтилъ, что у нея, дѣйствительно, были слезы на глазахъ.

Вдругъ онъ почувствовалъ страшное угрызеніе совѣсти. Чтò онъ сдѣлалъ? Ужасное зло, самое ужасное, какое только можетъ сдѣлать мужчина. Онъ сдѣлалъ опытъ надъ человѣческой душой. Она еще ничего не знаетъ. Чтò съ ней будетъ, когда она узнаетъ? Но въ то же время онъ убѣждалъ себя, что долженъ былъ сдѣлать этотъ опытъ. А вдругъ онъ не удастся! Нѣтъ, этого не можетъ быть. Все, чтò Клариса говорила, все, чтò она думала, все, чего она желала, Бетти также говорила, думала и желала. Послѣ извѣстнаго промежутка, должно послышаться эхо,—и онъ улыбнулся при этой мысли.

— Чему вы улыбаетесь? — спросила Клариса.

— Мнѣ показалось, что я слышалъ эхо,—отвѣтилъ онъ, и они снова поцѣловались.

Австрійскій піанистъ изнемогалъ отъ усталости. Онъ великолѣпно исполнилъ седьмую рапсодію Листа, и этимъ кончилъ. Бетти вышла въ садъ.

— Какъ вы оба мало музыкальны,—сказала она:—онъ игралъ превосходно.

— Мы здѣсь слышали лучшую музыку,—сказала Клариса, вставая и собираясь уходить.—Не правда ли?—обратилась она къ Беллэрсу, но онъ въ эту минуту смотрѣлъ на Бетти и ничего не слышалъ.

Клариса вспыхнула.

— Пойдемъ, Бетти, — сказала она.— Покойной ночи, мистеръ Беллэрсъ.

— Покойной ночи, мистеръ Беллэрсъ,—повторила Бетти, и онѣ отправились по узкой пыльной дорогѣ, ведущей къ Нилу.

Беллэрсъ стоялъ и смотрѣлъ имъ вслѣдъ. Его удивляло, отчего онъ любитъ Бетти, а не Кларису. Вѣдь, казалось, не стòитъ любить эхо, хотя эхо, которое неопредѣленно звучитъ вдали, также имѣетъ свою прелесть. Беллэрсъ думалъ, что, если ему удастся возбудить въ Бетти любовь, онъ сейчасъ же освободитъ ее отъ этого необычайнаго рабства, отдастъ ей ея собственную душу, которую Клариса, вѣроятно, вытѣснила и замѣнила своей душой. Потомъ онъ сталъ спрашивать себя, чтò именно нравится ему въ Бетти. Неужели только ея молодость и красота?

Характеръ ея не могъ ему нравиться, такъ какъ въ настоящее время это было ничто иное, какъ характеръ Кларисы, которую онъ не любилъ. Въ то же время онъ чув-

ствовалъ, что въ ней было что-то, кромѣ красоты. Когда онъ будетъ любимъ, онъ все узнаетъ, такъ какъ тогда онъ заставитъ ее быть самостоятельной.

Онъ слѣдилъ за летучими мышами, которыя кружились между тѣнистыми пальмами. Какъ спокоенъ былъ воздухъ! Какъ ласково глядѣли звѣзды! Беллэрсу вспомнилась далекая Англія. Ему казалось невозможнымъ, что онъ когда-нибудь опять будетъ въ Лондонѣ, опять вернутся къ нему его прежніе взгляды, и онъ снова будетъ смѣяться надъ романтическими беднями. Да, это казалось невозможнымъ. Тѣмъ не менѣе, черезъ двѣ недѣли онъ долженъ ѣхать. Но онъ увезетъ съ собою любовь Бетти. Это онъ рѣшилъ.

Нѣсколько минутъ спустя, онъ спокойно спалъ у себя въ номерѣ.

Прошло три дня. Клариса лежала съ страшной головной болью. Она не переносила, чтобы въ это время кто-нибудь находился у нея въ комнатѣ; поэтому Бетти сидѣла грустная на палубѣ дахабіи: «Королева Хатасо». Беллэрсъ, зайдя, по обыкновенію, днемъ, засталъ ее тамъ. Лорда Брайдона не было; онъ съ леди Брайдонъ отправился на лодкѣ далеко вверхъ по рѣкѣ, такъ что Бетти была совсѣмъ одна.

Она жалобно обратилась къ Беллэрсу.

— Клариса не пускаетъ меня къ себѣ, —говорила она:—малѣйшій стукъ, даже скрипъ двери причиняетъ ей страшныя страданія. Она ужасно нервна. Надѣюсь, она не передастъ мнѣ своей головной боли.

— А это случается?

— Очень часто. До моего знакомства съ Кларисой у меня никогда голова не болѣла. Вообще я безъ нея какъ будто не жила, ничего не знала, ничего собою не представляла.

— Какъ я былъ бы счастливъ, если-бъ зналъ васъ прежде, чѣмъ вы ее узнали,— сказалъ Беллэрсъ.

— Почему?

— Не знаю, можетъ-быть, чтобы посмотрѣть, дѣйствительно ли вы были не такая, какъ теперь.

— Я была совсѣмъ другая.

— Какая же вы были?

— Не помню, я только знаю, что я съ тѣхъ поръ очень перемѣнилась.

Она замолчала. Беллэрсъ въ эту минуту посмотрѣлъ на берегъ и замѣтилъ стоявшихъ тамъ двухъ мальчиковъ съ ослами, которые дѣлали ему всевозможные знаки, стараясь привлечь его вниманіе, и указывали на своихъ разукрашенныхъ ословъ.

— Поѣдемте покататься! — обратился онъ къ леди Бетти. — Только здѣсь по берегу. Мы увидимъ лорда Брайдонъ, когда онъ будетъ возвращаться назадъ. M-lle Леру не замѣтитъ вашего отсутствія. Поѣдемте?

Въ первую минуту Бетти колебалась; но вѣдь больной она помочь ничѣмъ не можетъ, если даже и останется, и она согласилась.

Беллэрсъ помогъ ей взобраться на берегъ, посадилъ ее на мягкое красное сѣдло, и они двинулись скорой рысью. Въ эту минуту въ окнѣ одной изъ каютъ появилось блѣдное лицо, смотрѣвшее пристально имъ вслѣдъ. Это было лицо Кларисы, которая съ трудомъ поднялась съ постели. Она смотрѣла въ ихъ сторону до тѣхъ поръ, пока они не скрылись изъ виду; ей было досадно, что она не могла поѣхать съ ними; но она совсѣмъ не предчувствовала приближающагося несчастья.

Лордъ Брайдонъ пригласилъ въ этотъ день Беллэрса обѣдать на дахабію. Клариса еще не выходила изъ своей каюты; на этотъ разъ ей положительно не удалось передать свою болѣзнь Бетти. Послѣ обѣда лордъ Брайдонъ отправился въ гостиницу къ одному своему пріятелю. Леди Брайдонъ пошла внизъ въ общій залъ писать письма въ Англію, а Беллэрсъ и Бетти остались одни на палубѣ. Онъ рѣшился, наконецъ, оконча-

тельно узнать свою участь. Въ то время, какъ они катались на ослахъ, онъ замѣтилъ въ Бетти перемѣну, — ту перемѣну, которой онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ. Белларсъ до сихъ поръ никогда не говорилъ ей о своей любви, но теперь онъ рѣшился это сдѣлать. Вдругъ онъ вспомнилъ о Кларисѣ, которая лежала больная внизу, въ каютѣ, и это удержало его на минуту и заставило заговорить о постороннихъ вещахъ. Но вѣдь измѣна эта была неизбѣжна для его счастья; онъ поспѣшилъ отогнать отъ себя всѣ сомнѣнія и, нагнувшись къ Бетти, сталъ говорить о томъ, что̀ было ближе всего его сердцу.

— Вы меня любите? — спросила она черезъ нѣсколько времени.

— Страшно! Вы не сердитесь?

— Развѣ я могу на это сердиться? Нѣтъ, нѣтъ, но все-таки...

— Да?

— Но все-таки, когда вы мнѣ сказали, меня это опечалило.

На лицѣ Белларса выразилось глубокое огорченіе, и она поспѣшила прибавить:

— Не оттого, что я равнодушна, нѣтъ, нѣтъ. Я не могу объяснить, отчего у меня явилось такое чувство, но оно уже прошло, и теперь...

— Вы счастливы?

Онъ взялъ ее за руку, и рука ея осталась въ его рукѣ.

— Да, очень счастлива.

Белларсъ нагнулся и поцѣловалъ ее.

Въ эту минуту бѣлая рука появилась на перилахъ трапа, ведшаго съ нижней палубы на верхнюю. Это была рука Кларисы, которая еле-еле передвигала ноги. Она была закутана въ большой платокъ. Бетти сейчасъ же подбѣжала ей помочь.

— Я думаю, мнѣ хорошо подышать свѣжимъ воздухомъ, — слабо проговорила она.—Какъ вы поживаете, мистеръ Белларсъ?

И она опустилась на стулъ.

Белларсъ чувствовалъ, что онъ находится между двухъ огней.

IV.

Два дня спустя Белларсъ просилъ у лорда Брайдона руки его дочери и получилъ согласіе. Бетти сейчасъ же побѣжала сообщить объ этомъ Кларисѣ. До сихъ поръ она ни слова не говорила своему другу о томъ, что̀ произошло между ней и Белларсомъ. Онъ просилъ ее молчать, пока не поговоритъ съ лордомъ Брайдономъ; она обѣщала и сдержала свое обѣщаніе. Но теперь, когда все уже было рѣшено, она тотчасъ же побѣжала въ залу, гдѣ Клариса играла Шопена, и, бросившись на шею своему другу, объявила ей великую новость.

— И отецъ согласился!—воскликнула Бетти.—Клариса, Клариса! Не удивительно ли это?

— Удивительно! Я тоже подумала въ первую минуту, но теперь ужъ начинаю сомнѣваться.

— Сомнѣваться, Клариса?

— Да, я не знаю, слѣдуетъ ли когда-нибудь удивляться тому, что̀ дѣлаетъ мужчина.

Больше она ничего не сказала и, поцѣловавъ Бетти, снова лихорадочно принялась играть Шопена, въ то время какъ Бетти, подъ аккомпаниментъ музыки, высказывала все, что̀ у нея было на душѣ.

— И я люблю его, Клариса,—сказала она наконецъ: — сильно люблю, и всегда буду любить.

Клариса взяла послѣдній аккордъ и встала. Белларсъ въ этотъ день завтракалъ на дахабіи, и Клариса встрѣтила его, какъ обыкновенно; въ ней не было замѣтно ни малѣйшаго волненія. Белларса сначала поразило это, но онъ былъ слишкомъ счастливъ, чтобы долго объ этомъ думать. Счастіе сдѣлало его жестокимъ. Онъ былъ очень доволенъ, что Клариса такъ горда; теперь онъ уже больше не боялся, что она ему сдѣлаетъ сцену. Гордость ея спасетъ его, а можетъ-быть и чувство

ея было совсѣмъ не такъ сильно, какъ онъ предполагалъ.

«Во всякомъ случаѣ, — сказалъ онъ себѣ,—особенной бѣды нѣтъ, и я только напрасно себя мучилъ. Чтò такое маленькое объясненіе и поцѣлуй для женщины, которая уже жила, объѣздила весь свѣтъ, многое передумала и перечувствовала? Вотъ, если бы я такъ поступилъ съ Бетти, это было бы подло. Она бы не поняла, и страдала бы жестоко. Нѣтъ, я никогда не оскорблю Бетти!»

Его душа была такъ полна ею, что онъ не могъ думать о Кларисѣ. Когда Белларсъ заглянулъ въ сердце Бетти, онъ удивился тому сильному чувству, которое нашелъ тамъ, и поздравилъ себя съ тѣмъ, что наконецъ-то ему удалось освободить ее отъ рабства. Теперь онъ научитъ ее быть самостоятельной, онъ убьетъ эхо и создастъ прелестный голосъ, который будетъ пѣть, но пѣть только ему одному.

— Въ Бетти очень много хорошаго,— сказалъ онъ однажды Кларисѣ.

— Да, много. Но кто, вы думаете, вложилъ все это въ нее?

— Кто? — Никто. Неужели вы скажете, что все, чтò въ васъ есть хорошаго или дурного, было вложено кѣмъ-нибудь другимъ?

— Нѣтъ, я этого не говорю. Но вѣдь я—не Бетти.

Белларсъ разсердился.

— Пожалуйста, не унижайте Бетти!— поспѣшилъ воскликнуть онъ.

— Я! Я унижаю Бетти! Вы, вѣроятно, не понимаете, что я къ ней чувствую. Это единственное совершенное существо, которое я знаю. Я преклоняюсь передъ ней.

— Я въ этомъ увѣренъ, — сказалъ онъ, смягчившись:—и вы много для нея сдѣлали, можетъ-быть, даже слишкомъ много.

— Теперь я еще не могу этого сказать,—отвѣтила Клариса:—но когда-нибудь я, вѣроятно, узнаю, много ли я для нея сдѣлала или очень мало.

— Когда?

— Можетъ-быть, очень скоро.

Белларсъ не понялъ, чтò она хотѣла сказать, но ему вдругъ сдѣлалось неловко. День или два спустя надъ его счастіемъ пронеслось какъ бы легкое облачко. Онъ не зналъ, когда именно оно появилось и откуда, но онъ чувствовалъ помраченіе солнца и какое-то охлажденіе въ отношеніяхъ Бетти къ нему. Его это встревожило; поэтому вечеромъ, когда они остались вдвоемъ, прощаясь съ ней, Белларсъ не могъ удержаться и спросилъ:

— Бетти, вполнѣ ли вы счастливы сегодня? Такъ же ли счастливы, какъ были вчера?

— Я думаю.

Но она сказала это не совсѣмъ твердо. И Белларсъ сталъ еще больше безпокоиться.

— Я увѣренъ, что что-нибудь да не такъ,—настаивалъ онъ: — можетъ-быть, я васъ чѣмъ-нибудь обидѣлъ или сказалъ что-нибудь глупое? Чтó-же? Скажите мнѣ.

— Я не могу, потому что нечего говорить. Въ самомъ дѣлѣ—нечего.

— Вы бы мнѣ сказали, если бы было?

— Конечно.

— И вы меня любите попрежнему?

— О, да.

Онъ посмотрѣлъ ей въ глаза, желая прочесть въ нихъ правду, но выраженіе ихъ показалось ему необыкновенно холоднымъ; огонь въ нихъ очевидно потухъ. Онъ молча поцѣловалъ ее и удалился. Невдалекѣ онъ увидѣлъ Кларису, которая стояла и смотрѣла на восходящую луну.

— Покойной ночи,—сказалъ онъ, протягивая ей руку.

— Какой у васъ серьезный видъ,— сказала она, не замѣчая его руки.

— Это лунный свѣтъ придаетъ людямъ ненатуральный видъ.

— Онъ еще не достигаетъ палубы.

— Покойной ночи,—повторилъ онъ и спустился съ лѣстницы.

Клариса посмотрѣла ему вслѣдъ и улыб-

нулась. Когда онъ скрылся, она повернула голову и крикнула.

— Бетти!

— Я здѣсь!

— Приходи сюда и сядь около меня. Возьми мою руку. Вотъ такъ. Давай слѣдить за луной, только не разговаривай. Я хочу думать и заставить тебя думать то же, что я думаю.

Облако, которое Беллэрсъ замѣтилъ, за ночь не разсѣялось. Напротивъ, на слѣдующій день онъ увидѣлъ, что опасенія его начинаютъ оправдываться. Въ Бетти дѣйствительно произошла какая-то перемѣна, которая все усиливалась.

Однажды Беллэрсъ поѣхалъ съ Бетти кататься верхомъ. Въ то время, какъ они ѣхали по шоссе, направляясь въ пустыню, онъ старался занять ее, но она была очень разсѣянна и, казалось, о чемъ-то думала. Часто она не слышала его вопросовъ, а если слышала и отвѣчала, то отвѣты ея были коротки и небрежны; она скорѣе старалась прекратить разговоръ, чѣмъ поддерживать его. Наконецъ, и Беллэрсъ умолкъ и только иногда осторожно посматривалъ на ея красивое личико. Выраженіе ея лица было тревожное, какъ будто она о чемъ-то думала и никакъ не могла придти къ окончательному рѣшенію. Она не была грустна, но очень серьезна и разсѣянна. Наконецъ, онъ опять къ ней обратился.

— Вы не заразились той головной болью?

— Головной болью Клариcы? Нѣтъ.

— Значитъ, у васъ голова не болитъ?

— Нѣтъ. Я себя прекрасно чувствую. Отчего вы это думаете?

— Вы не хотите со мной разговаривать и такъ серьезны. Я увѣренъ, что я васъ нехотя чѣмъ-нибудь обидѣлъ.

— Нѣтъ, вы мнѣ ничего не сдѣлали, напротивъ, лучше ко мнѣ относитесь, чѣмъ я заслуживаю.

— Вы заслуживаете лучшаго мужчины въ мірѣ.

— У меня уже есть подруга—лучшая женщина въ мірѣ.

— M-lle Леру?

— Да, Клариса.

— Вы ею очень восхищаетесь?

— Конечно. Я все отдала бы, чтобы быть на нее похожей.

Беллэрсъ минуту колебался, потомъ сказалъ съ принужденнымъ смѣхомъ:

— Но вѣдь вы поразительно на нее похожи.

Она удивленно на него посмотрѣла.

— Я не вижу, въ чемъ, — отвѣтила она.

— Мы никогда не видимъ самихъ себя. Но какъ только я съ вами обѣими познакомился, я былъ пораженъ этимъ необыкновеннымъ сходствомъ между вами— въ мысляхъ, въ разговорѣ и въ чувствахъ.

— Мы обѣ были очень расположены къ вамъ.

— Да.

— Какъ было бы странно, если бы мы обѣ полюбили васъ, — сказала Бетти мечтательно.

Беллэрсъ опять засмѣялся и ударилъ хлыстомъ свою лошадь.

— Я хотѣлъ, чтобы одна только это сдѣлала,—сказалъ онъ не совсѣмъ увѣренно:—и, слава Богу, желаніе мое исполнилось.

Бетти не отвѣчала.

— Не правда ли?—настаивалъ онъ.

— Вы сами знаете, исполнилось оно или нѣтъ,—отвѣтила она.—Какъ хорошъ будетъ сегодня закатъ солнца. Посмотрите, какое освѣщеніе надъ Карнакомъ.

Она указала хлыстикомъ на храмъ. Беллэрсъ чувствовалъ, какъ отчаяніе вкрадывается въ его душу. Эта перемѣна въ Бетти была просто необъяснима. Въ ней не было той мрачной холодности, какая бываетъ у дѣвушки, которая сдѣлала ужасную ошибку и ненавидитъ того человѣка, который увлекъ ее. Нѣтъ, въ ней скорѣе происходилъ какой-то нравственный переворотъ. Неужели ея первые

порывы любви и счастья были притворны? Онъ не могъ этого допустить. Онъ зналъ, что чувство ея было искренно. Это была загадка, которую онъ не могъ разрѣшить.

Оставивъ Бетти на дахабіи, онъ тихо побрелъ по дорогѣ вдоль мрачнаго Люксорскаго храма.

Онъ рѣшился искать свиданія съ Кларисой и спросить ее, что̀ случилось съ Бетти. Отчего ему не рѣшиться на этотъ шагъ? Клариса, очевидно, глубокаго чувства къ нему не питала, а то она не могла бы такъ спокойно перенести его измѣну. Это было легкое кокетство съ ея стороны,—не болѣе. Кларисѣ должна быть извѣстна причина этой перемѣны.

V.

Белляэрсу не пришлось долго ждать. Въ этотъ вечеръ Бетти, которая дѣлалась все задумчивѣе и молчаливѣе, вскорѣ послѣ обѣда встала и, ссылаясь на усталость, объявила, что идетъ спать. Белляэрсъ старался уловить минуту, чтобы остаться съ ней наединѣ, но ему это не удалось. Бетти какъ будто нарочно при всѣхъ протянула ему руку и, пожелавъ покойной ночи, скрылась. Какъ только она исчезла, Белляэрсъ пошелъ къ Кларисѣ, которая въ эту минуту писала письма въ залѣ. Когда онъ вошелъ, она подняла голову.

— Мнѣ нужно поговорить съ вами,— сказалъ онъ отрывисто.

— Я пишу письма.

— Пожалуйста, прошу васъ, удѣлите мнѣ нѣсколько минутъ.

— Хорошо,—сказала она, отодвинувъ отъ себя бумагу и положивъ перо.—Что̀ вамъ нужно?

— Вотъ о чемъ я хочу васъ спросить. Скажите, что случилось съ Бетти? Она больна?

— Съ Бетти! Развѣ съ ней что-нибудь случилось?

Белляэрсъ нетерпѣливо забарабанилъ пальцами по столу.

— Не говорите мнѣ, что вы не замѣтили въ ней перемѣны. Простите, но, если вы мнѣ это скажете, я вамъ не повѣрю.

— Въ такомъ случаѣ я этого и не скажу.

— Такъ и вы замѣтили перемѣну? Такъ что̀ же случилось? Скажите мнѣ.

— Тише, не говорите такъ громко, такъ какъ васъ могутъ услышать матросы, а Абдулъ понимаетъ по-англійски. Я не говорю, что знаю причину этой перемѣны.

— Вы должны знать. Вы или, скорѣе, она—вашъ двойникъ.

— Была!

Белляэрсъ вспыхнулъ; онъ понялъ, что она не забыла его поступка, но рѣшилъ не показывать виду и спокойно продолжалъ.

— Такъ Бетти не больна?

— Нѣтъ.

— Такъ что̀ же это такое? Я яснаго отвѣта прошу. Я, думаю, заслуживаю его.

— Мужчины всего заслуживаютъ,— сказала оно горько.

— А женщины всегда несговорчивы,— возразилъ онъ,—но, пожалуйста, отвѣтьте на мой вопросъ.

— Я вамъ прежде съ своей стороны предложу вопросъ; если вы мнѣ отвѣтите откровенно, то и я вамъ отвѣчу.

Она положила локти на столъ и стала смотрѣть ему прямо въ глаза.

— Спрашивайте,—сказалъ Белляэрсъ.— Я все сдѣлаю, если вы мнѣ только объясните поведеніе Бетти.

— Зачѣмъ вы добивались моей любви? Зачѣмъ вы говорили, что любите меня?

Белляэрсъ отодвинулся назадъ. Вопросъ этотъ былъ такъ неожиданъ, что онъ въ первую минуту не нашелся, и воцарилось неловкое молчаніе.

— Я жду! —сказала она, продолжая смотрѣть ему въ глаза.

— Сто̀итъ ли объ этомъ говорить? — сказалъ онъ, наконецъ.—Для васъ это ничего не значило. Теперь уже все прошло.

— Почемъ вы знаете, что для меня это ничего не значило?

— Вы доказали это вашимъ поведеніемъ. Вы равнодушны, и я къ вамъ равнодушенъ.

— Нѣтъ, не равнодушна, совсѣмъ нѣтъ.

— Что? Вы хотите сказать... Нѣтъ, это невозможно!

— Что невозможно?

— Вы не можете, вы не хотите сказать, что вы дѣйствительно питаете ко мнѣ серьезное чувство?

— Я именно это и хочу сказать!

Беллэрсу сдѣлалось неловко.

— Право, намъ лучше объ этомъ не говорить,—сказалъ онъ.

— Хорошо.—Клариса придвинула къ себѣ бумагу и протянула руку за перомъ.

— А Бетти?—спросилъ Беллэрсъ съ безпокойствомъ.

— Вы мнѣ не отвѣтили на мой вопросъ, и я вамъ не отвѣчу.

Сказавъ это, она обмокнула перо въ чернила и хотѣла продолжать писать.

Беллэрсъ пришелъ въ отчаяніе.

— Послушайте, — сказалъ онъ: — вы должны мнѣ сказать причину этой перемѣны въ Бетти. Теперь я вижу, что вы меня не любите.

— Да, я васъ не люблю,—проговорила она быстро.

— Хорошо, я вамъ отвѣчу. Я старался покорить ваше сердце, потому что я хотѣлъ завладѣть сердцемъ Бетти.

— Я васъ не понимаю.

— Бетти вамъ тогда во всемъ подражала: въ мысляхъ, словахъ, дѣйствіяхъ; однимъ словомъ, она была вашимъ эхо. Я любилъ ее и зналъ, что, если я добьюсь вашей любви, то и Бетти меня полюбитъ. Теперь, когда я знаю, что вы меня не любите, я могу вамъ это сказать.

Клариса молчала.

— Съ одной стороны вы сами въ этомъ виноваты, — сказалъ Беллэрсъ: — зачѣмъ вы сдѣлали ее своимъ двойникомъ? Отчего вы не оставили ее въ покоѣ?

— Развѣ можетъ сильный характеръ не вліять на другихъ?

— Не знаю: я не психологъ. Но теперь вы должны оставить Бетти,—произнесъ онъ твердо.

— А если я не могу; если симпатія, которая существуетъ между нами, внѣ моей власти.

— Я освобожу Бетти отъ этого рабства, — сказалъ Беллэрсъ: — моя любовь освободитъ ее.

— Вы! Ваша любовь!—и, сказавъ это, Клариса разразилась смѣхомъ.

Беллэрсъ вдругъ нагнулся къ ней черезъ столъ.

— Вы, понятно, ненавидите меня, — воскликнулъ онъ.

Она съ своей стороны тоже нагнулась, такъ что лицо ея было совсѣмъ близко къ его лицу.

— Вы правы, — прошептала она, — я ненавижу васъ. Теперь вы знаете, что случилось съ Бетти.

— Да, теперь я все знаю!—крикнулъ Беллэрсъ.—Будьте прокляты!

Клариса опять засмѣялась. Беллэрсъ вскочилъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не повѣрю, — крикнулъ онъ:—это вещь невозможная!

— Неужели? Маятникъ моего сердца откинулся отъ любви въ сторону ненависти. Бетти подражаетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!

— Подождите и увидите. Ужъ теперь она холодна къ вамъ. Вы вѣдь сами это замѣтили.

— Ничего я не замѣтилъ, — сказалъ онъ рѣзко.

— Завтра она еще меньше васъ будетъ любить, а тамъ все меньше, меньше, и наконецъ тоже возненавидитъ.

— Никогда!

— Вотъ увидите. А теперь покойной ночи; мнѣ нужно докончить письмо къ матери.

И она спокойно принялась снова писать. Беллэрсъ постоялъ еще минуту, потомъ быстрыми шагами вышелъ изъ

комнаты, сбѣжалъ по трапу и поднялся на берегъ. Какъ темна была ночь!

VI.

Объясненіе Клярисы страшно поразило Беллэрса. Напрасно онъ старался доказывать себѣ, что человѣческое сердце не можетъ быть въ такой зависимости отъ другого, какъ она говорила, что одинъ человѣкъ не можетъ вѣчно подражать другому; какой-то голосъ ему въ то же время шепталъ, что Клариса говорила правду. Но, несмотря на это, онъ все-таки рѣшился бороться. Счастье всей его жизни зависѣло отъ исхода этой борьбы.

На слѣдующій день онъ заставилъ себя быть веселымъ и разговорчивымъ. Онъ рано отправился на дахабію и предложилъ лорду Брайдону устроить пикникъ въ Ѳивахъ. Лордъ Брайдонъ согласился. Черезъ нѣсколько времени все было устроено: лодка нанята, корзина съ провизіей уложена, и вся небольшая компанія собралась на палубѣ, готовая къ отъѣзду: леди Брайдонъ въ широкой шляпѣ и длинной сѣрой вуали, Клариса съ большимъ бѣлымъ зонтикомъ съ свѣтлозелеными полосками, лордъ Брайдонъ въ своемъ шлемѣ и огромныхъ очкахъ. Но гдѣ же была Бетти? Абдулъ, переводчикъ, пошелъ сказать ей, что все готово; черезъ нѣсколько минутъ она вышла безъ шляпы и безъ перчатокъ, съ вѣеромъ въ рукахъ.

— Я не поѣду,—сказала она.

Клариса взглянула на Беллэрса. Онъ закусилъ губы и почувствовалъ, какъ блѣднѣетъ подъ загаромъ, которымъ египетское солнце покрыло его щеки.

— Что съ тобой, Бетти? — спросила леди Брайдонъ. — Отчего ты не хочешь ѣхать?

— У меня голова болитъ, я боюсь солнца.

Всѣ убѣжденія были напрасны; пришлось ѣхать безъ нея. Беллэрсу было ужасно досадно и въ то же время нестрашно. Ему нужно было сдѣлать надъ собой усиліе, чтобы быть вѣжливымъ и разговорчивымъ, но лордъ Брайдонъ охотно простилъ ему это мрачное настроеніе, понимая его разочарованіе, а Клариса не хотѣла съ нимъ больше разговаривать. Въ этотъ день онъ Бетти не видѣлъ; она не выходила изъ своей каюты и никого не желала видѣть, кромѣ Кларисы. На слѣдующій день Беллэрсъ пришелъ очень рано на дахабію и спросилъ, гдѣ Бетти. Абдулъ пошелъ доложить о немъ и черезъ нѣсколько минутъ возвратился съ слѣдующей запиской:

«Многоуважаемый М-г Беллэрсъ!

«Мнѣ очень жаль, что не могу васъ сегодня видѣть, но мнѣ все еще нездоровится. Я думаю, что нравственныя муки, которыя я испытывала и испытываю, объясняютъ мое состояніе. Я должна вамъ сказать правду. Я не могу быть вашей женой. Я ошиблась въ своихъ чувствахъ къ вамъ и простую дружбу приняла за любовь. Простите ли вы мнѣ когда-нибудь тѣ страданія, которыя я вамъ причинила? Я сама себѣ не могу всего этого простить, но лучше отказаться отъ васъ, чѣмъ выходить замужъ не любя. Я говорила уже объ этомъ моему отцу и матери. Повидайте ихъ, если хотите. Завтра мы уѣзжаемъ въ Ассуанъ.

«Бетти».

Беллэрсъ нервно скомкалъ записку въ рукѣ.

— Гдѣ лордъ Брайдонъ? — спросилъ онъ Абдулу.—Мнѣ нужно его видѣть.

— Его сіятельство на второй палубѣ.

— Веди меня къ нему.

Свиданіе съ лордомъ Брайдономъ только увеличило отчаяніе Беллэрса. Лордъ былъ очень любезенъ, очень сожалѣлъ, но объявилъ, что рѣшеніе его дочери неизмѣнно, а принуждать ее въ такомъ важномъ дѣлѣ онъ не можетъ.

— Во всякомъ случаѣ, я долженъ ее видѣть до вашего отъѣзда,—сказалъ наконецъ Беллэрсъ.—Я думаю, она можетъ

исполнить по крайней мѣрѣ эту послѣднюю мою просьбу.

— Я тоже думаю, — сказалъ лордъ Брайдонъ.—Приходите въ шесть часовъ. Я вамъ обѣщаю, что вы ее увидите.

Какъ Беллэрсъ провелъ эти часы,—онъ потомъ никогда не могъ припомнить. Въ гостиницу онъ назадъ не пошелъ; вѣроятно весь день бродилъ онъ по берегу, не чувствуя ни жары, ни усталости, ни голода. Въ шесть часовъ онъ пришелъ на дахабію. Бетти сидѣла одна на палубѣ. Она была очень блѣдна и серьезна.

— Отецъ съ матерью и Клариссой пошли въ отель, — сказала она: — этотъ австріецъ играетъ опять сегодня.

— Неужели?—отвѣтилъ Беллэрсъ. Онъ сѣлъ около нея и хотѣлъ взять ее за руку, но она этого не допустила.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказала она:—я сдѣлала ужасную ошибку, но я не сдѣлаю второй. Простите меня, простите!

— Развѣ я могу простить? Если вы не постараетесь меня полюбить, жизнь моя разбита.

— Не говорите этого. Вы вѣдь знаете, что это отъ насъ не зависитъ; развѣ можно себя заставить полюбить? Любовь, такъ же, какъ и ненависть, дается намъ самимъ Богомъ, а мы можемъ только принимать то, что̀ намъ предназначено свыше.

— Предназначено свыше! — воскликнулъ Беллэрсъ.—Зачѣмъ вы это говорите, когда знаете, что это неправда?

— Неправда? Мистеръ Беллэрсъ!

— Да развѣ я бы могъ васъ обвинять, если бы вы исполняли волю Божію? Мы всѣ должны это дѣлать—по крайней мѣрѣ если мы — люди хорошіе, а злые, я думаю, подражаютъ дьяволу. Но вы—кому вы подражаете?

— Я—никому не подражаю. Я не понимаю васъ.

— Но вы поймете, пока еще не поздно. Бетти, будьте самостоятельны, освободите свою душу! Вы—эхо этой женщины, Кларисы. Неужели вы этого не сознаете? Вы—ея эхо, а она меня ненавидитъ!

Бетти со страхомъ отъ него отодвинулась.

— Вы съ ума сошли?—сказала она.—Зачѣмъ вы мнѣ говорите такія вещи? Клариса и я—мы дѣйствительно любимъ другъ друга, но наши натуры совершенно различны, никакой ненависти она къ вамъ не питаетъ и я также. Она никогда дурного слова мнѣ про васъ не сказала, напротивъ всегда говорила, какъ она расположена къ вамъ. Что вы говорите?

— Правду!

— Я—ея эхо! Въ такомъ случаѣ она тоже должна была васъ полюбить или по крайней мѣрѣ думать, что любитъ васъ. Посмѣете вы мнѣ это сказать?

— Я не говорю этого,—отвѣтилъ Беллэрсъ безнадежно.

— Конечно нѣтъ; это было бы слишкомъ нелѣпо. Клариса—о! какъ вы можете такъ говорить. И если я, дѣйствительно, только эхо, какъ вы меня называете, то какъ вы можете говорить, что любите меня, любите тѣнь другой женщины? Вы меня совсѣмъ не любите.

— Я люблю васъ всѣмъ сердцемъ.

— И все-таки утверждаете, что я ничто, что у меня даже сердца своего нѣтъ, что я люблю или ненавижу по волѣ другихъ.

— Простите, простите меня! Я самъ не знаю, что говорю. Я только знаю, что люблю васъ безумно.

Лицо ея смягчилось.

— И вы заслуживаете любви,—сказала она:—но я, я не могу!

Беллэрсъ вдругъ ее обнялъ.

— Вы меня полюбите,—воскликнулъ онъ:—полюбите. Я васъ заставлю.

Но она оттолкнула его съ удивительной силой, и лицо ея приняло такое строгое выраженіе, что онъ едва узналъ его.

— Не дѣлайте этого, не трогайте меня, или я возненавижу васъ,—сказала она рѣзко.

Беллэрсъ отпустилъ ее. Въ эту минуту послышались шаги, и появилась Клариса. Она, казалось, ничего не замѣтила и улыбалась.

— Не правда ли, какъ это грустно, мистеръ Беллэрсъ,—сказала она:—завтра мы уѣзжаемъ. Я такъ полюбила Люксоръ, что мнѣ ужасно не хочется съ нимъ разставаться.

Беллэрсъ вдругъ обернулся и выбѣжалъ вонъ. Онъ больше не владѣлъ собой. Голова у него кружилась, въ глазахъ потемнѣло...

* * *

Разсвѣтало. Нилъ былъ спокоенъ и гладокъ, какъ зеркало. Утренній туманъ начиналъ разсѣиваться, открывая розовые склоны Ливійскихъ горъ первымъ лучамъ восходящаго солнца. На темномъ берегу стоялъ человѣкъ. Руки его были сжаты. Губы его тихо шевелились. Глаза были устремлены въ одну точку. Въ отдаленіи надъ рѣкой виднѣлась тонкая струя дыма, которая неслась по направленію къ Люксору. Это былъ буксирный пароходъ, который тащилъ за собой дахабію.

«Королева Хатасо» была на пути въ Ассуанъ.

Что новаго въ литературѣ?

Критическіе очерки Р. И. Сементковскаго.

Сочиненія г. Случевскаго.—Критики и поэты.—Г. Случевскій, какъ поэтъ.—Природа и любовь. — «Сны—правда, жизнь — сонъ». — Внутреннее раздвоеніе. — «Пѣсни изъ уголка».—Прошлое Россіи и современныя злобы дня.—Вѣчевой колоколъ.—Разговоръ двухъ царей.—Русскій витязь.—Русское безсиліе и русская мощь.—Западники и славянофилы.—«Мыльные пузыри» и «кирпичики».—Общій характеръ музы г. Случевскаго.

Читателямъ нашимъ уже извѣстно, что одинъ изъ видныхъ современныхъ русскихъ писателей, г. Случевскій, приступилъ къ изданію собранія своихъ сочиненій въ шести томахъ, и что въ настоящее время изданіе это, съ появленіемъ на-дняхъ въ свѣтъ VI-го тома, уже закончено.

Имя г. Случевскаго хорошо извѣстно читающей публикѣ. Она всегда слѣдила за поэтическими и прозаическими произведеніями его по мѣрѣ того, какъ они появлялись въ періодической печати или отдѣльными сборниками. Но даже при внимательномъ чтеніи разбросанныхъ вещей даннаго автора не совсѣмъ легко составить себѣ о немъ цѣльное представленіе: между чтеніемъ различныхъ вещей проходитъ иногда много времени; многое забывается, многое упускается изъ виду, и затѣмъ памяти трудно уже возстановить всю картину тѣхъ характеристическихъ чертъ, которыя составляютъ обликъ даннаго писателя. Поэтому, когда, какъ въ данномъ случаѣ, мы имѣемъ дѣло съ писателемъ, заслуживающимъ полнаго вниманія, нельзя не привѣтствовать появленія всѣхъ его сочиненій въ объединенномъ видѣ.

Сочиненія г. Случевскаго распадаются на поэтическія и прозаическія. Собственно говоря, всѣ они принадлежатъ къ числу поэтическихъ, но одни написаны стихами, другія—прозою. Поэтическія произведенія его въ этомъ смыслѣ занимаютъ 3 первыхъ тома, а прозаическія—остальные 3 тома. Но не только это внѣшнее дѣленіе заставляетъ насъ разсмотрѣть въ отдѣльности тѣ и другія. Къ этому побуждаетъ и богатство содержанія разсматриваемыхъ сочиненій, которое трудно исчерпать въ одномъ небольшомъ очеркѣ.

Итакъ, займемся пока г. Случевскимъ, какъ поэтомъ. Поэтовъ теперь на Руси видимо-невидимо. Но если поэтовъ очень много, то поэзіи — мало. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ назвать поэзіею безконечные перепѣвы однихъ и тѣхъ же мотивовъ, причемъ всякій позднѣйшій перепѣвъ оказывается несовершеннѣе и прозаичнѣе предыдущихъ. Въ этомъ смыслѣ современная русская поэзія представляетъ иногда безотрадное зрѣлище, и трудно ожидать перемѣны къ лучшему, потому что критика нисколько не очищаетъ нивы русской поэзіи отъ плевелъ, а напротивъ содѣйствуетъ буйному ихъ произростанію.

Въ самомъ дѣлѣ, если поэты безконечно

повторяютъ одни и тѣ же мотивы, то критика съ тѣмъ же упорствомъ одобряетъ или порицаетъ эти перепѣвы съ однѣхъ и тѣхъ же точекъ зрѣнія. Если поэтъ—такъ-называемый сторонникъ чистой красоты, то, какъ бы ни была ничтожна его муза, онъ всегда найдетъ доброжелателей среди критиковъ; съ другой стороны, если онъ настроилъ свою лиру на гражданскій ладъ, то онъ также найдетъ не мало доброжелателей среди критиковъ противоположнаго направленія. Но истинный поэтъ заниматься перепѣвами, пѣть съ чужого голоса не можетъ. Отсюда очевидно, что критика, если не обойдетъ такого поэта молчаніемъ, то не сумѣетъ выяснить его значенія,—другими словами, наиболѣе талантливымъ поэтамъ грозитъ опасность не встрѣтить признанія, котораго они заслуживаютъ. Правда, золото блеститъ, какъ бы мы ни забрасывали его грязью, но блескъ его въ послѣднемъ случаѣ не проявляется съ достаточною яркостью, и на ряду съ нимъ мишура можетъ сойти за золото.

У г. Случевскаго есть много стихотвореній, настолько по мысли и формѣ прекрасныхъ, что онъ составилъ себѣ прочное имя. Такія пьесы, какъ, напр., его «Утро надъ Невою», «На рѣкѣ весной», «Новгородское преданіе», «Слухъ», какъ его прекрасныя описанія дальняго сѣвера, какъ его поэмы: «Въ снѣгахъ», «Три женщины», «Безъ имени», «Попъ Елисей», свидѣтельствуютъ о такомъ разностороннемъ и подчасъ блестящемъ дарованіи, что критикъ, который рѣшился бы отрицать поэтическія достоинства этихъ произведеній, выдалъ бы самъ себѣ весьма невыгодный аттестатъ. Поэтому репутація г. Случевскаго, какъ поэта, вполнѣ установлена, но въ то же время нельзя сказать, чтобы его обликъ былъ критикою выясненъ, и объясняется это преимущественно тѣмъ, что нашъ поэтъ не можетъ быть причисленъ ни къ сторонникамъ чистой красоты, ни къ такъ-называемымъ пѣвцамъ гражданской скорби.

Попытаемся же вдуматься въ многочисленныя поэтическія произведенія г. Случевскаго съ тѣмъ, чтобы, помимо всякихъ предвзятыхъ мѣрокъ, выяснить его обликъ, какъ одного изъ видныхъ современныхъ поэтовъ, сумѣвшаго дать во многихъ отношеніяхъ интересное и подчасъ глубокое выраженіе окружающей насъ дѣйствительности со всѣми свѣтлыми и печальными ея явленіями.

I.

Есть поэты, воспѣвающіе природу, другіе то и дѣло поютъ гимны возлюбленной, третьи — говорятъ ли они о природѣ или любви — непремѣнно приплетутъ какой-нибудь гражданскій мотивъ, четвертые считаютъ свои стихотворенія недостаточно выразительными, если не украсятъ ихъ какою-нибудь философскою сентенціею, пятые силятся придать своимъ произведеніямъ характеръ новизны въ духѣ символизма или декадентства и т. д. Отличительною чертою всѣхъ этихъ поэтовъ является нѣкоторая односторонность: они смотрятъ на жизнь сквозь призму, преломляющую свѣтовые лучи извѣстнымъ образомъ, и тотъ или другой цвѣтъ рѣшительно преобладаетъ въ ихъ произведеніяхъ.

Если мы теперь возьмемъ г. Случевскаго, то насъ прежде всего поразитъ тотъ несомнѣнный фактъ, что мы у него подобной односторонности не встрѣтимъ. Онъ подходитъ къ жизни съ открытою душою, чуждъ предубѣжденности или преднамѣренности. Онъ ничего не навязываетъ жизни, а старается взять у нея только то, что она дѣйствительно даетъ. Воспѣваніе природы или возлюбленной занимаетъ въ его произведеніяхъ не больше мѣста, чѣмъ какое занимаетъ природа и любовь въ самой жизни. Изучая послѣднюю въ наиболѣе яркихъ ея проявленіяхъ, онъ находитъ для всего откликъ въ своей душѣ. Прошлое занимаетъ его столько же, сколько и настоящее. Онъ чувствуетъ неразрывную связь между ними. Онъ прекрасно понимаетъ, что человѣкъ, со всѣми его стремленіями, страстями, надеждами, разочарованіями, подчиняется и бытовымъ, и историческимъ условіямъ, и собственной своей природѣ, и окружающей его внѣшней природѣ, что онъ не таковъ, какъ изображаетъ его та или другая теорія, а что онъ таковъ, какимъ создаетъ его самая жизнь.

Эта разносторонность можетъ навести на мысль о безразличіи поэта: кто многое любитъ, тотъ любитъ все только наполовину. Но съ другой стороны не менѣе вѣрно, что многосторонность нисколько не исключаетъ глубины чувствъ. Кто высоко стоитъ, видитъ больше, чѣмъ тотъ, кто стоитъ ниже, и міръ представляется ему въ иномъ свѣтѣ; чувство его одинаково сильно, но оно обнимаетъ больше предметовъ.

Посмотримъ теперь, какъ г. Случевскій воспѣваетъ природу. Вотъ, напримѣръ, картина Мурмана:

Изъ тяжкихъ нѣдръ земли насильственно изъяты,
Надъ вѣчно бурною холодною волной,
Мурмана дальняго гранитныя палаты
Тысячеверстною воздвиглися стѣной,
И пробуравлены ледяными вѣтрами,
И вглубь расщеплены безмолвной жизнью льдовъ,
Онѣ ютятъ въ себѣ скромнѣйшихъ изъ сыновъ
Твоихъ, о, родина, богатая сынами.

—

Здѣсь жизнь придавлена, обижена, бѣдна;
Здѣсь русскій человѣкъ предъ правдой лицеврѣнья
Того, что Божіимъ велѣньемъ сведена
Граница родины съ границею творенья.
И глубь морскихъ пучинъ такъ страшно холодна,—
Передъ живымъ лицомъ всевидящаго Бога
Слагаетъ прочь съ души, за долгіе года,
Всю тяготу вражды, всю немощность труда,
И говоритъ: сюда пришла моя дорога,
Скажи же, Господи, отсюда мнѣ куда?...

Перенесемся теперь на Уралъ. Поэтъ описываетъ намъ не то тропу, не то дорогу, бѣгущую по отлогому скату горы.

Какъ сиротинка, забыта, одна,
Блѣднымъ вьюномъ пробѣгаетъ она...

Лѣзетъ изъ мертвыхъ бездонныхъ трясинъ
Къ свѣтлымъ зазубринамъ горныхъ вершинъ.

Лѣпится съ краю мохнатыхъ утесовъ,
Скачетъ безъ всякихъ мостовъ и откосовъ;

Такъ она странно и дерзко бѣжитъ,
Въ воздухѣ будто бы вьется, виситъ,

Такъ иногда высоко заберетъ,
Что у прохожаго сердце замретъ,—

И обрывается, гибнетъ тайкомъ
Въ Божьей пустынѣ, охваченной сномъ.

Эта тропа, которая не «сочинена на бумагѣ», не «возведена на казенныя деньги», которая «идетъ степью», «пробивается боромъ», «споритъ безумная съ мощнымъ просторомъ», родилась какъ бы сама, такъ картинно описана поэтомъ, что чувствуешь, какъ онъ близокъ къ природѣ, какъ онъ подчасъ удивительно умѣетъ схватить ея особенности.

Взглянемъ теперь на Неву утромъ.

Вспыхнуло утро въ туманахъ блуждающихъ,
Трепетно, робко сказалось едва,
Точно какъ сѣткою блестокъ играющихъ,
Мало-по-малу покрылась Нева.

Кой-гдѣ блеснутъ. Въ полутѣнь облаченныя,
Высятся зданья надъ сонной водой,
Словно на лики свои оброненные,
Молча глядятся, любуясь собой.

Свѣта все больше. За тѣнью лиловою
Солнце чеканитъ струей огневой
Мачты судовъ надъ водой бирюзовою.
Выше ихъ, ярче ихъ—шпиль крѣпостной.

Дивная мачта! Огней прибавляется.
Блескъ такъ великъ, что гдѣ чайка крыломъ
Тронетъ волну, блескъ волны разрывается,
Гребень струи проступаетъ пятномъ.

Вонъ, пробираясь, какъ будто съ усильями
Въ этомъ великомъ свѣту кое-гдѣ
Ялики веслами машутъ, какъ крыльями,
Свѣтлыя капли роняя къ водѣ.

Что-то какъ будто восточное, южное.
Видится всюду. Какой-то налетъ,
Пыль перламутра, сіянье жемчужное,
Вдоль широко разгорѣвшихся водъ.

Вотъ... Вотъ и говоръ пошелъ, и несмѣлое
Всюду движенье; замѣтенъ народъ...
Гибнетъ картина, какъ чудное цѣлое,
Сгинетъ совсѣмъ, по частямъ пропадетъ...

Но и тогда, если гдѣ надъ пучиною
Чайка задѣнетъ плывучую глыбь,
Тамъ не пятно промелькнетъ надъ картиною,
Блестками, искрами скажется зыбь.

Прочитавъ это стихотвореніе, всякій скажетъ, что трудно вѣрнѣе описать раннее утро на Невѣ, и не только описать, а почувствовать краски, проникнуться поэзіею пробужденія дня надъ царственной нашей рѣкой.

Но чтобы показать, какъ разнообразна въ этомъ отношеніи поэзія г. Случевскаго, мы перенесемъ еще читателя на Озеро Четырехъ Кантоновъ.

И никогда твоей лазури ясной,
Сквозящей здѣсь на страшной глубинѣ,
Лучъ солнца лѣтняго своей улыбкой страстной,
Пройдя до дна, не нагрѣвалъ вполнѣ.

И никогда морозъ зимы холодной,
Спустившись съ горъ, стоящихъ надъ тобой,
Не смѣлъ оковывать твоей пучины водной
Своей тяжелой, мертвенной броней.

За то, что ты не вѣдало, не знало
Того, что въ насъ, въ груди людей, живетъ,
Не жглось огнемъ страстей, подъ льдомъ не обмирало,—
Ты такъ прекрасна, чаша синихъ водъ.

Умѣетъ ли нашъ поэтъ воспѣвать любовь?— Возьмемъ на выдержку нѣсколько строфъ.

Тебѣ обязанъ я святою тишиной,
Столь непривычною въ душѣ моей больной;
Тобой единою вся эта тишина
Мнѣ незаслуженно, какъ Божій даръ, дана.

И если ангелы, чтобъ на землю сойти,
Имѣютъ тихіе, завѣтные пути,—
Я вѣрю, чувствую, я сознавалъ не разъ:
Они, незримые, проходятъ мимо насъ.

У поэта отняли возлюбленную. Онъ проснулся—ея нѣтъ. И вотъ онъ бродитъ весь день, какъ во снѣ, и когда видитъ, что люди смѣются, ему кажется, что это смѣхъ надъ нимъ, вызываемый тѣмъ, что онъ никакъ не можетъ проснуться.

Когда поэтъ любитъ, весь міръ представляется ему чѣмъ-то постороннимъ, чуждымъ. Онъ весь уходитъ въ свою любовь, живетъ только ею.

О, заслони, закрой головкою твоею
Весь міръ, прошедшее, смыслъ завтрашняго дня,
Мечту и мысль... О, заслони ты ею
Меня, мой другъ, отъ самого меня.

II.

Мы познакомили читателя въ немногихъ отрывкахъ съ тѣмъ, какъ г. Случевскій воспѣваетъ природу и любовь. Въ то же время эти отрывки дали читателю понятіе о манерѣ поэта, о звучности и красотѣ его стиха. Мы можемъ, слѣдовательно, въ дальнѣйшемъ воздержаться отъ длинныхъ выписокъ и уже

всецѣло заняться выясненіемъ облика изучаемаго нами поэта.

Мы видѣли пока только, что онъ умѣетъ тонко воспринимать красоты природы, умѣетъ и глубоко любить; но ни внѣшняя природа, ни любовь не заслоняютъ отъ него ни міра, ни прошедшаго, ни смысла завтрашняго дня, ни мечту и мысль, хотя онъ и молитъ объ этомъ свою возлюбленную въ минуту страстнаго порыва, когда онъ весь хочетъ отдаться любви. Какъ въ жизни всякаго нормальнаго человѣка, сила любви къ природѣ и къ женщинѣ у нашего поэта не всепоглощающая. Несмотря на глубину этихъ чувствъ, ихъ не щадитъ скептицизмъ. Даже въ самыхъ восторженныхъ любовныхъ пѣсняхъ у поэта то и дѣло прорываются такія мысли:

Можно-ль вѣрить—вѣрить умъ не смѣетъ,—
Будто этотъ нашихъ чувствъ расцвѣтъ,—
Будетъ день—пройдетъ и поблѣднѣетъ,
Погрузившись въ мертвый холодъ лѣтъ?

Поэтъ не знаетъ, что прочнѣй: «нарядъ цвѣтовъ въ разгарѣ лѣта» или «жгучій блескъ очей» возлюбленной.

Скептицизмъ этотъ принимаетъ иногда даже очень рѣзкій оттѣнокъ, и въ одномъ изъ своихъ стихотвореній поэтъ выражаетъ мысль, что всякій человѣкъ скрытенъ, носитъ личину.

Правда есть въ твоихъ лишь глазкахъ,
Женщина-кудесникъ.
Ей преемникъ мой повѣритъ,
Вѣрилъ мой предмѣстникъ.

Такимъ образомъ самыя глубокія и святыя чувства отравлены ядомъ сомнѣнія. Оно то и дѣло встрѣчается въ его любовныхъ стихахъ. Но и природа, которая сравнительно кажется ему добрѣе къ людямъ, по временамъ вызываетъ въ немъ желчное чувство или глубокую грусть.

Градины выпали. Счета имъ нѣтъ...
Подлѣ нихъ вишенъ обившійся цвѣтъ...
Въ царственномъ шествіи ранней весны,
Въ чаяньи смерти смертельно блѣдны,
Бѣдныя жертвы и ихъ палачи
Гибнутъ, бѣлѣя, въ безлунной ночи...

Если взять прекрасныя описанія сѣверной природы, составляющія истинное украшеніе поэтическаго творчества г. Случевскаго, то мы, на ряду съ прославленіемъ красотъ этой природы, найдемъ и страницы, гдѣ съ горечью описывается безжалостное, жестокое отношеніе ея къ человѣку.

Сдѣлаемъ теперь еще шагъ дальше. Если природа бываетъ иногда матерью, то она еще чаще бываетъ злою мачихою, если любовь даритъ минуты высокаго наслажденія, то она еще чаще обманываетъ, терзаетъ насъ. Ну, а люди?

Сколько хорошихъ людей возникало?
Сколько погибло въ напрасной борьбѣ?
Съ тѣмъ только жило и съ тѣмъ умирало,
Чтобъ не помочь ни другимъ, ни себѣ.

Что такое жизнь?

Жизнь учить начнетъ—противъ воли гнетъ,
Вразумитъ тогда, какъ всего сомнетъ,
Зацѣлуетъ въ смерть, заласкаетъ въ бредъ
И, позвавъ цвѣсти, не допуститъ въ цвѣтъ.

Или:

Да, я глубоко правъ, такъ, какъ права волна,
И камень, и себя о камень разрушая;
Всѣ—подневольные, всѣ—въ грёзахъ полусна
Судебъ невѣдомыхъ велѣнья совершаютъ.

Жизнь представляется поэту столь безотрадною, что у него вырывается даже такой стихъ:

Богъ кончилъ съ опытомъ, довольно испытаній...
Не поросль—сѣмя все испепелить пора...
Онъ ложь основъ призналъ. Рождала жизнь страданій
Однѣ лишь помѣси проклятья и добра,
И Онъ другихъ создастъ, а прежнихъ уничтожитъ.

И поступитъ Онъ такъ, потому что иначе нельзя,

Иначе на людей не отыскать управы,
Иначе не смирить ихъ поврежденный умъ...

Такимъ образомъ и природа, и любовь, и люди далеко не удовлетворяютъ нашего поэта. По мѣрѣ того, какъ онъ присматривается къ жизни, минутная радость надъ красотою природы, надъ восторгами любви, надъ добрыми чувствами людей исчезаетъ и замѣняется разочарованіемъ, глубокою скорбью. Но вдругъ опять проблескъ свѣта:

Я задумался—и одинокъ остался;
Полюбилъ—и жизнь великой степью стала;
Дружбу я узналъ—и пламя степь спалило;
Плакалъ я—и василиски нарождались.

Сталъ молиться—и пошли по степи тѣни;
Сталъ надѣяться я—свѣтъ небесъ погаснулъ;
Проклялъ я—застыло сердце въ страхѣ;
Я заснулъ, но не нашелъ во снѣ покоя...

Усомнился я—заря зажглась на небѣ,
Звучный ключъ пробился гдѣ-то животворный,
И по степи, неподвижной и алкавшей,
Поросль новая въ цвѣтахъ зазеленѣла...

Значитъ, вотъ въ чемъ нашелъ поэтъ исцѣленіе отъ овладѣвшаго его душой смертельнаго недуга. Ни любовь, ни дружба, ни слезы, ни молитва, ни надежда не исцѣлили этого недуга; исцѣлило его сомнѣнье. Другими словами, надъ внѣшнимъ міромъ, надъ реальною жизнью, надъ физическою любовью, надъ дѣйствительностью выростаетъ новый міръ, и въ этомъ мірѣ—наше спасенье. Самъ поэтъ выражаетъ эту мысль слѣдующимъ образомъ: Богъ создалъ міръ видимый, весь въ краскахъ и чертахъ; Онъ создалъ и міръ тяготѣнія, который держитъ въ цѣпяхъ все, отъ камня до эфира. Но подлѣ этихъ двухъ міровъ, составляющихъ въ сущности одинъ, есть еще міръ. И вотъ, этотъ міръ, изъ мы-

сли человѣка отъ вѣка рожденный, что ни день растетъ...

Для мысли дебрей нѣтъ, и ей вездѣ просѣка,
И тяготѣнія она не признаетъ.

Міръ мыслей кажется неуловимымъ, но въ самомъ дѣлѣ весь внѣшній міръ, все уловимое скорѣй проходитъ, чѣмъ «чувство, мысль, мечта, сомнѣнье, идеалъ»...

Повидимому, поэтъ нашелъ себѣ успокоенье. Пока онъ искалъ правды въ дѣйствительности, онъ ея не нашелъ и вынесъ одно только разочарованіе. Когда онъ увидалъ жизнь, — говоритъ онъ въ другомъ стихотвореніи,—міръ показался ему траурнымъ, мрачнымъ, и тогда у него возникла мысль,—почему бы

На сны не взглянуть, какъ на правду,
На жизнь не взглянуть, какъ на сонъ.

Въ другомъ стихотвореніи онъ уподобляетъ міръ безвыходной таинственной тюрьмѣ.

И мы снуемъ по ней какими-то тѣнями,
Чужды грядущему и прошлое забывъ,
Въ дремотѣ тягостной, охваченные снами,
Не жизнь, но право жить какъ будто сохранивъ.

Или же онъ восклицаетъ:

Я знаю, я весь—полутѣнь;
Я точно родина наша—безбрежная гладь да равнина,
Только мѣстами сіяютъ кресты на церквахъ деревень.

Это настроеніе, этотъ образъ мыслей, которые приводятъ поэта къ заключенію что на жизнь можно смотрѣть, какъ на сонъ, и что правда заключается въ мечтѣ, внушили ему одно изъ прекраснѣйшихъ стихотвореній, которое мы здѣсь не воспроизводимъ цѣликомъ только по недостатку мѣста. Въ этомъ стихотвореніи онъ говоритъ:

Дай мнѣ восторговъ любви съ ихъ обманами,
Дай мнѣ безумья желаній живыхъ,
Дай мнѣ погаснувшихъ сновъ съ ихъ туманами,
Думъ животворныхъ и грёзъ золотыхъ;

—

Дай—и возьми всю увѣренность знанія,
Всю эту ношу убитыхъ страстей,
Эту обдуманность словъ и дѣянія
Въ мѣрномъ теченьи и знаньи людей.

—

Все ты возьми, въ чемъ не знаю сомнѣнія,
Въ правдѣ моей разувѣрь, обмани,—
Дай мнѣ минувшихъ годовъ увлеченія,
Дай мнѣ былые мятежные дни.

Въ этомъ красивомъ и страстномъ порывѣ, въ этомъ воплѣ настрадавшейся души мы отмѣтимъ, для болѣе полнаго уясненія міросозерцанія поэта, противоположеніе «грёзъ золотыхъ» съ «обдуманностью» словъ и дѣйствій. Тутъ чувствуется, какъ и во многихъ другихъ стихотвореніяхъ, какой-то внутренній разладъ, какая-то двойственность въ душѣ поэта. Эта двойственность имъ точно опредѣляется.

Никогда, нигдѣ одинъ я не хожу,
Двое насъ живутъ между людей:
Первый, это—я, какимъ я сталъ на видъ,
А другой, то—я мечты моей.

Между этими двумя «я» происходитъ вѣчный споръ и ссоры безъ конца. Даже во снѣ, въ мечтахъ, эта вѣчная борьба не прекращается, и вслѣдствіе этого поэтъ никогда не можетъ найти себѣ успокоенія. Онъ стремится къ мечтѣ, по временамъ ему кажется, что въ ней онъ найдетъ себѣ удовлетвореніе и покой, но затѣмъ онъ убѣждается, что этого успокоенія ему не найти. Душа рвется на звукъ какого-то призыва. «Богъ вѣсть зачѣмъ, Богъ вѣсть къ чему». А въ концѣ концовъ оказывается, что праздникъ жизни обманчивъ, что онъ блеснетъ торжественно, побѣдно... и свѣтъ свой обронитъ, оставивъ въ душѣ пустоту, безвременье печали, нѣмое одиночество. Свои думы и сны онъ называетъ «гостями незваными» и молитъ Господа, чтобы Онъ въ предутренній часъ погасилъ въ горящемъ сердцѣ огни, Самъ допросилъ виновную совѣсть, Самъ усмотрѣлъ ей оправданіе, и въ непроглядной тьмѣ далъ свѣтиться огню «одинокой лампады Своей, вмѣсто думъ и сновъ, вмѣсто всѣхъ тревожныхъ огней».

И вотъ, въ поэтѣ зарождается другое настроеніе. Онъ уже не рвется къ мечтѣ, онъ ищетъ только тишины, онъ видитъ покой только въ «законченномъ быломъ» и «въ памяти былого». Присматриваясь къ жизни на далекомъ Мурманѣ, онъ спрашиваетъ себя,—не тѣмъ ли счастливы поморы, что имъ не дано ни мыслью, ни чувствомъ проснуться? Въ другомъ стихотвореніи онъ съ тревогою слѣдитъ за тѣмъ, какъ новыя основы жизни видоизмѣняютъ нашъ сѣверъ, и спрашиваетъ себя: будутъ ли счастливѣе люди? И личное свое успокоеніе онъ видитъ только въ покоѣ, въ тишинѣ, и подъ вліяніемъ этого настроенія у него слагается циклъ «Пѣсней изъ Уголка», въ которыхъ прославляется «великая отрада тишины»,—тишины, правда, не безусловной, потому что она нарушается вѣчнымъ движеніемъ мысли, но мысли уже отрѣшенной отъ внутренней борьбы, отъ всѣхъ злобъ дня, мысли художника, «съ умѣньемъ знатока» наблюдающаго за тѣмъ, что вокругъ него происходитъ. Онъ вспоминаетъ, что и тотъ, кто на о. Патмосѣ видѣлъ величайшее напряженіе борьбы добра и зла, палъ ницъ и «живописалъ». Онъ призываетъ въ свой «Уголокъ» и «жертву», и «палача», потому что видитъ, знаетъ, постигаетъ, что всѣ заслуживаютъ прощенья, потому что всѣ «въ безсиліи равны».

Но да не подумаетъ читатель, что въ этой отрѣшенности отъ жизни, въ этомъ

взглядѣ на нее съ высоты птичьяго полета поэтъ находитъ себѣ окончательное успокоеніе. Нѣтъ, покой, тишина—въ иномъ.

О, повѣрь мнѣ, смерть прекрасна,
Смерть привѣтлива, нѣжна,
Только съ виду самовластна,
И костлява, и страшна.

И при видѣ высокаго глетчера онъ восклицаетъ:

Образъ вѣчной смерти! Нѣтъ нигдѣ другого,
Чтобы выше поднялся надъ цѣлымъ міромъ
И царилъ, одѣтый розовымъ порфиромъ,
Въ бармахъ и коронѣ снѣга золотого.

Взирая на высокій ледникъ, онъ спрашиваетъ себя,—не подсказанъ ли въ немъ ясно «смыслъ успокоенія», если идея о смерти слита съ такою «свѣтлою картиною творенья?»

III.

Руководствуясь предыдущимъ, читатель можетъ подумать, что г. Случевскій по преимуществу лирикъ, что муза его субъективна. На самомъ же дѣлѣ это не такъ. Онъ внимательно присматривается и къ явленіямъ окружающей насъ дѣйствительности. Онъ много путешествовалъ, много видѣлъ, много изучалъ. Прошлое нашей родины, а подчасъ и человѣчества вообще, интересуетъ его столько же, сколько и современные жгучіе вопросы. И тутъ читатель въ стихотвореніяхъ г. Случевскаго найдетъ откликъ своимъ чувствамъ и мыслямъ,—откликъ со стороны человѣка, много продумавшаго и много взвѣсившаго, если не рѣшившаго.

Я не могу войти здѣсь въ разсмотрѣніе его балладъ, фантазій, драматическихъ хроникъ и поэмъ, иногда весьма обширныхъ и богатыхъ по содержанію. Я ограничусь только тѣмъ, что дополню общее міросозерцаніе поэта основными его взглядами на прошлое Россіи и на наиболѣе жгучіе современные вопросы.

Знакомясь съ общимъ міросозерцаніемъ нашего поэта, мы не могли не замѣтить, что онъ болѣетъ общею болѣзнью русскихъ людей, что во всѣ его чувства, во всѣ его мысли, даже наиболѣе возвышенныя и святыя, проникаетъ ядъ сомнѣнія, и что это сомнѣніе обезсиливаетъ его руку. И во взгляды его на родину проникаетъ этотъ ядъ сомнѣнія.

Край, лишенный живой красоты,
Въ немъ намеки одни да черты,
Все неясно въ немъ, полно тѣней,
Начиная отъ самыхъ людей...
Если плачутъ—печаль ихъ мелка,
Если любятъ—такъ любятъ слегка;
Вялъ и медленъ неискренній трудъ;
Складъ всей жизни изношенъ и худъ;
Вѣчно смутенъ, тревоженъ ихъ взглядъ;
Всѣ какъ будто о чемъ-то молчатъ...
Гладь нѣмая безбрежныхъ равнинъ—
Рядъ неконченныхъ кѣмъ-то картинъ.
Кто-то думалъ о нихъ, рисовалъ,
Бросилъ кисти и самъ задремалъ.

Такова современная Россія, и какъ характерно въ этомъ отношеніи разсказанное имъ «Новгородское преданіе». Въ Новгородъ явились царскіе стрѣльцы, чтобы снять символъ его свободы—вѣчевой колоколъ—и доставить его въ Москву. Но везти пришлось тяжелый колоколъ по роднымъ дебрямъ и топямъ. Еле его доставили въ Валдай, а дальше его везти оказалось уже невозможно. Поэтому приказано было его разбить:

Разбили колоколъ, разбили,
Сгребли валдайцы мѣдный соръ,
И колокольчики отлили,
И отливаютъ до сихъ поръ.
И, быль старинную вѣщая,
Въ тиши степей, въ глуши лѣсной,
Тотъ колокольчикъ, изнывая,
Гудитъ и бьется подъ дугой.

Какой мрачный взглядъ на наше прошлое! Но вмѣстѣ съ тѣмъ слышатся и другіе звуки. Если взять, напримѣръ, прекрасную по формѣ и содержанію балладу: «Два царя», то мы видимъ, что царю сѣвера, повидимому, нечѣмъ похвалиться предъ своимъ другомъ, царемъ юга. Долгія зимы, краткія весны, темныя хвои, дикія дебри, близкій къ правдѣ Домострой, составленный на-авось, крѣпкое словцо, негодное ни въ одинъ гербъ,—этимъ ли хвалиться? Но кромѣ того оказывается, что Россія рвала не одну путу, обвивавшую страну, что народъ ея вполнѣ приготовленъ къ трудной жизни, что смертный часъ не составляетъ для него пугала, что, по совершенно ясному расчету, русскому не жаль и не трудно умереть...

Слышавъ то, властитель юга
Ничего не отвѣчалъ,
Зорко онъ взглянулъ на друга
И въ раздумьѣ—замолчалъ...

Тутъ поэтъ какъ будто уже не сомнѣвается въ родинѣ: онъ чувствуетъ въ ней какую-то скрытую силу. Правда, онъ въ балладѣ «Витязь» изображаетъ нашъ народъ совершенно безсильнымъ. Бѣдъ на каждомъ шагу столько, что витязь, выступившій въ походъ, чтобы помочь всякой бѣдѣ, съ какою только встрѣтится, въ сущности не знаетъ, за что приняться: всюду надо поспѣть, а мыслимое ли это дѣло? И вотъ, слушая розсказни объ этихъ бѣдахъ, витязь бездѣйствуетъ, конь его издыхаетъ, копье подтачиваетъ ржавчина, и конечно нашъ витязь никакой бѣдѣ уже не поможетъ. Въ другой балладѣ богатырь все ожидаетъ «чудодѣйнаго коня», чтобы приняться за дѣло. Баба ему совѣтуетъ пить вино, пить до тѣхъ поръ, пока онъ заснетъ, и тогда конь самъ явится къ нему.

Богатырь, по слову бабы,
Безустанно пьетъ, да пьетъ.
По зароку исполняетъ,—
Только конь къ нему нейдетъ.
Конь гуляетъ гдѣ-то въ полѣ,
Говорятъ, его видалъ
Нѣкій странничекъ съ Аѳона,
Да зарокъ молчанья далъ.

Всѣ эти яркіе образы безсилія русскаго народа чередуются у нашего поэта съ какою-то скрытою увѣренностью въ его конечномъ торжествѣ надъ всѣми неблагопріятными условіями. Находясь на чужбинѣ, поэтъ вспоминаетъ родину и спрашиваетъ себя,— почему въ жизни русскаго народа такъ много правды, когда назрѣвшіе вопросы рѣшаются самой судьбой, а личная воля становится убога. Онъ только-что печалился надъ безсиліемъ нашего народа,—и вдругъ у него вырываются такія строфы:

Народъ, народъ,—онъ самъ сложилъ свое былое;
Онъ далъ исторію,—въ ней всѣ его права.

Далѣе онъ говоритъ, что «намъ нужна Москва»,

Москва единая надъ неоглядной ширью
Разбросанныхъ вездѣ рабочихъ деревень.

Затѣмъ онъ перечисляетъ, что́ еще нужно русскому народу: пѣсня, полная суровой простоты, дни короткіе, жгучія метели, избы дымныя, несдержанный разгулъ, безумныя мечты, трудъ томительныхъ исканій, особый взглядъ на все—на жизнь, на смерть, на честь...

Тутъ у поэта уже сквозитъ сомнѣніе не въ силахъ народа, а въ силахъ интеллигенціи. Онъ спрашиваетъ: кто тотъ дерзкій, который возьмется вести народъ на новый путь «неясныхъ благостынь» и дать ему «новую душу», наполнить въ немъ все то, что́ станетъ «пустотой»? Обращаясь къ прошлому, онъ указываетъ, что въ годины испытаній мы силы черпаемъ у народа, что его голосъ слышится, когда «война струитъ свинцовый дождь», что народъ служилъ «рулемъ» въ годины тяжелыхъ смутъ и что «такъ всегда будетъ». Словомъ, во всемъ этомъ слышится отзвукъ знаменитаго стиха Некрасова:

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и безсильная,
Матушка-Русь!

и не менѣе извѣстнаго стиха Тютчева, что у Россіи

.... особенная стать,
Въ Россію можно только вѣрить.

Это то вѣковое раздвоеніе нашего общественнаго самосознанія, которое слышится уже въ ѣдкихъ стихахъ Кантемира и восторженныхъ одахъ Ломоносова, у Фонвизина и Державина, у Пушкина и въ безконечномъ спорѣ западниковъ и славянофиловъ. Это— безпрерывно смѣняющіеся жгучая боль надъ внутреннимъ нашимъ безсиліемъ и восторги надъ внѣшнимъ нашимъ могуществомъ. Это— вѣчная попытка рѣшенія мучительной загадки: почему нашъ народъ, столь жалкій во многихъ отношеніяхъ, создалъ государство, сокрушившее всѣхъ своихъ внѣшнихъ враговъ, проявляющее силу, которая заставляетъ прислушиваться къ его голосу всю Европу, и поражающее ее проблесками своеобразныхъ возвышенныхъ стремленій, самобытной жизни? И въ стихотвореніяхъ г. Случевскаго всюду разбросаны мысли и чувства, свидѣтельствующія о томъ, какъ онъ глубоко сознаетъ одновременно и безсиліе, и мощь русскаго народа, и эти мысли и чувства представляютъ особенный интересъ не только потому, что онѣ выражены иногда въ прекрасной формѣ, но еще и потому, что г. Случевскій несомнѣнно знаетъ нашъ народъ и глубоко любитъ его. Сто́итъ только прочесть его великолѣпную поэму: «Въ снѣгахъ», чтобы въ этомъ убѣдиться.

Теперь я долженъ коснуться еще одной стороны творчества г. Случевскаго, которая окончательно выяснитъ намъ его міросозерцаніе. Вторая половина XIX-го вѣка была для Россіи эпохою въ высшей степени знаменательною. Исторія присвоитъ ей названіе эпохи Царя-Освободителя, эпохи полнаго обновленія нашей родины. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній поэтъ предлагаетъ проектъ памятника Царю-Освободителю:

Что перебиты голени его,
Какъ на Голгоѳѣ... Нѣтъ, не бойтесь вы того:
Онъ будетъ выситься, какъ вѣчное видѣнье,
Весь въ вѣчной памяти о славномъ февралѣ,
Одинъ, какъ Петръ на сѣверной скалѣ,
Одинъ, какъ мученикъ, принявшій отпущенье.

Поэтъ относится къ памяти Царя-Освободителя съ восторженною благодарностью. Онъ прекрасно уясняетъ себѣ смыслъ и значеніе совершеннаго царемъ великаго подвига. Но въ поэмѣ: «Бывшій князь» онъ косвенно отвѣчаетъ и на вопросъ, почему эпоха великихъ реформъ привела къ тому, что Царь-Освободитель былъ одинъ, какъ «Петръ на сѣверной скалѣ», и принялъ мученическій вѣнецъ. Отвѣтить на этотъ вопросъ—значитъ вспомнить все движеніе 60-хъ годовъ.

Я помню ясно эти дни:
Какъ были веселы они.

Тутъ была и «желчь, и злоба прежнихъ лѣтъ», «мечты фантастовъ», «злорадный говоръ стариковъ», всевозможныя надежды, намѣренія и опыты; словомъ, послѣ долгаго сна все зашевелилось, но

Власть непровѣренныхъ идей
Губила въ эти дни людей.

Увлекаясь этими идеями, люди задались

Постройкой жизни сверху внизъ
И въ кладку вмѣсто *кирпичей*
Суютъ намъ *мыльныхъ пузырей*.

Прибавьте къ этому

Тьмы недовольныхъ, злыхъ умовъ,
Судебъ разбитыхъ, мрачныхъ лицъ,
И самолюбій безъ границъ,
И не исполнившихся сновъ...

Но вѣдь у насъ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, открыть широкій путь:

Манятъ лѣса, зовутъ поля,
И ждетъ *работника земля*.

Герой поэмы «Бывшій князь» не хочетъ быть «мыльнымъ пузыремъ», онъ предпочитаетъ быть «кирпичикомъ». Онъ покупаетъ болотный логъ, и

Великимъ было торжествомъ,
Когда мой логъ, поросшій мхомъ,
Отъ ржавыхъ и загнившихъ водъ
Освобождаясь, оживалъ.
То былъ счастливѣйшій починъ...

Кто, читая эту поэму, не вспомнитъ Фауста, который также послѣ всевозможныхъ увлеченій пришелъ къ выводу, что нѣтъ большаго торжества, чѣмъ отвоевать пядь земли у природы и создать на ней царство свободнаго труда. Въ великомъ произведеніи германскаго поэта говорится о тщетѣ всѣхъ теорій и о томъ, что зеленѣетъ одно лишь древо жизни. Примѣнительно къ движенію 60-хъ годовъ этотъ афоризмъ означаетъ, что наше общество слишкомъ увлекалось «непровѣренными идеями», забыло реальнаго человѣка, забыло и то, что всякій изъ насъ долженъ быть «кирпичикомъ» въ великомъ зданіи государственной жизни, народнаго труда, общаго благосостоянія...

Я старался выяснить читателю основныя черты міросозерцанія г. Случевскаго. Его можно назвать поэтомъ съ открытою «русскою душой», воспринимающимъ жизнь непосредственно, помимо всякихъ предвзятыхъ взглядовъ. Онъ не подчиняется разнымъ моднымъ тенденціямъ: онъ пишетъ только то, что самъ перечувствовалъ, пережилъ, наблюдалъ. Кто любитъ отечество, кто старается вдуматься въ его жизнь, тотъ найдетъ въ поэзіи г. Случевскаго много родственнаго, провѣритъ лично пережитое и продуманное и, независимо отъ художественнаго наслажденія, которое доставятъ ему многія прекрасныя произведенія поэта, въ общей сложности почерпнетъ бодрость и силу. Отмѣченный нами скептицизмъ поэта — также скептицизмъ чисто-русскій: онъ не обезсиливаетъ руки; отъ этого скептицизма, какъ выражается самъ поэтъ, по родной «степи, неподвижной и алчущей, зеленѣютъ цвѣты новой поросли»...

Библіографія.

(Книги, поступившія въ редакцію.)

Алексѣевъ, П. О. Алкоголизмъ. Рига. 1898.

Баркгаузенъ, Блюмъ и фонъ-Боррисъ. Сооруженіе желѣзныхъ дорогъ. Т. II. Верхнее строеніе желѣзн. дорогъ. Отдѣлъ II современной техники желѣзно-дорожнаго дѣла. Переводъ Н. Б. Богуславскаго, съ 299 чертежами. Изд. К. Л. Риккера. СПБ. 1898. Ц. 8 р.

Беккеръ, А. В. Пассажирскія пограничныя таможенныя правила Россіи, Германіи и Франціи. СПБ. Ц. 50 к.

Книжка г. Беккера удовлетворяетъ насущной потребности массы путешественниковъ, ѣдущихъ въ Германію или Францію. Пограничныя таможенныя правила совершенно не извѣстны пассажирамъ, и потому большинство переѣзжающихъ границу по направленію изъ Россіи или въ Россію смущается тѣми строгостями, которыя соблюдаются при осмотрѣ пассажирскаго багажа таможенными чиновниками. Самое тяжкое въ процедурѣ таможеннаго осмотра, это та неизвѣстность, въ которой находится пассажиръ и относительно того, какъ и что будутъ осматривать, и относительно размѣра тѣхъ пошлинъ, которыя причитаются за провозимыя заграничныя вещи. Единственнымъ указателемъ въ этомъ отношеніи былъ до сихъ поръ горькій опытъ. Нечего и говорить, что подобное положеніе совершенно ненормально, и слѣдуетъ отъ души привѣтствовать починъ г. Беккера, насмотрѣвшагося, въ силу своего служебнаго положенія, на всѣ эти треволненія пассажировъ и придумавшаго очень простое средство—опубликовать пограничныя таможенныя правила во всеобщее свѣдѣніе. Отнынѣ всякій, запасшійся книжечкой г. Беккера и ознакомившійся съ нею, узнаетъ и всю процедуру таможеннаго осмотра, сколько и за что онъ долженъ платить, что запрещено и что дозволено провозить черезъ границу, однимъ словомъ, онъ явится на границѣ съ такимъ же твердымъ знаніемъ своихъ правъ и обязанностей, какое имѣется у него на пространствѣ всего государства. Г. Беккеръ еще дополнилъ свою книжку цѣлымъ рядомъ свѣдѣній, полезныхъ для путешественниковъ (телеграфная и почтовая такса, сравнительная таблица времени, таблица размѣна русскихъ денегъ на франки и франковъ на рубли, сравнительная таблица иностранныхъ мѣръ и вѣса съ русскими и т. д.). Всѣ свѣдѣнія сообщены на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, что обѣщаетъ книжкѣ большое распространеніе.

Бичеръ-Отоу. Хижина дяди Тома. Полный переводъ съ англійскаго З. Н. Журавской, съ 66 рисунками. Изд. О. Н. Поповой. СПБ. 1898. Ц. 1 р. 20 к.

Вишневскій, Ѳ. Ѳ. Къ сѣверному полюсу по теченію. Вятка. 1898.

Герцль, Теодоръ. Новое Гетто (Das neue Ghetto). Пьеса въ 4 дѣйствіяхъ. Переводъ Е. М. Бабецкаго. Харьковъ. 1898. Ц. 75 к.

Гейне, Генрихъ. Собраніе сочиненій. Редакція Петра Вейнберга. Т. II. СПБ. 1898 г. Ц. 1 р. 75 к.

Нельзя не порадоваться, что сочиненія знамени-

таго германскаго поэта появятся наконецъ въ полномъ составѣ на русскомъ языкѣ и притомъ подъ редакціею одного изъ лучшихъ его переводчиковъ и страстнаго его поклонника. Пока вышелъ однако только второй томъ этого изданія, обнимающій собою нѣкоторыя прозаическія произведенія Гейне, именно: его „Отрывки объ Англіи", затѣмъ его беллетристическіе отрывки: „Изъ записокъ Шнабелевопскаго", „Флорентинскія ночи" и „Бахарахскій раввинъ" и наконецъ его статью о Людвигѣ Берне.

Рекомендовать читателю это изданіе нѣтъ надобности. Всѣ, кто интересуется Гейне или любитъ его, пожелаютъ пріобрѣсти наиболѣе полное собраніе его сочиненій, прередактированное опытною рукою извѣстнаго его переводчика. Можно пожалѣть только о томъ, что изданіе, вслѣдствіе недостаточной компактности, обойдется очень дорого и слѣдовательно будетъ доступно лишь немногимъ почитателямъ нѣмецкаго поэта. Кромѣ того въ немъ замѣтна и недостаточно тщательная отдѣлка деталей перевода прозаическихъ произведеній. Такія выраженія, какъ: „выйти изъ памяти" вмѣсто забыть, „вынырнуть наружу", „класть въ сундукъ вмѣстѣ съ рубашками хорошіе уроки", „впослѣдствіи времени", „мысли ускользаютъ въ Польшу", встрѣчающіяся на первыхъ же страницахъ очерка: „Изъ записокъ Шнабелевопскаго", составляютъ недосмотръ, котораго слѣдовало бы избѣгнуть въ такомъ капитальномъ трудѣ, какъ полное собраніе сочиненій классическаго писателя.

Глинскій, Б. Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій и чествованіе его памяти. Съ 5 иллюстр. и прилож. его юношескаго „Журнала поѣздки въ Москву и пребыванія въ оной". СПБ. 1898 г. Ц. 75 к.

Эту книгу можно рекомендовать лицамъ, которыя желаютъ составить себѣ представленіе о томъ, какъ Россія отпраздновала память самаго выдающагося изъ своихъ критиковъ въ день 50-лѣтія его смерти. Авторъ описываетъ чествованія памяти Бѣлинскаго въ разныхъ городахъ и знакомитъ читателей съ содержаніемъ произнесенныхъ рѣчей, выпущенныхъ книгъ и брошюръ или прочитанныхъ стихотвореній. Въ общемъ книга, какъ компилятивная работа, представляетъ несомнѣнный интересъ, но жаль, что авторъ усвоилъ себѣ полемическій тонъ, который шокируетъ въ изданіи подобнаго рода.

Грушецкій, Н. Очерки народныхъ суевѣрій. Изд. М. Е. Конусова. М. 1898. Ц. 6 к.

Ежегодникъ по геологіи и минералогіи Россіи, издаваемый подъ редакціей Н. Криштафовича. Т. III, вып. 1—3. Ново-Александрія. 1898. Ц. 2 р. 50 к.

Жирковъ, Ив. Друзья—враги. Изъ деревенскихъ воспоминаній. Съ 10-ю рисунками П. Е. Литвиненко. Изд. И. Ѳ. Жиркова. М. 1898. Ц. 5 к.

Ильинскій, А. И., д-ръ. Три яда. Табакъ, алкоголь и сифилисъ. Изд. 2-е, вновь обработанное и значительно дополнен. М. 1898. Ц. 1 р.

Комовъ, А. А. Общая ариѳметика. Опытъ руководства для техническихъ жел.-дорожн. училищъ. Курсъ 1-го класса. Изд. Н. Н. Комовой. Асхабадъ. 1898. Ц. 60 к.

Ленинъ, С. Выборъ земледѣльческихъ орудій и машинъ. Выпускъ I-й. Съ 83 рис. и чертежами. Изд. книжн. магаз. „Деревня" (Б. Морская, 13). СПБ. 1898. Ц. 50 к.

Авторъ этого очень цѣннаго труда для сельскихъ хозяевъ, являющійся однимъ изъ лучшихъ у насъ знатоковъ земледѣльческаго машиностроенія, задался цѣлью дать самыя краткія, но необходимыя свѣдѣнія и указанія относительно главнѣйшихъ орудій и машинъ, пригодныхъ преимущественно для небольшихъ хозяйствъ. Такимъ образомъ, благодаря авторитетнымъ указаніямъ г. Ленина, сельскіе хозяева могутъ сами выбрать изъ перечисленныхъ въ книгѣ наиболѣе пригодныя для нихъ орудія и машины. Въ вышедшемъ теперь выпускѣ говорится о плугахъ, боронахъ, сѣялкахъ, молотилкахъ, приводахъ, вѣялкахъ, вѣялкахъ-сортировкахъ и сортировкахъ.

Лунинъ, А. А. I. Труженица. Поэма. Ц. 10 к. **II. Борисъ Каменскій.** Часть I и II. Вольскъ. 1898. Ц. 20 к.

Мяджи, Е. Н. Указатель числа ариѳметическихъ дѣйствій, необходимыхъ для рѣшенія каждой задачи сборника Евтушевскаго. Часть I. Тобольскъ. 1895. Ц. 10 к.

Отчетъ о дѣятельности Боровичскаго общества трезвости съ 1 января 1897 г. по 1 января 1898 г. Боровичи. 1898.

Отчетъ С.-Петербургскаго общества трезвости за 1894—1897 г. СПБ. 1898.

Попова, О. Н. Фритьофъ Нансенъ, герой полярной ночи и вѣчныхъ льдовъ. Изд. О. Н. Поповой. СПБ. 1898. Ц. 50 к.

Сабининъ, Л. Х. Преступныя дѣти и исправительныя заведенія. Ровно. 1898. Ц. 15 к.

Семеновъ, С. Т. Счастливый случай. Разсказъ. Изд. И. Ѳ. Жиркова. М. 1898. Ц. 3 к.

Трубниковъ, К. В. Канунъ XX вѣка. СПБ. 1898. Ц. 10 к.

Фёрстеръ, П., проф. Вивисекція съ естественнонаучной, медицинской и нравственной точекъ зрѣнія. Переводъ съ нѣмецкаго. Изд. О. Н. Поповой. СПБ. 1898. Ц. 50 к.

Холодовъ, И. А. Слава и любовь, какъ жизненная цѣль въ стремленіяхъ людей. Мысли и сопоставленія. М. 1898. Ц. 1 р.

Царь-Освободитель. Русскому народу на память. Безплатное народное изданіе Е. В. Богдановича. СПБ. 1898.

Zucker ein Nährstoff. Eine allgemein verständliche Darstellung der neuesten Forschungsergebnisse. Verlag Paul Parey. Berlin. 1898.

Чернышевъ, С. А., членъ Юж.-Рус. О-ва Акклиматизаціи. **Деревья и ихъ польза.** Изд. Юж.-Рус. О-ва Акклиматизаціи. Харьковъ. 1898. Ц. 15 к.

Шахрай, Л. Исторія Израиля для еврейскаго юношества. Отъ македонскаго владычества до нашего времени. Выпускъ IV и послѣдній. Одесса. 1898. Ц. 60 к.

Шевляковъ, М. В. Изъ области приключеній. По разсказамъ бывшаго начальника с.-петербургской сыскной полиціи И. Д. Путилина. Съ его портретомъ и біографіей. СПБ. 1898. Ц. 80 к.

Покойный И. Д. Путилинъ завоевалъ себѣ имя „русскаго Лекока". Въ его служебномъ формулярѣ значатся сотни самыхъ сложныхъ уголовныхъ дѣлъ, которыя были имъ распутаны легко и быстро благодаря рѣдкой наблюдательности и находчивости. Около четверти вѣка управлялъ онъ дѣлами петербургской сыскной полиціи, и такимъ образомъ весь этотъ громадный промежутокъ времени провелъ лицомъ къ лицу со всѣмъ „преступнымъ Петербургомъ". Давно извѣстно, что никакая фантазія человѣка не въ состояніи изобрѣсти того, что устраиваетъ сама жизнь, и Путилину пришлось на своемъ вѣку быть свидѣтелемъ такихъ невѣроятныхъ жизненныхъ фактовъ, которыхъ не найдешь ни въ одномъ уголовномъ романѣ самаго пламеннаго бульварнаго писателя. Къ сожалѣнію, И. Д. Путилину не пришлось оставить послѣ себя подробныхъ записокъ, и г. Шевляковъ по личнымъ его разсказамъ и нѣкоторымъ записямъ собралъ въ своей книжкѣ рядъ характерныхъ случаевъ изъ жизни преступнаго Петербурга. Многіе изъ нихъ очень интересны, и, читая ихъ, невольно задумываешься надъ вопросомъ: сколько ума и изобрѣтательности люди тратятъ для достиженія преступныхъ цѣлей.

Эркманъ-Шатріанъ. Домъ лѣсного сторожа. Пер. съ франц. Е. А. Никольской. Изд. Е. В. Лавровой и Н. А. Попова. СПБ. 1898. Ц. 30 к.

СМѢСЬ.

Черты изъ жизни Бисмарка. Покойный кн. Бисмаркъ оставилъ своимъ дѣтямъ значительное состояніе. Раздѣлъ наслѣдства, указанный въ духовномъ завѣщаніи, былъ извѣстенъ уже ранѣе. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, покойный князь рѣшилъ съ сыновьями и дочерью вопросъ о раздѣлѣ своего имущества. Фридрихсруэ и княжескій титулъ перешли къ старшему сыну Герберту. Однако, въ Фридрихсруэ будетъ временно жить семья графа Ранцау, зятя Бисмарка. Бумажныя цѣнности составляютъ сумму въ нѣсколько милліоновъ. Драгоцѣнности, знаки отличія и полученные Бисмаркомъ при жизни подарки хранятся у придворнаго ювелира и превышаютъ стоимостью милліонъ.

Извѣстно, что въ началѣ текущаго столѣтія средства семейства Бисмарка были очень скудны. Отто Бисмарку въ молодости пришлось даже терпѣть лишенія. Когда онъ взялъ на себя управленіе имѣніями отца, онъ постарался пріобрѣсти познанія по сельскому хозяйству и лѣсоводству и поднялъ доходность имѣній. Позже ему помогли въ этомъ его оклады по дипломатической службѣ. Онъ былъ очень скроменъ въ своихъ расходахъ, и всѣ свои сбереженія вкладывалъ въ свое хозяйство, которое и сдѣлалъ образцовымъ. По окончаніи франко-прусской войны онъ получилъ не денежное вознагражденіе, какъ другіе генералы, а имѣніе Фридрихсруэ съ громаднымъ дубовымъ лѣсомъ, занимающимъ площадь въ 20,000 акровъ. Это имѣніе съ лѣсомъ оцѣнивается теперь въ 20—25 милліоновъ марокъ. Князь Бисмаркъ ввелъ множество усовершенствованій въ имѣніи, между прочимъ, построилъ лѣсопильный заводъ, которымъ значительно увеличилъ доходность Фридрихсруэ. Онъ впослѣдствіи округлилъ имѣніе, прикупивъ окружающіе его участки земли, а въ 1885 году,—когда ему исполнилось 70 лѣтъ,—нѣкоторые изъ его поклонниковъ купили за 1.250,000 марокъ родовое имѣніе Бисмарка Шенгаузенъ, которое было въ свое время продано за долги, и принесли его въ даръ своему канцлеру. Такимъ образомъ, все состояніе Бисмарка, включая сюда и имѣніе Варцинъ, составляетъ около 40 милліоновъ марокъ.

Князь Бисмаркъ позаботился въ своемъ завѣщаніи о ближайшихъ слугахъ дома. Своему главному лѣсничему онъ оставилъ 10,000 марокъ, камердинеру Пиннову, прослужившему у него 25 лѣтъ, — 5,000 марокъ, кучеру, служившему 12 лѣтъ,— 3,000 марокъ, двумъ другимъ слугамъ—по 2,000 марокъ и горничнымъ своей покойной жены—по 1,000 марокъ.

—

Въ восемнадцатомъ столѣтіи два члена бисмарковской фамиліи получили извѣстность. Дѣдъ покойнаго князя, Карлъ-Александръ, прозванный поэтомъ, писалъ французскіе стихи въ честь своей жены. Это было въ то время, когда Фридрихъ Великій находилъ, что Пруссія опоздала на цѣлое столѣтіе въ сравненіи съ Франціею. Братъ же дѣда, Рудольфъ-Августъ, мало былъ на него похожъ. Убивъ одного изъ своихъ слугъ въ порывѣ гнѣва, онъ бѣжалъ въ Россію, гдѣ поступилъ на военную службу. Однако, за политическія интриги въ Курляндіи его сослали въ Сибирь. Затѣмъ его простили и даже довѣрили ему нѣсколько дипломатическихъ дѣлъ. Умеръ онъ, командуя войсками въ Полтавѣ.

—

Эгоди, бывшій долгое время сотрудникомъ Бисмарка, разсказываетъ о слѣдующемъ случаѣ. Передъ началомъ франко-прусской войны императоръ Александръ II посѣтилъ прусскаго короля въ Эмсѣ. Оба монарха были окружены многочисленными свитами. Въ противоположномъ концѣ залы стоялъ графъ Бисмаркъ и внимательно слѣдилъ за выраженіемъ лица русскаго императора. Вдругъ поднимается собака русскаго императора, лежавшая все время подъ столомъ, и, подойдя къ Бисмарку, остановилась передъ нимъ на минуту, стала смотрѣть на него, затѣмъ начала дружески вилять хвостомъ и, наконецъ, лизнула протянутую Бисмаркомъ руку. Въ ту же минуту на всю залу раздался голосъ императора Александра II: „Видите, собака знаетъ друзей своего хозяина“.

Впослѣдствіи, разсказывая объ этомъ, Бисмаркъ сказалъ: „Я почувствовалъ въ эту минуту облегченіе. Это была историческая минута...“

—

На старомъ союзномъ собраніи во Франкфуртѣ Австрія играла первую скрипку, пока, съ назначеніемъ Отто фонъ-Бисмарка, роли не перемѣнились, или, какъ онъ любилъ выражаться, пока „я не внесъ перцу въ это сонное царство дипломатовъ“. Представителемъ Австріи былъ одно время графъ Тунъ, „по внѣшности смѣсь бурша съ вѣнскимъ roué“. Когда новый прусскій посолъ въ первый разъ посѣтилъ

на дому своего австрійскаго коллегу, тотъ принялъ его въ кабинетѣ, сидя за письменнымъ столомъ безъ сюртука. Бисмаркъ поздоровался и немедленно сталъ снимать съ себя сюртукъ, замѣтивъ съ улыбкой: „Счастливая у васъ мысль, графъ; дѣйствительно, чертовски жарко". Хозяинъ сконфузился, поспѣшилъ одѣться, и гость послѣдовалъ его примѣру. — Въ засѣданіяхъ комиссіи установился обычай, что только предсѣдательствующій австрійскій посолъ можетъ курить. „Рохову (его предшественнику), — разсказываетъ Бисмаркъ: — какъ страстному курильщику, подчасъ до смерти хотѣлось курить, но онъ не смѣлъ. Когда я занялъ его мѣсто, я вынулъ изъ кармана портсигаръ и попросилъ у предсѣдателя графа Рехберга огня. Онъ не могъ скрыть своего неудовольствія, но протянулъ, все-таки, спички; остальные смотрѣли на меня съ нѣмымъ изумленіемъ. Вопросъ для нихъ, очевидно, былъ столь важнымъ, что они поспѣшили сообщить это своимъ кабинетамъ, и, нѣсколько времени спустя, курила Баварія, курила Саксонія и, чтобы не посрамить своего отечества, пускалъ клубы дыма съ выраженіемъ, какъ будто его вотъ-вотъ вырветъ, и несчастный посолъ вюртембергскій, который терпѣть не могъ табаку". Къ этой же эпохѣ пребыванія Бисмарка во Франкфуртѣ относится извѣстный анекдотъ о томъ, какъ Бисмаркъ заставилъ своего домохозяина провести звонокъ изъ кабинета въ комнаты прислуги. Хозяинъ, франкфуртскій бюргеръ, терпѣть не могъ пруссаковъ и на просьбу новаго жильца отвѣтилъ, что если ему угодно звать свою прислугу, то пусть онъ ее зоветъ на свой счетъ; дѣлать для него, какъ прусскаго посла, исключеніе онъ не видитъ надобности. На слѣдующее утро на весь домъ раздается пистолетный выстрѣлъ. Испуганный хозяинъ вбѣгаетъ въ кабинетъ Бисмарка и видитъ на столѣ еще дымящійся пистолетъ, а за столомъ — посла, спокойно курящаго сигару. „Ради Бога, г. фонъ-Бисмаркъ, что случилось?"—„Ничего не случилось, милѣйшій мой г. Грюнъ, я только далъ знать своему слугѣ, что онъ мнѣ нуженъ. Надѣюсь, что мои выстрѣлы васъ больше не будутъ пугать". Въ тотъ же день звонокъ былъ проведенъ.

—

Посолъ одной великой державы спросилъ какъ-то разъ у канцлера, послѣ довольно долгой бесѣды: какимъ именно образомъ отдѣлывается онъ отъ надоѣдливыхъ посѣтителей?

— Очень просто! Когда жена находитъ, что кто-нибудь засидѣлся у меня слишкомъ долго, она посылаетъ за мной — и свиданіе заканчивается само собою,—отвѣтилъ Бисмаркъ.

Какъ разъ въ эту минуту вошелъ слуга и доложилъ, что княгиня проситъ свѣтлѣйшаго канцлера пожаловать къ ней. Посолъ покраснѣлъ и тотчасъ же распрощался.

—

Дипломатическій представитель Ганновера при союзномъ сеймѣ имѣлъ основаніе думать, что письма его неизвѣстнымъ образомъ доходятъ до свѣдѣнія президента сейма. Однажды онъ обратился къ своему коллегѣ Бисмарку, бывшему представителемъ Пруссіи, съ вопросомъ, какъ спасаетъ онъ свои письма отъ рукъ шпіоновъ. Бисмаркъ предложилъ ему пойти съ нимъ гулять и повелъ своего коллегу въ отдаленную улицу, гдѣ жилъ только мелкій людъ. Тамъ онъ надѣлъ перчатки и подошелъ къ какой-то жалкой лавчонкѣ.

— Есть ли у васъ мыло?—спросилъ онъ.

— Есть.

— Какого сорта?

Приказчикъ назвалъ нѣсколько сортовъ, причемъ положилъ передъ Бисмаркомъ разные куски мыла. Бисмаркъ выбралъ тотъ изъ нихъ, у котораго былъ самый сильный запахъ, и положилъ его въ карманъ. Затѣмъ онъ спросилъ конвертъ и вынулъ письмо изъ бокового кармана, вложилъ въ конвертъ, попросилъ перо и чернилъ, послѣ чего сталъ писать адресъ. Но писать въ перчаткахъ было неудобно и онъ попросилъ приказчика написать вмѣсто него, что тотъ охотно сдѣлалъ. Тогда Бисмаркъ положилъ письмо въ карманъ съ мыломъ и сказалъ своему коллегѣ:

— Съ этимъ почеркомъ и запахомъ мыла, селедки, сала и сыра пусть-ка они выудятъ мое письмо!

—

Профессоръ Швенингеръ сдѣлался домашнимъ врачомъ Бисмарка слѣдующимъ образомъ. Покойный очень не любилъ, когда врачи засыпали его вопросами. Нелюбовь эту онъ доказалъ и профессору Швенингеру въ первый же день своего знакомства тѣмъ, что коротко и рѣзко отвѣтилъ, когда Швенингеръ повторилъ вопросъ, сдѣланный нѣкоторое время передъ тѣмъ. Но Швенингеръ не палъ духомъ.

— Я въ вашемъ распоряженіи,—сказалъ онъ: — но если вамъ угодно, чтобы васъ лѣчили безъ вопросовъ, то вы хорошо сдѣлали бы, если бы послали за коноваломъ,

который къ этому способу лѣченія привыкъ.

Отвѣтъ подѣйствовалъ на Бисмарка, и съ тѣхъ поръ онъ отвѣчалъ на всѣ вопросы Швенингера.

—

При вступленіи первыхъ прусскихъ полковъ въ Никольсбургъ въ 1866 году, одинъ изъ горожанъ вздумалъ бранить на улицѣ прусскія войска. Нѣкоторые изъ проходившихъ мимо прусскихъ солдатъ схватили его и хотѣли его высѣчь. Онъ закричалъ. На шумъ сбѣжалась толпа горожанъ, и столкновеніе грозило принять серьезный оборотъ. Въ это время появился на площади Бисмаркъ въ формѣ простого полковника.

— Что тутъ такое случилось?—спросилъ онъ у своихъ солдатъ.

— Этотъ человѣкъ ругалъ Пруссію, и мы хотимъ его наказать.

— Неправда, — крикнулъ обвиняемый, не знавшій Бисмарка въ лицо:—я ругалъ только Бисмарка, а не Пруссію.

— Ну, въ такомъ случаѣ отпустите его,— сказалъ Бисмаркъ:—это дѣлаетъ не онъ одинъ; Бисмарка всѣ ругаютъ.

—

Хорошая сигара, до которой Бисмаркъ былъ большой любитель, сыграла нѣкоторую роль и въ сраженіи подъ Кениггрецомъ. Когда въ страшный іюльскій день 1866 года еще не знали, на чьей сторонѣ побѣда, Бисмаркъ подъѣхалъ къ Мольтке, сидѣвшему неподвижно въ сѣдлѣ и спокойно, но сосредоточенно слѣдившему за ходомъ сраженія. О разговорѣ съ нимъ и думать нечего было. Бисмаркъ вынимаетъ изъ кармана портсигаръ, въ которомъ находились двѣ сигары: одна—хорошая, другая—похуже, и безмолвно подаетъ Мольтке. Послѣдній также безмолвно беретъ портсигаръ и, осмотрѣвъ сигары, беретъ лучшую. Безмолвнаго разговора этого было вполнѣ достаточно для Бисмарка, и онъ тотчасъ же повернулъ лошадь и отъѣхалъ. „Разъ Мольтке, —подумалъ онъ,— съ такимъ спокойствіемъ могъ выбрать лучшую сигару, то, значитъ, мы выиграемъ сраженіе". Вскорѣ затѣмъ сраженіе дѣйствительно было выиграно, и Мольтке съ сіяющимъ лицомъ закурилъ сигару Бисмарка, но и Бисмаркъ былъ очень доволенъ другой сигарою, хотя качествомъ она была ниже.

—

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ князь, тогда еще просто фонъ-Бисмаркъ, былъ германскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ. По-русски говорилъ Бисмаркъ весьма плохо, но онъ нисколько не смущался этимъ обстоятельствомъ, зачастую вступалъ въ бесѣды съ простыми мужичками, внимательно слушалъ ихъ и часто поощрялъ къ дальнѣйшему разговору, повторяя: „дѣло", „дѣло".

—

Получая очень много подарковъ, Бисмаркъ принималъ ихъ всегда охотно. Германскіе и заграничные почитатели покойнаго канцлера присылали ему, въ качествѣ вещественныхъ знаковъ своего почтенія и преданности, цѣлыми бочками вино и пиво, превосходнѣйшую рыбу, великолѣпнѣйшіе цвѣты, плоды и овощи. Онъ принималъ всѣ эти подарки съ благодарностью и приказывалъ дворецкому записывать ихъ на приходъ.

—

Князь Бисмаркъ придавалъ большое значеніе числу три. Число это, какъ онъ увѣрялъ, сыграло въ его жизни большую роль. Такъ, ему суждено было служить *тремъ* государямъ; онъ участвовалъ въ *трехъ* войнахъ, возбужденныхъ имъ же самимъ; подписалъ *три* мирныхъ договора; уладилъ свиданіе *трехъ* императоровъ и организовалъ *тройственный* союзъ; подъ нимъ были убиты въ франко-прусскую войну *три* лошади. Онъ носилъ *тройную* фамилію: Бисмаркъ, Шенгаузенъ и Лауэнбургъ и *три* титула: графа, князя и герцога. Въ старинномъ его фамильномъ гербѣ изображенъ *трилистникъ*, окруженный *тремя* дубовыми листьями. Девизомъ его предковъ служило „In Trinitate robur", т.-е. „сила въ Троицѣ".

На всѣхъ карикатурахъ, какъ въ Германіи, такъ и за границей, его изображаютъ съ *тремя* волосками на головѣ. У него было *трое* дѣтей: Гербертъ, Вильгельмъ и Марія, а въ рейхстагѣ его поддерживали *три* политическихъ партіи: консерваторы, націоналъ-либералы и ультрамонтаны. Къ этому можно еще добавить, что вслѣдъ за кончиной Бисмарка на улицахъ Берлина появились картинки съ подписью „Три нѣмца" (Die drei Deutschen); на нихъ изображены Вильгельмъ I, Бисмаркъ и Мольтке.

Имя Бисмарка теперь сочетаютъ съ различными цифрами. Между прочимъ, отмѣчаютъ, что онъ прожилъ ровно тысячу мѣсяцевъ (съ 1-го апрѣля 1815 г. по 30-е іюля 1898 года (нов. стиля). Почти треть своей жизни, т. е. 330 мѣсяцевъ, Бисмаркъ былъ министромъ, т. е. съ 24-го сентября 1862 года по 20-е марта 1890 г., и скончался ровно 100 мѣсяцевъ спустя послѣ того, какъ оставилъ государственную службу.

Выгоднѣе ли быть кухаркой или гувернанткою? За послѣднее время въ Англіи наблюдается новое явленіе: молодыя, интеллигентныя дѣвушки, принужденныя собственнымъ трудомъ зарабатывать хлѣбъ, идутъ охотнѣе въ кухарки, чѣмъ въ гувернантки. И это объясняется вовсе не тѣмъ, что относительно воспитательницъ и гувернантокъ предложеніе далеко превышаетъ спросъ, а просто-на-просто тѣмъ, что какъ въ Англіи, такъ и во Франціи, заработокъ кухарки въ два и болѣе раза превосходитъ заработокъ многострадальной гувернантки. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, одна молодая дѣвушка, которая должна была снискивать пропитаніе не только себѣ, но и своей больной матери, явилась въ справочное бюро, которое по утрамъ рекомендовало учительницъ и компаньонокъ, а въ послѣобѣденное время прислугу. Молодая дѣвушка, правда, не имѣла диплома, но знала музыку и бѣгло говорила по-французски и по-нѣмецки. Она желала, по совѣту пріятельницы, получить мѣсто къ дѣтямъ, гдѣ бы могла найти примѣненіе своимъ познаніямъ, но, не имѣя, какъ сказано выше, диплома, не могла разсчитывать на большое жалованіе. Какая-то дама, которой она понравилась, предложила ей 30 фунтовъ (300 руб.) въ годъ. Миссъ У. попросила позволенія подумать и ушла домой, но послѣ обѣда снова явилась въ бюро, совершенно упустивъ изъ виду, что въ эти часы контора рекомендуетъ исключительно прислугу. Случайно пришла въ бюро и дама, бывшая утромъ, прося на этотъ разъ рекомендовать ей кухарку, которой она соглашалась платить 60—70 фунтовъ въ годъ. Услышавъ такія условія, миссъ У. рѣшительно выступила впередъ и предложила свои услуги. Нанимательница съ удивленіемъ узнала въ ней ту самую особу, которая хотѣла поступить въ учительницы къ ея дѣтямъ, и потому выразила сомнѣніе, чтобы молодая дѣвушка могла хорошо готовить. Миссъ У. увѣряла, однако, что она ходила на кулинарные курсы и берется приготовить любое блюдо. Дама согласилась взять ее въ видѣ опыта на одинъ мѣсяцъ, и, по прошествіи этого срока, объявила чистосердечно, что никогда еще не ѣдала такъ превосходно приготовленныхъ блюдъ, а потому предлагаетъ миссъ У. 100 фунтовъ (1000 руб.) въ годъ, если она согласится остаться. Барышня-кухарка, не колеблясь ни минуты, рѣшилась посвятить себя за такую сумму дѣятельности кухарки, вмѣсто того, чтобы за 300 р. въ годъ переносить шалости своихъ учениковъ, вдалбливая имъ уроки музыки и иностранныхъ языковъ.

Жизнь человѣческой головы послѣ казни. Поразительнымъ примѣромъ живучести человѣческой головы можетъ служить совершенная 25-го февраля 1803 года, въ Бреславлѣ, казнь убійцы Троера. Бреславльскій врачъ, докторъ Вендтъ, въ свое время подробно изложилъ этотъ случай въ научной брошюрѣ. Получивъ разрѣшеніе произвести научные опыты надъ головой казненнаго, докторъ Вендтъ принялъ голову Троера тотчасъ послѣ казни, прямо изъ рукъ палача. Не теряя времени, онъ приложилъ цинковую пластинку гальваническаго аппарата къ одному изъ перерѣзанныхъ переднихъ шейныхъ мускуловъ. Послѣдовали сильныя сокращенія мускульныхъ волоконъ. Тогда докторъ Вендтъ произвелъ тотъ же опытъ надъ перерѣзаннымъ спиннымъ мозгомъ, и тотчасъ же лицо казненнаго получило выраженіе сильнаго страданія. Докторъ провелъ пальцами передъ его глазами, и они торопливо мигнули, какъ бы предупреждая угрожающую опасность. Вслѣдъ затѣмъ голову повернули къ солнцу, глаза закрылись отъ свѣта. Изслѣдовавъ такимъ образомъ органъ зрѣнія, Вендтъ хотѣлъ испытать и слухъ. Онъ два раза громко закричалъ казненному въ ухо: «Троеръ!»—голова оба раза открывала глаза, поворачивала ихъ въ сторону, откуда слышался зовъ, и даже открывала ротъ, какъ бы желая сказать что-то. Вслѣдъ затѣмъ въ ротъ казненнаго нѣсколько разъ подъ-рядъ вкладывали палецъ, и голова каждый разъ настолько крѣпко сжимала зубы, что причиняла боль производившему опытъ. Лишь черезъ 2 минуты 40 секундъ голова медленно закрыла глаза, чтобы не открывать ихъ болѣе.

Какъ головы обезглавленныхъ людей сохраняютъ, по многократнымъ наблюденіямъ, нѣкоторое время способность къ конвульсивнымъ движеніямъ, такъ и животныя проявляютъ послѣ смерти нѣкоторые признаки жизни. Такъ, напр., голова индѣйскаго пѣтуха дѣлала движенія въ продолженіе $1\frac{1}{2}$ минутъ. Обезглавленное туловище его поднялось на ноги, сдѣлало нѣсколько шаговъ, захлопало крыльями и поднесло ногу къ шеѣ. Точно такъ же и обезглавленныя утки летаютъ еще нѣсколько секундъ и стараются зарыться въ землю обрубкомъ шеи. Извѣстно, что императоръ Коммодъ находилъ жестокое удовольствіе въ томъ, чтобы на полномъ бѣгу срѣзывать головы страусамъ, послѣ чего птица продолжала бѣжать нѣкоторое время безъ головы. Что черепахи могутъ жить безъ головы цѣлыми днями, что обезглавленныя змѣи продолжаютъ ползать, что мухи остаются нѣкоторое время живыми безъ головы—наблюдалось не разъ. Одинъ

естествоиспытатель - французъ обезглавилъ оленьяго жука (рогача) и черезъ три дня положилъ отрѣзанную головку на солнце. Она снова ожила и сильно ущемила своими рогами палецъ ученаго.

Ловкость змѣи. Нѣкій зоологъ - юмористъ писалъ однажды: «Нѣтъ ничего на свѣтѣ, чего бы не могла продѣлать змѣя.—развѣ что проглотить дикобраза». Профессоръ Хёрли выразился почти такимъ же образомъ: «За исключеніемъ летанія, способы передвиженія змѣи не имѣютъ границъ», а знаменитый знатокъ пресмыкающихся, профессоръ Оуэнъ, писалъ: «Змѣя лазаетъ лучше обезьяны и плаваетъ лучше рыбъ; она прыгаетъ, какъ кенгуру, а сокращая мускулы, кидается и ловитъ птицу на лету». И дѣйствительно, необычайно сильная мускулатура и чрезвычайная гибкость какъ спинного хребта, такъ и всего костяка змѣи, обусловливаетъ ея удивительно быстрыя и своеобразныя движенія. «Въ лондонскомъ зоологическомъ саду,—пишетъ одинъ англійскій естествоиспытатель—мы имѣли случай видѣть нѣсколько доказательствъ ловкости и — можно почти сказать — логическаго мышленія змѣи. Намъ пришлось быть свидѣтелями борьбы между сидѣвшими въ одной клѣткѣ исполинской и гремучей змѣями. Послѣ предварительнаго долгаго извиванія въ ту и другую сторону, пиѳонъ обвилъ хвостомъ хвостъ своего противника, а передней частью тѣла обвилъ его шею и, внезапно вытянувшись, разорвалъ его пополамъ. И этотъ маневръ занялъ менѣе времени, чѣмъ понадобилось намъ, чтобы описать его. Не менѣе интересно охотилась на воробьевъ видѣнная нами королевская змѣя. Недвижимо свѣшивалась она съ дерева, не сводя глазъ съ безпечно прыгавшихъ подъ нимъ трехъ воробушекъ. Движеніе быстрое, какъ молнія,—и одна изъ птичекъ уже обвита змѣею, поднята на воздухъ и поглощена объемистымъ змѣинымъ желудкомъ. Нападеніе это было совершено настолько быстро и беззвучно, что два другіе воробья ничего не замѣтили и продолжали спокойно клевать въ пескѣ червячковъ. Но и ихъ не миновала та же участь! Въ томъ же зоологическомъ саду мы видѣли экземпляръ ненасытной elaphis quater radiatus. Не довольствуясь однимъ воробьемъ, причитающимся ей по праву, въ видѣ завтрака, равно какъ и двумъ ея товарищамъ по клѣткѣ, она преспокойно присвоила себѣ всѣхъ трехъ воробьевъ. Перваго она схватила въ пасть, и потомъ, подмявъ подъ себя, давила его до тѣхъ поръ, пока онъ не издохъ. Въ то же время она нашла возможность поймать извивомъ своего тѣла другого воробья и задушить его. Потомъ, обхвативъ перваго хвостомъ и держа такимъ образомъ обоихъ, она продолжала охоту, схватила третьяго, и тогда только принялась за трапезу. Не даромъ говорится о лукавствѣ змія еще въ библіи».

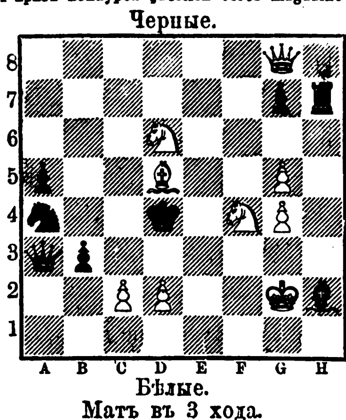
ШАХМАТЫ

подъ редакціей Э. С. Шифферса.

Задача № 48.

М. Эренштейнъ (Будапештъ).

III призъ конкурса „British Chess magazine“.

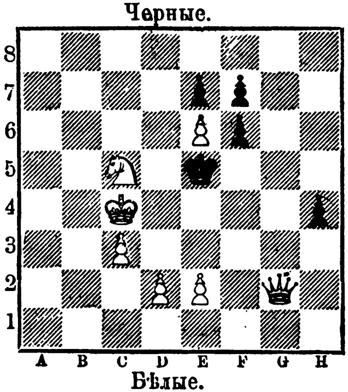

Матъ въ 3 хода.

Задача № 49.

М. Даль (Христіанія).

IV призъ того же конкурса.

Матъ въ 3 хода.

Международный турниръ маэстро въ Кёльнѣ окончился 7/19-го авг. с. г. I призъ (10½ п. изъ 16) взялъ А. Бёрнъ; II, III и IV-й раздѣлили Конъ, Харузекъ и Чигоринъ (10½ п.); V—Стейницъ (9½); VI и VII раздѣлили Шлехтеръ и Шовальтеръ (по 9 п.); VIII—Бергеръ (8 п.); IX—Яновскій (7½). Остальные выиграли: Шифферсъ, Попилъ (7 п.); Готшаль (5½); Альбинъ, Гейнрихсенъ (4 п.); Фрицъ (3½); Шаллопнъ (3 п.). 12-го авг. Э. Шифферсъ сыгралъ 19 одновременныхъ партій, изъ которыхъ выигралъ 12, проигралъ 4 при 3-хъ ничьихъ.

ПАРТІИ ИЗЪ КЁЛЬНСКАГО ТУРНИРА.

Неправильное начало.

	А. Гейнрихсенъ.	И. Шовальтеръ.
	Бѣлые.	Черные.
1.	c2 — c4	e7 — e6
2.	e2 — e4	c7 — c5 [1]
3.	К. g1 — f3	К. b8 — c6
4.	d2 — d4	c5 : d4
5.	К. f3 : d4	К. g8 — f6
6.	К. d4 : c6	b7 : c6
7.	С. f1 — d3	Ф. d8 — c7
8.	0 — 0	h7 — h5
9.	К. b1 — d2!	К. f6 — g4
10.	К. d2 — f3	С. c8 — b7
11.	Ф. d1 — e2	С. f8 — d6 [2]
12.	h2 — h3	0 — 0 — 0
13.	С. c1 — d2	f7 — f6 [3]
14.	b2 — b4!	g7 — g5
15.	c4 — c5!	С. d6 — e7
16.	Л. f1 — c1	К. g4 — h6
17.	К. f3 — d4	g5 — g4
18.	h3 — h4	g4 — g3
19.	f2 — f3	Л. d8 — e8
20.	b4 — b5!	Ф. c7 — e5
21.	b5 : c6	d7 : c6 [4]
22.	С. d2 — e3	f6 — f5
23.	f3 — f4	Ф. e5 — f6
24.	e4 — e5	Ф. f6 : h4
25.	К. d4 — f3 [5]	Ф. h4 — g4
26.	С. d3 — a6	Л. e8 — d8! [6]
27.	Л. a1 — b1	С. b7 : a6 [7]
28.	Ф. e2 : a6+	Кр. c8 — d7
29.	Л. b1 — b7+	Кр. d7 — e8
30.	Ф. a6 : c6+	Кр. e8 — f8
31.	Ф. c6 : e6	Л. d8 — e8
32.	c5 — c6	Ф. g4 — g8 [8]
33.	Ф. e6 : g8+	Л. h8 : g8
34.	К. f3 — g5	a7 — a5
35.	К. g5 : e6+ [9]	Кр. f8 — f7
36.	К. e6 — c5	К. h6 — g4
37.	С. e3 — d2	a5 — a4
38.	К. c5 : a4	Кр. f7 — e6
39.	К. a4 — b6	С. e7 — a3
40.	Л. c1 — c2	Л. e8 — d8
41.	c6 — c7	С. a3 — c5+
42.	Л. c2 : c5	Л. d8 : d2
43.	Л. c5 — c6+	Кр. e6 — e7
44.	c7 — c8 Ф+	Сдался.

Примѣчанія.

[1] Здѣсь можно также d7—d5; если бѣлые возьмутъ пѣшку d5, то пѣшка d2, становится изолированной.

[2] Чтобы препятствовать ходу e4—e5.

[3] Для продолженія атаки на королевскомъ флангѣ, которую бѣлые искусно предупреждаютъ своей атакой на другомъ флангѣ.

[4] На 21... Ф : d4+ очевидно послѣдовало бы 22. С. e3.

[5] Теперь атака черныхъ совершенно отбита и бѣлые мастерски доводятъ свою атаку до конца.

[6] Съ цѣлью дать мѣсто королю на d8.

[7] Если 27... Л. d7, то 28. Л : b7 и 29. Л. b1.

8) На 32... С. a3, бѣлые отвѣтили бы 33. c6—c7, Л : e6; 34. c7—c8, Ф+, Л. e8; 35. Ф : e8+, Кр : e8; 36. Л. c8‡.

[9] Сильнѣе чѣмъ К. h7+.

ДЕБЮТЪ ФЕРЗЕВЫХЪ ПѢШЕКЪ.

	К. Шлехтеръ.	Д. Яновскій.
	Бѣлые.	Черные.
1.	d2 — d4	d7 — d5
2.	c2 — c4	e7 — e6
3.	К. b1 — c3	К. g8 — f6
4.	К. g1 — f3	c7 — c5
5.	c4 : d5 [1]	e6 : d5
6.	С. c1 — g5	С. c8 — e6
7.	d4 : c5	С. f8 : c5
8.	e2 — e3	0 — 0
9.	С. f1 — d3	К. b8 — c6
10.	0 — 0	Ф. d8 — e7 [2]
11.	Ф. d1 — a4 [3]	h7 — h6
12.	С. g5 — h4	Л. f8 — d8
13.	Л. a1 — c1!	С. c5 — b6
14.	К. c3 — e2	С. e6 — d7 [4]
15.	Ф. a4 — f4 [5]	Л. a8 — c8
16.	К. e2 — d4!	Кр. g8 — f8 [6]
17.	К. d4 — f5	Ф. e7 — e6
18.	Ф. f4 — g3	g7 — g5
19.	К. f3 : g5!	h6 : g5
20.	С. h4 : g5	К. f6 — h5 [7]
21.	Ф. g3 — h4	Ф. e6 — g6
22.	С. g5 — h6+	Кр. f8 — g8
23.	Л. c1 : c6	С. d7 : f5
24.	Л. c6 : g6+	С. f5 : g6
25.	С. d3 : g6	f7 — g6
26.	g2 — g4	К. h5 — g7
27.	Ф. h4 — f6	К. g7 — e8
28.	Ф. f6 — g6+	Кр. g8 — h8
29.	С. h6 — f4	С. b6 — c7
30.	Ф. g6 — h6+	Сдался.

Примѣчанія.

[1] Здѣсь обыкновенно играется e2—e3.

[2] Ходъ, проигравшій партію; слѣдовало играть 10... С. e7.

[3] Угрожая 12. Ф. h4.

[4] На 14... g7—g5, бѣлые пожертвовали бы коня за 2 пѣшки съ рѣшительной атакой.

[5] Черные грозили К. d4.

[6] Безполезный ходъ; предпочтительнѣе было 16... С. c7, вынуждая мѣну ферзей на f6.

[7] У черныхъ нѣтъ другого хода.

ВѢНСКАЯ ПАРТІЯ.

	К. Шлехтеръ.	В. Стейницъ.
	Бѣлые.	Черные.
1.	e2 — e4	e7 — e5
2.	К. b1 — c3	К. b8 — c6
3.	С. f1 — c4	К. g8 — f6
4.	d2 — d3	К. c6 — a5
5.	К. g1 — e2!	К. a5 : c4
6.	d3 : c4	d7 — d6 [1]
7.	0 — 0	С. c8 — e6
8.	b2 — b3	c7 — c6 [2]
9.	Ф. d1 — d3	С. f8 — e7
10.	С. c1 — g5!	h7 — h6
11.	С. g5 : f6	С. e7 : f6 [3]
12.	Л. a1 — d1!	С. f6 — e7
13.	c4 — c5!	d6 : c5
14.	Ф. d3 — g3	С. e7 — d6
15.	Ф. g3 : g7	Кр. e8 — e7
16.	К. e2 — f4! [4]	Л. h8 — g8 [5]
17.	К. f4 — g6+	Кр. e7 — d7
18.	Л. d1 — d6+ [6]	Кр. d7 : d6
19.	Л. f1 — d1+	С. e6 — d5
20.	Ф. g7 — e5+	Кр. d6 — d7
21.	К. c3 : d5	c6 : d5
22.	Л. d1 : d5+	Кр. d7 — c6
23.	К. g6 — e7+	Кр. c6 — b6
24.	Л. d5 — d6+	Сдался.

Примѣчанія.

[1] Предпочтительнѣе 6... С. c5.

[2] Это ослабляетъ пунктъ d6.

[3] На 11... gf, послѣдовало бы К. e2—g3—f5.

[4] Самое сильное продолженіе атаки, дающее бѣлымъ выигрышъ во всѣхъ варіантахъ.

[5] Если 16... ef, то 17. e5.

[6] Отсюда до конца—все форсированно.

Партіи изъ вѣнскаго турнира.

ДЕБЮТЪ СЛОНА.

	Г. Каро.	Э. Шифферсъ.
	Бѣлые.	Черные.
1.	e2 — e4	e7 — e5

2. С. f1 — c4	К. b8 — c6
3. d2 — d3	С. f8 — c5
4. К. b1 — c3	К. g8 — f6
5. f2 — f4 [1]	d7 — d6
6. К. g1 — f3	a7 — a6
7. С. c4 — b3?	С. c8 — g4
8. h2 — h3	С. g4 : f3
9. Ф. d1 : f3	К. c6 — d4
10. Ф. f3 — g3	К. d4 : b3
11. a2 : b3	e5 : f4
12. С. c1 : f4	К. f6 — h5
13. Ф. g3 — f3	К. h5 : f4
14. Ф. f3 : f4	0 — 0 [2]
15. 0 — 0 — 0	С. c5 — d4 [3]
16. h3 — h4	c7 — c6
17. g2 — g4	b7 — b5
18. К. c3 — e2	С. d4 — e5
19. Ф. f4 — d2	c6 — c5
20. d3 — d4	c5 : d4
21. К. e2 : d4	Ф. d8 — c7
22. Кр. c1 — b1	Л. f8 — c8
23. К. d4 — f5	a6 — a5
24. К. f5 — e3	a5 — a4
25. К. e3 — d5	Ф. c7 — a7
26. b3 — b4	a4 — a3
27. c2 — c3	a3 : b2
28. Ф. d2 : b2	Л. c8 — c6 [4]
29. Кр. b1 — c2	Л. c6 — a6
30. Кр. c2 — d3	Л. a6 — a2
31. Ф. b2 — c1	Ф. a7 — f2
32. Л. d1 — e1	Л. a8 — a3
33. Л. e1 — e3	Л. a3 — b3
34. h4 — h5	Л. b3 — b1!
35. Л. h1 — f1	Ф. f2 : f1+
36. Ф. c1 : f1	Л. b1 : f1 и

черные выигрываютъ.

Примѣчанія.

[1]) Теперь игра свелась къ отказанному королевскому гамбиту.

[2]) У черныхъ теперь значительное превосходство въ положеніи.

[3]) Необходимо препятствовать ходу d3—d4.

[4]) Бѣлый король загоняется въ матовую сѣть.

ИСПАНСКАЯ ПАРТІЯ.

П. Липке. Бѣлые.	Д. Яновскій. Черные.
1. e2 — e4	e7 — e5
2. К. g1 — f3	К. b8 — c6
3. С. f1 — b5	К. g8 — f6
4. 0 — 0	К. f6 : e4
5. Л. f1 — e1	К. e4 — d6
6. К. f3 : e5	С. f8 — e7
7. С. b5 — d3	0 — 0
8. К. b1 — c3	К. c6 : e5
9. Л. e1 : e5	f7 — f5
10. К. c3 — d5	С. e7 — f6
11. Л. e5 — e1	b7 — b6
12. С. d3 — e2!	c7 — c6? [1])
13. К. d5 : f6+	Ф. d8 : f6
14. d2 — d4	f5 — f4 } [2])
15. С. e2 — d3	К. d6 — f7? }
16. Л. e1 — e4!	g7 — g5
17. h2 — h4!	h7 — h6
18. h4 : g5	h6 : g5
19. Ф. d1 — h5	Л. f8 — d8
20. С. c1 : f4!!	g5 : f4
21. Л. a1 — e1	Ф. f6 — h6 [3])
22. Ф. h5 — g4+	Ф. h6 — g5
23. Ф. g4 — f3	d7 — d5
24. Л. e4 : f4	К. f7 — h6 [4])
25. Л. e1 — e5	Ф. g5 — g7
26. Ф. f3 — h5	С. c8 — f5
27. С. d3 : f5	Л. d8 — f8
28. Л. f4 — g4!	К. h6 : g4
29. С. f5 — e6+	Л. f8 — f7
30. Л. e5 — g5	Кр. g8 — f8
31. Л. g5 : g7	Л. f7 : g7
32. Ф. h5 — h8+	Сдался.

Примѣчанія.

[1]) Невыгодно; лучше было 12 ... С. c8—b7.

[2]) Это ослабляетъ позицію черныхъ; 14 ... К. f7 съ послѣдующимъ d7 — d5 давало чернымъ сносную игру.

[3]) У черныхъ нѣтъ защиты. Грозитъ матъ въ 3 хода. На 21 ... С. b7 послѣдуетъ: 22. Л. e7, Кр. f8; 23. Л : f7+, Ф : f7; 24. Ф. h8+, Ф. g8; 25. Ф. f6+, Ф. f7; 26. Ф. d6+ и Л. e7 и т. д. Если 21. К. g5 (h6), рѣшаетъ 22. Л. e8+; на 21 ... К. d6 и пр. 22. Л : f4, Ф : f4; 23. Ф. h7+ и т. д.

[4]) Или 24 ... Л. f8; 25. Л. e5, Ф. g6; 26. Л. e7.

ДЕБЮТЪ ФЕРЗЕВЫХЪ ПѢШЕКЪ.

Гальпринъ. Бѣлые.	Бёрнъ. Черные.
1. d2 — d4	d7 — d5
2. К. g1 — f3	К. g8 — f6
3. e2 — e3	c7 — c5
4. b2 — b3	С. c8 — g4
5. С. c1 — b2	e7 — e6
6. С. f1 — d3	К. b8 — c6
7. К. b1 — d2	С. f8 — d6
8. 0 — 0	0 — 0
9. c2 — c4	Ф. d8 — e7
10. Л. a1 — c1	Л. a8 — d8
11. c4 : d5	К. c6 — b4 [1])
12. С. d3 — b1	c5 : d4
13. С. b2 : d4	e6 — e5
14. С. d4 — b2	К. b4 : d5
15. h2 — h3	С. g4 — h5
16. g2 — g4 [2])	С. h5 — g6
17. К. d2 — c4	С. d6 — c5
18. Ф. d1 — e2	e5 — e4
19. К. f3 — e5	К. f6 — d7!
20. К. e5 : d7	Л. d8 : d7
21. К. c4 — e5	Л. d7 — c7
22. Кр. g1 — g2	С. c5 — d6
23. Л. c1 : c7	С. d6 : c7
24. К. e5 : g6	f7 : g6
25. Ф. e2 — c4	Ф. e7 — d6
26. Л. f1 — h1	Л. f8 : f2+! [3])
27. Кр. g2 : f2	Ф. d6 — g3+
28. Кр. f2 — f1	Ф. g3 — f3+
29. Кр. f1 — g1	Ф. f3 : e3+
30. Кр. g1 — f1	Ф. e3 — f3+
31. Кр. f1 — g1	Ф. f3 — g3+
32. Кр. g1 — f1	Ф. g3 — f3+
33. Кр. f1 — g1	e4 — e3
34. Л. h1 — h2	Ф. f3 — d1+
35. Кр. g1 — g2	e3 — e2
36. Л. h2 — h1	Ф. d1 : h1+
37. Кр. g2 : h1	e2 — e1 Ф+
38. Кр. h1 — g2	Ф. e1 — g3+
39. Кр. g2 — f1	Ф. g3 — f3+
40. Кр. f1 — g1	С. c7 — b6+
41. С. b2 — d4	Ф. f3 — d1+
42. Кр. g1 — g2	Ф. d1 : d4
43. Ф. c4 : d4	С. b6 : d4
44. С. b1 — e4	К. d5 — c3
45. С. e4 : b7	К. c3 : a2
46. С. b7 — d5+	Кр. g8 — f8
47. Кр. g2 — f3	К. a2 — c3
48. С. d5 — c4	g6 — g5
49. Кр. f3 — g3	Кр. f8 — e7
50. Кр. g3 — f3	h7 — h6
51. С. c4 — g8	Кр. e7 — d6
52. С. g8 — c4	Кр. d6 — c5
53. С. c4 — f7	Кр. c5 — b4
54. С. f7 — g8	a7 — a5
55. С. g8 — f7	С. d4 — c5
Сдался.	

Примѣчанія.

[1]) Пѣшку d5 нельзя было брать. Если 11 ... ed, то 12. dc, С : c5; 13. С : f6, gf; 14. Ф. c2 съ выигрышемъ пѣшки; если 11 ... К : d5, то 12. dc, С : c5; 13. С : h7+ и Ф. c2.

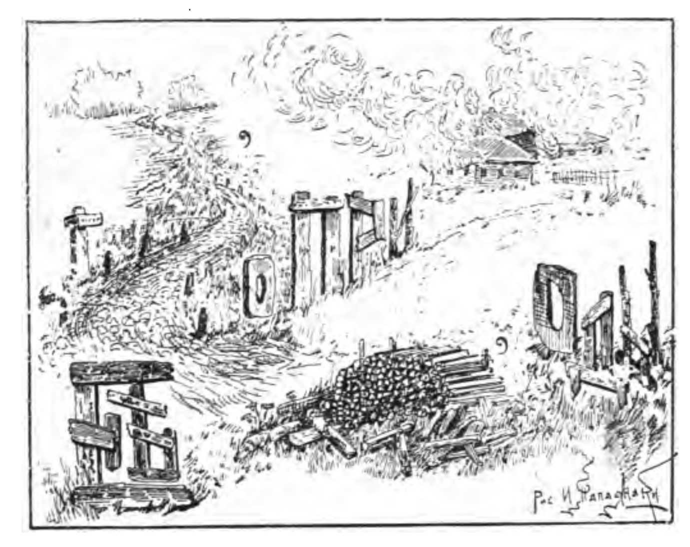
[2]) Грозило e5—e4; слѣдовало играть К. d2—e4.

[3]) Красивая, совершенно правильная жертва.

ЗАДАЧИ И ИГРЫ

под редакціей **Ю. О. Г.**

Ребусъ. Задача № 50.

Задача буквъ № 51.

				1	2	3	4				
			5	6	7	8	9	10			
	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	
21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32
	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	
			43	44	45	46	47	48			
				49	50	51	52				

Найти 11 словъ; буквы найденныхъ словъ размѣстить по квадратамъ на мѣстахъ цифръ. Раздѣливъ затѣмъ данную фигуру на девять частей, сложить изъ нихъ прямоугольникъ, но при томъ такъ, чтобы внутри его изъ пустыхъ квадратовъ образовалась начальная буква фамиліи извѣстнаго русскаго писателя, а въ прямоугольникѣ можно было прочесть названія четырехъ его произведеній.

Значенія искомыхъ словъ:
1) Богъ вина 38, 5, 28, 43, 11.
2) Водяная птица 30, 4, 29, 47, 17, 1.
3) Городъ въ Эпирѣ 6, 48, 13, 22, 33.
4) Извѣстная гора въ Швейцаріи 9, 51, 2, 20.
5) Лѣса въ Сибири 52, 15, 37, 40, 23.
6) Металлъ 50, 3, 16, 35, 42.
7) Вязкое мѣсто 25, 8, 12, 10.
8) Ночная птица 7, 36, 41, 44.
9) Ровное пространство 45, 39, 27, 26, 14, 32.
10) Часть лица (мн. ч.) 19, 49, 24. 21.
11) Хлѣбное растеніе 34, 31, 46, 18.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 41.

297.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 42.

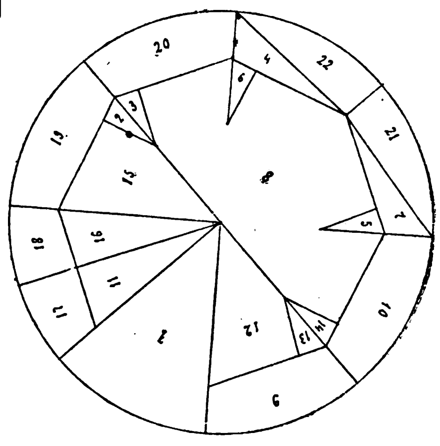
243.

Рѣшеніе ребуса № 43.

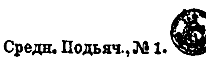
Кто въ лѣсъ, кто по дрова.

Рѣшеніе геометрической задачи № 37

(помѣщ. въ „Литерат. прилож.“ № 6.)

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ Р. И. Сементковскій.

Тип. А. Ф. Маркса, Средн. Подьяч., № 1.
Дозволено цензурою. СПБ. 31 августа 1898 г.

На заимкѣ.

Разсказъ **Д. Н. Мамина-Сибиряка.**

I.

Солнце быстро спускалось надъ лѣсомъ, а іюльскія ночи въ горахъ безъ сумерекъ — какъ солнце сядетъ, такъ и сдѣлается темно, точно какая-то невѣдомая рука задернетъ занавѣску. Съ озера, которое обступили высокой рамой синеватыя горы, потянуло холодной сыростью. Въ лѣтніе дни солнце садится быстро, и я ускорилъ шаги, чтобы засвѣтло добраться до заимки «брата Ипполита». Издали за мной слѣдилъ мой вѣрный песъ Орликъ, не смѣвшій подойти ближе—онъ держался на почтительномъ разстояніи, потому что съѣлъ молоденькаго зайчонка и ожидалъ соотвѣтствующаго наказанія. Песъ былъ, вообще, дрянной и лукавый, но что подѣлаешь, когда нѣтъ лучше. Въ моемъ ягдташѣ болтался одинъ несчастный чирокъ—добыча цѣлаго охотничьяго дня. Впрочемъ, надвигавшаяся темнота скроетъ всѣ недочеты по части охотничьихъ трофеевъ.

На заимкѣ «брата Ипполита» я бывалъ нѣсколько разъ; вотъ только спуститься подъ горку, взять по рѣчкѣ налѣво, и у самаго устья будетъ заимка, но сейчасъ ее точно кто отодвинулъ. Когда торопишься, всегда дорога кажется длиннѣе. Да и тропинка точно другая — какіе-то камни, коренья, ямы, точно кто-нибудь нарочно ихъ подкладывалъ, чтобы затруднить доступъ къ заимкѣ. Мнѣ было не до красоты чуднаго лѣтняго вечера, когда такъ хорошо пахнетъ свѣжей травой и оживляетъ спасительная прохлада. Томила къ тому же страшная жажда, и всѣ мечты сосредоточивались на томъ, чтобы напиться на заимкѣ у «брата Ипполита» чаю. Онъ жилъ бобылемъ, и разсчитывать на молоко или квасъ было нельзя. Нѣтъ бабы—такъ ужъ какое тутъ молоко...

Когда мы подходили къ заимкѣ, было уже совсѣмъ темно, точно какая-то невѣдомая рука погасила послѣдній свѣтъ. Передъ заимкой на мысу, впрочемъ, ярко горѣлъ костеръ, придавая картинѣ какой-то особенно уютный видъ. Огонь нигдѣ не производитъ такого впечатлѣнія, какъ именно въ лѣсу, особенно ночью. Что-то такое уютное, жилое, говорящее о живомъ человѣкѣ и его трудѣ. Я вполнѣ понимаю, почему ветхій человѣкъ поклонялся огню, какъ божеству—если огонь и не божество, то въ немъ всетаки невольно чувствуется стихійная, именно божественная, благодѣтельная сила. Безъ огня человѣкъ оставался бы до сихъ поръ несчастнымъ и жалкимъ дикаремъ. Отнимите въ одно

прекрасное утро у людей огонь, и отъ всей нашей цивилизаціи останутся однѣ развалины.

Мои мысли были вспугнуты, какъ птицы, какимъ-то крикомъ у огня. Ругались два голоса. Потомъ въ освѣщенномъ костромъ кругу запрыгали двѣ человѣческія тѣни, и послышался неистовый крикъ:

— Батюшки... карраулъ!!. Ой, батюшки...

Человѣческій крикъ въ лѣсу, особенно ночью, производитъ впечатлѣніе чего-то особенно страшнаго и беззащитнаго. Я побѣжалъ и почему-то на бѣгу уже замѣтилъ, что сейчасъ за костромъ стоитъ лошадь, понуро опустивъ голову и вяло отмахиваясь короткимъ, точно обгрызаннымъ хвостомъ отъ комаровъ. Навстрѣчу мнѣ выбѣжала кудластая собака Найда и безъ лая привѣтливо завиляла хвостомъ. Мой Орликъ широкими прыжками пролетѣлъ къ дравшимся и залился отчаяннымъ лаемъ.

— А вотъ тебѣ угощенье!!.—слышался чей-то хриплый голосъ. — Будешь меня помнить... А вотъ тебѣ еще на прибавку!..

— Батюшки, убили... Ой, смертынька!!!

Когда я подбѣжалъ къ самому мѣсту дѣйствія, представилась такая картина: на землѣ что-то корчилось и вопило благимъ матомъ, а на это что-то навалился «братъ Ипполитъ» всѣмъ своимъ громаднымъ тѣломъ и неистово билъ кулакомъ.

— Что ты дѣлаешь?!.—крикнулъ я, хватая «брата Ипполита» за плечо.

Онъ удивленно повернулъ ко мнѣ свое бородатое широкое лицо съ какими-то дѣтскими сѣрыми глазами и не вдругъ отвѣтилъ:

— А вотъ за угощеньемъ человѣкъ пришелъ, ну, такъ я его и тово...

— Не хорошо драться, Ипполитъ. Оставь...

— Эхъ, одинъ бы разокъ еще ударить... Можно?

— Нѣтъ, довольно.

Пока «братъ Ипполитъ» размышлялъ, можно или нельзя ударить еще одинъ разокъ, вопившее подъ нимъ что-то воспользовалось этимъ раздумьемъ и какъ-то вывернулось. Оказалось, что это былъ солдатъ, извѣстный подъ кличкой Вилка. Онъ поднялся, встряхнулся, ощупалъ себя, сомнѣваясь въ собственной цѣлости, оправилъ сбившіяся штаны и рубаху и проговорилъ добродушнымъ тономъ, который совсѣмъ ужъ не соотвѣтствовалъ недавнимъ отчаяннымъ воплямъ:

— Ну, и чортушка... ахъ, ты, братецъ ты мой?!. Думалъ и не дыхану больше: чисто, какъ жерновъ навалился. Ну, и идолъ...

Удостовѣрившись, что руки, ноги, ребра и скулы цѣлы, Вилокъ уже совсѣмъ добродушно прибавилъ:

— Вѣдь этакъ-то живого человѣка можно и убить... Вотъ такъ получилъ угощенье. Въ полной формѣ...

«Братъ Ипполитъ» продолжалъ сидѣть на землѣ, почесывалъ въ затылкѣ и смотрѣлъ на солдата улыбавшимися добрыми глазами.

— Живъ?—спросилъ онъ солдата.

— Маленько живъ... Вотъ зачѣмъ подъ ребра бьешь, деревянный идолъ? Тоже, въ самое душевредное мѣсто норовитъ...

— А ты не плутуй...

— И не думалъ! Взбрело тебѣ въ башку незнамо што, вотъ и накинулся на человѣка медвѣдь медвѣдемъ...

— А люди-то што говорятъ? Даве на базарѣ вотъ какъ на смѣхъ меня подняли... Я ѣду на твоей лошади, а мнѣ кричатъ: «Братъ Аполитъ, погляди-ко, у твоей новокупки хвостъ телята отжевали». Я поглядѣлъ—дѣйствительно, хвостъ тово... Потомъ опять кричатъ: «Братъ Аполитъ, гляди — лошадь-то кривая, однимъ глазомъ во-

всѣмъ не видитъ». Подбѣжали это къ лошади, машутъ передъ самымъ глазомъ рукой, а она хоть бы тебѣ моргонула. Опять кричатъ: «Это солдатъ Вилокъ изъ страженья лошадь привелъ отставную. Тебѣ на нее пензію будутъ выдавать». Это какъ по-твоему?

«Братъ Ипполитъ», подогрѣтый этими воспоминаніями, сдѣлалъ попытку опять поймать вороватаго солдата за шиворотъ, но тотъ ожидалъ это движеніе Ипполитова духа и не безъ ловкости увернулся. Потомъ Вилокъ подскочилъ къ лошади, пнулъ ее ногой въ животъ и заговорилъ азартнымъ тономъ завзятаго барышника:

— Это тебѣ не лошадь, Аполитъ? Не лошадь... а? Такъ какія же лошади по-твоему бываютъ... а? Хвостъ? Хвостъ отрастетъ... Что касается глаза, такъ она однимъ-то глазомъ лучше тебя все увидитъ. Экая важность: одинъ глазъ не видитъ. Да другая съ двумя-то глазами копыта ея не стóитъ. Ты бы какъ долженъ меня благодарить за нее, идолъ... Другой бы въ ногахъ валялся.

Въ доказательство необыкновенныхъ достоинствъ лошади, Вилокъ вскочилъ на нее верхомъ, сдѣлалъ кругъ около костра и даже заставилъ стать на дыбы.

— Это не лошадь?!.—кричалъ онъ.— Драконъ, вотъ какъ надо сказать понастоящему.

«Драконъ» опять стоялъ подъ прикрытіемъ ѣдкой струи дыма, отгонявшей комаровъ, подогнувъ натруженныя ноги и развѣсивъ уши по-свинячьи. Лошадь никуда не годилась по всѣмъ статьямъ.

— Ежели бы лошадь была съ изъяномъ, такъ разѣ бы я смѣлъ къ тебѣ на глаза показаться?—не унимался солдатъ, начиная увлекаться собственной ложью.—Да, вѣдь, я бы тебя на версту обошелъ... Такъ? А тутъ иду прямо въ гости. Думаю, Аполитъ вотъ какъ поблагодаритъ... Неблагодарный ты человѣкъ, и больше ничего. Вонъ рубаху на самомъ плечѣ растерзалъ...

Эта нелѣпая сцена, отъ начала до конца, будетъ понятна только тогда, когда читатель узнаетъ, что «братъ Ипполитъ» слылъ за «тронутаго человѣка», у котораго «не всѣ дома». Очевидно, Вилокъ этимъ и пользовался, сбывая свою кривую лошадь. Глядя на здоровенную фигуру «брата Ипполита», какъ-то трудно было повѣрить, что это психически больной человѣкъ, даже и не больной, а такъ, чего-то не доставало. Его всѣ обманывали, пользуясь его простотой. Жилъ онъ на своей заимкѣ на глухомъ берегу озера совершенно одинъ. Заимками въ Сибири называютъ именно такіе участки земли, которые не входятъ въ черту селенья, а стоятъ отдѣльно. Въ частности заимкой называется уже самое строенье. Большинство такихъ заимокъ имѣютъ промысловое значеніе—салотопенныя, мыловаренныя, кожевенныя заимки, въ другихъ случаяхъ заимка является пчельникомъ, рыбачьей стоянкой, фермой наконецъ. Заимка «брата Ипполита» имѣла именно это послѣднее значеніе, когда былъ еще живъ старикъ-отецъ, и когда всѣмъ «руководствовалъ» младшій братъ Иванъ Павлычъ, въ противоположность Ипполиту худой и чахоточный, мрачный, съ тяжелымъ взглядомъ темныхъ, глубоко посаженныхъ глазъ. Послѣ смерти отца Иванъ Павлычъ ушелъ съ заимки, предоставивъ ее брату Ипполиту, а самъ промышлялъ гдѣ-то на сторонѣ какими-то темными дѣлами. Время отъ времени онъ неожиданно появлялся на заимкѣ и такъ же неожиданно исчезалъ. Иванъ Павлычъ какъ-то особенно любилъ своего тронутаго брата и снабжалъ его всѣмъ необходимымъ. Эта семья въ окрестностяхъ пользовалась плохой славой,

особенно покойный старикъ, который, по словамъ сторожиловъ, промышлялъ въ свое время разбоями по сибирскому тракту, а подъ старость устроился на заимкѣ. Младшій сынъ Иванъ Павлычъ пошелъ въ отца, и только Ипполитъ выросъ самъ по себѣ и жилъ самъ по себѣ. Ипполита знали, только какъ брата Ивана Павлыча, и поэтому называли «братъ Ипполитъ», или попросту—Аполитъ.

II.

Чтобы отвлечь вниманіе «брата Ипполита», я съ особенной настойчивостью потребовалъ отъ него самоваръ.

— А я сейчасъ...—точно обрадовался онъ, направляясь къ избѣ.

Заимка состояла изъ одной большой избы, вросшей въ землю. За ней горбились крыши амбаровъ и сарая. Внутренній дворъ былъ темный, наглухо крытый тесомъ, какъ строятся на Уралѣ раскольники. Въ сущности это была настоящая деревянная крѣпость, въ которую попасть можно было только черезъ крѣпкія шатровыя ворота. Старикъ строился крѣпко, на сто лѣтъ. Рядомъ съ избой шелъ огородъ, но грядки были запущены — «братъ Ипполитъ» не любилъ, видимо, заниматься этимъ дѣломъ.

Съ полдороги въ избу «братъ Ипполитъ» вернулся и тревожно спросилъ меня:

— А Найда лаяла на васъ, баринъ?

— Кажется, нѣтъ. Хорошенько не помню...

— Это ихній песикъ лаялъ,—вмѣшался Вилокъ.—Твоя Найда, извѣстно, нѣмая... Значитъ, лишенная лая.

«Братъ Ипполитъ» сердито посмотрѣлъ на солдата, плюнулъ и, повернувшись, зашагалъ къ избѣ.

— Не любитъ... ха-ха!..—заливался Вилокъ. — Это ему хуже всего, т.-е. эта самая Найда.

— Почему хуже?

— А не лаетъ... Онъ ее щенкомъ взялъ, выкормилъ, вотъ какъ ухаживалъ, а она и не лаетъ. Ко всѣмъ ласкается, хвостомъ вертитъ, а своего настоящаго собачьяго дѣла не понимаетъ нисколько. Какой песъ, ежели онъ не лаетъ...

Перемѣнивъ тонъ, Вилокъ проговорилъ жалобнымъ тономъ:

— А, вѣдь, онъ меня, дьяволъ, ловко обломалъ... Крыльцами не могу шевельнуть. Баринъ, нѣтъ ли у васъ водочки... значитъ, натереться...

Когда я налилъ изъ фляжки походный стаканчикъ, солдатъ просмотрѣлъ его къ свѣту, покачалъ головой и, вмѣсто того, чтобы натереться — выпилъ.

— Оно вѣрнѣе будетъ, — рѣшилъ онъ, вытирая шершавые усы прямо рукой. — Значитъ, изъ нутра лучше достигнетъ...

По наружности Вилокъ былъ то, что называютъ мусорнымъ мужичонкой. Онъ былъ весь какой-то нескладный — спина горбилась, лопатки выступали, шея гусиная, вся физіономія имѣла захватанный видъ. Даже военная служба ничего не могла подѣлать. Впрочемъ, Вилокъ за малоспособностью къ строю «отмаячилъ» свою солдатчину въ денщикахъ, причемъ ругательски ругалъ офицеровъ изъ нѣмцевъ. Сейчасъ онъ былъ не у дѣлъ, а шатался съ мѣста на мѣсто — то на заводской фабрикѣ пристроится, то на золотыхъ промыслахъ, то въ городѣ шляется. Онъ не могъ долго усидѣть на одномъ мѣстѣ и въ концѣ концовъ возвращался къ себѣ домой — онъ былъ изъ одного завода съ «братомъ Ипполитомъ».

— Порченый я человѣкъ, вотъ главная причина,—объяснялъ Вилокъ свое поведеніе.—Болони у меня повреждены, когда тащилъ орудію. Пушка-то мѣдная, ну, и надорвался.

— У тебя жена есть, Вилокъ?

— А то какъ же? Обыкновенно... Только она со мной не живетъ. Въ городу куфаркой служитъ. Въ гости къ ней ѣзжу... Такъ она, значитъ, неспособная жена. «Какой, говоритъ, ты мужъ, коли у тебя ни кола—ни двора?» Сколько разовъ я ее принимался бить: ничего не понимаетъ. Вотъ все равно, какъ Найда... Тоже солдатъ солдату рознь. Другой въ солдатахъ-то только и дѣлалъ, что капусту караулилъ на солдатскихъ огородахъ, а я подъ хивинца ходилъ. Какъ же, Хиву эту самую замиряли...

— Да, вѣдь, ты въ денщикахъ былъ и въ сраженіяхъ не участвовалъ?

— Это все одно... Хивинецъ-то во всѣхъ одинаково палилъ, еще въ обозѣ-то похуже случалось. А што мы безъ воды муки приняли въ пескахъ—пить-то одинаково хочетъ и строевой солдатъ, и денщикъ.

«Братъ Ипполитъ» вынесъ самоваръ и принялся его «наставлять» съ какимъ-то особеннымъ вниманіемъ. Горячіе уголья онъ бралъ изъ костра прямо рукой, а потомъ наклонялся надъ самоваромъ и раздувалъ его до того, что лицо наливалось кровью и дѣлалось краснымъ, какъ сафьянъ.

— Ишь, старается, — смѣялся Вилокъ, раскуривая коротенькую трубочку. — А понятія-то и нѣтъ, какъ ставить самоваръ по-настоящему. Аполитъ, ты сверху-то, сколько угодно, дуй, все равно, ничего не выйдетъ... Ты его дунь снизу, несообразный человѣкъ.

«Братъ Ипполитъ» не обращалъ на эти замѣчанія никакого вниманія и продолжалъ свое дѣло съ прежнимъ усердіемъ.

Было уже совсѣмъ темно. Въ лѣсу стояла мертвая тишина, нарушаемая только изрѣдка тѣми ночными звуками, происхожденіе которыхъ трудно объяснить—можетъ-быть, всполохнулась ночная птица, можетъ-быть, треснулъ сухой сучокъ подъ ногой осторожнаго звѣря. Близость озера чувствовалась по теплому влажному воздуху, который тянулъ отъ воды, да по мѣрному плеску сонной озерной волны, сосавшей илистый берегъ и заставлявшей шелестѣть береговую поросль изъ ситниковъ. Казалось, что дышитъ что-то такое большое-большое, какъ чудовище изъ дѣтской сказки, и что отвѣтно шепчутся прибрежные тальники и зеленая осока. Хорошо въ такую темную ночь сидѣть около огня и мечтать. Мысли тянутся въ головѣ какъ-то особенно легко, безъ всякаго принужденія, и чувствуешь, что отдыхаешь. Въ такія минуты мнѣ всегда дѣлается жаль людей, которымъ приходится проводить лѣто въ городѣ, среди городской пыли и духоты. Вѣдь сколько наслажденія вотъ такъ просто посидѣть въ лѣсу ночью у огонька. Какъ-то и люди здѣсь кажутся другими — и проще, и добрѣе, и естественнѣе. Мнѣ, напримѣръ, нравился и молчаливый «братъ Ипполитъ», и безшабашный солдатъ Вилокъ. Вѣдь они такіе же люди, какъ и всѣ.

— Аполитъ, а, вѣдь, Найда у тебя не будетъ лаять, — началъ опять Вилокъ, когда «братъ Ипполитъ» поставилъ около насъ кипѣвшій самоваръ.

— Ну тебя...—сумрачно отвѣтилъ «братъ Ипполитъ».

— Нѣтъ, серьезно...—не унимался Вилокъ. — Давай три цалковыхъ — я живо выучу. Вотъ какъ будетъ заливаться...

— Оставь ты его,—уговаривалъ я солдата. — Видишь, что человѣку непріятно, и пристаешь...

— Развѣ онъ што понимаетъ?

— Все, конечно, понимаетъ...

— А ежели онъ лишенный ума?

Т.-е. какъ есть ничего не понимаетъ. Отецъ-то оставилъ какую имъ заимку: три лошади, двѣ коровы, штукъ десять овецъ, свиньи, куры, гуси — полная чаша. А гдѣ теперь все добро? Было да сплыло... А все Аполитъ разорилъ. Кабы не Иванъ Павлычъ, такъ ходилъ бы по базару съ ручкой, даромъ што изъ себя вонъ какое дерево стоеросовое.

— А пчелы?

— Ну, пчелы—особь статья. Дѣйствительно, Аполитъ ведетъ ихъ отмѣнно. А опять есть своя причина: табаку онъ не куритъ, водки не пьетъ, бабъ терпѣть ненавидитъ—вотъ пчела сама и ведется. Она ужъ чувствуетъ, божья тваринка... Подойдика къ ней человѣкъ, который не въ аккуратѣ—только ее и видѣлъ.

Разговоръ принялъ странную форму. «Братъ Ипполитъ» пилъ чай вмѣстѣ съ нами, а Вилокъ говорилъ о немъ, какъ объ отсутствовавшемъ. Мнѣ дѣлалось даже немного неловко, особенно когда «братъ Ипполитъ» смотрѣлъ на насъ своими добрыми, дѣтскими непонимавшими глазами—съ нами сидѣло только тѣло, а умъ виталъ въ неизвѣстной области. Иногда «братъ Ипполитъ» начиналъ что-то бормотать,—люди, которые живутъ въ одиночествѣ, усвоиваютъ привычку думать вслухъ.

— Ишь бормочетъ, точно тетеревъ,—возмущался Вилокъ.—А поди, разбери его, что онъ бормочетъ... И удивительное это дѣло, отчего у него никакая скотина не ведется. Вѣдь какъ онъ ухаживаетъ за ней... Моетъ, чиститъ, кормитъ изъ рукъ, а скотина не держится. Аполитъ, пѣтухъ-то у тебя живъ?

— Въ избѣ... — сумрачно отвѣтилъ «братъ Ипполитъ».

— Вотъ видите... Ужъ и грѣха только было съ этимъ пѣтухомъ! У Аполита оставалась послѣ отца послѣдняя коровенка, а у насъ на заводѣ вдова живетъ, значитъ, Савишна. Ну, такъ — однимъ словомъ, вдова, непокрытое мѣсто, все одно какъ огородъ безъ изгороди: кто пойдетъ мимо— тотъ и отщипнетъ. При мужѣ-то справно жила, а тутъ все хозяйство нарушила. Остался у Савишны одинъ пѣтушокъ... И что бы, вы думали, придумала она? Взяла этого пѣтушка да къ Аполиту—давай, слышь, мѣняться на корову. Къ чему тебѣ, мужику, корову, а пѣтухъ тебѣ часы будетъ пѣть... Ха-ха! То-то дошла бабешка... Аполитъ-то возьми и промѣняй. Ей Богу, не вру... Вотъ спросите самого. Третій годъ пѣтухъ съ нимъ вмѣстѣ въ избѣ живетъ. И что только онъ съ нимъ дѣлаетъ, Аполитъ — мыломъ его даже мылъ. А пѣтухъ-то возьми да и захворай: съ глазомъ у него что-то попритчилось. Такъ Аполитъ его на заводъ къ дохтору носилъ. Всѣ померли со смѣху, какъ онъ его на рукахъ тащилъ, точно баба съ младенцемъ.

«Братъ Ипполитъ» продолжалъ молчать, точно Вилокъ разсказывалъ о комъ-то постороннемъ.

— Ну, что у тебя пѣтухъ-то?—приставалъ Вилокъ.

— Отстань... — мрачно отвѣчалъ «братъ Ипполитъ», глядя на огонь.

Я съ Вилкомъ остался ночевать у костра. Въ избѣ у «брата Ипполита» былъ разведенъ настоящій клоповникъ. А спать на открытомъ воздухѣ своего рода удовольствіе, хотя съ озера и тянуло сыростью и холодкомъ, заставлявшими кутаться. Подъ утро, когда на небѣ появились предразсвѣтныя отбѣла, Орликъ предупредительно заворчалъ. Вилокъ уже проснулся и шепнулъ:

— Баринъ, глядите, што Аполитъ выдѣлываетъ...

Дѣйствительно, «братъ Ипполитъ» вылѣзалъ изъ окна своей избы, свѣ-

сивъ громадныя босыя ноги. Спустившись, онъ осторожно подкрался къ воротамъ и постучалъ. Въ отвѣтъ послышался радостный визгъ Найды.

— Это онъ пса сердитъ...—шепталъ Вилокъ.—Да не потѣха ли!..

Когда этотъ опытъ не удался, «братъ Ипполитъ» обошелъ заимку огородомъ и скрылся. Гдѣ-то на задворкахъ послышался собачій лай.

— Это онъ самъ лаетъ...—объяснилъ Вилокъ, задыхаясь отъ смѣха.—Ахъ, Аполитъ, Аполитъ!.. Да не Аполитъ ли...

Найда такъ и не залаяла, несмотря даже на камень, которымъ Вилокъ запустилъ въ ворота. «Братъ Ипполитъ» залѣзъ въ избу черезъ окно, а Вилокъ хохоталъ, спрятавъ лицо въ травѣ.

III.

Рано утромъ я съ «братомъ Ипполитомъ» направился на охоту за утками. Вилокъ спалъ у костра мертвымъ сномъ. Провожала насъ одна Найда.

— Ты у меня смотри,—повторилъ ей нѣсколько разъ «братъ Ипполитъ».

Найда виновато вертѣла хвостомъ и жалобно взвизгивала. Остававшійся на берегу Орликъ неистово лаялъ и дѣлалъ попытку броситься за нашей лодкой вплавь. Я не охотникъ до водяного спорта и рѣшаюсь ѣхать въ лодкѣ только въ такихъ крайнихъ случаяхъ, какъ охота. Дѣло въ томъ, что въ разные сроки мнѣ приходилось три раза тонуть, и на этомъ основаніи я питаю органическое недовѣріе къ коварной водной стихіи. Впрочемъ, сейчасъ озеро было совершенно спокойно, еще не поднялся ночной туманъ. Маленькая душегубка, которая едва поднимала насъ обоихъ, летѣла около камышей щукой. Тамъ и сямъ скрывались утки и благополучно исчезали, несмотря на мои выстрѣлы.

— Улетѣли...—добродушно повторялъ «братъ Ипполитъ» послѣ каждаго неудачнаго выстрѣла.—Ишь, тварь, тоже чувствуетъ.

Мнѣ не въ первый разъ приходилось ѣздить съ нимъ на охоту, и «братъ Ипполитъ» зналъ все, что нужно. Водяная птица кормится главнымъ образомъ ночью, а днемъ прячется въ «лавдахъ», какъ называютъ здѣсь пловучіе островки изъ ситника и осоки. Между ними образуются узкіе проходы, въ которыхъ неопытный человѣкъ можетъ заблудиться. Разсказываютъ, что въ такихъ проходахъ погибъ не одинъ охотникъ, понадѣявшійся на русское авось. Впрочемъ, «братъ Ипполитъ» былъ въ лавдахъ, какъ у себя дома, и наша утлая лодчонка смѣло пробиралась въ самой гущѣ высокихъ зеленыхъ зарослей.

Мы часа два плавали по зеленымъ живымъ коридорамъ, гдѣ ситникъ поднимался почти въ сажень. Стоя въ лодкѣ на ногахъ, трудно было разсмотрѣть что-нибудь.

— Смотри, чтобы на озерѣ не поднялась волна,—предупреждалъ я.

— Зачѣмъ ей подниматься? спокойно отвѣчалъ «братъ Ипполитъ», поглядывая на совершенно чистое лѣтнее небо.

Утро было великолѣпное. Опасность могла показаться только изъ-за синѣвшей на западѣ гряды лѣсистыхъ горъ, откуда дождевыя облака точно скатывались на благословенныя равнины Зауралья. Вода въ озерѣ была совершенно прозрачна, такъ что на глубинѣ трехъ саженъ можно было отчетливо разсмотрѣть каждый камешекъ и выстилавшія дно красивыя водоросли. Тамъ и сямъ видно было, какъ рыба ходила прямо руномъ.

— Ты много ловишь рыбы, Ипполитъ?

— Нѣтъ, мало...

— Почему?

Международный турниръ маэстро въ Кёльнѣ окончился 7/19-го авг. с. г. I призъ (10½ п. изъ 16) взялъ А. Бёрнъ; II, III и IV-й раздѣлили Конъ, Харузекъ и Чигоринъ (10½ п.); V—Стейницъ (9½); VI и VII раздѣлили Шлехтеръ и Шовальтеръ (по 9 п.); VIII—Бергеръ (8 п.); IX—Яновскій (7½). Остальные выиграли: Шифферсъ, Попиль (7 п.); Готшаль (5½); Альбинъ, Гейнрихсенъ (4 п.); Фрицъ (3½); Шаллоппъ (3 п.). 12-го авг. Э. Шифферсъ сыгралъ 19 одновременныхъ партій, изъ которыхъ выигралъ 12, проигралъ 4 при 3-хъ ничьихъ.

ПАРТІИ ИЗЪ КЁЛЬНСКАГО ТУРНИРА.

Неправильное начало.

	А. Гейнрихсенъ. Бѣлые.	И. Шовальтеръ. Черные.
1.	c2 — c4	e7 — e6
2.	e2 — e4	c7 — c5 [1]
3.	К. g1 — f3	К. b8 — c6
4.	d2 — d4	c5 : d4
5.	К. f3 : d4	К. g8 — f6
6.	К. d4 : c6	b7 : c6
7.	С. f1 — d3	Ф. d8 — c7
8.	0 — 0	h7 — h5
9.	К. b1 — d2!	К. f6 — g4
10.	К. d2 — f3	С. c8 — b7
11.	Ф. d1 — e2	С. f8 — d6 [2]
12.	h2 — h3	0 — 0 — 0
13.	С. c1 — d2	f7 — f6 [3]
14.	b2 — b4!	g7 — g5
15.	c4 — c5!	С. d6 — e7
16.	Л. f1 — c1	К. g4 — h6
17.	К. f3 — d4	g5 — g4
18.	h3 — h4	g4 — g3
19.	f2 — f3	Л. d8 — e8
20.	b4 — b5!	Ф. c7 — e5
21.	b5 : c6	d7 : c6 [4]
22.	С. d2 — e3	f6 — f5
23.	f3 — f4	Ф. e5 — f6
24.	e4 — e5	Ф. f6 : h4
25.	К. d4 — f3 [5]	Ф. h4 — g4
26.	С. d3 — a6	Л. e8 — d8! [6]
27.	Л. a1 — b1	С. b7 : a6 [7]
28.	Ф. e2 : a6+	Кр. c8 — d7
29.	Л. b1 — b7+	Кр. d7 — e8
30.	Ф. a6 : c6+	Кр. e8 — f8
31.	Ф. c6 : e6	Л. d8 — e8
32.	c5 — c6	Ф. g4 — g8 [8]
33.	Ф. e6 : g8+	Л. h8 : g8
34.	К. f3 — g5	a7 — a5
35.	К. g5 : e6+ [9]	Кр. f8 — f7
36.	К. e6 — c5	К. h6 — g4
37.	С. e3 — d2	a5 — a4
38.	К. c5 : a4	Кр. f7 — e6
39.	К. a4 — b6	С. e7 — a3
40.	Л. c1 — c2	Л. e8 — d8
41.	c6 — c7	С. a3 — c5+
42.	Л. c2 : c5	Л. d8 : d2
43.	Л. c5 — c6+	Кр. e6 — e7
44.	c7 — c8 Ф+	Сдался.

Примѣчанія.

[1]) Здѣсь можно также d7—d5; если бѣлые возьмутъ пѣшку d5, то пѣшка d2, становится изолированной.

[2]) Чтобы препятствовать ходу e4—e5.

[3]) Для продолженія атаки на королевскомъ флангѣ, которую бѣлые искусно предупреждаютъ своей атакой на другомъ флангѣ.

[4]) На 21... Ф : d4+ очевидно послѣдовало бы 22. С. e3.

[5]) Теперь атака черныхъ совершенно отбита и бѣлые мастерски доводятъ свою атаку до конца.

[6]) Съ цѣлью дать мѣсто королю на d8.

[7]) Если 27... Л. d7, то 28. Л : b7 и 29. Л. b1.

8) На 32... С. a3, бѣлые отвѣтили бы 33. c6—c7, Л : e6; 34. c7—c8, Ф+, Л. e8; 35. Ф : e8+, Кр : e8; 36. Л c8≠.

[9]) Сильнѣе чѣмъ К. h7+.

ДЕБЮТЪ ФЕРЗЕВЫХЪ ПѢШЕКЪ.

	К. Шлехтеръ. Бѣлые.	Д. Яновскій. Черные.
1.	d2 — d4	d7 — d5
2.	c2 — c4	e7 — e6
3.	К. b1 — c3	К. g8 — f6
4.	К. g1 — f3	c7 — c5
5.	c4 : d5 [1]	e6 : d5
6.	С. c1 — g5	С. c8 — e6
7.	d4 : c5	С. f8 : c5
8.	e2 — e3	0 — 0
9.	С. f1 — d3	К. b8 — c6
10.	0 — 0	Ф. d8 — e7 [2]
11.	Ф. d1 — a4 [3]	h7 — h6
12.	С. g5 — h4	Л. f8 — d8
13.	Л. a1 — c1!	С. c5 — b6
14.	К. c3 — e2	С. e6 — d7 [4]
15.	Ф. a4 — f4 [5]	Л. a8 — c8
16.	К. e2 — d4!	Кр. g8 — f8 [6]
17.	К. d4 — f5	Ф. e7 — e6
18.	Ф. f4 — g3	g7 — g5
19.	К. f3 : g5!	h6 : g5
20.	С. h4 : g5	К. f6 — h5 [7]
21.	Ф. g3 — h4	Ф. e6 — g6
22.	С. g5 — h6+	Кр. f8 — g8
23.	Л. c1 : c6	С. d7 : f5
24.	Л. c6 : g6+	С. f5 : g6
25.	С. d3 : g6	f7 — g6
26.	g2 — g4	К. h5 — g7
27.	Ф. h4 — f6	К. g7 — e8
28.	Ф. f6 — g6+	Кр. g8 — h8
29.	С. h6 — f4	С. b6 — c7
30.	Ф. g6 — h6+	Сдался.

Примѣчанія.

[1]) Здѣсь обыкновенно играется e2—e3.

[2]) Ходъ, проигравшій партію; слѣдовало играть 10... С. e7.

[3]) Угрожая 12. Ф. h4.

[4]) На 14... g7—g5, бѣлые пожертвовали бы коня за 2 пѣшки съ рѣшительной атакой.

[5]) Черные грозили К. d4.

[6]) Безполезный ходъ; предпочтительнѣе было 16... С. c7, вынуждая мѣну ферзей на f6.

[7]) У черныхъ нѣтъ другого хода.

ВѢНСКАЯ ПАРТІЯ.

	К. Шлехтеръ. Бѣлые.	В. Стейницъ. Черные.
1.	e2 — e4	e7 — e5
2.	К. b1 — c3	К. b8 — c6
3.	С. f1 — c4	К. g8 — f6
4.	d2 — d3	К. c6 — a5
5.	К. g1 — e2!	К. a5 : c4
6.	d3 : c4	d7 — d6 [1]
7.	0 — 0	С. c8 — e6
8.	b2 — b3	c7 — c6 [2]
9.	Ф. d1 — d3	С. f8 — e7
10.	С. c1 — g5!	h7 — h6
11.	С. g5 : f6	С. e7 : f6 [3]
12.	Л. a1 — d1!	С. f6 — e7
13.	c4 — c5!	d6 : c5
14.	Ф. d3 — g3	С. e7 — d6
15.	Ф. g3 : g7	Кр. e8 — e7
16.	К. e2 — f4! [4]	Л. h8 — g8 [5]
17.	К. f4 — g6+	Кр. e7 — d7
18.	Л. d1 — d6+ [6]	Кр. d7 : d6
19.	Л. f1 — d1+	С. e6 — d5
20.	Ф. g7 — e5+	Кр. d6 — d7
21.	К. c3 : d5	c6 : d5
22.	Л. d1 : d5+	Кр. d7 — c6
23.	К. g6 — e7+	Кр. c6 — b6
24.	Л. d5 — d6+	Сдался.

Примѣчанія.

1) Предпочтительнѣе 6... С. c5.

[2]) Это ослабляетъ пунктъ d6.

[3]) На 11... gf, послѣдовало бы К. e2—g3—f5.

[4]) Самое сильное продолженіе атаки, дающее бѣлымъ выигрышъ во всѣхъ варіантахъ.

[5]) Если 16... ef, то 17. e5.

[6]) Отсюда до конца—все форсированно.

Партіи изъ вѣнскаго турнира.

ДЕБЮТЪ СЛОНА.

	Г. Каро. Бѣлые.	Э. Шифферсъ. Черные.
1.	e2 — e4	e7 — e5

2.	С. f1 — c4	К. b8 — c6
3.	d2 — d3	С. f8 — c5
4.	К. b1 — c3	К. g8 — f6
5.	f2 — f4 [1]	d7 — d6
6.	К. g1 — f3	a7 — a6
7.	С. c4 — b3?	С. c8 — g4
8.	h2 — h3	С. g4 : f3
9.	Ф. d1 : f3	К. c6 — d4
10.	Ф. f3 — g3	К. d4 : b3
11.	a2 : b3	e5 : f4
12.	С. c1 : f4	К. f6 — h5
13.	Ф. g3 — f3	К. h5 : f4
14.	Ф. f3 : f4	0 — 0 [2]
15.	0 — 0 — 0	С. c5 — d4 [3]
16.	h3 — h4	c7 — c6
17.	g2 — g4	b7 — b5
18.	К. c3 — e2	С. d4 — e5
19.	Ф. f4 — d2	c6 — c5
20.	d3 — d4	c5 : d4
21.	К. e2 : d4	Ф. d8 — c7
22.	Кр. c1 — b1	Л. f8 — c8
23.	К. d4 — f5	a6 — a5
24.	К. f5 — e3	a5 — a4
25.	К. e3 — d5	Ф. c7 — a7
26.	b3 — b4	a4 — a3
27.	c2 — c3	a3 : b2
28.	Ф. d2 : b2	Л. c8 — c6 [4]
29.	Кр. b1 — c2	Л. c6 — a6
30.	Кр. c2 — d3	Л. a6 — a2
31.	Ф. b2 — c1	Ф. a7 — f2
32.	Л. d1 — e1	Л. a8 — a3
33.	Л. e1 — e3	Л. a3 — b3
34.	h4 — h5	Л. b3 — b1!
35.	Л. h1 — f1	Ф. f2 : f1+
36.	Ф. c1 : f1	Л. b1 : f1 и

черные выигрывают.

Примѣчанія.

1) Теперь игра свелась къ отказанному королевскому гамбиту.

2) У черныхъ теперь значительное превосходство въ положеніи.

3) Необходимо препятствовать ходу d3—d4.

4) Бѣлый король загоняется въ матовую сѣть.

ИСПАНСКАЯ ПАРТІЯ.

	П. Липке. Бѣлые.	Д. Яновскій. Черные.
1.	e2 — e4	e7 — e5
2.	К. g1 — f3	К. b8 — c6
3.	С. f1 — b5	К. g8 — f6
4.	0 - 0	К. f6 : e4
5.	Л. f1 — e1	К. e4 — d6
6.	К. f3 : e5	С. f8 — e7
7.	С. b5 — d3	0 — 0
8.	К. b1 — c3	К. c6 : e5
9.	Л. e1 : e5	f7 — f5
10.	К. c3 — d5	С. e7 — f6
11.	Л. e5 — e1	b7 — b6
12.	С. d3 — e2!	c7 — c6? [1]
13.	К. d5 : f6+	Ф. d8 : f6
14.	d2 — d4	f5 — f4 } [2]
15.	С. e2 — d3	К. d6 — f7? } [2]
16.	Л. e1 — e4!	g7 — g5
17.	h2 — h4!	h7 — h6
18.	h4 : g5	h6 : g5
19.	Ф. d1 — h5	Л. f8 — d8
20.	С. c1 : f4!!	g5 : f4
21.	Л. a1 — e1	Ф. f6 — h6 [3]
22.	Ф. h5 — g4+	Ф. h6 — g5
23.	Ф. g4 — f3	d7 — d5
24.	Л. e4 : f4	К. f7 — h6 [4]
25.	Л. e1 — e5	Ф. g5 — g7
26.	Ф. f3 — h5	С. c8 — f5
27.	С. d3 : f5	Л. d8 — f8
28.	Л. f4 — g4!	К. h6 : g4
29.	С. f5 — e6+	Л. f8 — f7
30.	Л. e5 — g5	Кр. g8 — f8
31.	Л. g5 : g7	Л. f7 : g7
32.	Ф. h5 — h8+	Сдался.

Примѣчанія.

1) Невыгодно; лучше былъ 12... С. c8—b7.

2) Это ослабляетъ позицію черныхъ; 14... К. f7 съ послѣдующимъ d7 — d5 давало чернымъ сносную игру.

3) У черныхъ нѣтъ защиты. Грозитъ матъ въ 3 хода. На 21... С. b7 послѣдуетъ: 22. Л. e7, Кр. f8; 23. Л : f7+, Ф : f7; 24. Ф. h8+, Ф. g8; 25. Ф. f6+, Ф. f7; 26. Ф. d6+ и Л. e7 и т. д. Если 21. К. g5 (h6), рѣшаетъ 22. Л. e8+; на 21...К. d6 и пр. 22. Л : f4, Ф : f4; 23. Ф. h7+ и т. д.

4) Или 24... Л. f8; 25. Л. e5, Ф. g6; 26. Л. e7.

ДЕБЮТЪ ФЕРЗЕВЫХЪ ПѢШЕКЪ.

	Гальпринъ. Бѣлые.	Бёрнъ. Черные.
1.	d2 — d4	d7 — d5
2.	К. g1 — f3	К. g8 — f6
3.	e2 — e3	c7 — c5
4.	b2 — b3	С. c8 — g4
5.	С. c1 — b2	e7 — e6
6.	С. f1 — d3	К. b8 — c6
7.	К. b1 — d2	С. f8 — d6
8.	0 — 0	0 — 0
9.	c2 — c4	Ф. d8 — e7
10.	Л. a1 — c1	Л. a8 — d8
11.	c4 : d5	К. c6 — b4 [1]
12.	С. d3 — b1	c5 : d4
13.	С. b2 : d4	e6 — e5
14.	С. d4 — b2	К. b4 : d5
15.	h2 — h3	С. g4 — h5
16.	g2 — g4 [2]	С. h5 — g6
17.	К. d2 — c4	С. d6 — c5
18.	Ф. d1 — e2	e5 — e4
19.	К. f3 — e5	К. f6 — d7!
20.	К. e5 : d7	Л. d8 : d7
21.	К. c4 — e5	Л. d7 — c7
22.	Кр. g1 — g2	С. c5 — d6
23.	Л. c1 : c7	С. d6 : c7
24.	К. e5 : g6	f7 : g6
25.	Ф. e2 — c4	Ф. e7 — d6
26.	Л. f1 — h1	Л. f8 : f2+! [3]
27.	Кр. g2 : f2	Ф. d6 — g3+
28.	Кр. f2 — f1	Ф. g3 — f3+
29.	Кр. f1 — g1	Ф. f3 : e3+
30.	Кр. g1 — f1	Ф. e3 — f3+
31.	Кр. f1 — g1	Ф. f3 — g3+
32.	Кр. g1 — f1	Ф. g3 — f3+
33.	Кр. f1 — g1	e4 — e3
34.	Л. h1 — h2	Ф. f3 — d1+
35.	Кр. g1 — g2	e3 — e2
36.	Л. h2 — h1	Ф. d1 : h1+
37.	Кр. g2 : h1	e2 — e1 Ф+
38.	Кр. h1 — g2	Ф. e1 — g3+
39.	Кр. g2 — f1	Ф. g3 — f3+
40.	Кр. f1 — g1	С. c7 — b6+
41.	С. b2 — d4	Ф. f3 — d1+
42.	Кр. g1 — g2	Ф. d1 : d4
43.	Ф. c4 : d4	С. b6 : d4
44.	С. b1 — e4	К. d5 — c3
45.	С. e4 : b7	К. c3 : a2
46.	С. b7 — d5+	Кр. g8 — f8
47.	Кр. g2 — f3	К. a2 — c3
48.	С. d5 — c4	g6 — g5
49.	Кр. f3 — g3	Кр. f8 — e7
50.	Кр. g3 — f3	h7 — h6
51.	С. c4 — g8	Кр. e7 — d6
52.	С. g8 — c4	Кр. d6 — c5
53.	С. c4 — f7	Кр. c5 — b4
54.	С. f7 — g8	a7 — a5
55.	С. g8 — f7	С. d4 — c5
	Сдался.	

Примѣчанія.

1) Пѣшку d5 нельзя было брать. Если 11... ed, то 12. dc, С : c5; 13. С : f6, gf; 14. Ф. c2 съ выигрышемъ пѣшки; если 11... К : d5, то 12. dc, С : c5; 13. С : h7+ и Ф. c2.

2) Грозило e5—e4; слѣдовало играть К. d2—e4.

3) Красивая, совершенно правильная жертва.

Страстная любовь къ животнымъ «брата Ипполита» служила самой трогательной иллюстраціей его общей тронутости. Если въ обществѣ другихъ нормальныхъ людей онъ казался чужимъ, то среди своихъ любимыхъ животныхъ являлся своимъ. Вѣдь между психологіей человѣка и животнаго есть своя таинственная связь.

IV.

Меня разбудилъ громкій споръ. Солнце такъ и палило, такъ что больно было смотрѣть. На самомъ припекѣ сидѣли «братъ Ипполитъ» и солдатъ Вилокъ и ругались. Солдатъ былъ навеселѣ и размахивалъ бутылкой водки.

— Нѣтъ, за што ты меня вчера хотѣлъ убить?—повторялъ Вилокъ съ навязчивостью пьянаго человѣка.

— И надо было убить, — спокойно отвѣчалъ «братъ Ипполитъ».—Впередъ не плутуй... Оммануль ты меня кругомъ...

— А у тебя свои-то глаза въ сосѣдяхъ были? Дураковъ учатъ и плакать не велятъ... Не иголку покупалъ. Ежели бы не баринъ, такъ задушилъ бы ты меня, Аполитъ...

— И задушилъ бы,—спокойно соглашался «братъ Ипполитъ».

Солдата больше всего возмущалъ именно этотъ спокойный тонъ, и онъ начиналъ все сильнѣе придираться.

— Нѣтъ, ежели ты правильный человѣкъ, такъ ты долженъ просить у меня прощенья... да... Да еще за безчестье полштофа выставить. «На, солдатъ, выпей»... Вотъ какъ должонъ поступать правильный человѣкъ. Я не могу вонъ крыльцами *) шевельнуть. Ежели бы я на тебя, напримѣрно, навалился и учалъ тебя, напримѣрно, душить—ну, што бы ты мнѣ сказалъ? Обормотъ ты, вотъ што. Вонъ онъ, баринъ-отъ, онъ все видѣлъ. Да... Будь я жиденькій да хворый — тутъ бы мнѣ и конецъ.

— Што ты присталъ-то, какъ осенняя муха?—началъ злиться «братъ Ипполитъ».

— А ты што? Да ты не толкайся... Я, вѣдь, и самъ сдачи дамъ. Простоватъ я на это...

Завязалась бы, вѣроятно, опять самая отчаянная драка. Какъ всѣ тронутые люди, «братъ Ипполитъ» терпѣлъ долго, а потомъ вдругъ приходилъ въ бѣшенство. Онъ уже схватилъ солдата своей могучей рукой за шиворотъ и свалилъ его на траву, когда я вмѣшался.

— Оставьте его, Ипполитъ. Не стоитъ связываться съ пьянымъ человѣкомъ...

Блѣдный отъ бѣшенства «братъ Ипполитъ» смотрѣлъ на меня непонимавшими ничего глазами, продолжая держать отчаянно барахтавшагося солдата.

— Ой, батюшки, убили!—вопилъ солдатъ.—Ой, смертынька...

Мнѣ съ большимъ трудомъ удалось отцѣпить «брата Ипполита» отъ его жертвы. Онъ тяжело дышалъ и дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

— А тебѣ какъ не стыдно приставать?—замѣтилъ я Вилку, вскочившему на ноги.—Самъ виноватъ...

— Я же и виноватъ?!—обозлился Вилокъ уже на меня. — Да я... Ахъ, Боже мой, и што бы я только, кажется, съ нимъ сдѣлалъ, ежели бы вы не помѣшали! Разорвалъ бы на три части... Простоватъ я на этотъ счётъ. Вотъ бы какъ изуважилъ...

— Ну, хорошо, хорошо. Будетъ...

— Слава Богу, вполнѣ можемъ соотвѣтствовать.

«Братъ Ипполитъ» на этотъ разъ долго не могъ успокоиться и все порывался схватить солдата.

— Вотъ вы меня пьянымъ обозва-

*) Крыльца—лопатки.

ли,—приставалъ Вилокъ уже ко мнѣ, пошатываясь на ногахъ. —Да... А я, можетъ, потрезвѣе всѣхъ буду.

— Оно и замѣтно.

— Это у меня въ нутрѣ ошибка, баринъ. Ежели бы васъ отдать въ военную службу да заставить по пескамъ тащить орудію... А што онъ понимаетъ, Аполитъ? Такъ, бормочетъ только себѣ подъ носъ, какъ глухарь, а настоящаго-то понятія и нѣтъ въ емъ...

— Однако, вотъ понялъ, что ты его обманулъ.

— Я? Обманулъ? Да вотъ сейчасъ провалиться... съ мѣста не сойти... А вы: обманулъ. Деньги были нужны, а то бы этакую лошадь ни въ жисть бы не продалъ. Вотъ и вся причина. Угодница, а не лошадь.

— Чего тутъ не понимать-то?—заговорилъ «братъ Ипполитъ», успокоившись...—Даже очень хорошо понимаю... Вотъ у меня былъ иноходецъ, вотъ это лошадь. Какъ пойдетъ чесать — земля бѣжитъ изъ-подъ ногъ. За мной, какъ собака, ходилъ по лѣсу. Бывало, уѣду на заводъ, сниму узду и только скажу: «На заимку!» Онъ ужъ знаетъ... Всѣ только дивятся, какъ я безъ узды на немъ гоню.

— Знаю, видалъ,—согласился солдатъ.—Только было, да сплыло. Гдѣ онъ, твой иноходецъ?

— А подохъ. Мышки его задушили въ жаръ. Я и коновала приводилъ, кровь ему отворяли—такъ и подохъ.

— Вотъ то-то. Куда тебѣ хорошей лошадью владать... Скотина тоже къ рукамъ. Да и не ты его покупалъ, иноходца.

— Батецъ, Иванъ Павлычъ, въ степѣ его купилъ.

— Иванъ-то Павлычъ ужъ купитъ, безъ денегъ купитъ... И опять вотъ ты сказалъ: въ степѣ. Это опять особь статья. Разѣ степную лошадь можно примѣнить къ нашей?

— Такая же.

— Такая да не совсѣмъ. Вотъ и выходитъ, что понятія въ тебѣ нѣтъ, настоящаго понятія. Глядѣть оно, пожалуй, и все одно, а на дѣлѣ-то и разница вотъ какая.

— Ну-ка, скажи, какая разница?

— И скажу! Думаешь: не скажу? Изволь, сколько угодно. У степной лошади бабки высоки — вотъ тебѣ разъ, ребро круглое—два, плечо прямое—три, маслы—хоть шапки вѣшай.

Вилокъ отпилъ водки прямо изъ горлышка, крякнулъ и продолжалъ:

— Случай былъ, когда мы хивинца замиряли. Извѣстно, степь, песокъ. Жарынь такая, што кожа лопалась на лицѣ. Ну, начальникъ отряда у насъ былъ нѣмецъ... какъ его фамилія... Нѣмецкая фамилія: Гниль...Гиль... А чортъ его знаетъ: языкъ переломится выговорить. Солдаты такъ его и называли: «Гниль да въ шубѣ». Ей-Богу, такая фамилія...

— Гиндельштубе?..—попробовалъ я догадаться.

— Вотъ-вотъ, около этого самаго. Вотъ этотъ самый Гниль-да-въ-шубѣ и повелъ насъ на пересѣчку, значитъ, соединиться съ генераломъ Кауфманомъ. Ну, и завелъ насъ нѣмецъ въ такіе пески, што ложись и помирай. Верблюды попадали, а мы на рукахъ должны полевую орудію тащить. Песокъ, бурханы—этакіе пригорки, топи изъ песку, моченьки нашей не стало, а Гниль-да-въ-шубѣ насъ все впередъ погоняетъ. Главное, што вода у насъ вся вышла, а жажда вотъ такъ и томитъ. Кажется, за бутылку воды кожу бы съ себя снялъ. Хорошо. Такимъ манеромъ, значитъ, мы промаялись цѣлыхъ два дни... Которые были русскіе офицерà—тоже начали сумлѣваться. Одинъ солдатикъ, Кирюхинъ, въ пѣсельникахъ онъ былъ, говорилъ, што мы очень влѣво забрали, а надо совершенно, значитъ, наоборотъ Ну,

извѣстно, простой солдатикъ—нѣмецъ-то ему же погрозилъ, зачѣмъ, молъ, народъ сомущаешь. А тутъ ослабѣвшіе явились: идетъ-идетъ солдатикъ и свалится. И его тоже, значитъ, тащи, потому не бросать же въ степѣ. А Гниль-да-въ-шубѣ все насъ ведетъ налѣво и довелъ онъ до того, што всѣмъ у смерти конецъ. Извѣстно, нѣмецъ. И, што же, братецъ ты мой, думаешь—кажется, еще бы версты съ двѣ по пескамъ пройти, всѣ бы сдохли. Ей-Богу... Никакого терпѣнья не стало. Только этотъ-то солдатикъ, Кирюхинъ, какъ крикнетъ: «Братцы, лошадь»... Гдѣ лошадь? Какъ она въ такіе пески забралась одна? Офицеріи въ трубку посмотрѣли — дѣйствительно, лошадь, да еще на трехъ ногахъ. Лѣвую переднюю ножку ей пулей прошибло, ну, значитъ, хивинецъ ее и бросилъ въ степѣ, и она себѣ одна и ковыляетъ. Смотримъ, лошадь-то направо идетъ, какъ и говорилъ Кирюхинъ. Пойдетъ-пойдетъ и остановится передохнуть. А куда ей въ степѣ-то идти—значитъ, къ водѣ маячитъ, потому коли лошадь степная и чуетъ воду. И, дѣйствительно, какъ сказалъ Кирюхинъ, такъ и вышло: вывела насъ лошадка прямо къ колодцу. Тутъ мы и ожили. На твоего иноходца лошадка-то походила: такъ, гнѣдинькая, грива на лѣвую сторону. Весь отрядъ спасла... Вотъ ена какая бываетъ эта самая степная лошадь! Послѣ, солдатики разсказывали, государь очень благодарилъ нашего Гниль-да-въ-шубѣ и орденъ ему далъ: «Я, гритъ, на тебя надѣюсь вполнѣ, Гниль-да-въ-шубѣ». А все и дѣло-то въ лошадкѣ было... Извѣстно, гдѣ государю все знать. Нѣмецъ-то, конешно, промолчалъ о лошади...

Закончивъ разсказъ Вилокъ съ какимъ-то ожесточеніемъ допилъ остававшуюся въ бутылкѣ водку.

«Братъ Ипполитъ» былъ растроганъ этимъ разсказомъ до глубины души и, свѣсивъ голову какъ-то на бокъ, повторялъ съ блаженной улыбкой:

— Лошадь-то, а? Вотъ такъ лошадка... Тоже, скажешь, ничего не понимаетъ?

— Ну, вотъ опять вышелъ глупый человѣкъ! — разсердился Вилокъ. — Какъ же лошадь стала бы жить, ежели бы она не понимала по своей части?

Черезъ два года я былъ на заимкѣ. Изба стояла заколоченная, и вся заимка представляла грустную картину разрушенія. Меня сопровождалъ на охоту Вилокъ, бывшій по обыкновенію навеселѣ.

— Шабашъ!..—проговорилъ онъ, поглядывая на пустовавшую заимку.

— А гдѣ теперь «братъ Ипполитъ»?

— А тотъ, гдѣ день — гдѣ ночь. Какъ, значитъ, Ивана Павлыча убили въ третьемъ годѣ гдѣ-то въ степѣ, ну, и ему со всѣхъ сторонъ, значитъ, вышла крышка. А тутъ еще арендатели стали тѣснить... Ну, и окончательно выжили. Рехнулся Аполитъ-то совсѣмъ... Ходитъ по базару съ своимъ кривымъ пѣтухомъ—можетъ, помните?—показываетъ всѣмъ и говоритъ, што это часы. Слышь, и ночью ходятъ...

Съ этимъ грустнымъ разсказомъ какъ-то совсѣмъ не вязалось ликующее лѣтнее утро. Кругомъ было такъ хорошо. Все зелено, все жило, а съ устья доносился веселый гулъ вѣчно волновавшагося горнаго озера.

У МОРЯ.

I.

Волны спѣшатъ, набѣгая на берегъ рядами;
Волны спѣшатъ, убѣгая отъ берега вдаль;
Волны поютъ о блаженствѣ, рожденномъ мечтами;
Волны поютъ про знакомую сердцу печаль...
 Бѣлые гребни взлетаютъ надъ синей равниной,
 Темная-темная бездна зіяетъ въ ущельѣ валовъ;
 Слышится мнѣ то весенній напѣвъ соловьиный,
 То отдаленный раскатистый хохотъ громовъ...
Думы—одна за другой—говорливой волной набѣгая,
Въ сердце, въ открытое сердце, врываются шумной гурьбой;
Грёзы, пѣвучія грёзы, судьбу вызываютъ на бой—
Свѣтлыя грёзы мои о тебѣ, дорогая...

II.

Шумѣли и пѣнились волны,
Собой обдавая пески,
То мощною радостью полны,
То стономъ безсильной тоски.
 Все въ пѣснѣ загадочно-странной,
 Все въ шумномъ прибоѣ морскомъ
 Звучало тревогой нежданной,
 Зловѣщимъ навѣянной сномъ.
Я слушалъ... Я взоромъ впивался...
И не было жизни мнѣ жаль,—
Я всѣмъ существомъ порывался
Туда, въ безграничную даль...
 А волны... А волны шумѣли...
 Волна подбѣгала къ волнѣ...
 И волны все пѣли, все пѣли
 О чемъ-то невѣдомомъ мнѣ...

III.

Опьянилъ меня пѣснью немолчный прибой,
Опьянилъ меня моря таинственный шумъ.

И не въ силахъ теперь овладѣть я собой;
Не уйти, не уйти мнѣ отъ думъ...
Бездна къ безднѣ идетъ, бездна бездну зоветъ.
Шумъ дневной суеты въ шумѣ волнъ потонулъ:
Злую бурю страстей, хоръ гнетущихъ заботъ
Усыпилъ этотъ царственный гулъ...
И, объятый истомой, смотрю я, смотрю
Въ необъятную даль, гдѣ—ни горя, ни думъ;
И мечта созерцаетъ блаженства зарю.
Опьянилъ меня, море, твой шумъ!..

IV.

И шумъ, и тишина,—та тишина, которой
Такъ жаждетъ сердце въ тѣ мятежныя мгновенья,
Когда нѣтъ силъ сдержать рыданій изступленныхъ,
Когда душа полна тревогой смутной...
О, сколько, сколько разъ я ждалъ ея прихода,
Какъ пламенно взывалъ о ней въ своихъ молитвахъ,
Гдѣ только ни искалъ ея душою!
Но—не было ея... И было все напрасно...
Но вотъ, она сама, нежданная, приходитъ
Подъ гулкій шумъ взволнованной стихіи;
Подобно матери любви, пѣнорожденной,
Изъ бездны волнъ морскихъ ко мнѣ всплываетъ...
Идетъ, она идетъ неслышными шагами;
Она свои раскрыла мнѣ объятья;
Она глядитъ въ глаза, съ улыбкой кроткой;
Она собою душу осѣнила...
Привѣтъ тебѣ, привѣтъ, печальныхъ добрый геній!
Привѣтъ тебѣ, желанная подруга
Безвременно борьбою утомленныхъ!
Привѣтъ тебѣ за тишину, о, море,
Немолчнымъ шумомъ вторящее сердцу,
Не знающему отдыха на свѣтѣ!..

Аполлонъ Коринфскій.

Обреченные на гибель.

Повѣсть В. Я. Свѣтлова.

(Окончаніе.)

XXVIII.

Со смерти Нюты прошло уже около двухъ мѣсяцевъ.

Нѣтъ на свѣтѣ горя, которое бы не теряло своей жгучести, своей остроты, подъ цѣлебнымъ вліяніемъ времени. Это извѣданный и лучшій врачъ людского горя, хотя врачъ медлительный, унылый и печальный.

Отношенія Весеньева къ женѣ, ни въ чемъ не измѣнились. И онъ, и она остались послѣ смерти Нюты такъ же холодны другъ къ другу, какъ были раньше. У нихъ никогда ничего не было общаго, теперь меньше, чѣмъ когда-либо. Оба они ощущали, что страшно чужды другъ другу, и это тяготило обоихъ. Связанные формальной цѣпью брака, они влачили другъ возлѣ друга свои существованія, каждый въ одиночку, нисколько не интересуясь другъ другомъ и ежедневно открывая другъ въ другѣ новые и новые недостатки и пороки.

Теперь Лизавета Демидовна почти совершенно перестала сидѣть дома; она чувствовала себя несчастной, когда приходилось возвращаться домой въ тюрьму, въ сообщество «мрачнаго супруга».

Тѣ вопросы, которые зашевелились въ Весеньевѣ у гроба сестры, не давали ему покоя; они шевелились въ его мозгу, въ его душѣ; одинъ вопросъ приводилъ за собой другой и привелъ наконецъ его самого къ неразрѣшимому вопросу о смыслѣ жизни вообще...

Гнетущее одиночество физическое и душевное, къ которому онъ за послѣднее время успѣлъ привыкнуть, теперь стало невыносимымъ. Вечера укорачивались, сѣверныя ночи становились свѣтлѣе и походили на блѣдные дни.

Въ такія ночи онъ не могъ спать и бродилъ по улицамъ.

Попробовалъ онъ зайти къ Загорскому, но тамъ, по обыкновенію, засталъ цѣлую толпу. Шумъ и гамъ ошеломили его, отвыкшаго отъ людского общества.

Что ему было дѣлать въ этой компаніи, ему, котораго не покидала мысль о цѣли жизни, о ея тайномъ смыслѣ? Кто могъ бы отвѣтить ему на это? Не Кротовъ ли, писавшій теперь романъ подъ заглавіемъ «Жень-Шень», дѣйствіе котораго происходило въ каменистыхъ пустыняхъ Манджуріи. Онъ говорилъ объ этомъ романѣ съ воодушевленіемъ, потому что его романы пріобрѣли за послѣднее время успѣхъ у невзыскательной публики дешевыхъ изданій. И теперь журналъ «Кругомъ Вселенной» заказалъ ему повѣсть изъ манджурской жизни. Почему именно изъ манджурской,—онъ сначала не зналъ, какъ не зналъ и редакторъ онаго журнала. Но отлично долженъ былъ знать издатель, пріобрѣвшій по случаю за дешевую цѣну массу загра-

ничныхъ клише, изображавшихъ пейзажи западнаго Китая. Надо же было утилизировать этотъ художественный матеріалъ, и вотъ издатель къ картинкамъ заказалъ «произведеніе». Онъ такъ и говорилъ:

— Напишите-ка, г. Кротовъ, къ этимъ картинкамъ произведеніе-съ.

И Кротовъ писалъ. Загорскій пригласилъ нарочно для него своего знакомаго учителя географіи, и Кротовъ набирался у него географическихъ свѣдѣній о странѣ и подробностей о чудодѣйственномъ корнѣ Джень-Шень.

Сморчковъ жаловался на несправедливости судьбы: комитетъ не одобрилъ его драму «Уистити»; теперь онъ, не унывая, писалъ новую «вещь» подъ скромнымъ, непритязательнымъ названіемъ «Швейка», въ которой хотѣлъ вывести свою жену въ качествѣ героини.

И Таировъ, и Огарскій, и Людовъ всѣ были заняты своими дѣлами и повидимому нисколько не интересовались такими далекими вопросами, какъ вопросъ о счастіи и о смыслѣ жизни.

И такъ какъ Весеньеву нечего было дѣлать въ этой компаніи, то онъ подъ благовиднымъ предлогомъ ушелъ и отправился бродить по улицамъ.

Онъ и самъ не зналъ, что руководило имъ и какъ очутился онъ въ пустынной улицѣ, около высокаго дома, въ которомъ жилъ Булатовъ.

Да живъ ли еще «старикъ-циникъ»? А если живъ, то въ чемъ почерпаетъ силу влачить свое печальное прозябаніе въ пятомъ этажѣ, на окраинѣ города, въ гнетущей обстановкѣ пустынной каморки?

У Весеньева забилось сердце, когда онъ подошелъ къ дверямъ, не то отъ волненія, не то отъ крутого подъема.

По обыкновенію Булатовъ лежалъ на кровати, покрытый тѣмъ же клѣтчатымъ пальто невиданнаго фасона. Никто изъ немногихъ, еще знавшихъ Булатова не могъ себѣ его иначе представить, какъ лежавшимъ на кровати.

За время, когда Весеньевъ не видѣлъ старика, въ немъ произошли большія перемѣны: борода его была еще больше всклочена и повидимому давно уже утратила всякое представленіе о существованіи на свѣтѣ гребня и ножницъ; онъ походилъ на скелетъ и похудѣлъ еще больше. И Весеньеву показалось, что та же печать чего-то фатальнаго, которую онъ замѣтилъ незадолго до смерти Нюты, лежала теперь и на лицѣ Булатова. Только глубоко ввалившіеся глаза, окруженные болѣзненною синевою, еще искрились свѣтомъ жизни, и трудно было порою выдержать ихъ острый блескъ.

Несмотря на весеннюю пору, въ каминѣ тлѣлись дрова. Въ комнатѣ было и сыро, и холодно.

— Я зналъ, что вы придете...— сказалъ хрипло старикъ:—не разсказывайте—все знаю... Кротовъ забѣгалъ...—Все... ну что-жъ? Всѣмъ одна дорога. Иныхъ заживо погребаютъ. Вонъ...

Онъ указалъ пальцемъ на газету, въ которой было отмѣчено что-то краснымъ карандашомъ...

— Читайте: «мы слышали, что надняхъ въ провинціи скончался въ преклонныхъ лѣтахъ забытый нынѣ писатель Булатовъ...» А? Какъ вамъ нравится это: «мы слышали»? А вы, которые слышали, провѣрили бы... Адресный-то столъ есть... Забытый! Умираю—это правда, но не умеръ... А близокъ... Что? Ну-ну... самъ знаю. Забытый! Что-жъ удивительнаго? Все на свѣтѣ забывается, что-жъ мудренаго, что такую дрянь забыли! Ужъ эти мнѣ репортеришки! Отчего и не забыть? Ужъ если великое забывается, то кольми паче... а впрочемъ ерунда!

Нѣтъ на свѣтѣ ни великаго, ни ничтожнаго, ни смѣшного, ни грустнаго, ни хорошаго, ни дурного...

— Что же есть? — спросилъ Весеньевъ, чувствуя какую-то истому, какое-то успокоеніе.

— Что? Да ничего абсолютнаго, несомнѣннаго нѣтъ... Несомнѣнны только двѣ вещи: рожденіе и смерть... вотъ двѣ абсолютныя точки, и между ними заключается линія жизни... Линія жизни! Прямая, какъ кратчайшее разстояніе между двумя точками—у немногихъ, а у большинства кривая или ломаная. Блаженъ, у кого линія жизни прямая... тотъ быстро, безъ уклоненій и колебаній докатится до предѣльной точки... и будетъ думать, что свершилъ въ предѣлахъ земныхъ все земное... Хотите чаю? Только не совѣтую—холодный. Дашка тоже вѣдь погребла меня заживо. Не заботится о старыхъ живыхъ мощахъ. Жизнью пользуйся живущій, мертвый мирно въ гробѣ спи... Не хотите?—тѣмъ лучше! Да... такъ вотъ, что толку горевать? Линія жизни Нюты была кратчайшая—прямая. И Нюта докатилась. Счастливая! Она была лишена возможности уклоняться въ сторону... Ну-ну, полно!.. Если вѣрите—помолитесь... ей хорошо тамъ... гдѣ-то! Все, что встрѣчается на линіи жизни, относительно... хорошее, т.-е. то, что мы называемъ хорошимъ, хорошо только относительно... стоитъ ли горевать объ утратахъ, если нѣтъ ничего истинно, безусловно хорошаго, а?.. Что такое утѣхи, пріятности, удовольствія, счастіе? То, что недостижимо... А чуть достигъ, переступилъ предѣлъ насущной потребности—наступаетъ пресыщеніе... не такъ ли? Слѣдовательно счастье—фикція... Къ чему за нимъ гоняться? Вѣдь это миражъ. Нужно смѣшать много красокъ, чтобы получился извѣстный желаемый тонъ... нужно многое множество отдѣльныхъ вибрацій, чтобы онѣ слились въ звукъ... нужно множество раздраженій или впечатлѣній, чтобы они слились въ ощущеніе, и надо, чтобы эти впечатлѣнія росли и нарастали, чтобы ощущеніе оставалось непоколебленнымъ... Это логариѳмы... А тутъ-то и является неудовлетворительность, пресыщеніе, разочарованіе... Нѣтъ, лучше лежать на постели и отдаться волнѣ... все равно куда-нибудь вынесетъ и конечно туда-же, куда отправляются всѣ: геніи, бездарности и средніе люди. И всѣ—лопухъ и капуста... Что? Вы не согласны?.. Отчего?

— Но вѣдь если ни къ чему не стремиться, ничего не желать, ни о чемъ не жалѣть, ничего не признавать... въ результатѣ что же получится? Вырожденіе... нирванна...

— Вырожденія нѣтъ!—хрипло крикнулъ старикъ:—кто это выдумалъ это глупое слово? Какъ можетъ быть вырожденіе? Когда существуетъ основной, роковой, сирѣчь неизбѣжный законъ эволюціи, прогресса? Только тупицы толкуютъ о вырожденіи. Земля живетъ и совершенствуется, а съ ней живутъ и люди, ее населяющіе, и дѣла, ими творимыя. Все идетъ впередъ, все развивается. Люди то же, что поколѣнія листьевъ. Иногда замѣчается упадокъ силъ, остановка движеній, пауза въ развитіи, въ совершенствованіи. Но это есть именно остановка, пауза, стояніе на мѣстѣ съ цѣлью отдыха, но никогда не отступленіе, не шествіе назадъ, не регрессъ. Близорукіе тупицы только кричатъ объ упадкѣ, о вырожденіи и не хотятъ понять, что этотъ кажущійся упадокъ — отдыхъ, послѣ котораго все опять съ свѣжими силами и удвоенной энергіей двинется впередъ... Настанетъ время, когда земля охладится, когда ее начнетъ покрывать ледяная кора, когда жизнь сосредоточится у экватора—вотъ когда можно

будетъ сказать, что наступило вырожденіе, регрессъ... Вы говорите нирвана! Я не проповѣдую, что всѣ должны лежать въ постели и ничего не дѣлать... Это и невозможно. Всегда найдутся муравьи, которые будутъ таскать на своихъ спинахъ разные строительные матеріалы для устройства себѣ и своимъ самкамъ гнѣзда; всегда будутъ они хлопотать о комфортѣ этого гнѣзда, устраивать въ немъ электрическое освѣщеніе, почты и телеграфы для сношенія съ другими муравьями, словомъ творить прогрессъ... Ну и пущай ихъ! Я говорю о высшихъ натурахъ, о философахъ... Могій вмѣстить, да вмѣститъ... я предпочитаю лежать и ничего не дѣлать. Зато я не пользуюсь ни электричествомъ, ни телефономъ—это мое дѣло! Зато я терплю голодъ, холодъ и нужду... и это мое дѣло!.. Налейте мнѣ чаю... Въ послѣднюю минуту передъ смертью, кажется, не перестану болтать... Вѣдь умираю — а все болтаю, какъ мельница... Спасибо! Вотъ видите — зато лакаю холодный чай, аки песъ смрадный. И не жалуюсь!.. Да...

Онъ умолкъ и закрылъ глаза. Красноватый отблескъ камина освѣщалъ его страшное, исхудавшее лицо и клалъ на него рядомъ съ отблесками свѣта глубокія, почти черныя пятна тѣни.

Весеньеву показалось, что старикъ умеръ.

Но онъ раскрылъ глаза и, уставившись ими въ догоравшіе угли, какъ будто говоря съ кѣмъ-то невидимымъ, продолжалъ, тяжело дыша:

— Бываютъ мысли, странныя мысли... отзвуки всего дрянного, всего глухого, что дремлетъ въ глубинѣ темныхъ дебрей неразгаданной человѣческой души... Эти мысли безъ формы, безъ линій, безъ очертаній... въ родѣ мгновеннаго кошмара... въ родѣ призрака внѣ пространства и времени... Подлыя мысли!.. Онѣ похожи на несодѣянное преступленіе... Онѣ хуже преступленія...

Весеньевъ задрожалъ. Съ поразительной ясностью вдругъ вспомнилось ему, что съ нимъ было нѣчто подобное, когда къ нему явилась такая подлая, «безсознательная» мысль о смерти сестры.

Стуча зубами отъ нервной лихорадки, онъ медленно, глухо, не узнавая звуковъ своего голоса, спросилъ:

— Какія же?

— Всякія... напримѣръ: пожелать... т.-е. не пожелать... а почувствовать, вотъ какъ я говорилъ, что-то въ родѣ мгновеннаго кошмара, въ которомъ смерть ближняго казалась бы желательной...

Весеньевъ вскрикнулъ отъ ужаса. Что это за вѣщій старикъ? думалъ онъ, постепенно оправляясь. Къ чему онъ заговорилъ объ этомъ? Откуда онъ видитъ мою душу?...

Ему сдѣлалось страшно. Онъ робко оглянулся вокругъ себя. Въ комнатѣ было пусто, мрачно, сыро... Шторы были спущены; каминъ тлѣлъ и бросалъ на полъ отблескъ, похожій на зарево. И на кровати лежалъ не то человѣкъ, не то привидѣніе, которое не то говорило разумныя рѣчи, не то бредило, не то прорицало что-то.

— А что?—спросилъ старикъ, услыхавъ крикъ своего гостя.—Развѣ случалось? Ну, что-жъ! Не бѣда. Все это относительно... Все минется—одна правда остается... А что правда? Вотъ это-то и вопросъ. Что есть истина? давно спрошено, да такъ до сихъ поръ осталось безъ отвѣта... Да, такъ-то... Я усталъ... это ничего. Вы не уходите. Я подремлю, а вы посидите. Мнѣ вѣдь не много нужно... Пять минутъ... десять... самое большое... Вотъ... старъ вѣдь я... А потомъ поговоримъ... Велите Данкѣ самоваръ поставить. Я

потому такъ много говорю, что рѣдко приходится... много энергіи накопляется, и потомъ я каждый разъ думаю, что это ужъ въ послѣдній разъ... Ну, не уходите... Такъ...

Онъ дремалъ, а Весеньевъ взялъ газету и принялся читать, хотя мысли его были далеко отъ печатныхъ строкъ.

XXIX.

Старый писатель вскорѣ проснулся. Онъ собственно не спалъ, но на него находила иногда старческая дремота, короткая и чуткая, но непреодолимая.

— Дайте мнѣ папиросу, — сказалъ онъ и, закуривъ, пустилъ струю дыма, который потянуло прямо въ каминъ.— Я слыхалъ, вы несчастливо женились,—вдругъ произнесъ онъ.

— Да... пожалуй... — отвѣтилъ Весеньевъ.

— Васъ обвиняютъ... говорятъ, жестоко съ женой обращаетесь...

Весеньевъ вскочилъ со стула.

— Я?! Я жестоко съ ней обращаюсь?..—гнѣвно воскликнулъ онъ.— Что за гадость!.. Кто могъ это сказать? Откуда вы слышали?

— Я не вѣрю... ни одной минуты не вѣрилъ... Кротову она жаловалась сама...

Весеньевъ былъ возмущенъ до глубины души. Она осмѣлилась! Она клеветала на него, завѣдомо лгала... для чего? Съ какой цѣлью? Чтобы набросить на него тѣнь, чтобы заставить говорить о немъ дурно? Что же это—ненависть, зависть къ его безупречной репутаціи или просто глупое недомысліе, безтактность женщины? Она на все способна послѣ этого; и теперь онъ самъ уже ничего больше не чувствуетъ къ ней, какъ только презрѣніе.

— Нашла кому жаловаться! — сказалъ онъ:—Кротову!.. Я не могу понять, что это за женщина?..

— Я и не повѣрилъ, — твердилъ Булатовъ. — Я знаю, что женщины злы, а которыя несчастны въ бракѣ— злы вдвое... Зачѣмъ вы женились? У васъ, навѣрно, не было опредѣленныхъ взглядовъ на бракъ...

— Какъ не было? Я понималъ бракъ, какъ совмѣстную жизнь съ любимой женщиной, съ которой бы у меня было все, все общее: горе и радости, довольство и лишенія; которая бы интересовалась моимъ трудомъ, какъ я ея; которая видѣла бы во мнѣ опору жизни, какъ я въ ней неизмѣннаго, твердаго друга, которая любила бы меня, какъ я ее...

— Пустяки! — прервалъ его старикъ. — Теоріи, непримѣнимыя къ практикѣ. Иллюзіи и слова. Больше ничего. А по-моему, бракъ есть—негроторговля.

— Что?

— Негроторговля. Не удивляйтесь. Одинъ изъ сочетавшихся бракомъ— всегда плантаторъ, другой — негръ. Плантаторъ жестоко поступаетъ съ негромъ, и первымъ почти всегда бываетъ женщина... Одинъ всегда покупаетъ другого и третируетъ его...

Весеньевъ хотѣлъ возразить, но старикъ не далъ ему этого сдѣлать.

— О, я знаю! Вы будете спорить... Васъ не проучили еще. Вы не лицемѣръ; но всѣ лицемѣры возстанутъ противъ моей теоріи, потому что они лицемѣры. Но это ясно... Какъ природа не терпитъ пустоты, такъ человѣческія отношенія не допускаютъ абсолютнаго равенства. Равенства нѣтъ на свѣтѣ, нѣтъ между людьми, нѣтъ между мужемъ и женой. Сдѣлайте сегодня всѣхъ безусловно равными — завтра тотъ, кто посильнѣе, нарушитъ это равенство, тотъ, кто поумнѣе, тоже его нарушитъ, какъ и тотъ, кто поталантливѣе и побогаче. Нѣтъ равенства между мужемъ и женой и не можетъ его быть!..

Даже христіанское ученье не надѣляетъ ихъ равными обязанностями, а слѣдовательно не даетъ имъ и равныхъ правъ. «Мужъ да любитъ жену свою... а жена да боится мужа...» Любовь и боязнь! Какія два несовмѣстимыя и неравнозначащія понятія покрываются этими словами! Нѣтъ... вѣрьте мнѣ: бракъ есть всегда рабство для слабѣйшаго и деспотизмъ для сильнѣйшаго...

— Значитъ, нѣтъ счастливыхъ браковъ?..

— Это смотря по тому, что называть счастьемъ... Я же вамъ сказалъ... абсолютнаго счастья нѣтъ; существуетъ одно относительное. Какъ нѣтъ счастливыхъ браковъ? Есть... Если одинъ изъ супруговъ сумѣетъ подчинить свою волю другому — вотъ и счастливый бракъ... одинъ владычествуетъ, другой терпитъ. Владычествующій всегда счастливъ, терпящій дѣлается таковымъ послѣ того, какъ обтерпится... И притомъ бракъ вовсѣ не имѣетъ въ виду интересовъ человѣческаго счастья... бракъ съ физіологической точки зрѣнія, съ его естественной точки зрѣнія интересуется выгодами вида... поэтому все хорошо, что отвѣчаетъ требованіямъ вида... Это давно сознавалось... задолго до насъ. Кодексъ Ману говоритъ, что бездѣтную жену надо черезъ восемь лѣтъ замѣнить другой, а ту, у которой всѣ дѣти умерли—черезъ десять лѣтъ... У которой рождаются только дочери—черезъ одиннадцать; а которая прекословитъ мужу—немедленно...

— Это односторонній взглядъ... неужели вы не признаете сердечныхъ, дружескихъ отношеній между супругами? Помимо всякихъ другихъ.

— Что такое дружескія отношенія, что такое дружба?.. Ассоціація двухъ людей, именуемая дружбой—есть тотъ же бракъ безъ физіологическихъ функцій, то же рабство, тотъ же деспотизмъ, то же своеволіе сильнѣйшаго надъ слабѣйшимъ... Развѣ есть дружба между женщинами, между актерами, между писателями? Есть только лицемѣріе, соревнованіе, зависть, ревность къ успѣхамъ одного, злорадство при видѣ неуспѣховъ другого...

— То, что вы говорите—ужасно! Такъ мрачно смотрѣть на жизнь!.. Какъ могли вы прожить на этомъ свѣтѣ такъ долго съ такими взглядами?.. Вашъ принципъ — безпринципность!..

Весеньевъ вышелъ отъ этого страннаго старика съ отуманенной головой. Въ ней царилъ хаосъ. Подавленный горемъ и неурядицами жизни, онъ не могъ разобраться въ этомъ хаосѣ; не могъ отдѣлить существеннаго отъ мелкаго; важнаго отъ незначительнаго. Смутно казалось ему, что многое въ словахъ умиравшаго старика—истинно, но чувствовалось, что въ нихъ есть многое и недоговоренное, невыясненное, туманное. И въ концѣ концовъ все-таки это была теорія, принципъ, правило, противъ которыхъ онъ такъ жестоко возставалъ.

И вдругъ ему мелькнула мысль: первая великая и единственная заповѣдь: «люби ближняго своего, *какъ самого себя*»—заключаетъ въ себѣ тоже кое-что эгоистическое и основана прежде всего на *себялюбіи*. Если и въ этомъ правилѣ есть отзвуки эгоизма, то... то... гдѣ же его, наконецъ, нѣтъ? И не есть ли онъ, этотъ признанный порокъ—одинъ изъ неизбѣжныхъ, необходимыхъ элементовъ, входящихъ въ составъ человѣческаго духа, и не отдѣлимыхъ отъ него, какъ не можетъ быть выдѣленъ водородъ изъ воды безъ того, чтобы самое понятіе о водѣ не исчезло при разложеніи ея химическимъ путемъ...

Ему стало страшно. Страшно за себя, за жену, съ которою онъ рѣшилъ разстаться, за свои принципы,

за свое дальнѣйшее существованіе. Что будетъ онъ дѣлать на свѣтѣ, когда извѣрится во все, какъ извѣрился Булатовъ? Какъ жить, когда не во что будетъ вѣрить, когда нечему будетъ поклоняться, не на что молиться? Гдѣ и въ чемъ найти прибѣжище смятенному духу въ грустную, тяжелую минуту жизни? Безпощадный анализъ разложитъ передъ нимъ человѣческія страсти, побужденія и дѣянія на составныя части, которыя сами по себѣ могутъ стоить не дорого и останутся навѣки передъ его критическимъ умомъ въ видѣ немногихъ несложныхъ элементовъ, неспособныхъ уже соединиться въ одно гармоническое случайное цѣлое... Что будетъ дѣлать онъ среди этихъ обломковъ? Какое зданіе выстроитъ изъ этихъ элементовъ, какія онъ можетъ выдумать для нихъ новыя химическія комбинаціи, которыя дали бы ему новое, лучшее цѣлое, чѣмъ то, которое онъ разрушилъ?

Уже свѣтало, когда онъ подходилъ къ дому.

XXX.

Утромъ онъ сказалъ женѣ:

— Скажи, пожалуйста, что я тебѣ сдѣлалъ? Положимъ, ты несчастливо вышла замужъ; виноватъ ли я въ твоемъ несчастьи или ты сама, или мы оба—не знаю. Да и не въ томъ дѣло. Любовь наша такъ же скоро прошла, какъ и возникла, и обоихъ насъ обманула. Стоитъ ли говорить о томъ, что мы другъ друга не любимъ? Но уважать другъ друга мы не только можемъ, но даже должны. Ты толковала же объ уваженіи, котораго съ меня требовала по поводу пустяка, когда я ушелъ изъ дому отъ твоихъ гостей...

— Не размазывай, говори, въ чемъ дѣло.

— Но я тебя не задѣвалъ, я на тебя не клеветалъ. Ты находишь возможнымъ клеветать на меня. Ты распускаешь слухи, что я съ тобой обращаюсь жестоко.

— Ахъ, дрянь какая Кротовъ.

— А! Ты сознаешься. Значитъ ты это ему говорила. И говорила конечно съ цѣлью, потому что знала, что Кротовъ—это мелкая уличная газета, которая разнесетъ эту вѣсть по всѣмъ кружкамъ. Спасибо тебѣ, спасибо за это.

Онъ говорилъ это безъ всякаго раздраженія, не такъ, какъ онъ говорилъ бы раньше, до того времени, когда окунулся въ унылую философію Булатова. Все его волновало и безпокоило до этой ночи; теперь онъ чувствовалъ что-то въ родѣ полнаго, совершеннаго равнодушія. Онъ прислушивался къ этому новому для него чувству и соображалъ, что ядъ Булатова, который тотъ влилъ ему въ душу, началъ медленно дѣйствовать.

— Что же по-твоему это была клевета?

— А то что же? Когда я поступалъ съ тобой жестоко?

— А, ты очень милъ, и память у тебя короткая. Если названіе «негодяйка» — любезность—я наклеветала; если стискиваніе рукъ до боли, до синихъ пятенъ—ласка, а не жестокость—я наклеветала... но такъ какъ все это было, значитъ я говорила правду, и эту правду я скажу всѣмъ въ глаза, буду кричать на площадяхъ; мнѣ нечего скрывать этого.

— Но вѣдь это было въ такую минуту...

— Знаю, и я тогда же простила тебѣ; но сознайся самъ, если бы ты меня хотя чуточку любилъ, ты бы не сказалъ этого даже въ такую минуту. Кротовъ объяснялся мнѣ въ любви, и я ему сказала: всѣ вы поете, пока предметъ вашей любви не сдѣлается вашимъ; такъ и Виталій... что онъ мнѣ

пѣлъ и какъ теперь онъ грубо обращается со мной, чуть не бьетъ меня... Кротовъ пришелъ въ ужасъ, а мнѣ все-таки забавно было разыграть роль жертвы... роль истязуемой жены. Но я рада, что мы наконецъ заговорили. Да, Виталій, я не люблю тебя... и... я рада, что и ты меня не любишь, иначе мнѣ было бы все-таки тяжело; теперь — я чувствую себя правой. Я не обвиняю тебя, хотя ты и виноватъ во многомъ...

— Въ чемъ напримѣръ?

— О, во многомъ; твоя любовь походила на припадокъ, на пароксизмъ: ты полюбилъ сразу какъ-то, пылко, по-испански... ты наговорилъ мнѣ столько лестнаго обо мнѣ самой, такъ вознесъ меня, посадилъ на облака... Но припадокъ прошелъ очень ужъ скоро, черезчуръ скоро, и я немедленно замѣтила первые признаки разочарованія. Ты думаешь, легко было мнѣ летѣть съ высоты?.. А вѣдь я повѣрила тебѣ; мы, женщины, вообще легковѣрны, въ особенности, когда насъ хвалятъ; мы охотно вѣримъ вамъ, мужчинамъ... но вы, писатели съ пылкой фантазіей, вы очень опасные люди: вы способны закружить, завертѣть, отуманить, когда начинаете напѣвать женщинѣ ваши фуги... А потомъ вы насъ развѣнчиваете... это озлобляетъ... Лучше ничего не давать, чѣмъ дать и отнять... Повторяю, я повѣрила тебѣ; я слишкомъ мало вдумывалась, слишкомъ мало себя знала, но я знала все-таки свои недостатки и повѣрила, что ты нашелъ кромѣ нихъ во мнѣ и достоинства. И я думала, что, отыскавъ, ты сумѣешь развить и поддержать ихъ во мнѣ; но ты вскорѣ пересталъ интересоваться мной, бросилъ меня; можетъ-быть я сама была виновата въ этомъ, но тебѣ не слѣдовало такъ быстро отступаться. Ты говорилъ такъ горячо о своей любви, и мнѣ показалось, что и я тебя полюбила; но оказалось... какъ бы выразиться... я не умѣю... что полюбила не тебя, или тебя, но только за твою любовь ко мнѣ...

«Эгоизмъ!» подумалъ Весеньевъ, вспоминая слова Булатова, но ничего не сказалъ.

— Ты знаешь, пьеса Сморчкова... «Швея» принята наконецъ на сцену, и я въ ней играю. Вотъ когда мнѣ дали наконецъ роль, весной, когда публика не ходитъ въ театръ. Я доиграю сезонъ, а потомъ уйду со сцены. Выходя за тебя замужъ, я думала все-таки и о томъ, что ты сумѣешь меня выдвинуть, поставить... я не скрываю, я женщина практичная, и это тоже играло роль въ моемъ рѣшеніи выйти за тебя. Но ты занялся собою... ты сразу пошелъ въ гору, потомъ болѣзнь сестры... Ты и самъ не замѣтилъ, какъ твой литературный успѣхъ, твоя слава, твои заботы о сестрѣ отодвинули меня на задній планъ. Изъ гиганта, какимъ я представлялась твоему воображенію въ минуту твоего увлеченія — я сдѣлалась въ твоихъ глазахъ гадкой карлицей... Я здѣсь не ко двору. Рожновъ сила, что ни говори... онъ сошелся съ Маревой, и они вдвоемъ—онъ своими писаньями, она интригами—все равно сживутъ меня со сцены; такъ ужъ я сама уйду. Я поѣду въ провинцію... и если и тамъ не буду имѣть успѣха, перейду въ оперетку — у меня есть голосъ, есть фигура... Къ тому же я хочу освѣжиться, уѣхать отсюда... мнѣ все здѣсь опостылѣло.

— Я тоже хочу уѣхать на югъ. Я усталъ, я измучился...

— Разстанемся же добрыми друзьями. Что-жъ, мы ошиблись... Ты слишкомъ много спросилъ, я не могла тебѣ столько дать... Простимъ другъ другу мелкія обиды, ссоры, дрязги; сознаемъ свои вины и разойдемся. Что касается меня—я сознаю, что

была во многомъ виновата. Не будемъ отравлять другъ другу жизнь.

— Ты говоришь, какъ умная женщина.

Они не стали больше разговаривать и разошлись.

Нѣсколько дней спустя Весеньевъ направился къ Булатову. Ему захотѣлось проститься съ нимъ, поговорить въ послѣдній разъ; въ послѣдній разъ услышать его безнадежныя рѣчи, укрѣпиться въ его странной философіи отрицанія, которая начала завладѣвать имъ, а потомъ уѣхать, забывъ все прошлое, не думая о будущемъ.

Ему отворила дверь Даша.

— Григорій Александровичъ... не спитъ еще?—спросилъ онъ.

— Эка, хватились! Григорій Александровичъ три дня тому назадъ помёръ. На кладбище свезли вчерась...

———

Весеньевъ стоялъ у окна вагона уносившаго его на югъ поѣзда, и машинально слѣдилъ за бѣлыми облачками, плывшими по небу.

Въ душѣ его совершалось что-то странное. Тотъ душевный процессъ, который начался подъ вліяніемъ словъ Булатова, разрастался. Весеньевъ перебиралъ теперь въ своихъ думахъ всѣ эпизоды своей жизни, всѣ свои помыслы, всѣ поступки и разлагалъ ихъ критическимъ анализомъ. Онъ уже ѣхалъ три дня и всѣ три дня не переставалъ переворачивать свою душу. И все получало новое освѣщеніе, и все при этомъ мрачномъ освѣщеніи пріобрѣтало мрачный, удручающій видъ. Съ каждой новой думой, съ каждымъ оборотомъ колеса онъ чувствовалъ, какъ въ немъ что-то обрывается, падаетъ, рушится... Онъ чувствовалъ, какъ иллюзіи уступаютъ мѣсто дѣйствительности; какъ волшебство исчезаетъ, какъ бредни таютъ въ родѣ этихъ облаковъ на небѣ; онъ чувствовалъ, что одна настоящая, неприкрашенная дѣйствительность выступаетъ назойливо и торжественно впередъ, разрушая все, что украшало ее раньше, что придавало ей обманчивый блескъ и красоту. И онъ понялъ, что красота и блескъ—одинъ обманъ. И чѣмъ больше онъ думалъ, тѣмъ больше раскрывалъ обмановъ жизни, обмановъ иллюзіи, обмановъ фантазіи. И ему вспомнилось стихотвореніе:

> Прости! Я бѣгалъ за лучами славы,
> Несчастливо, но пламенно любилъ,
> Все измѣнило мнѣ, вездѣ отравы,
> Лишь лиры звукъ мнѣ неизмѣненъ
> былъ...

Но теперь и лира измѣнила. Весеньевъ чувствовалъ, что никогда больше не въ состояніи будетъ написать ни строчки; что никогда его рука не подымется, чтобы написать фальшивое слово; а написать истинное слово онъ не въ состояніи, потому что не знаетъ, «что есть истина». Его литературная карьера кончилась.

Онъ глубоко вздохнулъ и взглянулъ на небо. Послѣднее розовое облачко растаяло на немъ, и послѣдній лучъ вечерней зари догоралъ.

Наступали сумерки, а за ними ночь, темная, безпросвѣтная южная ночь.

По днѣпровскимъ порогамъ.

Путевые очерки **А. Т. Снарскаго.**

I.

Если вы, читатель, живете въ деревнѣ, если зимою васъ тамъ заносятъ снѣга, а письма и газеты идутъ черезъ волость по двѣ недѣли, и вы отъ нечего дѣлать ложитесь спать часовъ въ 9 вечера,—вы, вѣроятно, скучаете и жалуетесь, что судьба закинула васъ въ такую глушь, что не дано вамъ пожить въ столицѣ. Вы рады, конечно, приходу весны, а съ нею тепла; и все же вы, вѣроятно, не особенно мнѣ сочувствуете. Но, если вы, читатель, живете въ Петербургѣ или другомъ большомъ центрѣ; если вы своей службой привязаны къ грудамъ бумаги, конторкѣ бухгалтера, или же по своей профессіи накрѣпко связаны съ людскими болѣзнями, заботами и горестями (ибо какія же, въ сущности, профессіи служатъ людскимъ радостямъ?) — то вы и сами не разъ ужъ чувствовали, что съ первыми теплыми днями, съ первымъ дыханіемъ весны, является неодолимое желаніе бѣжать изъ города, — бѣжать, какъ можно дальше, погрѣться на солнышкѣ, вздохнуть свободнымъ воздухомъ полей и отдохнуть отъ всѣхъ привычныхъ разговоровъ и идей, которые «какъ пыль» (по Мопассану) постоянно носятся въ воздухѣ, бѣжать и отъ великаго множества всякихъ условностей и всяческой лжи, которая васъ оплетаетъ и давитъ.

Пріятно, слова нѣтъ, послушать оперу; но слушать однѣ и тѣ же рѣчи о пѣвцахъ, однѣ и тѣ же мнѣнія и вздохи, — воля ваша, несносно. Читать за утреннимъ чаемъ газету вошло ужъ въ вашу плоть и кровь, но каждый нумеръ приноситъ вамъ то рѣчь иностраннаго дипломата, который увѣряетъ, что если онъ и отхватилъ кусокъ Китая, то лишь затѣмъ, чтобы «предохранить его отъ распаденія»; то увѣренія янки, что они готовы драться за Кубу для самихъ кубинцевъ; то безконечный кошмаръ дѣла Дрейфуса и Зола. И вѣрите - ли вы своей газетѣ или нѣтъ — все равно, до правды вы не доберетесь; ибо въ каждомъ такомъ вопросѣ всѣ страсти, интересы и вожделѣнія сплелись въ такой огромный клубокъ лжи, что разобраться нѣтъ возможности. И если вы хотите отдохнуть—нужно все это бросить. Есть возможность уѣхать, значитъ—нужно уѣхать. Но, куда? На югъ, конечно. Такъ хочется опередить это скучное и медленное время, которое сегодня подаритъ вамъ теплый день, а завтра навалитъ снова груды снѣга. За границу или въ Россію? Въ Италію, или же въ Крымъ? Но, вѣдь, полуголодная Италія вся въ волненіи, и ѣхать туда— значитъ попасть въ самый разгаръ все тѣхъ же разговоровъ о политикѣ, о рѣчахъ въ парламентѣ, въ которыхъ слишкомъ часто, къ сожалѣнію, нѣтъ ни слова правды. А ѣхать въ Крымъ, въ одинъ изъ курортовъ — вѣдь это значитъ жить въ гостиницѣ, питаться издѣліями подозрительной ресторанной кухни, видѣть рядомъ съ моремъ все ту же городскую обстановку, а съ ней и блѣдныя, часто больныя, лица. Нѣтъ, нужно ѣхать въ деревню, въ Малороссію. Тамъ васъ встрѣтитъ уже яркая, пригожая весна; тамъ вы будете ходить по мягкой немощеной дорогѣ среди степи и нѣжно зеленѣющихъ всходовъ, а навстрѣчу вамъ будетъ вѣять привольный вѣтеръ.

Тамъ живутъ здоровые люди и живутъ какими-то своими интересами—вамъ, горожанину, совершенно незнакомыми. Не все же, въ самомъ дѣлѣ, намъ ѣздить за границу—мимо и подальше отъ родины.

Но Малороссія слишкомъ обширна, а времени свободнаго не много; нужно на чемъ-нибудь остановиться. И вотъ, я останавливаюсь на мысли—поѣхать осмотрѣть Днѣпровскіе пороги, а если можно, то и проѣхать по нимъ. «Если можно», я говорю потому, что по обыкновенію—точныхъ свѣдѣній собрать нельзя. Гдѣ и что можно прочесть о порогахъ? Изъ географіи извѣстно, что пороги начинаются за Екатеринославомъ и тянутся на 70 верстъ; кромѣ того, я еще помнилъ, что при началѣ пороговъ находится село Лоцманская Каменка, гдѣ живутъ лоцмана; они-то и проводятъ суда по порогамъ. Вотъ и все. Затѣмъ, всѣ говорятъ разное: одни—что пороговъ теперь и не увидишь, такъ какъ во время розлива они подъ водою, другіе—что пройти пороги не легко, а третіе—что это очень просто: что одинъ знакомый прошелъ ихъ, якобы, въ лодкѣ и даже самъ при этомъ правилъ. Однимъ словомъ—о Ніагарскомъ водопадѣ можно узнать гораздо больше и точнѣе. Такъ или иначе, а уже въ концѣ марта, самой ранней весною, я двинулся изъ Петербурга. Еще всюду лежалъ снѣгъ; Нева была одѣта толстымъ слоемъ льда; но днемъ ужъ пригрѣвало солнышко; а по бюллетеню ужъ прилетѣли два грача и, вѣроятно, замерзли бѣдняги, такъ какъ опять насталъ морозъ.

Уже на слѣдующее утро, подъ Вильной, погода и пейзажи рѣзко измѣнились; на платформу можно выйти безъ пальто; направо и налѣво отъ дороги раскинулись холмы, одѣтые нарядными сосновыми лѣсками; вдоль полотна на много верстъ тянется рѣчка, то исчезая, то сквозя между деревьями голубыми своими водами. Снѣга нигдѣ уже не было, но земля лежала еще, видимо, холодная, какъ будто всѣ ея частицы были скованы мерзлыми каплями воды, и ни одна травинка еще не въ силахъ была пробиться навстрѣчу солнцу, еще робкому. Но со всѣхъ сторонъ бѣжали бойкіе шумливые ручейки, точно будили сонную землю и хлопотливо призывали ее къ новой жизни, къ новому труду. Еще небо было блѣдновато; одни за другими убѣгали вдаль холмы и рощи, деревни и барскіе дома, задернутые блѣдной голубоватой дымкой ранней весны и ранняго утра. Но хорошо дышалось, и отрадно было вновь видѣть старыхъ, съ дѣтства милыхъ знакомыхъ: то «журавли» надъ колодцами, то пару почтенныхъ аистовъ, важно стоявшихъ бокъ-о-бокъ въ своихъ гнѣздахъ на колесѣ, положенномъ на верхушку сломавшейся сосны. Вечеромъ проходимъ по болоту вдоль береговъ р. Припяти,—по тому «дикому» болоту, какъ называется оно у мѣстныхъ жителей, куда и птица не залетаетъ, по ихъ мнѣнію. Нѣсколько верстъ поѣздъ скользитъ по узкой дамбѣ; а черныя, корявыя деревья справа отъ дороги всѣ отражаются въ водѣ, темно-багровой отъ зарева заката. На утро—Волынь со своими прекрасными лѣсами стройныхъ сосенъ; дальше Кіевская губернія—и первые всходы; а, наконецъ, и Кіевъ—вѣчно юный красавецъ Кіевъ. Къ сожалѣнію, въ этомъ году весна на цѣлый мѣсяцъ здѣсь запоздала; деревья еще совсѣмъ обнажены; а, въ довершеніе неудачи, задулъ холодный, рѣзкій восточный вѣтеръ; по улицамъ понеслась пыль, и впору было хорошенько закутаться въ пальто. Такая же погода и вплоть до Екатеринослава; на верхнюю площадку парохода нельзя и носа показать; а въ каютѣ дамы ведутъ разговоры объ оперѣ, и опять слышишь все тѣ же имена, тѣ же восторги или замѣчанія; однѣ и тѣ же рѣчи пережевываются; остается только—закутаться покрѣпче и постараться заснуть, что впрочемъ безъ труда и удается.

Часовъ въ 5 вечера въ Страстную субботу подходимъ мы къ Екатеринославу.

Пристань—немного повыше моста-гиганта; отъ пристани — электрическій трамвай. Городъ оживленный, съ громадными корпусами фабричныхъ зданій, съ весьма приличными общественными зданіями и частными домами. На главной улицѣ—она же и бульваръ—много народу: кто суетливо бѣжитъ, кто гуляетъ. Но—мимо, мимо. Беру почтовыхъ и ѣду дальше; до Лоцманской Каменки верстъ 8, а напрямикъ по песчаному берегу, который пока не затопленъ, и того меньше. Болѣе нарядная часть города—по той же улицѣ вдоль Днѣпра, но на горѣ. Черезъ нее мы переваливаемъ. Цѣпь холмовъ отходитъ вправо по дугѣ; мы ѣдемъ ближе къ берегу, напрямикъ, и скоро вдали на холмѣ уже виднѣется село и церковь; это и есть Каменка.

Гдѣ мнѣ придется остановиться и какъ-то меня примутъ? Рѣшаю, что подъѣду къ первой же хатѣ, въ которой будетъ свѣтъ, и разспрошу, какъ мнѣ быть. И дѣйствительно, вхожу въ хату, изъ оконъ которой брезжитъ слабый свѣтъ: лампы еще не зажигали, но топилась печь, и красноватый отблескъ пламени, то погасая, то вспыхивая, освѣщалъ одинъ уголъ; въ полутьмѣ можно было разобрать, что всюду въ хатѣ былъ уже порядокъ, какому слѣдуетъ быть передъ праздникомъ; а на столѣ въ переднемъ углу стоялъ рядъ короваевъ и «бабъ». Хозяйка и хозяинъ не безъ удивленія на меня смотрятъ; объясняю, что я человѣкъ подорожный, пріѣхалъ посмотрѣть на пороги; не знаю, гдѣ мнѣ остановиться и прошу посовѣтовать. Безъ всякихъ колебаній (что меня очень ободряетъ) хозяинъ отвѣчаетъ мнѣ, что «вотъ, какъ взъѣдете на гору, какъ разъ напротивъ церкви увидите новую хату подъ черепичной крышей («Нимецьку хату»—поясняетъ онъ мнѣ); живетъ въ ней Яковъ Б.; онъ и лоцманъ первостатейный и человѣкъ хорошій; въ хатѣ есть у него свободная комната—онъ васъ пріиметъ». И тутъ же прибавляетъ: «что это вамъ въ голову пришло подъ такой праздникъ изъ дому выѣзжать?» Объясняю, что человѣкъ я служащій, что нужно брать отпускъ тогда, когда его даютъ,—потому, дескать, такъ и случилось. Благодарю за совѣтъ и ѣду дальше. Въ самомъ дѣлѣ, напротивъ церкви среди хатъ съ обыкновенными соломенными крышами стоитъ одна попаряднѣе, подъ черепичной крышей, на нѣмецкій манеръ. Рьяный лай собакъ меня сопровождаетъ; свѣтъ на той половинѣ хаты, которая въ глубинѣ двора; вхожу въ большую комнату съ печью возлѣ двери и съ дощатымъ поломъ; хата полна народу; видны тѣ же приготовленія къ празднику; а за столомъ, отдѣливши себѣ немного мѣста среди «бабъ» съ верхушками, обмазанными бѣлымъ, сидитъ человѣкъ, лѣтъ 45-ти, довольно полный, съ характернымъ малороссійскимъ лицомъ, и переписываетъ ноты изъ старенькой пожелтѣвшей тетрадки на новый листъ. Это и есть хозяинъ. Онъ встаетъ мнѣ навстрѣчу во весь свой большой ростъ и выслушиваетъ мои объясненія, мою просьбу. «Что жъ, —говоритъ онъ мнѣ со спокойной улыбкой:—пожалуйте, мѣсто есть—помиримся; только та половина не топлена у насъ; да мы сейчасъ натопимъ». Такимъ образомъ, все устраивается отлично: я въ селѣ, среди большой крестьянской семьи, которая меня радушно принимаетъ; сейчасъ же вносятъ мои вещи, ставится самоваръ; однимъ словомъ, я чувствую себя подъ гостепріимнымъ кровомъ: чего же больше? Въ моемъ распоряженіи оказывается цѣлыхъ три комнаты; сзади печи есть еще дверь, въ которую я и вхожу; здѣсь узенькая комната въ одно окно и съ двумя печами; между ними стоитъ широкая кровать; надъ нею на шестѣ, подвѣшенномъ на двухъ веревкахъ, повѣшена разная верхняя одежда; вмѣсто стола—большой высокій сундукъ на ножкахъ, покрытый скатертью. Въ слѣдующей, такой же узкой комнатѣ также съ однимъ окномъ на улицу нѣтъ ничего, кромѣ двухъ такихъ же сундуковъ;

а изъ нея уже ходъ въ большую парадную комнату съ иконами въ переднемъ углу, съ портретами Государя и Государыни, съ картинами, изображающими то страшный судъ, то эпизоды изъ русско-турецкой войны, съ зеркальцемъ на стѣнѣ и нѣсколькими стульями вмѣсто лавокъ. Въ комнаткѣ-спальнѣ было очень тепло; сюда мы и перешли съ хозяиномъ, «чтобы не мѣшать возиться бабамъ»; сюда же намъ подали и самоваръ.

То, что я пріѣхалъ смотрѣть пороги изъ Петербурга, нисколько моего хозяина не удивило: я оказываюсь не первымъ смѣльчакомъ; каждое лѣто пріѣзжаютъ любители изъ разныхъ мѣстъ, въ томъ числѣ и изъ Петербурга; въ прошломъ году пріѣзжала, между прочимъ, компанія дерптскихъ студентовъ.

Первое, что разсказалъ онъ мнѣ, была исторія о томъ, что 18 лѣтъ тому назадъ все общество купило значительный участокъ земли на капиталъ, который накоплялся постепенно за цѣлое столѣтіе изъ платы лоцманамъ по таксѣ за проводъ судовъ черезъ пороги. Когда пришлось дѣлить эту землю, возникъ вопросъ и споръ о томъ, какъ подѣлить её; далеко не всѣ крестьяне—лоцмана; на сходѣ поэтому лоцмана стояли на томъ, что землю нужно подѣлить между ними, такъ какъ они, дескать, капиталъ этотъ накопляли; не лоцмана настаивали, что и они имѣютъ право на эту землю, ибо если они не занимаются лоцманствомъ сами, то ихъ отцы и дѣды, быть-можетъ, были лоцманами, а значитъ также составляли этотъ капиталъ. И ни къ какому заключенію самъ сходъ придти не могъ. Хотѣли пойти на сдѣлку—и взять $^{2}/_{3}$ лоцманамъ, а остальное отдать «хлиборобамъ»; но эту сдѣлку не одобрило начальство, ибо въ законѣ нѣтъ указаній на подобный дѣлежъ, разъ земля покупается на общественныя деньги. Такъ, почти ужъ 20 лѣтъ, земля и остается не подѣленной и отдается цѣликомъ въ аренду. И рѣшительно каждый, съ кѣмъ довелось мнѣ здѣсь познакомиться, начинаетъ рѣчь съ этого дѣла; очевидно, это здѣсь острый, наболѣвшій вопросъ. Я познакомился съ однимъ изъ ходоковъ, котораго общество посылало въ Петербургъ—похлопотать тамъ лично; онъ мнѣ подробно разсказывалъ, какъ внимательно, съ какимъ участіемъ ихъ принялъ одинъ изъ министровъ; какъ былъ онъ съ ними ласковъ, поставилъ на ноги всю свою канцелярію и обѣщалъ все сдѣлать, что отъ него зависитъ; они ужъ думали, что «не успѣютъ еще доѣхать домой, какъ будетъ сдѣлано распоряженіе»; но вотъ ужъ три года прошло, а дѣло ни на шагъ не подвинулось.

Что касается путешествія по порогамъ, то я пріѣхалъ во-время: вода ужъ прибыла четвертей на 5 или на 6. Въ этомъ году навигація, однако, запоздала, такъ какъ и Днѣпръ на мѣсяцъ позже вскрылся; но все же послѣ Пасхи суда должны быть, и тогда можно будетъ и проѣхать, ожидается даже пароходъ, который купленъ вверху для нижняго плёса. Впрочемъ, разгара навигаціи надо ждать недѣли черезъ три, не раньше; тогда пойдутъ плоты и барки «горишни», по мѣстной терминологіи, т.-е. съ горы изъ верхняго теченія.

Первый порогъ — Кайдацкій — въ 3 верстахъ отсюда; но это порогъ малый; «а вотъ увидите Ненасытецъ—тамъ есть, что посмотрѣть, особенно въ большую воду»,—говорилъ мнѣ Яковъ Антоновичъ. На всѣхъ остальныхъ порогахъ, чѣмъ больше вода, тѣмъ они смирнѣе: всѣ камни покрыты водою и, кромѣ быстрины, ничего не видно; а тамъ — чѣмъ больше вода, тѣмъ больше «гроза»; если вода ужъ очень большая—четвертей на 15—то плотовъ совсѣмъ не пускаютъ, потому что однимъ напоромъ воды огромныя бревна, 10—12 вершковъ въ діаметрѣ, ломаетъ въ щепу. Таковы были первыя свѣдѣнія.

Мой хозяинъ оказался еще и регентомъ. Два его сына пѣли въ хорѣ. Зазво-

нили къ заутренѣ, и мы отправились въ церковь, биткомъ набитую народомъ; Яковъ Антоновичъ проводилъ меня на клиросъ, чтобы мнѣ было поудобнѣе, чѣмъ вызвалъ воркотню какого-то сердитаго парня, у котораго я отнялъ невольно его излюбленное мѣсто. Яковъ Антоновичъ потомъ извинялся передо мною, что вышла непріятность; «этотъ парубокъ всегда ужъ такъ»,—объяснялъ онъ мнѣ:—«ругается зря». Небольшой хоръ изъ школьниковъ и нѣсколькихъ взрослыхъ стройно пѣлъ, здоровыми и звучными голосами; чѣмъ дальше, впрочемъ, тѣмъ глаза становились болѣе сонными, а голоса — сиплыми и вялыми. Едва лишь въ 6 час. утра окончилась обѣдня и освященіе всего, что принесли съ собою бабы и уставили кольцомъ вокругъ церкви. Наконецъ, вся семья собралась за общимъ столомъ, и мы чинно разговлялись отличнымъ саломъ, борщомъ съ бараниной, галушками. Всѣ устали отъ безсонной ночи и улеглись спать часовъ до 12; Яковъ Антоновичъ, однако, со своимъ хоромъ отправился въ городъ—славить Христа по начальству; но хоръ его, какъ оказалось, довольно скоро тамъ расползся, ибо взрослые хористы такъ угостились, что пришлось махнуть рукой и вернуться обратно. День стоялъ теплый и солнечный и, поспавъ, я прежде всего отправился гулять—посмотрѣть 1-й порогъ.

II.

Дорога идетъ то селомъ, то берегомъ: приходится то взбираться на холмъ, то спускаться въ глубокую балку, которая разсѣкла берегъ и развѣтвилась чуть не на нѣсколько верстъ. Шумъ порога слышенъ все время, и наконецъ, повернувъ въ переулочекъ села Старые Кайдаки, которое стоитъ надъ порогомъ, вы видите его. Берегъ высокій, крутой, обрывистый; гранитная порода выступаетъ массивными утесами, громадными ступенями спускается къ берегу, широкой полосою идетъ черезъ всю рѣку и выступаетъ изъ воды одинокими мощными камнями. Камни разсыпаны въ безпорядкѣ то здѣсь, то тамъ; часть ихъ уже подъ водою; но вода, едва ихъ прикрывшая, кипитъ и пѣнится надъ ними—обозначаетъ ихъ мѣсто, а тамъ, гдѣ сѣрый угрюмый камень торчитъ изъ воды,—она и стонетъ, и реветъ, и бьетъ въ него съ разбѣга, и обдаетъ его брызгами своей безсильной злобы. Вся ширь рѣки — отъ берега до берега — взбудоражена бѣлыми гребнями пѣны, сильными струями воды, которая мчится между камней. Воздухъ пропитанъ грохотомъ и гуломъ, какое-то смятеніе стоитъ надъ рѣкою между ея гранитныхъ береговъ. Сначала никакъ не представляешь себѣ, гдѣ же, собственно, здѣсь можно пройти судну, или — тѣмъ болѣе — плоту. И лишь потомъ, когда глазъ немного разберется среди этой сумятицы, можно замѣтить, что посрединѣ рѣки есть полоса (она кажется узкою), гдѣ нѣтъ камней, куда вода врывается съ особенной силою, но гдѣ ея струи непрерывны. Это и есть такъ называемый «ходъ». Внизу, между отвѣснымъ берегомъ и каменной искусственной дамбой, пріютилась мельница, которая работаетъ турбинами; вдали, подъ лѣвымъ берегомъ, выступаютъ изъ воды двѣ узкихъ черныхъ ленты во всю длину порога: это стѣнки «канавы», искусственно углубленной и расчищенной; такія канавы съ давнихъ поръ продѣланы въ каждомъ порогѣ; весною ими пользуются лишь лодки, да небольшія суда, которыя не рискуютъ идти «ходомъ»; но осенью, когда воды вообще очень мало, въ канавахъ ея немного больше. Тутъ же на берегу сидитъ компанія хохловъ; одинъ, наиболѣе словоохотливый, начинаетъ разсказывать, какъ расчищаются пороги динамитомъ (въ министерство Кривошеина эта расчистка производилась особенно усердно); осенью пороги имѣютъ совсѣмъ другой видъ: воды совсѣмъ мало, и видно, какъ всѣ камни, «точно стадо», лежатъ на днѣ

отъ берега до берега; къ каждому изъ нихъ легко тогда на лодкѣ подойти и обложить его динамитными шашками; онъ и самъ не разъ былъ на этой работѣ и толково разсказываетъ, что для взрыва непремѣнно нужно хоть къ одной шашкѣ «пидстôнъ пидложить» («пидстôнъ» — это ужъ мѣстная передѣлка слова—пистонъ). Другой собесѣдникъ разсказываетъ, что теперь хотятъ по всѣмъ порогамъ сдѣлать такой каналъ, чтобы всѣ корабли могли ходить прямо отъ моря и до моря, и что на это даны уже деньги—200 милліоновъ рублей; что ужъ нѣсколько лѣтъ все пріѣзжаютъ инженеры, все мѣряютъ, да мѣряютъ; по когда начнется самая работа — неизвѣстно. Эту басню я много разъ здѣсь слышалъ изъ разныхъ устъ; какая-то газета, говорятъ, все это напечатала—и басня эта имѣла здѣсь большой успѣхъ: такъ и говорятъ, что ассигновано 200 милліоновъ и очевидно разсчитываютъ, сколько кому отъ этой суммы перепадетъ.

Когда глазъ совсѣмъ уже освоится, становится замѣтнымъ, что уровень воды здѣсь вовсе не горизонталенъ; довольно явственно виденъ уклонъ; чтобы провѣрить себя, осторожно спускаюсь въ балку, пониже порога, и съ берега смотрю вверхъ по водѣ; дѣйствительно, замѣтный уступъ; мѣстами вода падаетъ небольшими каскадами; мѣстами то же паденіе распредѣляется постепенно. Потомъ я узнаю, что здѣсь паденіе воды 2 аршина, что общее паденіе воды на протяженіи пороговъ (70 верстъ) 14 сажень; изъ нихъ на Ненасытецкомъ вода низвергается на цѣлыхъ 3 сажени; это ужъ прямо водопадъ!

По случаю праздника ни одной лодки на водѣ нѣтъ; на берегу сидитъ лишь старенькій рыбакъ съ удочкой. Говорю ему, между прочимъ: «что это за камень такой странный посреди рѣки — точно горшокъ перевернутый».—«Да развѣ жъ это камень? Это верша на камнѣ» (плетеная изъ лозы рыболовная снасть). —«Да какъ же она туда попала, между камней, въ середину порога?» Смѣется. —«Туда можно на лодкѣ подойти; мы привыкли; нужно только «ôдмитью» подъѣхать» («ôдмить», т. е. намѣченное мѣсто; отмѣчено оно тѣмъ, что за камнемъ, внизъ по теченію, открытымъ книзу угломъ вода остается совершенно спокойною, тогда какъ справа и слѣва она волнуется и мчится съ огромною скоростью). Такое распредѣленіе воды и ея силъ въ порогѣ—подробность чрезвычайно важная. Если вглядѣться внимательно, то можно видѣть, что вся поверхность воды здѣсь идетъ полосами: вода бьетъ въ камень, пѣнится и обтекаетъ его справа и слѣва; за камнемъ—тихое мѣсто; оно и лежитъ точно зеркало, межъ двухъ гребней пѣны. Представьте себѣ другой такой же камень рядомъ; тогда межъ двухъ камней и двухъ полосъ затишья вода стремится точно по трубѣ. И потому ли, что она волнуется, или же самая скорость теченія даетъ такую иллюзію, но кажется даже, будто въ этой трубѣ уровень воды выше, чѣмъ въ сосѣднемъ затишьѣ. Мало того, вы ясно видите, что на границѣ, гдѣ быстрая струя скользитъ мимо тихой, вода идетъ круговоротами: по правому «берегу»— справа налѣво, по часовой стрѣлкѣ; по лѣвому — слѣва направо, наоборотъ. Нѣсколько щепокъ проплыли мимо; казалось бы, разъ онѣ попали въ быстрину, онѣ должны идти и дальше по той же быстрой струѣ; ничуть не бывало; одна, другая и третья щепка продѣлали одно и то же предо мною: плывя впередъ, онѣ все время уклонялись вправо и, немного колеблясь, но все же совершенно точно, описывали круги справа налѣво; и сохраняя эти два движенія, постепенно онѣ уклонялись отъ центральной быстрой струи, пока наконецъ ихъ совсѣмъ не выбросило изъ быстраго потока въ «ôдмить»; еще немного — и ихъ совсѣмъ прибивало къ моему берегу. Нежданно-негаданно приходятъ въ голову уроки физики: вѣдь это законы движенія жид-

кости по трубамъ, законы вихревыхъ движеній; примѣръ тѣмъ болѣе интересный и яркій, что берега здѣсь изъ той же воды, но только медленно текущей. Ясно видно, что и по этой трубкѣ жидкость течетъ съ различною скоростью (по оси — съ наибольшею). Идя потомъ черезъ пороги, я не разъ могъ почувствовать, что тотъ же законъ примѣнимъ не только къ щепкѣ, но и ко всякой системѣ. И лоцманъ нашъ, не имѣя понятія ни о физикѣ, ни о ея законахъ, стремился къ одному лишь: идти, какъ можно строже, по оси струи; ибо какъ только вы сами сбились съ этой ведущей линіи, или, по несчастной случайности, порывомъ вѣтра васъ сбило съ нея, такъ вода съ неодолимой силой стремится вышвырнуть васъ изъ своего потока прочь—на какой-нибудь камень, точь въ точь, какъ мизерную щепку.

Ужъ подъ вечеръ вернулся я домой. И странно: прошелъ я два села, чуть ли не изъ конца въ конецъ—и нигдѣ не слышалъ пѣсни, не видѣлъ танцевъ, не видѣлъ даже сборища молодежи; кое-гдѣ мужики сидятъ большой компаніей—и вяло бесѣдуютъ; поодаль, но совершенно отдѣльно, составили кругъ бабы съ ребятами — и также бесѣдуютъ; кое-гдѣ партія подростковъ играетъ въ обычныя игры; на нашемъ дворѣ поставили качели, на которыхъ цѣлые дни полно веселой дѣтворы; но такихъ сборищъ, гдѣ бы собрались дивчата съ парубками, гдѣ стоялъ бы смѣхъ и шумъ — я нигдѣ не видалъ. Съ удивленіемъ спрашиваю, что это значитъ; отвѣчаютъ, что въ такой большой праздникъ шумныя сборища считаются неприличными; да и полиція, яко бы, смотритъ косо на нихъ. Я думаю, что это поклепъ на полицію: ни на 2-й, ни на 3-й день праздника я все же не видѣлъ ни одной веселой компаніи; а пьяныя компаніи видѣлъ.

Три дня я прожилъ среди моихъ новыхъ знакомцевъ; не дѣлалъ ровно ничего, ходилъ гулять по степи, познакомился съ учителемъ, съ разными визитерами моихъ хозяевъ, ложился спать въ 9½ час. вечера, вставалъ въ 6—7 час. утра, никакъ не потому, конечно, что нужно было куда-то торопиться, а просто потому, что силъ больше не было спать. И Петербургъ съ его сутолокой рисовался мнѣ какимъ-то далекимъ туманнымъ пятномъ.

Хорошая семья у Якова Антоновича: стройная, дружная! Его самого, какъ будто, немного побаиваются, хотя онъ и голоса никогда не возвышаетъ; но сразу чувствуется присутствіе «лоцмана» съ твердой и опытной рукою. Жена его, еще не старая, но хворая женщина, все печалится, что не можетъ работать такъ много, какъ бы ей хотѣлось. Она также окружена полнѣйшимъ уваженіемъ. Два взрослыхъ сына, совсѣмъ еще молодые, но уже оба женатые, чрезвычайно симпатичные юноши; оба прошли курсъ мѣстной двуклассной школы; оба хорошо грамотны, а главное — ужъ получили вкусъ къ книгѣ и знаютъ въ ней толкъ; они ужъ знаютъ Гоголя, увлекаются «Тарасомъ Бульбой», читали Костомарова, цитируютъ иной разъ тѣ же стихотворенія Пушкина, которыя и мы съ вами, читатель, учили въ школѣ наизусть; а одинъ изъ нихъ прямо говоритъ: «ахъ, если бъ меня не научили читать, — я кажется самъ научился бы!» Они ужъ не пойдутъ къ знахаркѣ, они цѣнятъ знаніе всякаго рода, сами охотно готовы поучиться и, вообще, являются представителями той, едва зарождающейся, интеллигенціи села, которая восиріимчива ко всему разумному! И притомъ, они скромные, работящіе малые; они охотно несутъ свою крестьянскую полевую работу, а кромѣ того состоятъ «помощниками лоцмана». Третій сынъ еще школьникъ. Есть еще двое дивчатъ, изъ которыхъ одна—постарше, застѣнчивая и молчаливая. Обѣ онѣ прошли школу точно такъ же, какъ и невѣстки. И ни разу въ этой большой семьѣ не слышалъ я ни ссоры, ни брани, не

видѣлъ даже надутаго лица; ясно чувствуется, что здѣсь есть настоящее согласіе. У обѣихъ невѣстокъ—дѣти; дѣти смотрятъ прямо, довѣрчиво, никѣмъ они не запуганы, никому не приходитъ въ голову ихъ бить. У старшей невѣстки—3-хъ-лѣтній мальчуганъ, крикунъ и забіяка, постоянно съ палками въ рукахъ; и когда онъ ужъ очень надоѣстъ своимъ крикомъ или уронитъ и разобьетъ что-нибудь, мать на него прикрикнетъ: «ото, якій же ты вредный хлопецъ, Иванъ!» У младшей невѣстки—веселой и милой женщины съ привѣтливой улыбкой—маленькая дочка, Галя, съ такой же веселой, довѣрчивой рожицей; и когда эта Галя, ползая изъ угла въ уголъ, учиняла какую-нибудь «шкоду»,—мать говорила ей: «не можна, доню,—бо битиму» (нельзя, дочка, потому что буду бить). Чудесный аргументъ, не правда ли; но въ исполненіе онъ никогда не приводился.

Среди разговоровъ о разныхъ деревенскихъ «вопросахъ» чаще всего шла рѣчь, конечно, о порогахъ. Лоцмана состоятъ въ вѣдомствѣ министерства путей сообщенія и обязаны проводить суда по наряду начальника дистанціи. За это они пользуются льготой по воинской повинности и зачисляются не на дѣйствительную службу, а въ запасъ флота на 10 лѣтъ. Съ 17—18 лѣтъ молодые люди зачисляются въ списки «помощниковъ лоцмановъ» и въ этомъ званіи должны оставаться не меньше, какъ до 28-лѣтняго возраста. Это—періодъ обученія. Затѣмъ они получаютъ право держать экзаменъ въ комиссіи изъ старыхъ опытныхъ лоцмановъ подъ предсѣдательствомъ инженера. Экзаменъ практическій: они должны знать по картѣ и наизусть всѣ выдающіеся камни, всѣ фарватеры при разныхъ уровняхъ воды, свойства дна на всемъ протяженіи пороговъ, всѣ выдающіеся мѣстные предметы, на которые должно держать курсъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ (такъ наз. «виры»); однимъ словомъ и мѣстность, и снаряженіе судна они должны знать, какъ свои пять пальцевъ; ихъ распорядительность и находчивость уже извѣстна экзаменаторамъ, и на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ они получаютъ дипломъ лоцмана 2-й статьи: получаютъ право проводить плоты. Но и здѣсь лоцмана сначала не пускаютъ одного, а даютъ ему «дядьку»; и лишь послѣ такого искуса лоцманъ пріобрѣтаетъ право вести барки и называется первостатейнымъ. Не мало я здѣсь наслушался разсказовъ о томъ, какъ разбиваетъ плоты и барки, какъ погибаютъ люди на разные лады: то голова плота налетитъ на камень, а заднія бревна лѣзутъ впередъ и громоздятся одно на другое, и въ порошокъ размелютъ всякаго, кто подвернется; то барку понесетъ и страшнымъ напоромъ воды на перо руля съ размаху хлопнетъ «стерномъ» по цѣлой шеренгѣ людей, что стоятъ на баркѣ у руля, и всѣхъ ихъ—10, 20 человѣкъ—снесетъ разомъ въ воду (настоящихъ рулей здѣсь не употребляютъ даже на пароходахъ; всегда устраиваютъ «стерно», т.-е. громадное весло въ кормовой уключинѣ; на руль, смотря по величинѣ судна и его нагрузкѣ, ставятъ 20, 30, 60 даже человѣкъ; на всякій случай, стерно съ обѣихъ сторонъ скрѣпляется съ бортами при помощи канатовъ; но и эти «помощницы» иной разъ вырываетъ—и тогда ужъ вся шеренга летитъ въ воду). Нельзя сказать, чтобы всѣ эти разсказы и подробности особенно поощряли пуститься въ подобное плаваніе; но, съ другой стороны, когда видишь вокругъ столько людей, которые каждое лѣто проходятъ пороги 10—15 разъ и разсказываютъ объ этомъ безъ хвастовства или рисовки, какъ о чемъ-то привычномъ, заурядномъ,—невольно проникаешься довѣріемъ и къ нимъ, и къ тому, что вѣдь не каждый же день бываютъ несчастія. А какъ разгораются глаза у молодыхъ моихъ «помощниковъ», когда рѣчь зайдетъ о порогахъ; очевидно, они и любятъ ихъ, и гордятся, что имъ приходится бороться съ опасностью: она

и веселитъ ихъ, и волнуетъ, и ужъ конечно выводитъ изъ того состоянія полусоннаго равновѣсія, въ которое мы всѣ погружены. Есть какой-то соблазнъ въ ихъ разсказахъ,—соблазнъ въ этой жаждѣ борьбы, въ томъ чувствѣ тревоги, которое даетъ опасность. Идти на плоту—не стòитъ: все-таки плотъ система неуклюжая, управлять ею трудно, а значитъ—она всего больше во власти стихіи и всякихъ случайностей; другое дѣло барка: она помогаетъ себѣ и гребцами, и больше слушаетъ руля. Но въ то же время вы ловите себя на мысли; что на «картофлянкѣ» вамъ не особенно хотѣлось бы идти. «Картофлянка»—это небольшая барка, груженая картофелемъ; каждую весну онѣ идутъ цѣлыми партіями внизъ, гдѣ цѣна на картофель выше; но, такъ какъ эти суда плохенькія, то въ Ненасытецкомъ порогѣ онѣ не идутъ «ходомъ», а канавой. Что же за охота идти канавой; тамъ ничего, кромѣ двухъ стѣнокъ, не увидишь—вся соль пропадетъ! Такъ или иначе, рѣшаю на 4-й день ѣхать въ городъ и тамъ навести справки у начальника дистанціи, когда пойдутъ суда и какія. Поѣхать тѣмъ болѣе кстати, что праздники кончились; мужчины ѣдутъ «въ стень»—орать и сѣять, и сидѣть дома безъ всякаго дѣла, какъ будто, зазорно, да и скучно. «Въ степь!» Увы, это слово не отвѣчаетъ теперь дѣйствительности; правда, здѣсь нѣтъ нигдѣ ни кустика и, куда ни глянешь, все видишь одинъ отлогій широкій холмъ за другимъ, да частыя «могилы» здѣсь и тамъ. Но степи, поросшей травою,—степи, усѣянной цвѣтами, живописной, Гоголевской степи здѣсь нѣтъ и въ поминѣ! Все распахано и засѣяно, да изрыто глубокими длинными балками. Каждый клочокъ земли ужъ на счету; живымъ ужъ стало тѣсно на землѣ, и вотъ они идутъ плугами по могиламъ мертвыхъ и постепенно заравниваютъ ихъ. И въ самомъ дѣлѣ стало тѣсно: у моихъ хозяевъ, напр., есть участокъ поля за 30 верстъ отъ села! Нѣтъ степей, а съ ними нѣтъ и воловъ. Велико было мое удивленіе, когда я узналъ, что рослыхъ «круторогихъ» воловъ, безъ которыхъ, казалось бы, немыслимъ и самый хохолъ, давнымъ-давно здѣсь никто и не держитъ: кормить ихъ нечѣмъ; а пахать на лошади вдвое скорѣе, да и тѣло лошадь держитъ гораздо лучше.

III.

Въ городѣ я узналъ, что судовъ можно ожидать не раньше, какъ черезъ недѣлю; а пароходъ теперь совсѣмъ не пойдетъ. Досадно, но дѣлать нечего. Надо подумать о томъ, какъ бы воспользоваться этой недѣлей наилучшимъ образомъ. Вспоминаю, что я никогда не видѣлъ желѣзодѣлательнаго завода. Брянскій заводъ есть и въ городѣ; но въ 30 верстахъ вверхъ по Днѣпру, въ с. Каменскомъ, есть громадный сталелитейный и рельсопрокатный заводъ; говорятъ, онъ отлично отстроенъ и идетъ полнымъ ходомъ; на другой день рано утромъ ѣду туда на пароходѣ.

Уже издали можно видѣть, какъ облако дыма на нѣсколько верстъ протянулось по вѣтру и облегло всю округу. Чѣмъ ближе, тѣмъ яснѣе видны десятки трубъ; изъ однѣхъ, самыхъ высокихъ, спокойно и непрерывно выходитъ черный тяжелый дымъ и волнами ложится на бокъ; мѣстами изъ какихъ-то невидимыхъ жерлъ вырывается огненно-желтый, какъ будто раскаленный, дымъ; а еще пониже изъ множества отверстій толчками вылетаютъ клубы бѣлаго пара и подбиваютъ курчавыми барашками тяжелую пелену дыма. И въ самомъ дѣлѣ, заводъ громадный. 4 доменныя печи стоятъ въ одинъ рядъ; рядомъ съ ними подымается цѣлый лѣсъ гигантскихъ желѣзныхъ цилиндровъ—резервуаровъ грѣтаго воздуха. По безконечной крутой лѣсенкѣ взбираюсь наверхъ, на площадку между 2 доменныхъ печей. Вся окрестность, какъ на ладони; а люди копошатся внизу совсѣмъ маленькіе. Равномѣрно и без-

остановочно взлетаютъ сюда же наверхъ желѣзныя тачки съ породой; нѣсколько закоптѣлыхъ рабочихъ принимаютъ ихъ и однообразными привычными жестами выворачиваютъ въ сосѣдній кратеръ. Именно—кратеръ, такъ какъ верхъ печи сдѣланъ въ видѣ воронки; воронка эта заткнута желѣзнымъ конусомъ, въ которомъ вѣсу пудовъ 300; соотвѣтственной величины рычагъ и солидныя цѣпи его поддерживаютъ; и когда, наконецъ, весь кратеръ заваленъ до краевъ, когда въ него поступило 16 тачекъ руды, 16—«кокусу» (какъ объясняетъ мнѣ рабочій), и 8 тачекъ камня—тогда рычагъ склоняется, желѣзная заслонка проваливается внизъ. Съ грохотомъ летитъ туда же весь зарядъ; а изъ открытаго жерла со свистомъ рвется дымъ и пламя, и чадъ; все это сбило вѣтромъ въ огненный клубокъ, гдѣ пламенный языкъ сплелся въ порывѣ вихря съ потокомъ черной копоти, съ желтой змѣей удушливыхъ газовъ. И среди гула этого вулкана изъ жерла съ силой вылетаютъ кверху куски камней. Возьмите камень — настоящій увѣсистый булыжникъ — и бросьте его; тутъ же, на вашихъ глазахъ, едва лизнетъ его пламя, какъ онъ ужъ разлетѣлся на сотни кусковъ, и цѣлымъ фонтаномъ они летятъ кверху. Такъ, днемъ и ночью, въ будни и въ праздникъ, многіе годы подъ рядъ, безъ передышки работаетъ этотъ вулканъ, выплавляя чугунъ въ своихъ нѣдрахъ. Внизу, черезъ особыя отверстія время отъ времени выпускаютъ то раскаленную струю шлаковъ, то самый чугунъ. Огненной рѣкой течетъ онъ сначала однимъ русломъ, потомъ вѣтвится по широкой наклонной плоскости, усыпанной пескомъ, и то наполняетъ собою отдѣльныя формы, то стекаетъ въ котлы, вмѣстимостью въ 2000 кило. Два старшихъ мастера-бельгійца, въ большихъ деревянныхъ «сабо» на босу ногу, любезно мнѣ все объясняютъ. Они уже лѣтъ 10 какъ въ Россіи; одинъ изъ нихъ выдалъ даже свою дочь за русскаго мастера и бракомъ этимъ очень доволенъ: «il est un brave garçon, mon gendre—vous le verrez», и за $1^1/_2$ года онъ ужъ успѣлъ научиться порядочно говорить по-французски. Спрашиваю, нравится ли имъ, вообще, въ Россіи; они немного жалуются на климатъ, слишкомъ сухой для нихъ: «ce n'est pas pour le plaisir, que nous sommes ici». Но имъ хорошо платятъ, и раньше, чѣмъ уѣхать на родину, они собираются непремѣнно побывать въ Москвѣ и Петербургѣ.

Жара стоитъ нестерпимая, хотя сплошныхъ стѣнъ нѣтъ. То одинъ, то другой изъ моихъ собесѣдниковъ зорко смотрятъ на огневую рѣку, отливая въ формочки пробы. Вдругъ, одинъ бросается стремглавъ, хватаетъ кочергу и начинаетъ быстро и рѣшительно забрасывать рѣку пескомъ, возводить поперекъ ея дамбу. Раздаются командныя слова, нѣсколько человѣкъ также бросается на помощь; частыми и ловкими ударами плашмя своею кочергой онъ утрамбовываетъ дамбу; но все же подъ нею чугунъ сверлитъ себѣ ходъ и продолжаетъ течь, хотя и меньшей струею; а изъ запруды верхній слой направился ужъ въ бокъ по отдѣльному ходу. Дѣло въ томъ, что поверхъ чугуна стали плыть шлаки, т.-е. негодныя и болѣе легкія части: ихъ нужно было отвести. Вся эта возня длилась лишь нѣсколько моментовъ; а минуту спустя знакомецъ мой стоялъ уже въ своей каморкѣ, по близости, и снявъ рубаху, обвѣвалъ свое мокрое разгоряченное тѣло. «O, décidément c'est comme l'enfer!»—говорилъ онъ мнѣ. И въ самомъ дѣлѣ, это похоже на адъ, въ особенности лѣтомъ, когда и внѣ навѣса температура больше 40°.

Дальше—отдѣленіе выдѣлки стали по Бессемеру. Вверху, ближе къ навѣсу, чѣмъ къ полу (земляному), подъ длинными желѣзными арками укрѣплены поодаль другъ отъ друга два конвертора—«la bouteille», какъ говорятъ мои французы. И дѣйствительно, они похожи на громадныя бутылки, которыхъ горлышко оттянуто такъ, какъ у чайника. Въ нихъ-то

сквозь расплавленный чугунъ продуваютъ съ силой струи нагрѣтаго воздуха, который и сжигаетъ почти весь углеродъ чугуна; получается сталь (вмѣсто 3—5 всего 1% углерода). Но это химія; на самомъ дѣлѣ видишь лишь, что сверху изъ открытаго горлышка этой бутылки летятъ каскады искръ, огромныхъ искръ, похожихъ на звѣзды, и осыпаютъ все вокругъ; невольно жмешься и держишься подальше отъ этого дождя, ибо кажется, что каждая такая искра можетъ прожечь тебя насквозь. А между тѣмъ, черные люди въ закоптѣлыхъ костюмахъ, въ очкахъ и наглазникахъ ходятъ вверху и внизу, вблизи и среди этихъ искръ. Огненный дождь то утихнетъ, то съ новой силой посыплется; вдругъ, одна изъ бутылей покачнулась и, исполняя волю какой-то невидимой силы,—тихо, медленно, плавно стала вращаться вокругъ своей горизонтальной оси. Услужливый кранъ уже подставилъ котелъ, и изъ горлышка вдругъ хлынула широкой струею расплавленная масса; она наполнила котелъ, стала лить черезъ край и съ верхняго помоста потекла на полъ; струя изъ горлышка течетъ все тише и наконецъ—она совсѣмъ изсякла. Тогда рабочій сталъ бокъ-о-бокъ съ этимъ котломъ, въ которомъ могла бы свариться душа грѣшника, подошелъ вплотную къ бутыли и небольшой кочергой отбилъ застывшую на краяхъ массу: въ родѣ того, какъ вытираютъ салфеткой горлышко бутылки; а она, опорожненная, опять зашевелилась, описала дугу въ 180° и повернулась рыльцемъ въ другую сторону—очевидно затѣмъ, чтобы опять принять въ себя новую порцію. Новый кранъ подхватилъ котелъ и по дугѣ понесъ его надъ цѣлымъ рядомъ формъ, стоявшихъ на землѣ. Опять поворотъ незримаго рычага, и сквозь отверстіе въ днѣ полилась струя стали такая яркая, что издали больно глазамъ; а рабочій схватилъ за рукоятку уполовникъ и подставилъ его подъ струю; въ днѣ его нѣсколько маленькихъ отверстій, сквозь которыя металлъ и полился. Право, это ужъ слишкомъ: они обращаются съ расплавленной массой такъ, какъ будто это простой супъ! Они еще цѣдятъ его! И это до того неожиданно, что кажется прямымъ фанфаронствомъ (конечно, и этотъ уполовникъ, какъ и прочіе сосуды, выложенъ внутри огнеупорной глиной). 3-й кранъ хватаетъ эти формы и съ размаха суетъ ихъ въ ванну; небольшой бассейнъ всколыхнется, зашипитъ, клубы пара полетятъ кверху, и черезъ нѣсколько минутъ изъ формы можно вытянуть клещами болванку, аршина въ 2 длиною, раскаленную до красна. Откуда ни возьмись, подбѣгаетъ маленькій проворный паровозикъ, беретъ при помощи крана эти болванки съ собою и увозитъ ихъ дальше. Идете и вы дальше и съ опаской глядите на всѣ эти краны, которые стоятъ здѣсь на каждомъ шагу; съ каждаго спускается или громадный крюкъ, или клещи угрожающе покачиваются. Что, какъ придетъ ему фантазія схватить тебя за шиворотъ, да куда-нибудь сунуть! Хорошо еще, если въ ванну; а ну, какъ въ котелъ! «Цуръ тоби»!—какъ говорятъ малороссы. Во всемъ этомъ зданіи работа кипитъ. Въ одномъ мѣстѣ молотъ-гигантъ шутя расплюснулъ аршинную болванку въ лепешку, потомъ пробилъ въ серединѣ дыру и—это будетъ колесо. Въ другомъ, та самая болванка, которую вы только что видѣли еще въ ваннѣ, уже лежитъ на чемъ-то въ родѣ сковородки и катится по направленію къ вальцовкѣ; пройдетъ подъ ея валомъ и выскочитъ на другой сторонѣ; тамъ на минутку задержится и опять летитъ подъ валъ, уже въ другое гнѣздо и вынырнетъ снова. И каждый разъ становится все тоньше и длиннѣе, пока, наконецъ, громадная змѣя въ формѣ рельса, но вдвое длиннѣе, не летитъ по землѣ шипя, извиваясь, поднявши кверху голову, угрожая обжечь своимъ тѣломъ. И опять вы смотрите опасливо, не летитъ ли на васъ такая змѣя; не ступили ли вы на какую-нибудь

сковородку, которая доставитъ васъ мигомъ подъ вальцовку и начнетъ изъ васъ самихъ протягивать рельсы. Три раза взвизгнетъ круглая пила—и пара рельсъ готова. 2 мальчугана по краямъ захватываютъ рельсъ крючками и бѣгомъ тащатъ его по рельсамъ же въ сторону; совсѣмъ мягкій, онъ гнется и тутъ; такъ и кажется, что не они его тащатъ, а онъ самъ нагоняетъ, чтобы прижечь имъ пятки; а между тѣмъ, доставивши его на мѣсто, они вертятъ себѣ «цыгарки» и самымъ фамильярнымъ жестомъ закуриваютъ ихъ о тотъ же рельсъ. Дальше отдѣленіе мартеновскихъ печей, гдѣ жаръ еще нестерпимѣе; опять расплавленныя рѣки, котлы, болванки, краны и вальцовки, на которыхъ протягиваютъ листовое желѣзо. Я долго бродилъ по разнымъ отдѣламъ; повсюду трудъ размѣренный и точный; ни суеты, ни шума; не только каждый человѣкъ, но каждый винтикъ на мѣстѣ; все разсчитано на то, чтобы работа шла безостановочно и безъ запинки. Въ машинномъ отдѣленіи, гдѣ важно и медлительно идутъ огромные маховики, хлопотливо бѣгутъ колесики и регуляторы,—въ каждомъ суставѣ машины, всюду, гдѣ только есть треніе, на стыкѣ двухъ массивныхъ частей пріютился и маленькій стеклянный цилиндрикъ съ масломъ. И точно также во всей работѣ чувствуется, что есть дисциплина, опытность, увѣренность въ себѣ — и все идетъ, какъ по маслу. Но, не легко стоять передъ горномъ, и, навалившись на кочергу всѣмъ тѣломъ, ворочать въ огнедышащей печи тяжелую болванку! Во многихъ отдѣленіяхъ рабочій день—12 часовъ; изъ нихъ $^{1}/_{2}$ часа на обѣдъ, причемъ обѣдать должно здѣсь же. Въ полдень загудѣлъ гудокъ, и часть рабочихъ хлынула вонъ изъ мастерскихъ домой — на отдыхъ. А имъ навстрѣчу торопливо идутъ нѣсколько сотенъ женщинъ—всѣ съ судками или съ корзинами въ рукахъ; это все жены, сестры и матери тѣхъ, которые должны обѣдать въ мастерскихъ. Иныя — съ дѣтьми; маленькая дѣвочка идетъ рядомъ съ матерью, осторожно переступаетъ черезъ рельсы (желѣзнодорожныхъ путей) и съ серьезной миной несетъ въ рукахъ ложку, какъ будто бы съ сознаніемъ всей важности того, что она дѣлаетъ. Еще нѣсколько минутъ—и перестали грохотать вальцовки, визжать пилы и шмыгать паровозы; а въ пыльныхъ, черныхъ мастерскихъ среди станковъ и грудъ желѣза расположились группами семейства. Такъ странно было видѣть цвѣтныя платья и бѣлыя лица среди всей этой копоти. Не легко достается хлѣбъ этимъ работникамъ!

Тѣмъ временемъ я сталъ читать постановленія, вывѣшенныя на дворѣ у входныхъ воротъ; множество пунктовъ опредѣляютъ взаимныя отношенія и права хозяевъ и рабочихъ; между прочимъ, рабочіе въ извѣстныхъ случаяхъ, точно поименованныхъ, имѣютъ право взять «увольнительный билетъ» отъ работы; день этотъ не считается прогульнымъ; а примѣчаніе гласитъ: «въ 2 дня, слѣдующіе за полученіемъ жалованья, увольнительные билеты не выдаются»,—предосторожность, надо полагать, не лишняя!

Обратно вернулся я на пароходѣ, биткомъ набитомъ народомъ; все это были главнымъ образомъ русскіе люди изъ центральныхъ губерній, которые толпами шли на заработки. На Днѣпрѣ—одно пароходное общество; но, каждый годъ появляется какой-нибудь конкурентъ, который покупаетъ нѣсколько дрянныхъ пароходовъ и беретъ пассажировъ исключительно 3-го класса. Отъ Кіева до Екатеринослава можно доѣхать за 10 коп., а то и даромъ. Расчетъ въ томъ, чтобы такими цѣнами извести монопольное общество и заставить его купить пароходъ по хорошей цѣнѣ; это обыкновенно и удается. Кромѣ того «конкурентъ» всегда старается прійти пораньше и захватить пассажировъ. Такъ было и на этотъ разъ: я не хотѣлъ ожидать и сѣлъ на «конкурента». На палубѣ едва можно было протѣсниться,

и я съ трудомъ нашелъ себѣ мѣстечко на какомъ-то ящикѣ. Въ утѣшеніе, я могъ все время любоваться живой и бойкой русской рѣчью—остроумной, хотя и безцеремонной, пересыпанной забористыми словечками. Какая-то лихая бабенка съ круглымъ лицомъ, окруженная компаніей парней, все время корила мужа тѣмъ, что едва лишь она на двѣ минуты съ глазъ его спустила, какъ онъ уже къ хохлушкѣ «подбивается». «У тебя»,—говорила она:—«жена-красавица,—даромъ, что 10 лѣтъ уже замужемъ, а ты къ чужой хохлушкѣ подбиваешься. А и что въ ней проку? Только и есть всего, что она хохлушка; ну, да ладно: вотъ придемъ домой—я те морду-то набью; я до тебя доберусь! И то сказать»,—прибавила она:—«думаешь, буду жалѣть, коль ты и вовсе уйдешь; да хоть на всѣ 4 вѣтра; мнѣ же лучше; вѣдь это васъ, дураковъ, жалѣешь, что еще съ вами живешь; что бы вы безъ насъ, бабъ, дѣлали!?»—говорила она такимъ самоувѣреннымъ и убѣжденнымъ тономъ, что никто не нашелся ей ничего и возразить. Къ сожалѣнію, не оказалось такой же бойкой хохлушки, которая могла бы и ее «отчитать»; а компанія дивчатъ, на которыхъ она нападала, только сторонилась, слыша всѣ ея разнузданныя рѣчи, и перешептывалась: «ото скажена баба».

IV.

Вечеромъ вернулся я «домой»—въ Каменку. Этотъ день провелъ я очень интересно; но, впереди была еще добрая недѣля,—куда дѣвать это время? Мнѣ улыбалась мысль—пройтись вдоль пороговъ пѣшкомъ; пройтись по лицу земли русской съ котомкой за плечами—per pedes apostolorum. Яковъ Антоновичъ планъ мой одобрилъ, но только посовѣтовалъ не заходить слишкомъ далеко: интересно посмотрѣть Ненасытецкій и слѣдующій за нимъ порогъ; остальные далеко, и подъ водою теперь. И вотъ, на слѣдующій день, часовъ въ 12, съ палкой въ рукахъ и захвативши съ собою лишь немного бѣлья, да кусокъ мыла, отправился я въ свое путешествіе. Видъ я имѣлъ, вѣроятно, курьезный, ибо по селамъ я вызывалъ всеобщее недоумѣніе. Мнѣ вслѣдъ раздавалось: «Що це воно таке? Чи то новый хвершалъ, что до учителя иде?!» Одни спрашивали, что именно я продаю: другіе—что покупаю; а дѣтвора на улицахъ иной разъ ко мнѣ приставала: «заграйте, дядьку!»—очевидно, принимая меня за странствующаго музыканта. Но, что за дѣло! День стоялъ чудесный, немного сѣренькій; небо въ тучахъ; южный вѣтерокъ то ласково обвѣваетъ лицо, то наноситъ тучку; прольетъ теплый дождикъ, и опять засвѣтитъ солнце; ярко зазеленѣетъ трава; а свѣже вспаханное поле отдаетъ славнымъ, характернымъ запахомъ только-что взрытой сочной земли.

Иду сначала знакомымъ путемъ до 1-го порога. Сегодня среди камней ужъ видно нѣсколько лодокъ; въ ближайшей ко мнѣ, какомъ-то утломъ челнокѣ, сидитъ молодой парень; онъ то спокойно гребетъ, то напираетъ усиленно на свое кормовое весло и подвигается впередъ—прямо на камень; справа и слѣва стремительно мчится вода, бурлитъ и пѣнится, и разводитъ волненіе; но онъ увѣренно идетъ впередъ и вотъ ужъ подошелъ вплотную къ камню; еще моментъ—и онъ уже вскочилъ на камень, посадивъ на него же и носъ своей лодки; немного покопавшись тамъ надъ вершей, опять садится въ лодку и летитъ внизъ нарочно по стремнинѣ; потомъ вдругъ круто повернетъ и вновь идетъ кверху къ какому-нибудь камню. Онъ точно плещется, играетъ среди буруновъ; то рѣжетъ своимъ челнокомъ ихъ бѣлые гребни, то подставитъ имъ бортъ и вмѣстѣ съ ними мчится внизъ. Не знаешь, чему собственно удивляться: тому ли, что человѣкъ такъ научился побѣждать стихію, или тому, что человѣкъ такъ недалеко

ушелъ отъ какой-то амфибіи, которой ни по чемъ стихія. И за весь свой трудъ рыбакъ мой залучилъ въ свою вершу единственнаго окунька, да и то тощаго!

Дальше путь идетъ по берегу Днѣпра; тропинка то взбирается на верхъ, то идетъ вдоль воды; повсюду много камней; мѣстами — каменоломни. Слѣдующій поселокъ—нѣмецкая слобода Ямбургъ, колонія, еще недавняго происхожденія. Дома больше, чѣмъ наши хаты; видны садики; въ нихъ нѣмецкія дѣвицы выдѣлываютъ аккуратныя грядки; часто слышенъ кузнечный молотъ, такъ какъ жители имѣютъ промыселъ — дѣлаютъ телѣги. Мужчины и женщины обмѣниваются возгласами на такомъ діалектѣ, что долго я и понять не могъ, на какомъ собственно языкѣ они объясняются; и лишь тогда, когда дѣтишки на мой: «guten Abend», отвѣчали мнѣ хоромъ: «Dank' schön», я могъ разобрать, что это—нѣмецкій. А они повторяли это «Dank schön» съ такими радостными лицами, какъ будто я Богъ вѣсть, чѣмъ одарилъ ихъ. Жарко. «Haben Sie ein Bierhaus?» — спрашиваю я у одной нѣмки. «Bierhaus? nein!»—отвѣчаетъ она мнѣ съ такимъ видомъ, что я отхожу нѣсколько даже сконфуженный; очевидно, она приняла меня за прохожаго пьяницу. Впрочемъ, я позже узналъ, что она напрасно обидѣлась: здѣшніе нѣмцы пьютъ не хуже россіянъ. Иду дальше и на выѣздѣ изъ деревни прошу дать мнѣ напиться воды. Хозяинъ-нѣмецъ строитъ себѣ черепичный заводъ; рабочіе у него русскіе; одинъ худой мужиченко, обдерганнаго вида, приноситъ мнѣ напиться изъ ведра, и мы начинаемъ калякать. Онъ—мастеръ по «цигельной части» и пріѣхалъ сюда изъ Орловской губерніи. Съ крайнимъ изумленіемъ онъ узнаетъ, что я иду смотрѣть пороги; онъ даже переспросилъ меня, думая, что ослышался. «Пороги!»— восклицаетъ онъ наконецъ:—«что жъ ихъ смотрѣть-то?!» А нѣмецъ удивляется тому, что я иду «zu Fuss». Мой «мастеръ по цигельной части» сейчасъ же начинаетъ грустную свою эпопею. «Случилось такъ»,—говоритъ онъ:—«что у отца нашего было 14 человѣкъ дѣтей; а земли всей, по послѣдней ревизіи, 3 десятины. Да и то сказать: вотъ тутъ земля ровная, а у насъ что—песокъ да ямы; помѣщики кругомъ обсѣли, землю себѣ оставили ту что получше; а чуть скотина за межу зашла — сейчасъ штрахъ! (Sic). Вотъ тутъ и изворачивайся. Здѣсь вотъ рѣка близко; а у насъ: рубашку, скажемъ, и ту помыть негдѣ—за все плати (точь въ точь «куренокъ» у Л. Толстого)! Я такъ думаю»,—заканчиваетъ онъ:—«что ужъ хуже, какъ въ Расеи, нигдѣ и нѣтъ!» Особенно онъ хвалитъ житье въ Таврической губерніи.

Слѣдующее село—это село Волошское: колонія Екатерининскихъ временъ; здѣсь поселились молдаване. Мой собесѣдникъ презрительно о нихъ отзывается: «не поймешь, что они говорятъ; бурдятъ что-то по-своему—чортъ ихъ побралъ». Въ самомъ дѣлѣ, это неудобно: я хочу въ этомъ селѣ заночевать; хоть я и сдѣлалъ всего верстъ 10, а до Волошскаго версты 2, но шелъ я съ роздыхами, не торопясь, и уже вечерѣетъ. Впрочемъ, не все село заселено волохами—есть и хохлы.

Передъ Волошскимъ мнѣ преграждаетъ путь рѣка Суда; она впадаетъ здѣсь въ Днѣпръ. Есть паромъ; но я переѣзжаю въ лодкѣ, которой правятъ двѣ дивчины. Онѣ запрашиваютъ съ меня 10 коп.; шутя, я начинаю торговаться и спрашиваю, сколько же онѣ сами получаютъ за работу. «Да ничего не получаемъ; вотъ только, что украдешь, то и есть»,— отвѣчаютъ онѣ мнѣ съ хохотомъ. Даю имъ на конфеты, чтобъ хоть на этотъ разъ не нужно было красть.

Село оказывается безконечно длиннымъ, и не скажу, чтобы этотъ путь по селу среди недоумѣвающихъ взглядовъ былъ особенно пріятенъ, тѣмъ болѣе, что все время переворачиваю вопросъ—гдѣ же я

заночую. И я усиленно вглядываюсь въ хаты, стараясь рѣшить, которая изъ нихъ попривѣтливѣе. Всѣ хаты, точь въ точь такія, какъ вообще въ Малороссіи; а жители, какъ будто, посмуглѣе; и волосы у нихъ совсѣмъ черные, и черты лица рѣзче; но кто меня совсѣмъ донимаетъ— это собаки; тощія, съ длинными мордами и длинной бѣлой шерстью онѣ носятъ явные слѣды своего происхожденія отъ молдаванскихъ овчарокъ и такъ же злы, какъ тѣ; рѣшительно, изъ каждой подворотни выскакиваетъ одна, а то и двѣ; и заливаясь неистово, съ остервенѣніемъ, сопровождаютъ меня каждая въ предѣлахъ своего района; такъ версты двѣ я и иду отъ собаки къ собакѣ. Держу путь къ церкви; рѣшаю, что тамъ же должна быть и школа, и сельская «расправа»; тамъ гдѣ-нибудь я и спрошу совѣта о ночлегѣ. И дѣйствительно, напротивъ церкви и школа, и волость. На крыльцѣ послѣдней сидитъ десятскій съ бляхой и почтительно встаетъ при моемъ приближеніи. А на вопросъ мой говоритъ: «да вотъ я васъ провожу; тутъ недалеко; она—хозяйка хорошая; нашъ учитель и волостной писарь у нея же и кормятся». Черезъ нѣсколько сотъ шаговъ по переулочку мы подошли къ чистенькой хаткѣ, у забора которой, на улицѣ, расположившись прямо на землѣ, сидѣло цѣлое общество женщинъ. Одна изъ нихъ, красивая женщина съ ребенкомъ на рукахъ, поднялась при нашемъ приближеніи; къ ней-то и обратился мой провожатый. «Вотъ, господинъ хотятъ переночевать; такъ я ихъ къ вамъ проводилъ».— «Что жъ, пусть ночуютъ; мѣсто есть; только у насъ эта хата не топлена», говоритъ она, идя впередъ и отворяя мнѣ двери. «А что хозяинъ дома»? «Нѣтъ, уѣхалъ въ степь и не вернется сегодня». Я мысленно поблагодарилъ эту женщину за то, что она не отказываетъ мнѣ въ ночлегѣ, несмотря на отсутствіе хозяина, и рѣшилъ, что она пользуется солидной репутаціей, если не боится пересудовъ: вѣдь цѣлая компанія женщинъ сидитъ у воротъ! Комната налѣво отъ сѣней, куда мы вошли, блистала идеальнѣйшей чистотой; стѣны, печь—безукоризненно бѣлы; полъ, вымазанный глиной, безукоризненно желтъ; нигдѣ ни пыли, ни соринки; повсюду тотъ ровный, почтенный блескъ, который чистота даетъ сама по себѣ. Немного холодно было въ этой комнатѣ; хозяйка предложила—затопить; но, не хотѣлось ее сію же минуту безпокоить— и я отказался; тогда она поставила мнѣ крынку молока, нарѣзала хлѣба; сказала, что ужинъ будетъ попозже, и вышла къ своимъ гостямъ. Я также вышелъ, сѣлъ на заваленкѣ и сталъ прислушиваться. Рѣчь, однако, на половину шла по-молдавански; моя хозяйка также оказалась молдаванкой; а когда я замѣтилъ, что первый разъ въ жизни слышу молдаванскій языкъ,—она съ опаской поглядѣла на меня и спросила: «а можетъ вы все хорошо понимаете, да только притворяетесь». Впрочемъ, едва ли было ей о чемъ тревожиться: то, что говорилось по-малорусски, была простая болтовня, довольно веселая. Собрались все хозяйки, женщины лѣтъ подъ 30 и за 30. Давала тонъ этой бесѣдѣ еще не старая женщина съ пріятнымъ лицомъ, красивыми глазами и, видимо, кокетка; она и ко мнѣ, какъ будто нечаянно, повернулась такимъ образомъ, чтобы я могъ слѣдить за оживленной мимикой ея лица, за ея глазами, немного томными, которые изобличали постоянное желаніе нравиться. Она же заговаривала и съ подходившими сосѣдями; тѣ подсаживались и, съ видимымъ удовольствіемъ, заводили болтовню; предлагали ее посватать (она была вдовушка), расписывали жениховъ и заранѣе просили «магарычъ». Она съ своей стороны находила, что имъ слѣдуетъ ее сначала угостить, подбивала ихъ раскошелиться, а сосѣдокъ—идти цѣлой компаніей «до шинку». Ничего изъ этого, конечно, не вышло и, почесавши языки, всѣ онѣ мирно разбрелись по домамъ.

Сидѣть на чистой половинѣ одному—мнѣ совершенно не улыбалось, и я пошелъ направо, въ теплую хату. У хозяйки моей—звали ее Явдóра (Евдокія)—кромѣ грудного Ѳеди, было еще трое дѣтей; старшій сынъ, лѣтъ 16-ти, уже окончилъ школу и помогалъ по хозяйству; двое другихъ — мальчикъ и дѣвочка—то выбѣгали изъ хаты, то вновь возвращались, пока, наконецъ, набѣгавшись и заморившись, не вернулись съ заспанными глазами и, едва успѣвъ глотнуть молока, заснýли на печкѣ.

Столовниковъ моей хозяйки не было: учитель уѣхалъ въ отпускъ на недѣлю; писарь ушелъ куда-то въ гости; ужинать было еще рано; Ѳедя оказался смирнымъ малышомъ — ничѣмъ намъ не мѣшалъ, и мы разговорились. Я похвалилъ чистоту, дворовыя постройки, которыя также были въ отличномъ порядкѣ, разспросилъ о хозяйствѣ, ибо въ селѣ это важнѣйшая и первая тема, и получилъ отвѣтъ, что засѣваютъ они 9 десятинъ, и что—слава Богу—живутъ хорошо; но только «мы очень опустились теперь; прежде было у насъ большое, хорошее хозяйство: была большая хата, сарай—12 саженъ длиною, пара воловъ и бричка (60 рублей заплачена была — добавила она); но, лѣтъ 6 тому назадъ, только что осенью свезли съ поля весь хлѣбъ, обмолотили, просѣяли,—какъ у сосѣда занялся пожаръ, перебросило къ намъ—и вдругъ все сгорѣло до тла; едва и сами успѣли выскочить. Остались въ чемъ были одѣты, да получили 140 рублей страховыхъ. Много съ мужемъ мы погоревали тогда; опять стали тяжко работать и вотъ—слава Богу—опять поднялись. И хоть того не имѣемъ, что прежде, но все же не жалуемся».

Съ уваженіемъ смотрѣлъ я на свою собесѣдницу: не мало нужно силы, бодрости, и выдержки въ трудѣ, чтобы въ какія-нибудь 5—6 лѣтъ снова завоевать себѣ достатокъ изъ ничего; и говоритъ объ этомъ такъ просто, безъ прикрасъ. Теперь ей подъ 40 лѣтъ; она уже 20 лѣтъ замужемъ; и хотя на лицѣ ея есть уже морщинки, но все же оно носитъ слѣды красоты весьма замѣчательной. Правильный профиль и овалъ лица, изящный носъ съ горбинкой, живые темные глаза, черные волосы—все дѣлаетъ ея лицо и строгимъ, и выразительнымъ. Страннымъ образомъ, дѣти на нее не похожи; лишь средній сынъ съ лицомъ цыганёнка ее напоминаетъ; у остальныхъ широкія лица, курносые носы; и это ее огорчаетъ. «У меня»,—говоритъ она:—«и чоловикъ (мужъ) красивый,—а они вотъ какіе! Или дѣды у нихъ были такіе?»—выражаетъ она догадку, къ моему удивленію. Мужъ у нея малороссъ, но тоже говоритъ по-молдавански. Съ дѣтьми они говорятъ по-малорусски: учитель просилъ; а то дѣтямъ иначе очень трудно въ школѣ.

Какъ только рѣчь зашла о дѣтяхъ, такъ сейчасъ же она коснулась и здоровья. У Ѳеди, какъ и у множества дѣтей въ селѣ, недавно былъ, очевидно, коклюшъ, и вотъ она теперь боится еще его купать. Сама знаетъ, что ужъ пора бы купать, что грязный онъ весь, и никогда у нея такими дѣти не были, — да боится, какъ бы не простудить. (Въ другомъ мѣстѣ мнѣ говорила женщина про своего ребенка: «да вѣдь девятый онъ у меня: ужъ надоѣло и купать!»).

Кстати, она мнѣ разсказала, какъ и сама она прошлымъ лѣтомъ болѣла—воспаленіемъ легкихъ. Я не берусь передать всю наивную прелесть этого разсказа тѣмъ болѣе, что въ русскомъ переcказѣ совсѣмъ теряется весь колоритъ живой и образной малороссійской рѣчи. Но никогда еще въ жизни я не слѣдилъ съ такимъ живымъ сочувствіемъ за тѣмъ, какъ протекало воспаленіе легкихъ. Началось съ того, что мужъ ея купилъ коня; и вотъ, по обычаю, собралась къ нимъ компанія, чтобъ выпить «магарычъ». «Частувàли (потчивали, пили здоровье) и меня; и ужъ не знаю, какъ это случилось»,—говорила она:—«но, хоть до водки я и не

охотница — а выпила лишнее; и мужъ мой тоже подвыпилъ. Кончили пить у насъ; потомъ сосѣдъ говоритъ: «ну, теперь идемъ ко мнѣ: я ставлю четверть!» Такъ ужъ разохотились. Мужъ мой много пить не можетъ и не любитъ; но тутъ ужъ—за компанію—всталъ и пошелъ. И какъ, знаете, не очень трезвый человѣкъ, — то онъ уже и не подумалъ, что можетъ быть со мною. А я, какъ сидѣли мы въ хатѣ на той половинѣ,—такъ и легла тамъ прямо на землю и ничего не подостлала подъ себя. Ну, хоть оно и лѣто, а все же въ нетопленой хатѣ холодновато—вотъ, какъ и теперь. Просыпаюсь я ночью — темно, никого нѣтъ; я сначала и понять не могу, гдѣ это я; чувствую только, что мнѣ не хорошо: голова болитъ и въ боку что-то такъ закололо, что я и дохнуть не могу. Встаю, иду къ дѣтямъ; мужа дома нѣтъ. Выхожу на дворъ—и тамъ нигдѣ его нѣтъ. Итакъ мнѣ стало скверно и грустно на душѣ. Вотъ, думаю, дождались: и у меня отъ водки голова болитъ, и онъ тамъ, можетъ-быть, на улицѣ лежитъ гдѣ-нибудь. Пошла бы я его поискать; да ночь на дворѣ; куда же я изъ дому пойду — не хорошо. Вернулась я обратно; уже постлала себѣ, какъ слѣдуетъ; а на другое утро ужъ и не помню, что со мною было. Дней 5 была я безъ памяти. Потомъ пришла въ себя; слабость такая, что головы поднять нельзя; а кашель такой, что прямо на части меня разрываетъ. Ну, думаю, не жить мнѣ больше на свѣтѣ! Сначала я боялась и не хотѣла говорить, съ чего заболѣла, потому, думаю, какъ батюшка узнаетъ, что я отъ водки заболѣла, такъ онъ меня и хоронить не захочетъ. И ужъ потомъ, когда фельдшеръ нашъ—они у насъ хорошій человѣкъ и дѣло свое знаютъ — когда онъ мнѣ сказалъ: «ну, теперь будешь жить»—я имъ призналась, съ чего болѣзнь началась. А ужъ лѣкарство они мнѣ давали—Господи! Такое горькое, да поганое, что лучше умереть, чѣмъ его пить. А пью, потому—приказали. И чѣмъ больше пью, тѣмъ больше кашляю. Я уже ихъ прошу: «дайте жъ мнѣ, пожалуйста, такого лѣкарства, чтобъ я хоть не кашляла»; а они говорятъ: «я тебѣ нарочно такое даю, чтобъ кашляла больше; вотъ выкашляешь все, что есть внутри, тогда перестанешь». И правда, стала я меньше кашлять; только силы все нѣтъ; лежу какъ колода. А тутъ какъ разъ подходитъ ярмарка въ Полтавѣ. Мужъ мой ѣздитъ съ подводами на ярмарки то въ Кременчугъ, то въ Полтаву: купцы ему вѣрятъ товару тысячи на 2 и на 3. Кто его знаетъ, какъ тутъ и быть: заработокъ хорошій—рублей 30 въ недѣлю можно заработать; а тутъ я лежу, еле-еле жива. Думала я думала: нѣтъ,—нужно ѣхать! Буду я жить, все равно работать не могу, нужно работника нанять; а умру—хоронить нужно будетъ; и такъ, и такъ нужны деньги. Поѣзжай, говорю. Тутъ ужъ и онъ, бѣдняга, поплакалъ; со слезами поѣхалъ, потому что — кто жъ знаетъ, доживу ли, пока онъ вернется. Фельдшеръ нашъ, спасибо имъ, пока мужа не было, — и два, и три раза въ день провѣдывалъ меня; уже другіе люди обижались, что вотъ— не дозовешься къ намъ, а къ нимъ и по три раза на день ходятъ. И то сказать: они намъ человѣкъ знакомый и хорошій,— мы имъ тоже угождаемъ. Только прійдутъ и все смѣются: «Ну что? Скоро, скоро умрешь; вернется Герасимъ, а ужъ жену похоронили; ничего — оженимъ его». Я только смотрю на нихъ и ничего не говорю. Однакоже, не умерла. Такъ ужъ, видно, Господь Богъ захотѣлъ, Милосердный, чтобъ я еще жила!» И безмолвно продолжая свою мысль, она любовно взглянула на своего Ѳедю, прижала его къ себѣ и начала кормить его грудью.

Потомъ мы поужинали; былъ очень вкусный борщъ съ бараниной и жареный картофель; а послѣ начали укладываться спать. Я отказался перебираться на ту половину и предпочелъ расположиться

здѣсь же на лавкѣ. Хозяйка покрыла ее «кожухомъ», другой подложила подъ голову, покрыла все это грубымъ, но безупречно чистымъ рядномъ, другое дала мнѣ—покрыться, и великолѣпнѣйшее ложе было готово.

Въ другомъ концѣ хаты, между печью и стѣной на широкихъ нарахъ она устроила такимъ же порядкомъ ложе для себя и для своей команды. Разоспавшихся дѣтишекъ пришлось снять съ печи, и они валились, какъ мѣшки, пока мать раздѣвала ихъ и бережно укладывала. Старшій сынъ игралъ уже роль хозяина: былъ серьезенъ, ходилъ задать корму коровѣ, бесѣдовалъ о томъ, что завтра съ утра ему непремѣнно нужно кончать поправку забора и т. д. Колыска съ Ѳедей была подвѣшена на крючокъ такъ, чтобы Ѳедя былъ подъ бокомъ; вспомнили, что хозяину въ полѣ теперь не тепло,—и скоро всѣ мы мирно и сладко заснули.

Я проснулся среди ночи, потому что Ѳедя покрикивалъ; сейчасъ же проснулась и мать.

Лунный свѣтъ пробивался въ окно полосою и наполнялъ нашу хату голубоватымъ, мерцающимъ свѣтомъ, въ которомъ контуры всѣхъ предметовъ не то опредѣлялись, не то сливались другъ съ другомъ. Но зажигать огня было не нужно; мать и безъ того сейчасъ же усмотрѣла, что съ малышемъ случилось нѣкоторое неблагополучіе; привычною рукою она «дала ему ра́ду». Я слышалъ, какъ зашуршала чистая пеленка, снятая съ печки, и вскорѣ малышъ, обряженный наново, былъ поднесенъ къ груди. Нетерпѣливыя покрикиванія сейчасъ же прекратились; сначала онъ набросился съ жадностью, усиленно зачмокалъ; разъ даже, видимо, хватилъ черезчуръ— и поперхнулся, и расплакался; но скоро все наладилось; а погодя еще немного онъ уже сталъ засыпать; сосалъ вяло; переставалъ совсѣмъ; тогда полная тишина водворялась въ комнатѣ; потомъ вдругъ, ужъ видимо во снѣ, онъ снова принимался учащенно чмокать, затѣмъ переставалъ, и слышно было его ровное, немного съ присвистомъ дыханіе.

Я также тихо лежалъ; мнѣ было хорошо подъ этимъ кровомъ, среди этой семьи. И странно: потому ли, что эта милая женщина — такая бдительная и ласковая мать — была мнѣ чрезвычайно симпатична; потому ли, что все, что она до сихъ поръ мнѣ сказала, было такъ ясно, просто и безхитростно, — но мнѣ казалось, что я ее понимаю, что я могу слѣдить за ея настроеніями, за ходомъ ея мыслей. И потому ли, что среди тишины слышно было дыханіе, да изрѣдка храпъ всѣхъ четырехъ ребятишекъ, и эти звуки разбудили въ матери рядъ воспоминаній о ихъ рожденіи, болѣзняхъ, всѣхъ заботахъ, о всѣхъ безчисленныхъ связующихъ нитяхъ; потому ли, что теплая мордочка Ѳеди, лежащая у материнской груди, разнѣжила и сердце матери; потому ли, наконецъ, что самая струя молока яснѣе всего говорила о томъ, какъ жизнь матери уходитъ на дѣтей,— но только она, отдаваясь неодолимой потребности высказаться, тихимъ, взволнованнымъ голосомъ произнесла вдругъ: «Ой, диты, диты! пропали бъ вы безъ матери, якъ руды мыши!» (охъ, дѣти, дѣти! пропали бъ вы безъ матери, какъ бурыя мыши). Счастливая и гордая нотка звучала въ этихъ словахъ!

Признаюсь, я былъ взволнованъ; какое-то щемящее и сладкое чувство подступило мнѣ къ горлу; я затаилъ дыханіе и тихо-тихо лежалъ, боясь шелохнуться, боясь малѣйшимъ звукомъ спугнуть ея настроеніе, боясь дать знать, что въ хатѣ есть чужой человѣкъ. Но нѣтъ — я не былъ «чужимъ»: я такъ ей сочувствовалъ! Я лишь считалъ себя счастливымъ, что, придя изъ-за тысячи верстъ, я натолкнулся на моментъ такого глубокаго, такого правдиваго, прекраснаго чувства. Спустя немного, она вздохнула, положила Ѳедю въ колыску, и

опять все погрузилось въ сонъ. Я ужъ не могъ заснуть до утра.

Впрочемъ, утро началось очень рано; хозяйка встала и отправилась къ коровѣ и на огородъ; старшій сынъ тоже отправился куда-то по хозяйству; забѣжала сосѣдка — пожелать пріятельницѣ добраго утра и поболтать немножко. Лежать было уже неудобно, и я всталъ, невольно подчиняясь режиму деревенскаго рабочаго дня. Ѳедя тоже проснулся, и такъ какъ матери постоянно нужно было отлучаться, она разбудила средняго сынишку, чтобы онъ посмотрѣлъ за братомъ и чѣмъ-нибудь занялъ его. Черномазый Петро, лѣтъ семи, еще не успѣвши хорошенько проснуться, лѣниво повернулъ голову и соннымъ голосомъ сказалъ: «Ѳэ-эдя», когда тотъ запищалъ. «Ой, Петро, какой же ты лѣнивый! Что же изъ этого будетъ, когда ты скажешь ему — Ѳэ-эдя!»—передразнила его мать. Впрочемъ, тотъ же Петро оказался очень проворнымъ, когда явился случай пошкольничать: проснулась сестренка и стала одѣвать свою юбочку; но, такъ какъ она не могла справиться съ завязками, то онъ сейчасъ же подскочилъ и такъ затянулъ ихъ, что совсѣмъ перетянулъ ей животъ и сначала сдѣлалъ ей больно, а потомъ завязки перервалъ. Я предложилъ свои услуги — посмотрѣть пока за Ѳедей, тѣмъ болѣе, что онъ совсѣмъ не дичился меня; мать была довольна; и вообще мы оба ясно чувствовали, что другъ другу мы очень симпатичны. Она совсѣмъ со мною не чинилась, а я чувствовалъ себя такъ свободно и удобно, какъ будто мы лѣтъ 10 ужъ знакомы. Немного погодя, я вкусно позавтракалъ и собрался въ дальнѣйшій путь; хозяйкѣ я далъ немного денегъ и имѣлъ удовольствіе услышать, какъ она сказала: «ну, это будетъ дѣтямъ на рубашечки». Распростились мы, какъ друзья; между прочимъ, она извинялась, что Ѳедя ночью кричалъ, хоть и не очень, кажется, много. «А вы такъ тихо спите»,—добавила она:—«что и не слышно—дышите вы, или нѣтъ». Я не объяснялъ милой женщинѣ, почему я такъ притихъ.

V.

Утро было еще раннее, когда я опять зашагалъ по селу. Но теперь я шелъ ужъ бодро и увѣренно—не такъ, какъ вчера; теперь я зналъ, что на обратномъ пути я найду здѣсь гостепріимное пристанище. Было тихо, ясно и какъ-то чисто на душѣ. «Какая славная семья!» — вотъ тѣ слова, которыя я повторялъ про себя. Но нѣтъ! Семья здѣсь не слово, не терминъ, не житейская форма: она — сама жизнь, животрепещущій фактъ, ничѣмъ не прикрашенный, полный самъ по себѣ значенія и смысла; и васъ охватываетъ *чувство семьи,*—чувство простое, элементарное, быть-можетъ; но зато яркое и освѣжающее.

Село окончилось, и по крутой тропинкѣ я взобрался на скалу, широкая вершина которой, покрытая слоемъ земли, покрыта яркой зеленой травкой. Обильная роса еще не сошла; солнце поднялось еще не высоко и косыми лучами серебрило тысячи росинокъ; онѣ сверкали то ровнымъ матовымъ блескомъ жемчужинъ, то искрились алмазами. Внизу—Днѣпръ. Широко и стремительно несется вода. Но, ей наперекоръ, стоятъ здѣсь и тамъ массивные камни, и вся ея широкая поверхность въ волненіи; а длинныя пряди бѣлой пѣны укрыли всю рѣку, какъ будто многовѣковая работа покрыла сѣдинами разгнѣваннаго водяного дѣда. Это—Сурской порогъ. Вдали, ближе къ лѣвому берегу, островокъ, посрединѣ котораго прорѣзана «канава», а за нимъ опять виднѣются каскады воды, бѣлые гребни пѣны. Тотъ порогъ носитъ отдѣльное названіе—Лоханскій.

Было свѣтлое, прекрасное утро. Выше порога и далеко въ глубину вода стояла невозмутимо гладкая: ни камня, ни лодочки. Еще дальше широкая гладь вѣтвится на 2 рукава. На островѣ и по обо-

имъ берегамъ стоятъ группы деревьевъ. Но ничто не выдается рѣзко: надъ всей картиной виситъ еще туманъ, который и самъ серебрится подъ лучами солнца, и заслоняетъ картину не столько, можетъ-быть, своею массой, сколько этимъ именно блескомъ. Ни одинъ предметъ не рисуется ясно: всѣ контуры немножко расплылись, немного колеблются; стволы деревьевъ вдали совсѣмъ не видны, и кажется, будто ихъ круглыя верхушки брошены въ воздухъ безъ всякой опоры. Вдали и поперекъ рѣки одна лишь узкая полоска воды ярко блестѣла среди тумана; казалось, будто всего лишь нѣсколько передовыхъ лучей пробрались по водѣ, скользя по поверхности и подточивъ пелену тумана. Затѣмъ они все больше и больше входили въ силу; за ними шли все новые и новые лучи, и яркая полоса свѣта, блестя ослѣпительно, росла и въ ширь, и въ вышину, разгоняя туманъ. Картина дѣлалась все ярче; на дальнихъ камняхъ появились блестящія полосы отраженнаго свѣта; туманъ точно таялъ, весь ушелъ кверху, и скоро лишь блѣдность неба надъ горизонтомъ свидѣтельствовала, что утро еще раннее.

Дорога дальше шла высокимъ берегомъ. Верстахъ въ 7—8 слѣдующій порогъ — Звонецкій, довольно смирный теперь, въ половодье; за нимъ село того же имени. Дальше слобода, въ которой на низкомъ берегу Днѣпра раскинулся большой барскій садъ; садъ этотъ огороженъ низенькой каменной стѣнкой, которую легко перешагнуть.

Я узналъ, что господъ теперь еще нѣтъ; садъ совершенно пустъ; а я не прочь былъ отдохнуть: трава разстилалась такимъ ровнымъ и сочнымъ ковромъ, что я перешагнулъ, разостлалъ свое пальто, подложилъ котомку подъ голову и растянулся, нѣжась на солнышкѣ. А часа черезъ два оказалось, что я чудесно поспалъ. Могъ ли я думать еще двѣ недѣли тому назадъ, въ Петербургѣ, что вскорѣ, забравшись въ чужой садъ безъ спросу, я буду спать, подложивши котомку подъ голову, точно богомолецъ. А хорошо, все-таки, такъ поспать!

Вдали глухо гудѣлъ порогъ. Видно было, какъ широкой полосою волнуется вода и какъ ея всплески блестятъ на солнцѣ. Версты черезъ двѣ началось новое село. Надъ одними воротами вывѣска: «Сельская чайная». Дай, думаю, зайду. На чистой половинѣ хаты поставлено два стола; за однимъ изъ нихъ сидитъ человѣкъ и читаетъ газету, за другимъ усаживаюсь я; на столѣ дешевые журналы и газеты. Тутъ же лежитъ засаленная тетрадка, изъ которой слѣдуетъ, что въ библіотекѣ есть книги, и что Кавунъ, Кадушка, Пивень, Носъ, Подопригора и другіе мѣстные читатели съ гоголевскими фамиліями — мужчины и женщины — книги эти брали на домъ и читали.

Хозяйка, женщина съ болѣзненнымъ лицомъ, приноситъ мнѣ чай: 2 чайника, 3 куска сахара на блюдечкѣ и стаканъ. Все чисто; чай довольно приличный. Монотоннымъ, усталымъ голосомъ она объясняетъ мнѣ, что земство платитъ ей за хлопоты, что теперь, по случаю рабочаго времени, собирается сюда народа очень мало; но зимою заходятъ часто, и набирается иногда человѣкъ 30. Пьютъ чай (иногда заходятъ сюда послѣ свадьбы), разговариваютъ; только платить не любятъ, хотя и стоитъ порція всего 4 коп. Книги выдаетъ ея мужъ.

Незнакомецъ оказался евреемъ, скупщикомъ хлѣба. Онъ пріѣхалъ въ экономію, но кого-то не засталъ и принужденъ теперь ждать. Нѣсколько времени спустя, онъ вышелъ въ сѣни вслѣдъ за хозяйкой и тамъ произошелъ слѣдующій діалогъ. «Что, у васъ есть молоко?» — спрашиваетъ онъ. «Нѣтъ, у меня и коровы нѣтъ», — отвѣчаетъ хозяйка. «Можетъ у васъ борщъ есть?» — «Нѣтъ, не варили сегодня». — «Ну, можетъ у васъ рыба есть?», — продолжаетъ онъ допытываться. «Нѣтъ, откуда же у меня рыба». — «Вѣдь

этакъ можно и издохнуть человѣку, который пріѣхалъ изъ города»,—раздраженно замѣчаетъ онъ. «Да, можно и издохнуть»,—совершенно равнодушно и не мѣняя интонаціи отвѣчаетъ ему хозяйка. На меня сельская чайная произвела гораздо лучшее впечатлѣніе, чѣмъ на этого скупщика-еврея. Отрадно видѣть, что кто-то о селѣ заботится, устраиваетъ нѣчто хорошее, вмѣсто кабака предлагаетъ книгу, хотя и тощую.

Пройдя село и огибая холмъ, на которомъ стоитъ экономія, иду вдоль рѣки; гулъ порога все яснѣе и яснѣе; камни въ безпорядкѣ разбросаны въ водѣ все чаще и чаще; а впереди, глубоко вдавшись въ рѣку, стоитъ скала; вогнутый дугою берегъ укрѣпленъ огромными камнями; перескакивая съ камня на камень, добираюсь до скалы—и вотъ ужъ я на ней.

Съ неимовѣрною скоростью мчится вода, бьетъ въ утесъ, обтекаетъ его и подтачиваетъ; скала нависла надъ водою такъ, что стремнина не только впереди, но и подо мною. Впереди, во всю ширь рѣки камни-гиганты стоятъ недвижимо, а вода стремится мимо нихъ и черезъ нихъ. Это и есть Ненасытецъ. Здѣсь нѣтъ одной широкой полосы воды, которая низвергалась бы правильнымъ водопадомъ; но, множество потоковъ летитъ съ вышины, по крайней мѣрѣ, въ сажень и здѣсь, подъ правымъ берегомъ, сливается, какъ будто бы въ котелъ. Осторожно соскакивая съ уступа на уступъ по южной сторонѣ скалы, я подбираюсь вплотную къ водѣ; вся кипящая, мчится она мимо, низвергается еще разъ съ высокаго уступа, грохочетъ, пѣнится, и кажется, что если только кончикъ пальца опустить въ этотъ бѣшеный потокъ, то и всего тебя затянетъ безвозвратно. Подъ каждымъ камнемъ, съ котораго свергается вода, стоитъ бѣлый пѣнистый валъ и меньшими валами растекается дальше; со всѣхъ сторонъ идутъ другіе такіе же валы, перекрещиваются, сталкиваются, бурлятъ; порывы вѣтра сметаютъ тучи брызговъ; и камни — мокрые, черные, угрюмые — стоятъ, какъ бы въ оправѣ изъ бѣлой сверкающей пѣны и брызговъ.

Однажды, какъ гласитъ мѣстная легенда, діаволъ заспорилъ съ Господомъ Богомъ; онъ утверждалъ, что загородитъ Днѣпръ, и Господь позволилъ ему попытаться. Тогда діаволъ, собравши все свое воинство, началъ забрасывать рѣку огромными камнями; но, сколько они ни старались — загородить Днѣпра не могли. Однако, скажу я, испортили рѣку не мало, и въ одномъ лишь діаволу нельзя отказать: у него, несомнѣнно, есть артистическій вкусъ.

Когда я взошелъ наверхъ, какой-то человѣкъ въ старомъ продранномъ котелкѣ спросилъ меня, не затѣмъ ли я пріѣхалъ, чтобы «дѣлать съемку». Такъ называлъ онъ писаніе картинъ; онъ объяснилъ, что сюда ужъ пріѣзжало нѣсколько такихъ господъ, которые по нѣсколько мѣсяцевъ сидѣли надъ порогомъ и все снимали на полотно. Самъ онъ былъ мѣстный крестьянинъ и рыбакъ. Я съ удовольствіемъ согласился на его предложеніе—перевезти меня въ лодкѣ на стѣнку «канавы», и мы отправились. Ниже скалы на нѣсколько десятковъ саженъ вдоль берега тянулся каналъ, высокія стѣнки котораго мѣстами обвалились. Это сооруженіе возведено было еще въ екатерининскія времена для прохода судовъ. Здѣсь были ворота и шлюзы. Теперь оно давно запущено; вверху совсѣмъ отгорожено отъ русла рѣки; а немного воды, которая заходитъ туда снизу, служитъ тихой пристанью для рыбаковъ и ихъ лодокъ.

Молодой парень сидѣлъ здѣсь и плелъ изъ лозы вершу. Не торопясь, оставилъ онъ свою работу; мы сѣли въ легонькій, утлый челночекъ; я — на маленькой дощечкѣ, положенной посрединѣ. Мой провожатый взялся за весло, а молодой парень—за руль, и черезъ нѣсколько мгновеній мы вышли изъ-за стѣнки канала. Рѣзкимъ движеніемъ весла нашъ рулевой

поставилъ лодку поперекъ теченія. Порогъ былъ въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ выше; крупныя волны шли одна за другою и съ силою уносили насъ; ниже виднѣлись еще камни и между ними бѣлые гребни; впереди волны казались еще выше, а толчея воды еще неправильнѣе, злѣе; со всѣхъ сторонъ было скверно. Я помнилъ, однако, что Яковъ Антоновичъ мнѣ говорилъ: «они тамъ люди опытные, знаютъ свой порогъ отлично». Къ тому же съ первыхъ взмаховъ рулевого весла было ясно, что я въ надежныхъ рукахъ: такъ ловко и послушно скользила наша лодочка по вершинамъ волнъ; такъ легко и такъ кстати срѣзывала она бѣлые гребни, что мнѣ оставалось смирно сидѣть, памятуя, что «грузъ» не долженъ болтаться съ борта на бортъ. Признаться, особенной охоты зѣвать по сторонамъ у меня не было; но, поглядывая все же время отъ времени налѣво, можно было видѣть, что тамъ вода подымается, точно пригорокъ—настолько велико паденіе воды. Но вотъ—со всѣхъ сторонъ встали уже не волны, а валы; теченіе подхватило съ особенной силою; гребцы мои всѣ силы напрягли, чтобы хоть сколько-нибудь держаться курса. Это и есть «ходъ», сказали они. И какъ ни искусно лавировали мы, все же нѣсколько разъ весь гребень волны хлестнулъ намъ въ лодку; скоро я ужъ совсѣмъ подмокъ: и ноги стояли въ водѣ, и фалды моего пальто были замочены, какъ я ни подбиралъ ихъ. Наконецъ, мы выбрались изъ этой полосы. Стало немножко полегче. Оглянувшись назадъ, я увидѣлъ, что насъ жестоко снесло; пришлось поставить лодку противъ теченія и выгребать кверху. Не разъ пришлось идти между камней; одинъ, положимъ, выше (по теченію) и лѣвѣе; другой — пониже и правѣе. Грѣбцы держатъ все время лодку на первый камень и даже еще лѣвѣе его; я удивляюсь, зачѣмъ они такъ держатъ: вѣдь мы сейчасъ на этотъ камень наткнемся; но молчу. Вдругъ, не доходя его на 1/2 аршина, сильнѣйшая струя отбрасываетъ насъ разомъ и внизъ, и вправо; гнутся весла, трещатъ уключины; трещатъ, кажется, руки у моихъ гребцовъ. «Ой, дядьку, постарайтесь!»—поощряетъ рулевой, и оба они налегаютъ во всю съ напряженными, покраснѣвшими лицами. Становится ясно, что страшенъ намъ не тотъ лѣвый камень, что стоялъ повыше, а тотъ, что пониже: на него несетъ насъ стремнина, къ нему мы все ближе и ближе, и едва-едва, собравъ всѣ силы, мы оставляемъ его въ 1/2 аршинѣ за кормой. Такъ, пробиваясь все кверху и вправо, подходимъ мы къ стѣнкѣ канавы; въ одномъ мѣстѣ маленькая отмель къ ней примыкаетъ; сюда и пристаемъ мы. Гребцы мои вытаскиваютъ лодку, переворачиваютъ ее и выливаютъ воду; а я отправляюсь по стѣнкамъ вверхъ. Налѣво бушуетъ порогъ; направо, между стѣнокъ, широкимъ потокомъ несется вода. Стѣнки тянутся на 1 1/4 версты въ длину; ширина по верху—сажени 2 1/2; сложены онѣ изъ огромныхъ камней; сооруженіе кажется такимъ массивнымъ и прочнымъ, что оно должно стоять вѣками; это только такъ кажется: мой собесѣдникъ объяснилъ мнѣ потомъ, что только «родимые» камни стоятъ нерушимо; а стѣнки каждую весну вода и ледяные заторы разносятъ въ куски; каждый годъ возобновляютъ ихъ снова.

Такимъ же порядкомъ сдѣлали мы путь и назадъ; только снесло насъ еще гораздо ниже, подбило подъ правый берегъ рѣки, и уже вдоль берега, съ великимъ трудомъ продвигаясь впередъ, пришли мы, наконецъ, къ той тихой заводи, изъ которой вышли. У гребцовъ моихъ руки горѣли, какъ въ огнѣ.

Вечерѣло. Узнавъ, что я нуждаюсь въ ночлегѣ, человѣкъ въ котелкѣ предложилъ заночевать у него. Его котелокъ и то обстоятельство, что говорилъ онъ не по-малорусски, а на какой-то русско-лакейской окрошкѣ, среди которой малорусскія слова лишь проскакивали,—были мнѣ мало симпатичны. Но, не нужно

идти и искать ночлега; къ тому же, онъ такъ лихо провезъ меня, что я согласился, и мы отправились. Происхожденіе безобразной его рѣчи сейчасъ же разъяснилось. Это былъ человѣкъ, близкій къ барскому двору: онъ былъ тамъ принятъ, исполнялъ разныя коммиссіи, съ бариномъ ѣздилъ на охоту и т. под., и не то щеголялъ, не то находилъ неприличнымъ говорить просто. Но мужикъ онъ былъ все же неглупый и зажиточный. Хата просторная, чистая. Жена его, совершенно простодушная женщина, разсказывала мнѣ про разныя свои хозяйскія огорченія, въ родѣ того, что у нея картофель въ погребѣ погнилъ. Остальная семья была на другой половинѣ и не показывалась. Первое, что разсказалъ мнѣ хозяинъ, было то, что оба сосѣднія села не имѣютъ надѣловъ. Какъ не имѣютъ надѣловъ? Вѣдь я всегда представлялъ себѣ, и не безъ гордости, что всѣ крестьяне въ Россіи надѣлены землею. Этотъ надѣлъ можетъ быть очень малъ, даже ничтоженъ; но все же на каждую душу надѣлъ полагается. А здѣсь, когда была объявлена воля, старики отъ надѣла отказались; получили по дарственной записи 1 десятину на душу и больше не имѣютъ теперь ничего. И арендуютъ землю у владѣльцевъ. Намъ не зачѣмъ, значитъ, ходить далеко за примѣрами, печалиться о фермерахъ Ирландіи; у насъ есть свои и даже вовсе не въ глуши. Все то, что мы читаемъ о фермерахъ, объ отношеніяхъ владѣльцевъ къ нимъ, все это повторяется здѣсь полностью. Управляющіе—народъ пришлый, кочевой, съ замашками мелкихъ деспотовъ, и дѣло до того доходитъ сплошь и рядомъ, что: «не хочу — не дамъ тебѣ земли въ аренду»—и изворачивайся, какъ знаешь. Все, что я здѣсь съ разныхъ сторонъ слышалъ, повергало меня въ недоумѣніе. Крестьяне прикрѣплены здѣсь къ своей экономіи; ушелъ въ сосѣднюю, гдѣ хоть аренда стоитъ дешевле — всѣ родичи за это платятся; скотину отдаетъ мужикъ на выпасъ въ сосѣднее село на болѣе сходныхъ условіяхъ — наплачешься потомъ за это, и т. д. Теперь одна надежда у крестьянъ, что наслѣдница, болѣе молодая и современная, продастъ имъ хотя бы часть земли во владѣніе; иначе, говорятъ они, хоть въ Днѣпръ кидайся. Хозяинъ мой арендовалъ участокъ земли для рыбной ловли; здѣсь ловятся и осетры, и стерлядь. На ужинъ мнѣ также изжарили рыбу. Я нарочно завелъ разговоръ о рыбной ловлѣ; и дѣйствительно, какъ только рѣчь зашла о рыбѣ, о разныхъ способахъ ее ловить, такъ хозяинъ мой не выдержалъ тона, и тотчасъ же рѣчь его стала простой, живой, интересной и образной.

Странное дѣло: почему рѣчь какого-либо мужичонка или же бабы, совсѣмъ неграмотныхъ, весь вѣкъ свой просидѣвшихъ въ своемъ захолустьи, почти всегда такъ интересна, полна удачныхъ оборотовъ, характерныхъ словечекъ, на рѣдкость образныхъ сравненій. Почему же интеллигентная рѣчь, сравнительно, такъ рѣдко остроумна; почему чуждается она крайне мѣткихъ словъ и выраженій, которыми блещетъ народная рѣчь и, точно чувствуя свою скудость, обращается за подкрѣпленіемъ въ иностранный словарь. Быть-можетъ, мы любуемся народной рѣчью точно такъ же, какъ бойкими замѣчаніями умныхъ ребятъ, удивляясь—въ сущности—тому, что они такъ малы и уже такъ остроумны. Но нѣтъ: возьму, на выдержку, примѣръ. Разсказывая мнѣ о снасти, которой ловятъ осетровъ самоловомъ (длинная веревка, къ которой прикрѣпленъ цѣлый рядъ бечевокъ съ крючьями на концахъ; веревка протягивается какъ разъ по границѣ между «одмитью» и быстриной; рыба сначала отдыхаетъ, потомъ идетъ въ быстрину, и крючки впиваются въ нее), хозяинъ мой говоритъ: «а крючки эти такіе острые, какъ магнитъ. Какъ вцѣпится, ни за что не отпуститъ!» Готовъ держать какое угодно пари, что

никогда интеллигенту не пришло бы въ голову сравнить крючокъ съ магнитомъ; и это потому, на мой взглядъ, что слишкомъ много головы наши съ самаго дѣтства муштрованы. Въ первый же разъ, какъ мы услышимъ слово «магнитъ», намъ излагаются въ порядкѣ всѣ его свойства; но ужъ, конечно, острота въ число этихъ свойствъ не входитъ; съ другой стороны, если въ школѣ предложатъ перечислить рядъ острыхъ предметовъ для примѣра — магнитъ туда не попадетъ. И вотъ уже два ящика готовы; двѣ категоріи предметовъ, точно занумерованныхъ, стоятъ особнякомъ, и не хватаетъ ни смѣлости, ни гибкости ума, чтобы перескочить и сопоставить эти столь разныя по качествамъ системы. А между тѣмъ, вотъ человѣкъ, который всего разъ въ жизни и видѣлъ-то магнитъ; точныхъ свѣдѣній о немъ — никакихъ. Но онъ поразилъ его своимъ свойствомъ, своимъ характернѣйшимъ признакомъ; и не стѣсняясь нимало, вовсе не думая даже быть остроумнымъ, онъ сближаетъ два разнороднѣйшихъ явленія по сходственному признаку, не взирая на наклеенный ярлыкъ. Выходитъ живо, наглядно, образно. «Ключицы» онъ называетъ «перилами»; про «камень» говоритъ, что онъ «родимый», и такъ на каждомъ шагу.

Узнавъ, что я плавалъ по морямъ, хозяинъ мой выдалъ мнѣ аттестатъ. «Оно и видно, что вы человѣкъ привычный»,— сказалъ онъ, вспоминая нашъ переѣздъ: «другой на вашемъ мѣстѣ дрожалъ бы, а вы—ничего. И то сказать, я бы васъ кое съ кѣмъ не повезъ; а этотъ парень, хоть ему и 19 лѣтъ всего, у насъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ рыбалокъ. Это онъ отъ отца научился; никто лучше его отца не зналъ порога, не умѣлъ лучше перевезти». Здѣсь же, ниже порога инженерная дистанція содержитъ во время навигаціи и два спасательныхъ «дуба», т. е. большія лодки съ опытными гребцами— на случай аварій.

На слѣдующій день, поѣвъ плотно варениковъ, отправился я дальше. Сосѣднее село тянулось версты на 2; а дальше, верстахъ въ 8-ми,—деревня Волнига и тамъ порогъ того же имени. Дорога отходитъ отъ берега Днѣпра, идетъ степью. Справа и слѣва поля, и трудно представить себѣ, что недавно еще здѣсь стояли старые дубовые лѣса; они были куплены у владѣльца крестьянами и мигомъ вырублены безъ остатка. Деревня показалась мнѣ убогой и невзрачной; лишь на въѣздѣ красовался прекрасно отстроенный домъ какого-то мѣстнаго богатѣя. Чрезвычайно непріятно поражаетъ такой домъ: такъ и кажется, что если бы онъ не былъ такъ хорошъ, сосѣднія хаты не стояли бы такія сѣрыя, унылыя, всклоченныя. Зашелъ я къ учителю; съ большимъ интересомъ слушалъ подробности о жизни школы и къ вечеру отправился обратно. Волнигскій порогъ, послѣ Ненасытца, впечатлѣнія на меня не произвелъ.

(Окончаніе будетъ.)

*
* *

Стремился ты къ солнцу, къ сіянію неба—
Горда и смѣла молодежь.
Такъ высятся гордо зародыши хлѣба —
Неспѣлая, тонкая рожь.

Съ тѣхъ поръ пронеслись безпощадные годы,
И близокъ твой скорбный закатъ.
Ты пережилъ счастье, ты вынесъ невзгоды,
Ты силами духа богатъ!

Съ душой отягченной, съ душой наболѣвшей,
Съ заботой на грустномъ челѣ
Склоняешься ты, словно колосъ созрѣвшій,
Все ниже и ниже къ землѣ.

Б. Никоновъ.

Принцъ-каменщикъ.

Историческій очеркъ Э. Монтануса.

Въ департаментѣ Соммы, между рѣкой Соммой и Сѣверной желѣзной дорогой, лежитъ городъ Гамъ, съ принадлежащимъ къ нему стариннымъ зàмкомъ, впослѣдствіи обращеннымъ въ фортъ. Въ этомъ замкѣ содержались въ заточеніи много историческихъ лицъ, напр. Жанна д'Аркъ, принцъ Кондэ и т. д. Съ 1840 года по 1846 годъ въ немъ содержался принцъ Луи-Наполеонъ Бонапартъ, впослѣдствіи императоръ Наполеонъ III.

Послѣ неудавшагося опыта водрузить имперское знамя въ Страсбургѣ, принцъ сдѣлалъ новую попытку въ Булонь-сюръ-меръ. Но это второе, безразсудно начатое, предпріятіе, окончилось еще хуже перваго, приведшаго лишь къ «удаленію» принца въ Америку. Прибывъ въ Булонь на англійскомъ кораблѣ, Луи-Наполеонъ и его приверженцы устроили торжественное театральное шествіе къ казармамъ 42-го полка, съ цѣлью провозгласить вторую имперію. Во главѣ процессіи несли ручного орла, какъ символъ императорской власти. Однако, на крики: «Да здравствуетъ императоръ!» послышалось въ отвѣтъ: «Да здравствуетъ король!», а когда изъ города выступилъ навстрѣчу отрядъ національной гвардіи, бунтовщики принуждены были обратиться въ бѣгство. Лодка, везшая принца обратно на корабль, опрокинулась и его съ трудомъ только вытащили изъ воды и мокраго отвезли въ тюрьму.

Французская палата пэровъ приговорила принца Луи-Наполеона къ вѣчному заключенію въ фортѣ Гамъ. «Сколько длится во Франціи вѣчность?»—спросилъ онъ насмѣшливо послѣ произнесенія приговора. И дѣйствительно, 25-го мая 1846 года ему удалось бѣжать изъ тюрьмы въ Лондонъ, въ одеждѣ каменщика.

О бѣгствѣ принца появилось нѣсколько различныхъ версій, но въ нихъ правда тѣсно переплетена съ вымысломъ. Только за послѣдніе годы обнародованы болѣе

достовѣрныя свѣдѣнія. Они кажутся намъ настолько интересными, что мы хотимъ подѣлиться ими съ нашими читателями.

Совсѣмъ упавъ духомъ, принцъ 7-го октября 1840 года занялъ назначенное ему помѣщеніе въ фортѣ Гамъ, послѣ траги-комическаго исхода своего предпріятія, исхода,—сдѣлавшаго его на нѣкоторое время «смѣшнымъ».—Заточеніе раздѣляли съ принцемъ: генералъ Монтолонъ, закрывшій глаза его дядѣ, на островѣ св. Елены; докторъ Конно, присутствовавшій у смертнаго одра его матери и обѣщавшій ей не покидать ея сына, и вѣрный камердинеръ принца, Шарль Телэнъ. Всѣ трое участвовали въ булонскомъ предпріятіи. Монтолонъ былъ приговоренъ къ двадцатилѣтнему тюремному заключенію, Конно къ пятилѣтнему, но, съ согласія правительства, остался съ принцемъ и по истеченіи срока своего наказанія. Телэнъ былъ оправданъ, но также получилъ разрѣшеніе не покидать своего господина.

Фортъ Гамъ образуетъ прямоугольникъ съ круглыми башнями по угламъ. На одной изъ сторонъ находятся единственныя ворота. Почти напротивъ воротъ расположена казарма, съ рѣшетчатыми окнами. Во второмъ этажѣ этой казармы были отведены принцу три комнаты. Рядомъ съ ними находилось помѣщеніе доктора Конно. Генералъ Монтолонъ помѣщался въ нижнемъ этажѣ.

Тремъ тюремнымъ сторожамъ было вмѣнено въ обязанность слѣдить за принцемъ. Гарнизонъ Гама состоялъ изъ 400 человѣкъ, изъ коихъ 60 несли службу въ фортѣ. По странной случайности, въ составъ гарнизона входила часть 46-го полка, стоявшаго въ Страсбургѣ, и 42-го, расположеннаго въ Булони. Въ рядахъ обоихъ принцъ насчитывалъ не мало приверженцевъ. Комендантъ форта, Демерль, былъ преданный долгу, исполнительный, хотя нѣсколько грубоватый офицеръ, съ которымъ принцъ, однако, находился въ наилучшихъ отношеніяхъ. Онъ былъ обязанъ два раза въ сутки навѣщать заключеннаго, а по вечерамъ нерѣдко игралъ съ нимъ въ карты. Жена коменданта частенько посылала изъ своей кухни лишнее блюдо къ обѣду принца.

Постепенно принцъ получилъ разрѣшеніе гулять по двору и по валамъ форта, а впослѣдствіи, по совѣту врача, даже ѣздить верхомъ. Граждане Гама, гулявшіе со своими семьями по другому берегу Соммы, протекающей мимо форта, часто видѣли, какъ принцъ скакалъ верхомъ на лошади, и не упускали случая почтительно привѣтствовать представителя имени Бонапарта. Луи-Наполеонъ носилъ полу-военное, полу-гражданское платье, съ краснымъ кепи на головѣ. Принцъ имѣлъ даже на валу собственный садикъ, гдѣ онъ разводилъ цвѣты. Онъ могъ свободно заниматься, чѣмъ хотѣлъ, сочинять газетныя статьи, издавать брошюры, писать и получать письма. Въ сущности, комендантъ обязанъ былъ прочитывать всю его корреспонденцію, но это исполнялось только относительно входящей, относительно же исходящей корреспонденціи контроль оставался чисто номинальнымъ. Такъ какъ Телэнъ получилъ разрѣшеніе дѣлать въ Гамѣ закупки для своего господина, то ему нетрудно было отправлять потихоньку и его письма. Заключенный имѣлъ право даже принимать посѣтителей, но только каждый разъ съ особаго разрѣшенія.

Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ принцъ видимо не помышлялъ о побѣгѣ. Онъ писалъ однажды: «Я нисколько не стремлюсь покинуть мѣсто, гдѣ нахожусь; съ тѣмъ именемъ, которое я ношу, возможенъ только мракъ темницы или блескъ трона». Въ другой разъ онъ объявилъ, что предпочитаетъ умереть въ тюрьмѣ, чѣмъ еще разъ покинуть Францію.

Съ теченіемъ времени, однако, честолюбивые замыслы взяли верхъ, и къ концу 1845 года у него уже созрѣла рѣшимость бѣжать, какъ только представится случай. Впослѣдствіи утверждали,

что общій планъ бѣгства былъ составленъ докторомъ Конно; но въ настоящее время удостовѣрено, что планъ побѣга принадлежалъ скорѣе Шарлю Телэну. Генералъ же Монтолонъ ничего не зналъ о намѣреніи принца и даже долгое время дулся на него за побѣгъ.

Прежде всего, для выполненія плана, принцу нужны были средства, такъ какъ собственныхъ, которыя присылалъ ему его молочный братъ и управляющій, Бюръ, было слишкомъ недостаточно. Онъ разсчитывалъ, что на побѣгъ и на прожитіе въ первое время ему понадобится по крайней мѣрѣ полтораста тысячъ франковъ. И дѣйствительно, довѣренному лицу его, графу Жозефу Орси, удалось занять для него эту сумму въ Лондонѣ у эрцгерцога Карла Брауншвейгскаго. Орси также принималъ участіе въ Булонскомъ предпріятіи и былъ приговоренъ къ пятилѣтнему тюремному заключенію, по отбытіи срока котораго онъ уѣхалъ въ Лондонъ. Принцъ велъ съ нимъ тайную переписку при посредствѣ Телэна. Извѣстный своей скупостью «Брильянтовый Герцогъ» сначала и слышать не хотѣлъ о томъ, чтобы способствовать своими деньгами освобожденію принца; въ концѣ концовъ онъ далъ однако желаемую сумму, подъ вексель, срокомъ на пять лѣтъ, который долженъ былъ быть скрѣпленъ подписью самого принца. Кромѣ того, герцогъ ставилъ условіемъ, чтобы принцъ заключилъ съ нимъ наступательный и оборонительный союзъ, въ силу котораго Наполеонъ обязывался поддерживать притязанія герцога на возстановленіе его власти въ Германіи, въ томъ случаѣ, если онъ будетъ избранъ королемъ, президентомъ или императоромъ. Тѣ же услуги обязывался оказать принцу герцогъ, если онъ раньше достигнетъ власти въ Германіи, чѣмъ принцъ во Франціи.

Орси отправился въ Гамъ, вмѣстѣ съ личнымъ секретаремъ герцога, Джорджомъ Смитомъ. Ему удалось получить разрѣшеніе посѣтить принца, вмѣстѣ съ англичаниномъ, подъ предлогомъ, что послѣдній намѣревался купить у принца картины. Покидая фортъ, Смитъ увезъ съ собою подписанный вексель и договоръ, котораго, однако, Наполеонъ III не исполнилъ, сдѣлавшись императоромъ.

Оставалось найти приличный предлогъ для бѣгства принца, послѣ того какъ онъ столь категорически объявилъ, что не желаетъ покинуть тюрьму. Такимъ предлогомъ послужила опасная болѣзнь его отца, Луи-Бонапарта, жившаго во Флоренціи, подъ именемъ графа Сенъ-Лё.

Въ концѣ 1845 года появился въ Парижѣ нѣкій Поджіоли и вручилъ министрамъ Молэ, Деказу и Монталивэ три, написанныя якобы экс-королемъ Голландіи, письма, въ которыхъ король ходатайствовалъ передъ французскимъ правительствомъ о разрѣшеніи гамскому плѣннику исполнить сыновній долгъ по отношенію къ своему больному отцу. Но такъ какъ графъ Сенъ-Лё былъ совершенно разбитъ параличомъ, а отношенія его къ сыну были съ давнихъ поръ не изъ лучшихъ, то представляется довольно вѣроятнымъ, что письма эти были подложны. Когда шагъ этотъ не привелъ ни къ чему, Луи-Наполеонъ написалъ лично министру внутреннихъ дѣлъ, объявляя, что если ему разрѣшатъ поѣхать во Флоренцію, къ больному отцу, то онъ обязуется честнымъ словомъ, явиться снова въ качествѣ плѣнника, по первому требованію правительства. Министръ отклонилъ и эту просьбу.

Тогда Наполеонъ написалъ 16-го января 1846 года письмо самому королю Людовику-Филиппу, начинавшееся словами: «Государь! Глубоко взволнованный, обращаюсь я къ вашему величеству съ просьбой, въ видѣ милости разрѣшить мнѣ хотя бы на самый короткій срокъ покинуть Францію. Въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ счастье дышать воздухомъ моей родной страны съ избыткомъ вознаграждало меня за муки заточенія; но старость и болѣзнь моего отца настойчиво повелѣваютъ мнѣ исполнить мой сыновній долгъ».

«Король-гражданинъ» готовъ былъ исполнить желаніе принца, но совѣтъ министровъ не далъ своего согласія.

Замѣтимъ кстати, что графъ Сенъ Лё скончался въ Ливорно 25-го іюля 1846 года, вовсе не призывая къ своему смертному одру сына, который давно уже жилъ на свободѣ въ Лондонѣ. Принцъ также не счелъ нужнымъ покинуть англійскую столицу. Такимъ образомъ, цѣлью его отъѣзда изъ Гама не было исполненіе «священнаго долга», какъ онъ утверждалъ впослѣдствіи.

II.

Весною 1846 года, простой случай поразительнымъ образомъ помогъ выполненію давно задуманнаго принцемъ бѣгства.

Каменныя стѣны тюрьмы во многихъ мѣстахъ пришли въ ветхость, штукатурка въ коридорахъ обвалилась, и комендантъ получилъ въ началѣ мая разрѣшеніе произвести ремонтъ казармы.

Въ фортѣ появились рабочіе, началось безпрерывное движеніе, и принцъ, съ Конно и Телэномъ, зорко слѣдившіе за всѣмъ происходившимъ, вскорѣ замѣтили, что строгій надзоръ былъ установленъ собственно за приходящими въ фортъ рабочими; за уходившими же, не только по окончаніи работъ, но и среди дня, смотрѣли гораздо слабѣе. Отсюда явилась у заговорщиковъ мысль устроить побѣгъ принца подъ видомъ рабочаго-каменщика.

Телэнъ добылъ все необходимое, какъ-то: рубашку изъ грубаго холста, широкіе штаны, шейный платокъ, двѣ блузы, передникъ и рабочій картузъ. Всѣ эти вещи уже съ 3-го мая лежали наготовѣ.

За нѣсколько дней до побѣга, принцъ принималъ своихъ знакомыхъ изъ Англіи, сэра Роберта Пильса и лэди Крафордъ. Онъ разсказалъ имъ, что долженъ по безотлагательной надобности послать своего камердинера въ Бельгію, и просилъ во избѣжаніе лишнихъ затрудненій одолжить ему на время паспортъ ихъ лакея. Тѣ согласились, и паспортъ этотъ пришелся принцу очень кстати впослѣдствіи. Бюръ выслалъ наконецъ 2000 франковъ, взятыхъ имъ заранѣе изъ 150,000, внесенныхъ эрцгерцогомъ Карломъ братьямъ Берингъ, въ Лондонѣ.

25-го мая каменщики и штукатуры начали по обыкновенію работу въ половинѣ седьмого утра. Такъ какъ имъ приходилось работать въ коридорѣ, какъ разъ напротивъ покоевъ принца, то, при наступленіи назначеннаго къ побѣгу времени, Телэнъ позвалъ ихъ въ нижній этажъ выпить стаканъ вина. Одинъ только изъ рабочихъ остался на мѣстѣ, обѣщая придти послѣ.

Между тѣмъ принцъ сбрилъ себѣ бороду и переодѣлся. Сверхъ обыкновеннаго штатскаго платья онъ надѣлъ выпачканную известкой блузу и широкіе штаны; потомъ вымазалъ себѣ темной краской лицо, надвинулъ картузъ на глаза и взялъ въ зубы коротенькую глиняную трубку, однимъ словомъ совершенно преобразился въ каменщика. Потомъ онъ вытащилъ изъ одного изъ книжныхъ шкаповъ полку и взялъ ее себѣ на плечо. Всегда отличаясь суевѣріемъ, принцъ выбралъ ту именно полку, которая—по алфавитному порядку книгъ — была помѣчена буквой Н. Въ карманъ онъ захватилъ кинжалъ, и, на счастье, два письма, которыя считалъ талисманами: одно отъ матери, другое отъ Наполеона I.

Телэнъ оставилъ рабочихъ за виномъ, а самъ поспѣшно поднялся во второй этажъ, накинулъ пальто и взялъ на цѣпочку любимую собачку принца, Гама.

Вслѣдъ за Телэномъ и заключенный вышелъ изъ комнаты. На минуту онъ остановился, увидѣвъ оставшагося рабочаго, занятаго на лѣстницѣ, но Конно, шедшій за принцемъ по пятамъ, по коридору, толкнулъ его, прошептавъ: «Идите же, идите!» Тюремные сторожа находились внизу на своемъ посту, но Телэнъ, проходя мимо, остановился поболтать съ

ними, чтобы отвлечь ихъ вниманіе, и сообщилъ, что принцъ ночью сильно занемогъ и теперь еще чувствуетъ себя очень плохо. Такимъ образомъ переодѣтый каменщикъ могъ пройти, не будучи узнаннымъ. Онъ прошелъ черезъ дворъ, среди толпы солдатъ и мимо самого караульнаго офицера. Въ эту минуту у принца выпала изо рта трубка и разбилась; но у него хватило присутствія духа нагнуться и поднять ее, совершенно входя въ роль бѣдняка, который жалѣетъ даже обломковъ глиняной трубки. Дойдя до выходныхъ воротъ Луи-Наполеонъ измѣненнымъ голосомъ потребовалъ, чтобы ему открыли. Стоявшій на часахъ солдатъ съ минуту колебался, потомъ открылъ рѣшетку, безъ всякихъ возраженій. По всей вѣроятности нѣкоторые изъ солдатъ узнали принца; такъ можно заключить по крайней мѣрѣ изъ свидѣтельскихъ показаній, данныхъ впослѣдствіи въ Пероннѣ, на судебномъ слѣдствіи, по дѣлу о побѣгѣ. Во всякомъ случаѣ ни одинъ изъ нихъ не былъ привлеченъ къ отвѣтственности.

Но мытарства принца еще не окончились. На подъемномъ мосту стоялъ сержантъ Флажолло, разговаривая съ подрядчикомъ о предстоящихъ работахъ. Бѣглецъ, однако, смѣло прошелъ мимо и даже зацѣпилъ говорившихъ доской, которую несъ на плечѣ, за что ему вслѣдъ послышалась брань за неловкость.

Между тѣмъ Телэнъ, оставивъ сторожей, послѣдовалъ въ нѣкоторомъ разстояніи за принцемъ, съ трудомъ сдерживая собаку, которая рвалась къ своему хозяину. Выйдя изъ форта, вѣрный слуга поспѣшилъ впередъ, за экипажемъ, который нанялъ наканунѣ въ городкѣ, у мѣстнаго извозчика.

Тѣмъ временемъ Луи-Наполеонъ продолжалъ путь до предмѣстья Сенъ-Сюльписъ, гдѣ онъ бросилъ доску въ поле, а самъ усѣлся на край могилы, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидая прибытія экипажа. Наконецъ, подъѣхалъ Телэнъ. Принцъ, не теряя времени, вскочилъ въ экипажъ и сталъ неистово погонять лошадь, такъ-что восемнадцать километровъ до Сенъ-Кентена были сдѣланы менѣе, чѣмъ въ часъ. Бѣглецъ оставался въ своемъ рабочемъ костюмѣ до тѣхъ поръ, пока не показались первые городскіе дома. Тогда онъ слѣзъ съ экипажа, снялъ блузу, штаны, передникъ, картузъ и т. д. и запряталъ ихъ въ кусты.

Въ Сенъ-Кентенѣ Телэнъ оставилъ свой экипажъ у почтмейстера, нанялъ у него другой экипажъ и пару лошадей, чтобы какъ можно скорѣе ѣхать дальше. Кучеру было обѣщано хорошее вознагражденіе, если онъ въ самомъ скоромъ времени доставитъ ѣдущихъ въ Валансьенъ. Не успѣли они отъѣхать, какъ имъ попались на встрѣчу префектъ съ су-префектомъ, не узнавшіе, однако, принца. Въ три часа пополудни онъ прибылъ въ Валансьенъ. Такъ какъ это была послѣдняя станція на французской территоріи, то здѣсь путешественники, ѣхавшіе дальше по желѣзной дорогѣ въ Бельгію, должны были предъявить свои паспорты. Наполеонъ показалъ паспортъ, оставленный ему англійскими друзьями, который и былъ найденъ въ порядкѣ.

Пока принцъ ждалъ отходившаго въ Брюссель поѣзда, къ Телэну обратился на платформѣ желѣзнодорожный жандармъ, служившій прежде жандармомъ въ Гамѣ. Онъ освѣдомился о принцѣ и завелъ съ Телэномъ нескончаемый разговоръ. Стоявшій рядомъ принцъ переносилъ пытку, ожидая каждую минуту, что его узнаютъ и арестуютъ. Однако счастливая звѣзда охраняла его. Безъ дальнѣйшихъ приключеній онъ сѣлъ на поѣздъ, безпрепятственно миновалъ бельгійскую границу и 27-го мая прибылъ въ Лондонъ.

Во весь день бѣгства принца доктору Конно удавалось обманывать сторожей и коменданта, увѣряя, что принцъ боленъ. Комендантъ Демерль пришелъ сначала въ

девять часовъ утра, потомъ между двѣнадцатью и часомъ, чтобы посмотрѣть на своего плѣнника. Но докторъ убѣдилъ его, что больной очень ослабъ и теперь только что задремалъ немного, а потому просилъ не входить въ спальню. Когда комендантъ удалился, Конно свернулъ изъ плаща и носового платка, которыми принцъ обыкновенно повязывалъ голову на ночь,—нѣчто въ родѣ куклы, нѣсколько напоминавшей фигуру принца, и уложилъ ее въ постель. Когда Демерль пришелъ въ третій разъ, въ семь часовъ вечера, и выразилъ непремѣнное желаніе видѣть принца, — докторъ отворилъ ему дверь изъ сосѣдней со спальней гостиной и указалъ на куклу. Комендантъ повѣрилъ, что дѣйствительно видитъ спящаго узника. Въ эту минуту на дворѣ раздался барабанный бой.

— Это должно разбудить его,—проговорилъ комендантъ, начиная ощущать смутное безпокойство.—Мнѣ кажется, онъ пошевелился.

Съ этими словами Демерль осторожно вошелъ въ спальню, приблизился къ кровати и сказалъ вполголоса, обращаясь къ доктору:

— Да онъ совсѣмъ не дышитъ!

Конно приложилъ палецъ къ губамъ, какъ бы желая сказать: «Тише, не разбудите!» но комендантъ подошелъ еще ближе къ кровати и опустилъ руку на куклу, съ намѣреніемъ разбудить спящаго. Только тутъ онъ замѣтилъ обманъ и вскричалъ, поблѣднѣвъ отъ волненія:

— Что это значитъ? Что за неумѣстныя шутки? Гдѣ принцъ?

— Ну, такъ какъ скрывать больше нечего, то я скажу вамъ прямо: принцъ уѣхалъ.

— Уѣхалъ? Какъ? Куда?

— Извините меня, но это моя тайна. Я исполнилъ свой долгъ, исполняйте вы— вашъ.

— Такъ скажите, по крайней мѣрѣ, когда уѣхалъ принцъ.

— Сегодня, въ семь часовъ утра.

Какъ громомъ пораженный, отправился Демерль сообщить высшему начальству о случившемся. На другое утро явился префектъ департамента Соммы и жандармскій полковникъ и начали слѣдствіе. Комендантъ и тюремные сторожа были арестованы, Конно снова лишенъ свободы и посаженъ подъ строгій караулъ.

Отъ принца пришло изъ Лондона письмо, въ которомъ онъ сообщалъ подробности своего бѣгства. Такое же письмо онъ написалъ и французскому посланнику въ Лондонѣ, увѣряя его, что не питаетъ никакихъ враждебныхъ замысловъ противъ правительства, и выражая надежду, что, благодаря такому его заявленію, срокъ заключенія его друзей будетъ сокращенъ.

На судебномъ разбирательствѣ въ Переннѣ Демерль и его подчиненные были оправданы; Конно приговоренъ къ трехмѣсячному, а отсутствовавшій Телэнъ къ шестимѣсячному тюремному заключенію. Генералъ Монтолонъ былъ вскорѣ выпущенъ на свободу. Гамская цитадель съ тѣхъ поръ перестала служить государственной тюрьмой.

Принцъ Луи-Наполеонъ оставался въ Лондонѣ, пока бурный потокъ февральской революціи 1848 г. не вызвалъ крушенія орлеанской монархіи. Тогда принцъ поспѣшилъ переплыть каналъ, но, по требованію временного правительства, снова вернулся въ Англію. И вдругъ, совершенно неожиданно, на дополнительныхъ выборахъ въ національное собраніе, принцъ былъ избранъ въ четырехъ департаментахъ, а, на повѣрочныхъ выборахъ—даже въ пяти. При выборѣ президента 10-го декабря, Кавеньякъ долженъ былъ уступить мѣсто племяннику Наполеона I.

* * *

Какъ ее похоронили,
Всѣ о ней тотчасъ забыли,
Не забыли только я
Да родимая земля.

—

Мать-земля ее лелѣетъ,
Въ зной свѣжитъ и въ стужу грѣетъ,
Кроетъ ризою цвѣтной,
Кроетъ снѣжной пеленой.

—

Истомленъ житейской битвой,
Лишь слезами, лишь молитвой
На закатѣ хмурыхъ дней
Я могу дѣлиться съ ней.

—

Но она, я знаю, слышитъ,
Что во мнѣ поетъ и дышитъ,
И изъ чуждыхъ, скорбныхъ мѣстъ
Ждетъ къ себѣ, подъ мирный крестъ.

—

Какъ улягусь рядомъ съ нею,
Сномъ любви ее обвѣю,—
И она въ блаженномъ снѣ
Улыбаться будетъ мнѣ.

К. Николаевъ.

Смерть изъ-за любви.

Разсказъ **Ф. Кюрнбергера.**

Въ тѣсномъ лабиринтѣ лондонскихъ улицъ тамъ и сямъ разбросаны островки, въ видѣ маленькихъ площадокъ, образуемыхъ скрещиваніемъ нѣсколькихъ улицъ и представляющихъ хотя бы на нѣсколько секундъ необходимые пункты остановки для людей и экипажей. Посреди этихъ площадокъ обыкновенно стоитъ газовый фонарь, огражденный вокругъ рѣшеткой, — и вся площадка нѣсколько приподнята надъ окружающею ее мѣстностью...

На одномъ изъ такихъ перекрестковъ, тамъ гдѣ Гайстритъ, Краунстритъ и Тотенгэмъ-Кортъ впадаютъ въ гигантскую Оксфордскую улицу, стояла молодая дѣвушка. Подъ мышкой у нея былъ какой-то красивый пакетикъ, а надъ ея изящною атласною шляпкой красовался солнечный зонтикъ, котораго дочери этой туманной страны никогда не складываютъ, какъ бы въ насмѣшку надъ невидимымъ солнцемъ. Легкое волненіе покрывало ея лицо румянцемъ; грудь ея дышала усиленно, глаза пытливымъ и вызывающимъ взглядомъ впивались въ сутолоку сновавшихъ туда и сюда экипажей. Неужели еще долго придется ждать спасительнаго омнибуса!

Но на возвышеніи, гдѣ стояла дѣвушка, можно не только видѣть, но и быть самому замѣченнымъ. Внезапный страхъ разомъ измѣнилъ всѣ ея черты. Она блѣднѣетъ, обходитъ газовый фонарь, какъ будто желая спрятаться за нимъ, какъ за стволомъ дерева. Напрасный трудъ! Ее уже увидали. Между тысячами людей она замѣтила одного мужчину, а онъ — ее. Глаза ихъ встрѣтились. Онъ очутился возлѣ нея.

Онъ кланяется ей.

— Миссъ Мери,—я радъ, что вижу васъ.

Мери молчитъ.

— Вы не имѣете ничего сказать мнѣ, Мери?

Какъ будто она можетъ сказать что-нибудь! Она растерялась, какъ пойманная преступница.

Ея собесѣдникъ чувствуетъ это. Онъ

окидываетъ ее глазами съ головы до ногъ и съ сознаніемъ своей власти надъ нею говоритъ спокойно:

— Прощайте, миссъ Мери. Я не желаю быть обязаннымъ случаю тѣмъ, что вижу васъ. Вы не приглашали меня сюда; а куда я приглашаю васъ — туда вы не идете. Прощайте!

Это подѣйствовало. Дѣвушка вздрогнула.

— Постой, Джемсъ,—удерживаетъ она его.—Остановись, Джемсъ! Если бы ты зналъ...

— Что?

— Ричардъ причинилъ намъ большое огорченіе. Отецъ снова заговорилъ объ Индіи; мать плакала. Мнѣ стало жаль ихъ... Не себя, Джемсъ, а родителей.

— Развѣ мы не говорили уже давно объ этомъ?

— Да, конечно.

— А жалѣютъ ли тебя родители?

— И это правда.

— И все-таки?

— Прости меня, Джемсъ. Я слаба... нѣтъ, я не слаба, но на меня находятъ минуты слабости.

— Вотъ идетъ твой омнибусъ. Прощай, Мери!

— Джемсъ, еще одно слово. Постой, Джемсъ. Когда я увижу тебя опять?

Онъ пристально смотритъ на нее.

— Миссъ Мери, развѣ я ваша игрушка въ эти минуты слабости?

— Этого не случится больше, конечно, нѣтъ! Когда увижу я тебя опять?

Его взглядъ сдѣлался ласковѣе.

— Хорошая моя! Сегодня вторникъ: завтра—нѣтъ, въ четвергъ—нѣтъ; слѣдовательно, въ пятницу! Мѣсто и часъ—прежніе. Прощай, Мери!

Какъ сладостно звучитъ его голосъ! Какъ нѣжно онъ смотритъ на нее!

Онъ останавливаетъ знакомъ омнибусъ, подсаживаетъ туда дѣвушку и исчезаетъ по направленію къ Бедфордскому скверу.

Но вслѣдъ за Мери, въ омнибусъ вошелъ еще одинъ человѣкъ. Но всѣ мѣста внутри были уже заняты, и онъ отправился наверхъ, на имперіалъ.

Этотъ маленькій человѣкъ обратилъ на себя общее вниманіе. Собственно, это былъ не человѣкъ, а человѣческій остовъ, которому недоставало тѣлесной оболочки.

Онъ носилъ складную войлочную шляпу, голубой галстукъ съ бѣлыми крапинками, темнозеленый сюртукъ, жилетъ и брюки неопредѣленнаго цвѣта и башмаки, не принимавшіе никакой ваксы, такъ какъ первоначально они были лакированы. Такую скромную внѣшность имѣлъ человѣкъ, который тѣмъ не менѣе былъ важною особой, именно — лондонскимъ газетнымъ репортеромъ.

Правда, подъ словомъ репортеръ, въ англійскомъ смыслѣ этого слова, подразумѣвается только человѣкъ, пишущій въ газетахъ отчеты о парламентскихъ преніяхъ; но м-ръ Брай не былъ таковымъ. Его героями были не законодатели Англіи. Его герои крали носовые платки, убивали, грабили, поджигали, бѣсновались, топились,—словомъ продѣлывали всѣ замѣчательныя и гнусныя вещи, сообщенія о которыхъ газеты помѣщаютъ подъ рубрикою: «Новости дня».

Итакъ мистеръ Брай сидѣлъ на имперіалѣ омнибуса, надъ головкою миссъ Мери...

Конечнымъ пунктомъ рейса былъ Бейзуотеръ. Бейзуотеръ лежитъ къ западу отъ Лондона, — можно сказать за городомъ и граничитъ съ Гайдпаркомъ и Кенсингтонскимъ садомъ.

Бейзуотерскій дилижансъ высадилъ уже большинство своихъ пассажировъ у Гайдпарка. Миссъ Мери и м-ръ Брай оставили его послѣдними.

М-ръ Брай пошелъ поспѣшными шагами по боковой дорогѣ, впереди дѣвушки. Пройдя нѣсколько сотъ шаговъ, онъ добрался до загороднаго дома. Это былъ хорошенькій, красиво выстроенный коттэджъ, стоявшій па краю отлогой возвышенности.

— Можно видѣть м-ра Дентона?—спросилъ мистеръ Брай слугу, вышедшаго на его

стукъ въ сѣни. Вмѣстѣ съ тѣмъ м-ръ Брай отдалъ ему свою карточку. Слуга доложилъ о немъ своему господину.

Черезъ нѣсколько секундъ м-ръ Брай вошелъ въ пріемную, находившуюся въ первомъ этажѣ.

— Не угодно ли войти сюда,—крикнулъ чей-то голосъ изъ-за портьеры. Репортеръ направился въ комнату, находившуюся позади пріемной. Это былъ кабинетъ м-ра Дентона.

Хозяинъ дома сидѣлъ въ креслѣ, вытянувъ передъ собою ноги, укутанныя ватнымъ одѣяломъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти, съ угрюмымъ, даже болѣзненнымъ выраженіемъ лица. Лобъ его былъ въ морщинахъ, губы его были узки, ротъ сомкнутъ. Только глаза его сохранили остатокъ красоты. Они свѣтились умомъ и чувствомъ.

— Зачѣмъ вы пожаловали?—спросилъ м-ръ Дентонъ.

— Я пришелъ сюда съ одного уличнаго перекрестка въ Оксфордстритѣ, — отвѣтилъ мистеръ Брай. — Вы знаете мѣсто, гдѣ Гай- и Краунъ-стритъ сходятся подъ острымъ угломъ, а Тоттенгэмъ-Кортъ-Родъ напротивъ — ведетъ къ Бёрмингэмскому желѣзнодорожному вокзалу? Тамъ бываетъ много столкновеній, паденій, кражъ, искалѣченій прохожихъ колесами экипажей, — словомъ масса происшествій. Я люблю этотъ пунктъ. Здѣсь пятнадцать лѣтъ тому назадъ застрѣлился лордъ Шербонъ, и я, счастливецъ, стоялъ такъ близко отъ него, что осколокъ мозговой его кости ударился прямо въ мой жилетъ. Мое описаніе этого несчастнаго случая навсегда рѣшило успѣхъ нашей газеты. И съ тѣхъ поръ рубрику: «Несчастные случаи» мы замѣнили рубрикою: «Страшныя происшествія». Это было гораздо лучше. Что касается мозговой кости, то она принесла мнѣ еще другое, особое счастіе. Лордъ Стэнгонъ, обладающій прекрасною коллекціей реликвій самоубійцъ, далъ мнѣ сто фунтовъ за этотъ осколокъ. Хорошія денежки! На нихъ я съ моею Кэтъ совершилъ путешествіе по Рейну. Какъ тогда была еще дешева жизнь въ Германіи! Мы доѣхали до Комскаго озера. Это были счастливыя времена! Съ тѣхъ поръ я полюбилъ Краунъ-Оксфордскій перекрестокъ.

— Тамъ васъ и недостаетъ, — колко проворчалъ больной.

— Напротивъ, мистеръ Дентонъ. Мнѣ кажется, что сейчасъ я былъ тамъ совсѣмъ лишній. Именно для одной парочки. Я подсмотрѣлъ эту парочку, но она не замѣтила, что за нею наблюдаютъ. Дама держала передъ собою зонтикъ и закрывала имъ и своего кавалера. Ихъ головы были скрыты недурно, но чѣмъ лучше скрывались они, тѣмъ меньше нужно было прятаться мнѣ. И я услыхалъ слѣдующее. Одинъ упрекалъ другого въ несостоявшемся свиданіи, затѣмъ они условились относительно новой встрѣчи. Подсмотрѣлъ же я слѣдующее: дама была — миссъ Мери Дентонъ, а кавалеръ—былъ сэръ Флоримондъ-Клоудъ-Мерси, герцогъ Лафъ-Коррибъ.

— Милостивый государь!—вскричалъ Дентонъ, привскочивъ.

— Не правда ли, это—хорошая газетная замѣтка! Да что я говорю! Это цѣлый фельетонъ, настоящій фельетонъ! Я напишу его и выставлю въ надлежащемъ свѣтѣ пэра Англіи, который на одномъ изъ лондонскихъ перекрестковъ ведетъ любовную бесѣду съ дѣвушкой средняго круга.

Дентонъ ничего не отвѣтилъ на это. Репортеръ продолжалъ:

— Но скромность выше гонорара. Я — бѣднякъ, — это фактъ. Ба! Кто бѣденъ? Тотъ, кто богатъ потребностями. Не правда ли, м-ръ Дентонъ? И притомъ я—старая принадлежность вашего дома, я нѣкогда былъ вашимъ посыльнымъ... Это обстоятельство вызываетъ столкновеніе обязанностей. Одна обязанность говоритъ: позаботься о самомъ себѣ; напиши фельетонъ о томъ, какъ одна изъ нашихъ самыхъ хорошенькихъ, но незнатныхъ

дѣвушекъ является на свиданіе съ однимъ изъ знатнѣйшихъ лордовъ на уличномъ перекресткѣ въ Лондонѣ. Да, сдѣлай это. Но другая обязанность, именно—дружба, благодарность—возражаетъ на это: хорошенькая дѣвушка—дочь твоего бывшаго патрона; ты знаешь ее съ тѣхъ поръ, какъ она дышала еще однимъ дыханіемъ со своею матерью... Милое дитя! Очаровательная мамаша! Неужели же ты хочешь выставить ее на суровый сквозной вѣтеръ гласности? Гласность превосходная вещь для плохихъ министровъ и для хорошей ваксы, для старыхъ злоупотребленій и для молодыхъ адвокатовъ,—но для дѣвушекъ она не годится. Какое отношеніе имѣютъ дѣвушки къ свободѣ печати?

Дентонъ сдержался съ трудомъ.

— Я не понимаю васъ,—сказалъ онъ коротко и сухо.

— Почему же? Въ чемъ я не понятенъ? Или я не ясно произношу имя миссъ Мери Дентонъ, или я искажаю имя сэра Флоримонда-Клоуда-Мерси, герцога Лафъ-Корриба?

— Нѣтъ, нѣтъ. Вы говорите достаточно ясно, но вы плохо видѣли. Вы, безъ сомнѣнія, ошиблись.

Репортеръ вскочилъ.

— Вы оскорбляете меня, сэръ! Это подрываетъ мой кредитъ! Лондонскій репортеръ — и ошибся! Да для кого же Господь Богъ создалъ глаза и уши, если не для лондонскаго репортера?

Дентонъ, тономъ человѣка не желающаго выходить изъ себя, возразилъ:

— Я боленъ, м-ръ Брай; извините меня, если я желаю поберечь себя. Будьте же кротки. Посмотрите мнѣ въ лицо, м-ръ Брай, и скажите мнѣ въ глаза: неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что дитя, воспитанное мною, можетъ имѣть нѣсколькихъ возлюбленныхъ?

— Клянусь Богомъ нѣтъ, м-ръ Дентонъ! Я говорю, что ваша дочь заслуживаетъ имѣть цѣлую толпу влюбленныхъ въ нее, но я говорю также, что сама она будетъ любить только одного.

— Прекрасно. Ну, а если я вамъ скажу, что миссъ Мери уже любитъ? Любитъ нищаго, гордаго, самонадѣяннаго-дерзкаго и безстыднаго нищаго, двуличнаго, неблагонадежнаго человѣка безъ правилъ, котораго я собственноручно вытолкалъ вотъ въ эту дверь...

— Въ эту дверь? Извините, пожалуйста...

Репортеръ вскочилъ и началъ измѣрять вышину и ширину двери.

— Что вы тамъ дѣлаете?—спросилъ Дентонъ.

— Какъ знать! Эта дверь замѣчательна. Фельетонъ... что я говорю! да тутъ цѣлый романъ! Такъ, въ эту-то дверь былъ выброшенъ пэръ Англіи? О, замѣчательная дверь!

— Оставьте мою дверь въ покоѣ,— вскричалъ Дентонъ запальчиво.—Это былъ нищій, искатель приключеній, проходимецъ, совершенный антиподъ пэра. Да слушайте же меня! Я описалъ его вполнѣ, за исключеніемъ его имени. Имени—я не назову.

— А я назову,—сказалъ репортеръ.— Это былъ мистеръ Джемсъ Лёммисъ, служащій въ англійскомъ банкѣ и получающій двѣсти двадцать пять фунтовъ въ годъ.

Дентонъ вздрогнулъ.

— Милостивый государь, вы знаетс...

— Прошу прощенія. Ричардъ разсказываетъ объ этомъ всюду.

— Скверный мальчишка!

— Это, впрочемъ, не его вина, а моя заслуга. Репортеръ знаетъ все.

— Значитъ, вамъ извѣстно, что эта несчастная дѣвушка...

— Любитъ нѣкоего мистера Джемса Лёммиса,—это совершенно вѣрно. И никто не станетъ утверждать, что на ряду съ нимъ она любитъ также нѣкоего сэра Флоримонда-Клоуда-Мерси, герцога Лафъ-Корриба.

— Ну, такъ...

— Очень просто. Мистеръ Джемсъ Лём-

мисъ и сэръ Флоримондъ-Клоудъ—одно и то же лицо.

Этотъ отвѣтъ поразилъ старика. Но только на одно мгновеніе. Затѣмъ онъ пожалъ плечами и сказалъ:

— Ваше воображеніе разстроено.

— Такъ-ли?—спросилъ репортеръ.

— Вы видите и слышите слишкомъ много, — отвѣчалъ Дентонъ: — вы работаете такъ много въ области удивительныхъ происшествій, что, въ концѣ концовъ, сами не знаете, что—фактъ и что фантазія, вымыселъ.

— Не совсѣмъ такъ,—возразилъ репортеръ:—потому что только за факты намъ платятъ гонораръ, а за произведенія фантазіи — никакого.

Въ передней послышался бой стѣнныхъ часовъ. Репортеръ всталъ.

— Богъ да проститъ мнѣ мои прегрѣшенія! Какъ не замѣтно проходитъ день! Мнѣ нужно попасть въ омнибусъ. Я долженъ ѣхать въ типографію. Неужели мы въ самомъ дѣлѣ проболтали цѣлый часъ? Прощайте, сэръ, прощайте. Кто могъ предвидѣть, что я сегодня попаду въ Бейзуотеръ? А что касается герцога Лафъ-Корриба — то шутки въ сторону, м-ръ Дентонъ? Я знаю этого человѣка. Господи, неужели нельзя ничего разсказать въ теченіе цѣлаго часа? А то я разсказалъ бы вамъ, какъ близко я знаю его. Но я долженъ уйти. Въ первый разъ — вотъ видите — я встрѣтился съ нимъ у лорда Стенгона, когда продавалъ этому лорду осколокъ черепа. Значитъ, я знаю его уже пятнадцать лѣтъ. Второй разъ — это было въ домѣ умалишенныхъ. Онъ сидѣлъ въ Денгэмъ-Паркѣ, но онъ не былъ сумасшедшимъ, а просто жертвою злой интриги. По крайней мѣрѣ, такъ говорили мнѣ. Другіе говорили иначе. Словомъ, я, по протекціи, получилъ доступъ въ Денгэмъ-Паркъ и набросалъ по этому поводу нѣсколько замѣтокъ для нашего листка. Тогда Коррибъ былъ просто господинъ Мерси. Въ третій разъ... Но развѣ часы растяжимы, какъ каучукъ. Я въ самомъ дѣлѣ долженъ уйти. Добраго утра, сэръ. Думайте объ этомъ дѣлѣ, какъ вамъ угодно. Обратите вниманіе на то, что онъ— эксцентрикъ, любитъ инкогнито; онъ испытываетъ дѣвушку: ему нужно сердце, а не знатность... и такъ далѣе... Только помните, что у меня есть глаза и уши. Прощайте.

Человѣчекъ поспѣшно направился къ двери. Дентонъ удержалъ его. Онъ съ усиліемъ потянулся къ своему письменному столу, выдвинулъ одинъ ящикъ, и вынулъ оттуда бумажку въ пять фунтовъ стерлинговъ.

— Позвольте,—сказалъ онъ.—Вы потратили время, вы пожертвовали мнѣ замѣткой, которую считаете цѣнною. Справедливость требуетъ, чтобы я вознаградилъ васъ за нее.

— Ни одного шиллинга! — вскричалъ м-ръ Брай.—Но пусть это будетъ стофунтовый билетъ, когда состоится свадьба. Отъ тестя герцога я приму все. И моя Кэтъ тогда съ удовольствіемъ увидитъ Парижъ. Добраго здоровья, сэръ. Прощайте.

И онъ ушелъ.

Дентонъ былъ совершенно озадаченъ.

Точно во снѣ онъ дернулъ шнурокъ звонка.

— Попросите сюда мою жену,—сказалъ онъ слугѣ.

Миссисъ Дентонъ явилась.

— Скажи Мери, чтобы она попросила г. Джемса Лёммиса еще разъ навѣстить насъ.

Жена посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

Дентонъ передалъ ей сообщеніе репортера.

— Что ты думаешь объ этомъ, Елисавета?

Радостный румянецъ разлился по лицу маленькой блѣдной женщины. Глаза ея заблестѣли.

— Я вижу свѣтъ! — сказала она и обняла своего мужа.

— Я — нѣтъ, — отвѣчалъ послѣдній, пасмурный какъ всегда.—Соблазнитель—принцъ въ мѣщанскомъ платьѣ! Старыя сказки! Но во всякомъ случаѣ это—новая точка зрѣнія. Съ этой точки я еще не смотрѣлъ на этого Джемса Лёммиса. Скажи Мери, —она пришла, я слышалъ ея шаги на лѣстницѣ,—скажи ей, что я желалъ бы поговорить съ Лёммисомъ еще разъ.

— Хорошо.

И хозяйка дома поднялась во второй этажъ.

Тамъ находились комнаты дочерей. Комната Мери была расположена надъ пріемною, а комната ея сестры, Дженелли, надъ кабинетомъ Дентона.

Мери сидѣла за письменнымъ столомъ и усердно писала. Услыхавъ шаги, она мгновенно спрятала письмо, и положила на столъ какую-то книгу и листки своего альбома, дѣлая видъ, что списываетъ отрывки изъ стихотвореній.

Вошла мать. Она коротко и рѣшительнѣ передала ей порученіе отца.

— Слишкомъ поздно! — прошептала Мери.

— Что ты говоришь?

— Онъ не придетъ.

Обѣ онѣ нѣсколько мгновеній молчали. Во время домашняго разлада, вслѣдствіе котораго отецъ и дочь давно уже не входили въ прямыя сношенія другъ съ другомъ, мать тоже привыкла получать отъ нея только односложные отвѣты. Она знала это. Но сегодня Мери казалась ей еще болѣе рѣзкою и холодною, чѣмъ когда-нибудь. Это глубоко огорчило ее.

— Пригласи его отъ *моего* имени,— сказала она вдругъ. Эта мысль пришла ей моментально въ голову.

Напрасно. Мери отвѣчала:

— Онъ никогда болѣе не войдетъ въ этотъ домъ.

Мать посмотрѣла на нее съ растеряннымъ и грустнымъ видомъ.

— Неужели ты имѣешь на него такъ мало вліянія?

— Это значило бы злоупотреблять моимъ вліяніемъ, — отвѣчала Мери. — Я не желаю подвергать любимаго человѣка новому оскорбленію.

— Его не будутъ оскорблять.

— Все равно. Что нужно Джемсу отъ моего отца? И что отцу отъ Джемса? Говорить? О чемъ? У нихъ нѣтъ никакого предмета для разговора.

— А ты—не предметъ?

— Между отцомъ и Джемсомъ—нѣтъ!

— Почему нѣтъ?

— Послѣ того, что̀ случилось, Джемсъ оскорбился бы даже согласіемъ отца. Нельзя подтверждать права на то, что и такъ находится въ полномъ нашемъ владѣніи. Мною обладаетъ Джемсъ и кромѣ него—никто! Ни отецъ, ни Богъ!

— Несчастная дѣвушка, ты говоришь: ни Богъ?

— Да, создавъ любовь, Онъ создалъ все. Теперь мой богъ—Джемсъ!

Мать испустила крикъ ужаса. Мери сказала мягко:

— Чего ты испугалась? Вѣдь я пою нашу женскую пѣсню. Мы—женщины, нашъ богъ — мужчина. Твой богъ называется Эдуардомъ Дентономъ, а мой—Джемсомъ Лёммисомъ. Не правда ли?

Миссисъ Дентонъ съ дрожью и смущеніемъ отвѣчала:

— Человѣкъ—не Богъ.

Мери улыбнулась.

— Человѣкъ — не Богъ. Прекрасно. Скажи, мамочка, положа руку на сердце: ведь Джемсъ и я давно были бы уже мужемъ и женою, если бы ты была вдовой? Но господинъ, что̀ тамъ внизу, думаетъ иначе, и ты думаешь такъ же, какъ и онъ. Кто же, въ такомъ случаѣ, создаетъ мысли женщинъ — Богъ или мужъ? Дай мнѣ договорить, пожалуйста. Мы должны принимать наши мысли, чувства, желанія и образъ дѣйствій отъ нашего «повелителя», какъ мы получаемъ отъ него нашу пищу, наше питье, наши ленты и кружева. Если мы не дѣлаемъ этого, то мы стано-

вимся безразсудными женщинами. Но мы обѣ разсудительны, мамочка,—не правда ли? Мы благочестивы и богобоязненны. Но Джемсъ Лёммисъ не придетъ! Онъ гордъ,—и я должна быть гордою.

Бѣдная женщина была такъ подавлена словами дочери, что не могла произнести ни слова. Она прислонилась къ спинкѣ дивана и разразилась слезами.

Мери обняла мать и сказала ей совершенно измѣнившимся тономъ:

— Да, мама, будемъ плакать... умремъ... О, почему женщина создана такою слабою, а мужчина—такимъ сильнымъ!

II.

Имя герцога Лафъ-Корриба окружило домъ Дентона какими-то чарами. Хотя самъ Дентонъ принялъ извѣстіе репортера съ мрачнымъ недовѣріемъ, а Мери съ улыбкой сомнѣнія покачала головой, когда ея мать, въ качествѣ послѣдняго довода, съ торжествомъ произнесла имя герцога, однако... Въ домѣ Дентона насчитывалось девять душъ: отецъ и мать, четверо дѣтей и три человѣка прислуги. И изъ этихъ девяти душъ только двѣ не вѣрили. Остальные — не знали что и сказать, т. е. они говорили себѣ самыя невѣроятныя вещи.

Мери превратилась въ какую-то фею. Когда она проходила по комнатамъ то на лицѣ всѣхъ домашнихъ, казалось, написана была мысль: «вотъ идетъ она, невѣста герцога!» Все смотрѣло на невѣсту взоромъ, полнымъ робкаго и восторженнаго удивленія. Мать строго запретила надоѣдать дѣвушкѣ разговорами на эту тему; но, казалось, все въ домѣ дышало безмолвнымъ благоговѣніемъ.

Какъ пріятно было бы подольше оставаться свидѣтелемъ этой прекрасной жизни, полной фантастическихъ грёзъ! Но это невозможно, потому что явился человѣкъ, который вдругъ ворвался въ нее и такъ грубо, что слѣдующая сцена въ домѣ Дентоновъ, которую намъ предстоитъ описать, была одною изъ самыхъ некрасивыхъ семейныхъ сценъ.

Мистеръ Дентонъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, когда, почти въ тотъ самый часъ, въ который наканунѣ къ нему явился м-ръ Брай, ему доложили о приходѣ новыхъ посѣтителей. Это были Ричардъ, его сынъ, и мистеръ Доддъ, банкиръ, какъ онъ самъ называлъ себя, и ростовщикъ, какъ называемъ его мы.

Характеръ этихъ двухъ людей самымъ рѣшительнымъ образомъ выражался въ ихъ наружности. Ростовщикъ обладалъ приземистою, жирною, апоплексическою фигурой и былъ одѣтъ пестро и безвкусно. У него было широкое рябое лицо, маленькіе и хитрые глаза и короткій, тупой носъ.

Глядя на его носъ и глаза, можно было подумать, что природа намѣревалась создать изъ него смѣсь свиньи и мопса, но его ужасныя челюсти показывали, что въ минуту его созданія предъ природою носился образъ акулы.

Ричардъ Дентонъ, блудный сынъ семьи, былъ тонкій, высокій юноша съ дѣтскимъ лицомъ, которое, казалось, остановилось въ своемъ юношескомъ развитіи и было далеко опережено замашками испорченнаго взрослаго мужчины. Его верхняя губа была украшена усиками, которые такъ плохо шли къ его дѣтскому лицу, какъ будто кто-нибудь намалевалъ ихъ жженою пробкой. Когда онъ говорилъ, онъ мялъ и растягивалъ слова. Но его костюмъ съ головы до ногъ былъ безукоризненъ.

Дентонъ-отецъ не удостоилъ его взглядомъ. Онъ обратился исключительно къ м-ру Додду.

— Чѣмъ могу вамъ служить?—спросилъ онъ далеко не привѣтливымъ тономъ.

Ростовщикъ началъ глухимъ и торжественнымъ голосомъ, въ которомъ были замѣтны нѣкоторая сдержанность и смущеніе.

— Я имѣю честь заниматься денежными дѣлами вашего сына, сэра Ричарда Дентона. Я — Джозуа Доддъ, торговый агентъ и банкиръ въ Бобстритѣ.

— Въ Бобстритѣ!—повторилъ Дентонъ съ легкимъ сарказмомъ.—Какъ разъ подходящее сосѣдство для господъ, нуждающихся въ деньгахъ.

Онъ намекалъ на близость Друрилена, извѣстнаго сборнаго пункта элегантныхъ шалопаевъ.

Ростовщикъ спокойно проглотилъ эту пилюлю и приступилъ къ цѣли своего посѣщенія.

— У меня въ рукахъ находятся векселя сэра Ричарда на сумму въ двѣ тысячи фунтовъ, которые всѣ подлежатъ немедленной уплатѣ, послѣ неоднократныхъ отсрочекъ.

— Жалѣю васъ, сэръ,—сказалъ Дентонъ сухо.

— Я не могъ согласиться на дальнѣйшія отсрочки, — продолжалъ ростовщикъ:—и рѣшился,—я хочу сказать принужденъ, — произвести по этимъ векселямъ взысканіе.

— Это въ самомъ дѣлѣ несчастіе, сэръ.

— Несчастіе, сэръ? Какимъ образомъ?

— Дѣло въ томъ, что я лично не желалъ бы имѣть въ своемъ портфелѣ вексель Ричарда Дентона даже на двѣсти шиллинговъ.

— Что вы говорите, м-ръ Дентонъ? Не хотите ли вы этимъ сказать, что вексель, подписанный вашимъ именемъ, можетъ быть протестованъ?

— Моимъ именемъ? Меня зовутъ Эдуардомъ, а не Ричардомъ.

— Но также и Дентономъ.

— Конечно,—Эдуардомъ Дентономъ. И я спрашиваю еще разъ: чѣмъ я могу служить вамъ? Извините меня, но я дорожу своимъ временемъ.

— Да и я тоже, сэръ. Притомъ между Бобстритомъ и Бейзуотеромъ почти шесть миль разстоянія. Поэтому я буду кратокъ, сэръ. Я помогъ сэру Ричарду въ его маленькихъ денежныхъ затрудненіяхъ. Наконецъ мнѣ понадобились мои деньги: что же можетъ быть естественнѣе представленія мною къ уплатѣ векселей, которымъ наступилъ срокъ?

— Я совершенно раздѣляю ваше мнѣніе. Подавайте ко взысканію.

Ростовщикъ былъ озадаченъ, но все-таки продолжалъ:

— М-ръ Дентонъ, можетъ-быть, вы имѣете основанье строго поступать съ сэромъ Ричардомъ. Но я-то ради чего долженъ быть жертвою вашей строгости? Вы поражаете ею не его, а меня, сэръ. Двѣ тысячи фунтовъ—шутка сказать! Это все мое состояніе. Да что я говорю! Въ нихъ заключается и состоянье моихъ друзей. Неужели честный человѣкъ долженъ сдѣлаться нищимъ только потому, что, по своей добротѣ, онъ помогаетъ сыновьямъ почтенныхъ семействъ выпутываться изъ ихъ маленькихъ денежныхъ затрудненій?

— Сыновьямъ почтенныхъ семействъ не даютъ средствъ для распутства, — вскричалъ Дентонъ.

— Распутства! — грустно улыбнулся м-ръ Доддъ.—Что вы называете распутствомъ, сэръ? Развѣ наша старая Англія монастырь? Развѣ наша молодежь потеряла право наслаждаться жизнью? Полно, сэръ, предоставимъ нашимъ молодымъ людямъ перебѣситься, тѣмъ дѣльнѣе они будутъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ. И, наконецъ, развѣ тратить деньги не есть обязанность?

— Думайте, что хотите, — отвѣчалъ Дентонъ:—но вы пустили ваши двѣ тысячи фунтовъ на вѣтеръ.

— Вы огорчаете меня, — вздохнулъ ростовщикъ.—Вы умѣете шутить такъ, что сердце сжимается отъ боли.

— Я вовсе не шучу!—вскричалъ Дентонъ: и Доддъ былъ принужденъ повѣрить ему.

Сентиментальность не помогла, и м-ръ Доддъ ударилъ по болѣе сильной струнѣ.

— Просроченный вексель, клянусь,

тоже не можетъ служить предметомъ для шутокъ. Съ должникомъ расправа коротка: или съ него взыскиваютъ деньги, или...— И онъ величественно посмотрѣлъ м-ру Дентону въ глаза.

Послѣдній спокойно возразилъ:

— Вы, кажется, хотите сказать, что имѣете власть отправить моего сына въ долговую тюрьму?

— Да, да, именно *это*! — вскричалъ хищникъ, ожидая дѣйствія своихъ словъ. Но онъ сильно смутился, когда онъ тутъ же замѣтилъ, что его ударъ не произвелъ никакого дѣйствія. По лицу Дентона разлилось выраженіе искренней радости.

— Если вы сдѣлаете мнѣ это удовольствіе,—съ живостью вскричалъ онъ:— то, клянусь Богомъ, я дамъ вамъ за это пятьсотъ фунтовъ.

М-ръ Доддъ, озадаченный, безмолвно смотрѣлъ на него съ вытаращенными глазами.

Тутъ уже вмѣшался въ разговоръ Ричардъ.

— Папа, если ты заплатишь пятьсотъ фунтовъ, то м-ру Додду будетъ возвращено почти все. Клянусь тебѣ, я получилъ отъ него не больше этого.

— Довольно,—сказалъ Дентонъ повелительнымъ тономъ и повернулся, чтобы уйти.

Ростовщикъ остановилъ его.

— Еще одно слово, сэръ. Такъ какъ я ухожу теперь, чтобы выхлопотать приказъ Ca Sa *), то пусть никто не говоритъ, что я слишкомъ поторопился это сдѣлать и что вы согласились на арестъ сына необдуманно, въ минуту гнѣва. Я желалъ бы, чтобъ вы подумали объ этой мѣрѣ. Сэръ Ричардъ будетъ сидѣть и ворчать. Это фактъ. Но сэръ Ричардъ— не единственное ваше дитя. Наказаніе, которое вы предназначили ему, падаетъ на все ваше семейство. Вы отецъ дочерей, которыя могутъ выйти замужъ. И какихъ дочерей, сэръ! Если молва о красотѣ и добродѣтели когда-нибудь заслуживала вѣры, то ваши дочери обладаютъ всѣми правами на лучшія партіи въ странѣ. Позвольте, позвольте, м-ръ Дентонъ. Я знаю, что говорю. Я вовсе— не льстецъ. Развѣ герцогъ Портлэндъ не повелъ къ алтарю дочери торговца ворванью? Развѣ маркизъ Лэндстаунъ не женился на дочери пастора? Хорошо ли звучитъ фраза: «Братъ сидитъ въ долговой тюрьмѣ?» Таково мое мнѣніе, сэръ. Это меня не касается. Я сдѣлаю то, чего вы желаете. Но каждая вещь имѣетъ двѣ стороны, и здѣсь идетъ рѣчь о двухъ сторонахъ, весьма не равныхъ. Вы даете маленькій урокъ сыну, но рискуете, можетъ-быть, навсегда счастіемъ вашихъ дочерей.

Дѣйствіе этихъ словъ было разсчитано довольно ловко, и Доддъ благоразумно приберегъ ихъ подъ конецъ. Но они-то и испортили все дѣло. Едва ростовщикъ упомянулъ о герцогѣ Портлэндѣ, какъ у мистера Дентона тотчасъ же упала пелена съ глазъ. Ему казалось, что сказка репортера о герцогѣ предстала въ своемъ истинномъ свѣтѣ. Онъ увидѣлъ въ ней заговоръ, составленный Браемъ сообща съ его сыномъ и м-ромъ Доддомъ, для сегодняшняго наглаго, почти насильственнаго, вымогательства денегъ. Вотъ почему и почтенный м-ръ Брай такъ безкорыстно отказался отъ предложенныхъ ему пяти фунтовъ! Изъ двухъ тысячъ ему пришлось бы получить гораздо больше! Сердце старика кипѣло отъ бѣшенства, по мѣрѣ того какъ ему приходили въ голову эти мысли; но его лицо, съ обычнымъ ему выраженіемъ горечи и неудовольствія, не выдало его чувствъ. М-ръ Доддъ, внимательно наблюдавшій за Дентономъ, увидѣлъ на его лицѣ только выраженіе раздумья и приписалъ его убѣдительности своихъ словъ. Поэтому онъ свалился прямо съ облаковъ, когда Дентонъ, едва сдерживая свое раздраженіе, вдругъ пошелъ къ двери и

*) Ca Sa—Capias ad Satisfaciendum. Формула судебнаго приказа объ арестованіи за долги.

рѣзко и холодно бросилъ ему только слѣдующія слова:

— Не заботьтесь о чужихъ семейныхъ дѣлахъ! То, что я сказалъ, остается неизмѣннымъ.

Ростовщикъ бросилъ молодому Дентону многозначительный взглядъ и, пожавъ плечами, вышелъ изъ комнаты.

Сынъ насмѣшливо посмотрѣлъ ему вслѣдъ и сказалъ отцу:

— Онъ исчезъ, какъ дождевая вода. Онъ съ жадностью ухватился за твою фразу о долговой тюрьмѣ, потому что пятьсотъ фунтовъ вполнѣ не вознаграждаютъ. Ему нуженъ былъ только предлогъ, чтобы съ честью выйти изъ этого дѣла.

Дентонъ отвѣчалъ строгимъ тономъ:

— Долговая тюрьма вовсе не была ни фразой, ни предлогомъ. Ты долженъ попасть туда.

— Папа, брось свою idée fixe!— вскричалъ повѣса запальчиво. — М-ръ Доддъ правъ: Англія—не монастырь, а юность хочетъ жить! Можетъ-быть, ты, потерявъ свою молодость, завидуешь теперь моей? Я хочу жить, пока могу.

Старикъ побагровѣлъ при этихъ словахъ.

— Вонъ, негодяй!—загремѣлъ онъ въ припадкѣ гнѣва. Онъ схватилъ сына за плечо и однимъ взмахомъ сбросилъ бы его съ лѣстницы, если бы Ричардъ не вырвался и не убѣжалъ.

Мистрисъ Дентонъ въ испугѣ сбѣжала со второго этажа, въ то время какъ Ричардъ стремительно летѣлъ по ступенямъ перваго.

— Ради Бога, что случилось?—вскричала она.

— Вторженіе воровъ и разбойниковъ,— отвѣчалъ Дентонъ. И между тѣмъ какъ оба супруга входили съ площадки лѣстницы въ комнату, онъ продолжалъ:

— Ты должна знать, милая Бетси, что существуетъ распространенная по всей землѣ шайка воровъ и разбойниковъ, которые дерзко и открыто, при яркомъ свѣтѣ дня занимаются своимъ ремесломъ. Для этой шайки нѣтъ никакой полиціи, ни суда, ни Ньюгэтской тюрьмы, ни ссылки, ни висѣлицы. Мошенники, о которыхъ я говорю, называются сыновьями, а обокраденные и ограбленные—отцами.

Мистрисъ Дентонъ поняла, о чемъ шла рѣчь, и сказала со вздохомъ:

— Когда Богъ вразумитъ, наконецъ, это несчастное дитя!?

Дентонъ отвѣчалъ:

— Когда онъ украдетъ у меня послѣдній шиллингъ. Тогда его внезапно озаритъ мысль, что и у другихъ людей тоже есть шиллинги, и онъ отправится воровать у нихъ.

— Ради Бога не повторяй безпрестанно этого слова: «воровать»!—вскричала мистрисъ Дентонъ.

— Да, это—гнусное слово. Но какъ же назвать того, который растрачиваетъ деньги, ему не принадлежащія, не заработанныя имъ, не составляющія его собственности, — этотъ сынъ развѣ не воръ? Нѣтъ, онъ только весельчакъ, вотъ и все. Да и въ самомъ дѣлѣ это очень весело. Нѣтъ ничего забавнѣе, какъ обворовывать своего отца! Словомъ, отецъ—это бухгалтеръ своего сына, пользующійся своимъ умѣреннымъ жалованьемъ. Если отецъ тратитъ больше, то этотъ излишекъ онъ крадетъ у своихъ дѣтей.

Мистрисъ Дентонъ не выдержала.

— Ты ужасенъ, Дентонъ! Неужели тебѣ ни на одно мгновеніе не приходитъ въ голову, что ты говоришь это о своемъ собственномъ сынѣ?

— Съ какой стати долженъ я этого мальчишку, это соединеніе тупости и эгоизма, безсердечія и умственной пустоты, называть своимъ сыномъ и прижимать къ своему сердцу? Долгъ родителей — если смотрѣть на него безъ преувеличенной и изысканной нѣжности — есть нѣчто весьма простое. Какъ поступаютъ животныя? Они кормятъ своихъ дѣтенышей, пока не разовьются силы послѣднихъ для самостоятельнаго пользова-

нія ими. Человѣкъ обладаетъ двоякими силами—тѣлесными и умственными, поэтому нашъ долгъ относительно дѣтей—двойной: мы обязаны давать имъ содержаніе и образованіе. Вотъ это и есть наша обязанность, безспорная и неопровержимая. Но зато она и исчерпывается этимъ, — вся, цѣликомъ. И эту свою обязанность я исполнилъ относительно моего сына. Еще бы! Я его содержалъ прекрасно, а его образованіе!.. Онъ долго и упорно отвергалъ его, чтобы выработать изъ себя то, что какъ разъ подходитъ къ его собственной натурѣ: именно, хлыща. Бѣдный мальчикъ! Развѣ онъ не убѣжалъ изъ Итона, потому что вовсе не былъ латинистомъ, и изъ морской школы, потому что онъ совсѣмъ не морякъ, и изъ конторы, потому что онъ не купецъ? Развѣ я не хотѣлъ купить ему, наконецъ, офицерскій патентъ, и онъ не сдѣлалъ открытія, что онъ—и не воинъ и вообще не стóитъ ни щепотки пороха? Право, мнѣ очень было бы желательно услышать, въ чемъ еще состоитъ моя обязанность относительно Ричарда?

Мистрисъ Дентонъ вздохнула. Дентонъ посмотрѣлъ на нее и, казалось, ждалъ отъ нея отвѣта или, лучше, подтвержденія его словъ. Но она отвѣтила просто:

— Спроси у своего сердца. Я могу только просить тебя — не доводить дѣла до крайности.

Дентонъ возразилъ:

— Будь такъ добра, обратись съ этою просьбой къ твоему сыну. Если ужъ мы заговорили объ обязанностяхъ, то существуютъ также и сыновнія обязанности. Не забывай этого. Если дѣло дойдетъ до крайности, то это будетъ зависѣть вполнѣ отъ него. Еще одна дерзость, подобная сегодняшней — и онъ у меня сгніетъ въ долговой тюрьмѣ. Недавно вынесли изъ долговой тюрьмы старика, сидѣвшаго тамъ сорокъ пять лѣтъ...

Мистрисъ Дентонъ едва сдержала крикъ ужаса.

— Ради Бога, — вскричала она. — Но вѣдь этотъ старикъ не былъ наслѣдникомъ тридцати тысячъ фунтовъ?

— А развѣ Ричардъ мой наслѣдникъ?—возразилъ Дентонъ.—Я не вижу, по какому праву мой сынъ можетъ надѣяться на мои деньги, и въ силу какой обязанности я долженъ подарить ихъ ему. Человѣкъ можетъ имѣть только то, что онъ пріобрѣлъ. Пусть же Ричардъ пріобрѣтетъ деньги! Хотя свѣтъ довольно безуменъ, но относительно права наслѣдованія даже и свѣтъ имѣетъ немножко здраваго смысла. Онъ нигдѣ не осмѣливается требовать, чтобы отецъ завѣщалъ свои деньги сыну. Въ Англіи, напримѣръ, онъ требуетъ только того, чтобы отецъ оставлялъ сыну въ наслѣдство одинъ шиллингъ. Одинъ шиллингъ, хотя бы онъ обладалъ милліонами! Вотъ все наслѣдство Ричарда и, клянусь честью, онъ получитъ его, этотъ шиллингъ!

— Но если Ричардъ исправится?

— Ричардъ исправится? Какъ могло придти это тебѣ въ голову? Ты плохо знаешь этого джентльмена. Онъ хочетъ такъ жить, какъ онъ живетъ. Этотъ самый Ричардъ сказалъ мнѣ сегодня въ глаза, что я завидую его молодости, потерявъ свою!

Этого было слишкомъ много. Мистрисъ Дентонъ поблѣднѣла при этихъ словахъ и безмолвно поникла головой.

Послѣ небольшой паузы Дентонъ перешелъ къ другой темѣ. Онъ высказалъ сожалѣніе, что вчера такъ опрометчиво рѣшилъ еще разъ принять м-ра Джемса Лё[illegible]са. Мистрисъ Дентонъ до сихъ поръ еще не собралась съ духомъ, чтобы сообщить мужу о своей бесѣдѣ съ дочерью, отказавшейся исполнить желаніе отца. Поэтому перемѣна намѣренія была ей даже пріятна, и она поспѣшила замѣтить, что для этого во всякомъ случаѣ будетъ еще достаточно времени. Дентонъ былъ вполнѣ согласенъ съ ней, и супруги разстались довольные другъ другомъ.

III.

«Завтра—нѣтъ, въ четвергъ—нѣтъ,—значитъ въ пятницу»,—сказалъ Мери м-ръ Леммисъ на перекресткѣ. Теперь эта пятница наступила.

Послѣ обѣда мистрисъ Дентонъ со своею младшею дочерью отправились на прогулку. Онѣ предложили Мери идти вмѣстѣ съ ними, но она, по обыкновенію, отказалась. Она сказала, что ожидаетъ миссъ Перрименъ, свою школьную подругу, и пойдетъ гулять вмѣстѣ съ нею.

— Въ такомъ случаѣ ты можешь присоединиться къ намъ послѣ, — замѣтила Дженни.

— Да, пожалуй,—отвѣчала Мери спокойно.

— Гдѣ же мы встрѣтимся?

— Мы, я думаю, будемъ гулять у Змѣинаго ручья въ Гайдпаркѣ,—сказала мистрисъ Дентонъ.

Какъ только мать и сестра ушли, Мери занялась своимъ туалетомъ. Въ ея дни носили еще тотъ короткій и узкій костюмъ, который былъ въ модѣ при первой имперіи. Онъ необыкновенно шелъ къ ней.

Мери одѣвается съ какой-то мечтательною медленностью. Въ нерѣшительности она подолгу останавливается передъ отворенными шкапами, шкатулками и картонками. Она беретъ въ руки одно, откладываетъ въ сторону другое. Она отодвигаетъ вещи, которыя ей не мѣшаютъ, и выдвигаетъ тѣ, которыя ей вовсе не нужны.

По временамъ глаза ея напряженно устремляются въ окно. Она посматриваетъ на солнце,—а не на улицу, по которой должна пройти миссъ Перрименъ,—а затѣмъ взглядываетъ на свои часы. У нея есть еще время. Затѣмъ она окидываетъ свою комнату задумчивымъ взоромъ, какъ бы для того, чтобы провѣрить, не забыла ли она чего-нибудь. Она выдвигаетъ ящикъ своего бюро и перебираетъ пальцами кучу запечатанныхъ писемъ. Она разсматриваетъ ихъ адресы: родителямъ, Дженни, Ричарду, Вильяму, миссъ Перрименъ, учительницѣ... и такъ далѣе. Осмотръ оканчивается адресомъ епископа. Это письмо толще другихъ. Затѣмъ она снова закрываетъ ящикъ и прячетъ ключъ въ свой карманъ.

Ея туалету недостаетъ еще только трехъ вещей: зонтика, шляпки и перчатокъ. Зонтикъ вынутъ изъ футляра и прислоненъ къ углу софы. Она беретъ его въ руку и любуется имъ. Дѣйствительно, онъ очень наряденъ. Его покрышка—изъ бѣлой тафты, гарнированной блондами. Перламутровая рукоятка его унизана маленькими аметистами, а вверху красуется аметистъ овальной формы, на которомъ вырѣзанъ гербъ и шифръ.

«Онъ теперь слишкомъ хорошъ для меня, — думаетъ Мери. — Пусть онъ остается Дженни. Она—моя наслѣдница. Нѣтъ, я возьму его съ собою. Я хочу быть нарядною сегодня».

И она начала безпокойно ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Движеніе солнца снова было сравнено ею съ ходомъ часовъ. Но результатомъ этого сравненія было сомнительное покачиваніе головой. «Если я приду слишкомъ рано, то меня кто-нибудь можетъ увидѣть, и этимъ будетъ испорчено все. Кавалеру ждать легче, нежели дамѣ... Но и то сказать: лѣтній день длится безъ конца...»

Она вынула новую пару перчатокъ изъ ящичка розоваго дерева и, чтобы убить время, стала медленно надѣвать ихъ. Извѣстно, что надѣванье новыхъ перчатокъ дѣйствительно можно назвать тратою времени. Какъ ни мала ручка, какъ ни тонки пальчики, но перчаточникъ кроитъ по своей модели, и даже самыя мягкія перчатки неохотно подчиняются опредѣленной формѣ. Правда, трудъ вознаграждается: когда Мери кончила, она не безъ удовольствія посмотрѣла на свои ручки, изящно затянутыя въ перчатки нѣжно-жемчужнаго цвѣта.

Но прелестнѣйшая шляпка-памела въ открытой картонкѣ уже давно томилась желаніемъ украсить ея изящную головку. Шляпка была сдѣлана изъ рисовой соломы и украшена блестками и цвѣтами, блондами и кружевами такъ изящно, какъ будто она была создана рукою какой-нибудь феи. Когда Мери подошла къ зеркалу и надѣла ее, ея лицо освѣтилось улыбкой. Но, какъ будто желая наказать себя за увлеченіе свѣтскою суетностью, она тотчасъ же сняла шляпку.

Затѣмъ она рѣшилась привести свою комнату въ порядокъ. Она закрыла картонку для шляпки, картонку съ рукавчиками, шкатулку съ драгоцѣнными бездѣлушками, ящикъ для перчатокъ. Передъ тѣмъ, какъ запереть платяной шкапъ, она на нѣкоторое время прислонилась къ его двери, разсматривая свои платья. Ближе всѣхъ висѣло великолѣпное весеннее платье изъ тафты миндальнаго цвѣта, отдѣланное воланами и бархатистыми медальонами. Она слегка приподняла его и сказала съ печальною улыбкой: «La robe c'est la femme!» Еще годъ тому назадъ я тщеславилась этимъ платьемъ. Когда я надѣла его въ первый разъ, я надѣялась, что *онъ* будетъ восхищаться мною немножко больше обыкновеннаго. Какъ плохо еще я знала его! Онъ почти не обратилъ на него вниманія. Мнѣ было это досадно, я надулась и чуть совсѣмъ не испортила ему весь день. Жалкая суетность! Но какъ радикально онъ вылѣчилъ меня. Мы шли какъ разъ черезъ Бёрлингтонскую аркаду, гдѣ передъ зеркальными окнами нашихъ самыхъ элегантныхъ модныхъ магазиновъ постоянно толпятся обожательницы бархата и шелка, атласа, дама и плюша. Я глазѣла вмѣстѣ съ ними. Онъ смотрѣлъ въ другую сторону съ выраженіемъ напряженнаго и серьезнаго вниманія. «Что тамъ такое?» спросила я его. — Посмотри только, посмотри!—«Я не вижу ничего кромѣ какого-то слуги». — Совершенно вѣрно; вотъ ему-то я и удивляюсь. Это лакей герцога Портландскаго. На немъ плюшевый сюртукъ цвѣта оксфордъ, жилетъ изъ небесно-голубого атласа съ серебряными галунами, короткіе панталоны изъ блѣдно-розоваго бархата и шелковые чулки.— «Ну, а что же дальше?» — Но, Боже мой, развѣ это не тѣ же самыя матеріи, на которыя вы дивитесь въ этихъ витринахъ? Конечно, все зависитъ отъ покроя этихъ матерій и отъ сочетанія этихъ цвѣтовъ; такимъ образомъ устраивается и лакейская ливрея. Однимъ взмахомъ руки всѣ эти прелести превращаются въ знакъ рабства. Но онѣ составляютъ также лучшее «я» какой-нибудь дамы. — Какъ глубоко пристыдили меня эти слова! Я покраснѣла за «прекрасную половину» человѣчества.

Воспоминанія Мери были прерваны дѣтскимъ плачемъ, и въ то же время на лѣстницѣ, а затѣмъ въ комнатѣ, послышался легкій топотъ дѣтскихъ шаговъ. Пятилѣтній братишка Мери, Вильямъ, ворвался въ комнату сестры.

— Ричардъ разорвалъ мою книгу съ картинками!—жалобно пробормоталъ мальчуганъ. Онъ еле сдерживалъ въ ручонкахъ истерзанную книгу, изъ которой торчали измятые и изорванные листы.

— Можетъ-ли быть? Эту чудную книгу!—вскричала Мери и всплеснула руками.

Сочувствіе старшей сестры вызвало у мальчика новый взрывъ слезъ.

Мери положила его головку на свои колѣни и стала успокаивать его, ласково поглаживая его длинные золотистые локоны.

— Злой, гадкій Ричардъ!—серьезно проговорила Мери.—Сознайся, Вильямъ! Ты не знаешь, почему онъ это сдѣлалъ?

— Я не дразнилъ его, — отвѣчалъ Вильямъ нерѣшительно.

— Нѣтъ? Джентльменъ не лжетъ; посмотри мнѣ въ глаза!

Мальчикъ откинулъ голову назадъ и засмѣялся громко.

— Вотъ видишь ты, дерзкій мальчикъ.

Сейчасъ скажи мнѣ, что ты сдѣлалъ Ричарду?

Вильямъ посмотрѣлъ на сестру, прильнулъ къ ея колѣнямъ, и, обвивъ ее своими ручонками, сказалъ таинственно:

— Но ты не должна никому говорить этого, слышишь, Мери? Я сыгралъ съ нимъ штуку. Я сказалъ: послушай, Дикъ, я тебѣ покажу хорошенькія картинки. И я сталъ показывать ему свою азбуку. Но я уже зналъ, гдѣ мнѣ открыть ее. Я открылъ буквы И и О и сказалъ: *И* былъ игрокъ и проигрался. *О* былъ охотникъ и охотился за оленемъ. *И*—это ты,—сказалъ я. Онъ засмѣялся на это. *И*—скверный человѣкъ, не правда ли? У него блѣдное и дикое лицо, отъ зависти и жадности,—говоритъ мама. Вотъ видишь, здѣсь—*О*; оно еще не разорвано. Но Ричардъ только засмѣялся, и мнѣ стало досадно. Тогда я перевернулъ страницу и показалъ ему М. *М* былъ мотъ и оттого онъ былъ бѣденъ. «Ты,—мотъ», сказалъ я. Но тогда онъ взялъ книгу и разорвалъ ее. Я разсердился и закричалъ: *Р* былъ разбойникъ, который заслуживалъ плети. Это ты! Это ты! Это ты! Тогда онъ замахнулся на меня и убилъ бы меня, но его удержала Недъ. Я убѣжалъ и теперь я останусь съ тобою. Но зачѣмъ ты надѣла перчатки? Сними ихъ! Твои руки красивѣй безъ нихъ. Въ моей азбукѣ сказано: *Л* значитъ лэди, которая имѣла бѣлую руку. Это ты!

Мери не могла удержаться, чтобы не поцѣловать его. Она сказала ему, что перчатки надѣла потому, что ждетъ визита или, вѣрнѣе, хочетъ предупредить визитъ. Она собирается выйти изъ дому. При этомъ извѣстіи Вильямъ опять началъ плакать и крѣпко уцѣпился за Мери. Сестрѣ стоило большого труда его успокоить и уговорить пойти къ нянькѣ.

— Прощай, счастливое дитя!—вздохнула Мери, возвращаясь въ свою комнату. — Я и тебѣ оставила нѣсколько строчекъ. Правда, онѣ не замѣнятъ тебѣ твоей Мери. О, Боже, Боже, какое горе разразится надъ этимъ домомъ!

И у нея выступили изъ глазъ слезы. Но она сейчасъ же схватила свой носовой платокъ и старалась уничтожить слѣды слезъ.—Я могла бы еще отступиться,—проговорила она въ раздумьи.—Жизнь такъ пріятна! Да, она пріятна, но только съ *нимъ*! И если онъ будетъ жить, то я буду принадлежать ему, а если умретъ, то я тоже буду принадлежать ему! Нѣтъ, нѣтъ, я пойду за тобою, Джемсъ, и предоставлю выборъ пути тебѣ. Веди меня, куда хочешь! Я иду съ тобою.

Она быстро надѣла свою яркую шляпку, схватила свой дорогой зонтикъ и рѣшительными скорыми шагами вышла изъ комнаты и изъ дома.

IV.

Она пошла не въ Гайдпаркъ, не къ Змѣиному ручью, а въ Кенсингтонскій садъ. Эта лѣсистая окраина Лондона въ то время посѣщалась меньше, чѣмъ теперь.

Даже въ лѣтніе вечера, когда Кенсингтонскій садъ посѣщался болѣе, нѣсколько сотъ или даже тысяча человѣкъ терялись въ обширномъ лѣсномъ пространствѣ, подъ гигантскими навѣсами старыхъ вязовъ и дубовъ или громадныхъ платановъ, сикоморъ, сосенъ и пихтъ. Кромѣ того, по англійскому пристрастію къ водѣ, большинство посѣтителей собиралось у большого бассейна на западной сторонѣ парка, гдѣ младъ и старъ, мальчики и дѣвочки обыкновенно забавлялись по цѣлымъ часамъ бросаніемъ хлѣба лебедямъ и рыбамъ, а также англійскимъ и турецкимъ уткамъ въ прудѣ.

Поэтому, когда Мери, вмѣсто главной аллеи, которая вела къ этому бассейну, пошла по боковой и затѣмъ свернула съ нея въ сторону, на узкую, извилистую боковую тропинку, она скоро очутилась почти въ совершенномъ уединеніи.

Тропинка вела въ густой лѣсокъ изъ

малорослыхъ сосенъ, перемѣшанныхъ съ высокоствольными кленами. Это было укромное мѣсто, почти похожее на комнату: низкія сосны представляли собою стѣны, а вершины клена — потолокъ. Внутри лѣска стояла садовая скамейка; она не была пуста.

— Вотъ и я, — сказала Мери и протянула своему милому обѣ руки.—Ты давно уже ждешь?

— Да, если ты называешь это ждать,— отвѣчалъ онъ:—я здѣсь съ полудня.

— Возможно ли это! Чѣмъ же ты былъ занятъ все время?

— Я истратилъ почти всѣ листы своей записной книжки на письма. Теперь я кончилъ.

Молодая дѣвушка поблѣднѣла. Она кинулась къ нему на грудь и заплакала въ его объятіяхъ.

— Я вижу,—сказалъ Джемсъ Лёммисъ:—что ты знаешь, о чемъ идетъ рѣчь. Я составилъ завѣщаніе. Я сказалъ свѣту «прости».

— И я сдѣлала это, — прошептала Мери: — я тоже написала прощальныя письма.

— Въ самомъ дѣлѣ, маленькая героиня? Это честно. Но знаешь ли, дитя мое, у тебя не особенно геройскій видъ.

— Я рекрутъ, — отвѣчала Мери. — Только веди меня, и я пойду за тобою.

Онъ, какъ бы въ награду, поцѣловалъ дѣвушку и сказалъ:

— Милое, доброе дитя. Мы съ тобой согласны во всемъ, и намъ нечего спѣшить. Пойдемъ погулять. Посмотримъ на солнце, какъ оно бросаетъ косыя золотыя нити сквозь листву деревьевъ, послушаемъ, какъ птицы будутъ умолкать и заснутъ, подождемъ появленія звѣздъ. Глубокая густая тѣнь на землѣ, а въ вышинѣ—сверкающее звѣздное море! Это я люблю.

Мери рѣшилась прошептать:

— Вотъ видишь, ты все-таки любишь видимый міръ!

— Да, мы его любимъ, но любимъ его вдвойнѣ въ то мгновеніе, когда отпускаемъ его, точно камердинера передъ отходомъ ко сну. Въ это мгновеніе мы говоримъ міру: «Ты, съ помощью твоихъ чувственныхъ образовъ, пробудилъ и выработалъ мое сознаніе; но созрѣвшему сознанію ты уже не оказываешь никакой помощи, а напротивъ, ты его ограничиваешь и служишь ему только помѣхой. Я не нуждаюсь въ тебѣ больше. Отправляйся домой, добрый міръ».

— Какъ это хорошо сказано! — воскликнула Мери въ восторгѣ.—Ты представляешь это въ такомъ видѣ, какъ будто человѣкъ, идущій на смерть, собственно прогоняетъ міръ отъ себя, а не себя изъ міра.

Джемсъ продолжалъ:

— Настоящее, прошедшее, будущее, рожденіе, смерть, возникать, проходить, начинаться, прекращаться, продолжаться— все это — понятія времени, но *время* совсѣмъ не есть нѣчто дѣйствительное, а воображаемое.

Мери подумала.

— Это мнѣ неясно,—сказала она.— Вѣдь человѣкъ дѣлается старымъ, лицо его покрывается морщинами, и люди называютъ это дѣйствіемъ времени. Но старость и морщины вовсе не воображеніе!

— Вѣрно. И къ тому, кто старъ и морщинистъ, мы примѣняемъ мѣрку времени и говоримъ: «этому человѣку восемьдесятъ лѣтъ». Не такъ ли? Но возьми вмѣсто человѣка статую и вычисли ея лѣта.

— Но вѣдь мраморъ мертвъ.

— Извини. Если время есть нѣчто дѣйствительное, то оно должно вліять на все. А между тѣмъ, если человѣкъ мертвъ, то развѣ мы не можемъ сказать, что онъ мертвъ столько-то времени? Одинъ день, десять дней? Мы опредѣляемъ это съ большою точностью.

— Ты правъ. Однако эти два случая совершенно различны. Въ чемъ же состоитъ разница?

— Мертвое тѣло еще измѣняется, а

мраморъ — нѣтъ: по крайней мѣрѣ его измѣненіе не бросается въ глаза. Вотъ въ этомъ и заключается различіе. Только измѣненіе, а ничто иное приводитъ насъ къ понятію о времени.

— Это правда.

— И это очень важно! Если измѣненіе обусловливаетъ собою понятіе о времени, то изъ этого слѣдуетъ, что время не можетъ обусловливать собою понятіе о прекращеніи существованія, такъ какъ то, что перестаетъ существовать, уже не измѣняется. Но если только одно измѣненіе даетъ понятіе о времени, то оно не можетъ совмѣстно съ этимъ дать совершенную противоположность послѣднему.

— Но,—возразила Мери:—мы сидимъ здѣсь и знаемъ — что есть время, а мы вовсе не измѣняемся.

— Господи!—вскричалъ Джемсъ.

— Я сказала большую глупость? — спросила Мери, краснѣя.

— Что такое время — это говорятъ намъ часы, а часы сообразуются съ положеніемъ солнца; но вѣдь его положеніе измѣняется?

— Я стыжусь за себя,—прошептала Мери.

— Я зналъ это,—сказалъ Джемсъ.— Мыслить абстрактно—дѣло вовсе не легкое.

— Ты отказываешься отъ меня?

Джемсъ оперся локтями на колѣни и опустилъ голову на руки. Послѣ нѣкотораго раздумья онъ обратился къ дѣвушкѣ съ вопросомъ:

— Скажи мнѣ: сколько аршинъ нужно тебѣ на платье?

Мери разсердилась и молчала.

Но, словно понявъ, что онъ надъ ней не смѣется, отвѣтила:

— Хорошо, я скажу: восемь аршинъ.

— Такъ. А сколько тебѣ нужно времени, чтобы начать скучать?

Мери стала втупикъ.

— Странный вопросъ, — сказала она.

— Но онъ страненъ только потому, что время есть странная фантазія. Если бы время было чѣмъ-нибудь дѣйствительнымъ, то мой вопросъ тотчасъ же получилъ бы смыслъ. Тогда можно было бы сказать, сколько нужно времени для скуки, точно такъ же, какъ и сказать—сколько аршинъ требуется на платье. Не правда ли? А затѣмъ во снѣ, когда ты просыпаешься и часы начинаютъ бить, скажи, не случалось ли тебѣ прислушиваться съ напряженнымъ вниманіемъ, сколько ударовъ они сдѣлаютъ? Ты, напр., ждала одного удара, а они бьютъ шесть, или ты ждешь четырехъ, а они пробьютъ только разъ? Словомъ, относительно цѣлыхъ трехъ часовъ ты остаешься въ полномъ невѣдѣніи.

— О, да.

— Обращаемъ ли мы на это вниманіе? Во снѣ ты можешь ошибиться на цѣлые три часа, а когда не спишь—нѣтъ. Что слѣдуетъ изъ этого? Изъ этого слѣдуетъ, что время вовсе не есть что-нибудь дѣйствительное, что оно принадлежитъ не жизни, а исключительно нашему сознанію. Время и сознаніе времени суть двѣ различныя вещи. Вотъ это-то различіе и ускользаетъ отъ большинства людей, и потому всѣ они заблуждаются. Они принимаютъ сознаніе времени за самую жизнь и думаютъ, что со смертью жизнь прекращается, потому что вмѣстѣ съ жизнью прекращается и сознаніе времени.

— Теперь я все понимаю, — сказала Мери. — Поэтому-то и сонъ называютъ братомъ смерти. Спрашивается, слѣдовательно, продолжается ли сознаніе послѣ смерти? И ты рѣшаешь вопросъ въ пользу сознанія?

— Да нѣтъ же! Совсѣмъ нѣтъ! Ни въ малѣйшей степени! А, вѣдь, вы попали ужасно близко къ цѣли. Почтительнѣйше прошу васъ: прицѣльтесь лучше!

— Еще лучше?—Я, право, не знаю уже...

— Такъ замѣть же, моя милая. Я училъ тебя дѣлать различіе между жизнью и сознаніемъ времени. Теперь опредѣли мнѣ также различіе между простымъ сознаніемъ и сознаніемъ времени. Ты, оче-

видно, смѣшиваешь ихъ, какъ прежде смѣшивала тѣ два понятія. Ты, кажется, думаешь, что сознаніе времени есть сознаніе вообще. Но это далеко не такъ! Время вообще есть ничто; насколько мало оно связано съ вещами, настолько же мало ему нужно прицѣпляться къ сознанію. Оно есть форма, которая покрываетъ сознаніе, какъ налетъ инея сливу, и исчезаетъ потомъ. Можно очень удобно мыслить сознаніе безъ сознанія времени.

— Въ самомъ дѣлѣ? Какимъ образомъ, напримѣръ?

— Я уже сравнилъ жизнь безъ сознанія времени со сномъ. Сравнимъ сознаніе безъ сознанія времени со сновидѣніемъ. Разумѣется, въ томъ предположеніи, что ты допускаешь, что мы имѣемъ нѣчто въ родѣ сознанія во снѣ.

— О, да.

— Я того же мнѣнія. Сновидѣніе обладаетъ даже приподнятымъ, поэтическимъ сознаніемъ. Такъ слушай же внимательно! Намъ не разъ приходилось испытывать, что сновидѣніе можетъ быть всякимъ: пріятнымъ, забавнымъ, очаровательнымъ, яркимъ, роскошнымъ, великолѣпнымъ, дикимъ, мрачнымъ, ужаснымъ, свирѣпымъ, тягостнымъ. Только однимъ оно не бываетъ никогда: скучнымъ! Или можешь ли ты припомнить, чтобы когда-нибудь сонъ внушилъ тебѣ позывъ къ зѣвотѣ?

— Ты правъ.

— Сновидѣніе можетъ внушить всѣ чувства, за исключеніемъ одного: скуки. Когда мы подумаемъ объ этомъ наблюденіи, то чтò оно скажетъ намъ? Оно говоритъ намъ: сновидѣніе доводитъ до нашего сознанія всѣ формы жизни, за исключеніемъ формы времени. Потому что промедленіе и скука суть понятія времени.

— А, это становится яснымъ! — сказала Мери.

— Эта истина, — продолжалъ онъ: — проявляется даже въ отдѣльныхъ сценахъ. Напримѣръ, я вижу во снѣ огромное пространство воды. Мнѣ хочется перебраться на другой берегъ, и я начинаю плыть. Я плыву и плыву, но не достигаю берега. Водѣ нѣтъ конца. Въ другой разъ я нахожусь въ густомъ дремучемъ лѣсу. Я блуждаю въ немъ со страхомъ, съ замираніемъ сердца и ищу выхода. Напрасно. Я не нахожу его. Густой лѣсъ не имѣетъ конца. Или кто-нибудь путается въ лабиринтѣ проходовъ и переулковъ Сити. Онъ хочетъ выбраться оттуда на знакомую улицу, на какое-нибудь открытое мѣсто. Это не удается ему. Переулокъ за переулкомъ, коридоръ за коридоромъ, — онъ идетъ изъ одного въ другой и запутывается все больше. Лабиринтъ не имѣетъ конца. Кому не случалось переживать подобныхъ сновидѣній! Конечно, и тебѣ тоже случалось?

— Очень часто.

— Но что говорятъ они? Что значитъ нѣтъ конца водѣ, лѣсу, переулкамъ и проходамъ Сити? Это значитъ именно то, что во снѣ наше сознаніе вещей вращается внѣ времени! Потому что «конецъ» есть понятіе времени, а во снѣ мы не имѣемъ никакого представленія о времени, и поэтому наши сонныя грёзы не имѣютъ конца. Если бы люди были болѣе способны наблюдать тонкіе намеки природы и истолковывать ихъ, то эта жизнь во снѣ должна была бы сдѣлать ихъ болѣе внимательными. Они должны были бы найти, что природа уже шепнула намъ первый слогъ великой загадки, разрѣшенія которой мы жаждемъ. Они имѣли бы передъ собою образчикъ того, какъ время можетъ перестать существовать безъ прекращенія жизни и сознанія. И если греки называли сонъ, эту безсознательную жизнь, братомъ смерти, то очень жаль, что они не назвали сновидѣніе, то есть сознаніе внѣ времени, братомъ безсмертія.

Мери, увлеченная этимъ сопоставленіемъ, бросилась въ объятія своего милаго и воскликнула:

— Ты — глубокій мыслитель! Въ древности ты былъ бы пророкомъ.

— По крайней мѣрѣ ты теперь не обвинишь меня въ ошибочности мышленія, въ томъ, что я допускаю продолженіе существованія безъ сознанія. Что же другое могло бы продолжать существовать, если не сознаніе? Оно-то именно и продолжается. Только оно. Вопросъ, существуетъ ли продолженіе бытія съ сознаніемъ, мнѣ кажется похожимъ на то, какъ если бы спросили: продолжаетъ ли существовать золото, когда расплавлена сдѣланная изъ него монета, или: продолжаетъ ли существовать картина, когда съ нея снята рама? Люди смѣшиваютъ форму съ сущностью. Сознаніе есть сущность, а сознаніе времени — форма. Со смертью мы, разумѣется, теряемъ послѣднее, но первое остается. Или скажемъ лучше: мы называемъ смертью именно потерю сознанія времени.

Послѣ этихъ словъ наступила пауза. Мери серьезно углубилась въ эти новыя для нея мысли. Ея маленькая головка сильно работала. Продуктомъ ея размышленія были слѣдующія слова:

— Не сердись на меня, Джемсъ, но у меня есть еще одно сомнѣніе. Именно, мнѣ приходитъ въ голову вотъ что: если мы имѣемъ сознаніе послѣ смерти, то мы бы должны были имѣть также сознаніе и до рожденія. Вѣрно это?

— Браво, дитя мое! — воскликнулъ Джемсъ.—Выводъ вѣрный и доказываетъ, что ты меня поняла правильно.

— Но, вѣдь, этого не можетъ быть! Я не нахожу никакого слѣда моего сознанія до рожденія.

— Это очень естественно. Дѣло въ томъ, что ты смѣшиваешь сознаніе съ воспоминаніемъ. Скажи мнѣ, Мери, что̀ ты видѣла, слышала, дѣлала и чувствовала двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, 16-го августа въ три часа пополудни?

— Я не знаю этого.

— Да! Двѣнадцать лѣтъ, это, конечно, долгій срокъ. Ну, такъ скажи мнѣ—что̀ ты видѣла, слышала, думала, дѣлала и чувствовала три года тому назадъ, 4-го апрѣля?

— Этого я тоже не знаю.

— А если я спрошу тебя только о прошлой зимѣ: что было съ тобою 10-го декабря, 8-го февраля, 9-го марта? Я полагаю, что ты знаешь это столь же мало. Но развѣ ты тогда не сознавала себя? Не было ли это сознаніе тебѣ столько же пріятно, цѣнно, дорого и не удовлетворяло ли оно тебя вполнѣ? И вотъ — ты не знаешь ничего объ этихъ минувшихъ ощущеніяхъ! Что остается въ воспоминаніи? Факты. Новая шляпка, какое-нибудь вечернее собраніе, поѣздка въ Виндзоръ или на Эпсомскія скачки. Но подобные факты совсѣмъ не жизнь. Жизнь состоитъ не въ томъ, что̀ случается, а въ томъ, какъ мы настроены. Настроеніе, настроеніе! Вотъ что есть жизнь! Ты, пожалуй, можешь припомнить, въ какой день ты надѣла пару новыхъ башмаковъ, но того, что ты чувствовала, что думала, чего желала въ тотъ день, т.-е., всего самаго существеннаго въ жизни, ты уже не знаешь. Это наиболѣе существенное и есть наиболѣе преходящее. Въ это самое время, какъ ты сидишь здѣсь, ты—трупъ, который умеръ уже милліонъ разъ. Но въ то же самое время ты также и дитя, которое будетъ рождено еще милліоны разъ

Съ этими словами Джемсъ досталъ изъ кармана какой-то флакончикъ и кусочекъ сахару. Мери тихо отстранила его руку и сказала:

— Еще одну минуту! Вопросъ, который я сдѣлаю теперь, будетъ послѣднимъ.

— Не воображай, что это питье подѣйствуетъ немедленно,—сказалъ Джемсъ.— Но что хотѣла ты спросить?

— Будемъ мы принадлежать другъ другу послѣ смерти?

— Навѣрное.

— И мы узнаемъ другъ друга? Вѣдь у насъ не будетъ орудій для этого—нашихъ физическихъ чувствъ!

— Человѣкъ, грезящій во снѣ, тоже не имѣетъ никакихъ чувствъ. Въ то время какъ онъ переживаетъ самую тонкую ду-

шевную жизнь, онъ можетъ-быть такъ мертвъ, что его не въ состоянiи пробудить даже пушечные выстрѣлы. И притомъ: какимъ познанiемъ мы обязаны нашимъ тѣлеснымъ чувствамъ? Чувства—жалкое орудiе познаванiя.

— Милая, дорогая моя Мери! — продолжалъ Джемсъ съ страстнымъ одушевленiемъ.—Что ты для меня: существо или просто явленiе? Что въ сущности я знаю о тебѣ? Такъ же и ты: какъ мало ты знаешь обо мнѣ! Человѣческую душу не можетъ созерцать ни одно земное существо. И этому причина—чувства, чувства: эти демоны, которые на каждомъ шагу, такъ сказать, разрываютъ насъ на куски, — насъ и всѣхъ остальныхъ людей. Мы можемъ только видѣть, слышать, обонять, осязать, чувствовать вкусъ; въ этихъ пяти лоскутахъ они бросаютъ намъ мiръ, и изъ нихъ мы должны составить цѣлое! И такимъ образомъ мы стоимъ передъ вещами, какъ путникъ на чужбинѣ, и на каждомъ шагу говоримъ: я не имѣю объ этомъ никакого понятiя! Вотъ, Мери, преграды нашей чувственной жизни. Мы съ тобою тоже имѣемъ только понятiя одинъ о другомъ. И когда мы говоримъ, что мы знаемъ и любимъ другъ друга, то это похоже на то, какъ если бы глухому мы вздумали внушить пониманiе музыки, а слѣпому—пониманiе солнечнаго свѣта. Вѣрь мнѣ: глухого можно бы было убѣдить, что наслажденiе музыкальнымъ искусствомъ на какомъ-нибудь скрипичномъ концертѣ состоитъ въ томъ, что скрипачъ, водя смычкомъ по струнамъ, дѣлаетъ движенiе рукой, трясетъ своими кудрями и выворачиваетъ глаза. Повѣрь мнѣ, слѣпой былъ бы удовлетворенъ, если бы ему дали въ руку нагрѣтый бильярдный шаръ и сказали, что солнце есть нѣчто въ родѣ этого шара, только нѣсколько больше и согрѣваетъ все тѣло. Мы вполнѣ похожи на этого обманутаго бѣднягу, когда воображаемъ, что наши представленiя о вещахъ суть самыя вещи, и что они достойны нашей радости и нашей любви. Но представь себѣ, Мери, ту минуту, когда глухой начинаетъ слышать, когда слѣпой получаетъ зрѣнiе. Представь себѣ тотъ моментъ, когда одинъ изъ нихъ вмѣсто движенiя смычка, воспринимаетъ первый музыкальный тонъ, а другой вмѣсто разогрѣтаго бильярднаго шара воспринимаетъ первый лучъ солнца! И такимъ будетъ то мгновенiе, когда и мы прорвемъ преграды нашей чувственной жизни, когда мы узнаемъ другъ друга, узнаемъ, какiе мы дѣйствительно, въ нашей высшей, вѣчной красотѣ, въ непреходящемъ, въ вѣчномъ блаженствѣ нашего обладанiя!

Мери выхватила изъ рукъ Джемса стклянку и разомъ осушила ее. Джемсъ вынулъ другой флаконъ и одновременно съ ней выпилъ его до дна.

Совершилось!

Они смотрѣли другъ на друга, не говоря ни слова. Джемсъ Лёммисъ протянулъ Мери кусочекъ сахару. Мери отрицательно покачала головой.

— Не будь слишкомъ храброю! Опiумъ горекъ. Къ чему имѣть горькiй вкусъ во рту? Мы умремъ, какъ люди, любящiе наслаждаться жизнью.

Вдругъ Мери опустила голову къ нему на грудь и начала громко смѣяться.

— Что такъ забавляетъ тебя?—спросилъ Джемсъ.

— Я не могу не смѣяться,—отвѣчала она.—То, что я вообразила себѣ, было бы очаровательною комедiей!

— Что же именно?

— Я видѣла во снѣ, что ты не Джемсъ Лёммисъ и не служишь въ банкѣ.

— Что же я такое?

— Мнѣ снилось, что ты герцогъ.

— Герцогъ? Чортъ возьми, твои сновидѣнiя возвышенны.

— И что у тебя прекрасное, громкое имя.

— Очень прiятно. Какъ же меня звали?

— О, это было имя длинное и блестящее, какъ хвостъ кометы. Тебя звали: сэръ Флоримондъ-Клоудъ-Мерси, герцогъ Лафъ-Коррибъ.

— Падающая звѣзда? — вскричалъ Джемсъ, вскидывая глаза къ небу.

— Что вы скажете, ваша свѣтлость, объ этомъ снѣ?

Джемсъ вздохнулъ.

— Если бы это было такъ, то развѣ намъ нужно было бы умереть изъ-за того, что я оказался слишкомъ бѣднымъ для твоихъ родителей?

— Вотъ въ этомъ-то и заключается комедія. Мнѣ снилось, что ты хочешь только меня испытать, и что ядъ—былъ просто усыпительная микстура.

— Это снилось тебѣ? — вскричалъ Джемсъ съ необычайнымъ волненіемъ.

Мери спохватилась. Но внезапная серьезность Джемса смутила ее, и ею овладѣло сомнѣніе — будетъ ли удобно вмѣсто сна назвать имя м-ра Брая. Поэтому она молчала.

— Я вѣрю тебѣ,—сказалъ Джемсъ.— Онъ впалъ въ глубокую задумчивость. Эта пауза тяготила Мери. Черезъ нѣсколько времени она робко спросила:

— О чемъ ты думаешь?

— Думать! — вскричалъ Джемсъ.—Я стою лицомъ къ лицу съ одною тайной природы,—тайной, передъ которою я преклоняюсь, какъ никогда въ жизни.

— Ты говоришь о смерти?

— Нѣтъ, я говорю объ истинѣ! Тебѣ снилось, что твой бѣдный, безвѣстный возлюбленный — Флоримондъ-Клоудъ-Мерси, герцогъ Лафъ-Коррибъ. Да,твое внутреннее чувство открыло тебѣ истину. Да, я тотъ, кого ты назвала. Ты не умрешь, ты только заснешь, а завтра сдѣлаешься невѣстою знатнаго лорда. Я тебя только испытывалъ; твой сонъ былъ не сонъ, а только предвидѣніе будущаго.

Не будучи въ состояніи произнести ни слова, Мэри съ рыданіями кинулась на грудь своему возлюбленному.

Джемсъ, нѣжно гладя ее по головѣ, старался ее успокоить. Онъ принялъ ея слезы за слезы радости и далъ ей выплакаться.

Спустя нѣсколько времени онъ сказалъ:

— Пойдемъ теперь въ садъ. Звѣзды блестятъ на небѣ, и тамъ, въ той сторонѣ Гайдпарка шумъ экипажей утихъ. Надѣюсь, что мы почти одни въ саду.

Мери молча пошла съ нимъ подъ руку.

Джемсъ-Флоримондъ очаровывалъ ея фантазію новыми, блистательными картинами. Онъ описывалъ ей свои замки въ Ирландіи, Сентджемскій дворъ, дамъ, принадлежащихъ къ ея будущему кру́гу... Какой благоухающій воздухъ! Послѣ приводящаго въ трепетъ заоблачнаго холода метафизическихъ созерцаній, какая упоительная земная истома! Что̀ философія въ сравненіи съ жизнью!

Они опять вернулись на скамейку въ сосновой рощицѣ. Но еще на пути туда дѣвушка не столько шла, сколько ее несъ Джемсъ, и когда они добрались до скамейки, она упала въ его объятія.

— Продолжай говорить,—сказала она, схвативъ его руку и прижимая ее къ своимъ теплымъ губамъ.

И Джемсъ продолжалъ описывать радости предстоявшей имъ новой жизни. Каждый разъ, когда онъ спрашивалъ: «слышишь ты, Мери?» она отвѣчала тѣмъ, что цѣловала его руку. Но спустя нѣкоторое время, когда онъ повторилъ свой вопросъ: «слышишь ли, Мери», она не отвѣтила ничего и поцѣлуя не послѣдовало.

Онъ отнялъ свою руку.

— Заснула,—тихо прошепталъ онъ.— Въ какихъ блаженныхъ грезахъ!

Онъ не могъ насмотрѣться на черты любимой дѣвушки.

И, вдругъ весь просіявъ, онъ, взглянувъ на Мери, внутренно воскликнулъ:

— Нѣтъ, ты промахнулась, природа! Человѣкъ сильнѣе тебя; надъ нимъ ты не имѣешь власти. Браво, Мери, браво! Ты охотно пошла на смерть,—изъ-за любви. Какъ хороша будетъ жизнь съ тобою!

Друзья мира.

Очеркъ **И. М. Эйзена.**

И съ грустью тайной и сердечной
Я думалъ: жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ?.. Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ;
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?

Лермонтовъ.

I.

XIX вѣкъ, — вѣкъ великихъ открытій и изобрѣтеній на пользу человѣчества, вѣкъ наивысшаго расцвѣта труда и прогресса, увѣнчался достойнымъ его великимъ актомъ. Монархъ самаго грознаго своей военной силой государства навсегда осудилъ воинственныя стремленія, навѣки развѣнчалъ тотъ ореолъ, которымъ до сихъ поръ окружали милитаризмъ. И весь міръ въ лицѣ своихъ крупнѣйшихъ представителей власти, науки и литературы осудили теперь во всеуслышаніе войну и всѣ ужасы вооруженнаго мира, своей тягостью губящаго народы не менѣе войны.

Война — величайшее зло... Это проповѣдуется уже 26 вѣковъ... Первый миролюбецъ — пророкъ Исаія металъ анаѳему на крѣпостныя стѣны и башни, на все, что охраняетъ и защищаетъ идолъ войны; онъ проклиналъ всякую ненависть, неправду, грубое лицемѣріе, и благословлялъ будущіе вѣка, когда всѣ народы перекуютъ мечи свои на орала и копья свои—на серпы, когда не подниметъ народъ на народъ меча, и не будутъ болѣе учиться воевать (Исаія, II, 4). Но война существовала и возгоралась все сильнѣе.

Въ древности война освящалась религіею. Религія на Востокѣ — замкнутый культъ; иноземца она презираетъ, потому что онъ почитаетъ другихъ боговъ; ему нѣтъ мѣста въ національной жизни: онъ — врагъ, убить его — дѣло благое. У индусовъ иноземцы считаются выше дикихъ звѣрей, но ниже лошадей и слоновъ. Изъ отверстаго рта чудовищной богини индусовъ низвергается цѣлый потокъ военныхъ колесницъ и вооруженныхъ всадниковъ—вотъ воплощеніе религіозной идеи индусовъ. То же самое у персовъ, основа религіи которыхъ вѣчная борьба Ормузда и Аримана; иноземцы для персовъ — всѣ безъ разбора порожденье злого начала (Аримана). Въ Египтѣ надпись Сезостриса: «Царь караетъ чужую землю»—своего рода національный девизъ. Точно также у вавилонянъ, ассиріянъ, финикіянъ—всюду обожаніе грубой силы, у древнихъ евреевъ—исключительная любовь къ родинѣ, презрѣніе ко всему, что за ея предѣлами. Однимъ словомъ всюду на Востокѣ, и у арійцевъ, и у семитовъ—иноземецъ глубоко ненавистенъ: человѣкъ не долженъ любить врага почитаемаго имъ божества.

Но рождается Спаситель, и новая религія выступаетъ съ глубокимъ осужденіемъ войны. Надъ яслями Христа ангелы поютъ пѣснь мира. Богъ любви освобождаетъ человѣчество отъ тяготѣвшей надъ нимъ власти смерти. Новая вѣра сокрушаетъ законы человѣконенавистничества, отпираетъ замкнутые города, призываетъ къ себѣ всѣхъ, работаетъ для счастья всѣхъ народовъ подъ сѣнью единаго и общаго всѣмъ Бога. Война уже не направляется противъ внѣшняго врага, она разитъ врага внутренняго на обширномъ полѣ битвы съ собственной грѣховностью. Христосъ проклялъ кровавыя побоища, въ которыхъ человѣкъ терзалъ своего брата. Онъ освятилъ геройскую

борьбу съ собственнымъ сердцемъ. Спаситель, олицетворенная кротость, указалъ намъ войну другую, войну съ внутреннимъ мракомъ, который долженъ исчезнуть предъ божественнымъ свѣтомъ; войну съ демономъ, который прячется въ немъ подъ тысячью разныхъ обликовъ; войну противъ всѣхъ низменныхъ страстей, гнѣва, человѣконенавистничества, мести, войну съ косностью, съ двуличіемъ, войну противъ самой смерти, войну со зломъ, войну съ самой войной...

Другая же война грѣховна, преступна и отвратительна. Религія, церковь не можетъ освятить войны, не можетъ благословить людей на взаимныя убійства. Она можетъ посылать молитвы къ Всевышнему, къ Богу мира лишь объ отклоненіи войны и ея бѣдствій, она можетъ лишь творить надгробную молитву надъ сражающимися, такъ какъ и тотъ, и другой, побѣдитель и побѣжденный, уложили въ могилу лучшія силы своего народа.

Война преступна, безнравственна, потому что нарушаетъ конечную цѣль всей нашей нравственности, нарушаетъ стройное развитіе человѣческой души, вырождаетъ всѣ три главнѣйшія силы души: разумъ, чувство и свободу воли. Люди тупѣютъ отъ вѣчнаго культа грубой силы, люди ожесточаются отъ привычки къ разрушенію, отъ развиваемой въ нихъ готовности къ убійству, презрѣнія къ жизни ближняго, люди теряютъ свое человѣческое достоинство, обращаются въ какія-то безвольныя разрушительныя машины, въ пушечное мясо. «Война,—говоритъ Эмиль-де-Жирарденъ: — это—узаконенное нарушеніе закона, ибо общество здѣсь приказываетъ то, что само запрещаетъ».

Съ такимъ же горячимъ осужденіемъ относится къ войнѣ и Левъ Толстой, говоря устами кн. Андрея Болконскаго въ «Войнѣ и мирѣ»: «Что такое война, что нужно для успѣха въ военномъ дѣлѣ? Цѣль войны—убійство, орудія войны—шпіонство, измѣна и поощреніе ея, разореніе жителей, ограбленіе ихъ или воровство для продовольствія арміи; обманъ и ложь, называемые военными хитростями; сойдутся на убійство другъ друга, перебьютъ, перекалѣчатъ десятки тысячъ людей, а потомъ будутъ служить благодарственные молебны за то, что побили много людей (которыхъ число еще прибавляютъ), и провозглашаютъ побѣду, полагая, что чѣмъ больше побито людей, тѣмъ больше заслуга. Какъ Богъ оттуда смотритъ и слушаетъ ихъ!»

Поклонники красоты находятъ нескончаемую поэзію въ войнѣ, въ милитаризмѣ, въ эффектныхъ картинахъ сраженій, трагическихъ позахъ борющихся на смерть, но стоитъ только ближе присмотрѣться къ этимъ картинамъ, и мы увидимъ,—говоритъ Ревонъ,—вмѣсто блестящей арміи дикую орду, опьяненную яростью, называемою геройствомъ, увидимъ обратную сторону всего—подъ блестящимъ ментикомъ—сочащуюся рану, подъ сверкающимъ клинкомъ—страшную муку, за славой — госпиталь. Громки и красивы слова Наполеона I, сказанныя послѣ Фридландскаго сраженія: «Солдаты! Въ 10 дней кампаніи мы забрали 120 пушекъ, убили, ранили, взяли въ плѣнъ 60.000 русскихъ. Вы вернетесь во Францію, увѣнчанные лаврами»! А что они означаютъ въ дѣйствительности, какъ не позорное восхваленіе того, что убито 60.000 ближнихъ, которыхъ ни одинъ изъ французовъ не зналъ и потому не могъ ненавидѣть, которые явились не по своей волѣ, а потому не могли ненавидѣть? Что это, какъ не восхваленіе убійства съ обѣщаніемъ лавровъ, которые украсятъ собственно голову только одного человѣка, погубившаго на своемъ вѣку сотни тысячъ людей.

Нынѣшняя война, война цивилизованныхъ народовъ не можетъ претендовать на красоту, на геройство. Если еще можно было допустить проявленіе отваги, героизма въ былыя времена, когда двѣ небольшія, доблестныя дружины сталкивались грудь съ грудью, когда война была ско-

рѣе поединкомъ, то никакъ нельзя признать доблесть въ нынѣшней войнѣ, когда въ битву вступаютъ арміи въ сотни тысячъ солдатъ, когда убиваютъ издали, даже не видя другъ друга, когда нападаютъ не открыто съ мечомъ въ рукахъ, а убиваютъ изъ орудій, цѣля съ холоднымъ разсчетомъ и нерѣдко поражая людей съ тыла, совершенно неожиданно.

Высчитано, что съ кампаніи Филиппа II испанскаго до послѣдней русско-турецкой войны пораженныхъ смертью на поляхъ битвъ или умершихъ отъ ранъ, полученныхъ въ сраженіяхъ, пришлось на каждое столѣтіе въ одной Европѣ 20 милліоновъ человѣкъ, а всего за три столѣтія—60 милліоновъ. Вотъ, что принесла человѣчеству война. А губительный вооруженный миръ, созданный страхомъ войны?

«Манифестъ мира», какъ называютъ правительственное сообщеніе 12-го августа о разоруженіи, ярко очертилъ, какія тяжелыя, невыносимыя жертвы приносятъ народы для этой профанаціи мира. Но еще убѣдительнѣе станутъ доводы нашего министра иностранныхъ дѣлъ, гр. Муравьева, если мы прибавимъ къ нимъ нѣсколько голыхъ вопіющихъ цифръ.

Россія, ежегодно увеличивающая свою армію, довела численность своихъ солдатъ въ мирное время до одного милліона. Ежегодно къ отбыванію воинской повинности призываются 280.000 человѣкъ. Въ случаѣ мобилизаціи Россія можетъ выставить 2¹/₂ милліона человѣкъ, къ которымъ слѣдуетъ еще прибавить 6.947.000 запасныхъ нижнихъ чиновъ и ратниковъ ополченія. Такимъ образомъ, въ случаѣ войны, Россія можетъ выставить на поле битвы армію въ 9 съ лишнимъ милліоновъ штыковъ.

Франція имѣетъ постоянную армію въ 589.000 чел., которая на случай войны можетъ быть увеличена до 2¹/₂ милліоновъ штыковъ, а вмѣстѣ съ резервами достигнетъ 4.370.000 чел.; при этомъ ежегодно во Франціи эта послѣдняя цифра увеличивается на 16.000 человѣкъ.

Германія располагаетъ въ мирное время арміей въ 585.000 чел., которая въ случаѣ войны въ десять дней можетъ возрасти до 2.230.000 штыковъ; съ резервами же—до 4.300.000 чел.

Австро-Венгрія въ мирное время имѣетъ 365.000 солдатъ, а на случай войны, съ резервами—4.000.000 чел.

Италія, истощившая всѣ средства страны на вооруженія, вынуждена была наконецъ сократить постоянную армію до 174.000 человѣкъ, но на случай войны можетъ съ резервами выставить 2.200.000 солдатъ.

У Англіи наименьшая армія — она съ трудомъ можетъ выставить 220,000 штыковъ, а со включеніемъ резервовъ, милиціи и волонтеровъ — не болѣе 720,000 человѣкъ.

Если сложить эти огромныя цифры вмѣстѣ и прибавить арміи остальныхъ государствъ, то получимъ, что въ Европѣ въ настоящее время стоитъ подъ ружьемъ 4.250,000 чел. Въ случаѣ же всемірной войны выступило бы въ походъ 16.410,000 солдатъ, а вмѣстѣ съ резервами—34 милліона. Къ этимъ цифрамъ нужно прибавить численность арміи другихъ частей свѣта, и окажется, что на всемъ земномъ шарѣ постоянно находится подъ ружьемъ 5.220,000 солдатъ, а въ случаѣ всемірной войны могли бы вступить въ бой 44.250,000 чел. Иными словами, въ настоящее время одинъ солдатъ приходится на 32 человѣка населенія земного шара.

Вся эта громада штыковъ поглощаетъ милліарды на свое пропитаніе. Такъ, Россія расходуетъ ежегодно на свою армію — 772.500,000 фр., Германія — 675 милліоновъ, Франція—650 мил., Австрія—432.500,000, Италія—267.250,000, Англія — 450,000, а всѣ онѣ вмѣстѣ—4 милліарда 230 милліоновъ франковъ.

Каждый изъ насъ, мирныхъ жителей, кормитъ своими трудами эти милліоны штыковъ, на каждаго изъ насъ лежитъ ярмо вооруженнаго мира. Благодаря многомилліонному населенію Россіи на каж-

даго жителя у насъ приходится 6 франковъ военныхъ расходовъ, въ Германіи же эта цифра доходитъ до 13 франковъ; въ Австріи она около 10 фр., въ Италіи—около 9, въ Англіи — около 12 и болѣе всего во Франціи — свыше 18 франковъ.

Общій итогъ расходовъ на поддержаніе мира штыками достигаетъ во всей Европѣ (вмѣстѣ со второстепенными государствами, но за исключеніемъ издержекъ на флотъ)—пяти милліардовъ франковъ или 14 милліоновъ въ сутки... Удивительно ли послѣ этого, что государства отягчены страшнѣйшими долгами, что развитіе народовъ глохнетъ подъ игомъ непрестанныхъ, нескончаемыхъ вооруженій. Невольно вспоминаются слова одного изъ первыхъ поборниковъ мира Фредерика Пасси: «Подведемъ итоги славы, — окажется, что это—банкротство».

Человѣчество, опасаясь войны, впало въ не менѣе страшную крайность. Оно не можетъ пользоваться всѣми побѣдами человѣческаго ума надъ природой, такъ какъ всѣ ихъ результаты, всѣ богатства и пріобрѣтенія страны тратятся безслѣдно на содержаніе и вооруженіе армій, обращаются въ мертвый капиталъ, который въ будущемъ, въ эпоху побѣды мира, не будетъ имѣть никакой цѣны. Чѣмъ заняты теперь государства, на что уходятъ ихъ силы, на что тратятъ свои умы и знанія великіе люди? Мы строимъ сѣть военныхъ дорогъ, — говоритъ Ревонъ: — жжемъ свои богатства, отливая пушки, рубимъ деревья, чтобы стругать ружейные приклады, смѣняемъ одну машину другою, одно изобрѣтеніе другимъ; за Лебелемъ идетъ Манлихеръ, — за Манлихеромъ — Веттерли; бездымный порохъ, за нимъ — порохъ съ искусственнымъ дымомъ; солдаты на велосипедахъ; развѣдочныя собаки, которыхъ дрессируютъ до ярости подобно тому, какъ нѣкогда отцы наши дрессировали ихъ для спасенія погибавшихъ... Что за изобрѣтательность! На морѣ—миноносцы и подводныя суда, орудія, созданныя для кораблекрушеній. Въ воздухѣ—военная дрессировка птицъ, почтовыя ласточки, рои пчелъ и въ довершеніе всего — стремленіе управлять воздушными шарами: знаменитый истребитель человѣчества, изобрѣтатель особой системы пушки Максимъ уже работаетъ надъ изобрѣтеніемъ воздухоплавательнаго броненосца, могущаго поднять до 50 человѣкъ, вооруженныхъ новѣйшими ружьями, снабженныхъ мѣшками съ динамитомъ. Страшно себѣ представить даже паденіе этого адскаго груза на непріятельское войско, нельзя безъ ужаса вообразить столкновеніе воздушныхъ флотовъ на высотѣ 2,000 метровъ. Люди еще не подчинили себѣ вполнѣ воздушную стихію, а уже мечтаютъ объ истребленіи другъ друга.

II.

Идея мира такая же древняя, какъ и нашъ міръ. И если на первой ступени развитія народовъ, какъ мы выше упоминали, преобладали воинственныя тенденціи, то все же ни на минуту не глохли и тенденціи мира.

Еще за 600 лѣтъ до Рождества Христова Саккіа-Муни открываетъ индусубраманисту «законъ милости». Буддизмъ—кладезь высшей морали, призывающей къ человѣчности, братству, кротости,—какъ бы прелюдія «Нагорной проповѣди». Въ Китаѣ идея мира пробудилась еще ранѣе. По Конфуцію, совершенство души — въ любви, въ желаніи добра всѣмъ и каждому. Одному изъ своихъ учениковъ, жаловавшемуся ему на то, что у него нѣтъ братьевъ, Конфуцій сказалъ: «Развѣ ты не считаешь себя частью человѣчества?» Къ миру призывалъ и Исаія, пророческимъ окомъ прозрѣвавшій установленіе царства Божія на землѣ. Іезекіиль пророчествовалъ о единствѣ расъ, возрожденіи цивилизаціи и всеобщемъ мирѣ. Его громовыя рѣчи—«крикъ кроткаго сердца, ненавидящаго лишь враговъ любви».

Таковы были мечты пророковъ и мнѣнія великихъ философовъ на древнемъ Востокѣ. Не менѣе опредѣленно проявля-

лась идея мира и въ древней Греціи, а также и въ древнемъ Римѣ.

Почти у каждаго изъ греческихъ поэтовъ и философовъ можно прослѣдить стремленіе къ высшему праву, къ идеѣ мира и всечеловѣчества. Уже одна легенда о золотомъ вѣкѣ у древнихъ грековъ является стремленіемъ ихъ воображенія къ мирнымъ доктринамъ. Древнѣйшій писатель—Гомеръ уже высказываетъ желаніе положить конецъ печальнымъ раздорамъ, раздѣляющимъ боговъ и людей. Въ V вѣкѣ до Р. Х. Сократъ, по словамъ Цицерона и Плутарха, называетъ себя «гражданиномъ міра». Демокритъ и Діогенъ поучаютъ, что міръ есть истинное отечество человѣка. Платонъ въ своемъ знаменитомъ описаніи острова Атлантиды рисуетъ царящій тамъ идеальный союзъ объединенныхъ правителей, рѣшающихъ свои споры не войной, а мирнымъ путемъ. У Аристофана въ его комедіяхъ: «Миръ», «Лизистрата» и «Птицы» можно отмѣтить много мѣстъ, являющихся горячими защитительными рѣчами въ пользу мира. Въ концѣ комедіи «Птицы» хоръ молитъ боговъ «сдѣлать такъ, чтобы употребленіе губительнаго желѣза было уничтожено». Но этимъ не ограничилась проповѣдь Аристофана о мирѣ. Онъ проводилъ свои взгляды и на практикѣ. Рискуя быть изгнаннымъ изъ отечества — высшее наказаніе для древняго грека,—Аристофанъ мужественно боролся противъ войнъ Перикла и въ 426 г. объявилъ даже своимъ соотечественникамъ, что «миръ, какой цѣной ни былъ бы онъ добытъ, стоитъ ста побѣдъ». Тѣхъ же воззрѣній на миръ держатся и Плутархъ, и стоики (Эпиктетъ и Маркъ Аврелій), и философъ александрійской школы Филонъ, совѣтующій мудрецу отвѣтить на угрозу изгнаніемъ — словами: «вселенная — мое отечество».

Въ Греціи мы видимъ примѣненіе этихъ мирныхъ идей, стремящихся къ изъятію войны, и на практикѣ. Тамъ уже наблюдаются случаи обращенія къ мирнымъ способамъ разрѣшенія спорныхъ вопросовъ путемъ третейскаго суда. Насколько это проникло въ сознаніе грековъ, видно изъ словъ царя Архидама, приводимыхъ Ѳукидидомъ (Ѳукидидъ I, 85): «невозможно напасть, какъ на врага, на того, кто предлагаетъ предстать къ отвѣту передъ третейскимъ судомъ». У грековъ были даже спеціальныя учрежденія для рѣшенія споровъ отдѣльныхъ греческихъ республикъ третейскимъ судомъ, — такъ называемые союзы амфиктіоновъ. Свои рѣшенія амфиктіоны постановляли во имя божества, которому былъ посвященъ ихъ храмъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они оказывали свое дѣйствіе на сношенія между греческими государствами: подобно другимъ соціальнымъ факторамъ, они сближали народы и смягчали ихъ замкнутость. Подобнаго же рода высшими трибуналами для рѣшенія споровъ были союзы ахейскій и ликійскій. Извѣстны также изъ исторіи Греціи случаи, гдѣ третейскимъ судьей являлось и отдѣльное государство—Спарта, рѣшавшая споръ между Аѳинами и Мегарою относительно обладанія о. Саламиномъ. Въ мирные и союзные трактаты включалась иногда особая оговорка, согласно которой договаривающіяся стороны обязывались прибѣгать къ мирному разрѣшенію споровъ путемъ третейскаго суда.

Римъ далеко не такъ богатъ примѣрами проявленія мирныхъ тенденцій. Стремленіе къ владычеству надъ міромъ заглушаетъ въ немъ все остальное. Римъ— печальный образецъ милитаризма; онъ до конца остается эгоистомъ, и ему нуженъ миръ, не какъ цѣль, а какъ средство для поддержанія внутренняго порядка. Только тогда Римъ началъ думать о всесвѣтномъ мирѣ, когда почти весь тогдашній свѣтъ сталъ Римской имперіей. Если въ римской исторіи и можно указать случаи примѣненія третейскаго суда для рѣшенія споровъ, то характеренъ способъ, который онъ употреблялъ для примиренія сторонъ: онъ убѣждалъ обѣ споря-

щія стороны отказаться отъ предмета спора и затѣмъ преспокойно присоединялъ спорную область къ своимъ владѣніямъ.

Можно однако отмѣтить и въ исторіи древняго Рима примѣръ яркаго проявленія идеи мира въ лицѣ не философа, не поэта, а властителя—императора Проба, главенствовавшаго надъ всѣмъ свѣтомъ и пожелавшаго дать ему блага мира. «Долой оружіе,— повелѣлъ онъ,— пусть народы болѣе не платятъ военной подати, пусть быкъ принадлежитъ плугу, пусть лошадь рождается для мира, нигдѣ пусть не будетъ сраженій, мы не нуждаемся болѣе ни въ одномъ воинѣ». Своимъ легіонамъ онъ приказалъ строить въ Египтѣ — плотины на Нилѣ, а въ Азіи—дороги, на Дунаѣ они должны были обрабатывать хлѣбныя поля, въ южной Франціи насаждать оливковыя рощи. Но добрыя начинанія императора погибли вмѣстѣ съ нимъ — онъ былъ убитъ недовольными солдатами и палъ мученикомъ своей идеи.

Съ паденіемъ Рима ниспровергается и религія древняго міра, которая, какъ извѣстно, проводила воинственныя тенденціи. На мѣсто религіи ненавистничества, презиравшей чужеземцевъ, явилась новая, провозвѣстившая любовь и братство. Миръ былъ ея основой, ея цѣлью. Но великія истины христіанства долго пробивали себѣ путь къ сердцамъ людей, огрубѣвшихъ отъ многовѣкового римскаго милитаризма, ожесточившихся въ новой борьбѣ народовъ, возгорѣвшейся на развалинахъ великой римской имперіи. Освободившаяся отъ ига Рима, масса мелкихъ государствъ и владѣтелей вступила въ ожесточенную борьбу другъ съ другомъ. Все было объято войной, всюду возгорались сраженія, кровавое зарево войны освѣтило разрушавшіеся замки владѣтельныхъ князей, разрушенныя деревни, потоптанныя поля. Настало время феодализма, господства грубой силы. Потоки крови залили слѣды мирныхъ идей, лязгъ мечей заглушалъ голосъ любви и мира. И прошло не мало времени, положено было не мало усилій лучшихъ людей среднихъ вѣковъ, пока снова не возсіяли идеи мира. Во главѣ этого мирнаго движенія стояла христіанская церковь въ лицѣ св. апостоловъ, отцовъ церкви, первыхъ епископовъ. Мужественно бросается она среди сражающихся, проповѣдуетъ согласіе и возвѣщаетъ «Божій миръ» (Pax Dei).

Но убѣдить жестокихъ воиновъ, которые видѣли въ войнѣ единственное почетное занятіе, было почти немыслимо; вѣдь мы и теперь, спустя восемь вѣковъ, сплошь и рядомъ встрѣчаемъ улыбку недовѣрія на устахъ цивилизованныхъ людей XIX столѣтія, когда заводятъ рѣчь объ идеяхъ мира, объ уничтоженіи войны. Что же можно было требовать отъ людей того времени, когда исторію поистинѣ писали остріями мечей. И церковь во имя всеобщаго блага рѣшила пока умѣрить свои требованія и создать постепенно почву для воспріятія великихъ христіанскихъ идей мира. Вмѣсто «Божьяго мира» было установлено «Божье перемиріе» (Treuga Dei). Иниціаторомъ его было въ 1041 г. южно-французское духовенство подъ главенствомъ аббата Одило изъ Оньи и при содѣйствіи нѣсколькихъ владѣтельныхъ князей. Въ силу этого перемирія время съ вечера среды (послѣ заката солнца) до утра понедѣльника (до восхода солнца), какъ воспоминаніе о дняхъ Страстей Господнихъ и Воскресенія Христова, считалось «замиреннымъ»; кромѣ того, было запрещено воевать и во время великаго поста (то же можно указать и въ русской исторіи: какъ извѣстно, Владиміръ Мономахъ уговаривалъ русскихъ князей не проливать христіанской крови въ великій постъ); помимо этого ограниченія во времени, подъ сѣнь вѣчнаго мира поставлены были: женщины, дѣти, путешественники, земледѣльцы, купцы; а также церкви, плуги. Въ этомъ запрещеніи мы видимъ уже признаніе труда священнымъ; плугъ, по-

добно церкви, служилъ убѣжищемъ для тѣхъ, кто искалъ возлѣ него защиты. Мало того, церковью строго воспрещено было духовенству употребленіе оружія даже при самообoронѣ; церковь осуждаетъ турниры; однимъ словомъ она осуждаетъ всякое нарушеніе мира, кромѣ оборонительной войны. Нарушителей этихъ предписаній церкви ждали строгія наказанія и эпитиміи, лишеніе причастія при жизни и христіанскаго погребенія послѣ смерти.

Сила царившаго въ тѣ времена дикаго, кулачнаго права должна была однако преклоняться предъ властью папъ, являвшихся въ разгаръ среднихъ вѣковъ почти неограниченными владыками всего міра. Папы и выступили въ средніе вѣка мощными защитниками идеи мира, властно насаждавшими среди государствъ начала права и справедливости. Въ исторіи извѣстенъ цѣлый рядъ случаевъ, когда папы фигурировали въ качествѣ посредниковъ и третейскихъ судей, рѣшавшихъ споры между государствами.

III.

Такова роль среднихъ вѣковъ въ развитіи идеи мира. Расцвѣтъ ея начинается лишь съ новой исторіи. Продолжительный гнетъ кровавыхъ войнъ зажигаетъ съ новой силой въ благородныхъ сердцахъ жажду мира. Подъ вліяніемъ страха вѣчныхъ войнъ возникаютъ проекты установленія вѣчнаго мира... Эти проекты несбыточны, фантастичны, но приближаютъ человѣчество къ новой эрѣ, эрѣ всеобщаго мира. Это были утопіи, но, какъ хорошо сказалъ Ламартинъ, «утопіи—идеалъ въ отдаленіи».

Первымъ авторомъ проекта вѣчнаго мира былъ французскій король Генрихъ IV. Этотъ проектъ важенъ, какъ попытка организовать международное общеніе въ смыслѣ государственномъ. Генрихъ IV, на основаніи записки своего министра герцога Сюлли, предложилъ для предупрежденія международныхъ войнъ организовать изъ европейскихъ государствъ одну великую «христіанскую республику». Въ составъ ея должны были войти 15 государствъ, при чемъ границы ихъ должны были быть значительно измѣнены. Характерно, что московское государство на ряду съ Турціей совершенно исключалось изъ «христіанскаго» союза. Завѣдываніе дѣлами республики должно было быть поручено общему совѣту изъ 60 уполномоченныхъ отъ государствъ. На совѣтъ возложена была забота о мирномъ рѣшеніи споровъ, возникающихъ между христіанскими народами. Этотъ «христіанскій союзъ» проповѣдывалъ, однако, и войну — вѣчную войну «республики» съ мусульманами до тѣхъ поръ, пока они совершенно не будутъ изгнаны изъ Европы.

Вслѣдъ за этимъ проектомъ, нѣсколько позднѣе, въ 1623 г. появился новый—принадлежавшій также французу, Эмери де-ла-Круа (Emery de la Croix). Въ своемъ сочиненіи «Nouveau Cynée» онъ горячо высказывается за учрежденіе постояннаго конгресса, въ качествѣ органа, охраняющаго миръ среди народовъ. Подобные же проекты предлагали испанскій писатель конца XVI в. Франсискъ Суарецъ и въ особенности итальянецъ Альберинъ Джентили.

Къ началу XVII вѣка относится знаменитый трактатъ Гуго Гроція «О законѣ войны и мира» («De jure belli ac pacis», 1625 г.), положившій начало наукѣ международнаго права. Поводомъ къ этому труду его послужили бѣдствія тридцатилѣтней войны, по своимъ жертвамъ превзошедшей почти всѣ прочія войны. Достаточно сказать, что Германія, служившая мѣстомъ дѣйствія этой упорнѣйшей войны, изъ цвѣтущаго государства превратилась въ пустыню, Больше половины населенія было уничтожено; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ, напримѣръ, въ Богеміи, осталось въ живыхъ всего треть жителей, а въ другихъ частяхъ средней Германіи еще менѣе,—въ графствѣ Геннеберга погибло 75 процентовъ

населенія. Въ общемъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, изъ 16 милліоновъ жителей Германіи осталось послѣ войны едва 6 милліоновъ. Но этимъ жалкимъ остаткамъ населенія, избавившимся отъ гибели на войнѣ, грозила гибель отъ голода. Всѣ земли, все имущество было разорено и разграблено войсками, состоявшими изъ всякаго сброда, видѣвшаго въ войнѣ источникъ наживы. Торговля и промышленная жизнь страны совершенно замерла, — однимъ словомъ: войной были уничтожены успѣхи цѣлыхъ столѣтій, и вся Германія должна была начинать свою культурную жизнь сызнова.

Гуго Гроцій уже послѣ первыхъ семи лѣтъ этой войны выступилъ горячимъ борцомъ за ограниченіе бѣдствій войны, указывая, что основой международныхъ отношеній должны быть не національная и религіозная вражда и обособленность, подобно тому какъ это было въ древности и въ средніе вѣка, а—твердые законы общежитія, упрочивающіе среди людей миръ. Онъ даже высказывается за пользу и необходимость учрежденія между христіанскими государствами собраній, на которыхъ «споры между ними рѣшались бы третьими, безпристрастными государствами, а также принимались бы мѣры для принужденія сторонъ къ миру на основахъ справедливости».

Книга Гуго Гроція имѣла огромное вліяніе на современные умы. Шведскій король Густавъ-Адольфъ возилъ ее съ собою въ походы вмѣстѣ съ евангеліемъ, и, кто знаетъ, быть-можетъ, подъ вліяніемъ этой книги, сокращено было имъ не мало жестокостей. На сочиненіе Гроція смотрѣли, какъ на сборникъ нормъ права, и въ германскихъ университетахъ учреждены были каѳедры для изученія его труда.

XVIII-й вѣкъ, зародившій массу смѣлыхъ идей и помысловъ, осуществить которые отчасти удалось нынѣшнему вѣку, отчасти придется предоставить отдаленному будущему, съ новой силой возродилъ великую идею вѣчнаго мира, число поборниковъ которой начинаетъ возрастать. Однимъ изъ краснорѣчивѣйшихъ воззваній къ вѣчному миру былъ проектъ аббата Сенъ-Пьера, появившійся въ 1713 г., въ разгаръ династическихъ войнъ, когда Европѣ грозила гегемонія Людовика XIV.

Аббатъ Сенъ-Пьеръ представилъ свой проектъ вѣчнаго мира Утрехтскому конгрессу. Въ своей основѣ онъ имѣлъ также лигу, союзъ государствъ Европы, подобно старой германской имперіи, но въ эту лигу уже была включена, по проекту, и Россія. Во главѣ союза былъ поставленъ общій сеймъ, какъ его законодательный и судебный органъ, имѣвшій принудительную власть по отношенію ко всѣмъ членамъ, лишеннымъ правъ противопоставлять свои интересы интересу общему и не смѣвшимъ отдѣляться отъ союза. Устанавливался общій законъ, на основаніи котораго разрѣшались частные споры между государствами. Въ лигѣ Сенъ-Пьеръ видѣлъ гарантію противъ завоеваній и внутреннихъ революцій, которыя подавляются вмѣшательствомъ союзныхъ державъ. У проекта этого есть громадный недостатокъ — онъ лишаетъ государства высшаго блага—независимости.

Но на ряду съ этими проектами философовъ и моралистовъ—война продолжала свирѣпствовать и въ XVIII вѣкѣ. Какъ характерно выразился французскій публицистъ Дрейфусъ въ своей книгѣ «L'arbitrage international», — никогда не существовало болѣе рѣзкой противоположности между идеями философовъ и нравами государей, какъ къ концу XVIII столѣтія. Отъ Китая до Кадикса міръ принадлежалъ сильнѣйшему.

Въ противовѣсъ этому обуявшему народы духу властолюбія возникаютъ все чаще и чаще проекты мира, надъ которыми продолжаютъ потѣшаться люди крови и желѣза, но которые постепенно проводятъ въ жизнь идею мира и шагъ за шагомъ отгоняютъ отъ человѣчества призракъ войны.

Знаменитый политикъ и соціологъ Монтескье горячо порицалъ послѣдствія вооруженнаго мира и называлъ его «напряженіемъ силъ всѣхъ противъ всѣхъ, нарождающимъ бѣдняковъ среди богатства».

Вслѣдъ за нимъ уже на рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ явились въ міръ, почти одновременно, но совершенно независимо другъ отъ друга, два выдающихся проекта мира среди народовъ. Одинъ изъ нихъ принадлежалъ главѣ утилитаризма въ Англіи — Бентаму, другой — великому представителю критическаго идеализма въ Германіи—Эммануилу Канту.

Бентамъ предложилъ для уничтоженія войны назначить постоянный конгрессъ съ депутатами отъ европейскихъ державъ, для рѣшенія всѣхъ международныхъ споровъ, при чемъ конгрессу предоставлялось право исключать изъ европейскаго союза всякое государство, не повинующееся его приговору. Принудительная сила конгресса предполагалась весьма реальная: — каждое государство должно было уступить для образованія общей международной арміи опредѣленное число своихъ войскъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ для предупрежденія самыхъ войнъ Бентамъ предложилъ обязательно сократить число постоянныхъ войскъ и освободить колоніи отъ метрополій. Это первое возникновеніе вопроса о разоруженіи относится къ 1789 году.

Спустя шесть лѣтъ появилось знаменитое сочиненіе Канта — «Философскій проектъ вѣчнаго мира» («Philosophischer Entwurf zum ewigen Frieden»). Великій философъ требовалъ, чтобы отношенія между государствами, какъ и отношенія между единичными людьми, безусловно сообразовались съ началами справедливости. Главное положеніе его трактата было то, что вѣчный миръ—не пустая мечта, а цѣль, къ которой человѣчество приближается, хотя и постепенно, но, по мѣрѣ своего усовершенствованія, съ все возрастающей быстротой. Для водворенія мира на землѣ Кантъ ставитъ человѣчеству шесть слѣдующихъ этическихъ требованій: 1) не можетъ считаться заключеніемъ мира такой трактатъ, въ которомъ таятся зародыши будущей войны; 2) ни одно государство не должно пріобрѣтать части другого, ни путемъ наслѣдованія, ни купли, ни путемъ обмѣна, ни дара; 3) должны быть упразднены постоянныя арміи; 4) не слѣдуетъ заключать займы на внѣшнія дѣла; 5) государства не должны вмѣшиваться во внутреннее управленіе и устройство другихъ государствъ; 6) государства не должны совершать во время войны такихъ дѣйствій, которыя подрывали бы чувство довѣрія къ нимъ во время мира.

Въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка появились съ свѣтъ проекты мира и у насъ, въ Россіи, но эта первая теоретическая попытка нашего участія въ миротворческой дѣятельности всего міра была неудачной. Это были проекты поистинѣ «отечественнаго производства», и средства, предлагавшіяся для обезпеченія «вѣчнаго мира», были весьма своеобразныя. Такъ, Малиновскій въ своемъ сочиненіи «Разсужденіе о мирѣ и войнѣ», изданномъ въ 1803 г., указываетъ, что «все зло заключается въ посланникахъ, которыхъ надо уничтожить». Предтечей Малиновскаго былъ гр. Платонъ Зубовъ, въ концѣ прошлаго вѣка составившій въ цѣляхъ вѣчнаго мира очень оригинальный раздѣлъ Европы, который хотя и дѣлаетъ честь его патріотизму, но по своей фантастичности превосходитъ всѣ прочіе. По проекту гр. П. Зубова всю Европу нужно раздѣлить на 15 государствъ, при чемъ Австрію слѣдуетъ совершенно упразднить, а зато къ Россіи должны быть присоединены: Германія, Австрія, Данія и Швеція. Авторъ проекта высчиталъ даже всѣ столицы новой Россійской Имперіи: Петербургъ, Берлинъ, Вѣна, Константинополь, Астрахань и Москва; въ города же второй степени, очевидно стоящіе ниже Астрахани, занесены имъ: Гамбургъ, Копенгагенъ, Стокгольмъ и т. д.

XIX вѣкъ, вѣкъ цивилизаціи и прогресса, начался войнами. Грозный геній Наполеона залилъ кровью начало исторіи XIX столѣтія. И послѣ низверженія этого мощнаго глашатая грубой военной силы, въ 1815 году вновь выступила на свѣтъ неугасаемая идея мира, выступила уже осуществленная на дѣлѣ, въ видѣ особаго учрежденія, сильная и властная. Починъ этого возрожденія мирной идеи въ нашемъ столѣтіи принадлежитъ Россіи, — именно императору Александру I.

26 сентября 1815 г., находясь въ Парижѣ, три монарха: русскій—императоръ Александръ I, прусскій — король Фридрихъ-Вильгельмъ III и австрійскій—императоръ Францъ I заключили «священный союзъ», который долженъ былъ служить прототипомъ христіанско-европейскаго мирнаго союза. Основнымъ пунктомъ союза былъ слѣдующій: «монархи въ политическихъ сношеніяхъ руководятся лишь предписаніями христіанской религіи, а именно: велѣніями справедливости, христіанской любви и мира». Монархи торжественно заявили о своей «обязанности передъ Богомъ и ввѣренными имъ народами подавать міру, насколько это отъ нихъ зависитъ, примѣры справедливости, единодушія и умѣренности». Къ этому союзу присоединились затѣмъ и прочія европейскія державы, кромѣ папы и Турціи. Но благія начинанія священнаго союза и въ особенности творца его, одушевленнаго свѣтлыми, гуманными и мирными идеями, — не осуществились не столько потому, что міръ еще не былъ подготовленъ для воспринятія ихъ, сколько благодаря козням коварнаго и безсердечнаго врага мира, австрійскаго министра кн. Меттерниха, постаравшагося силою своего положенія и вліянія на нашего императора парализовать дѣятельность союза и придать ему антинаціональный характеръ.

Но начала мира глубоко проникли къ тому времени въ сознаніе правительствъ, и въ томъ же году образуются два другіе союза для сохраненія порядка и мира: нѣмецкій и швейцарскій. Въ послѣднее засѣданіе Вѣнскаго конгресса былъ заключенъ «Нѣмецкій союзъ» изъ 39 государствъ и вольныхъ городовъ съ постояннымъ союзнымъ собраніемъ въ Франкфуртѣ на Майнѣ. Цѣлью союза было — не воевать другъ съ другомъ и не рѣшать своихъ споровъ грубой силой, а представлять ихъ на разрѣшеніе въ союзное собраніе. Союзъ этотъ былъ еще болѣе закрѣпленъ послѣ 1818 г., когда на Ахенскомъ конгрессѣ пять великихъ европейскихъ державъ вновь подтвердили основы священнаго союза, выразивъ въ деклараціи 3 ноября 1818 г., обращенной ко всѣмъ остальнымъ европейскимъ государствамъ, «твердую рѣшимость, какъ во взаимныхъ сношеніяхъ, такъ и въ сношеніяхъ съ другими государствами, не отступать отъ строгаго соблюденія принциповъ международнаго права, которые, въ приложеніи къ мирному порядку, одни способны дѣйствительно обезпечить независимость каждаго правительства и прочность всего международнаго союза». Но послѣдовавшія затѣмъ разногласія между членами союза этихъ пяти государствъ (пентархіи) парализовали его дѣятельность.

Въ то же время и въ свободолюбивой Швейцаріи образовался союзъ изъ 22 свободныхъ кантоновъ. Цѣлью этого союза было также «упроченіе свободы, независимости и безопасности противъ нападеній чужеземныхъ державъ и обезпеченіе покоя и порядка во внутреннихъ дѣлахъ». Несмотря на благія задачи союза, многіе кантоны удалось присоединить къ нему лишь съ большимъ трудомъ, а кантонъ Нидвальденъ пришлось даже силою оружія заставить подчиниться этому союзу.

IV.

Одновременно съ этимъ стремленіемъ правительствъ провести въ жизнь идеи мира и основать на нихъ международныя

сношенія — появляются въ началѣ XIX вѣка «Общества мира», — учрежденія, которыя достигли блестящаго развитія въ настоящее время и которымъ суждено сыграть одну изъ выдающихся ролей въ насажденіи мира среди народовъ.

Эти общества мира составились изъ людей всѣхъ національностей, безъ всякаго различія вѣрованій, сословнаго и общественнаго положенія, изъ мужчинъ и женщинъ, изъ людей, умудренныхъ опытомъ жизни, и еще не познавшихъ ея юношей,—всѣхъ ихъ объединила вражда къ войнѣ, стремленіе пропагандировать миръ и братство. И съ каждымъ днемъ число этихъ друзей мира растетъ и множится. Подъ ихъ бѣлое знамя, знамя мира, стали такіе великіе друзья человѣчества, какъ покойные Ричардъ Кобденъ, Джонъ Брайтъ, Генри Ричардъ, Манчини, Бонги, Лабуле, Бастіа, Фильдъ, а изъ живыхъ Годжсонъ Праттъ (Англія), Фредерикъ Пасси (Франція), баронесса Зутнеръ (Австрія), авторъ знаменитаго романа «Долой оружіе!» (Die Waffen nieder!), Эли Дюкомменъ (Швейцарія), Фредерикъ Байеръ (Данія), Маркоарту (Испанія), Пандольфи (Италія) и др.

Въ настоящее время существуетъ уже около 100 обществъ мира. Особенно распространены они въ Соединенныхъ Штатахъ, Англіи, Швейцаріи, Германіи, Франціи и Италіи. Для распространенія своихъ идей у большей части обществъ имѣются свои періодическія изданія. Учрежденіемъ, объединяющимъ всѣ эти общества, является международное бюро мира въ Бернѣ, открывшее недавно отдѣленіе въ Вашингтонѣ.

Единственное изъ европейскихъ государствъ, не имѣвшее и до сихъ поръ не имѣющее обществъ мира—Россія. Несмотря на исконнее миролюбіе своего народа, Россія какъ будто отстала въ этомъ движеніи, но слѣдуетъ вспомнить такое яркое фактическое участіе въ немъ, какимъ является все царствованіе императора Александра III, единодушно прозваннаго всѣмъ міромъ Царемъ-Миротворцемъ. А развѣ нынѣ съ «манифестомъ мира» Императора Николая II Россія не стала во главѣ всего мірового движенія въ пользу мира? Россія не имѣетъ обществъ мира, но отнынѣ она вся, подъ верховнымъ владычествомъ своего Царя— одно общество мира.

Друзья мира высоко подняли теперь голову, съ усиленной энергіей заработали на пользу своей идеи; со всѣхъ концовъ міра поступаютъ адреса признательности нашему Государю, выпускаются въ свѣтъ мирныя воззванія къ народамъ не только Европы, но и Востока, къ женщинамъ всѣхъ странъ и народовъ; текстъ русской ноты о разоруженіи отпечатывается въ тысячахъ экземплярахъ и разсылается въ Англіи священникамъ для прочтенія паствѣ съ церковной каѳедры. Общества мира одно наперерывъ передъ другимъ постановляютъ резолюціи, выражающія чувства благодарности нашему Императору и благоговѣйно преклоняются предъ Его державнымъ почином въ дѣлѣ развитія идей мира...

Характернымъ выраженіемъ этихъ чувствъ служитъ письмо извѣстной поборницы мира баронессы Берты Зутнеръ.

«Воодушевленіе, охватившее меня при чтеніи пришедшаго изъ Россіи манифеста, такъ велико,—пишетъ она,—что я чувствую непреодолимую потребность высказать, какое сильное чувство восторга и благодарности вызвала иниціатива Царя среди друзей мира во всемъ свѣтѣ. Я имѣю нѣкоторую возможность судить объ этомъ, такъ какъ получаю сотни телеграммъ и писемъ отъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ.

«Пишетъ ли мнѣ Бьернстерне-Бьернсонъ: «Царь сдѣлалъ великое дѣло», или простыя женщины изъ народа обращаются ко мнѣ съ восторженными заявленіями, что онѣ призываютъ благословеніе Неба на Благороднаго Провозвѣстника мира, отгоняющаго стоявшее передъ глазами ихъ мужей и сыновей страшное привидѣніе

смерти на полѣ битвы,—въ обоихъ случаяхъ это одно и то же эхо благодарности.

«Дѣломъ опытныхъ и освѣдомленныхъ друзей мира теперь должно быть распространеніе повсюду разъясненій этого, для того, чтобы проектируемая конференція могла выполнить свою работу въ томъ же духѣ, который подсказалъ созваніе ея.

«Что въ Россіи, какъ среди Членовъ Императорскаго Дома, такъ и среди ученыхъ и публицистовъ, идея мира пользуется искренними симпатіями,—это мнѣ хорошо извѣстно изъ долголѣтняго знакомства съ русскою литературою и журналистикою. Я знаю, какое вліяніе оказала такая книга, какъ «Война и миръ» Толстого. Я знаю, что работы гр. Комаровскаго, Мартенса, Манассеина, Новикова и друг. освѣтили яркимъ свѣтомъ идею мира.

«Я знаю о дѣятельности кн. Петра Долгорукаго, о вліяніи художника-поэта Верещагина. Я видѣла письмо, которое Внукъ Русскаго Императора, принцъ Петръ Ольденбургскій, писалъ Бисмарку, чтобы защитить передъ нимъ идею объ устраненіи войны. Я знаю, что императоръ Александръ III произнесъ знаменательныя слова: «Кто бы ни объявилъ войну—онъ Мой врагъ». Я знаю, что Императоръ Николай II на подаренномъ недавно Франціи колоколѣ велѣлъ вырѣзать слова: «Sonne pour la paix et pour la concorde des peuples» (Вѣщай миръ и согласіе народовъ).

«Но еще громче, чѣмъ колокольный звонъ, раздался теперь Его Собственный голосъ, и да освятитъ звукъ этого голоса новый періодъ человѣческой исторіи».

Общества мира много сдѣлали для подготовленія этого новаго періода. Они сами тоже — плодъ сравнительно недавняго времени.

Зародились они вслѣдъ за революціонными и наполеоновскими войнами одновременно въ двухъ наиболѣе политически и экономически развитыхъ государствахъ — Соединенныхъ Штатахъ и Англіи, которые до сихъ поръ сохранили первенство въ дѣлѣ пропаганды идей мира и третейскаго суда въ международныхъ отношеніяхъ. Въ 1815 г. скромные квакеры Уорчестеръ (Worcester), Чэннингъ (Chaning) и Ладдъ (Ladd) основали первое общество мира въ Нью-Іоркѣ, которое вскорѣ обзавелось уже отдѣленіями въ Коннектикутѣ, Массачузетсѣ и другихъ штатахъ. Въ слѣдующемъ году такого же рода общество совершенно независимо учредили въ Англіи 20 квакеровъ по иниціативѣ Аллена и Кларксона. Это было «общество содѣйствія прочному и общему миру», быстро распространившее свою дѣятельность по всей Англіи и съ 1819 г., подобно американскому, начавшее издавать свой спеціальный органъ «Герольдъ мира» (Herald of Peace).

До 1830 г. эти общества были единственныя. Только въ 1830 г. основано было общество мира въ Женевѣ графомъ Селлономъ, «посвятившимъ неприкосновенности человѣческой жизни свое сердце и перо». Дѣйствительно, онъ весь отдался этой идеѣ, издавалъ письма, статьи, въ которыхъ всегда и неизмѣнно проповѣдывалъ, что «христіанство призвано установить миръ во всѣхъ видахъ».

Вслѣдъ за Швейцаріей возникло въ 1841 г. по иниціативѣ французскихъ мыслителей и государственныхъ дѣятелей Бенжамена Констана, Гизо, Ипполита Карно, Дюшателя и другихъ, подъ предсѣдательствомъ герцога Ларошфуко-Ліанкура,—«общество христіанской нравственности». Поставивъ себѣ задачей проводить христіанскія начала въ общественную и международную жизнь, оно поддерживало сношенія съ англійскими обществами мира и много потрудилось надъ искорененіемъ исконной вражды между Англіей и Франціей.

Въ сороковыхъ годахъ прославился своей дѣятельностью въ пользу мира простой американскій кузнецъ Бёрритъ († въ 1879 г.). Онъ родился въ 1811 г. въ

Новой Британіи, въ штатѣ Коннектикутѣ, и уже 20-лѣтнимъ юношей началъ дѣйствовать въ пользу квакерскихъ мирныхъ стремленій въ Америкѣ. Прозванный «ученымъ кузнецомъ», онъ сталъ съ 1840 г. путешествовать, переплывалъ даже въ Европу, для того, чтобы проповѣдывать противъ войны, какъ главнаго препятствія благосостоянію народовъ. Вскорѣ онъ сталъ душою английскихъ обществъ мира и въ 1847 г. основалъ въ Англіи «Лигу всеобщаго братства» и состоявшій только изъ женщинъ и дѣвушекъ отдѣлъ этой лиги, подъ названіемъ «Общество масличной вѣтви». Онъ издалъ для народа массу популярныхъ брошюръ о мирѣ. Особенно дѣйствовалъ Бёрритъ въ пользу созыва общихъ съѣздовъ мира, для объединенія и ободренія дѣятельности друзей мира. Въ сороковыхъ годахъ Бёрритъ достигъ этой цѣли.

Общіе съѣзды мира явились дальнѣйшимъ фазисомъ развитія обществъ мира. До перваго общаго съѣзда въ Брюсселѣ созванъ былъ въ Лондонѣ частный съѣздъ въ 1843 г. На немъ уже было выработано, по примѣру древняго Периклова мира 444 г. до Р. Хр., предложеніе, обращенное къ 54 правительствамъ, «о присоединеніи къ ихъ взаимнымъ договорамъ особаго условія о томъ, чтобы, въ случаѣ возникновенія между ними споровъ, они прибѣгали для рѣшенія ихъ къ посредничеству какой-нибудь дружественной державы». Этотъ призывъ съѣзда не остался безрезультатнымъ—онъ вошелъ въ резолюцію державъ на парижскомъ конгрессѣ 1856 г. Работы съѣзда были встрѣчены очень сочувственно многими главами правительствъ. Извѣстны слова французскаго короля Людовика-Филиппа, сказанныя имъ при пріемѣ депутаціи этого съѣзда: «миръ, въ наше время, для каждаго народа—необходимость, а война, слава Богу, слишкомъ дорого стоитъ, чтобы ее можно было часто предпринимать. Я увѣренъ, что придетъ время, когда война исчезнетъ въ цивилизованномъ мірѣ». Достойны вниманія и слова тогдашняго президента Соединенныхъ Штатовъ Пирса: «дайте народу образованіе, права, и онъ потребуетъ мира, столь необходимаго для его благоденствія».

На первомъ общемъ съѣздѣ мира, созванномъ стараніями Бёррита въ Брюсселѣ, въ 1848 г. и неправильно называемомъ, какъ и послѣдующіе съѣзды, конгрессомъ мира (конгрессы—собранія представителей правительствъ, а не частныхъ лицъ, явившихся по собственному желанію),—приняты были четыре резолюціи, являющіяся съ тѣхъ поръ основными пунктами мирной пропаганды: уничтоженіе войны; установленіе правильнаго международнаго третейскаго суда; созывъ конгресса изъ представителей всѣхъ народовъ для составленія международнаго уложенія и принятіе общихъ и одновременныхъ мѣръ къ разоруженію. Эти резолюціи вызвали въ то время всеобщую сенсацію и возбудили живой интересъ къ обществамъ мира.

Ободренные сочувствіемъ, пока еще очень немногочисленные друзья мира созвали на слѣдующій годъ новый, второй съѣздъ въ Парижѣ. Иниціаторами этого созыва явился не только Бёрритъ, но и пасторъ Генри Ричардъ, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ и неустанныхъ поборниковъ идеи мира, бывшій около 40 лѣтъ душою англійскаго общества мира и своими рѣчами въ пользу мира добившійся утвержденія въ англійскомъ парламентѣ (въ 1873 г.) его предложенія объ обращеніи къ третейскому суду;—это былъ первый случай подобнаго рода въ практикѣ палатъ.

Предсѣдателемъ второго съѣзда мира избранъ былъ Викторъ Гюго, горячій поборникъ мира, высказывавшійся въ пользу этой великой идеи въ своихъ сочиненіяхъ, какъ напримѣръ «Orientales» и въ особенности въ своемъ «Манифестѣ мира къ народамъ Европы», выпущенномъ въ 1867 г., во время всемірной парижской выставки. Въ этомъ манифестѣ поэтъ пророчествуетъ: «въ XX-мъ вѣкѣ народъ будетъ съ трудомъ отличать завоевателя-

полководца отъ обрызганнаго кровью подручнаго мясника и будетъ смотрѣть на поле битвы съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ мы смотримъ на мѣсто ауто-да-фэ. Миръ, — эта питающая народы богиня, будетъ мощно царить среди людей; единственной войной будетъ соревнованіе въ стремленіи къ прогрессу. Этотъ народъ въ XX-мъ вѣкѣ будетъ называться Европой, а въ позднѣйшія времена—человѣчествомъ. Сокращеніе разстояній посредствомъ желѣзныхъ дорогъ и телеграфа отдаетъ землю все болѣе въ руки мира. Когда Христосъ сказалъ: «любите ближняго» — тогда война умерла и съ тѣхъ поръ была лишь кровавымъ привидѣніемъ».

На съѣздѣ онъ обратился ко всѣмъ участникамъ его и сказалъ: «Слово Божье—миръ, а не война. Грубая сила должна уступить идеѣ мира. Признаніе всѣхъ національностей, единеніе всѣхъ народовъ путемъ мира, рѣшеніе ихъ споровъ третейскимъ судомъ вмѣсто сраженій — вотъ къ чему должна въ будущемъ стремиться политика... Придетъ день, когда вы, всѣ націи континента, образуете одно европейское братство!»

На ряду съ Викторомъ Гюго слѣдуетъ отмѣтить, въ качествѣ очень выдающагося дѣятеля въ пользу мира Ричарда Кобдена. Онъ былъ ярымъ противникомъ протекціонной системы, такъ какъ она основана на естественной противоположности интересовъ, и потому ведетъ къ войнѣ; поэтому онъ горячо защищалъ идею свободы торговли, какъ основу международнаго мира. Кобденъ стремился, подобно Бёрриту, примирить неутихавшую вражду между Англіей и Франціей и вмѣстѣ съ Джономъ Брайтомъ горячо боролся противъ крымской кампаніи. Онъ уже въ 1849 г. выступилъ въ англійскомъ парламентѣ съ предложеніемъ разбирать споры третейскимъ судомъ, но не встрѣтилъ сочувствія.

Второй съѣздъ мира выразилъ единодушное пожеланіе, чтобы были устранены займы и налоги, вводимые съ военной цѣлью, и призывалъ печать и духовенство къ содѣйствію дѣлу мира. Составленный съѣздомъ адресъ ко всѣмъ народамъ и правительствамъ былъ, однако, встрѣченъ довольно равнодушно.

Борьбѣ съ равнодушнымъ отношеніемъ къ идеямъ обществъ и съѣздовъ мира была посвящена значительная часть засѣданій третьяго съѣзда мира, состоявшагося въ 1850 г. въ Франкфуртѣ на Майнѣ, въ церкви св. Павла. Генри Ричардъ горячо возражалъ на этомъ съѣздѣ противъ нападокъ и насмѣшекъ скептиковъ и ярко обрисовалъ будущность дѣла мира, сравнивъ его въ заключеніе съ кораблемъ, который увязъ пока въ пескѣ, но постепенно подымается волнами общественнаго мнѣнія и направляется въ безпредѣльный океанъ. На этомъ съѣздѣ высказано было между прочимъ осужденіе дуэли, противорѣчащей идеѣ мира. Практическимъ послѣдствіемъ съѣзда было появленіе перваго общества мира въ Германіи (въ Кенигсбергѣ).

Лондонская всемірная выставка 1851 г. была очень удачнымъ моментомъ для провозглашенія идеи всеобщаго мира. И устроенный въ это время четвертый съѣздъ мира былъ весьма сочувственно встрѣченъ главою тогдашняго англійскаго правительства, лордомъ Пальмерстономъ, сказавшимъ: «Я согласенъ съ Кобденомъ, что не было болѣе благопріятнаго времени для такой демонстраціи въ пользу мира, чѣмъ настоящее, когда мы обратили нашу страну, такъ сказать, въ храмъ мира для всего міра».

Со слѣдующимъ пятымъ съѣздомъ (въ Эдинбургѣ, въ 1853 г.), который былъ почти исключительно англо-американскимъ, съѣзды мира надолго прекратились и возродились вновь лишь въ концѣ 80-хъ годовъ, но уже въ полномъ расцвѣтѣ, въ видѣ «универсальныхъ конгрессовъ мира». Этотъ тридцатилѣтній промежутокъ былъ въ дѣйствительности полнымъ господствомъ войны;—стоитъ только вспомнить крымскую, австро-прусскую,

франко-прусскую и русско-турецкую войны. Идеи мира были забыты въ пылу разгорѣвшихся политическихъ страстей, но въ этихъ же войнахъ онѣ почерпнули новую силу убѣдительности... Міръ, забывшій ужасы и бѣдствія войны, увидѣлъ ихъ снова воочію, потерялъ сотни тысячъ людей, лишился почти всей своей молодежи, легшей на поляхъ битвъ, и идеи мира громко заговорили не только уму, но и сердцу народовъ... Поклонники милитаризма, рыцари «крови и желѣза» устроили помимо своей воли грандіозную манифестацію въ пользу мира.

V.

Глубоко ошибаются тѣ, кто думаетъ, что друзья мира, вынужденные уступить грозѣ войны, покорно преклонили головы въ эти тяжелые годы и замолкли въ ожиданіи лучшаго времени, когда атмосфера очистится отъ порохового дыма. Нѣтъ, ихъ голосъ не умолкалъ и раздавался одновременно съ канонадой пушекъ.

Въ этомъ стремленіи къ торжеству идей мира соединились великіе мыслители и поэты съ государственными и политическими дѣятелями и даже правителями государствъ.

Среди такихъ правителей, мы знаемъ, былъ Наполеонъ III, желавшій, хотя и не безъ властолюбивыхъ замысловъ, созвать конгрессъ для пересмотра вѣнскаго трактата 1815 г. и предложенія державамъ приступить къ разоруженію. Основываясь на этомъ стремленіи французскаго императора, одинъ изъ пламеннѣйшихъ дѣятелей мира лордъ Кларендонъ, въ качествѣ представителя Англіи, рѣшился предложить на парижскомъ мирномъ конгрессѣ, послѣ крымской войны, ввести систему посредничества и третейскаго суда для рѣшенія международныхъ споровъ. Державы не могли не присоединиться къ этому благородному предложенію, но онѣ умалили его значеніе до минимума, заявивъ, что сохраняютъ за собою свободу дѣйствій. Занесенное въ протоколы конгресса предложеніе Кларендона не имѣло никакихъ практическихъ результатовъ, какъ это доказали послѣдующія войны. Но въ протоколѣ постепеннаго развитія идей мира оно занимаетъ весьма видное мѣсто, какъ большая нравственная побѣда этихъ идей. И десять лѣтъ спустя лордъ Кларендонъ, уже въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ въ кабинетѣ Росселя, выступилъ снова въ роли борца за идею мира, предложивъ рѣшить возгорѣвшійся споръ между Австріей и Пруссіей изъ-за захвата послѣдней Шлезвига и Гольштейна— не войной, а путемъ созыва международнаго конгресса, который кромѣ рѣшенія этого частнаго случая рѣшилъ бы общій вопросъ о всеобщемъ разоруженіи. Пруссія въ лицѣ покойнаго кн. Бисмарка изъявила на это согласіе, но Австрія воспротивилась, и лордъ Кларендонъ долженъ былъ преклониться предъ силой вещей. Послѣдней попыткой лорда Кларендона было его предложеніе выработать планъ разоруженія путемъ взаимнаго соглашенія державъ въ 1869 г. Лордъ Кларендонъ былъ тогда также министромъ иностранныхъ дѣлъ, но уже въ кабинетѣ Гладстона, и хотѣлъ своимъ предложеніемъ предотвратить надвигавшуюся франко-прусскую войну. Въ этомъ случаѣ уже Пруссія воспротивилась его предложенію, между тѣмъ какъ Франція выразила полное согласіе и даже готовность уменьшить свои войска на 10,000 человѣкъ. Это было послѣдней миротворческой попыткой лорда Кларендона и его достойнаго сотоварища по министерству, великаго борца за миръ и правду, Гладстона; это было и послѣднимъ офиціальнымъ предложеніемъ къ упроченію мира вплоть до нынѣшняго года.

Но на ряду съ агитаціей представителей правительствъ въ пользу мира заслуживаютъ не менѣе вниманія и голоса изъ народа. Въ исторіи развитія мирныхъ идей навѣки запечатлѣно то воз-

бужденіе, которое царило въ народѣ, во Франціи и Пруссіи, въ 1867 г., когда возникли опасенія, что разгорится между ними война изъ-за Люксембурга. Рабочіе машиностроительныхъ заводовъ въ Берлинѣ заявили въ своемъ адресѣ: «ненавидя войну вообще, мы считаемъ войну между нѣмцами и французами особенно пагубной въ интересахъ цивилизаціи и свободы». Французскіе рабочіе встрѣтили это заявленіе очень сочувственно и отвѣтили въ томъ же духѣ. Проживавшіе въ Парижѣ нѣмцы заявили, что «всякое рѣшеніе настоящаго столкновенія должно предпочесть варварству войны между французами и нѣмцами». Французская молодежь, въ лицѣ парижскихъ студентовъ, обратилась съ горячимъ воззваніемъ къ своимъ нѣмецкимъ собратьямъ: «Ни французы, ни нѣмцы, — сказано въ ихъ адресѣ — не должны стремиться къ расширенію своихъ владѣній. Доблестный мужъ не страшится войны, но каждый честный человѣкъ долженъ ее ненавидѣть. Будемъ же и мы питать къ ней ненависть изъ-за нищеты, которая за нею слѣдуетъ, изъ-за деспотизма, который она порождаетъ». Такъ же горячо и единодушно отвѣчали имъ студенты разныхъ германскихъ университетовъ; между прочимъ берлинскіе студенты высказали въ своемъ адресѣ, что «у свободно-объединенной Германіи и у свободной Франціи не можетъ быть никогда серьезнаго повода къ тому, чтобы поднять другъ противъ друга оружіе». И война не возгорѣлась, — споръ былъ улаженъ въ маѣ 1867 г. лондонской конференціей.

Эти грандіозныя мирныя демонстраціи показали, какимъ огромнымъ сочувствіемъ пользуются идеи мира въ массѣ, той массѣ населенія, которой именно и приходится расплачиваться за всѣ бѣдствія войны.

Усилившееся движеніе въ народѣ въ пользу идеи мира ободрило ея защитниковъ, и для лучшаго ихъ объединенія была образована въ томъ же году нѣсколькими выдающимися французскими дѣятелями: Жаномъ Дольфусомъ, Арлэ-Дюфуромъ, Мишелемъ Шевалье и Фредерикомъ Пасси—«постоянная и международная лига мира». Эта лига впослѣдствіи пріобрѣла болѣе національный характеръ и съ 1890 г. назвала себя «французскимъ обществомъ международнаго третейскаго суда». Одновременно съ этой лигой учредилась и другая въ Женевѣ—подъ именемъ «международной лиги мира и свободы», но она пріобрѣла сразу слишкомъ воинственный, протестующій характеръ, и дѣятельность ея мѣтко охарактеризована Дрейфусомъ. «Въ этомъ собраніи миролюбцевъ,—говоритъ онъ,—пахло порохомъ, и пренія на немъ были до того шумны, что женевская полиція чуть было не закрыла этотъ храмъ мира, превратившійся въ храмъ Марса». Въ числѣ пылкихъ ораторовъ въ лигѣ были Гарибальди, Бюхнеръ, Бакунинъ, Молинари и др. Изъ резолюцій этой лиги заслуживаетъ вниманія предложеніе, чтобы съ дѣтства уже прививались молодому поколѣнію здравыя понятія о третейскомъ судѣ и правильный взглядъ на исторію, при преподаваніи которой должно быть изъято все, что способно вызывать ненависть между народами, однако, безъ ослабленія патріотическаго чувства и понятія о правѣ защиты.

Въ связи съ этими успѣхами идей мира слѣдуетъ поставить и брюссельскій конгрессъ 1874 г., созванный въ Брюсселѣ по почину покойнаго Императора Александра II. На этомъ конгрессѣ Россія предложила явившимся представителямъ 19-ти государствъ составленный русскимъ дипломатомъ барономъ Жомини и предварительно разосланный всѣмъ правительствамъ подробный «проектъ международной конвенціи, касающейся законовъ и обычаевъ войны». Собственно это былъ проектъ кодекса войны, такъ сказать, шагъ къ урегулированію веденія войны, уничтоженія ея жестокостей, какъ выражено самимъ барономъ Жомини въ от-

вѣтѣ на адресъ, присланный на конгрессъ женевской «лигой мира и свободы». «Отъ всего сердца раздѣляю я ваши стремленія,—пишетъ онъ.—Не слѣдуетъ, однако, срывать плода ранѣе, чѣмъ онъ созрѣлъ; и пока вы доведете его до зрѣлости, война сохранится, и съ ней вмѣстѣ останутся всѣ тѣ бѣдствія, которыя ее сопровождаютъ. Поэтому теперь было бы уже большой заслугой уничтожить эти бѣдствія путемъ урегулированія войны... Международное право недостаточно и безсильно. Международный же судъ практически давно уже въ употребленіи. Продолжайте мужественно работать. Русская дипломатія будетъ вамъ по возможности содѣйствовать, такъ какъ высшіе, жизненные интересы Россіи требуютъ сохраненія мира».

Это были знаменательныя слова, опредѣлившія роль Россіи въ мирномъ движеніи, не выступавшей на мирныхъ конгрессахъ, но всегда являвшейся съ своимъ авторитетнымъ голосомъ на помощь миру въ трудныя минуты. Во всей Россіи, сверху до низу, медленно зрѣла великая мирная идея, почерпая соки въ миролюбіи самого народа, — пока не вылилась въ нотѣ 12-го августа, въ этомъ громкомъ призывѣ, раздавшемся по всему міру ста милліонами русскихъ голосовъ, нераздѣльно слившихся съ голосомъ своего Монарха.

Въ тяжелую годину русско-турецкой войны, когда только что смолкли пушечные выстрѣлы и когда въ Берлинѣ засѣдалъ пресловутый берлинскій конгрессъ, обсуждавшій условія мира, изъ Россіи раздался мощный голосъ одного изъ знаменитѣйшихъ филантроповъ, принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, въ пользу учрежденія общества для постепеннаго уничтоженія войны путемъ сокращенія численности войскъ. Съ этой цѣлью маститый поборникъ мира составилъ въ 1878 г. меморандумъ, въ которомъ, между прочимъ, слѣдующими словами очертилъ ужасы войны: «И это христіанство? Это цивилизація? Это XIX-ый вѣкъ? Появляются филантропическія учрежденія, основываются даже общества покровительства животнымъ, а людей осуждаютъ на смерть? Недостаточно заключить миръ, какъ бы почетенъ онъ ни былъ, если остается вооруженный миръ, этотъ бичъ всѣхъ государствъ... О, если бы удались труды великихъ государственныхъ людей, засѣдающихъ въ Берлинѣ, чтобы обезпечить Европѣ миръ, благосостояніе и освободить человѣчество отъ бѣдствій войны! Этимъ они обезсмертятъ себя въ исторіи, и потомство будетъ ихъ благословлять!» Но берлинскій конгрессъ не оправдалъ благородныхъ упованій августѣйшаго друга мира.

Со времени берлинскаго конгресса война въ Европѣ между первостепенными, сильными державами болѣе не повторялась; государства могли, казалось бы, обратить всѣ свои силы на развитіе своего внутренняго благосостоянія, но успѣхи въ этомъ отношеніи пока очень незначительны. Причина этому: — замѣнившія зло войны — бѣдствія вооруженнаго мира. Государства продолжаютъ вести другъ съ другомъ войну, но лишь въ воображеніи, другъ друга стараются перещеголять успѣхами своихъ вооруженій и постепеннымъ увеличеніемъ своихъ армій; однимъ словомъ, состоя между собою въ мирѣ, они всегда готовы къ войнѣ. Мы указали выше, чего стòитъ эта образцовая мобилизація войскъ. Цивилизованное человѣчество замѣнило кровавыя операціи войны безкровной ампутаціей, постепеннымъ омертвѣніемъ государственныхъ организмовъ. И заботы всѣхъ истинныхъ друзей мира обратились на борьбу съ милитаризмомъ—этимъ страшнѣйшимъ врагомъ человѣчества. Всѣ общества мира, сплотившіяся съ 1889 г. въ общіе съѣзды или универсальные конгрессы мира, посвятили себя этой борьбѣ, и на каждомъ изъ бывшихъ до сихъ поръ девяти общихъ съѣздовъ постепенно и настойчиво вырабатывалась идея о разору-

женіи и третейскомъ судѣ, какъ лучшемъ средствѣ избавиться отъ ужасовъ войны и отъ невыносимаго ига вооруженнаго мира.

Международный третейскій судъ (арбитражъ) уже доказалъ вполнѣ свою осуществимость и свои благодѣтельные результаты. Какъ справедливо выразился баронъ Жомини, международный третейскій судъ примѣняется уже давно, и въ теченіе нашего вѣка мы знаемъ цѣлый рядъ обращеній спорящихъ государствъ за третейскимъ рѣшеніемъ къ какому-либо изъ дружественныхъ государей или правителей.

Въ дѣлѣ арбитража Россія занимаетъ также одно изъ первыхъ мѣстъ. Къ ея суду неоднократно обращались государства за рѣшеніемъ своихъ споровъ, и первымъ третейскимъ судьей въ XIX-мъ вѣкѣ былъ императоръ Александръ I, разобравшій въ 1822 г. споръ между Англіей и Соединенными Штатами и рѣшившій его въ пользу Соединенныхъ Штатовъ. Затѣмъ, въ качествѣ третейскихъ судей, избирались голландскій король (въ 1827 г.), король прусскій (въ 1843 г.), королева англійская (въ 1844 г.), нидерландскій король (въ 1852 г.), принцъ Луи-Наполеонъ (въ 1852 г.), императоръ германскій (въ 1872 г.), маршалъ Макъ-Магонъ (въ 1875 г.), французскій президентъ Жюль Греви (въ 1877 г.), король бельгійскій Леопольдъ. Въ 1890 г. Франція и Голландія для рѣшенія своего спора изъ-за Гвіаны избрали своимъ третейскимъ судьей императора Александра III, поручившаго разборъ дѣла знатоку международнаго права профессору Ѳ. Ѳ. Мартенсу, по представленію котораго Государь Императоръ рѣшилъ споръ въ пользу Голландіи, и Франція, въ силу этого потерявшая четверть своихъ владѣній въ Гвіанѣ, преклонилась предъ рѣшеніемъ безпристрастнаго судьи.

Этотъ сухой перечень случаевъ международнаго третейскаго суда краснорѣчиво говоритъ, однако, въ пользу идей мира, доказывая фактически на практикѣ возможность обойтись безъ войны для рѣшенія международныхъ споровъ. Сколько сотенъ тысячъ людей спасли отъ смерти эти третейскіе суды, сколько силъ сохранили государства, избавившіяся отъ тратъ на войны, казавшіяся прежде въ такихъ случаяхъ неизбѣжными!

Но на ряду съ этимъ временнымъ единичнымъ примѣненіемъ началъ третейскаго суда въ настоящее время существуетъ уже и постоянный международный третейскій судъ. Это благодѣтельное учрежденіе введено въ Америкѣ, въ 1890 году; хотя оно охватываетъ лишь американскіе штаты, однако не слѣдуетъ забывать, что штаты представляютъ самостоятельныя государства, неоднократно рѣшавшія прежде свои споры оружіемъ. Мысль о третейскомъ судѣ была предложена президентомъ Гаррисономъ съ утвержденія національнаго конгресса и единодушно принята на всеобщемъ американскомъ конгрессѣ въ Вашингтонѣ. При открытіи засѣданій конгресса государственный секретарь Блэнъ сказалъ: «этотъ конгрессъ является предъ лицомъ всего свѣта мирной конференціей 17-ти самостоятельныхъ американскихъ государствъ на почвѣ абсолютнаго равенства; конференціей, которая ничего не потребуетъ, не предложитъ, не дозволитъ, что не разумно и не мирно. Духъ справедливости, общіе интересы не дадутъ мѣста фальшивой системѣ политическаго равновѣсія, которая въ Европѣ привела лишь къ войнамъ и страшнымъ кровопролитіямъ. Дружественный союзъ всѣхъ американскихъ націй устранитъ и необходимость охранять границы государствъ крѣпостями и войсками. Мы убѣждены, что постоянныя арміи совершенно не нужны на обоихъ американскихъ континентахъ. Великимъ успѣхомъ будетъ, если мы здѣсь положимъ основу международному мирному и дружественному союзу».

2-го февраля 1890 г. американскій

сенатъ установилъ международный третейскій судъ, и 16-го апрѣля представители Соединенныхъ Штатовъ: Гватемалы, Никарагуа, Санъ-Сальвадора, Гондураса, Боливіи, Экуадора, Гаити и Бразиліи подписали постановленіе конгресса, въ силу котораго всѣ споры, которые возникнутъ между американскими республиками, должны быть рѣшаемы третейскимъ судомъ европейскихъ державъ.

Съ тѣхъ поръ прошло вотъ уже восемь лѣтъ, возбуждалось нѣсколько споровъ, и всѣ они рѣшены были третейскимъ судомъ одной изъ европейскихъ державъ по выбору споравшихъ американскихъ республикъ. Такимъ образомъ стремленія великихъ друзей мира уже наполовину осуществились. Третейскій судъ уже дѣйствуетъ, какъ постоянное учрежденіе; теперь дѣло лишь въ расширеніи сферы его дѣятельности и въ осуществленіи второй мирной идеи—всеобщаго разоруженія.

На одномъ изъ общихъ съѣздовъ мира *), собирающихъ теперь сотни представителей обществъ мира на своихъ засѣданіяхъ и тысячи публики на своихъ митингахъ, встрѣчающихъ горячее сочувствіе правительства и правителей,—высказана была надежда, что «всѣ европейскія державы отнеслись бы сочувственно къ попыткѣ которой-либо изъ нихъ созвать конференцію въ видахъ назначенія извѣстнаго срока, въ продолженіе котораго не увеличивать своихъ вооруженій (trêve d'armements)».

Эта надежда, высказанная четыре года тому назадъ, теперь сбылась, и честь этой благородной попытки принадлежитъ Россіи. Всѣмъ остальнымъ державамъ остается теперь осуществить вполнѣ эту надежду и сочувственно отнестись въ попыткѣ Россіи.

Императоръ Николай II чрезъ своего министра, гр. Муравьева, предложилъ державамъ собраться на конференцію для обсужденія этого важнѣйшаго, мірового вопроса. Важенъ первый толчокъ, важно, чтобы всѣ державы приняли самую идею, а осуществленіе ея, понятно, не можетъ быть достигнуто сразу и навѣрное озаритъ собою уже будущій вѣкъ.

Мы знаемъ изъ исторіи еще недавнихъ лѣтъ, изъ славной эпохи Царя-Освободителя, какъ долго зрѣла идея уничтоженія рабства, крѣпостничества, какихъ усилій стоило осуществленіе ея въ жизни.

Инертность общества столь велика, а сознаніе столь слабо,—говоритъ одинъ знаменитый писатель:—что первыя попытки отказаться отъ заблужденія встрѣчаютъ только недоумѣніе. Новая истина кажется безсмысленною. Можно ли жить безъ рабства? Но кто же тогда будетъ работать? Можно ли жить безъ войны? Но каждый можетъ придти, и мы будемъ побѣждены! Между тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ сознаніе растетъ и укрѣпляется, инерція теряетъ свою силу, и недоумѣніе уступаетъ мѣсто ироніи, презрѣнію. «Рабство существовало всегда, ваши «ученые» хотятъ измѣнить міръ!»—говорили о рабствѣ раньше. «Философы, мудрецы нашей земли единодушно признавали законность и святость войны, и мы станемъ думать, что война безполезна!»—говорятъ о войнѣ теперь. Но сознаніе крѣпнетъ все больше и больше. Число людей, признавшихъ новую истину, увеличивается изо дня въ день, и вотъ тогда иронія и презрѣніе уступаютъ мѣсто хитрости и лицемѣрію. Люди уже больше не притворяются, больше уже не отрицаютъ абсурдности, жестокости учрежденій, которыя они прежде защищали, но утверждаютъ, что уничтоженіе ихъ еще невозможно, и что это нужно отложить на неопредѣленное время. «Кому неизвѣстно, что рабство—зло? Но рабы не созрѣли для свободы, и освобожденіе ихъ повлечетъ за собою страшныя бѣдствія», — говорили относительно рабства сорокъ лѣтъ тому назадъ. «Кому неизвѣстно, что война—зло? Но до тѣхъ

*) Антверпенскій общій съѣздъ мира въ 1894 г.

поръ, пока люди будутъ похожи на дикихъ животныхъ, упраздненіе войнъ будетъ имѣть въ результатѣ скорѣе бѣдствія, чѣмъ благодѣянія»,—говорятъ о войнахъ въ настоящее время.

«Но идея прокладываетъ себѣ дорогу, идея растетъ, уничтожаетъ ложь. Наступаетъ время, когда безуміе, безсмысленность, вредъ и безнравственность заблужденія дѣлаются столь очевидными, что никто уже не рѣшается защищать его. Какъ въ Россіи и Америкѣ существовало рабство въ шестидесятыхъ годахъ, такъ и теперь существуетъ война. Точно такъ же, какъ тогда были сторонники рабства, не осмѣливавшіеся защищать рабство, и теперь никто не рѣшается оправдывать войну: люди хранятъ молчаніе, они разсчитываютъ на силу инерціи, которая ихъ поддерживаетъ. Но всѣмъ хорошо извѣстно, что вся эта жестокая и безнравственная организація убійства, столь, повидимому, прочная, можетъ съ минуты на минуту рушиться съ тѣмъ, чтобы никогда уже болѣе не появиться снова».

Единодушное согласіе державъ, принять участіе въ предложенной Россіею мирной конференціи, убѣждаетъ насъ вполнѣ, что эта свѣтлая минута уже наступила.

Конференція мира будетъ достойнѣйшимъ вѣнцомъ XIX вѣка. На зарѣ XX вѣка весь цивилизованный міръ будетъ присутствовать при трогательной церемоніи «погребенія войны». Такая церемонія, по словамъ Ревона, существуетъ у дикихъ индѣйцевъ. Желая заключить миръ съ европейцами, они вырываютъ громадную могилу и бросаютъ туда образцы всѣхъ военныхъ орудій: пули, порохъ, копья, кинжалы, куски горючаго вещества; то же самое дѣлаютъ и вступающіе съ ними въ мирныя сношенія европейцы. Засыпавъ могилу съ этими символами войны, они сажаютъ на ней молодое деревцо, которое должно расти, какъ живой залогъ единенія и дружбы.

Такое же дерево мира должна насадить будущая международная конференція. При дружныхъ усиліяхъ народовъ оно быстро взрастетъ и подымется къ небу, величественное и мощное, и защититъ подъ своею сѣнью всѣ святые цвѣты цивилизаціи, всѣ народы, все человѣчество.

ЗАРЯ.

Весь міръ, а не одна Россія
Благословитъ въ душѣ Того,
Кто покорилъ сердца людскія
Величьемъ сердца своего;

Кто не оружіемъ, не кровью
Достигъ побѣднаго вѣнца,—
Завоевалъ себѣ сердца
Всепокоряющей любовью.

Сказавъ: «умолкни» бурѣ бранной,
Онъ миръ народамъ возвѣстилъ
И наше небо освѣтилъ
Сіяніемъ зари желанной.

Гори, роскошная заря,
Предъ яснымъ солнечнымъ восходомъ,
Ты—драгоцѣнный даръ народамъ
Великодушнаго Царя!

Л. Виллямовичъ.

Архимеды конца вѣка.

Геніальные замыслы Архимеда, этого славнаго гражданина древнихъ Сиракузъ, жившаго за пять вѣковъ до нашей эры, до сихъ поръ еще часто служатъ образцами для нѣкоторыхъ изобрѣтеній въ современной техникѣ. Этотъ искуснѣйшій изъ механиковъ древности сумѣлъ тѣсно связать современные ему успѣхи механики съ прогрессивнымъ развитіемъ промышленности, онъ даже уяснилъ себѣ силу водяныхъ паровъ и пытался примѣнить ее къ орудіямъ своего вѣка. Со времени же устройства Бультономъ и Уатомъ въ 1777 году первой паровой машины, техническое искусство сдѣлало такіе изумительные успѣхи, что мы перестаемъ нынѣ даже и удивляться, видя, какъ бездушная машина отчетливо и быстро исполняетъ такую работу, которая, казалось, была бы въ пору лишь разумному творенію Божьему. Она даетъ въ результатѣ идеальную переработку сырого матеріала въ тотъ или другой предметъ фабричной или заводской промышленности. Равнодушно проходимъ мы мимо грандіознѣйшаго элеватора, ворочающаго, словно перышкомъ, грузами въ тысячи пудовъ вѣсомъ. По адресу этихъ мощныхъ механическихъ работниковъ, сберегающихъ столько мускульной силы человѣка, посвятившаго себя тяжелому труду, нерѣдко даже раздаются критическія замѣчанія иныхъ скептиковъ:

— Есть чему удивляться! Вотъ Архимедъ ухитрялся подхватывать сразу цѣлый корабль!..

Не подлежитъ сомнѣнію, что и у архимедовъ конца вѣка найдется такой элеваторъ, который сумѣетъ подхватить корабль не только съ экипажемъ, но пожалуй даже и съ упомянутыми скептиками на придачу. Тѣмъ не менѣе въ назиданіе послѣднимъ не лишне будетъ привести нѣсколько очевидныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ, что современные намъ архимеды оказались достойными преемниками своего славнаго родоначальника.

Возьмемъ для примѣра хотя бы газовые заводы. Извѣстно, какая масса горючаго матеріала (каменнаго угля) идетъ для потребностей этихъ заводовъ. Для добычи газа устраиваются спеціальныя чугунныя реторты колоссальныхъ размѣровъ, наполняемыя углемъ и подогрѣваемыя затѣмъ снизу особо устроенными печами. По одному ужъ размѣру ретортъ можно судить, какого труда стоитъ наполненіе ихъ необходимымъ количествомъ матеріала и очистка затѣмъ отъ кокса и шлаковъ. Для облегченія этой работы на многихъ газовыхъ заводахъ въ Америкѣ введены нынѣ новыя транспортныя машины, спеціально занятыя сортировкою и распредѣленіемъ горючаго матеріала по всему зданію завода. Прежній трудъ занимавшихся этимъ дѣломъ многочисленныхъ рабочихъ сводится теперь къ простому лишь наблюденію за тѣмъ, чтобы доставляемый на заводъ уголь прямо съ подводъ или чаще съ употребляющихся тамъ для этого открытыхъ желѣзныхъ платформъ ссыпался въ воронкообразное отверстіе, вырытое тутъ же на ведущей къ заводу дорогѣ. Отверстіе это сообщается съ устроеннымъ подъ землей по направленію къ заводу узкимъ тоннелемъ, по которому движется безконечная цѣпь съ придѣланными къ ея звеньямъ на небольшомъ другъ отъ друга разстояніи желѣзными ящиками. Ссыпаемый въ воронку уголь попадаетъ, понятно, въ эти

ящики, равномѣрно подвигающіеся вмѣстѣ съ цѣпью по ложу подземнаго канала прямо во дворъ завода. Здѣсь наполненные углемъ ящики, при помощи той же цѣпи, поднимаются до самой крыши завода. Продолжая оттуда свой путь снова внизъ, они естественно должны опрокинуться, причемъ содержимое свое высыпаютъ въ подставленный тутъ особый громадный пріемникъ, изъ котораго, благодаря искусно-устроенному приспособленію, уголь распредѣляется уже, по мѣрѣ надобности, по ретортамъ и по печамъ. Работа этой безконечной цѣпи Гунта, названной такъ по имени своего изобрѣтателя, этимъ, однако, еще не исчерпывается. Опорожнивъ доставленные ею съ углемъ ящики, цѣпь, продолжая свое движеніе, увлекаетъ послѣдніе къ тому мѣсту, гдѣ лежатъ выгребленные изъ ретортъ и печей отбросы и, только уже предварительно нагрузивъ ими свои ящики, опять возвращается за новымъ запасомъ угля, не забывъ, однако, по дорогѣ высыпать изъ ящиковъ отбросы куда слѣдуетъ.

Интересная система описанной машины приводится въ движеніе силою пара. Не трудно, однако, будетъ замѣтить, что тамъ, гдѣ работа, подобная вышеприведенной, ввѣряется электричеству, практика достигаетъ болѣе успѣшныхъ результатовъ. Такъ, напримѣръ, на желѣзоплавильныхъ заводахъ въ Грёбау (въ Германіи) существуютъ особаго устройства гигантскія печи системы Сименса Мартена, которыя ежедневно разъ по восьми пополняются новымъ запасомъ плавильнаго матеріала (желѣза), причемъ въ каждую изъ печей вмѣщается желѣза болѣе 62 пудовъ. Недавно еще наполненіе названныхъ печей производилось исключительно рабочими: около каждой печи при убійственной температурѣ, достигающей 2000° Ц., въ продолженіе цѣлыхъ трехъ часовъ переносили муки по четыре кочегара. Нынѣ этотъ поистинѣ каторжный трудъ замѣненъ остроумными шаржиръ-машинами, которыя приводятся въ дѣйствіе электричествомъ. Потребный для дѣла плавильный матеріалъ обыкновенно подвозится къ заводу цѣлыми электрическими же поѣздами. Здѣсь желѣзо разгружается въ спеціальныя металлическія лохани, вмѣщающія въ себѣ какъ разъ по 62 пуда груза, и подвозится такими порціями на вагонеткахъ къ такъ называемому шаржиръ-вагону. Послѣдній состоитъ изъ сложной системы разныхъ рычаговъ и подхватовъ, изъ коихъ почти каждый дѣйствуетъ при помощи своего особаго электромотора. Однимъ изъ длинныхъ кранообразныхъ своихъ рычаговъ вагонъ-машина ловко подхватываетъ подвезенную къ нему на вагонеткѣ лохань съ желѣзомъ и, начиная, затѣмъ, вмѣстѣ съ нею быстро двигаться по рельсамъ впередъ, словно руками подноситъ находящуюся въ лохани порцію плавильнаго матеріала къ самой печи. Обязанность состоящаго при этомъ аппаратѣ единственнаго машиниста заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы при посредствѣ особаго болѣе длиннаго рычага направить лохань какъ разъ въ самое жерло плавильной печи. Лишь только лохань попадетъ туда, разгрузка ея происходитъ уже механически, при помощи спеціально для этого приспособленнаго крючка. Такимъ образомъ, для нагрузки печей описанной машиной требуется всего на все одинъ рабочій, который притомъ, благодаря довольно длиннымъ рычагамъ машины, можетъ держаться на порядочномъ разстояніи отъ печи, а слѣдовательно и гораздо менѣе страдаетъ отъ жара. Самая же работа, вслѣдствіе примѣненія къ ней электрической энергіи, производится въ десять разъ скорѣй, чѣмъ при ручномъ трудѣ.

Какъ ни интересно и полезно однако дѣйствіе вышеприведенныхъ машинъ, все же работа ихъ оказывается нѣсколько односторонней и можетъ быть скорѣе всего подведена подъ категорію работъ обыкновеннаго элеватора, хотя и съ при-

мѣненіемъ электричества. Насколько последнее подняло вообще работоспособность элеваторовъ, лучше всего доказываетъ эксплоатація колоссальныхъ каменоломенъ въ Бильбоа, въ Испаніи. Со времени введенія тамъ электрическихъ элеваторовъ работа ускорилась и удешевилась по меньшей мѣрѣ на половину. Глыбы камня въ 500 куб. метровъ, вѣсящія до 5,000 пудовъ, перелетаютъ тамъ нынѣ съ мѣста на мѣсто съ такою легкостью, словно онѣ не каменныя, а бутафорскія. Не отстаетъ въ этомъ отношеніи отъ Испаніи также и Америка. Такъ, напримѣръ, въ Чикаго нынѣ далеко не новость встрѣтить зерновые элеваторы, легко нагружающіе цѣлый корабль, вмѣстимостью въ 150,000 пудовъ въ какіе-нибудь $1^1/_2$ часа! Подобные факты заслуживаютъ, конечно, нѣкоторой доли общественнаго вниманія; однако, широкіе замыслы нашихъ современныхъ архимедовъ увѣнчались еще несравненно болѣе изумительными успѣхами.

Всякій конечно знаетъ, что хорошій морской портъ нуждается въ надежномъ прикрытіи своихъ внутреннихъ водъ отъ вліянія морскихъ волнъ. Съ этою цѣлью вдоль берега порта, на нѣкоторомъ, понятно, отъ перваго разстояніи, устраивается обыкновенно искусственное загражденіе или «волноломъ», иначе называемый «моломъ». Молъ этотъ есть ничто иное, какъ длинная искусственная коса, главнымъ матеріаломъ для устройства которой служатъ такъ называемые «массивы», т.-е. громадные параллелепипеды, размѣрами обыкновенно въ 1,5×0,8×0,8 саж. и 1,200 — 1,800 пудовъ вѣсомъ, представляющіе собой спеціальную кладку изъ большихъ булыжныхъ камней съ примѣсью песка и цемента. Самое устройство мола производится такимъ способомъ: послѣ предварительной наброски на дно моря слоя булыжника, на послѣдній погружаются также и упомянутые массивы, которые, располагаясь подъ водой одинъ на другомъ, образуютъ въ концѣ-концовъ правильную стѣну. Само собой разумѣется, что для обращенія съ такими громоздкими и тяжеловѣсными предметами, какими являются массивы, потребовались и особыя приспособленія, необходимыя какъ для передвиженія массивовъ съ мѣста на мѣсто, такъ равно и для погруженія ихъ въ воду. До сихъ поръ намъ было извѣстно, что для передвиженія массивовъ англійскими архимедами изобрѣтенъ былъ «травелеръ» или грандіозныя двигающіяся по рельсамъ металлическія ворота, наверху коихъ также на рельсахъ помѣщалась паровая машина съ подвѣшеннымъ къ ней снизу на цѣпяхъ подъемнымъ краномъ, который довольно удобно подхватывалъ массивъ на воздухъ. Шестернями, сообщающимися съ нижними колесами травелера, паровая машина сообщала всей системѣ поступательное движеніе въ любомъ направленіи, и такимъ способомъ подвѣшенный массивъ могъ свободно передвигаться куда было надобно. Для устройства же самаго мола служила уже другая машина, а именно «вращающійся титанъ», представлявшій изъ себя длинный деревянный помостъ, одинъ изъ концовъ котораго висѣлъ надъ водой. Поворотный кругъ подъ среднею частью титана, при помощи тутъ же на помостѣ находившейся паровой машины, сообщалъ этому помосту вращательное движеніе. Помостъ титана повертывался къ берегу, захватывалъ особымъ краномъ массивъ, вмѣстѣ съ послѣднимъ снова возвращался къ морю, гдѣ и погружалъ свою тяжелую ношу.

Какъ ни была практична эта машина, однако нынѣшніе архимеды сочли необходимымъ замѣнить ее новой, во-первыхъ дѣйствующей при помощи электричества, а во-вторыхъ отвѣчающей всѣмъ современнымъ требованіямъ молостроительнаго искусства. Это позднѣйшее изобрѣтеніе, примѣненное впервые къ дѣлу въ Бильбоа, имѣетъ видъ громаднаго вагона около 10-ти саженъ длины и вышиною въ добрыхъ три этажа. Мы назвали эту

машину вагономъ, а не домомъ, на который она скорѣе всего походитъ, потому, что громада эта поставлена на колеса и подвигается по рельсамъ впередъ по мѣрѣ возведенія самаго мола. Машиной назвать ее также нельзя, такъ какъ это скорѣе огромная мастерская, заключающая въ себѣ цѣлую серію разнородныхъ машинъ. Въ первомъ этажѣ вагона идетъ спѣшная работа (также машиннымъ способомъ) по заготовкѣ массивовъ, второй— служитъ кладовой, гдѣ хранится и распредѣляется по мѣсту назначенія строительный матеріалъ, а равно и подвергаются окончательной просушкѣ заготовленные массивы, и, наконецъ, въ третьемъ этажѣ устроена остроумная лебедка, которая подхватываетъ изъ второго этажа автоматически подводимые подъ нее массивы, быстро выноситъ ихъ впередъ на разстояніе до 16½ аршинъ отъ вагона и плавно погружаетъ ихъ здѣсь въ воду. Работа эта продолжается до тѣхъ поръ, пока изъ-подъ воды не покажется новый пятисаженный клочокъ мола. На послѣднемъ, понятно, тотчасъ же укрѣпляются рельсы, и молостроительный вагонъ-машина силою электричества передвигается вновь на пять саженъ впередъ, чтобы здѣсь приняться за продолженіе своей работы. Нужно ли говорить, насколько ускоряется при этихъ условіяхъ устройство самаго мола, тѣмъ болѣе, что весь необходимый для кладки массивовъ матеріалъ непрерывно подвозится къ оригинальной мастерской сзади на электрическихъ платформахъ?

Довольно интересна также не такъ давно изобрѣтенная машина, служащая для укладки рельсоваго пути. Не малую пользу принесла она при постройкѣ малоазіатскихъ и анатолійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Извѣстно, какія вообще техническія трудности сопряжены съ устройствомъ желѣзнодорожнаго пути. Возьмемъ для примѣра хотя бы нашу Закаспійскую военную желѣзную дорогу, устройство которой потребовало многихъ тысячъ рабочихъ и болѣе тысячи вьючныхъ животныхъ, не говоря уже о массѣ денегъ и времени, потраченныхъ на этотъ сизифовъ трудъ.

Однако, прежде чѣмъ успѣхи техники коснулись этой спеціальности, люди простымъ ручнымъ трудомъ проложили желѣзнодорожныя линіи, въ совокупности своей въ нѣсколько разъ охватывающія кругомъ нашъ земной шаръ. Архимеды конца вѣка оказались предпріимчивѣе своихъ, хотя и трудолюбивыхъ но очевидно менѣе изобрѣтательныхъ предшественниковъ. Къ чему,—рѣшили они,—мы будемъ устраивать желѣзнодорожное полотно (такъ называются шпалы съ привинченными къ нимъ рельсами) непремѣнно на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ оно должно быть проложено, когда гораздо удобнѣе да и прочнѣе можно сдѣлать это у себя дома, гдѣ-нибудь на спеціально устроенномъ для этого заводѣ, и затѣмъ уже отдѣльными частями доставлять заготовленное полотно къ мѣсту его укладки. По обыкновенію одна умная мысль тотчасъ же рождаетъ и другую, почему не удивительно, что архимеды живо придумали даже самую укладку полотна производить механическимъ способомъ. Изобрѣтенная ими для этого укладочная машина представляетъ большой четырехъосевый вагонъ, вмѣщающій всѣ вообще аппараты и приспособленія, потребные при кладкѣ рельсовъ, и двигающійся притомъ совершенно самостоятельно безъ помощи паровоза. Доставляемыя къ этой машинѣ на особыхъ платформахъ отдѣльныя части желѣзнодорожнаго полотна принимаетъ одна изъ спеціальныхъ лебедокъ машины, другая быстро подхватываетъ по очереди каждую изъ этихъ частей полотна и выноситъ ее впередъ, а искусно приспособленный тутъ же длинный рычагъ тотчасъ же прочно и тщательно пригоняетъ послѣднюю къ ранѣе уже проложенному пути, автоматически устраивая такимъ образомъ непрерывную желѣзнодорожную линію. Быстро и споро идетъ эта не-

сложная работа, требующая притомъ не болѣе 35 человѣкъ прислуги, обязанной лишь слѣдить за правильностью тѣхъ или другихъ манипуляцій ввѣреннаго ихъ надзору автомата-укладчика. Ни минуты времени не пропадаетъ тутъ, кажется, даромъ, и, глядишь, не пройдетъ и сутокъ, какъ полотно устраиваемой желѣзной дороги протянулось уже на новыя 4—5 верстъ впередъ.

Отраденъ фактъ, что, въ какую изъ отраслей современной техники нынѣ ни заглянешь, вездѣ почти наткнешься на какого-нибудь архимеда. При постройкѣ Сѣвернаго канала императора Вильгельма возникъ, напримѣръ, вопросъ, куда дѣвать громадное количество песка, получаемое при прорытіи ложа канала? И тутъ нашелся свой архимедъ, который живо соорудилъ простой, но довольно оригинальный аппаратъ, обращавшій песокъ въ жидкое состояніе, благодаря чему его можно было легко и скоро, при помощи обыкновенныхъ водопроводныхъ трубъ, отвести на любое разстояніе отъ канала. Тянущаяся на нѣсколько миль вдоль названнаго канала дюнообразная дамба въ 40 футовъ высоты, своимъ происхожденіемъ обязана именно этой остроумной выдумкѣ догадливаго архимеда.

Шедевромъ среди изобрѣтеній архимедовъ конца вѣка безусловно можетъ быть названа машина, предназначенная для прорытія каналовъ. Насколько трудны и продолжительны были предпринимаемыя до сихъ поръ съ этою цѣлью работы, въ особенности когда каналъ приходилось проводить въ болѣе или менѣе скалистыхъ мѣстностяхъ, лучше всего доказывается сравнительно недавнимъ примѣромъ Коринѳскаго канала. Въ намѣченномъ для производства работъ мѣстѣ Коринѳскій перешеекъ имѣлъ около 6-ти верстъ ширины, такъ что для предполагаемаго канала, шириною въ 10 саженъ и въ 3 сажени глубины, надлежало удалить до 7.392,000 куб. метровъ почти исключительно одной только каменной массы. Когда начались работы, особенно предпріимчивыхъ архимедовъ должно-быть не нашлось; по крайней мѣрѣ главная роль въ этомъ грандіозномъ дѣлѣ предоставлена была взрывчатымъ веществамъ: въ продолженіе всей постройки употреблено до 70,000 пудовъ динамита, 305 пудовъ пороха, 2.000,000 разрывныхъ капсюлей, 500,000 мотковъ зажигательной проволоки и 103,000 электрическихъ проводниковъ для поджиганія минъ. Тѣмъ не менѣе, при общемъ расходѣ на всѣ вообще работы въ 26 милліоновъ франковъ, для окончательнаго устройства Коринѳскаго канала понадобилось цѣлыхъ 11 лѣтъ времени. Совсѣмъ иначе обставляютъ подобныя работы современные архимеды. Не такъ давно потребовалось, напримѣръ, въ Чикаго прорыть каналъ для соединенія озерной области съ бассейномъ рѣки Миссисипи. По условіямъ мѣстности здѣсь снова предстояло произвести выемку громаднаго количества скалистыхъ массъ, и американскіе архимеды, не забывшіе еще суровыхъ уроковъ недавняго прошлаго, дали себѣ трудъ нѣсколько посерьезнѣе задуматься надъ предстоящею колоссальною работою. Плодомъ ихъ предпріимчивости явилась гигантская Кантилеверъ-машина, покрывшая славою архимедовъ конца вѣка. По внѣшности своей машина эта нѣсколько напоминаетъ солидныхъ размѣровъ желѣзную башню. Устроенный сбоку чудовищный мостообразный рукавъ или рычагъ, несмотря на внушительные размѣры свои (около 47 саж. длины), отличается замѣчательною подвижностью. Быстро, легко и плавно, точно крошечная палочка, обѣгаетъ этотъ массивный металлическій придатокъ вокругъ всего корпуса башни, ежеминутно являясь то гдѣ-нибудь въ нижнемъ ея этажѣ, то снова на ея верхушкѣ. Самая башня-машина, установленная на рельсы, свободно и самостоятельно можетъ быть передвигаема, смотря по надобности, вдоль берега сооружаемаго канала. Если упомя-

нуть еще о ея поразительной силѣ и прочности, то, пожалуй, можно будетъ повѣрить, что изъ будущаго ложа канала ежеминутно могло быть удаляемо этою машиною до 7,000 фунтовъ камня; восемь же такихъ машинъ вынимали ежедневно до 4,000 куб. метровъ каменной массы. Для бóльшей наглядности остается развѣ сказать, что Коринѳскій каналъ, съ помощью восьми Кантилеверъ-машинъ, можно было бы прорыть всего лишь въ 5 лѣтъ, вмѣсто потребовавшихся 11-ти лѣтъ.

Несомнѣнно, что и въ древніе вѣка воздвигалось не мало гигантскихъ построекъ, въ родѣ, напримѣръ, сооруженій каменнаго вѣка или пресловутыхъ египетскихъ пирамидъ. Однако былые архимеды повидимому не особенно-то щадили мускульную силу рабочихъ-рабовъ и, пользуясь исключительно сильными да покорными, природными рычагами (руками) послѣднихъ, думали лишь о томъ, чтобы оставить послѣ себя прочный памятникъ. Не мало гибло тогда людей подъ бременемъ непосильнаго труда. Вотъ почему въ особую заслугу современнымъ намъ архимедамъ должно быть поставлено то обстоятельство, что они съ большимъ человѣколюбіемъ отнеслись къ рабочимъ и путемъ искуснаго и раціональнаго соединенія автоматической силы пара и электричества съ тѣми или другими плодами своего ума, позаботились о томъ, чтобы оградить нашихъ меньшихъ братьевъ отъ окончательнаго превращенія во вьючныхъ животныхъ.

Что новаго въ литературѣ?

Критическіе очерки Р. И. Сементковскаго.

Сохранились ли еще идеалы въ нашемъ обществѣ?—Прежніе «богатыри» и теперешняя мелюзга.—Герои разсказовъ г. Чехова.—«Человѣкъ въ футлярѣ» и «собственный крыжовникъ».—Лермонтовъ, Некрасовъ и г. Чеховъ.— Смѣна поколѣній. — Бѣлинскій и Лермонтовъ, г. Михайловскій и г. Чеховъ.—«Общія идеи» отцовъ и дѣдовъ.—Признаетъ ли ихъ г. Чеховъ?—Трилогія Гончарова.—Мнимые и истинные отцы и дѣды.—Волоховы и Тушины.—Писатель, сельскій хозяинъ и чиновникъ.—Общій выводъ.

I.

Значительная часть россійскихъ обывателей, и притомъ далеко не худшая ихъ часть, живетъ больше въ прошломъ, чѣмъ въ настоящемъ. Когда я говорю «живетъ», то я имѣю въ виду не будничную жизнь, не ту жизнь, которою поневолѣ приходится жить, потому что долженъ же человѣкъ имѣть и кровъ, и пропитаніе, — а ту, другую жизнь, въ которой теплится «искра Божія», въ которой чувствуется присутствіе лучшихъ нашихъ стремленій, возвышеннѣйшихъ нашихъ чувствъ, словомъ всего, что мы привыкли называть идеаломъ. И вотъ эта-то другая жизнь для значительной части россійскихъ обывателей почти всецѣло сосредоточивается въ прошломъ: какъ они ни присматриваются къ настоящему, они не находятъ въ немъ никакого идеальнаго содержанія.

Вспомнимъ событія истекающаго года. Въ какія минуты сердце билось у насъ учащенно, срывались у насъ съ устъ хорошія слова, и мы умилялись духомъ? Это были минуты, посвященныя воспоминаніямъ прошлаго. Вспоминали ли мы величественный образъ Царя-Освободителя или скорбный образъ пламеннаго борца за русскіе общественные идеалы, неистоваго Виссаріона, во всѣхъ разсужденіяхъ по этому поводу слышался одинъ и тотъ же припѣвъ: вамъ, людямъ нынѣшняго поколѣнія, «не видать такихъ сраженій»; тогда было «могучее, лихое племя, — богатыри, не вы!» Теперь пошли люди мелкіе, которые «ненавидятъ и любятъ случайно», ничѣмъ не жертвуютъ «ни злобѣ, ни любви», и пройдутъ надъ міромъ «толпою скоро позабытой, безъ шума и слѣда». Положительно, слушая всѣ эти разсужденія, невольно обижаешься за молодое поколѣніе. Впрочемъ и обижаться-то не приходится, потому что оно само вторитъ представителямъ прежнихъ поколѣній, само готово признать себя мелюзгою сравнитель-

но съ прежнимъ «могучимъ, лихимъ племенемъ», съ прежними «богатырями».

Въ общемъ получается такое впечатлѣніе, какъ будто всѣ наши идеалы въ прошломъ, а нынѣ русская земля ими оскудѣла. Пословица гласитъ: всякому овощу свое время; исторія насъ поучаетъ, что всякое время имѣетъ свои идеалы. Но на русской жизни это какъ будто не оправдывается: нѣкогда у насъ были идеалы, но всѣ они израсходованы безъ остатка, и намъ остается только вспомнить прошлое съ благодарностью и тайною тоской, съ сердечнымъ сокрушеніемъ о томъ, что мы сами живемъ какъ-то зря, безъ опредѣленной цѣли, починяясь только безотрадной прозѣ жизни.

Прочтите послѣднія произведенія г. Чехова, и вы ужаснетесь той картинѣ современнаго поколѣнія, которую онъ нарисовалъ съ свойственнымъ ему мастерствомъ. Возьмете ли вы Іоныча, героя разсказа, помѣщеннаго въ *Литературныхъ Приложеніяхъ Нивы* за сентябрь, или рядъ личностей, выведенныхъ въ другихъ разсказахъ талантливаго беллетриста, — вы одинаково вынесете какое-то щемящее впечатлѣніе безсилія найти въ жизни идеальное содержаніе. Іонычъ, иначе докторъ Старцевъ, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, земскій врачъ, разочаровавшійся въ предметѣ своей любви. А эта любовь была единственнымъ проблескомъ въ его сѣрой жизни и притомъ сѣрой не потому только, что въ ней нельзя было найти идеальнаго содержанія, а потому что самъ докторъ Старцевъ не находилъ въ себѣ ни силы, ни способности отыскать въ ней что-либо другое, кромѣ загребанія денегъ докторскою практикою.

Предметъ его любви, шаловливый и милый котикъ, т.-е. Екатерина Ивановна съ своей стороны мечтала о славѣ, о широкомъ поприщѣ выдающейся піанистки. Она отказываетъ Іонычу, потому что вовсе не желаетъ погрязнуть въ провинціальной тинѣ. Она рождена для чего-то лучшаго, для высшей, блестящей цѣли. Таланта, однако, у нея нѣтъ. Побывавъ въ консерваторіи, она возвращается въ провинцію, сама начинаетъ ухаживать за Старцевымъ, получаетъ съ своей стороны отказъ, и оба они живутъ, отказавшись отъ прежнихъ своихъ заманчивыхъ грезъ, какъ живутъ люди, подчиняющіеся всецѣло сѣрой дѣйствительности.

На ряду съ Іонычемъ можетъ быть поставленъ герой другого разсказа г. Чехова, Алёхинъ, молодой человѣкъ, получившій въ наслѣдство отъ своего отца задолженное имѣніе. Онъ посвящаетъ себя хозяйству и притомъ съ такимъ успѣхомъ, что понемногу очищаетъ имѣніе отъ долговъ. Но можетъ ли это служить жизненною цѣлью? Несмотря на успѣшный ходъ своихъ дѣлъ, Алёхинъ скучаетъ въ деревнѣ, не можетъ примириться съ окружающею его сѣрою дѣйствительностью и рвется въ городъ. «Когда поживешь въ деревнѣ безвыѣздно мѣсяца два, три, особенно зимой, то въ концѣ-концовъ начинаешь тосковать по черномъ сюртукѣ. А въ окружномъ судѣ были сюртуки, и мундиры, и фраки, — все юристы, люди, получившіе общее образованіе; было съ кѣмъ поговорить. Послѣ спанья въ саняхъ, послѣ людской кухни сидѣть въ креслѣ въ чистомъ бѣльѣ, въ легкихъ ботинкахъ, съ цѣпью на груди (Алёхинъ—почетный мировой судья) — это такая роскошь!» Но Алёхина соблазняютъ не только судейскіе мундиры и фраки. Какъ водится, въ окружномъ судѣ есть и предсѣдатель, и товарищъ предсѣдателя, а у товарища предсѣдателя есть премилая и преинтересная жена, Анна Алексѣевна, и хотя самъ товарищъ предсѣдателя человѣкъ хорошій, а у Анны Алексѣевны есть, кромѣ того, и очень милыя дѣтки, но и ее томитъ сѣрая дѣйствительность, которая ея мужа напротивъ нисколько не томитъ. Неудивительно послѣ этого, что Алёхинъ и Анна Алексѣевна чувствуютъ другъ къ другу симпатію, постепенно усиливающуюся до пламенной любви. Но они оба — люди честные и благоразумные, и поэтому ихъ романъ прерывается въ самомъ началѣ: Анна Алексѣевна остается при мужѣ и дѣтяхъ, Алёхинъ возвращается въ свое имѣніе, а добрые его знакомые, которымъ онъ разсказалъ свою будто бы печальную исторію, «жалѣютъ, что этотъ человѣкъ съ добрыми, умными глазами... вертится въ своемъ громадномъ имѣніи, какъ бѣлка въ колесѣ, а не занимается наукой или чѣмъ-нибудь другимъ, что дѣлало бы его жизнь болѣе пріятной». Въ самомъ дѣлѣ какъ не пожалѣть бѣднаго Алёхина!..

Но еще гораздо больше можно пожалѣть о Николаѣ Ивановичѣ Чимшѣ-Гималайскомъ. Выросъ онъ въ деревнѣ, а затѣмъ вслѣдствіе недостатка средствъ угодилъ въ чиновники, въ казенную палату. Понятно, что и его сѣрая дѣйствительность не удовлетворяетъ: писалъ онъ скучныя бумаги, а самъ думалъ все о томъ, какъ бы попасть въ деревню. Страстно ему хотѣлось купить маленькую усадебку гдѣ-нибудь на берегу рѣки или озера. «Деревенская жизнь имѣетъ свои удобства,—говаривалъ онъ:—сидишь на балконѣ, пьешь чай, на прудѣ твои уточки плаваютъ и... и въ саду крыжовникъ растетъ. Онъ чертилъ планъ своего имѣнія, и всякій разъ у него на планѣ выходило одно и то же: барскій домъ, людская, огородъ и крыжов-

никъ». И вотъ, чтобы осуществить свою мечту, онъ не доѣдалъ, не допивалъ, одѣвался словно нищій, и все копилъ, копилъ деньги. Но мечта его, можетъ-быть, и не осуществилась бы, если бы не подвернулась старая, некрасивая вдова, у которой водились деньжонки. Онъ на ней женился, и въ концѣ-концовъ его мечта осуществилась. Николай Ивановичъ превратился въ настоящаго помѣщика, барина. Его навѣщаетъ братъ, который разсказываетъ намъ его судьбу: «Вечеромъ, когда мы пили чай, кухарка подала къ столу полную тарелку крыжовнику. Это былъ некупленный, а свой собственный крыжовникъ, собранный въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ были посажены кусты. Николай Ивановичъ засмѣялся и минуту глядѣлъ на крыжовникъ, молча, со слезами,—онъ не могъ говорить отъ волненія; потомъ положилъ въ ротъ одну ягоду, поглядѣлъ на меня съ торжествомъ ребенка, который наконецъ получилъ свою любимую игрушку, и сказалъ:

«— Какъ вкусно!

«И онъ съ жадностью ѣлъ и все повторялъ:

«— Ахъ, какъ вкусно! Ты попробуй.

«Было жестко и кисло, но, какъ сказалъ Пушкинъ, тьмы истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ. Я видѣлъ счастливаго человѣка, завѣтная мечта котораго осуществилась такъ очевидно, который достигъ цѣли въ жизни, получилъ то, что хотѣлъ, который былъ доволенъ своей судьбой, самимъ собою. Къ моимъ мыслямъ о человѣческомъ счастьѣ, — говоритъ въ заключеніе разсказчикъ: — всегда почему-то примѣшивалось что-то грустное; теперь же при видѣ счастливаго человѣка мною овладѣло тяжелое чувство, близкое къ отчаянію».

Да, какъ тутъ не придти въ отчаяніе. Подумайте только, каковы были наши идеалы въ прошломъ, и каковы они теперь. Жесткій, кислый крыжовникъ,—вотъ вамъ и цѣль цѣлой человѣческой жизни, безконечныхъ заботъ, лишеній, скряжничества, разбитаго семейнаго счастья.

Если цѣлью человѣческой жизни можетъ быть даже «собственный крыжовникъ», то вполнѣ естественно, что иные люди ставятъ себѣ цѣлью оберечь себя отъ всякаго рода непріятностей, тщательно избѣгаютъ всего, что можетъ нарушить ихъ покой. Такого субъекта изображаетъ намъ г. Чеховъ въ своемъ разсказѣ: «Человѣкъ въ футлярѣ». Все для него сводится къ тому, чтобы оградить себя отъ всякихъ непріятностей въ жизни. О какихъ-нибудь идеалахъ и рѣчи тутъ быть не можетъ: для ихъ осуществленія требуется борьба, столкновенія съ людьми,— а этого-то «человѣкъ въ футлярѣ» боится пуще всего. И вотъ онъ живетъ, точно улитка въ своемъ домикѣ, прикрываясь бронею установленныхъ взглядовъ, привычекъ, предразсудковъ, законовъ. Для него вопросъ прежде всего сводится къ тому, чтобы не вступать въ какое-либо противорѣчіе съ установленнымъ порядкомъ. Допустимъ, что онъ полюбилъ дѣвушку, которая, можетъ-быть, отвѣчаетъ ему тѣмъ же. Но если на пути ихъ счастья встрѣтится хотя бы малѣйшее препятствіе, то можно быть увѣреннымъ, что человѣкъ въ футлярѣ тотчасъ же, какъ улитка, при видѣ малѣйшей опасности, скроется въ своемъ домикѣ.

Таково основное содержаніе разсказовъ г. Чехова, появившихся за послѣдніе мѣсяцы. Вотъ въ обществѣ такихъ-то людей намъ приходится жить. Они составляютъ громадное большинство. Это какіе-то слабосильные субъекты, неспособные къ энергической борьбѣ, или же люди, поставившіе себѣ узкія жизненныя цѣли. Знакомясь съ ними въ описаніи г. Чехова, мы невольно должны будемъ согласиться съ тѣми, кто утверждаетъ, будто бы всѣ наши идеалы въ прошломъ, и что въ настоящее время никакихъ идеаловъ въ жизни уже нѣтъ,—присоединиться къ господствующему настроенію, въ силу котораго люди склонны думать, что прежде было «могучее, лихое племя», были «богатыри», а теперь ихъ уже нѣтъ, и нарождается одна только мелюзга — люди, не ставящіе себѣ широкихъ цѣлей въ жизни или неспособные ихъ отстаивать.

II.

Въ предыдущемъ мы вспомнили два стихотворенія Лермонтова: «Бородино» и «Дума». Съ тѣхъ поръ, какъ написаны эти замѣчательныя произведенія, прошло 60 лѣтъ. Лермонтовъ печально глядѣлъ на свое поколѣніе, постыдно равнодушное къ добру и злу, позорно малодушное передъ опасностью, томившееся жизнью, какъ ровнымъ путемъ безъ цѣли, какъ пиромъ на праздникѣ чужомъ. Убѣжденное въ собственномъ ничтожествѣ, поколѣніе это съ тоскою вспоминало о бывшихъ богатыряхъ, о могучемъ лихомъ племени и чувствовало, что не видать ему такихъ сраженій, что не сумѣетъ оно постоять головою за родину.

Прошло 30 лѣтъ, и другой поэтъ бросилъ русскому обществу въ лицо желѣзный стихъ:

Вы еще не въ могилѣ, вы живы,
Но для дѣла вы мертвы давно.
Суждены вамъ благіе порывы,
Но свершить ничего не дано.

И вотъ теперь, по прошествіи новыхъ 30 лѣтъ, наши писатели обвиняютъ русское общество въ томъ, что оно широкихъ

идеаловъ не имѣетъ или по дряблости своей не въ состояніи ихъ осуществить. Поколѣнію Лермонтова казалось, что «богатыри» нарождались только въ началѣ столѣтія, а что затѣмъ люди измельчали. Та же мысль занимала и Некрасова, относившагося иронически къ своему поколѣнію и воспѣвавшаго людей прежняго, уже сошедшаго со сцены, поколѣнія. И теперь происходитъ то же самое: современное поколѣніе кажется намъ мелкимъ, ничтожнымъ въ сравненіи съ предшествовавшимъ.

Значитъ, это—постоянно повторяющееся явленіе. Конечно, его нельзя приравнивать къ воркотнѣ стариковъ, склонныхъ думать, что въ ихъ время все было лучше. И Лермонтовъ, и Некрасовъ, и г. Чеховъ исходятъ въ своихъ произведеніяхъ изъ совершенно другихъ чувствъ. Лермонтовъ самъ принадлежалъ къ тому поколѣнію, которое онъ такъ жестоко осудилъ въ своей «Думѣ». То же можно сказать и о Некрасовѣ, и о г. Чеховѣ. Ихъ приговоръ, слѣдовательно, не имѣетъ ничего общаго съ самовозвеличеніемъ. Это скорѣе недовольство собою или, такъ какъ выдающіеся писатели всегда живутъ жизнью окружающаго ихъ общества, — недовольство этимъ обществомъ. И Лермонтовъ, и Некрасовъ были недовольны своимъ поколѣніемъ, какъ и г. Чеховъ недоволенъ своимъ.

По отношенію къ Лермонтову совершенно очевидно, что тяжелый упрекъ, брошенный имъ въ лицо русскому обществу, не пропалъ безслѣдно. Онъ упрекалъ его въ томъ, что оно постыдно равнодушно къ добру и злу, что оно бездѣйствуетъ, позорно малодушно предъ опасностью, что оно «въ началѣ поприща вянетъ безъ борьбы». О слѣдующемъ поколѣніи Некрасову пришлось уже сказать, что у него есть благіе порывы, т.-е., что его нельзя уже упрекнуть въ постыдномъ равнодушіи къ добру и злу. Это какъ будто уже прогрессъ. По мнѣнію Некрасова, у людей его времени были идеалы, но въ то же время его поколѣніе отличалось неспособностью осуществить въ жизни эти идеалы.

Ну, а современное поколѣніе? Сдѣлало ли оно дальнѣйшіе успѣхи? Нѣтъ, изъ разсказовъ г. Чехова видно, что современное поколѣніе и равнодушно къ добру и злу, и пройдетъ надъ міромъ безъ шума и слѣда или, какъ выразился Некрасовъ, мертво для дѣла, не свершитъ ничего. Значитъ, наше время напоминаетъ собою лермонтовское.

Но вотъ въ чемъ разница между прежнимъ и теперешнимъ временемъ. Если Лермонтовъ упрекалъ русское общество въ постыдномъ равнодушіи къ добру и злу, то никто, конечно, самого Лермонтова въ этомъ равнодушіи не упрекнетъ. Самый выдающійся представитель русской критики лермонтовскаго времени, незабвенный Бѣлинскій ставилъ Лермонтова очень высоко, не только какъ художника, но и какъ человѣка. «Кто же изъ людей нашего поколѣнія,— писалъ онъ:—не найдетъ въ немъ (въ Лермонтовѣ) разгадки собственнаго унынія, душевной апатіи, пустоты внутренней и не откликнется на него своимъ воплемъ, своимъ стономъ... Въ его грусти всякій узнаетъ свою грусть, въ его душѣ всякій узнаетъ—свою и видитъ въ немъ не только поэта, но и человѣка, брата своего по человѣчеству».

А въ настоящее время мы видимъ совсѣмъ другое. Г. Чеховъ упрекаетъ русское общество въ постыдномъ равнодушіи или въ неспособности жить для плодотворныхъ идеаловъ, а выдающійся представитель современной критики г. Михайловскій упрекаетъ самого г. Чехова въ томъ, что у него отсутствуетъ всякій идеалъ. «Что попадается на глаза,—говоритъ г. Михайловскій:— то онъ изобразитъ съ одинаковою холодною кровью... Если онъ рѣшительно не можетъ признать своими общія идеи отцовъ и дѣдовъ — о чемъ, однако, слѣдовало бы подумать—и также не можетъ выработать свою собственную общую идею — надъ чѣмъ поработать все-таки стóитъ, — то пусть онъ будетъ хоть поэтомъ тоски по общей идеѣ и мучительнаго сознанія ея необходимости... А то что̀ хорошаго: читатель ждетъ отклика на свои боли, а ему говорятъ: пойдемъ завтракать. Или даже еще того хуже: вонъ быковъ везутъ, вонъ почта ѣдетъ, колокольчики съ бубенчиками пересмѣиваются; вонъ человѣка задушили, вонъ шампанское пьютъ... При всей своей талантливости г. Чеховъ— не писатель, самостоятельно разбирающійся въ своемъ матеріалѣ и сортирующій его съ точки зрѣнія какой-нибудь общей идеи, а какой-то почти механическій аппаратъ».

Можно быть различнаго мнѣнія о характерѣ таланта г. Чехова, но ни въ какомъ случаѣ нельзя его упрекнуть въ «постыдномъ равнодушіи къ добру и злу». Такой упрекъ представляется мнѣ въ высшей степени несправедливымъ. Если г. Чеховъ то и дѣло указываетъ на отсутствіе въ нашемъ обществѣ плодотворныхъ идеаловъ или на неспособность его воплотить ихъ въ жизни, если онъ этими указаніями производитъ очень сильное впечатлѣніе на читателей, то не служитъ ли это прямымъ доказательствомъ, что г. Чеховъ является именно «поэтомъ тоски по общей идеѣ и мучительнаго сознанія ея необходимости». Г. Михайловскій

упрекаетъ нашего автора въ томъ, что «онъ рѣшительно не можетъ признать своими общія идеи отцовъ и дѣдовъ». Такъ ли это, — мы сейчасъ увидимъ. Далѣе критикъ упрекаетъ еще автора въ томъ, что онъ не можетъ «выработать и свою собственную общую идею» (мы сейчасъ увидимъ, что и этотъ упрекъ несправедливъ). Но уже тутъ надо установить тотъ фактъ, что, если Лермонтовъ и Бѣлинскій принадлежали къ одному поколѣнію, то гг. Чеховъ и Михайловскій принадлежатъ къ двумъ различнымъ поколѣніямъ,—понятно, не столько въ буквальномъ смыслѣ этого слова, потому что разница лѣтъ между ними не такъ велика, сколько въ смыслѣ преемственности смѣняющихся взглядовъ, понятій, общественныхъ идеаловъ. Отмѣтимъ еще и тотъ фактъ, что поколѣнія, наиболѣе близкія другъ къ другу по времени, очень часто менѣе всего другъ друга понимаютъ и менѣе всего другъ друга любятъ. Эта истина вполнѣ подтверждается на столь близкихъ другъ къ другу поколѣніяхъ,—повторяю, въ идейномъ смыслѣ,—каковы современное поколѣніе и предшествовавшее ему поколѣніе 60-хъ гг., къ которымъ принадлежатъ гг. Чеховъ и Михайловскій.

Теперь спросимъ себя,—дѣйствительно ли современное поколѣніе и его представитель г. Чеховъ не признаютъ «общихъ идей отцовъ и дѣдовъ»? Я только-что привелъ стихъ Некрасова, въ которомъ онъ говоритъ, что намъ суждены благіе порывы, но что свершить намъ ничего не дано. Это несомнѣнно «общая идея», принадлежащая человѣку, который могъ бы быть отцомъ г. Чехова. Но послушаемъ, что говорилъ его пращуръ:

Не знаете сами что хотѣть; теперь тое
Хвалите, потомъ сіе, съ одно на другое
Перемѣняя мысль свою...

Тотъ же пращуръ г. Чехова говорилъ, что мы «къ свободѣ охотники», но что «въ насъ впилась неволя», что «коротокъ жизни предѣлъ», но что у насъ всегда «велики затѣи» и что «состояніемъ своимъ мы всегда недовольны». Все это говорилъ пращуръ г. Чехова, Кантемиръ, и надо ли далѣе приводить мнѣніе знаменитыхъ его прадѣдовъ и дѣдовъ, высказывавшихся приблизительно въ томъ же смыслѣ, вплоть до Лермонтова, утверждавшаго, что поколѣніе его пройдетъ надъ міромъ безъ слѣда,

Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.

Очевидно г. Чеховъ не совсѣмъ забылъ «общія идеи своихъ отцовъ и дѣдовъ», не забылъ онъ спеціально и общихъ идей того поколѣнія, къ которому принадлежитъ г. Михайловскій, подчеркивая почти въ каждомъ своемъ произведеніи, что эти идеи не принесли существенной пользы, потому именно, что это были только «благіе порывы», которые не сопровождались никакимъ дѣломъ, какъ выразился Некрасовъ, или потому что это были «великія затѣи», не мирившіяся съ «короткимъ жизни предѣломъ», какъ выразился еще Кантемиръ. Г. Михайловскій признаетъ именно эти «великія затѣи» или «благіе порывы» наиболѣе существенными. Онъ думаетъ, что они составляютъ все, а что средства ихъ осуществленія не представляютъ никакой важности. А современное поколѣніе наоборотъ думаетъ, что «благихъ порывовъ» и «великихъ затѣй» хоть отбавляй, а что корень вопроса заключается въ томъ, какъ ихъ осуществить въ самой жизни, потому что «благіе порывы» и «великія затѣи», не сопровождающіеся дѣломъ, не только сами по себѣ безплодны, но кромѣ того внушаютъ къ себѣ нерасположеніе, вызывая безконечныя, мучительныя разочарованія. Шутка ли сказать: въ теченіе двухъ вѣковъ мы предавались «великимъ затѣямъ»,—и что же получилось въ результатѣ? Приглядитесь къ жизни, прочтите кровью написанные разсказы г. Чехова, и вы убѣдитесь, какъ мало пользы принесли эти «великія затѣи» родинѣ, и какъ безконечно правы были тѣ, кто, начиная съ Кантемира и кончая г. Чеховымъ, указывалъ намъ на все ихъ ничтожество, когда онѣ не сопровождаются жизненнымъ дѣломъ.

III.

Для болѣе точнаго выясненія этого вопроса, остановимся на «общихъ идеяхъ» еще одного изъ дѣдовъ г. Чехова, быть-можетъ ближе всего подошедшаго къ тѣмъ мучительнымъ сомнѣніямъ, которыя тревожатъ современное поколѣніе и не даютъ ему обрѣсти душевный покой. Я говорю о Гончаровѣ. Вдумайтесь въ его знаменитую трилогію, и вы увидите, что вся она по основной своей идеѣ посвящена именно вопросу объ идеалахъ русскаго общества и о практическомъ ихъ осуществленіи. Г. Чеховъ ищетъ идеальнаго содержанія въ жизни и не находитъ его. Изучая живыхъ людей въ современной дѣйствительности, онъ наталкивается на такихъ, которые носятся съ «великими затѣями», но совершенно неспособны къ дѣлу и поэтому либо спиваются, либо влачатъ самое жалкое существованіе, либо наконецъ разстраиваютъ свое здоровье безплодной борьбою и попадаютъ въ сумасшедшій домъ. На ряду съ этими людьми встрѣчаются другіе, правда, способные къ дѣлу,

но совершенно несостоятельные по своему умственному и нравственному складу, въ родѣ, напримѣръ, того Николая Ивановича, который стремился къ одному жизненному идеалу—имѣть свой собственный фруктовый садъ и свой собственный крыжовникъ. Сколько бы вы ни искали въ произведеніяхъ г. Чехова людей съ идеальнымъ содержаніемъ и способностью осуществлять эти идеалы въ жизни, вы ихъ не найдете.

Вспомнимъ теперь Гончарова, вспомнимъ Адуевыхъ, дядю и племянника, Обломова и Штольца, Райскаго и Марка Волохова. Положимъ, что герои романовъ Гончарова несравненно крупнѣе, чѣмъ герои разсказовъ г. Чехова. Но если приглядѣться къ тѣмъ и другимъ, то не убѣдимся ли мы, что они совершенно однородны, т.-е., что тѣ изъ нихъ, которые преисполнены «благихъ порывовъ», ничего не могутъ «свершить», и что, наоборотъ, тѣ, которые отъ этихъ порывовъ отказались, въ жизни многаго достигаютъ, но въ то же время ни автора, ни читателя не удовлетворяютъ, потому именно, что въ нихъ идеальнаго содержанія нѣтъ. Если признать это «общею идеею»,—а не признать этого нельзя—то мы будемъ поражены, до какой степени «общія идеи» дѣда и внука, т.-е. Гончарова и Чехова, совпадаютъ.

Возьмемъ Адуева-племянника. Сколько у него «благихъ порывовъ» и «великихъ затѣй», и чѣмъ все это разрѣшается? Грустно объ этомъ подумать. Адуевъ-племянникъ въ концѣ-концовъ превращается въ талантливаго ученика своего практичнаго дяди, и когда дядя на живомъ примѣрѣ видитъ, къ чему приводятъ его уроки, ему становится страшно и за своего племянника, и за себя, потому что онъ добился всего, чего хотѣлъ: и выдающагося административнаго положенія, и богатства, но разрушилъ то, что человѣку дороже всего: свое семейное счастье и способность наслаждаться тѣмъ, что онъ добылъ путемъ безконечныхъ усилій и тяжелаго труда. Адуевъ-дядя испытываетъ тѣ чувства, которыя у г. Чехова испытываетъ братъ Николая Ивановича, видя, что тотъ убилъ всю свою жизнь, отрекся отъ всѣхъ ея благъ, чтобы имѣть... «собственный крыжовникъ».

Къ жизни Адуевыхъ, дяди и племянника, съ лихорадочною тревогою присматривается жена перваго, Лизавета Александровна. По временамъ ей кажется, что правъ ея мужъ съ его практическимъ настроеніемъ, съ его умѣньемъ достигать въ жизни своей цѣли; по временамъ она рвется душою къ племяннику съ его «благими порывами» и «великими затѣями»: ей кажется, что именно такіе люди нужны родинѣ. Но въ концѣ-концовъ она глубоко разочаровывается и въ дядѣ, и въ племянникѣ,—разочаровывается такъ, какъ разочаровывается родина въ своихъ дѣятеляхъ, изъ которыхъ одни имѣютъ идеалы, но не пригодны для жизни, а другіе пригодны для жизни, но не имѣетъ идеаловъ: одни хватаютъ звѣзды съ неба, а другіе довольствуются «собственнымъ крыжовникомъ».

Какую удивительную по пластичности и силѣ картину этого непримиримаго антагонизма между идеалами и жизнью далъ намъ Гончаровъ въ «Обломовѣ». Если замѣнить Адуевыхъ, племянника и дядю, Обломовымъ и Штольцемъ, то получится новый геніальный варіантъ этой «общей идеи». Съ одной стороны нельзя не сочувствовать Обломову: въ немъ такъ много человѣчнаго, такъ много доброты, столько деликатности въ отношеніяхъ къ людямъ; но съ другой стороны вы чувствуете, что всѣ эти качества ни къ чему не приведутъ, что Обломовъ не только не принесетъ пользы другимъ, но и погубитъ самого себя. Вы понимаете, что Ольга могла полюбить Обломова, но въ то же время вы сознаете, что даже ея любовь не въ состояніи его спасти, и что Ольга была бы несчастлива, если бы соединила свою судьбу съ его судьбой. Она встрѣчаетъ человѣка совершенно другого типа, дѣятельнаго, энергичнаго, умѣющаго добиться своихъ цѣлей въ жизни. Но и тутъ васъ беретъ раздумье: если Ольга не можетъ быть счастливою съ Обломовымъ, то можетъ ли она быть счастливой съ Штольцемъ?

Гончаровъ написалъ еще третій романъ: «Обрывъ», героиня котораго, Вѣра, съ особенною силою переживаетъ ту душевную драму, которую пережили до нея Лизавета Александровна и Ольга. Если Адуеву-племяннику и Обломову соотвѣтствуетъ въ послѣднемъ романѣ знаменитой трилогіи Гончарова Райскій, то противоположнымъ ему типомъ тутъ является Маркъ Волоховъ. Это—тоже человѣкъ дѣятельный, энергичный, но разница между нимъ съ одной стороны и Адуевымъ-дядей и Штольцемъ съ другой заключается въ томъ, что тѣ добивались чисто-практическихъ цѣлей, а Маркъ Волоховъ стремится къ достиженію общественныхъ цѣлей. Если въ «Обыкновенной исторіи» и «Обломовѣ» высокимъ общимъ идеаламъ противопоставлены чисто-личныя цѣли: карьера, обогащеніе, наилучшее устройство своихъ дѣлъ, то въ «Обрывѣ» крайне отвлеченнымъ человѣческимъ идеаламъ въ лицѣ Райскаго противопоставлены русскіе общественные идеалы въ лицѣ Марка Волохова, и поэтому борьба, происходящая въ душѣ Вѣры, достигаетъ особенной напряжен-

ности, и ея любовь къ Марку Волохову изображается такою беззавѣтною, преданною, какою не могла быть любовь Лизаветы Александровны къ Адуеву-дядѣ и любовь Ольги къ Штольцу. Но на несчастье Вѣры общественные идеалы Марка Волохова опять-таки принадлежатъ къ числу тѣхъ «благихъ порывовъ» или «великихъ затѣй», которые не могутъ осуществиться въ жизни, во-первыхъ потому, что они къ ней вовсе не приноровлены, а во-вторыхъ потому, что у ихъ представителя личные мотивы въ значительной степени берутъ верхъ надъ общественными. Авторъ даетъ это ясно понять читателю многими сценами, написанными съ большою силою и выразительностью. Идеалы Марка Волохова принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые такъ рѣзко осуждены Писемскимъ въ его «Взбаломученномъ морѣ», Достоевскимъ въ его «Бѣсахъ», Тургеневымъ въ его «Нови». Не эти ли идеалы признаются г. Михайловскимъ «общими идеями отцовъ и дѣдовъ» и такъ усердно рекомендуются имъ г. Чехову. Однако совершенно очевидно, что великіе наши писатели Кантемиръ, Ломоносовъ, Фонвизинъ, Державинъ, Пушкинъ, Гоголь, Достоевскій, Тургеневъ этихъ идеаловъ не придерживались. Есть, значитъ, какіе-то неизвѣстные «отцы и дѣды», идеалы которыхъ рекомендуются современнымъ писателямъ, и мнѣ кажется, что для ясности и большей убѣдительности этой рекомендаціи слѣдовало бы прямо назвать этихъ «отцовъ и дѣдовъ».

Въ томъ же «Обрывѣ» Гончарова и Райскому, и Марку Волохову противопоставляется общественный дѣятель совершенно иного рода, Тушинъ, съ которымъ Вѣра въ концѣ концовъ, какъ даетъ предчувствовать авторъ, соединитъ свою судьбу. Знаменитый нашъ писатель, комментируя свою трилогію въ замѣчательной статьѣ: «Лучше поздно, чѣмъ никогда», говоритъ между прочимъ: «Волоховъ—будто бы новое поколѣніе! То поколѣніе, которое бросилось навстрѣчу реформамъ и туда вложило всѣ силы. Даровитые дѣятели въ крестьянской реформѣ, въ земскихъ дѣлахъ, въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, гдѣ успѣли пріобрѣсти громкія имена—неужели все это Волоховы? Поколѣніе, которое прежнюю автоматическую военную массу энергически помогло вождю ея съ чудесною быстротою преобразить въ современную осмысленную и грозную силу. Поколѣніе, которое переполняетъ школы, жадно учится, познаетъ, изобрѣтаетъ, творитъ во всѣхъ отрасляхъ русскаго хозяйства, промышленности, науки, вездѣ пробивая новые пути, вызывая новыя силы. Поколѣніе молодыхъ умовъ и дарованій въ освобожденной прессѣ, сослужившее огромную службу Россіи, угадывая, объясняя и проводя въ массу идеи, виды и цѣли великаго Преобразователя. И все это Волоховы. Кому могла придти такая мысль! А самая масса общества, сверху до низу вся уходящая въ муравьиную работу, въ бездонные рудники труда, вызваннаго новою жизнью? Неужели и это Волоховы? Нѣтъ, это не Волоховы, а представители новой правды, воцарившейся съ освобожденіемъ крестьянъ и съ другими великими реформами, внесшими новую жизнь въ русское общество».

IV.

Такъ охарактеризовалъ Гончаровъ Тушина. Вотъ истинный представитель «новой правды». Если въ «Обыкновенной исторіи» и «Обломовѣ» Лизавета Александровна и Ольга колеблются въ своихъ симпатіяхъ между представителями двухъ противоположныхъ началъ, если даже еще въ «Обрывѣ» Вѣра колеблется между Райскимъ и Волоховымъ, то въ этомъ послѣднемъ романѣ авторъ уже прямо указываетъ на тѣхъ общественныхъ дѣятелей, которые заслуживаютъ общаго сочувствія. Дѣятели эти не похожи ни на Адуевыхъ, племянника и дядю, ни на Обломова и Штольца, ни на Райскаго и Марка Волохова: они имѣютъ опредѣленный, вполнѣ осуществимый общественный идеалъ и, кромѣ того, обладаютъ энергіею и умѣньемъ, необходимыми для его осуществленія. Гончаровъ охарактеризовалъ ихъ въ вышеприведенномъ отрывкѣ съ такою силою и ясностью, что тутъ сомнѣній никакихъ быть не можетъ, и, всматриваясь въ умственный и нравственный обликъ этихъ дѣятелей, можемъ ли мы не признать въ нихъ прямыхъ потомковъ лучшихъ русскихъ людей? Великія реформы Царя-Освободителя были только продолженіемъ того труда, который несли наши отцы и дѣды, создавшіе могущественную Россію. Во всѣ времена нашей исторіи самыми полезными дѣятелями были тѣ, которые не только умѣли воодушевляться благородною мыслью, но и осуществлять ее по мѣрѣ возможности на дѣлѣ. Мы, конечно, говоримъ не о писателяхъ, не о мыслителяхъ, потому что ихъ *дѣло* заключается въ *мысли и словѣ*. Мы говоримъ о той массѣ, которая непосредственно прилагаетъ руку къ осуществленію мысли или слова. Россія переживала нерѣдко трудныя времена, несравненно болѣе трудныя, чѣмъ то время, которое переживаетъ современное поколѣніе. Но и тогда находилось не мало людей, которые умѣли

постоять за общественную правду и постепенно приближать жизнь къ ней. Почему же теперь, послѣ всѣхъ усилій и трудовъ отцовъ и дѣдовъ, послѣ всего, что ими было достигнуто, русская земля вдругъ оскудѣла достойными общественными дѣятелями? Не великій ли это поклепъ на нее? Неужели уже ни въ деревнѣ, ни въ земствѣ, ни въ судахъ, ни въ арміи, ни въ школѣ, ни въ промышленности, ни въ наукѣ, ни въ печати нѣтъ уже представителей общественной правды, нѣтъ уже достойныхъ и полезныхъ дѣятелей? Не проходитъ недѣли, чтобы газеты и журналы не отмѣчали въ некрологахъ или біографіяхъ самоотверженную, просвѣщенную и нерѣдко достойную удивленія дѣятельность русскихъ людей, а между тѣмъ постоянно раздается припѣвъ, что наше время—время отсутствія идеаловъ и людей, умѣющихъ ихъ воплощать въ жизни. Не объясняется ли это очевидное противорѣчіе тѣмъ, что, какъ выразился Гончаровъ, «муравьиная работа въ бездонныхъ рудникахъ труда» не соотвѣтствуетъ нашему понятію объ общественномъ идеалѣ?

Что и говорить, разведеніе «собственнаго крыжовника» не можетъ быть признано общественнымъ дѣломъ. Но почему же мы обходимъ молчаніемъ тѣхъ многочисленныхъ представителей интеллигентной молодежи, которые уходятъ въ деревню, чтобы служить народу, и, забывая о себѣ, думаютъ только о немъ? Почему мы забываемъ тѣхъ земскихъ дѣятелей, которые вѣрою и правдою служатъ родинѣ? Почему мы забываемъ и тѣхъ чиновниковъ, которые стараются замѣнить мертвящій формализмъ и канцелярщину живымъ дѣломъ, просвѣщенною административною дѣятельностью? Почему, наконецъ, мы никакъ не хотимъ признать, что всякій стойкій, честный трудъ одинаково достоинъ уваженія, что благополучіе страны зависитъ отъ всѣхъ отраслей полезнаго труда, и что въ трудѣ есть богатое идеальное содержаніе не только потому, что онъ необходимъ для человѣческаго счастья, но и потому, что онъ — основа благоденствія страны?

Намъ говорятъ, напримѣръ, что сельское хозяйство, управленіе имѣніемъ — чужимъ или собственнымъ — не можетъ удовлетворять идеальнымъ стремленіямъ развитого человѣка. Почему же мы съ другой стороны слышимъ безконечныя нареканія на нашихъ сельскихъ хозяевъ, не умѣющихъ хозяйничать какъ слѣдуетъ и поэтому обременяющихъ свои имѣнія безконечными долгами? Конечно, заботиться о личномъ обогащеніи—далеко не идеальная жизненная цѣль. Но заботиться о томъ, чтобы данный уголокъ родной земли, хотя бы и крошечный, процвѣталъ,—не значитъ ли это позаботиться о томъ, чтобы процвѣтала часть родины? Вѣдь всякое цѣлое состоитъ изъ частей, и чѣмъ больше частичекъ родины процвѣтаетъ, тѣмъ больше и ея благосостояніе. Неужели мы будемъ признавать идеальное содержаніе только за дѣятельностью того человѣка, который придумываетъ общіе планы реорганизаціи всего нашего сельскаго хозяйства, и будемъ отрицать всякое идеальное содержаніе въ дѣятельности тѣхъ, кто на дѣлѣ, въ данной мѣстности, въ данномъ уголкѣ заботится о правильной постановкѣ своего хозяйства. Но не очевидно ли, что даже наиболѣе глубоко и вѣрно задуманные планы общей реорганизаціи ни къ чему не могутъ привести, если сельскіе хозяева окажутся несостоятельными. Почему же одинъ родъ труда признается достойнымъ развитого человѣка, а другой — мелкимъ, ничтожнымъ? Не потому ли, что второй труднѣе перваго. Дѣйствительно, чтобы предложить планъ общей реорганизаціи, для этого достаточно прочесть двѣ, три книжонки и жить въ свое удовольствіе, а для того, чтобы превратить запущенное и задолженное имѣніе въ цвѣтущій уголокъ родины,—для этого требуется и масса знаній, и много практическаго опыта, и столько же личныхъ качествъ, не говоря уже о безконечныхъ лишеніяхъ. Очевидно, мы имѣемъ тутъ дѣло съ общественнымъ предразсудкомъ. Если жить по трафареткамъ, по завѣтамъ никому невѣдомыхъ или мало извѣстныхъ «отцовъ и дѣдовъ», то дѣйствительно можетъ казаться, что трудъ писателя, общественнаго реформатора, салоннаго или будуарнаго проповѣдника легкомысленныхъ идеаловъ гораздо достойнѣе и почетнѣе труда сельскаго хозяина или чиновника. Но не такъ смотрѣли на дѣло истинные наши духовные «отцы и дѣды». Перечитайте еще разъ приведенную мною выдержку изъ статьи Гончарова, и вы убѣдитесь, что онъ ставилъ одинаково высоко и сельскаго хозяина, и земца, и судью, и военнаго и гражданскаго администратора, и научнаго дѣятеля, и писателя, и представителей всего того общества, которое сверху до-низу ушло въ муравьиную работу, въ бездонные рудники труда, потому что всѣ они трудятся надъ водвореніемъ у насъ «общественной правды», потому что во всякой дѣятельности, какъ бы она ни казалась скромною на видъ, есть богатое идеальное содержаніе для тѣхъ, кто его ищетъ, и потому еще, что всѣ отрасли честнаго труда одинаково необходимы родинѣ. Если мы этого не сознаемъ, то мы дѣйствительно пренебрегаемъ

завѣтами «отцовъ и дѣдовъ», и пока мы себѣ этого не уяснимъ, мы не уловимъ «общей идеи» современнаго намъ поколѣнія. Если читать съ этой точки зрѣнія произведенія г. Чехова, то мы убѣдимся, что онъ, принявъ наслѣдіе истинныхъ нашихъ духовныхъ отцовъ и дѣдовъ, понимаетъ и истинную идею современнаго намъ поколѣнія и съ присущимъ ему талантомъ старается разъяснить ее тѣмъ, кто ея еще не понялъ.

Библіографія.

(Книги, поступившія въ редакцію.)

Агаповъ, Д. В. Новая тригонометрія. Рѣшеніе треугольниковъ помощію одной теоремы.

Алексѣевъ, О. Н. Словотолкователь и объяснитель иностранныхъ словъ. Изд. Г. Т. Брилліантова. М. 1898. Ц. 1 р. 50 к.

Алекторовъ, А. Е. Киргизская хрестоматія. Часть I. Оренбургъ. 1898.

Алекторовъ, А. Е. Уроки русской грамматики. Синтаксисъ. 3-е изд. Б. Бреславина. Оренбургъ. 1898. Ц. 25 к.

Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ. Литературно-научный сборникъ. 2-е вновь обработанное и дополненное изданіе. М. 1898. Ц. 5 р.

Сборникъ „Братская помощь" представляетъ собою выдающееся литературное явленіе. Такихъ объемистыхъ благотворительныхъ сборниковъ еще не бывало въ русской литературѣ. Около тысячи страницъ компактнаго текста, принадлежащаго перу извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей и ученыхъ, служитъ одновременно и лучшей рекомендаціей цѣли сборника и краснорѣчивѣйшимъ примѣромъ для подражанія. Около восьмидесяти авторовъ участвуютъ въ сборникѣ, каждый изъ нихъ одушевленъ горячимъ желаніемъ сдѣлать вкладъ въ дѣло помощи пострадавшимъ братьямъ по Христу, каждый стремится въ своемъ произведеніи, будь то беллетристическій, научный или публицистическій очеркъ, вызвать въ душѣ читателя лучшее, священнѣйшее чувство — любовь къ ближнему, сирому, обездоленному. И эта литературная лепта должна воздаться сторицею. Весь христіанскій міръ былъ потрясенъ, когда подведены были итоги „армянскимъ безпорядкамъ": болѣе 40.000 убитыхъ, столько же обращенныхъ насильственно въ магометанство, болѣе 300.000 армянъ пошло по міру... „Братская помощь"—свѣтлый порывъ русскихъ людей помочь хотя бы небольшой долѣ несчастныхъ. Отъ русскаго общества зависитъ увеличить размѣры этой помощи. Оно уже доказало свое сочувствіе, раскупивъ первое изданіе сборника. Предъ нами второе изданіе, еще болѣе богатое, еще болѣе интересное по содержанію и рисункамъ, и можно смѣло надѣяться, что оно встрѣтитъ не менѣе сочувственный пріемъ. Не слѣдуетъ думать, что страданія армянъ кончились... Десятки тысячъ сиротъ остались безъ куска хлѣба и пристанища, а дѣти, имѣющія родителей, раздѣляютъ голодъ вмѣстѣ съ ними...

Бульверъ-Литтонъ, Э. Ріенци, послѣдній изъ римскихъ трибуновъ. Пер. съ англ. С. А. Гулишамбаровой. Изд. О. Н. Поповой. СПБ. 1898. Ц. 1 р.

Бѣляевъ, И. О. Искушеніе. Истор. ром. М. 1898. Ц. 1 р. 50 к.

Верещагинъ, П. А. Коммерческая корреспонденція. Руководство къ составленію всякаго рода бумагъ. Изд. Г. Т. Брилліантова. М. 1898. Ц. 1 р.

Веселовскій, Ю. Стихотворные переводы. Вып. 1. М. 1898. Ц. 50 коп.

Среди безчисленнаго множества оригинальныхъ и переводныхъ стихотворныхъ сборниковъ современныхъ поэтовъ, маленькая книжечка г. Ю. Веселовскаго положительно выдѣляется своею несомнѣнною талантливостью. Большая часть этихъ переводовъ помѣщалась на страницахъ „Артиста", „Вѣстника Европы" и другихъ журналовъ, и тогда же стихотворенія молодого автора обратили на себя вниманіе; но въ настоящемъ сборникѣ есть много пьесъ, появляющихся въ первый разъ. Особенно хороши переводы изъ Гейне (изъ его „Lyrisches Intermezzo" и „Heimkehr"), не только близко, но и поэтично передающіе стихи знаменитаго творца „Buch der Lieder". Второй отдѣлъ состоитъ изъ переводовъ съ армянскаго. Русская публика почти не знакома съ современной армянской литературой, и въ этомъ отношеніи переводы г. Веселовскаго крайне интересны. Въ третьей части находимъ отрывки изъ драмы Ибсена: „Сѣверные Богатыри". Какъ видитъ читатель, содержаніе сборника очень разнообразно.

Ветнекъ, Е. Указатели алфавитный и систематическій за 1888—97 гг. къ ж. „Гимназія" и „Педагогическій Еженедѣльникъ" Ревель. 1898.

Гасселькусъ, П. А. Очерки промысловъ Россіи. СПБ. 1899. Ц. 80 к.

Цѣль автора этой небольшой книжки — „дать краткое и, по возможности, популярное описаніе каждаго промысла, сообщить историческія свѣдѣнія о его возникновеніи въ Россіи, объяснить его значеніе въ жизни и сравнить развитіе каждаго промысла въ Россіи съ его состояніемъ въ другихъ государствахъ". Описанія промысловъ очень сжаты и точны, такъ какъ основаны, главнымъ образомъ, на офиціальныхъ данныхъ.

Годовой отчетъ о-ва для распространенія св. писанія въ Россіи за 1897 г. СПБ.

Гнѣдичъ, П. П. Для успокоенія нервовъ. Слѣпыши и другіе разсказы. (1896—1897). СПБ. 1898. Ц. 1 р. 25 к.

Талантъ г. Гнѣдича хорошо знакомъ нашимъ читателямъ, и намъ не представляется необходимымъ рекомендовать его вниманію публики, которой авторъ давно уже извѣстенъ, и какъ выдающійся беллетристъ, и какъ даровитый драматургъ. Въ лежащемъ передъ нами сборникѣ разсказовъ г. Гнѣдича первое по объему мѣсто занимаетъ разсказъ „Для успокоенія нервовъ", напечатанный въ „Литер. прилож." къ „Нивѣ" въ 1897 году. Второй крупной вещью является повѣсть „Слѣпыши", въ которой очень трогателенъ и психологически интересенъ типъ Никодима, рвущагося какъ можно скорѣе уйти изъ жизни, потому что, „живя на міру скоро обрастешь и ослѣпнешь"; ему хочется работать вдали отъ міра, тамъ, гдѣ для Бога работаютъ. И онъ уходитъ отъ людей, смѣло пускаясь въ тяжелый путь, „съ радостнымъ сознаніемъ, что онъ уже не слѣпышъ и отъ слѣпыщей ушелъ навсегда". Печать тонкаго письма лежитъ на каждой вещи, вышедшей изъ-подъ пера г. Гнѣдича, будь это романъ (вспомнимъ „Китайскія тѣни" и „Ношу міра сего"), повѣсть или какой-нибудь очень коротенькій очеркъ въ родѣ „Анны Алексѣевны" („Вдовы артистовъ") или „Каролинхенъ" („Изъ альбома туриста"). Немногими, тщательно подобранными и искусно сгруппированными черточками и штрихами очерчиваетъ намъ авторъ изображаемое лицо, и этихъ немногихъ штриховъ ока-

зывается совершенно достаточно, чтобы въ воображеніи читателя обрисовалась цѣльная и типичная фигура героя разсказа. Въ каждомъ наброскѣ г. Гнѣдича имѣются налицо всѣ тѣ свойства его таланта, которыя ему такъ присущи: живая наблюдательность, изящный и искренній юморъ, твердый и правильный рисунокъ, вѣрное освѣщеніе и мягкій колоритъ.

Дмитріевъ, Н. Д. Практическое руководство къ приготовленію солода. Изд. Г. Т. Бриллiантова. М. 1898. Ц. 1 р.

Драгомировъ, М. Очерки: Разборъ „Войны и Мира". Русскій солдатъ. Наполеонъ I-й. Жанна д'Аркъ. Изд. Н. Я. Оглоблина. Кіевъ. 1898.

Зудерманъ, Германъ. Тихое счастье. (Glück im Winkel). Ком. въ 3-хъ дѣйствіяхъ. (Изъ репертуара театра Корша). М. 1898. Ц. 1 р.

Драмы Зудермана отличаются большими литературными достоинствами и очень сценичны. Однимъ изъ главныхъ ихъ недостатковъ слѣдуетъ признать нѣкоторую рѣзкость внѣшнихъ сценическихъ эффектовъ. „Тихое счастье" составляетъ въ этомъ отношеніи счастливое исключеніе; эта пьеса не только смотрится, но и читается съ большимъ интересомъ и удовольствіемъ; тема всепрощенія, снисхожденія къ человѣческимъ слабостямъ и порокамъ талантливо развита авторомъ „Тихаго счастья" безъ лишней сентиментальности, вполнѣ искренно,— вотъ почему комедія эта производитъ на зрителя и читателя мирное, бодрящее и жизнерадостное впечатлѣніе.

Ивашенцовъ, А. П. Охота и спортъ. Съ приложеніемъ статьи „Атлетика" Н. Кравченко. 180 рис. въ текстѣ. СПБ. Изд. А. С. Суворина. 1898. Ц. 4 р.

Спортъ всѣхъ видовъ съ каждымъ днемъ у насъ все болѣе развивается. Охота, которая до послѣдняго времени удовлетворяла у насъ потребность въ спортѣ, теперь даже въ извѣстной степени потеряла свою притягательную силу. На ряду съ бѣгомъ на конькахъ и на лыжахъ, ѣздой на буэрахъ, греблей, плаваніемъ подъ парусами и уженіемъ рыбы въ настоящее время особенно популярны подвижныя игры, упражненія въ бѣгѣ, ѣзда на велосипедѣ, занятія фотографіей и атлетическій спортъ. Всѣ эти виды спорта очень подробно и полно представлены въ книгѣ г. Ивашенцова. Болѣе всего удѣлено мѣста охотѣ и велосипеду. Много рисунковъ прекрасно поясняютъ текстъ. Въ общемъ обширный трудъ г. Ивашенцова представляетъ истинную энциклопедію спорта. Издана книга роскошно.

Каенъ, Э. Устройство электрическаго освѣщенія въ отдѣльныхъ установкахъ. Пер. съ франц. Н. Постникова. Изд. Г. Т. Бриллiантова. М. 1898. Ц. 1 р. 50 к.

Конникъ. Военная одежда. Изд. В. Березовскаго. СПБ. 1898.

Корытинъ, О. И. Сборникъ примѣровъ и задачъ по коммерческой ариѳметикѣ. Часть 1-я. СПБ. 1898. Ц. 80.

Котвичъ, Вл. и Бородовскій, Л. Ляо-дунъ и его порты: Портъ-Артуръ и Да-лянь-вань. Историко-географическій очеркъ. Съ картою Ляо-дуна и двумя планами. СПБ. Изданіе картогр. завед. А. Ильина. 1898.

Брошюра эта издана весьма кстати. Масса лицъ интересуется теперь этими двумя китайскими портами, недавно пріобрѣтенными Россіей, и этотъ толково и ясно составленный историко-географическій очеркъ заслуживаетъ вниманія. Составленная по авторитетнымъ и новымъ источникамъ, брошюра гг. Котвича и Бородовскаго рисуетъ въ истинномъ свѣтѣ современное состояніе этихъ портовъ. Носящіе въ настоящее время исключительно военный характеръ и служащіе убѣжищемъ для нашей тихо-океанской эскадры, порты эти современемъ явятся, по мнѣнію авторовъ, крупнѣйшими транзитными пунктами для всего пассажирскаго и товарнаго движенія изъ Европы въ восточную Азію.

Ксавье и Мегронъ. Овѣчное, мыловаренное и салотопенное производство. Изд. Г. Т. Бриллiантова. М. 1898. Ц. 1 р.

Ленскій, А. Образцовый бухгалтеръ и счетоводъ. Изд. Г. Т. Бриллiантова. М. 1898. Ц. 2 р.

Макаревскій, М. И. и Добромысловъ, П. Л. 3-й всероссійскій миссіонерскій противораскольническій и противосектантскій съѣздъ въ г. Казани. Рязань. 1898. Ц. 50 к.

Милль, Д. С. Система логики. Выпускъ IV-й. Переводъ съ англ. С. И. Ершова подъ ред. В. Н. Ивановскаго. Изд. магазина „Книжное дѣло". М. 1898. Ц. по подпискѣ 4 р. 50 к. за 6-ть выпусковъ.

Адамъ Мицкевичъ и его современные обличители. СПБ. 1897.

Нигофъ, Н. А. Практическое руководство къ устройству плотинъ и водяныхъ запрудъ. Изд. Г. Т. Бриллiантова. М. 1898. Ц. 2 р.

Отчетъ о дѣятельности Кіевскаго славянскаго благотворительнаго о-ва за 1897 годъ. Кіевъ.

Павловичъ, М. Учебникъ исторіи древней русской литературы. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. СПБ. Ц. 1 р.

Петровъ, Н. И. Канатно-веревочное производство. Изд. Г. Т. Бриллiантова. М. 1898. Ц. 1 р.

Печное мастерство и усовершенствованная вентиляція. Изд. Г. Т. Бриллiантова. М. 1898. Ц. 3 р.

Полная школа строительнаго искусства. Въ 3-хъ томахъ. Изд. Г. Т. Бриллiантова. М. 1898. Ц. 7 р.

Пѣтуховъ, О. П. Стеклодѣліе. Изд. К. Л. Риккера. СПБ. Ц. 3 р. 50 к.

Ранке. Объ эпохахъ новой исторіи. Лекціи, читанныя баварскому королю Максимиліану II (въ 1854 г.). Перев. И. И. Шитца съ предислов. проф. П. Г. Виноградова.—Научно-образовательная библіотека. М. 1898. Ц. 35 к.

Регель, Э. Содержаніе и воспитаніе растеній въ комнатахъ. Часть 1-я. Изд. 7-е К. Л. Риккера. СПБ. 1898. Ц. 3 р.

Ренненкампфъ, Н. К. Польскій и еврейскій вопросы. Кіевъ. 1898. Ц. 30 к.

Сборникъ статей въ помощь самообразованію по математикѣ, физикѣ, химіи и астрономіи, составленныхъ кружкомъ преподавателей. Выпускъ III. Съ 7 портретами и 57 чертежами. М. 1898. Ц. 1 р 20 к.

Мы уже говорили, по поводу выхода въ свѣтъ первыхъ двухъ выпусковъ, объ этомъ прекрасно задуманномъ и такъ же прекрасно составляемомъ руководствѣ для самообразованія. Только что вышедшій третій выпускъ весь посвященъ химіи, и каждый изъ помѣщенныхъ здѣсь 11-ти очерковъ изложенъ въ высшей степени ясно, доступно и, въ то же время, очень интересно.

Смирновъ, О. В. Электро-гомеопатія графа Маттеи. Изд. 9-е. СПБ. Ц. 2 р.

Смѣловъ, Александръ. Аскетъ и другіе разсказы. СПБ. 1898. Ц. 60 к.

Stepanow, S. T. Le droit international et le bombardement de Puerto Rico. 1898.

Страшевичъ, Л. Взгляды Н. А. Милютина на учебное дѣло въ Царствѣ Польскомъ. СПБ. 1897.

Шелли. Сочиненія. Перев. съ англ. К. Д. Бальмонта. Изд. магазина „Книжное дѣло". М. 1898. Ц. 75.

Шерръ, У. Переселеніе народовъ. Пер. съ нѣм. Изд. Владимірской типо-литогр. СПБ. 1898. Ц. 20 к.

СМѢСЬ.

Новый Робинзонъ. Въ Лондонѣ привлекаетъ общее вниманіе недавно прибывшій туда швейцарскій Робинзонъ, Луи де Ружемонъ, уроженецъ Женевы, прожившій тридцать лѣтъ среди австралійскихъ людоѣдовъ. По-

хожденія этого человѣка далеко оставляютъ за собою всѣ извѣстныя доселѣ робинзонады. Членъ парламента, Др. Хенникеръ-Хитокъ, отправилъ его съ рекомендательнымъ письмомъ къ издателю «Wide World Magazine», Фицджеральду, который намѣренъ издать цѣлую книгу о приключеніяхъ новѣйшаго Робинзона. Географическій и антропологическій отдѣлы «British Association» пригласили его прочесть рядъ лекцій, а въ музеѣ восковыхъ фигуръ г-жи Тюссо выставленъ его бюстъ изъ воска.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, съ небольшой суммой денегъ въ карманѣ, Ружемонъ отправился въ Сингапуръ, на голландской шкунѣ «Vlieland», капитанъ которой занимался, при помощи малайскихъ туземцевъ, ловлей жемчуга въ Тиморскомъ морѣ. Ловцамъ посчастливилось и, послѣ вообще удачной ловли, они нашли три черныя жемчужины неоцѣнимой стоимости. Тогда, въ надеждѣ найти еще такой же жемчугъ, капитанъ рѣшилъ продолжать ловъ, несмотря на приближеніе ежегодныхъ въ той мѣстности вѣтровъ и бурь. Буря дѣйствительно наступила, и «Vlieland» разбился близъ одного изъ «атолловъ», или круглыхъ коралловыхъ острововъ, во время прилива заливаемыхъ водой. Капитанъ и весь экипажъ погибли, одному только женевцу удалось спастись вмѣстѣ со своею собакою на песчаномъ атоллѣ. Во время мелководья, Ружемонъ могъ однако перейти въ бродъ на разбитое судно и, совсѣмъ какъ Робинзонъ, запастись оттуда посудой и хозяйственными припасами. Пищу онъ находилъ, впрочемъ, на самомъ островѣ, вынимая изъ гнѣздъ яйца морскихъ птицъ и питаясь черепахами. Воду для питья онъ собиралъ дождевую, въ добытые съ корабля сосуды; а когда не было дождей, дистиллировалъ морскую воду у себя въ котлѣ, собирая пары въ шерстяной платокъ и потомъ выжимая изъ него драгоцѣнную влагу. Подобно Робинзону Крузе онъ устроилъ себѣ и календарь, разложивъ рядами раковины. Если Ружемонъ могъ прожить два долгихъ года въ такомъ одиночествѣ и не сошелъ съ ума и не лишилъ себя жизни, что не разъ приходило ему въ голову, то единственно благодаря своей собакѣ, съ которой онъ, чтобы убить время, велъ нескончаемые разговоры. Нерѣдко онъ уходилъ въ бродъ въ море, рѣшивъ покончить съ собой, но каждый разъ мысль о собакѣ удерживала его. Онъ пытался-было построить лодку изъ обломковъ корабля, но лодка эта развалилась, какъ только онъ спустилъ ее со штапеля. Наконецъ однажды показался на горизонтѣ челнокъ съ австралійскими туземцами, угнанный въ море далеко отъ материка, и къ атоллу пристали четверо чернокожихъ. Они помогли новому Робинзону привести въ порядокъ его лодку и вмѣстѣ съ нимъ достигли австралійскаго материка, приблизительно между Кембриджскимъ заливомъ и каналомъ Королевы, на границѣ сѣверной и западной Австраліи.

И вотъ началась чисто сказочная жизнь Ружемона, среди людоѣдовъ, длившаяся цѣлыхъ тридцать лѣтъ. Обладая искусствомъ фокусника, онъ умѣлъ держать дикарей въ повиновеніи и снискать ихъ расположеніе. Ружемонъ разсказываетъ, что ему приходилось для того, чтобы поразить дикарей, выдѣлывать передъ ними различныя сальтомортале или играть по ночамъ, спрятавшись въ кустахъ, на сгирѣли. Онъ научился владѣть лукомъ и стрѣлами, убивать ими людей и животныхъ и, подобно людоѣдамъ, ходилъ безъ всякой одежды. Въ концѣ концовъ онъ взялъ себѣ людоѣдку въ жены. Тѣмъ не менѣе онъ стремился при первой возможности добраться до бѣлыхъ, а такъ какъ жена сказала ему, что на востокѣ живутъ бѣлые люди, онъ отправился вмѣстѣ съ нею въ далекій путь къ востоку, черезъ лѣса и степи. Такимъ образомъ они дошли до моря. Ружемонъ предполагалъ, что передъ нимъ Коралловое море, но оказалось, что это былъ всего только большой Карпентерійскій заливъ. Путники направились вдоль берега, къ сѣверу, ища поселенія бѣлыхъ, но не нашли ничего и, послѣ полуторагодового отсутствія, во время котораго пережили не мало приключеній, они увидѣли, что пришли на то самое мѣсто, откуда вышли въ путь.

Самымъ удивительнымъ приключеніемъ во время этого странствованія было слѣдующее: Ружемонъ узналъ однажды у рыбаковъ-туземцевъ, что у одного изъ племенъ находятся въ плѣну двѣ бѣлыя женщины. Ружемонъ отправился къ этому племени и дѣйствительно нашелъ двухъ англійскихъ дѣвушекъ въ распоряженіи вождя, который спасъ ихъ послѣ кораблекрушенія. Ружемонъ пожелалъ взять обѣихъ дѣвушекъ съ собою, но вождь отказался выдать ихъ. Состоялся поединокъ, и Ружемонъ убилъ своего противника. Затѣмъ, взявъ жену и обѣихъ освобожденныхъ дѣвушекъ, онъ вышелъ на челнокѣ въ море. Вскорѣ показался на горизонтѣ корабль. Челнокъ направился къ нему навстрѣчу, сопровождаемый лодкой съ туземцами. Туземцы подняли радостный крикъ, который былъ принятъ на кораблѣ за враждебную демонстрацію, вслѣдствіе чего корабль прошелъ мимо, и Ружемону не удалось спасти себя и своихъ спутницъ. Въ волненіи, бѣглецы опрокинули

нечаянно челнокъ, и обѣ бѣлыя дѣвушки утонули.

Десять лѣтъ странствовалъ Ружемонъ, какъ дикарь, и наконецъ попытался двинуться на югъ, не теряя надежды найти цивилизованную страну. Съ 15° южной широты онъ спустился до 25°. Здѣсь онъ дѣйствительно наткнулся на бѣлыхъ, производившихъ какія-то изысканія; но они приняли его за дикаря и потому привѣтствовали залпомъ картечи. Послѣ этого Ружемонъ отказался отъ мысли вернуться къ цивилизованнымъ людямъ. Онъ направился, все въ сопровожденіи своей чернокожей супруги, снова къ сѣверу и прожилъ 20 лѣтъ въ сѣверной части южной Австраліи, приблизительно подъ 22° широты. Здѣсь жена его умерла, давъ ему передъ смертью совѣтъ, если онъ хочетъ найти бѣлыхъ, идти на юго-западъ. Онъ такъ и сдѣлалъ и пришелъ въ Кульгарди, гдѣ его прежде всего увидѣли искатели золота. Первый вопросъ, съ которымъ онъ обратился къ нимъ, былъ: «Какой теперь годъ?» Бѣдняга совсѣмъ потерялъ счетъ времени. Искатели золота приняли его сначала за сумасшедшаго. Изъ Кульгарди Ружемонъ прибылъ въ Мельбурнъ, а оттуда въ Европу. Онъ намѣренъ прочесть въ различныхъ странахъ лекціи о своихъ приключеніяхъ, но хочетъ сначала укрѣпить свое расшатанное здоровье въ родной Швейцаріи, куда онъ направился прежде всего, въ надеждѣ разыскать оставшихся въ живыхъ родственниковъ. Въ Церматтѣ какая-то пожилая англичанка, выслушавъ его разсказъ, сказала сочувственно: «Бѣдняжка, сколько вы перестрадали! Но скажите, ради Бога, отчего же вы не писали писемъ къ роднымъ?»

Крестьянскія невзгоды. Любопытную параллель между двумя характеристиками народныхъ нравовъ проводитъ авторъ воспоминаній объ Эдуардѣ Васильевичѣ Лерхе, печатающій ихъ въ «Русской Старинѣ». Э. В. Лерхе, въ бытность свою новгородскимъ губернаторомъ въ 1875 году, однажды пріѣхалъ въ захудалую деревушку, стоявшую рядомъ съ зажиточнымъ селеніемъ, гдѣ водворились нѣмцы-колонисты.

— Ваша деревня совсѣмъ потонула въ недоимкахъ — и въ земскихъ, и въ казенныхъ,—сказалъ губернаторъ.

— Земли мало, неурожаи замучили, подняться нечѣмъ.

— А я думаю, лѣниво за хозяйство беретесь. Посмотрите на своихъ сосѣдей: у нихъ такой же надѣлъ, почва одинаковая, а живутъ безнедоимочно.

— Они—нѣмцы.

— Ну, такъ что-жъ изъ этого?

— Извѣстно—нѣмцы.

— Ну!?.

— Одно слово—нѣмцы.

Такъ и не добился губернаторъ точнаго отвѣта; тѣмъ не менѣе можно было предполагать, что колонисты жили обособленно и пользовались какой-то привилегіей сравнительно съ крестьянами захудалой деревушки, только послѣдніе не знали, какъ выразиться, не умѣли объяснить преимуществъ.

Смотря на уважительныя причины задолженности гуманно, Эдуардъ Васильевичъ относился снисходительно и къ тѣмъ обстоятельствамъ, которыя мало оправдывали крестьянъ.

Однажды надо было съѣздить въ селеніе Веретье. Начальника губерніи повезъ со станціи такой ямщикъ, который служилъ у содержателя недавно, былъ изъ другой губерніи и плохо зналъ мѣстные проселки. Доѣхали до пункта, гдѣ дорога развѣтвлялась на - двое. Повозка остановилась, и ямщикъ сталъ размышлять: куда ѣхать? Губернаторъ, хотя и бывалъ ранѣе въ этомъ селеніи, но запамятовалъ, въ которой сторонѣ оно лежитъ. Случился проходившій крестьянинъ.

— Послушай, любезный, какъ попасть въ Веретье? — спросилъ начальникъ губерніи прохожаго.

— Тутъ два такихъ селенія: одна дорога идетъ на Старое Веретье, а другая — въ Новое.

Чтобы не блуждать напрасно, Эдуардъ Васильевичъ сталъ указывать примѣты.

— Тамъ врачъ еще живетъ.

— Не слыхалъ что-то.

— Земская школа недавно открыта.

— Не могу знать.

— Да, какъ въѣдешь, такъ у первой избы ель торчитъ! — съ легкой горячностью воскликнулъ губернаторъ.

— Это будетъ Новое Веретье. Трогай вправо.

Прибывъ на мѣсто, Эдуардъ Васильевичъ изрядно упрекалъ крестьянъ въ недоимочности, стыдилъ за пьянство и покинулъ селеніе съ тѣмъ убѣжденіемъ, что веретьевскіе мужики—народъ, видимо, слабый, увлекающійся соблазномъ, и что поэтому для его благосостоянія необходимо снести кабакъ подъ самый корень. Тогда это зло въ сельскую жизнь глубоко внѣдрялось, ибо кабаки стояли на крестьянской землѣ и давали волости большую аренду, а мірскому сходу выставляли за дозволеніе десятокъ ведеръ водки. Какихъ стоило стараній—неизвѣстно, но все-таки веретьевскій кабакъ, спустя два-три года, куда-то исчезъ безслѣдно.

Дождевые черви. Дождевые черви, какъ извѣстно, очень чувствительны къ свѣтовымъ возбужденіямъ и, за неимѣніемъ глазъ, воспринимаютъ эти возбужденія кожей. Предположеніе, что только два переднихъ кольца тѣла червя содержатъ органы воспріятія свѣта, оказалось ошибочнымъ. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ подобные органы разсѣяны по всему тѣлу. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно помѣстить червяка въ стеклянную трубочку, на которую затѣмъ надѣвать различной длины черные бумажные колпачки, чтобы по желанію закрывать или открывать къ свѣту бóльшую или меньшую часть изслѣдуемаго червя. Далѣе было извѣстно, что дождевые черви укрываются на зиму въ свои подземные ходы, имѣющіе по нѣсколько метровъ длины, и тамъ, свернувшись клубкомъ, пересыпаютъ холодную пору. Но выводившееся отсюда заключеніе о малой способности червя противодѣйствовать холоду, оказалось также невѣрнымъ. Среди лѣта былъ найденъ въ кускѣ натуральнаго льда червякъ, движенія котораго ясно были видимы сквозь ледъ. Червякъ попалъ между двухъ льдинокъ въ мартѣ мѣсяцѣ, — когда ледъ былъ покрытъ землей, — и вмерзъ въ нихъ. Такимъ образомъ, онъ почти полгода провелъ въ своей холодной тюрьмѣ. Поразительные результаты дали новѣйшія изслѣдованія о силѣ возрожденія и о самоампутаціи червя. Онъ буквально слѣдуетъ заповѣди: «Если одинъ изъ членовъ твоихъ соблазняетъ тебя, отсѣки его и брось отъ себя». Какъ только червякъ почувствуетъ недомоганіе въ какой-либо частицѣ своего тѣла, онъ тотчасъ перетягиваетъ ее и отбрасываетъ прочь. Если нанести червяку повреждение, то на нѣсколько сегментовъ выше пораненнаго мѣста происходитъ стягиваніе, болѣзненная часть откидывается прочь и затѣмъ быстро выростаетъ снова. Точно также поступаетъ червякъ, если отрѣзать отъ него кусокъ, но съ черезчуръ широкой плоскостью отрѣзаннаго мѣста. Червякъ перетягивается нѣсколько выше и отбрасываетъ отъ себя новый кусокъ. Если червяка разрѣзать на части въ нѣсколько миллиметровъ длиною, то каждый кусокъ продолжаетъ жить и выростаетъ въ цѣлаго червя. Возобновленныя части сначала тонки, прозрачны и нитеобразны, но постепенно достигаютъ толщины первоначальнаго куска и дѣлаются, какъ и онъ, непрозрачными. Къ удивленію, черви во время послѣдняго процесса не принимаютъ пищи и слѣдовательно матеріалъ для роста берется изъ того же основного куска.

ШАХМАТЫ

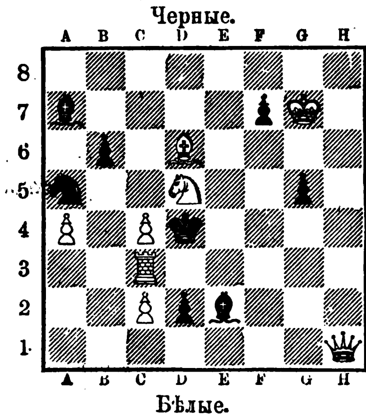
подъ редакціей Э. С. Шифферса.

Задача № 52.

И. Фридлиціусъ (Гётеборгъ).

I призъ конкурса „St.-Petersb. Zeitung“. (Девизъ: „Parva sed apta mihi“).

Черные.

Бѣлые.

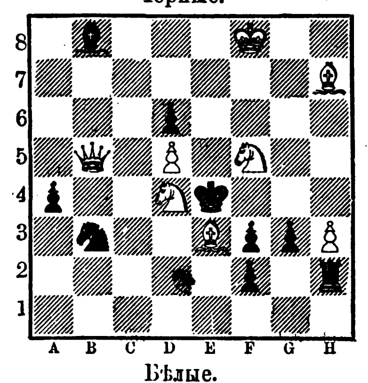
Матъ въ 3 хода.

Задача № 53.

К. Эрлинъ (Вѣна).

II призъ того-же конкурса. (Девизъ: „Noli turbare circulos meos“).

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

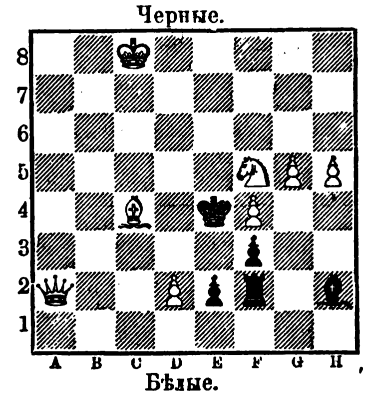
Задача № 54.

С. Трчала (Моравія).

III призъ того-же конкурса.

(Девизъ: „Il n'y a point de roses").

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

Матчъ по телеграфу между Вѣной и Петербургомъ.

Первая партія (Вѣна — Петербургъ) была прервана 3-го мая 1898 г. Въ ней до того времени были сдѣланы ходы:

	Вѣна—бѣлые.	Петербургъ—черные.
1.	d2 — d4	d7 — d5
2.	c2 — c4	К. b8 — c6
3.	К. b1 — c3	d5 : c4
4.	d4 — d5	К. c6 — a5
5.	Ф. d1 — a4+	c7 — c6
6.	b2 — b4	b7 — b5
7.	Ф. a4 : a5	Ф. d8 : a5
8.	b4 : a5	b5 — b4
9.	К. c3 — d1	c6 : d5
10.	e2 — e4	e7 — e6
11.	К. d1 — e3	К. g8 — f6
12.	e4 : d5	e6 : d5
13.	С. c1 — b2	С. c8 — e6
14.	С. b2 : f6	g7 : f6
15.	К. g1 — e2	Л. a8 — c8
16.	К. e2 — f4	Л. c8 — c5
17.	Л. a1 — d1	c4 — c3
18.	a5 — a6	С. f8 — d6
19.	К. f4 : d5	c3 — c2
20.	Л. d1 — c1	С. e6 : d5
21.	К. e3 : d5	Л. c5 : d5
22.	Л. c1 : c2	Кр. e8 — e7
23.	g2 — g3	Л. d5 — a5
24.	С. f1 — e2	С. d6 — e5
25.	0 — 0	Л. h8 — d8
26.	f2 — f4	С. e5 — c3
27.	Л. f1 — f3	Л. d8 — d6
28.	Кр. g1 — g2	f6 — f5
29.	Л. f3 — e3+	Кр. e7 — f8
30.	С. e2 — f1	h7 — h6
31.	С. f1 — c4	. . .

31 ходъ черныхъ былъ посланъ въ запечатанномъ конвертѣ барону А. Ротшильду. Передъ возобновленіемъ игры Вѣнскій шахм. клубъ увѣдомилъ С.-Петербургское Шахм. Общество, что ему своевременно переданъ ходъ 31... Л. d6—d4. Послѣ того сдѣланы ходы: 32. С. c4—b3, Л. a5 : a6; 33. Л. c2—e2, Л. d4—e4.

Положеніе послѣ 33-го хода черныхъ.

Черные—С.-Петербургъ.

Бѣлые—Вѣна.

Рѣшенія шахматныхъ задачъ, помѣщенныхъ въ №№ 5 и 6 Литер. прилож. „Нивы" за май и іюнь 1893 г.

№ 26. Д-ръ К. Байеръ. Матъ въ 4 хода.

1. С. e2 : c4, b5 : c4!, 2. Л. b2, Кр. d5; 3. Ф : c4+ и т. д.
2. . . ., С : e1; 3. Ф : c4+ и т. д.
2. . . .. К. d2; 3. Л : d2 и т. д.

№ 27. К. Трасклеръ. Матъ въ 3 хода.

1. К. d3—e5, С : d5; 2. Ф. c1+ и 3. С. d3‡.
1. . . ., К. f5; 2. Ф. c1+ и 3. С. f8‡.
1. . . ., Л∾ или С : h2; 2. К. g6 и т. д.
1. . . ., С. a6; 2. К. c6 и т. д.
1. . . ., de; 2. Ф. d3+ и т. д.
1. . . ., Кр. f4; 2. К. g6+ и т. д.
1. . . ., ∾; 2. К. g6 и т. д.

№ 32. Ф. Дуббе. Матъ въ 4 хода.

1. К. e4—g5, Кр. e5; 2. К. h3+, Кр. d6; 3. К. f2 и т. д. 2. . . ., Кр. f6; 3. С. d4+ и т. д.
1. . . ., Кр. f5; 2. С. d4, Кр. g6; 3. С. f7+ и т. д. 2. . . ., ∾; 3. К. h3+ и т. д.
1. . . ., Кр. g3; 2. К. h3, ∾; 3. С. f2+ и т. д.
1. . . ., ∾; 2. К. h3+, Кр. g3; 3. С. f2+ и т. д.

№ 33. О. Вюрцбургъ. Матъ въ 3 хода (съ бѣлой ладьей на f3).

1. Ф. f8—e8, Л. a1; 2. Ф. a8 и т. д.
1. . . ., Л. b1, g1; 2. Ф. e4 и т. д.
1. . . ., Л. c1: 2. Ф. c6 и т. д.
1. . . ., Кр. g1; 2. Ф. e2 и т. д.

Правильныя рѣшенія прислали: Шахмафилъ (Орелъ); Б. З. Немировскій (Умань); М. М. Фидлеръ (Новогрудокъ); Н. И. Лавровъ (Москва); И. Блитъ (Варшава); Любитель (Вильно); К. Е. Аврунинъ, Н. Горячевъ, Ѳ. Ч. Черногоръ (Прилуки); С. В. Антушевъ (Кашинъ); Клименко (Залѣсье); М. Донской (Бахмутъ).

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ Р. И. Сементковскій.

Тип. А. Ф. Маркса, Средн. Подьяч., № 1.

Дозволено цензурою. СПБ. 10 октября 1898 г.

Мои студенческія воспоминанія.*)

Я. П. Полонскаго.

I.

Отъѣздъ изъ Рязани. — Бабушка Екатерина Богдановна Воронцова. — Товарищи: Аполлонъ Григорьевъ и Фетъ.—М. Ф. Орловъ и декабристы.—Первая встрѣча съ И. С. Тургеневымъ. — Мочаловъ.

Въ 1839 или годомъ раньше (не помню уже въ точности), я отправился на ямской телѣгѣ изъ Рязани**) въ Москву держать экзаменъ для поступленія въ московскій университетъ, и ѣхалъ на однѣхъ и тѣхъ же лошадяхъ около двухъ сутокъ. Въ Москвѣ смутно припоминается мнѣ какой-то постоялый дворъ за Яузой и затѣмъ мое перемѣщеніе на Собачью площадку, въ собственный домъ моей двоюродной бабушки Екатерины Богдановны Воронцовой.

Тамъ отвели мнѣ въ мезонинѣ, по сосѣдству съ кладовой съ домашними припасами, двѣ комнаты, и я перенесъ туда мой чемоданъ и мою подушку. Старуха Воронцова была одною изъ типическихъ представительницъ тѣхъ барынь, которыя помнили еще времена Екатерины II, и, еле грамотная, доживала она вѣкъ свой, окруженная крѣпостной челядью и приживалками, съ которыми судачила, иногда играла въ *дурачки* и безпрестанно, даже по ночамъ, просыпаясь, упивалась чаемъ. Сиднемъ-сидѣла она у себя дома вѣчно на одномъ и томъ же мѣстѣ, душилась одеколономъ, нюхала табакъ, ничѣмъ не интересовалась, кромѣ домашнихъ передрягъ; вооружась хлопушкой, била мухъ, капризничала, щипала дѣвокъ или посмѣивалась. Трудно было мнѣ ей угодить, тѣмъ болѣе, что она была когда-то въ ссорѣ съ сестрой своей, моей родной бабушкой Александрой Богдановной Кавтыревой. Къ моему счастію, племянникъ ея, наслѣдникъ всего ея имущества, нѣкто Ф. М. Тургеневъ, ловко вкравшійся въ ея довѣріе, не

*) Студенческія воспоминанія Якова Петровича Полонскаго написаны имъ и доставлены намъ незадолго до его кончины. Значеніе ихъ очевидно. Они уясняютъ намъ тѣ условія, которыя вліяли на поэта въ такую важную эпоху жизни, какими для всякаго человѣка бываютъ университетскіе годы. Кромѣ того, въ этихъ воспоминаніяхъ то и дѣло упоминается о лицахъ, сыгравшихъ видную роль въ русской жизни и литературѣ. Слѣдовательно воспоминанія Я. П. Полонскаго представляютъ очень существенный историко-литературный матеріалъ. Наконецъ, они доставляютъ то высокое удовлетвореніе, которое испытываетъ человѣкъ, когда вступаетъ въ общеніе съ идеально-настроенною душою: чувствомъ доброты и человѣчности, задушевностью и благородствомъ стремленій, которыми проникнуты стихотворенія покойнаго поэта, вѣетъ и отъ каждой строки его прекрасныхъ воспоминаній.

**) Я. П. Полонскій, какъ извѣстно, родился 6-го декабря 1820 г. въ Рязани, гдѣ и окончилъ курсъ гимназіи.

нашелъ во мнѣ ничего опаснаго, понялъ, что я не стану съ нимъ тягаться или претендовать на наслѣдство, и считалъ за лишнее на меня наговаривать или ссорить меня со старухой.

На экзаменахъ, въ большой бѣлой залѣ съ бѣлыми колоннами, въ новомъ университетскомъ зданіи, сосѣдомъ моимъ по скамьѣ былъ никто иной, какъ Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ. Тогда онъ былъ еще свѣжимъ, весьма благообразнымъ юношей съ профилемъ, напоминавшимъ профиль Шиллера, съ голубыми глазами и съ какою-то тонко розлитой по всему лицу его восторженностью или меланхоліей. Я тотчасъ же съ нимъ заговорилъ, и мы сошлись. Онъ признался мнѣ, что пишетъ стихи; я признался, что пишу драму (совершенно мною позабытую) подъ заглавіемъ: «Вадимъ Новгородскій, сынъ Марѳы Посадницы». Григорьевъ жилъ за Москвой-рѣкой въ переулкѣ у Спаса въ Наливкахъ. Жилъ онъ у своихъ родителей, которые не разъ приглашали меня къ себѣ обѣдать. А Фетъ, студентъ того же университета, былъ ихъ постояннымъ сожителемъ, и комната его въ мезонинѣ была рядомъ съ комнатой молодого Григорьева. Аѳоня и Аполлоша были друзьями. Помню, что въ то время Фетъ еще восхищался не только Языковымъ, но и стихотвореніями Бенедиктова, читалъ Гейне и Гёте, такъ какъ нѣмецкій языкъ былъ въ совершенствѣ знакомъ ему (покойная мать его была нѣмкой еврейскаго происхожденія). Я уже чуялъ въ немъ истиннаго поэта и не разъ отдавалъ ему на судъ свои студенческія стихотворенія, и досадно мнѣ вспомнить, что я отдавалъ ихъ на судъ не одному Фету, но и своимъ товарищамъ и всѣмъ, кого ни встрѣчалъ, и при малѣйшемъ осужденіи или невыгодномъ замѣчаніи рвалъ ихъ. Почему-то мнѣ, крайне наивному юношѣ, казалось, что если стихи не совсѣмъ нравятся, то это и значитъ, что они никуда негодны. Разъ профессоръ словесности И. И. Давыдовъ, которому отдалъ я на просмотръ одно изъ моихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ «Душа», совершенно для меня неожиданно, во всеуслышаніе, прочелъ его на своей лекціи передъ большимъ сборищемъ студентовъ, наполнявшихъ не аудиторію, а залъ, который превращался въ аудиторію, когда студенты не одного факультета, а двухъ или трехъ собирались слушать одну и ту же лекцію. Я былъ и озадаченъ, и сконфуженъ публичнымъ похвальнымъ отзывомъ этого, далеко не всѣми любимаго, профессора. Какія же были послѣдствія? Послѣ лекціи окружила меня толпа студентовъ, и нѣкто Малиновскій, недоучившійся проповѣдникъ новыхъ философскихъ идей Гегеля, а потому и вліятельный, сталъ стыдить и уличать меня въ подражаніи Кольцову. Кромѣ размѣра, какъ мнѣ помнится, тутъ не было никакого подражанія; но для меня и этого уже было достаточно, чтобы истребить и навсегда забыть эту небольшую, лирическую пьесу, и она канула въ Лету.

Вскорѣ послѣ этого не совсѣмъ пріятнаго для меня событія, въ мою комнату вошелъ рослый красавецъ, студентъ, нѣкто Орловъ. Это былъ единственный сынъ всѣмъ тогда извѣстнаго М. Ф. Орлова, за свое знакомство и дружбу съ декабристами осужденнаго жить въ Москвѣ безвыѣздно, того самаго Орлова, который 25-ти лѣтъ былъ уже генераломъ и участвовалъ въ бородинскомъ бою, которому въ 1814 году Парижъ передалъ городскіе ключи, и братъ котораго, графъ Алексѣй Орловъ, былъ такимъ близкимъ человѣкомъ императору Николаю. Вошедшаго ко мнѣ

студента я видѣлъ уже на публичной лекціи Погодина стоящимъ у двери, такъ какъ всѣ мѣста были заняты публикой, и, не зная его фамиліи, невольно любовался имъ. Думалъ ли я, что этотъ самый Орловъ первый посѣтитъ меня и пригласитъ къ себѣ на квартиру съ тѣмъ, чтобы представить меня отцу и матери (урожденной Раевской), которые, прочтя мое стихотвореніе «Душа», сами пожелали со мною познакомиться? Съ тѣхъ поръ въ домѣ у Орловыхъ я сталъ какъ бы домашнимъ человѣкомъ, т.-е. могъ приходить во всякое время и даже ночевать у ихъ сына на постланномъ для меня диванѣ. Старикъ Орловъ такъ полюбилъ меня, что не разъ по вечерамъ, когда я прощался съ нимъ, благословлялъ меня. Вся тогдашняя московская знать, вся московская интеллигенція, какъ бы льнула къ изгнаннику Орлову; его обаятельная личность всѣхъ къ себѣ привлекала; когда-то, будучи военнымъ, онъ старался въ полку своемъ уничтожить наказаніе палками. Не даромъ же и Пушкинъ почтилъ его своимъ посланіемъ. Можете вообразить сами, какъ это расширило кругъ моего знакомства. Тамъ, въ этомъ домѣ впервые встрѣтилъ я и Хомякова, и профессора Грановскаго, только-что пріѣхавшаго изъ Германіи, и Чаадаева, и даже молодого Ив. Серг. Тургенева, который, прочитавъ въ записной книжкѣ моего пріятеля Ник. Мих. Орлова какое-то мое стихотвореніе, назвалъ его маленькимъ поэтическимъ перломъ. Кого не подкупятъ такіе отзывы, особливо въ такіе молодые годы! Я сталъ навѣщать Тургенева, не какъ писателя, а какъ молодого ученаго, который (по слухамъ) пріѣхалъ въ Москву изъ Берлина съ тѣмъ, чтобъ въ университетѣ занять каѳедру философіи. Ему, вѣроятно, и не вѣрилось, что философія была запретнымъ плодомъ и преслѣдовалась, какъ нѣчто вредное и совершенно лишнее для нашего общества.

Добавлю къ этому, что и на поэзію косилось наше университетское начальство, и когда я сталъ въ «Москвитянинѣ» помѣщать стихи свои, я никогда не подписывалъ своей фамиліи. Но шила въ мѣшкѣ не утаишь.

Мои шуточныя стихотворенія, приводимыя Фетомъ въ своихъ воспоминаніяхъ, очевидно, не нравились нашему доброму, нѣжно любимому инспектору, и Нахимовъ (Платонъ Степановичъ или Флаконъ Стаканычъ, какъ шутя называли его студенты) сталъ сбавлять мнѣ баллъ за поведеніе (т. е. вмѣсто 5 сталъ ставить 4).

Пока моя бабушка была жива, я былъ обезпеченъ, но и тогда денегъ у меня не было, я ходилъ въ университетъ пѣшкомъ и зимой въ самые сильные морозы въ одной студенческой шинели и безъ галошъ. Я считалъ себя уже богачомъ, если у меня въ жилетномъ карманѣ заводился двугривенный; по обыкновенію я тратилъ эти деньги на чашку кофе въ ближайшей кондитерской; въ то время не было ни одной кофейной, ни одной кондитерской, гдѣ бы ни получались всѣ лучшіе журналы и газеты, которыхъ не было и въ поминѣ у моей бабушки—*Отеч. Записки, Моск. Наблюдатель*, *Пантеонъ* и *Библіотека для чтенія*,—и я по цѣлымъ часамъ читалъ все, что въ то время могло интересовать меня.

Помню, какъ электризовали меня горячія статьи Бѣлинскаго объ игрѣ Мочалова. Болѣе всего славился онъ въ роли «Гамлета». Переводъ этой трагедіи, сдѣланный Н. Полевымъ, я зналъ наизусть. Это былъ переводъ далеко не подстрочный, но очень сценичный. Даже лишніе стихи, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ, какъ напр.:

«Взгляни, какъ все печально и уныло,
Какъ будто наступаетъ страшный судъ»,

были поразительно сильны въ устахъ вдохновеннаго актера. Часто посѣщать театръ я, однако, не могъ по недостатку средствъ, и Мочалова въ роли Гамлета видѣлъ только одинъ разъ: видѣлъ со всѣми достоинствами и недостатками игры его. Когда на сценѣ происходитъ игра заѣзжихъ актеровъ, и когда Гамлету становится очевиднымъ, какое страшное вліяніе производитъ на душу преступнаго короля повторенное на сценѣ убійство отца его, Гамлетъ во время этого представленія сидитъ у ногъ Офеліи и, какъ только взволнованный король уходитъ въ сопровожденіи всѣхъ своихъ придворныхъ, онъ вскакиваетъ, однимъ или двумя прыжками перебѣгаетъ на авансцену и съ дикимъ, злораднымъ хохотомъ восклицаетъ: «Оленя ранили стрѣлой!» Все это было бы очень смѣшно у другого актера, но Мочаловъ такъ былъ страшенъ въ эту минуту, что у меня волосы стали дыбомъ, и вся зрительная зала безмолвствовала, потрясенная силой такого необузданнаго чувства. Повторяю, такая игра, если бы она не была геніальна, была бы достойна всеобщаго осмѣянія. Послѣднее дѣйствіе прошло вяло, и Мочаловъ былъ уже неузнаваемъ. Это былъ уже не тотъ Мочаловъ, который съ такой горечью объяснялся съ своей матерью и закололъ подслушивавшаго ихъ Полонія.

II.

Кружокъ Станкевича.—Д. А. Ровинскій и его сестра Марья Александровна.—Смерть бабушки.—Скитаніе по квартирамъ.

О Бѣлинскомъ впервые услыхалъ я отъ Николая Александровича Ровинскаго, который еженедѣльно посѣщалъ меня. Ровинскій былъ близокъ къ кружку Станкевича, и для меня, наивно вѣрующаго, выросшаго среди богомольной и патріархальной семьи, былъ чѣмъ-то въ родѣ Тургеневскаго Рудина, былъ первымъ, который навелъ меня на иные вопросы, не давалъ мнѣ спать по ночамъ; я съ нимъ горячо спорилъ, но не могъ не сознавать его вліянія. Ровинскій былъ невысокаго роста, худощавый молодой человѣкъ лѣтъ подъ тридцать, большой добрякъ, нигдѣ не служилъ и былъ какъ бы въ пренебреженіи въ родной семьѣ: съ Ровинскимъ познакомилъ меня отецъ мой, который прибылъ въ Москву и поселился со мной на антресоляхъ въ одной и той же комнатѣ: отецъ мой, Петръ Григорьевичъ, былъ вдовцомъ и послѣ смерти старика Ровинскаго, бывшаго когда-то московскимъ полицмейстеромъ сталъ считаться женихомъ его старшей дочери, Маріи Александровны. Въ семьѣ Ровинскихъ принимали меня, какъ родного. Марія Александровна обладала удивительнымъ голосомъ и въ особенности превосходно пѣла:

«Не шуми ты рожь
Спѣлымъ колосомъ».

Елена Александровна была прелестной и постоянно задумчивой молодой дѣвушкой; романъ жизни ея былъ таковъ, что, когда передъ поступленіемъ своимъ въ монастырь она исповѣдывалась, игуменъ, который ее исповѣдывалъ, прослезился. Мать была разсчетлива и холодна къ своимъ дѣтямъ за исключеніемъ младшаго Дмитрія, который въ это время былъ еще правовѣдомъ и только на святки пріѣзжалъ изъ Петербурга въ Москву. Этого сына своего Ровинская обожала, да и самъ Дмитрій Александровичъ, будущій дѣятель, юристъ, сенаторъ, собиратель рѣдкихъ гравюръ и издатель дорого стоящихъ лубочныхъ картинокъ, гравированныхъ портретовъ замѣчательныхъ русскихъ людей и гравюръ Рембрандта, отличался въ свои юные годы такимъ независимымъ характеромъ, такъ былъ всегда энергиченъ и настой-

чивъ, что даже сильная характеромъ мать поневолѣ преклонялась передъ нимъ. Упомяну еще о поѣздкѣ, затѣянной Ровинской въ Ростовъ-монастырь къ мощамъ Димитрія Ростовскаго, къ Переяславскому озеру, затѣянной, какъ мнѣ кажется, для того, чтобъ еще больше сблизить съ отцомъ моимъ старшую дочь свою М. А. Непонятна мнѣ мечта ея непремѣнно видѣть отца моего своимъ зятемъ; но вмѣсто сближенія поѣздка эта послужила только предлогомъ къ разрыву: отецъ мой отказался отъ своего намѣренія, и изъ всѣхъ Ровинскихъ попрежнему заходилъ ко мнѣ, въ своемъ старомъ сюртукѣ и въ худыхъ сапогахъ, только тотъ же вѣчно философствовавшій Николай Александровичъ.

Онъ хотѣлъ познакомить меня съ Бѣлинскимъ, но успѣлъ только познакомить меня съ Иванъ Петровичемъ Клюшниковымъ, другомъ Бѣлинскаго и учителемъ исторіи Юрія Самарина. Что такое былъ Клюшниковъ, вамъ можетъ подсказать стихотворный, недоконченный романъ мой «*Свѣжее преданіе*». Тутъ онъ былъ мною выведенъ подъ именемъ Камкова, и, конечно, не фактическая жизнь играетъ тутъ главную роль, а характеръ и настроеніе Камкова. Какъ я слышалъ, самъ Клюшниковъ, дожившій до глубокой старости гдѣ-то въ харьковской губерніи, въ этомъ романѣ узналъ себя. Такъ я слышалъ отъ учителя русской словесности—Н. Старова, который посѣщалъ стараго учителя, въ его уѣздной глуши, и очень любилъ его.—Стихотвореніе:

«Мнѣ ужъ скоро тридцать лѣтъ,
«А меня никто не любитъ»

принадлежало перу Клюшникова. Онъ подъ своими стихами подписывалъ букву Ѳ. Въ то время по рукамъ ходило посланіе его къ Мочалову — упрекъ, смѣло брошенный ему въ лицо за всѣ его безобразія, несовмѣстныя съ его геніальнымъ сценическимъ талантомъ; оно было въ первый разъ напечатано, кажется, лѣтъ пятнадцать тому назадъ и въ «Русской Старинѣ». Но, конечно, не какъ поэтъ, а какъ эстетикъ и мыслитель, глубоко понимавшій и цѣнившій Пушкина, какъ знатокъ поэтическаго искусства, онъ не могъ своими бесѣдами не влять на меня.

Когда изъ университета я приходилъ домой къ обѣду, я нерѣдко заставалъ за обѣденнымъ столомъ, за который никогда не садилась моя бабушка, одну коренастую старуху, московскую нѣмку, набѣленную и нарумяненную, съ намазанными бровями, и не могъ иногда отъ души не хохотать надъ ней. Она была убѣждена, что въ университетѣ учатъ меня колдовству и чернокнижію, что я могу вызывать чертей, которые по ночамъ не даютъ ей покоя; она боялась раковъ, крестила свою тарелку и подальше отъ меня отодвигала свой приборъ. Это была одна изъ приживалокъ моей бабушки. Она то пропадала, то жила въ домѣ по цѣлымъ мѣсяцамъ. Смѣшонъ былъ разсказъ ея о томъ, какъ въ 1812 г. при французахъ она оставалась въ Москвѣ, и какъ хохотали надъ ней французскіе солдаты, когда она, въ отвѣтъ на ихъ заигрыванія съ нею, показывала имъ языкъ. Вообще въ домѣ моей бабушки не мало было курьезовъ.

Наконецъ бабушка моя опасно заболѣла и собралась умирать. Разъ, заглянувъ въ ея комнату, наканунѣ ея смерти, я увидѣлъ ее, и никогда не забыть мнѣ этой умирающей старухи: она съ ужасомъ оглядывалась по сторонамъ и, спуская съ постели голыя, дряблыя ноги, порывалась бѣжать, точно видѣла собственными глазами наступающую смерть и всѣ ея ужасы.

Пришлось мнѣ покинуть насижен-

ное мѣсто, и гдѣ, гдѣ я тогда въ Москвѣ не живалъ! Разъ, помню, нанялъ я какую-то каморку за чайнымъ магазиномъ на Дмитровкѣ и чуть-было не умеръ отъ угара; жилъ вмѣстѣ съ братомъ М. Н. Каткова, съ Меѳодіемъ, и у него встрѣчалъ ворчливую старуху—мать ихъ. Жилъ у француза Гуэ, фабриковавшаго русское шампанское, на Кузнецкомъ мосту; жилъ на Тверской въ меблированной комнатѣ у какой-то нѣмки, вмѣстѣ съ медицинскимъ студентомъ Бленъ-де-Балю, гдѣ впервые сошелся съ Ратынскимъ, большимъ охотникомъ до стиховъ. Онъ былъ моимъ сосѣдомъ и часто заходилъ ко мнѣ. Выручали меня грошовые уроки не дороже 50 коп. за урокъ, но просить о присылкѣ денегъ изъ Рязани мнѣ было совѣстно.

III.

Университетская жизнь.—Рѣдкинъ.—Полежаевъ.—Герценъ.—Мещерскіе. — Стихотвореніе: «Араратъ».—Село Лотошино.

Въ мое время въ университетѣ не было ни сходокъ, ни землячествъ, ни какихъ бы то ни было тайныхъ обществъ или союзовъ; все это, въ наше время, было немыслимо, несмотря на то, что полиція не имѣла права ни входить въ университетъ, ни арестовать студента. И все это нисколько не доказываетъ, что въ то время московскій университетъ былъ чуждъ всякаго умственнаго броженія, всякаго идеала. Напротивъ, мы всѣ были идеалистами, т. е. мечтали объ освобожденіи крестьянъ; крѣпостное право отживало свой вѣкъ, Россія нуждалась въ реформахъ, и когда на престолъ взошелъ гуманнѣйшій Александръ II-й, гдѣ нашелъ онъ наилучшихъ для себя помощниковъ по уничтоженію рабства и преобразованію судовъ, какъ не въ средѣ моихъ тогдашнихъ университетскихъ сотоварищей? Исторія оправдала наши молодыя стремленія. Къ сожалѣнію, въ то время никто не могъ ни печатно, ни даже изустно вслухъ высказывать ни надеждъ своихъ, ни соображеній по поводу предстоявшихъ реформъ. Броженіе умовъ было глухое, тайное, тогда какъ при большей гласности оно могло бы стать подготовительнымъ, и освобожденіе крестьянъ не застало бы, такъ сказать, врасплохъ наше русское, въ особенности, провинціальное общество. Въ университетѣ партій не было, но всякій понялъ бы ироническую замѣтку нашего любимаго профессора энциклопедіи права П. Г. Рѣдкина: «у насъ людей продаютъ, какъ дрова», и въ то же время всякій понялъ и сочувственно отнесся бы къ студенту К. Д. Кавелину, когда онъ говорилъ, что употребилъ слишкомъ полгода на то, чтобъ прочесть и понять одно только предисловіе къ философіи Гегеля. Я засталъ еще въ университетѣ кой-какія преданія о томъ, что когда-то было въ стѣнахъ его до пріѣзда новыхъ профессоровъ, сумѣвшихъ поселить въ молодежи любовь къ наукѣ. Въ мое время, во время лекцій я слышалъ только скрипъ перьевъ и ни малѣйшаго шума. Нѣкоторыя изъ лекцій, въ особенности лекціи Петра Григорьевича Рѣдкина, который читалъ намъ энциклопедію права, до такой степени возбуждали насъ, что, несмотря на запрещеніе, молодежь рукоплескала профессору, когда онъ заканчивалъ свою лекцію.

Не такъ было въ тѣ времена, когда профессора не имѣли на студентовъ ни малѣйшаго вліянія. Иногда зимой, когда лекціи читались при свѣчахъ и лампахъ, вдругъ все потухало, и аудиторія погружалась въ полный мракъ. Школьныя затѣи были довольно часты. Такъ, иногда вдругъ изъ отверстій, гдѣ помѣщались чернильницы, поднимались кверху зажженныя восковыя свѣчи къ немалому ужасу и удивленію

профессоровъ. Вспоминали при мнѣ какъ-то о Полежаевѣ. Разсказывали, что Полежаевъ отдалъ на разсмотрѣніе какому-то профессору свои стихи. Возвращая эти стихи автору, профессоръ сказалъ: «Полежаевъ, отъ твоихъ стиховъ кабакомъ пахнетъ».

— И не мудрено,—отвѣчалъ Полежаевъ:—они цѣлыхъ двѣ недѣли лежали у васъ!

Изъ числа славянофиловъ, въ томъ смыслѣ, какъ понимали ихъ Хомяковъ и Аксаковъ, я помню одного только Валуева, студента, подававшаго большія надежды и рано погибшаго отъ чахотки. Я уже тогда думалъ то, что и писалъ позднѣе въ «Свѣжемъ Преданіи».

«...Пока
Нашъ мужичокъ безъ языка,
Славянофильство невозможно
И преждевременно, и ложно».

Однажды у писателя А. Ѳ. Вельтмана встрѣтилъ я очень красиваго молодого человѣка съ такимъ интеллигентнымъ лицомъ, что въ его умѣ нельзя было сомнѣваться. Мы были втроемъ, и, между прочимъ, я съ большими похвалами отозвался о статьѣ Герцена, напечатанной подъ заглавіемъ: «Дилетантизмъ въ наукѣ». Они засмѣялись: «а вотъ передъ вами и самъ Герценъ—авторъ этой статьи»,—сказалъ мнѣ Вельтманъ. Тогда никто и не предчувствовалъ заграничныхъ статей этого самаго Герцена.

Въ началѣ одного лѣта отправился я на вакансіи въ волоколамскій уѣздъ (моск. губ.) въ село Лотошино, къ князю В. И. Мещерскому, по рекомендаціи Орлова, учить грамматикѣ младшихъ сыновей его: (Ивана, Николая и Бориса).

Князь Мещерскій и княгиня Наталія Борисовна, жена его, и единственная дочь, княжна Елена, принадлежали къ самому высшему московскому обществу. Въ зимнее время жили они въ собственномъ домѣ, близъ Страстного монастыря; много гостей и родственниковъ, пріѣзжавшихъ изъ Петербурга, посѣщало ихъ гостиную. Мещерскіе были сродни Карамзинымъ, и молодые Карамзины, сыновья знаменитаго историка, останавливались у нихъ во флигелѣ.

Въ ихъ усадьбѣ засталъ я гувернера и учителя нѣмецкаго языка И. Б. Клепфера, еще далеко не стараго нѣмца, воспитаннаго на нѣмецкихъ классикахъ: Шиллерѣ и Гёте. Онъ переписывался съ женой своей, оставшейся гдѣ-то въ Пруссіи, т.-е. посылалъ ей цѣлыя тетради и получалъ отъ нея разсужденія о второй части «Фауста»; помню, что, съ помощью ученаго Клепфера, я переводилъ лирическія стихотворенія Шиллера и Гёте. Одно изъ тогдашнихъ моихъ стихотвореній—«Араратъ» было отвезено въ Москву и появилось на страницахъ «Москвитянина» въ 1841 г. «Москвитянинъ» былъ тогда единственнымъ московскимъ журналомъ. «Наблюдатель» же по недостатку средствъ прекратилъ свое существованіе. Онъ былъ, какъ видно, далеко не по плечу тогдашней публикѣ за его поползновеніе философствовать. Помню, какъ острякъ Д. Т. Ленскій, актеръ, когда-то всѣмъ извѣстный, авторъ водевилей, искусный куплетистъ и переводчикъ Беранже, въ кофейной Бажанова взялъ въ руку пустую бутылку выпитаго шампанскаго и сказалъ:

«Въ смыслѣ такъ не философскомъ,
Съ чѣмъ тебя сравняю я?
Въ «Наблюдателѣ» московскомъ—
Философская статья!»

Въ эту кофейню заходилъ я также читать журналы и встрѣчалъ тамъ Щепкина, Живокини, молодого Садовскаго и др. Бѣлинскій, кажется, уже уѣхалъ тогда въ Петербургъ и сталъ участвовать въ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевскаго.

Я совершенно забылъ о существованiи стихотворенiя «Араратъ» и только на-дняхъ получилъ его изъ Москвы отъ Льва Ивановича Поливанова, при чемъ прочелъ и вовсе не пожалѣлъ, что оно не вошло въ общее собранiе моихъ стихотворенiй. Вотъ вамъ небольшой образчикъ:

«Стою я, неприкосновенный,
Уже пятидесятый вѣкъ;
Но вотъ отъ Запада, надменный,
Пришелъ властитель человѣкъ,
Потомокъ праведнаго Ноя —
Вездѣ, въ краяхъ полярныхъ зимъ,
Въ странахъ тропическаго зноя,
Природа рабствуетъ предъ нимъ.
Не вѣритъ онъ моимъ преданьямъ;
Наукѣ вѣру покоривъ,
Весь преданъ мертвымъ изысканьямъ,
Неутомимъ и горделивъ.
Онъ не почтилъ моей святыни;
Достигъ, презрѣвъ мертвящiй хладъ,
Вѣнца.—«Я безъ вѣнца отнынѣ»,
Сказалъ—и рухнулъ Араратъ...
И съ древнихъ стѣнъ Эчмiадзина,
Съ дороги, гдѣ протянутъ валъ,
И съ плоской кровли армянина,
Кричали: Араратъ упалъ!..
Казакъ на лошади крестился;
Черкесъ коня останавлялъ;
Еврей испуганно молился,
Смотря, какъ легкiй паръ клубился
Тамъ, гдѣ гигантъ вчера стоялъ.
И суевѣрно толковала
Разноплеменная страна;
И безотчетныхъ думъ полна,
Народамъ что-то предрекала...»

И откуда я взялъ, что Араратъ рухнулъ, послѣ того, какъ нашлись смѣльчаки, которые взобрались на его вершину! Прочелъ ли я объ этомъ гдѣ-нибудь или только слышалъ? Во всякомъ случаѣ, фактъ этотъ не заслуживаетъ довѣрiя, и все стихотворенiе построено на фантазiи, ничѣмъ не провѣренной.

Во время пребыванiя у князей Мещерскихъ, рѣдко получалъ я письма, но одно изъ нихъ, изъ Москвы, огорчило и потрясло меня: нѣкто студентъ медицинскаго факультета Маличъ, греческаго происхожденiя, писалъ мнѣ на клочкѣ бумаги, что остался безъ квартиры, ночуетъ на бульварныхъ скамейкахъ и, умирая съ голоду, гложетъ кости скелетовъ. Я немедленно послалъ ему все мое мѣсячное жалованье около 50 руб. и послалъ нарочно черезъ руки одного близкаго мнѣ знакомаго богатаго человѣка Геннади, также греческаго происхожденiя, чтобъ онъ, получивъ эти деньги, выдалъ ихъ М—чу (которому онъ протежировалъ) собственноручно; этимъ поступкомъ мнѣ хотѣлось уязвить его. Не доказываетъ ли это, что въ тѣ наивные годы моей юности я былъ гораздо лучше или добрѣе, чѣмъ во дни моего многоопытнаго мужества и суровой старости?

Приближалась осень, но дни стояли теплые. 26-го августа былъ именинный день княгини: съ утра прiѣзжали сосѣди поздравлять ее. Былъ большой обѣденный столъ, наступилъ темный вечеръ, передъ домомъ—на широкой зеленой площадкѣ, переполненной группами мужиковъ, бабъ и ребятишекъ, зажгли фейерверкъ, и вдругъ одна ракета, вмѣсто того, чтобъ полетѣть вверхъ, полетѣла въ сторону по направленiю къ деревнѣ, зарылась въ солому и подожгла кровлю. Черезъ полчаса пылала почти-что вся правая сторона деревни; народъ бросился спасать свои пожитки; послышались стоны и вопли женщинъ; на пожарѣ распоряжался князь Борисъ Васильевичъ, старшiй сынъ хозяина. Застучали топоры, откуда-то прискакали какiе-то пожарные съ двумя трубами. Я видѣлъ, какъ обносили икону, и, когда возвращался въ домъ, меня поражала пустота ярко освѣщенныхъ комнатъ; только одна княгиня, взволнованная, блѣдная, стояла на балконѣ. Къ утру пожаръ затихъ; дымились только обугленные остатки избъ, да торчали закоптѣлыя печи. Князь обѣщалъ крестьянамъ на свой счетъ поставить новыя камен-

ныя избы и сдержалъ свое слово. Вскорѣ послѣ этого страшнаго событія, Клепферъ и я съ моими учениками выѣхали въ Москву, но не прошло и двухъ недѣль, какъ они были обратно вызваны въ Лотошино на панихиду или на похороны ихъ матери: княгиня не вынесла такого потрясенія, заболѣла горячкой и умерла.

IV.

Графиня Растопчина и К. К. Павлова.—А. И. Тургеневъ и А. Ѳ. Вельтманъ.—Ап. Григорьевъ и Фетъ.—Ю. Самаринъ.—Лермонтовъ.

Въ Москвѣ я поселился на время въ домѣ Мещерскихъ; и тутъ впервые встрѣтилъ я поэтессу графиню Растопчину. Она была еще молода, очень мила и красива. Меня попросили прочесть ей мое стихотвореніе «Ангелъ», и я прочелъ его.

Изъ числа моихъ стихотвореній наибольшій успѣхъ выпалъ на долю моей фантазіи «Солнце и мѣсяцъ», приноровленной къ дѣтскому возрасту: его заучивали наизусть, въ особенности дѣти. Другая русская поэтесса, Каролина Карловна Павлова (урожденная Янишъ), тоже знала его наизусть. Память ея была замѣчательная, и голова ея была чѣмъ-то въ родѣ поэтической хрестоматіи, не однихъ русскихъ стиховъ, но и французскихъ, и нѣмецкихъ, и англійскихъ. Мужъ ея, Н. Ф. Павловъ, когда-то крѣпостной человѣкъ, вышелъ въ люди тоже благодаря своимъ далеко не дюжиннымъ способностямъ, конечно, женился онъ по расчету, такъ какъ дѣвица Янишъ, была очень богата, но не хороша собой и старообразна. Книжка, изданная Павловымъ подъ заглавіемъ «Три повѣсти», имѣла успѣхъ, благодаря своей тенденціи или тонкому намеку на ненормальность и безвыходность положенія для всякаго, сколько-нибудь способнаго человѣка, состоящаго въ полномъ рабствѣ и зависимости отъ господъ своихъ. У Павловыхъ впервые встрѣтился я съ Юріемъ Самаринымъ. Онъ былъ очень молодъ и смѣшилъ хозяйку; но я не смѣялся, такъ какъ не понималъ его и не зналъ, кого онъ такъ мастерски передразниваетъ. Самаринъ среди дамъ и свѣтскаго общества былъ далеко не таковъ, какимъ я встрѣчалъ его въ обществѣ Хомякова, Погодина, Грановскаго, Чаадаева и др. Тогда какъ Конст. Аксаковъ, наоборотъ, гдѣ бы онъ ни былъ, былъ постоянно одинъ и тотъ же: горячо стоялъ за свои убѣжденія и былъ безпощаденъ. Не могу забыть, какъ въ гостиной Ховриной онъ провозгласилъ, что бракъ не долженъ быть по любви, и какъ я мысленно не соглашался съ нимъ. У Павловыхъ же впервые познакомился я съ Ал. Ив. Тургеневымъ, рѣдкимъ гостемъ, которому дозволено было побывать въ Москвѣ. Онъ постоянно жилъ въ Парижѣ, куда отправился незадолго до восшествія на престолъ Николая I и былъ заподозрѣнъ въ сношеніи съ декабристами.

Въ гостиную Павловыхъ вошелъ онъ въ шерстяномъ шарфѣ (дѣло было зимою). Это былъ старикъ, высокаго роста, замѣтно привыкшій ко всякому обществу; пріѣхалъ онъ къ Павловой спросить ее, когда онъ можетъ прочесть ей отрывки изъ воспоминаній Шатобріана, которые, по его завѣщанію, не могли быть напечатаны раньше извѣстнаго срока (не помню какого) послѣ его смерти. Тургеневъ списалъ ихъ въ домѣ г-жи Рекамье и рукопись привезъ въ Москву; онъ остался пить чай и былъ очень интересенъ; онъ былъ такъ любезенъ, что въ своихъ саняхъ довезъ меня до моей квартиры. Съ тѣхъ поръ я уже и не видалъ его, и черты лица его давно уже стушевались въ моей памяти.

Наиболѣе выдающимся стихотворе-

ніемъ Н. Ф. Павлова былъ романсъ, когда-то положенный на музыку:

«Не называй ее небесной
И отъ земли не отрывай».

Замѣчательно, что многіе изъ числа тогдашнихъ литераторовъ, вовсе не слывшіе за поэтовъ, обмолвились превосходными стихотвореніями. Вся Россія знала и пѣла:

«Что затуманилась зоренька ясная,
Пала на землю росой».

И весьма немногіе знали, что авторомъ этого стихотворенія былъ Вельтманъ. Пѣсня эта была кѣмъ-то переведена въ Крыму на татарскій языкъ; и татары считали ее своей народной пѣсней.

А. Ѳ. Вельтманъ былъ уже пожилымъ человѣкомъ, съ небольшой лысиной и просѣдью въ волосахъ; настолько же умный, насколько и добрый, онъ занималъ мѣсто директора оружейной палаты. Какъ знатокъ и любитель рѣдкихъ древностей и какъ человѣкъ образованный, онъ зналъ всѣ славянскіе языки, изучалъ исторію Богеміи, но едва ли былъ славянофиломъ. Я во всякое время могъ заходить къ нему, и если онъ былъ занятъ за своимъ письменнымъ столомъ, я съ книгою въ рукахъ садился на диванъ и безмолвствовалъ.

Казенная квартира его была велика, и тихо было у него въ домѣ; онъ жилъ со своею молоденькой дочерью. Мнѣ было досадно, что эта милая дѣвушка была далеко не изъ тѣхъ, которыя могли бы пробуждать мечты мои; влюбиться въ нее не помогала мнѣ даже моя фантазія, но въ это время я никого не любилъ и чувствовалъ пустоту въ своемъ сердцѣ; ходить же съ пустымъ сердцемъ было для меня скучно. Я предпочелъ бы страдать. Странно, въ провинціальной Рязани, когда я былъ еще гимназистомъ, не мало встрѣчалъ я замѣчательныхъ красавицъ и ни одной въ Москвѣ! Миловиднѣе всѣхъ была Елена Александровна Ровинская, блондинка съ отпечаткомъ на лицѣ какой-то меланхоліи и тайнаго страданія, точно какую-то рану носила она въ душѣ своей.

Мое стихотвореніе «Пришли и стали тѣни ночи» было написано мной въ такое время, когда я былъ еще цѣломудренъ, какъ Іосифъ. Фантазія, подсказывая мнѣ только то, что могло бы быть, подсказала мнѣ и это стихотвореніе; оно было послано мною Бѣлинскому и напечатано имъ въ «Отечественныхъ Запискахъ»; это было второе уже стихотвореніе въ этомъ журналѣ; первое же было: «Священный благовѣстъ торжественно звучитъ».

Быть-можетъ вы спросите меня, что давали мнѣ мои стихотворенія?—Ровно ничего—ни одной копейки; мнѣ даже и въ голову не приходила мысль о гонорарѣ; высшей наградой для меня было самоудовлетвореніе или похвала такихъ товарищей, какъ Фетъ и Григорьевъ. Помню, Григорьевъ не разъ повторялъ мнѣ какіе-то два стиха мои:

«Дунетъ вѣтеръ, черный локонъ
Ляжетъ по вѣтру.—Пора!»

Но откуда это? Я безпрестанно терялъ и забывалъ стихи свои. Вотъ что еще я помню объ Ап. Алекс. Григорьевѣ.

Онъ любилъ музыку, но дурно игралъ на роялѣ и такъ же, какъ и всѣ мы, восхищался Мейерберомъ. Адскій вальсъ изъ «Роберта-дьявола» въ полномъ смыслѣ слова потрясалъ Григорьева. Родители его охотно отпускали его въ театръ, куда онъ ѣздилъ въ сопровожденіи Фета, но не къ товарищамъ. Старушка, мать его, держала его какъ бы на привязи; онъ никуда не выѣзжалъ безъ ея соизволенія. У меня бывалъ онъ рѣдко и оставался у меня обыкновенно только до 9 часовъ вечера; на дворѣ или

за воротами постоянно ожидали его пошевни, и никогда я не могъ уговорить его остаться у меня дольше. «Нельзя», — говорилъ онъ, спѣшилъ проститься и уѣзжалъ.

Что касается до его внутренней жизни, то въ первые дни нашего знакомства онъ нерѣдко приходилъ въ отчаяніе отъ стиховъ своихъ, записывалъ свои философскія воззрѣнія и давалъ мнѣ ихъ читать. Это была какая-то смѣсь метафизики и мистицизма. Передъ праздниками ходилъ онъ въ церковь къ всенощной и разъ, когда онъ, ставши на колѣна, до самаго пола преклонилъ свою голову, онъ услыхалъ надъ самымъ ухомъ шопотъ Фета, который, пробравшись въ церковь незамѣтно, всталъ рядомъ съ нимъ на колѣна, также опустилъ свою голову и сталъ издѣваться надъ нимъ, какъ Мефистофель.

Григорьевъ глубоко вѣрилъ въ поэтическій талантъ своего пріятеля, завидовалъ ему и приходилъ въ восторгъ отъ лирическихъ его стихотвореній. Но юный Фетъ, который бывало говорилъ мнѣ: «Къ чему искать сюжета для стиховъ; сюжеты эти на каждомъ шагу,—брось на стулъ женское платье или погляди на двухъ воронъ, которыя усѣлись на заборѣ, вотъ тебѣ и сюжеты»,—все же иногда выходилъ изъ своей роли и писалъ очень рѣзкіе куплетцы, подсказываемые злобой дня.

Рядомъ сомнѣній можно придти къ отрицанію, но самое сомнѣніе еще не есть отрицаніе. Разъ въ университетѣ встрѣтился со мною Аполлонъ Григорьевъ и спросилъ меня:—«Ты сомнѣваешься?»—«Да»,—отвѣчалъ я.—«И ты страдаешь?»—«Нѣтъ».—«Ну, такъ ты глупъ»,—промолвилъ онъ и отошелъ въ сторону. Это нисколько меня не обидѣло. Я былъ искрененъ и сказалъ правду; мои сомнѣнія были еще не настолько глубоки и сознательны, чтобъ доводить меня до отчаянія. Къ тому же, я былъ разсѣянъ, меня развлекали новыя встрѣчи, занимали задачи искусства, восхищалъ Лермонтовъ, который сразу овладѣлъ всѣми умами.

Я мало встрѣчалъ людей, которые не преклонялись бы передъ силою его поэтическаго генія. Тургеневъ, прочитавъ «Героя нашего времени», при мнѣ называлъ книгу эту новымъ откровеніемъ. К. Д. Кавелинъ — нашъ извѣстный юристъ и будущій профессоръ, наизусть заучивалъ стихи его. «Вотъ человѣкъ», говорилъ онъ о Лермонтовѣ съ восторгомъ:—«вотъ человѣкъ, который на всю Россію тоску нагналъ». Ю. Самаринъ говорилъ о Лермонтовѣ: «неужели онъ до сихъ поръ еще не сознаетъ своего великаго призванія?»

О смерти Лермонтова узналъ я въ Лотошинѣ—у князей Мещерскихъ; я былъ и пораженъ, и огорченъ этой великой потерей, не для меня только, но и для всей Россіи. Но если Лермонтовъ былъ глубоко-искрененъ, когда писалъ: «И скучно, и грустно, и некому руку подать»—я бы лгалъ на самого себя и на другихъ, если бы вздумалъ написать что-нибудь подобное.

V.

Помѣщикъ Мосоловъ.—В. И. Классовскій.—Писемскій.—Д. Л. Крюковъ.

При переходѣ изъ перваго курса на второй, я лѣтомъ отправился на родину, въ Рязань. Но у моихъ тетокъ Кавтыревыхъ я уже не могъ ужиться. Онѣ казались мнѣ хоть и добрыми, но глупыми и суевѣрными. Откровенно говорить съ ними уже было невозможно: въ каждомъ словѣ моемъ онѣ заподозрили бы ересь или безнравственность. Я воспользовался приглашеніемъ помѣщика Мосолова и въ тарантасѣ, который онъ прислалъ

за мной, отправился къ нему въ имѣніе; у него, въ новомъ домѣ, учителемъ дѣтей его былъ на это лѣто нѣкто В. И. Классовскій.

Это былъ знатокъ древнихъ языковъ. Онъ не мало путешествовалъ, въ особенности по Италіи, много читалъ и зналъ; голова его была цѣлая энциклопедія; мастеръ онъ былъ говорить и ясно, весело передавалъ каждую мысль свою. Въ Петербургѣ онъ давалъ уроки Наслѣднику Цесаревичу и дѣтямъ Великой Княгини Маріи Николаевны; съ ранняго утра до поздней ночи ѣздилъ онъ по урокамъ, и не дешево платили ему, такъ какъ, за недостаткомъ времени даже людямъ богатымъ ему приходилось отказывать. Несомнѣнно, что къ Мосолову рѣшился онъ ѣхать только за тѣмъ, чтобы отдохнуть въ деревнѣ отъ многотрудной, холостой своей жизни. О чемъ, о чемъ не писалъ онъ и не печаталъ, начиная съ грамматики и кончая его афоризмами о женщинахъ? Одни его комментаріи къ латинскимъ классикамъ—трудъ не маловажный. И что же? Имя этого человѣка прошло безслѣдно, точно его и не было.

Отъ Мосолова (если не ошибаюсь) я отправился къ своему товарищу по гимназіи студенту Барятинскому, который жилъ въ имѣніи зятя своего, князя Барятинскаго. Очень хорошъ былъ собой Барятинскій, но красота сестры его, княгини была поразительна. Это была очень простая и милая женщина; добрая улыбка не сходила съ лица ея; я и прежде, въ Рязани, слыхалъ о ней, но никогда не видалъ. У Барятинскихъ засталъ я директора рязанской гимназіи Н. Семенова, который, кажется, затѣмъ и поѣхалъ къ нимъ, чтобъ полюбоваться на красоту хозяйки. На нее смотрѣлъ я съ затаеннымъ, почти религіознымъ благоговѣніемъ. Можно восторженно смотрѣть на Сикстинскую Мадонну, но развѣ возможно влюбиться въ нее или за ней ухаживать? Странная судьба постигла всю ихъ семью: въ одинъ годъ умерли ея дѣти; затѣмъ умерла она, и добрый князь, мужъ ея, не въ силахъ былъ пережить ее. У Барятинскихъ провелъ я не болѣе, какъ дня три или четыре. Товарищъ мой увезъ меня верстъ за 30-ть къ людямъ мнѣ совершенно незнакомымъ. Пріѣхали мы незадолго до ужина, и вотъ что̀ я помню: ужинъ былъ во флигелѣ, чтобъ говоръ и шумъ гостей не безпокоилъ хозяйку-помѣщицу. Во время ужина около стола ходилъ шутъ, въ бумажномъ колпакѣ, и смѣшилъ гостей своими прибаутками. У меня разболѣлась голова, и я ушелъ спать въ отведенную мнѣ комнату. Ночью разбудили меня звуки гитары: сынъ хозяйки, курчавый молодой человѣкъ лѣтъ около 30-ти, артистически владѣлъ гитарою. Я не вытерпѣлъ, одѣлся и присоединился къ другимъ гостямъ, чтобъ слушать удивительную игру его. Но и его судьба тоже была достойна удивленія: у одного изъ своихъ сосѣдей онъ похитилъ дочь и, страстно влюбленный, повѣнчался съ ней. Но не прошелъ еще и медовый мѣсяцъ, какъ жену его похитилъ ея отецъ и сталъ держать ее подъ такимъ карауломъ, что не было возможности молодому мужу даже и повидаться съ ней. Вотъ какіе были тогда нравы!

Осенью къ началу лекцій вернулся я въ Москву и остановился въ небольшой квартирѣ нѣкоего М. Е. Кублицкаго, товарища моего дѣтства, тоже окончившаго курсъ въ рязанской гимназіи.

Вспомнилось мнѣ мое пребываніе у Кублицкаго, и потянулись другія воспоминанія. Припоминается мнѣ, что Писемскій былъ въ одно время со мною въ университетѣ, но товари-

щемъ моимъ не былъ. Встрѣчались мы рѣдко. Это былъ небольшого роста молодой человѣкъ съ испитымъ лицомъ и темными, проницательными глазами. Въ послѣдній разъ, проходя черезъ чей-то дворъ, видѣлъ я его въ раскрытое окно, среди студентовъ, игравшихъ въ карты. Вѣроятно, это была его квартира, такъ какъ онъ сидѣлъ въ какомъ-то тулупѣ съ взъерошенными волосами и съ длиннымъ чубукомъ въ рукѣ. Писемскій разсказывалъ потомъ, будто бы я, подойдя къ окну, воскликнулъ: «Что это вы сидите въ комнатѣ: ночь лимономъ и лавромъ пахнетъ». Полагаю, что этой шуткой онъ хотѣлъ въ то время охарактеризовать меня. Въ то время бывалъ у меня и еще одинъ студентъ-филологъ, нѣкто Студицкій. Онъ былъ въ то же время и математикомъ. Разъ приносилъ онъ мнѣ какія-то вычисленія, доказавшія ему возможность дѣлать золото. Увѣренность его въ этомъ была непоколебима. Онъ уже приступилъ къ практическому выполненію своей задачи и увѣрялъ меня, что хоть онъ и получилъ крупицу чистаго золота, но что досталась ему она не дешево. Онъ указывалъ мнѣ даже на опустѣлый аристократическій домъ на Пречистенкѣ, увѣряя меня, что онъ его купитъ, перестроитъ и роскошно отдѣлаетъ. Звалъ меня жить съ собой. Все это казалось мнѣ воздушными замками, но я все-же не могъ ему не сочувствовать. Это былъ высокій, мѣшковатый, небрежно одѣтый студентъ, постоянно восторженный. Онъ все отыскивалъ новыя поэтическія дарованія и въ особенности хвалилъ мнѣ нѣкоего Карелина, пророча ему блистательную будущность. Онъ написалъ о Пушкинѣ статейку, которая и была когда-то мной переписана, и читалъ мнѣ съ восторгомъ переводъ нѣкоего Н. Ш. изъ Байрона. Переводъ этотъ, такъ же, какъ и стихотворенія Карелина, были помѣщены въ сборникѣ «Подземные ключи».

Помню я и еще одного студента, котораго занимали богословскіе вопросы, и который, какъ кажется, собирался поступить въ монахи. Профессоромъ богословія былъ у насъ священникъ университетской церкви Тарновскій, человѣкъ строгій, на видъ гордый и недоступный. И что же? Однажды не успѣлъ онъ кончить лекціи, какъ вышеупомянутый студентъ сталъ передъ его каѳедрой и попросилъ позволенія сдѣлать замѣчанія на счетъ его лекціи. Тарновскій изумился, но позволилъ ему возражать себѣ. Минутъ двадцать продолжался этотъ курьезный диспутъ. Помню худое, постное лицо этого студента, но, къ сожалѣнію, забылъ его фамилію.

Въ мое время студенты должны были сами записывать и приводить дома въ порядокъ выслушанныя ими лекціи. Для этой работы былъ у меня товарищъ, тоже бывшій гимназистъ рязанской гимназіи, нѣкто Мартыновъ. Мы садились рядомъ, и, если я не поспѣвалъ за словами профессора, я толкалъ его локтемъ, и онъ продолжалъ записывать дальше. На 1-мъ курсѣ съ особеннымъ интересомъ посѣщалъ я лекціи профессора древней исторіи Д. Л. Крюкова. Онъ началъ свою исторію съ древнѣйшихъ временъ *Китая*, указывая на особенности первобытнаго китайскаго міросозерцанія. Страннымъ казалось мнѣ, что китайцы, перечисляя стихіи, вслѣдъ за *землей*, упоминали *горы*. Крюковъ читалъ блистательно; это былъ одинъ изъ талантливѣйшихъ нашихъ ученыхъ. Онъ насъ увлекалъ; не даромъ и Фетъ почтилъ его стихотвореніемъ, подъ заглавіемъ: «Памяти Д. Л. Крюкова». Но увы! лекціи эти скоро должны были прекратиться. Онъ заболѣлъ неизлѣчимой и страшной болѣзнью: размягченіемъ мозга. Разъ я встрѣтилъ его на

улицѣ: онъ былъ страшно блѣденъ, и его вели подъ руку.

Нисколько не жалуюсь на то, что въ Москвѣ не было у меня ни семейнаго очага, ни постоянной квартиры и ничего, кромѣ дорожнаго стараго чемодана. Были студенты, которые испытывали не только бѣдность, но и нищету; они жили въ окрестностяхъ Москвы и въ университетъ ходили по очереди, такъ какъ у двоихъ была одна только пара сапогъ. Что за бѣда, что я жилъ гдѣ придется. Жилъ я и съ Барятинскимъ, и въ одной изъ трехъ небольшихъ чистенькихъ комнаткахъ у князя Мансырева, и гдѣ-то въ переулкѣ близъ Остоженки, и у г-на Брокъ, всѣмъ тогда въ Москвѣ извѣстнаго акушера, брата министра финансовъ, въ подвальной комнаткѣ, платя сестрѣ его, Генріетѣ Ѳедоровнѣ, за квартиру и столъ 15 руб. ассигнаціями въ мѣсяцъ. Но судьба, которая рано познакомила меня съ нуждой, одарила меня другимъ благомъ—друзьями, о которыхъ умолчать было бы великою неблагодарностью къ ихъ памяти. Ни молодой Орловъ — добрый малый, но часто безтактный, который невольно иногда оскорблялъ меня, да и самому себѣ вредилъ своей безтактностью; ни Барятинскій, ни мой рязанскій сосѣдъ и товарищъ дѣтства Кублицкій, ни князь Мансыревъ—не были въ числѣ друзей моихъ.

VI.

Студенческій сборникъ: «Подземные Ключи». — Чиновничья карьера. — Любовь. — «Дзяды» Мицкевича. — Сомнѣнія. — Поэма «Страшный Судъ».

Князь Мансыревъ студентомъ не былъ; онъ былъ смуглъ, черноволосъ, какъ цыганъ, и приземистъ; онъ чуждался свѣта, былъ молчаливъ, никогда не высказывался и жилъ просто, даже бѣдно, несмотря на свое состояніе. Одно, что онъ любилъ, это—литературу; онъ былъ прирожденный эстетикъ; если не ошибаюсь, онъ писалъ стихи, но никому не читалъ ихъ; онъ сошелся со мной потому, что задумалъ издать студенческій сборникъ, который и вышелъ подъ заглавіемъ (мною придуманнымъ) «*Подземные Ключи*»; тамъ подъ буквою П были и мои еще крайне не зрѣлыя стихотворенія. Между ними было помѣщено и начало какой-то испанской драмы подъ заглавіемъ *Ханизаро*.

Въ это же время моей настольной книгой была «Les livres sacrés de l'orient». Тамъ былъ и коранъ Магомета, но съ кораномъ я былъ знакомъ и раньше по переводу съ англійскаго языка, сдѣланному чуть ли не при Екатеринѣ II, съ примѣчаніями и толкованіями почти что на каждой страницѣ. Эпитетъ «*всепревозмогающій*» заимствовалъ я изъ этого перевода. Вполнѣ убѣжденный, что Магометъ не былъ шарлатаномъ, а человѣкомъ, искренно повѣрившимъ въ свои галлюцинаціи, я затѣялъ драматическую поэму «Магометъ», гдѣ дѣйствующими лицами были между прочимъ: кромѣ Магомета, Абу-Талебъ, который далъ ему оплеуху, Омаръ, племянникъ его Али, Кадишо и Айша. До сихъ поръ гдѣ-то сохранилось у меня начало этого произведенія, отрывки же изъ него вошли въ полное собраніе моихъ стихотвореній: «Изъ корана» и «Монологъ Магомета».

— Ты не напишешь трагедіи, — сказалъ мнѣ князь Мансыревъ.

— Почему?

— Да потому, что ты сановникъ, для драмы нуженъ другой темпераментъ.

— Можетъ-быть, — отвѣчалъ я: — но почему я сановникъ?

— Такое у тебя лицо.

Не помню, какое было у меня тогда лицо, казался ли я румянымъ или только загорѣлымъ отъ вѣтра и солнца,

но, какъ бы то ни было, князь Мансыревъ былъ правъ: темпераментъ играетъ большую роль въ томъ направленіи, какое выпадаетъ на долю писателя...

Мансыревъ и не думалъ о томъ, чтобъ поступить на службу въ качествѣ чиновника; таковъ же былъ и Кублицкій, таковъ же былъ и князь В. А. Черкасскій. До тѣхъ поръ, пока не предложили ему мѣсто въ коммиссіи по устройству освобождаемыхъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, Черкасскій не состоялъ на службѣ. Мечтать о служебной карьерѣ или засѣдать вмѣстѣ съ героями, выведенными Гоголемъ, вовсе не составляло отличительной черты тогдашняго интеллигентнаго молодого поколѣнія. Объ обязательной военной службѣ не было еще и помину, и тотъ, кто владѣлъ хоть какими-нибудь средствами, не думалъ ни о чинахъ, ни о наградахъ. Такихъ мечтаній не было и у меня, несмотря на то, что я и самъ не зналъ, чѣмъ я буду жить и какова моя будущность. Какъ часто въ то время, если только не обѣдалъ я у кого-нибудь изъ числа моихъ знакомыхъ, я въ трактирѣ Печкина проѣдалъ 20 коп., заказывая себѣ подовой пирожокъ, политый чѣмъ-то въ родѣ бульона. Случалось иногда и совсѣмъ не обѣдать, довольствуясь чаемъ и 5-ти-копеечнымъ калачомъ.

Въ любви у меня не было счастья, потому ли что я глупѣлъ и терялся, когда любилъ, или потому, что не было и повода платить мнѣ взаимностью: я былъ далеко не красавецъ, очень бѣденъ и вдобавокъ имѣлъ глупую привычку стихи писать; но были у меня преданные друзья, до самаго гроба сохранившіе ко мнѣ привязанность. Таковы были студентъ математическаго факультета Игнатій Уманецъ и Сергѣй Воробьевскій. Къ сожалѣнію, взвѣшивая свои способности въ университетѣ, я не могъ поступить на филологическій факультетъ; на изученіе иностранныхъ языковъ у меня не хватало памяти. Я поступилъ въ юристы и на юридическомъ факультетѣ вмѣсто четырехъ лѣтъ пробылъ въ немъ пять. На цѣлый годъ отсталъ отъ Григорьева и очутился среди иныхъ товарищей, между которыми были князь Черкасскій, Есиповъ и Ратынскій. Моимъ любимымъ профессоромъ былъ П. Г. Рѣдкинъ. Философская подкладка энциклопедіи права, которую онъ читалъ на первыхъ курсахъ, въ особенности была для меня привлекательна. Охотно слушалъ я и исторію среднихъ вѣковъ у Грановскаго, и исторію русскаго права у Ѳ. Л. Морошкина. Но что не давалось мнѣ, это—римское право; оно положительно было не про меня писано. Я не умѣлъ долбить, а многотомныя лекціи Крылова нужно было знать чуть не наизусть, такъ какъ изъ нихъ, какъ изъ математической формулы, ничего нельзя было выпустить. При переходѣ съ третьяго курса на четвертый, Крыловъ поставилъ мнѣ двойку. Я прекратилъ экзамены и, сконфуженный, уѣхалъ въ Рязань. Въ послѣдніе годы моего пребыванія въ университетѣ, мнѣ было и не до того, чтобъ углубляться въ пандекты или читать кодексъ Юстиніана. Что-то недоброе стало скопляться въ душѣ моей; происходила страшная умственная и нравственная ломка. Я сталъ сомнѣваться въ своемъ собственномъ существованіи. Дѣйствительно ли существуютъ люди, солнце и звѣзды, все, что я вижу и слышу, или все это только снится мнѣ? Помню, какое потрясающее впечатлѣніе произвело на меня лирическое стихотвореніе въ «Дзядахъ» Мицкевича, гдѣ говорится о ничтожности нашего земного бытія, среди безначальнаго прошлаго и безконечнаго будущаго, и какъ ничтожно

наше время въ сравненіи съ вѣчностью. Въ это переходное время моего умственнаго развитія я сталъ писать нѣчто въ родѣ поэмы, рисуя замирающую жизнь на нашей планетѣ и вымираніе пресыщеннаго человѣчества. Гордое и когда-то самонадѣянное, все это человѣчество съ ума сошло, обезумѣло и въ этомъ безуміи, полное болѣзненныхъ галлюцинацій, слышитъ трубные звуки архангеловъ и видитъ страшный судъ. Я не могъ всего этого дописать, мало того, я старался всячески забыть мое произведеніе. Меня стали преслѣдовать и какъ бы жечь мозгъ мой собственные стихи мои, и я боялся съ ума сойти. Разъ ночью, въ полузабытьи, мнѣ казалось, что душа моя отдѣлилась отъ тѣла и я вижу свой собственный трупъ. Очнувшись подъ утро, я увидѣлъ: около моей постели на стулѣ горитъ свѣча;— я забылъ на ночь потушить ее. Наконецъ я рѣшился отправиться къ профессору анатоміи Севрюкову, засталъ его дома и откровенно сознался ему, что боюсь съ ума сойти. Онъ сталъ меня успокаивать и сказалъ мнѣ: «Не безпокойтесь, тотъ, кто боится съ ума сойти, съ ума не сходитъ». И затѣмъ прописалъ мнѣ какія-то успокоительныя капли. Ап. Григорьеву я, почему-то, ни слова не сказалъ о состояніи души моей, и принялъ твердое намѣреніе найти выходъ, такъ или иначе разрѣшить тѣ вопросы, которые въ то время возникали въ головѣ моей, или постараться забыть ихъ,—заняться чтеніемъ болѣе серьезныхъ книгъ, и вмѣстѣ съ Игнатіемъ Уманцемъ попрежнему слѣдить за всѣмъ, что появляется новаго и хорошаго въ русской литературѣ. Помню, какъ вмѣстѣ съ нимъ читалъ я въ какомъ-то журналѣ переводъ Сушкова драмы Шекспира *Буря*, и какъ Калибанъ, это животное, въ уродливомъ человѣческомъ видѣ, смѣшилъ насъ. Въ моихъ отношеніяхъ къ Уманцу ничего не было сентиментальнаго. Родился онъ въ Крыму, гдѣ между татаръ провелъ свое дѣтство. Это былъ, какъ говорится—душа-человѣкъ, честный, прямой и не притязательный. Ни онъ меня не называлъ своимъ другомъ, ни я его. Но по какому-то странному сродству душъ, въ которомъ сомнѣвался Лермонтовъ, — Уманца влекло ко мнѣ, меня къ нему, и мы еженедѣльно по нѣскольку разъ видѣлись. Онъ былъ гораздо практичнѣе, благоразумнѣе, чѣмъ я; но никогда я не слыхалъ отъ него наставительнаго тона. Иногда только шутя и какъ бы намеками, съ большимъ тактомъ предостерегалъ онъ меня отъ увлеченій, и я не говорилъ ему о своей нелѣпой поэмѣ «Страшный судъ» (я такъ трусилъ моего собственнаго произведенія, что не хотѣлъ и вспоминать о немъ). Не говорилъ я и о томъ, какія мысли иногда мѣшали мнѣ спать, по милости моей нервной впечатлительности. Мнѣ все казалось, что человѣкъ съ здравымъ смысломъ непремѣнно осмѣетъ меня, какъ фантазера или психопата. Но слѣдъ тѣхъ испытанныхъ мною нравственныхъ потрясеній остался на стихахъ моихъ. Я былъ вполнѣ искрененъ, когда писалъ:

«И я сынъ времени, и я
Былъ на дорогѣ бытія
Встрѣчаемъ демономъ сомнѣнья.
И я, страдая, проклиналъ
И, отрицая Провидѣнье,
Какъ благодати ожидалъ
Послѣдняго ожесточенья.
Мнѣ было жаль волшебныхъ сновъ
Отрадныхъ, дѣтскихъ упованій
И мнѣ завѣщанныхъ преданій
Отъ простодушныхъ стариковъ».
и т. д.

Въ такомъ же родѣ были стихотворенія: «Кумиръ», «Къ NN.» и др. Все это были мои студенческія произведенія, и,—знаю,—имъ сочувствовали. Вспомните разсказъ Тургенева о Бѣлинскомъ, который воскликнулъ: «Не

понимаю, какъ можно ѣсть и пить, если не рѣшенъ еще вопросъ: есть ли Богъ, или нѣтъ его». Таково было поколѣніе, которое впервые было заинтересовано нѣмецкой философіей, быть-можетъ, по милости молодыхъ профессоровъ, которые только-что вернулись изъ Берлина, гдѣ благоговѣйно слушали лекціи Гегеля и проникались его идеями настолько, насколько они ихъ понимали. И толковали ихъ можетъ-быть и по-своему, но все же толковали.

VII.

Московскіе салоны.—Гоголь.—Какъ изданы были «Гаммы».—Популярность графа Строганова.—Первый успѣхъ.

Въ то время московское общество имѣло не мало салоновъ, гдѣ собиралась вся тогдашняя интеллигенція, гдѣ никогда не играли въ карты, а вмѣсто музыки и пѣнія дамы не безъ интереса слушали толки и споры. Такіе салоны помню я и у княгини Ан. М. Голицыной, урожденной Толстой, у Ховриной, у Орловыхъ, у Елагиныхъ и даже у баронессы Шеппингъ, мужа которой обезсмертилъ Пушкинъ въ своемъ посланіи къ Чадаеву:

«Ради Бога
Гони ты Шеппинга отъ нашего порога».

И у каждаго салона были свои особенности. Такъ, напримѣръ, Кетчеръ, который никогда не надѣвалъ фрака и не разставался съ своей коротенькой трубочкой, который, по словамъ Тургенева, не перевелъ, а перепёръ Шекспира на языкъ родныхъ осинъ, и о которомъ писалъ Герценъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Былое и Думы»,—появлялся только у Ховриныхъ. Знаменитаго актера Щепкина, превосходно читавшаго комедіи Гоголя, чаще всего можно было встрѣтить у баронессы Шеппингъ; Хомякова и Самарина—у княгини Голицыной; Жуковскаго, когда онъ пріѣзжалъ въ Москву,—у Елагиныхъ. Тамъ часто бывалъ и Гоголь, но не тамъ я его видѣлъ, а видѣлъ его только разъ въ жизни у профессора Ст. П. Шевырева, на его именинномъ вечерѣ. Я засталъ Гоголя въ кабинетѣ лежащимъ на диванѣ; онъ весь вечеръ не проронилъ ни единаго слова. На все и всѣхъ глядѣлъ онъ сквозь пальцы, прикрывая ими лицо свое. Около него ходили и двигались гости, и никто не рѣшался обратиться къ нему съ какимъ-нибудь вопросомъ. Это былъ маленькій божокъ, передъ которымъ благоговѣли. Не всегда Гоголь былъ такимъ. Не разъ разсказывали мнѣ, какъ въ интимномъ обществѣ онъ былъ веселъ, много говорилъ и всѣхъ смѣшилъ до упада. Но мнѣ не привелось даже и слышать его голоса. У Елагиныхъ поклонялись и поэту Языкову, какъ сама хозяйка Евдокія Петровна, такъ и сыновья ея, у которыхъ съ утра до поздней ночи толпились студенты, пили въ стаканахъ разносимый чай и курили. У нихъ впервые познакомился я съ Ал. Бакунинымъ, будущимъ профессоромъ одесскаго лицея. Я тоже любилъ Языкова, но нигдѣ не встрѣчалъ его. По болѣзни ногъ своихъ, онъ никуда не выѣзжалъ; лѣтомъ жилъ на дачѣ, если не ошибаюсь, гдѣ-то за Петербургской заставой. Передъ этой дачей по праздникамъ игралъ оркестръ музыки, имъ самимъ нанимаемый. Но когда мнѣ случилось проходить мимо этой дачи и остановиться въ толпѣ прохожихъ, чтобъ слушать музыку, я и на балконѣ не видалъ его. Объ А. Н. Майковѣ еще не было слышно. Я не знаю и не имѣлъ времени справиться, не вышли ли въ свѣтъ мои «Гаммы» раньше, чѣмъ первое собраніе его стихотвореній. Кстати скажу нѣсколько словъ о моемъ изданіи. Не мнѣ первому пришло въ голову собрать мои

стихотворенія, а Щепкину, сыну великаго актера, блистательно окончившему курсъ по математическому факультету. Онъ жилъ у барона Шеппинга, въ качествѣ воспитателя и наставника ихъ единственнаго сына.

— Все это надо собрать и издать, — сказалъ онъ мнѣ. — Соберите все, что вы написали, и приносите.

— А на какія деньги буду я это издавать?—возразилъ я.

— А издадимъ по подпискѣ.

— Какъ по подпискѣ?

— Да такъ, соберемъ человѣкъ сто подписчиковъ по рублю за экземпляръ и издадимъ.

Долго и не легко велась эта подписка. Даже въ Англійскомъ клубѣ, какъ я слышалъ, не легко разставались съ рублемъ, ради какихъ-то стишковъ, тѣ господа, которымъ проиграть нѣсколько тысячъ въ карты ничего не стоило. Но, какъ бы то ни было, денегъ собрано было настолько, что издать мои «Гаммы» нашлась возможность, и онѣ вышли въ свѣтъ почти въ тотъ день, когда я кончилъ мои послѣдніе, выпускные экзамены. Помню, какъ на чугунной лѣстницѣ, ведшей въ нашу аудиторію, встрѣтилъ я всѣми уважаемаго и любимаго нашего попечителя, графа Строганова, и поднесъ ему книжку моихъ стихотвореній. Онъ сдѣлалъ удивленное лицо, взялъ книжку и не сказалъ ни слова. Мы любили гр. Г. С. Строганова за то, во-первыхъ, что во всѣхъ университетскихъ дѣлахъ принималъ онъ самое горячее, сердечное участіе. Не разъ на своихъ костыляхъ приходилъ онъ, во время лекцій, то къ одному, то къ другому профессору, садился на заднюю скамью и до конца выслушивалъ лекціи. Онъ самъ желалъ, чтобъ при встрѣчахъ съ нимъ не было никакихъ церемоній и все ограничивалось только тѣмъ, что студенты вставали, когда онъ приходилъ. Во-вторыхъ, мы любили его потому, что онъ терпѣть не могъ вмѣшательства полиціи въ студенческія проказы и шалости. Она могла только дать знать университетскому начальству то, что замѣтила, а судить и взыскивать предоставлялось только одному университетскому начальству. Въ-третьихъ, мы любили его за его заступничество за Крылова. Въ то время профессора были и цензорами. Крыловъ цензировалъ чью-то книгу подъ заглавіемъ: «Кавказскія продѣлки» и пропустилъ ее, а въ этой книгѣ, между прочимъ, было сказано, что на Кавказѣ повышаютъ людей не за ихъ боевыя заслуги, а за связи въ Петербургѣ или по протекціи. И—сыръ-боръ загорѣлся. Донесли объ этомъ дерзновеніи императору Николаю. Онъ тотчасъ же повелѣлъ вызвать въ Петербургъ профессора Крылова и судить его. И что же? Вмѣсто Крылова поскакалъ въ Петербургъ самъ графъ Строгановъ. Явился къ государю и отстоялъ Крылова, какъ одного изъ лучшихъ московскихъ профессоровъ, которому нѣтъ и времени прочитывать всякій печатный вздоръ. Кажется, все ограничилось тѣмъ, что Крыловъ получилъ выговоръ и преспокойно остался въ Москвѣ читать свое римское право.

Похвальный отзывъ о моихъ «Гаммахъ» появился въ томъ же году въ критическомъ отдѣлѣ на столбцахъ журнала: «Отечественныя Записки». Это былъ журналъ передовой и вліятельный. Для меня самого было чѣмъ-то въ родѣ ошеломляющей неожиданности это громкое признаніе моего поэтическаго таланта. Въ глубинѣ души своей я почувствовалъ то же самое, что чувствуетъ бѣднякъ, который узналъ, что на лотерейный билетъ свой выигралъ цѣлое состояніе. И не мало хорошаго, но не мало и дурного посѣяло это въ душѣ моей. Во всякомъ слу-

чаѣ, этотъ отзывъ упрочивалъ за мною мѣсто, которое никто не можетъ избрать по своей собственной прихоти и на которое наталкиваетъ насъ только природа, или нѣчто намъ врожденное, намъ съ дѣтства присущее.

«— Поздравляю, — сказалъ мнѣ, добродушно улыбаясь, Вельтманъ. — Но вотъ что я скажу вамъ... Вѣрьте мнѣ, — какъ бы вы сами ни были даровиты и талантливы, васъ никто въ толпѣ не замѣтитъ или замѣтятъ очень немногіе, если только другіе не поднимутъ васъ.

Эти слова его до сихъ поръ остались у меня въ памяти, и я все больше и больше удостовѣряюсь въ ихъ справедливости. Не даромъ же и народная пословица говоритъ, что одинъ въ полѣ не воинъ. Полагали да и теперь еще думаютъ и печатаютъ, что статья обо мнѣ принадлежала перу Бѣлинскаго, что это онъ такъ благосклонно привѣтствовалъ мое вступленіе на литературное поприще. И такъ какъ Бѣлинскій, въ то время, былъ уже извѣстенъ, какъ строгій и безпощадный критикъ, ратующій во имя истинной поэзіи, какъ искусства, и въ другихъ газетахъ взапуски принялись меня расхваливать. А какой-то фельетонистъ «Русскаго Инвалида» при этомъ случаѣ перепечаталъ чуть ли не всю мою книжку въ своей фельетонной критикѣ. Но статью обо мнѣ писалъ вовсе не Бѣлинскій, а П. Н. Кудрявцевъ, который въ это время готовился защищать свою диссертацію на степень магистра и уже имѣлъ въ виду каѳедру всеобщей исторіи. До сихъ поръ еще не утратило своего значенія сочиненіе его подъ заглавіемъ «*Римскія женщины*». Оно впервые было напечатано въ «Пропилеяхъ», періодически выходившихъ въ свѣтъ, посвященныхъ классической древности и издаваемыхъ Леонтьевымъ.

Статья о моихъ «Гаммахъ» не осталась безъ вліянія на мои отношенія къ знакомымъ; нѣкоторые изъ нихъ очевидно были ею озадачены и огорчены.

Вспоминаю, напримѣръ, студента К., — о которомъ упоминаетъ и Фетъ, говоря, что одинъ изъ моихъ товарищей, а именно Жихаревъ, ставилъ мнѣ въ примѣръ стихи его и зналъ наизусть отрывки изъ его поэмы, очень плохой, какъ по вялости стиха, такъ и по содержанію. Съ этимъ К. я былъ лично знакомъ и даже навѣщалъ его. И что же? Послѣ статьи въ «Отечественныхъ Запискахъ», встрѣтившись со мною на Тверскомъ бульварѣ, онъ бросился въ сторону и скрылся, чтобъ не пожать мнѣ руки и не заговорить со мною. Нѣкто X. (въ эту минуту никакъ не могу вспомнить его фамиліи), когда услыхалъ отъ одной знакомой мнѣ дамы, Змѣевой, отзывъ о стихахъ моихъ, вскрикнулъ, какъ ужаленный: «Да что же это такое? Неужели вы хотите, чтобъ и я признавалъ его поэтомъ!» Съ этимъ X, лѣтъ 7 или 8 спустя встрѣтился я въ Петербургѣ въ Императорской публичной библіотекѣ, гдѣ онъ состоялъ на службѣ, и онъ отнесся ко мнѣ не только благосклонно, но и съ предупредительнымъ вниманіемъ.

Зато С. В. Воробьевскій, когда, послѣ статьи въ «Отечественныхъ Запискахъ», я зашелъ къ нему, бросился обнимать меня, былъ такъ радостенъ и свѣтелъ, что мнѣ казалось, что онъ во сто разъ больше радъ и счастливъ моему первому успѣху, чѣмъ я самъ.

VIII.

Сережа Воробьевскій. — Идеализмъ. — Домъ Постниковой. — Переселеніе въ Одессу.

Личность этого Сережи Воробьевскаго настолько оригинальна, что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи

кое-что разсказать о немъ. Въ Москвѣ, около Никитскихъ воротъ, противъ церкви Вознесенія, былъ одноэтажный, деревянный домъ, сѣрый съ бѣлыми ставнями. Домъ этотъ принадлежалъ доктору Воробьевскому. Онъ уже былъ старъ, когда я съ нимъ познакомился; средняго роста, на широкихъ плечахъ носилъ онъ большую голову съ большими оттопыренными ушами, круглое, выбритое лицо его казалось какъ бы обрюзглымъ, но когда онъ былъ веселъ, что̀ случалось рѣдко, онъ былъ не только со мной привѣтливъ, когда я приходилъ къ нему, но, какъ говорится, въ душу лѣзъ. Во всей его фигурѣ и въ его выговорѣ было что-то хохлацкое. Онъ уже не занимался практикою, но изъ ханжества, а не изъ любви къ ближнему, лѣчилъ бѣдныхъ, даже нищихъ съ улицы, которые каждое утро наполняли его переднюю. Нигдѣ въ другихъ домахъ не встрѣчалъ я такой неряшливости, какъ въ этомъ домѣ. Маленькій кабинетъ доктора былъ его спальней и его библіотекой. Комнатка эта особенно отличалась своимъ безпорядкомъ и пылью. Вообще на внѣшность не обращалось никакого вниманія. Онъ жилъ съ женою, двумя дочерьми, изъ которыхъ младшая, Евгенія, была еще ребенкомъ. Младшіе сыновья его еще гдѣ-то учились, рѣдко выходили изъ заднихъ комнатъ, и я почти что никогда не видѣлъ ихъ; старшаго же сына, Сережу, постоянно встрѣчалъ или за перегородкой — съ однимъ окномъ, около передней, гдѣ больнымъ перевязывали раны и язвы подъ его наблюденіемъ, или въ гостиной за фортепіано.

У этого Сережи была замѣчательная память, онъ шутя выучивался понимать иностранные языки и, помимо древнихъ языковъ, зналъ почти что всѣ европейскіе. Стоило ему глазами пробѣжать сотни иностранныхъ словъ, чтобъ онѣ навсегда врѣзались въ его памяти. Что-жъ мудренаго, что въ гимназіи постоянно онъ былъ первымъ ученикомъ и въ университетѣ оказался однимъ изъ лучшихъ студентовъ. Но недолго пришлось ему быть въ университетѣ. Однажды, испуганный и блѣдный входитъ онъ къ отцу и говоритъ ему: «Папа! ради Бога, запрети ты ѣздить по Никитской; развѣ ты не знаешь, что эта Никитская у меня въ головѣ». Понялъ старый докторъ, что сынъ его говоритъ, какъ помѣшанный. Пришлось взять его изъ университета и лѣчить. Такъ какъ это сумасшествіе было тихое и не всегда проявлялось, Сережа лѣчился дома, и отецъ придумалъ ему занятіе. И ужъ не знаю, взялъ ли онъ для него учителя музыки, или сынъ его зналъ уже ноты раньше своего поступленія въ университетъ, — знаю только, что онъ сталъ играть и въ два-три года сдѣлался артистомъ. Пальцы его пріобрѣли силу и поразительную бѣглость. Техническихъ трудностей уже для него не существовало. Проиграть наизусть концертную пьесу Листа ему уже ничего не стоило.

Удивительная память и тутъ его не оставляла; онъ помнилъ, что было разыграно по нотамъ, и игралъ на память безъ малѣйшей ошибки. Приходить и слушать игру его было для меня великимъ наслажденіемъ. Онъ же игралъ безъ устали и всегда готовъ былъ отдаться своей вдохновенной игрѣ. Музыка его вылѣчила. Онъ совершенно освободился отъ своихъ дикихъ мыслей. Осталось только одно: онъ боялся проѣзжать черезъ площади. И позднѣе никогда никто не могъ уговорить его поѣхать по желѣзной дорогѣ. Чуждый свѣта, прямодушный и довѣрчивый, онъ соглашался иногда ѣхать со мною къ

моимъ знакомымъ и поражать ихъ игрой своей. Какъ ребенокъ, былъ онъ наивенъ и самоотверженно послушенъ. Иногда отецъ свистомъ призывалъ его къ себѣ въ кабинетъ и заставлялъ читать себѣ Четьи-Минеи, псалмы или акаѳисты, по старымъ книгамъ, въ кожаныхъ переплетахъ, съ страницами, закапанными воскомъ,—и онъ читалъ. Посылалъ ли отецъ его въ переднюю принимать и допрашивать больныхъ, — онъ шелъ допрашивать больныхъ и вмѣсто отца прописывалъ имъ рецепты. Полагаю, что и тутъ помогала ему его необыкновенная память. Разъ я зашелъ къ нему вечеромъ, подъ какой-то праздникъ. Я попросилъ его сыграть мнѣ одну изъ любимыхъ пьесъ Бетховена; онъ сталъ играть. Вдругъ отворилась дверь, и въ гостиную явилась старуха, въ какомъ-то грязномъ капотѣ, растрепанная и гнѣвная, можетъ-быть старая нянька: «Что ты дѣлаешь, грѣховодникъ! — крикнула она на него.—Звонятъ ко всенощной, на молитву зовутъ, а ты тутъ бренчать вздумалъ,—опомнись!»—И Сережа, улыбаясь, тотчасъ же закрылъ фортепіано и, обернувшись ко мнѣ, конфузливо, но безъ малѣйшей досады въ голосѣ, сказалъ: «Видно нельзя, — ужъ такое у насъ положеніе».

Такъ же, какъ и я, Воробьевскій никогда не игралъ ни въ карты, ни въ шахматы и никогда ни съ кѣмъ не спорилъ, такъ какъ всѣ эти спорщики были или невѣждами и обскурантами, или гораздо его ученѣе и развитѣе. Больше всего интересовали его лучшія художественныя произведенія иностранныхъ литературъ, въ особенности нѣмецкой. Если бы онъ не былъ ни на что другое способенъ, какъ только долбить и долбить, Нибуръ не увлекалъ бы его своими широкими взглядами на исторію и не могли бы нравиться ему отрывочныя произведенія Жанъ-Поля Рихтера,—эти въ своемъ родѣ стихотворенія въ прозѣ,—и онъ не находилъ бы въ нихъ глубины или опоэтизированной философіи.

Какъ все это старо для 90-хъ годовъ или для тѣхъ новыхъ поколѣній, которыхъ удовлетворяетъ модная сушь и которыя видятъ въ однѣхъ соціальныхъ теоріяхъ и мечтахъ все свое спасеніе! Но все, что старо въ наше время, было такъ все еще ново для общества 40-хъ годовъ, общества, пробуждавшагося для умственной дѣятельности, анализа, пониманія искусствъ и въ безкорыстной мечтѣ, не въ однѣхъ естественныхъ наукахъ, жаждавшаго найти себѣ умственное и нравственное удовлетвореніе. Я, признаюсь, безсовѣстно пользовался тѣми способностями, и знаніемъ языковъ Воробьевскаго, въ которыхъ мнѣ было отказано. Если-бъ я сказалъ ему: «Выучись по-арабски или по-санскритски, чтобъ ты могъ передать мнѣ отрывки изъ корана или Магабгараты», онъ въ нѣсколько мѣсяцевъ выучился бы этимъ языкамъ, чтобъ только исполнить мое желаніе. Когда послѣ каникулъ я возвращался въ Москву и заходилъ къ нему, онъ трепеталъ и визгливо смѣялся отъ радости, какъ будто лучшія минуты въ его жизни дарилъ я ему моимъ присутствіемъ. Байронъ высоко цѣнилъ собаку за ея вѣрность и привязанность къ своему хозяину. Онъ ставилъ эти качества ея въ примѣръ людямъ, въ которыхъ ничего, кромѣ эгоизма, не видѣлъ. Сережа Воробьевскій — скажу, не преувеличивая,—любилъ меня или былъ ко мнѣ привязанъ, какъ собака къ своему хозяину, хоть я и не кормилъ его. Можетъ-быть это и смѣшно, но у меня никогда не хватило бы духа осмѣять его; и добро бы онъ былъ еще мальчикъ, но ему было уже около 25-ти или 26-ти лѣтъ. Однажды, послѣ моего долгаго

отсутствія я спросилъ у него, не былъ ли онъ у Генріеты Θеодоровны Брокъ (сестры министра финансовъ). Она жила въ Москвѣ, какъ я уже сказалъ, съ своимъ братомъ Θеодоромъ Θеодоровичемъ Брокомъ, домашнимъ врачомъ въ семействѣ Орловыхъ, съ своей воспитанницей Серафимой. «Я никогда у нихъ не буду»,—отвѣчалъ мнѣ Сережа, — «не буду оттого, что она васъ бранитъ, говоритъ, что вы не умѣете вести себя въ обществѣ, слишкомъ много о себѣ думаете, и что ваши манеры ей очень не нравятся».

Почему именно въ своихъ воспоминаніяхъ я говорю о Воробьевскомъ подробнѣе, чѣмъ о другихъ? Конечно, не потому, что онъ любилъ меня, а потому, что никогда во всю жизнь мою не встрѣчалъ я человѣка такой чистой и свѣтлой души, который никогда о себѣ не думалъ, не гордился никакими своими преимуществами, ни способностями, ни талантомъ; никогда ими не хвастался и, будучи артистомъ и даже композиторомъ далеко недюжиннымъ, ни разу не подумалъ о томъ, какія изъ этого могутъ произойти выгоды, и никогда ни съ кѣмъ себя не сравнивалъ, и никому не завидывалъ. Какъ онъ былъ безконечно счастливъ, когда ему удалось найти себѣ мѣсто, гдѣ-то въ оркестрѣ большого театра, когда Листъ давалъ свой концертъ и когда всѣ до единаго мѣста, до самаго райка, были заняты. «Это богъ, это величайшій изъ музыкантовъ», — говорилъ онъ, млѣя отъ восторга. А эти восторги и для меня были заразительны.

Такіе люди и тогда были рѣдки, а теперь ихъ въ скитахъ монастырскихъ не скоро отыщешь. Хорошо быть такимъ идеалистомъ, какимъ былъ Воробьевскій. Среди самой неприглядной обстановки — предразсудковъ и семейнаго деспотизма. Онъ былъ счатливѣе многихъ людей богатыхъ и вполнѣ независимыхъ. Былъ ли онъ либераломъ или консерваторомъ? Нѣтъ, такъ какъ онъ откликнулся бы на все высокое, прекрасное, въ какомъ бы лагерѣ онъ ни нашелъ его.

Еще припоминаю одну личность— это былъ мой однофамилецъ Андрей Полонскій. Поступивъ въ студенты, онъ тотчасъ же со мною познакомился, сталъ звать меня къ себѣ, въ калужскую деревню, увѣрять меня, что сестры его—красавицы и что онѣ могутъ вдохновить меня. Это былъ рослый молодой человѣкъ, съ румянцемъ во всю щеку и въ золотыхъ очкахъ. Почему-то нашъ инспекторъ, Нахимовъ, особенно благоволилъ къ нему (можетъ-быть по знакомству съ отцомъ его). Лично я никакихъ симпатій къ нему не чувствовалъ, даже почему-то не довѣрялъ словамъ его. Только разъ по просьбѣ я зашелъ къ нему въ такое время, когда къ нему пріѣзжалъ отецъ его изъ провинціи на нѣсколько дней. Помню, какъ этотъ старикъ сразу меня озадачилъ, сказавши, что Лермонтовъ никуда не годный писатель. «Сами посудите», — говорилъ онъ,— что это такое?

«Люблю отчизну я, но странною любовью;
Не побѣдитъ ея разсудокъ мой».

«Кого это не побѣдитъ? Странную любовь или отчизну? Нѣтъ, далеко еще намъ до Корнеля или Расина», Вотъ по какимъ образцамъ выучился смотрѣть онъ на поэзію. У сына же его, какъ кажется, не было на этотъ предметъ никакого своего мнѣнія. Прошло не болѣе года, какъ я пересталъ встрѣчать его въ университетѣ. Онъ женился на старшей дочери бывшей содержательницы одного женскаго пансіона, и вышелъ изъ университета. Познакомившись съ семействомъ доктора Постникова, я узналъ, что онъ не долго пожилъ съ женой своей.

Въ домѣ Постниковыхъ я, по выходѣ изъ университета, бывалъ чуть ли

не каждый день. Это былъ одинъ изъ тѣхъ московскихъ домовъ, двери которыхъ были раскрыты для всѣхъ искренно полюбившихъ эту семью: образованную и гостепріимную. Были тогда еще живы и родители Постникова, и никто не могъ безъ улыбки говорить о нихъ. Старуха была все еще влюблена въ своего стараго мужа и, когда онъ уходилъ, сильно о немъ безпокоилась и выходила на крыльцо поджидать его. Сестры его были уже невѣстами, и Мар. Мих. Полонская поселилась у нихъ, какъ у близкихъ родныхъ своихъ. Туда же на цѣлые дни приходила и сестра ея. Страстная, недюжинная по уму и насмѣшливо-остроумная, она всю массу своихъ поклонниковъ, разъ при мнѣ, назвала своимъ звѣринцемъ. «А, если такъ, — замѣтилъ я,—я никогда не буду въ ихъ числѣ, увѣряю васъ». Съ тѣхъ поръ она употребляла всѣ свои старанія, чтобъ во что бы то ни стало влюбить меня. Помню лѣтнія, лунныя ночи, когда въ саду оставались мы вдвомъ; она говорила со мной такъ загадочно и, не упоминая ни слова о любви, дразнила меня одними намеками.

Помню, какъ однажды ночью въ густой тѣни отъ деревьевъ, я зажегъ спичку, будто бы для того, чтобы закурить сигару, а на самомъ дѣлѣ, чтобы на мигъ освѣтить лицо ея, всѣхъ и каждаго поражающее красотой своей.

Весь этотъ маленькій романъ кончился тѣмъ, что я послушался Уманца и задумалъ вмѣстѣ съ старшимъ братомъ его, служившимъ по таможенному вѣдомству, уѣхать въ Одессу. Дѣло уже дошло до того, что у меня вскружилась голова. Увлечь дѣвушку было не въ моихъ правилахъ, а жениться на ней я не могъ, такъ какъ и она была бѣдна, и я былъ бѣденъ. На поэтическіе же труды мои—я не могъ разсчитывать: мои «Гаммы», несмотря на благопріятный для нихъ отзывъ газетъ и журналовъ, не приносили мнѣ ни малѣйшей выгоды. Ихъ или не раскупали, или книгопродавцы умышленно говорили мнѣ, что никто не покупаетъ ихъ въ надеждѣ, что я продамъ ихъ по пяти копеекъ за экземпляръ. «Гаммы» остались на рукахъ у московскихъ книгопродавцевъ, преимущественно же у Кольчугина. Я покинулъ Москву на много лѣтъ и не спрашивалъ, что сталось съ моимъ изданіемъ, можетъ быть растерялъ и квитанціи; по крайней мѣрѣ я ничего не могу о нихъ припомнить (а что его покупали, доказываетъ то, что оно давно уже стало библіографической рѣдкостью). Я еще не служилъ и не желалъ служить. Лучшіе товарищи мои по гимназіи, поступившіе въ московскую гражданскую палату, открыто говорили мнѣ: «У насъ всѣ берутъ и живутъ взятками; на службѣ вы не удержитесь, если не захотите съ волками по-волчьи выть!» Къ тому же замѣчу, что то поколѣніе, къ которому я принадлежалъ, боялось брачныхъ цѣпей и семейной жизни такъ же, какъ и Печоринъ—герой нашего времени. Да и могъ ли я думать о женитьбѣ, когда, вышедши изъ университета и нуждаясь въ партикулярномъ платьѣ, я вынужденъ былъ продать золотые часы свои, полученные мною въ даръ, въ то время, когда я былъ еще въ шестомъ классѣ въ рязанской гимназіи.

Чѣмъ же заключить мнѣ мои студенческія воспоминанія? Учился я какъ бы порывами, и мое настойчивое прилежаніе нерѣдко смѣнялось лѣнью и разсѣяньемъ. Нужда, отчасти, принесла мнѣ не мало пользы: закалила слабый, семейной жизнью избалованный, характеръ мой; заставила меня приноровляться къ людямъ и

равнодушно относиться къ ихъ недоброжелательству. Я вѣрилъ въ дружбу и пользовался полнымъ довѣріемъ и расположеніемъ немногихъ друзей своихъ. Я былъ влюбчивъ, но на свою наружность рѣдко обращалъ вниманіе. Нерѣдко выходилъ изъ дому, позабывая причесать голову или вычистить ногти. Случалось, что по разсѣянности и безъ галстука появлялся въ гостяхъ у своихъ товарищей.

Постоянно имѣя подъ рукой преданныхъ мнѣ друзей, я не безъ сожалѣнія припоминаю, что во времена моего студенчества ни одного друга, благотворно вліявшаго на мое нравственное и умственное развитіе, не встрѣтилъ я среди множества знакомыхъ мнѣ дамъ и дѣвушекъ. Многіе скажутъ, что этого быть не можетъ. Я и самъ это знаю; какъ семья не безъ урода, такъ и прекрасный полъ не безъ созданій, достойныхъ всякой любви, вѣры и уваженія. Были, конечно, счастливцы, которые встрѣчали ихъ. Но я во времена моего студенчества не былъ изъ ихъ числа, а стало-быть не могу и хвастаться тѣмъ, чего не было.

РАЗСКАЗЪ СОЛНЕЧНАГО ЛУЧА.

1.

Насъ было много... Утромъ рано
Блеснули мы изъ-за тумана
И надъ печальною землей
Зажгли восходъ мы огневой.
Мы понеслись съ дарами свѣта
На пробужденныя поля,
И насъ съ улыбкою привѣта
Сердечно встрѣтила земля...

2.

Летя надъ сонныхъ водъ разливомъ,
Я заглянулъ въ рѣчной потокъ,
Склонился я къ прибрежнымъ ивамъ
И зыбь сіяніемъ зажегъ.
Умылся я въ равнинѣ водной
И краше, чище и свѣтлѣй
Я полетѣлъ опять свободный
Надъ гладью дремлющихъ полей.

3.

Я засверкалъ надъ рощей древней,
Надъ сонной нивой и деревней,

Туда направивъ свой полетъ,
Гдѣ пахарь-труженикъ живетъ...
Я заглянулъ къ нему въ оконце
Сквозь пологъ сонной темноты,
Ему сказалъ:—Ужъ встало солнце!
Ужъ солнце встало!.. Что же ты?..

4.

Онъ захватилъ съ собою зерна
(Кошница ихъ была полна),
Онъ шелъ по пажити проворно,
Бросая въ землю сѣмена...
Въ себя впитавъ зачатокъ свѣта,
Они на свѣтъ произрастутъ—
И я съ улыбкою привѣта
Благословилъ священный трудъ...

5.

Въ дому, за занавѣсью темной,
Вдругъ услыхалъ я дѣтскій крикъ
И чей-то вздохъ—счастливый, томный...
И къ занавѣскѣ я приникъ:
Тамъ слезы радости струились,
Мученья счастьемъ завершились,
Тамъ среди стоновъ, мукъ и слезъ
Дитя по ўтру родилóсь.

6.

Неся привѣтъ небесной ласки,
Ему тогда блеснулъ я въ глазки,
И знаю я, что съ этихъ поръ
Меня полюбитъ дѣтскій взоръ.
Великой, свѣтлою дорогой
Ребенка взору я предсталъ
И свѣтлый путь къ жилищу Бога
Ему во мракѣ указалъ.

Б. Никоновъ.

Нянькина драма.

Разсказъ **Т. Л. Щепкиной-Куперникъ.**

I.

Со смертью Елены Павловны все измѣнилось въ семьѣ Славинскихъ. Маленькій мірокъ изъ нѣсколькихъ человѣческихъ жизней, шедшихъ по одному руслу, распался, не сдерживаемый больше ласковой властью дорогой руки.

Какъ онъ ни былъ малъ, — этотъ мірокъ, — но для всѣхъ, составлявшихъ его, онъ казался центромъ вселенной, чѣмъ-то главнымъ, важнымъ, естественно первенствующимъ. Тамъ, за его стѣнами, что-то чужое, далекое... а тутъ—*свое*, родное, милое.

Маленькій бѣлый особнячокъ въ одномъ изъ переулковъ Пречистенки, построенный еще по-старинному, со всевозможными лѣсенками, чуланчиками и кладовыми, хранилъ въ себѣ цѣлый міръ воспоминаній, и грустныхъ, и радостныхъ. Дѣтямъ онъ даже казался большимъ,—столько тамъ было мѣста прятаться, столько находилось завѣтныхъ уголковъ, гдѣ происходили самыя разнообразныя событія ихъ дѣтской жизни и изобрѣтались самыя необыкновенныя игры.

И вотъ теперь они должны изъ этого мирнаго гнѣздышка пуститься въ море житейское.

Дѣтство было окончено—начиналась *жизнь*.

Когда всѣ немного пришли въ себя послѣ этого неожиданнаго удара, вытерли глаза и стряхнули съ себя отупѣніе отчаянія—явился вопросъ:

— Что дѣлать дѣтямъ?

И совѣтъ родственниковъ и друзей собрался у дяди, полковника Букрѣева, чтобы заняться судьбой дѣтей.

Елена Павловна уже 10-й годъ, какъ вдовѣла, и послѣ нея осталось двое сиротъ.

Старшей,Налѣ, шелъ уже 19-й годъ. Это была способная, живая, хорошенькая дѣвушка. Она два года назадъ кончила гимназію, а теперь заявила твердое намѣреніе поѣхать въ Парижъ учиться живописи. «Ей всегда этого хотѣлось, но, конечно, она не имѣла бы силъ разстаться съ мамой... Теперь же все равно. Ей будетъ даже легче уѣхать отсюда, гдѣ все слишкомъ напоминаетъ о прошломъ».

Бабушки, тетушки и кузины сначала-было разахались.

— Молоденькая дѣвушка! Одна! Въ этомъ Вавилонѣ!..

Но вмѣшательство опекуна Нали, извѣстнаго художника Лѣвцова, стараго друга ея родителей, разрѣшило вопросъ въ ея пользу.

— У Нали большія способности, три года въ Парижѣ ей принесутъ больше пользы, чѣмъ десять въ Москвѣ; въ Парижѣ у меня есть семья знакомаго художника, русскіе, чудные люди: будутъ ухаживать за Налей, какъ за родной дочерью, и возьмутъ съ нея гроши.

Послѣдній аргументъ очень понравился бабушкамъ, рѣшившимъ, что слѣдовательно ихъ карманы не пострадаютъ, а хватитъ и тѣхъ крохъ, что остались послѣ Елены Павловны.

И такъ, участь Нали была рѣшена.

Младшаго сына, 11-ти-лѣтняго толстаго Шурика, отдали въ корпусъ, гдѣ служилъ Букрѣевъ. Это было самое удобное: жилъ онъ въ корпусѣ, а по праздникамъ перебѣгалъ въ лѣвый флигель, гдѣ помѣщался полковникъ съ семьей, и все время такимъ образомъ былъ подъ родственнымъ присмотромъ.

Кухарка Пелагея, молодая и здоровая баба, выпросила «на память» старую барынину шубу, получила хорошій аттестатъ и, вполнѣ довольная своей судьбой, ушла «къ куму на фатеру», а оттуда на новое мѣсто, къ какой-то генеральшѣ, чѣмъ чрезвычайно гордилась.

Зато смерть Елены Павловны совершенно подкосила одно существо, у котораго уже не было ни молодости, ни здоровья, ни надеждъ, жизнь котораго представляла уже нисходящую лѣстницу и была полна одной только заботы о томъ, какъ придется «помереть»...

Это—была старая нянька Славинскихъ, Марина Савишна.

Поступила она къ Славинскимъ въ годъ рожденія Нали, которую мать сама кормила. Тогда Марина Савишна была бодрой 45-лѣтней женщиной, съ красивымъ и степеннымъ смуглымъ лицомъ, съ черными какъ смоль волосами... Мало-по-малу замелькала сѣдина въ этихъ черныхъ волосахъ, сталъ вваливаться ротъ, сгорбилась спина; но ни домашніе, ни сама она не замѣчали этой перемѣны.

Нянька была бездѣтная вдова, и кромѣ какихъ-то «племянниковъ», Егорушки и Лизы, въ глухой деревушкѣ Рязанской губерніи, никого у нея не было. Да и въ существованіи племянниковъ можно было бы усомниться, если бы не приходившія аккуратно разъ въ мѣсяцъ сѣрыя и безграмотныя письма, сообщавшія о состояніи здоровья Егорушки и Лизы, перечислявшія поклоны всей деревни и кончавшіяся, какъ водится, неизмѣнно однимъ и тѣмъ же припѣвомъ:

«... И пришлите, милая тетинька, деньжонокъ; будемъ за васъ Бога молить, а то урожай плохъ и избенка разваливается».

Это было до того неизмѣнно, что Наля, съ пяти лѣтъ читавшая нянькѣ эти ежемѣсячныя посланія, въ концѣ концовъ выучила наизусть вѣчный припѣвъ, и, дойдя до этого мѣста, поднимала глаза къ потолку и читала нараспѣвъ:

... «И пришлите, милая тетинька, деньжонокъ; будемъ за васъ Бога молить»...

По добротѣ душевной нянька каждый мѣсяцъ отсылала имъ, что̀ могла; кромѣ этихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ, никакихъ другихъ у нея за всѣ 20 лѣтъ не было. Вся она ушла душою въ семью Славинскихъ: она привязалась къ Еленѣ Павловнѣ, какъ можетъ привязаться развѣ вѣрный песъ. Дѣтей она, выращивала и выхаживала съ тѣми же радостями, съ тѣми же страхами, съ тѣми же нѣжностями, какіе бываютъ у матери. Такъ же гордилась она, когда на улицѣ останавливали золотокудрую Налю и спрашивали, «чей это ребенокъ», какъ если бы это былъ ея собственный; позже, такъ же дрожала надъ ея экзаменами и не спала ночей во время болѣзни Шурика, какъ и мать. На ея вѣрной груди выплакивала Елена Павловна свое отчаяніе, когда умеръ ея мужъ, молодой, красивый, въ три дня унесенный нервной горячкой. Она заставила придти въ себя обезумѣвшую отъ горя несчастную женщину, принеся ей грудного тогда Шурика...

На ея спинѣ пробовалъ Шурикъ свои будущіе военные таланты, и она долготерпѣливо сносила всѣ его ка-

призы, часто не досыпая и не доѣдая, чтобы играть съ нимъ въ солдаты или въ разбойники.

Жизнь ея была въ этихъ людяхъ, и особенно въ ея барынѣ. Для нея ея барыня была всѣхъ красивѣе, всѣхъ умнѣе, всѣхъ добрѣе. Она все знала, все умѣла; то, что она сказала— было свято и нерушимо. Разстаться съ ней... Этого нянька не могла себѣ даже и представить. Когда дѣти подросли и Шурикъ ужъ началъ учиться у француженки и ходить въ дѣтскій садъ, нянька была больше не нужна. Ей предлагали хорошія мѣста, спокойныя, въ богатый домъ, къ одному ребенку, безъ стирки и съ дѣвчонкой на побѣгушкахъ. Но няня даже не понимала, какъ объ этомъ можно говорить. Развѣ возможно было бы, напримѣръ, Елену Павловну пригласить въ матери къ другимъ дѣтямъ? Также нельзя было и ей уйти къ другимъ. Да и Еленѣ Павловнѣ жизнь показалась бы не полной безъ нея. Дѣти,—тѣ, не разсуждая, привыкли къ нянькѣ, какъ къ чему-то, безъ чего нельзя себѣ вообразить ежедневной жизни.

Еще въ раннемъ дѣтствѣ, влѣзая къ нянькѣ на колѣни и обхватывая ручками ея лицо, дѣти, съ той страстной нѣжностью, какая у нихъ бываетъ въ дѣтствѣ, вслухъ мечтали:

— Няничка, золотая моя няничка! Я никогда тебя не отпущу, никому не отдамъ. Ты моя вѣдь, да? Моя, брильянтовая, драгоцѣнная. Я тебя люблю больше, чѣмъ отсюда до стѣны, и черезъ улицу, до самой церкви. Вотъ какъ! Когда я буду большая, какъ мама, я тебѣ устрою у себя во дворцѣ большую - большую комнату, тамъ будутъ такія кресла, какъ у бабушки, зелененькія съ цвѣточками, а въ углу—печка. И ты будешь сидѣть въ креслѣ, пить чай и вязать мнѣ чулочки.

— Охъ, ты, мое ненаглядное!—умилялась нянька, цѣлуя тепленькую щечку ребенка, и у нея мелькало въ головѣ, что въ сущности это вовсе ужъ не такъ далеко отъ дѣйствительности:

«Вотъ, выраститъ Налюшка, будетъ красавица, Богъ пошлетъ ей жениха богатаго, да хорошаго, выйдетъ замужъ и будетъ няньку на старости лѣтъ покоить. Да и Еленѣ Павловнѣ не надо будетъ по урокамъ такъ бѣгать. Охъ, привелъ бы Господь!..»

И нянѣ казалось, что вся жизнь пройдетъ именно такъ, по намѣченному пути. Наконецъ, наступило время, когда эти мечты хоть отчасти начинали сбываться.

Дѣти подросли, бѣгать за ними такъ много не приходилось, притомившіяся ноги отдыхали. Елена Павловна, слава Богу, уроками пѣнія зарабатывала очень даже достаточно, и нянька блаженствовала.

У нея была своя свѣтелка, чистенькая, опрятная, съ горой подушекъ на кровати, краснымъ кованымъ сундукомъ и кіотомъ въ углу, гдѣ красовались ярко-вычищенныя иконы, украшенныя гирляндами розовыхъ и голубыхъ розъ, и хранились всевозможныя бутылочки со святой водой, вербочки и четверговыя свѣчки.

Въ свѣтелкѣ немножко пахло лампаднымъ масломъ и сушеной мятой, у печки спалъ сытый котъ, и всегда было чинно и уютно.

Это былъ любимый уголокъ дѣтей, куда они прибѣгали и теперь — даже большая Наля—то поболтать съ нянькой, то выплакать какое-нибудь горе. Не разъ заглядывала къ нянькѣ и Елена Павловна, уставшая послѣ нѣсколькихъ часовъ занятій, посовѣтоваться о чемъ - нибудь со старухой, потолковать о денежныхъ дѣлахъ. Въ этомъ, какъ и во всемъ, была у нихъ съ няней полная откровенность.

Если дѣла шли плохо, нянька не

получала жалованья. То, что случалось ей скопить за праздники и т. п.—она сама несла своей барынѣ въ черный день и приговаривала:

— А мнѣ-то на што? Было бы у васъ, такъ и на мой вѣкъ хватитъ.

Когда нянька бродила по комнатамъ въ своемъ неизмѣнномъ «ватничкѣ», коричневомъ съ бѣлыми горошками—какъ-то все казалось уютнѣе и домовитѣе отъ присутствія вѣрной старухи,—и на душѣ было теплѣе.

Въ нянькѣ для Елены Павловны отразились двадцать лѣтъ ея жизни, со всѣми темными и свѣтлыми ея страничками. Все мѣнялось, окружающіе люди, дѣти, дѣла, мебель — одна нянька попрежнему ходила изъ комнаты въ комнату, ворча себѣ что-то подъ носъ, зажигая лампадки и ссорясь съ кухарками, которыя, по ея мнѣнію, всѣ были «сластены» и «только и норовили, чтобъ стянуть лишній кусокъ да обидѣть господъ». Такъ и должно было продолжаться, долго-долго...

II.

И вдругъ Елены Павловны не стало.

Отчаянію старухи, бурному и безумному, единственному въ ея жизни—не было границъ. У гроба своей барыни она валялась по цѣлымъ часамъ, рыдая и вопя.

— Мнѣ, старой, умереть бы, а тебѣ бы жить, моей красавицѣ!..

Во время перваго потрясенія всѣ о ней какъ-то забыли. Ни Налѣ, ни роднымъ было не до нея. Куда она дѣвалась, когда очистили квартиру и дѣтей взяли къ себѣ Букрѣевы, никто даже и не спрашивалъ. Никто не думалъ о томъ, что съ ней и гдѣ она. Ее видѣли на каждой панихидѣ, на похоронахъ, ежедневно она приходила къ Букрѣевымъ посмотрѣть на дѣтей, заплаканная, растерянная, пришибленная этимъ неожиданнымъ ударомъ. Съ ней цѣловались и плакали, но было не до разговоровъ съ нею.

Наконецъ, когда все немного утихло и стали рѣшать судьбу дѣтей, вспомнили и о нянѣ,—первая, конечно, Наля.

— Куда жъ мы дѣнемъ няньку?—спросила она. Къ Букрѣевымъ было невозможно. У нихъ на казенной квартирѣ и дѣтей, и своихъ прислугъ было столько, что няньку ужъ положительно дѣвать было некуда.

— Пусть идетъ на мѣсто!—рѣшили сначала.—Это — рѣдкая женщина; ее всякій съ радостью возьметъ. Вонъ Круцкіе давно ее уговариваютъ къ нимъ поступить.

— Да вѣдь ей подъ 70 лѣтъ?

— Что жъ такое, она еще совсѣмъ бодрая старуха!

Но когда няня пришла, и на нее серьезно обратили вниманіе, то всѣ изумились.

Незамѣтное за двадцать лѣтъ совмѣстнаго житья постепенное разрушеніе няни, теперь, послѣ мѣсяца, когда на нее не обращали вниманія, выступило во всей своей силѣ. Глядя на эту измученную старуху, съ потухшимъ взглядомъ покраснѣвшихъ глазъ, сгорбленную, медленно двигавшуюся, трудно было узнать въ ней крѣпкую, бодрую Марину Савишну, грозу всѣхъ кухарокъ и вѣрную помощницу Елены Павловны.

Поняли сразу, что нигдѣ она больше служить не можетъ.

— Она только въ богадѣльню и годится!..

И вотъ Наля съ бабушками и тетушками принялась хлопотать о помѣщеніи старухи въ какую-нибудь богадѣльню.

А пока нянька жила тамъ, куда она переѣхала сейчасъ послѣ похоронъ, собравъ свой скарбъ и кое-какія деньжонки,—въ семьѣ сапожника, рекомендованной ей кухаркой Пела-

геей. Тамъ она сняла за четыре рубля въ мѣсяцъ комнату, или вѣрнѣе уголъ за перегородкой въ хозяйской спальнѣ, рядомъ съ мастерской. Въ роскошномъ этомъ жилищѣ отчаянно воняло кожей и махоркой, и съ утра до вечера слышались пѣсни и разнообразная брань подмастерьевъ. Но нянѣ это было все равно. Цѣлый день проводила она на кухнѣ у Букрѣевыхъ, чтобы хоть однимъ глазкомъ взглянуть на своихъ питомцевъ, а, приходя домой ночевать, по цѣлымъ часамъ молилась, точно и не слыша доносившейся до нея руготни пьянаго сапожника и визга его жены, а шепча побѣлѣвшими губами все одну и ту же молитву о ниспосланія царствія небеснаго рабѣ Божіей Еленѣ и здравія и всякаго благополучія младенцамъ Александру и Наталіи.

«Младенецъ» Наталія въ это время объѣздила всѣхъ своихъ знакомыхъ и нашла-таки протекцію въ лицѣ молодого богача Каширина, который далъ ей письмецо къ своему брату, извѣстному благотворителю, гдѣ было сказано:

«Подательницу сего немедленно зачислить въ богадѣльню внѣ очереди и оказать ей всякое содѣйствіе».

Съ этимъ письмомъ въ рукахъ торжествующая Наля явилась домой. Всѣ разахались надъ ея счастливой звѣздой.

— Другія старухи по 12-ти лѣтъ ждутъ, пока вакансія освободится, а ей въ одинъ день устроили! Наля! какъ милъ Каширинъ! Ты его должна хорошенько поблагодарить: пошли ему какой-нибудь этюдъ.

Всѣ были очень рады, но не приняли въ соображеніе главной виновницы всего этого—Марины Савишны.

Когда ей сказали, что ее отправятъ въ богадѣльню, старуха побѣлѣла и зашаталась. Потомъ она опустилась на стулъ, и беззвучно, горько заплакала.

— Что ты? Что съ тобой?—изумилась Наля.

Но нянька ничего не отвѣчала. На ея старую душу извѣстіе это подѣйствовало, какъ ударъ грома.

Да, конечно, ей было худо теперь; но по крайней мѣрѣ она была близко къ своимъ дѣточкамъ, она могла видѣть ихъ каждый день; неудобствъ ея теперешняго жилища она не замѣчала, вся уйдя въ свое горе и въ свои мысли. Но богадѣльня...

Какъ на многихъ простыхъ людей, такъ и на няню слова «богадѣльня» и «больница» наводили паническій ужасъ. Ей казалось, что это могила, въ которую ее опустятъ живой; что это темница, изъ которой нѣтъ выхода. Въ ея умѣ слово «богадѣльня» какъ-то смѣшивалось со словомъ «живодерня», куда отправляютъ старыхъ лошадей. Даша горничная и кухарка Феня поддерживали въ ней этотъ страхъ, разсказывая всякіе ужасы, что въ богадѣльняхъ заставляютъ побираться, что даютъ мясо съ червями и т. п.

Тогда поведеніемъ няньки возмутились. Ей заявили, что кормить ее у Букрѣевыхъ не станутъ, что платить за ея аппартаменты никто не намѣренъ и что подобнаго тунеядства допускать нельзя.

Все это говорилось съ доброй цѣлью заставить няньку поступить въ богадѣльню и полно было логики и справедливости, но старухой начинало овладѣвать озлобленіе.

— Растила, ходила, холила, отслужила и ну тебя, не будь дармоѣдкой, ступай въ богадѣльню. Да кабы Елена Павловна была жива, неужто бы она до этого свою няньку допустила?..—и старуха глотала горькія слезы и укоризненно трясла головой.

Ей вручили письмо и внушили

строго-настрого, что надо пойти съ этимъ письмомъ къ барину, туда-то и туда-то; онъ отдастъ распоряженіе, и черезъ день-два ее уже устроятъ на новомъ мѣстѣ.

Нянька взяла письмо, поджавъ губы, и ушла. Дней пять ея не было видно. Наконецъ Наля поймала ея у Букрѣевыхъ въ кухнѣ, гдѣ она о чемъ-то шепталась съ вѣрнымъ своимъ другомъ и наперсницей Дашей.

— Ну что, няня, была?—спросила Наля.

— Была,—отвѣтила та.

— Что же тебѣ сказали?

— Сказали недѣльки черезъ три зайти, а сейчасъ мѣстовъ нѣту.

— Не можетъ этого быть.

— Такъ и сказали.

— Да кто сказалъ-то?

— Священникъ.

— Какой еще священникъ?

— Тамошній священникъ, къ которому я ходила. Ужъ онъ знаетъ.

— Да вѣдь тебѣ велѣли къ Каширину сходить, а не къ священнику!

— Ну, а священникъ лучше знаетъ.

— Няня, не выводи меня изъ терпѣнія! Здѣсь все написано подробно. Даша, вы грамотная: объясните ей толкомъ, какъ найти Каширина, и завтра же пусть она къ нему сходитъ часамъ къ 10.

— Слушаю-съ, барышня!—отвѣтила Даша сухимъ тономъ, недружелюбно поглядѣвъ вслѣдъ Налѣ. Ей самой казалось черной несправедливостью, что няньку отсылаютъ въ богадѣльню:

— Жила бы у меня за перегородкой, мѣста бы хватило. Не объѣла бы небось!..

Вскорѣ Наля опять вспомнила о нянькѣ. Черезъ двѣ недѣли назначенъ былъ ея отъѣздъ за границу, и пора было покончить съ этой исторіей. Она велѣла Дашѣ разыскать няньку. Та какъ изъ-подъ земли явилась: очевидно, сидѣла у Даши за перегородкой.

— Ну что же, няня, была вчера, какъ я приказала?

— Понятное дѣло, была.

— Что же, когда перебираешься?

— Велѣли недѣльки черезъ три зайти узнать.

— Нянька, да ты опять у священника была?

— Понятное дѣло, у священника, кому же лучше знать.

Упорство няньки было такъ необычайно, что Наля прибѣгла къ авторитету дяди-полковника. Призвана была Марина Савишна къ обѣду,—когда въ столовой сидѣло, какъ всегда у Букрѣевыхъ, съ чадами и домочадцами человѣкъ 15,—и допрошена.

— Марина Савишна! Какъ же вамъ не стыдно? За васъ хлопочутъ, о васъ тревожатся, а вы не хотите пальцемъ пошевелить, чтобы помочь намъ.

Старуха то краснѣла, то блѣднѣла, упорно смотря въ землю.

— Вамъ будетъ очень хорошо въ богадѣльнѣ, народу тамъ немного, чисто, кормятъ хорошо, и ужъ будьте спокойны за себя...—уговаривали ее всѣ, не исключая молодого поручика, жениха старшей дочери Букрѣевыхъ.

На него старуха прямо-таки окрысилась, когда онъ ей сказалъ:

— Непохвально, старая, непохвально!

— Молодъ, батюшка, учить меня, старуху.

— Не жалѣешь свою барышню.

— *Я* ее не жалѣю?—у няньки что-то перехватило въ горлѣ, и она взглянула на сидѣвшую молча Налю.

— Словомъ, нянька,—сказалъ полковникъ:—слушаться команды: завтра же ты пойдешь...

— Пойду.

— Къ кому же ты пойдешь?

— Къ священнику пойду, — тихо сказала нянька.

Полковникъ плюнулъ, а полковница сказала:

— Ахъ, уберите ее! Она меня раздражаетъ; все равно съ ней добромъ ничего не подѣлаешь.

Подъ общій хохотъ старуха поплелась за перегородку къ Дашѣ, гдѣ онѣ до поздней ночи шептались и всхлипывали.

На другой день Наля приняла героическое рѣшеніе. Она приказала разбудить себя въ 7 часовъ и въ 8 была уже въ одномъ изъ грязныхъ закоулковъ Москвы, бродя по двору, мокрому отъ талаго снѣга, и разъискивая квартиру сапожника Евстигнея.

Наконецъ, гдѣ-то на задворкахъ она нашла подвалъ, на одномъ изъ оконъ котораго красовался наклеенный на стекло артистически вырѣзанный изъ бѣлой бумаги сапогъ.

Спустившись по липкимъ ступенямъ, она очутилась въ небольшой, низкой комнатѣ, обдавшей ее сырымъ тепломъ и запахомъ кожи и махорки. Грязный мальчишка съ ремешкомъ на головѣ взглянулъ на нее съ изумленіемъ. Дѣйствительно, изящная фигурка Нали въ траурѣ, оттѣнявшемъ ея золотые волосы, довольно оригинально выдѣлялась на фонѣ грязнаго подвала.

— Вамъ кого надоть?

— Марина Савишна Карнѣева тутъ живетъ?—еле проговорила ошеломленная этимъ воздухомъ Наля.

— Савишна? — онъ ткнулъ пальцемъ въ правый уголъ:—Тамотка она.

Но, услышавъ голосъ молодой дѣвушки, Марина уже бѣжала къ ней навстрѣчу:

— Налюшка, матушка, это ты? Сюда, сюда поди, у меня почище!

Старуха взволновалась неожиданнымъ появленіемъ Нали и ея суровымъ взглядомъ; дѣвушка напустила на себя особенную строгость.

— И ты здѣсь можешь жить? — медленно произнесла она.

Нянька засуетилась:

— Да чтò-жъ, у меня тутъ ничего... вотъ кроватка, сундукъ, да Божье благословеніе, чего же мнѣ больше-то...

— Одѣвайся,—лаконически приказала ей та.

— Матушки! Куда-жъ это, анделъ мой, Налюшка...—захлопотала нянька, предчувствуя неминуемую катастрофу.

— Одѣвайся! — еще строже повторила Наля.

Старуха замолкла и, перебирая губами, суетливо принялась одѣваться. Отъ волненія руки у нея дрожали и не попадали въ рукава; тесемки путались, все валилось. Въ своемъ испугѣ она была до того жалка, и что-то было такое дѣтски - безпомощное въ этомъ старомъ человѣкѣ, дрожавшемъ передъ властью и авторитетомъ своей молоденькой воспитанницы, что у Нали защемило на сердцѣ, но она твердо рѣшилась довести свою задачу до конца.

Когда старуха кончила одѣваться, Наля также строго приказала ей:

— Идемъ.

Не поспѣвая за ней, нянька быстро сѣменила по грязному двору, незамѣтно крестясь подъ шубкой и призывая царя Давида и всю кротость его.

Наля усадила ее въ сани. Молча доѣхали онѣ до дома, гдѣ жилъ Каширинъ. Въ передней она велѣла нянькѣ ждать, а сама прошла къ хозяину... Минутъ черезъ десять позвали туда и няньку. Какъ жертва на закланіе, пришла она въ роскошно убранный кабинетъ и стала у мольберта съ портретомъ хорошенькой балерины, какъ живая противоположность ей.

— Благодари барина!—сказала Наля.—Принимаютъ тебя сегодня же.

— Да, нянюшка, милости просимъ, — любезно сказалъ ей Каширинъ, молодой, красивый блондинъ:— сейчасъ же лакей мой васъ туда отвезетъ, сегодня устроитесь, а завтра можете сходить за своими вещами.

— Благодари же, няня!..

— Я и то благодарю... — дрожащимъ голосомъ пробормотала старуха. Черезъ минуту бравый унтеръ Григорій подхватилъ ее, какъ коршунъ цыпленка, не давъ ей опомниться, и увезъ; а Наля даже хорошенько не простилась съ ней, чтобы «не расчувствоваться»,—такъ ей стало вдругъ жаль «глупой старухи».

III.

Потянулось житье въ богадѣльнѣ.

Дни тамъ походили одинъ на другой.

Богадѣльня выстроена была рядомъ съ церковью при кладбищѣ, находившемся за чертой города. За грязнымъ шоссе, по которому день-деньской ѣхали скрипучіе обозы и слышались брань и пѣсни погонщиковъ, или медленно тянулись погребальныя процессіи, сопровождаемыя похороннымъ пѣніемъ и рыданіями, стояла бѣлая каменная ограда, у воротъ которой раскинули свои палатки торговцы крестами, надгробными вѣнками и цвѣтами, смотря по сезону то живыми, то искусственными. Рядомъ съ чахлыми кустиками резеды и темненькихъ анютиныхъ глазокъ, лежали вѣнки изъ необыкновенно-красныхъ или синихъ иммортелей; ихъ покупали заплаканныя женщины и несли на дорогія могилки.

Это близкое сосѣдство со смертью налагало на богадѣлокъ отпечатокъ тишины и сосредоточенности. Молчаливыя, онѣ ходили, какъ черныя тѣни, безшумно ступая войлочными туфлями и разговаривая вполголоса.

Въ стѣнахъ богадѣльни не было жизни—было только приготовленіе къ смерти, не было смѣха—былъ только старческій кашель, да тяжелое оханье; не было настоящаго — одно прошлое, которымъ жили всѣ эти старухи, изъ которыхъ многія почти впали въ дѣтство.

Жизнь ихъ была несложна: чай, уборка комнаты, обѣдня, обѣдъ, вязанье безконечнаго чулка или что-нибудь въ этомъ родѣ, гаданье на картахъ, иногда постирушка, ужинъ и—сонъ съ 9 часовъ, тяжелый, старческій сонъ съ кошмарами, тяжкими вздохами и удушливымъ хрипѣньемъ. Разнообразили ихъ день рѣдкія, очень рѣдкія посѣщенія кого-нибудь изъ близкихъ, если такіе были, да тихіе разговоры о томъ, кто что видѣлъ во снѣ, да какъ кто раньше жилъ.

Было ихъ всего двадцать пять старухъ. Ссориться имъ было не изъ-за чего: у каждой все было свое, постель, чайникъ, столикъ со шкапомъ и т. д. Рѣдко онѣ за что-нибудь ворчали или грозили другъ другу страшнымъ судомъ.

Попавъ въ эту обстановку, нянька первое время тосковала жгучей, нестерпимой тоской. Все ей было въ диковину. Она привыкла къ шуму, смѣху, дѣтскому говору, веселымъ, молодымъ лицамъ, къ уютной своей комнаткѣ, толстому коту, вкусной ѣдѣ и дѣятельной, входящей въ чужіе интересы и дѣла, жизни. Теперь ей казалось, что ее замуровали. По ночамъ она вскакивала — ей все казалось, что она слышитъ дѣтскій плачъ: мысль ея невольно возвращалась къ далекому прошлому.

Каждый черный гробъ, проносимый мимо ея оконъ, и похоронное пѣніе напоминали ей о недавней утратѣ и заставляли плакать тихими старческими слезами.

Она была одна на свѣтѣ... и это ей казалось страшной несправедливостью.

У нея никто не бывалъ. Наля вы-

звала ее письмомъ проститься передъ отъѣздомъ, обѣщала писать—да такъ и не написала. До того ли ей было? Шурикъ занимался, сидѣлъ въ корпусѣ; богадѣльня была слишкомъ далеко. Всѣ забыли старую няньку. Иногда только она заходила къ Дашѣ, и та сообщала ей подслушанныя за обѣдомъ новости о Налѣ, объ ея письмахъ, объ ученьи Шурика. Иногда мелькомъ видѣла она его: толстый Шурикъ небрежно, какъ «настоящій мужчина» (онъ сильно копировалъ поручика), кидалъ ей: «здравствуй!» — и когда она цѣловала его руки и обливала ихъ слезами, приговаривая: «Батюшка ты мо-ой! Ферувимчикъ ты мо-ой!» — онъ вырывался отъ нея и убѣгалъ, сказавъ ей на прощанье мужественнымъ басомъ:

— Полно нюнить, старая, полно!

Тогда она долго еще плакала въ углу за перегородкой, но въ комнаты показываться не смѣла, — полковникъ строго запрещалъ «разводить въ домѣ старухъ», какъ онъ выражался.

Мало-по-малу нянька стала однако привыкать. У нея нашлась пріятельница, сосѣдка ея по кровати, бывшая экономка Кашириныхъ, бабушка Григорьевна, бѣленькая, чистенькая старушка. Она завязала съ нянькой дружбу, и съ этой поры старухѣ стало легче житься. Живая душа была, съ которой можно было по цѣлымъ днямъ разговаривать; а ужъ для женскаго сердца это большое облегченіе.

И толковали онѣ часами.

Странное дѣло! Ни та, ни другая не думали жаловаться другъ другу на «неблагодарность» господъ, на то, что ихъ не навѣщаютъ, — напротивъ, одна другой съ гордостью разсказывали о своихъ господахъ, о томъ, какъ тѣ ихъ любили, какъ вотъ «слава те, Господи, пристроили подъ старость», старались перещеголять другъ друга въ разсказахъ о красотѣ барыни, о важномъ положеніи ихъ барина, объ умѣ и добромъ сердцѣ дѣтей и т. д. Вынимались изъ сундуковъ завѣтныя карточки, и проливались надъ ними горькія слезы...

Нянька начинала находить свое существованіе сноснымъ.

Она стала одѣваться въ черное, пріучилась низко кланяться, креститься на каждомъ шагу, нараспѣвъ призывать благословеніе Божіе на своихъ благодѣтелей, тихо ступать и поминутно плакать.

Жизнь вошла въ свою колею.

Прошелъ годъ, безрадостный, тусклый.

И вотъ, неожиданное извѣстіе всколыхнуло няньку, мигомъ прогнало овладѣвшую ею апатію, заставило взволновться не только ее, но и Григорьевну.

— Наля пріѣхала! Наля будетъ у нея!

Она прислала ей открытое письмо, съ приказаніемъ быть въ воскресенье днемъ неотлучно въ богадѣльнѣ, такъ какъ она пріѣдетъ.

Проживъ годъ въ Парижѣ и пріѣхавъ на мѣсяцъ въ Россію по дѣламъ, Наля была страшно возбуждена. Въ Волочискѣ она чуть не расцѣловала перваго артельщика, заговорившаго съ ней по-русски, такъ она соскучилась по «дыму отечества»; теперь ей хотѣлось все и всѣхъ обнять, и казалось, что она всѣхъ какъ-то особенно любитъ: и Шурика, и Букрѣевыхъ, и няньку. Ей хотѣлось ее увидѣть, и она рѣшила кстати взглянуть, какъ старуха живетъ, — прокатиться въ богадѣльню. Осень стояла чудесная, и это было пріятной прогулкой.

Со времени полученія письма нянька сдѣлалась сама не своя. Она залила слезами письмо и дрожала отъ лихорадочнаго волненія, ожидая Налю. Все у нея валилось изъ рукъ.

Она разбила свою любимую «аппетитную» чашку и даже не пожалѣла объ этомъ.

Наля пріѣхала со своей подругой Мартой около 3-хъ часовъ. Обѣ нарядныя, веселыя, онѣ были похожи на двухъ веселыхъ птичекъ, нечаянно залетѣвшихъ въ эту обитель старости и смерти. Но словно въ честь ихъ и обитель сама выглядѣла веселѣй, чѣмъ обыкновенно. Солнце ярко заливало бѣлую церковь и ограду; золотые кресты горѣли на голубой эмали неба. На землю съ легкимъ шелестомъ падали желтые листья; у воротъ пышно распускались кусты яркихъ, растрепанныхъ астръ и георгинъ.

Подъѣзжая къ оградѣ, подруги увидѣли, какъ отъ группы черныхъ фигуръ, собравшихся у крыльца одноэтажнаго домика, отдѣлилась одна и, махая руками, побѣжала къ нимъ навстрѣчу, а подбѣжавъ, бросилась къ Налѣ и съ громкимъ рыданіемъ упала ей на грудь.

— Ну, полно, полно, няня! — ласково успокаивала ее растроганная Наля и, обнявъ старуху, пошла съ нею въ домъ, по дорогѣ здороваясь съ кланявшимися ей богадѣлками, которыя причитали:

— Ну вотъ и дождалась, Марина Савишна, привелъ Богъ дожить; а ужъ какъ ждала-то она васъ, барышня, все надъ вашимъ письмецомъ плакала!..

Когда онѣ вошли въ палату, Наля взглянула на няньку пристальнѣе—и замерла. За этотъ годъ старуха какъ-то вся ссохлась, сморщилась, пожелтѣла; она вся тряслась отъ волненія и не могла выговорить ни слова.

Но послѣ первой радостной встрѣчи къ ней словно вернулось прежнее настроеніе! Она суетилась, вставала, садилась, говорила безъ умолку, и смѣялась счастливымъ, дѣтскимъ смѣхомъ. Съ гордостью показывала она Налѣ все, что у нея сохранилось «еще отъ мамы»,—скатертки, ложки, разрозненныя чашки и т. д. Непремѣнно захотѣла напоить ихъ чайкомъ, вытащила свой самоварчикъ. Растрогалась до слезъ тѣмъ, что Наля навезла ей всякой всячины: чаю, сахару, варенья, теплый платокъ и т. п., это было ей особенно пріятно, потому что богадѣлки увидятъ, какъ ее любитъ ея ненаглядная барышня. Но надъ чѣмъ она дѣйствительно заплакала, это что Наля привезла ей антоновскихъ яблокъ:

— Вспомнила, анделъ ты мой, что люблю чайку попить съ кисленькими яблочками! Вспомнила, бральянтовая!..— и она цѣловала Налю и гладила ее по головѣ и опять плакала. Всѣ трое усѣлись въ столовой, ярко залитой солнцемъ. Самоваръ привѣтливо шумѣлъ. Наля и Марта пили чай съ вареньемъ, а нянька смотрѣла имъ въ ротъ съ нѣжностью, вся просвѣтленная, и только нервно вздыхая отъ времени до времени.

Кусокъ не шелъ ей въ горло, и слезы радости то и дѣло набѣгали на глаза.

— Ужъ какъ я рада-то, что ты вернулась изъ этой заграницы!—промолвила она.—Тамъ, сказываютъ, чума теперь идетъ!

Наля расхохоталась.

— Да мнѣ наша дьяконица говорила надысь...

— Я не тамъ была, гдѣ чума, няничка! Я отъ нея далеко была.

— Чума отъ насъ налѣво, а Наля была направо, — сказала Марта, стараясь сдѣлать поясненіе доступнымъ нянькѣ.

— Ну то-то!—расплылась та въ блаженной улыбкѣ:—а то я цѣльную недѣлю не спала, покудова Дашутка мнѣ не сказала, что ты письмо прислала,— я все плакала.

— Вотъ отчего у тебя глаза такіе

красные! — съ сожалѣніемъ сказала Наля.

— Да вотъ, чтой-то все болятъ да болятъ...—отвѣчала нянька, вытирая глаза платкомъ.

— Чего жъ ты къ доктору не пошла?

— Да чего къ доктору-то... вотъ еще...—Нянька не договорила, что и къ доктору не хотѣлось ей идти, такая на нее отчаянность нашла: «болятъ—и пусть ихъ болятъ. Кому она нужна-то?..»

— Марта, когда я уѣду, присмотри хоть ты, чтобъ она сходила къ доктору!..

— Обѣщаю тебѣ.

— А ты развѣ скоро уѣдешь?— Сердце у няньки ёкнуло.

— Няничка, уѣду... надо вѣдь учиться... Но я на Святой опять пріѣду!

— Когда же уѣзжаешь-то?—упавшимъ голосомъ произнесла нянька.

— Дней черезъ 6—7, няня, я еще должна къ дѣдушкѣ въ Петербургъ заѣхать...

— Господи! А я думала ты совсѣмъ осталась бы тутъ... Богъ дастъ замужъ бы вышла... — подавленнымъ голосомъ сказала старуха.

— Ну, няня, замужъ-то я еще не хочу! Успѣю наплакаться! — отшутилась Наля.

Нянькино разочарованіе было ужасно, но она побѣдила его.

«Что же Бога гнѣвить! Хоть привелъ повидать, а то и умерла бы, не видѣвши!»

— Ну, вотъ и хорошо, вотъ и хорошо...—растерянно говорила она.

Только когда онѣ встали и начали прощаться, храбрость покинула няньку.

Ея прошлое, ея прекрасное прошлое на мигъ опять воскресло, въ лицѣ этой дѣвушки, освѣтило все вокругъ—и вотъ теперь снова все стало темно для бѣдной старухи. Припавъ къ Налѣ, она разрыдалась, какъ ребенокъ.

— Ты меня словно хоронишь, няня!—усовѣщивала ее та. Наконецъ она должна была дать обѣщаніе, что еще пріѣдетъ разокъ.

— Я теперь страшно занята, няня, у всѣхъ вѣдь надо побывать, да еще въ деревню къ тетѣ Войновой съѣздить; но въ субботу я у тебя непремѣнно буду, слышишь? Непремѣнно; жди меня и никуда не уходи.

И онѣ упорхнули, свѣжія, веселыя, счастливыя, привѣтливо простившись со всѣми богадѣлками, оставивъ мелочи богадѣльной кухаркѣ и лучъ надежды—нянькѣ.

IV.

Съ этого дня вся жизнь Марины Савишны сосредоточилась на ожиданіи субботы.

Всю недѣлю она еле могла ѣсть и пить, и совсѣмъ почти не спала. Она безъ конца разсказывала Григорьевнѣ бабушкѣ всѣ подробности визита Нали, повторяла каждое ея слово, восхищалась ея умомъ и ея красотой.

Нечувствительно отъ настоящаго она переходила къ прошлому. Вспоминалось, какъ Налюшка въ 11 мѣсяцевъ научилась ходить и сползла на дачѣ съ высокой лѣстницы; какъ у нея легко рѣзались зубки; какъ она все бывало на рукахъ такъ и танцуетъ; ужъ такая была веселая! А смышленая-то какая: въ пять лѣтъ самоучкой читать выучилась. И какая была сердечная да ласковая!

— Бывало взберется ко мнѣ на колѣни, обниметъ ручонками да и начнетъ гладить по лицу и приговаривать: вотъ постой, няничка, ужо выросту большая, будетъ у меня для тебѣ комната, зеленая съ цвѣточками, и кресло, какъ у бабушки...

— Ишь, занятная какая!—почтительно усмѣхалась Григорьевна.

— Да, говоритъ, и будешь ты сидѣть въ креслахъ да чай пить. А я ей: не надо мнѣ и комнаты, ты-то была бы богатой, а я хоть и на лавочкѣ посижу. И вотъ помяни ты мое слово, Григорьевна,—оживлялась нянька:—такая-то красавица, какъ моя Налюшка, выйдетъ за богатаго, возьметъ меня къ себѣ и будетъ на старости покоить!..

Каждое утро нянька часами простаивала на колѣняхъ, поставивъ свѣчку и кладя земные поклоны съ горячею молитвой о здравіи рабы Божіей Наталіи.

Перечитывалось ея письмо, вынимались ея дѣтскіе башмачки и золотистые волосики.

— Тотъ разъ не успѣла показать, таперича покажу. Вотъ, скажу, сберегла твое-то... видишь? Кабы мама-то жива была!.. Господи!..

Она даже къ доктору сходила:

— Велѣла! — Безпремѣнно, говоритъ, няня, сходи.

Докторъ сказалъ, что это отъ старости, и велѣлъ примачивать крѣпкимъ чаемъ, а главное—не плакать.

Но зачѣмъ же теперь плакать, теперь только думать о ней, ждать ее; если и будутъ слезы, такъ отъ радости! А отъ нихъ какъ будто и глаза не болятъ.

Все сводилось къ пріѣзду Нали. Строились планы, что ей сказать, о чемъ попросить: чтобъ берегла себя, носила бы калоши, не простужалась бы!..

Многаго не успѣлось сказать за тотъ пріѣздъ: теперь все это наверстается.

Только бы поскорѣе!

И вотъ наконецъ пришла желанная суббота.

Няня проснулась въ 4 часа, но даже къ обѣднѣ не пошла: надо было все прибрать у себя. Хоть и прибиралось каждый день все «для Налюшки», но сегодня окончательно хотѣлось навести чистоту.

Няня надѣла все чистое на постель, перечистила образа, зажгла лампадку, вымыла и окно свое, и столъ. На послѣдніе гроши приготовила гостинцевъ: шоколаду (Налюшка очень его любитъ) и сладкихъ пирожковъ—вчера еще сходила въ городъ купила. Приготовила все показать, всѣ карточки, всѣ воспоминанія. И богадѣлки всѣ заразились ея волненіемъ и принимали участіе въ ея хлопотахъ: Григорьевна дала вязаную бѣлую салфетку на столикъ, другая старушка — вазочку для варенья.

«Часамъ къ 12-ти...»—мелькало въ головѣ у Марины Савишны.—«Небось встаетъ-то поздно... Никогда раньше десяти не просыпалась... пока одѣнется, пока доѣдетъ».

Когда стрѣлка доползла до 12-ти, старуха не въ состояніи была сдержаться, вышла за ограду и сѣла на скамеечку. Она даже хорошенько не слыхала, кто съ ней заговаривалъ. Къ проходившему мимо батюшкѣ она подошла подъ благословеніе съ низкимъ поклономъ и сообщила, не выдержавъ (его всѣ очень любили):

— Барышню жду!

— А, ждешь! Ну, это хорошо, что она старость почитаетъ!—благосклонно отвѣтилъ онъ и пошелъ дальше.

Сообщила свою новость няня и городовому, стоявшему на посту у воротъ, и продолжала сидѣть.

Время отъ времени къ ней подходили богадѣлки.

— Теперь ужъ, вѣрно, скоро!

Обѣдать она не пошла, не до ѣды ей было — да и боялась пропустить Налю.

Даже городовой принялъ участіе въ ея тревогѣ и не разъ говорилъ ей:

— Не это ли твоя барышня ѣдетъ?

Нянька вздрагивала и, прикрывъ слабые глаза рукой, вся трепеща смо-

трѣла на шоссе, но ѣхали на извозчикахъ то двѣ горничныхъ въ платочкахъ, то толстая купчиха съ узлами; Нали все не было. Сердце у старухи замирало. Каждый стукъ подъѣзжающаго извозчика отдавался у нея прямо въ сердцѣ.

Она лихорадочно крестилась и шептала:

— Господи, что же это?

Все ея существо превратилось въ одно напряженное ожиданіе.

Мало-по-малу солнце стало спускаться все ниже. Косые, красноватые лучи обливали мягкимъ свѣтомъ бѣлую церковь. Потянулся черный рядъ богадѣлокъ въ церковь. Отзвонили къ вечернѣ.

Няня все сидѣла, не шевелясь.

Въ ограду вошелъ почтальонъ и скрылся въ домѣ богадѣлокъ. Черезъ нѣсколько минутъ Григорьевна со всей скоростью своихъ старыхъ ногъ заковыляла къ скамейкѣ, гдѣ сидѣла няня:

— Ты тутъ, а тебѣ письмо! Почтальонъ велѣлъ отдать Маринѣ Савишнѣ Карнѣевой.—У няньки упало сердце. Обѣ старухи засуетились.

— Ахъ ты, Господи! Прочитай скорѣе, Григорьевна, что такое?—Она вся дрожала.

— Ахти, грѣхъ какой! И куда это я очки-то засунула!

Наконецъ, Григорьевна вооружилась очками и наклонилась надъ письмомъ.

Нянька хотя и была безграмотна, но тоже впилась жаднымъ взглядомъ въ черныя буквы, словно силясь понять ихъ.

«Дорогая няничка!» — писала Наля.—«Прости меня, что я не успѣла у тебя побывать. Всю недѣлю была безумно занята, а сегодня съ утра должна ѣхать къ однимъ знакомымъ, невозможно отказаться. Завтра уѣзжаю въ 3 часа и изъ-за укладки конечно не успѣю заѣхать. Но ты не грусти, милая няничка; на Святой непремѣнно пріѣду и навѣщу тебя. Будь здорова, полѣчи глаза. Цѣлую тебя крѣпко— твоя Наля».

— Ну что́-жъ...—произнесла няня, вся помертвѣвъ, но собрала все свое достоинство и съ гордостью сказала Григорьевнѣ:

— Понятно не могла... Какъ же можно. Именины вѣдь! На Святой безпремѣнно пріѣдетъ.

Григорьевна съ тонкой деликатностью не противорѣчила пріятельницѣ:

— Ужъ конечно, нельзя, такъ нельзя. Ну что́-жъ, пойдемъ чайку попить, у меня кипятокъ есть; вѣдь день цѣльный ничего не ѣла.

И она пошла впередъ.

Марина Савишна поплелась за нею, съ трудомъ передвигая ноги.

Какъ бы по молчаливому соглашенію ни Григорьевна, ни другія богадѣлки не приставали къ нянѣ и не бередили ея раны докучными разспросами.

Только когда Марина Савишна взглянула на свой весело убранный столикъ, на шоколадъ и пирожное, она вся еще больше побѣлѣла и проглотила слезы, но ничего не сказала.

Зато ночью, когда всѣ уснули, она долго не спала. Она смотрѣла въ темноту своими старыми глазами, и въ ушахъ ея, покрывая сонные старческіе вздохи и кряхтѣнье, слышался лепетъ пятилѣтней крошки Нали:

— Няничка моя, золотая, брильянтовая, любимая! Я никогда съ тобой не разстанусь, никому тебя не отдамъ; ты моя вѣдь? Моя няня?..

И по сморщеннымъ щекамъ ея текли горькія слезы, слезы старости, тоски и одиночества.

* * *

Пой мнѣ веселыя пѣсни,
Смѣхомъ тоску разгони;
Въ эти печальные дни
Ты говори мнѣ: «воскресни,
И оживися душой!»
Пѣсни веселыя пой!

Пой мнѣ про бури и грозы,
Плачемъ веселье спугни
Въ эти счастливые дни,
Чтобъ не забылъ я про слёзы
Братьевъ, разбитыхъ борьбой,—
Пѣсни мнѣ грустныя пой!

А. Кругловъ.

Какъ я завоевалъ себѣ жену.

Рождественскій разсказъ (посмертный) **Георга Эберса.**

(Переводъ съ рукописи.)

Родился младенецъ въ Виѳлеемѣ,
Радуйся, Іерусалимъ,—

прозвучало въ окно. Точно такъ же звучали эти торжественныя слова и въ ту приснопамятную ночь, когда я получилъ право назвать своею мою дорогую жену. И если я пользуюсь тихими ночными часами—когда жена моя и дѣти отошли ко сну—чтобы изложить на бумагѣ, какъ я, Леонардъ Гроландъ изъ Нюрнберга, завоевалъ свою горячо любимую супругу, то я дѣлаю это затѣмъ, чтобы позднѣйшіе члены нашего рода знали истину относительно обрученія и брака ихъ родителей. А затѣмъ я начинаю разсказъ.

Мой дворянскій родъ, равно какъ и родъ моей жены, т. е. Гроланды и Гарсдерферы, принадлежатъ къ наиболѣе уважаемымъ родамъ въ Нюрнбергѣ. Мой родъ древнѣе, а родъ Гарсдерферовъ богаче. Отецъ моей жены, Гансъ Гарсдерферъ, вернулся изъ Богемской земли, гдѣ его родичи временно основались, снова въ Нюрнбергъ и былъ принятъ въ число членовъ достопочтеннаго Совѣта. Его добродѣтельная супруга, Маргарита, изъ стараго нюрнбергскаго рода Нютпелей, не имѣла мужского потомства, но зато подарила мужу трехъ дочерей, и этимъ прелестнымъ трилистникомъ родители смѣло могли гордиться, хотя всѣ три дочери были совершенно различны.

Красотой и высокимъ образованіемъ старшая далеко превосходила двухъ младшихъ сестеръ, и когда говорили о «прекрасной Гарсдерфершѣ», то имѣли въ виду именно ее одну. Вторую, прелестную, домовитую Урсулу, называли иногда дома «Урсель»; третью, жизнерадостнаго, вѣчно смѣющагося, очаровательнаго сорванца, съ хорошенькой, подвижной фигуркой и свѣтлыми кудрями — звали «Аннеле», но имя старшей, Катерины, всегда оставалось неизмѣннымъ, и строгій старикъ Гансъ Гарсдерферъ любилъ называть ее «своей настоящей дочкой». Катеринѣ это могло быть только лестнымъ: ибо если во всемъ Нюрнбергѣ можно было назвать кого-либо непогрѣшимо честнымъ человѣкомъ, такъ именно ея отца. Если Гарсдерферу удалось достичь столь многаго отъ богемской короны для города и Совѣта, такъ только благодаря общей увѣренности — которую онъ оставилъ и въ Прагѣ — что изъ данныхъ имъ обѣщаній ни одна іота не останется невыпол-

ненной. Несмотря на бремя собственныхъ заботъ, онъ успѣвалъ такъ много дѣлать для города и Совѣта, что, по его кончинѣ, работу его пришлось возложить на четверыхъ. А такъ какъ самъ онъ никогда не жалѣлъ своихъ силъ, то требовалъ, чтобы и другіе отдавали дѣлу всѣ свои силы и способности, что, конечно, создавало ему не мало враговъ.

Однако, немногимъ въ Совѣтѣ человѣкъ этотъ,—твердый, какъ скала,—такъ сильно противодѣйствовалъ, какъ моему отцу. Правда, отецъ мой, въ своей грубоватой, хотя всегда жизнерадостной манерѣ, составлялъ полную противоположность «богемцу», какъ онъ любилъ называть Ганса Гарсдерфера особенно въ тѣ минуты, когда вино развязывало ему языкъ, а это, по старой, рыцарской привычкѣ, случалось съ нимъ довольно часто, въ противность строгимъ, трезвымъ обычаямъ Гарсдерфера. Такимъ образомъ, оба эти человѣка уже по природѣ были совершенно различны, а въ Совѣтѣ и въ дѣлахъ у нихъ возникали постоянныя несогласія. Прежде всего поводомъ къ ссорѣ между Гарсдерферомъ и моимъ отцомъ служилъ чугуноплавильный заводъ въ Энцендорфѣ. Совѣтъ предоставилъ отцу моему право «плавить», а такъ какъ часть энцендорфскаго завода досталась намъ, Гроландамъ, отъ матери, то отецъ надѣялся увеличить свое состояніе плавкой руды; Гарсдерферъ же и здѣсь ему противодѣйствовалъ. И противодѣйствовалъ не изъ злобы и зависти, а просто, сознавая, что отецъ мой не имѣетъ ни средствъ, ни знаній для веденія такого дѣла. Отецъ же видѣлъ въ его дѣйствіяхъ одну слѣпую вражду. Къ этому присоединились еще мелкія пререканія, которыя иногда глубже затрагиваютъ человѣка, чѣмъ серьезныя неудовольствія, и въ концѣ концовъ произошло обстоятельство, послѣ котораго окончательно проломалось дно въ бочкѣ.

Лѣтомъ мы, Гроланды, жили обыкновенно въ Энцендорфѣ, въ доставшемся намъ по наслѣдству домѣ, а Гарсдерферы—въ замкѣ, который въ свое время тоже принадлежалъ ко владѣніямъ моей покойной матери. Оба зданія стояли въ большомъ саду, въ которомъ мы, дѣти, мирно играли вмѣстѣ; но впослѣдствіи сосѣдъ отдѣлилъ свою часть отъ нашей каменной стѣной, чтобы охранить фруктовыя деревья, которыми онъ очень дорожилъ, отъ хищничества заводскихъ мальчишекъ. Между прочими было одно большое, старое дерево, на которомъ къ осени созрѣвала особая порода весьма сладкихъ и вкусныхъ грушъ. Стволъ дерева росъ въ Гарсдерферскомъ саду у самой каменной стѣны, а широкая вершина склонялась къ намъ. Влѣзать на это дерево доставляло величайшее удовольствіе какъ мнѣ, такъ и моему другу Гансу Фолькамеру, и именно изъ-за сосѣдскихъ дочекъ. Катерина и тогда уже была въ моихъ глазахъ прелестнѣйшимъ существомъ въ мірѣ, въ то время какъ другъ мой бредилъ младшей, маленькой Аннеле.

Однако и заводскіе мальчишки нашли дорогу къ дереву: они съ особой дерзостью опустошали его. На бѣду старикъ Гарсдерферъ увидѣлъ меня и моего друга, спускавшихся съ вершины дерева. Онъ приказалъ передать моему отцу, чтобы тотъ строжайше внушилъ мальчуганамъ, чью собственность составляетъ дерево, стоящее у садовой стѣны.

А такъ какъ отецъ мой въ то время былъ уже сердитъ на сосѣда и по другимъ причинамъ, то онъ тотчасъ же отписалъ ему въ изысканныхъ выраженіяхъ, что вопросъ еще не рѣшенъ, принадлежатъ ли плоды тому, на чьей землѣ стоитъ стволъ дерева, или тому, въ чьихъ владѣніяхъ вершина дерева питается воздухомъ и солнечнымъ свѣтомъ, и поэтому предлагаетъ ему, строгому блюстителю права, отдать вопросъ на обсужденіе юридическаго факультета въ Лейпцигѣ или въ Болоньѣ.

Передать Гансу Гарсдерферу это насмѣшливое посланіе — отецъ поручилъ

мнѣ. Не зная содержанія письма, довольный случаемъ встрѣтить хорошенькую дочку сосѣда, я пошелъ къ нему съ письмомъ. Пріемъ, оказанный мнѣ, былъ довольно благосклонный. Гарсдерферъ даже погладилъ мои кудри и объяснилъ, съ какимъ удовольствіемъ онъ узналъ, что и въ школѣ я не позволяю никому опередить себя. Но что̀ я ощутилъ, когда почтенный старикъ, молча пробѣжавъ содержаніе письма, прочелъ мнѣ его вслухъ и рѣзко и сурово воскликнулъ:

— Скажи твоему отцу, что съ подобнымъ посланіемъ жаль посылать такого сына, какъ ты. Что касается до отвѣта, то я сумѣю обойтись безъ благоусмотрѣнія юридическихъ факультетовъ.— Съ этими словами онъ знакомъ подозвалъ садовника, сказалъ ему что-то вполголоса и повернулся ко мнѣ спиной.

Рѣшеніе вопроса пришлось ждать недолго. Рабочіе сосѣда срубили старое дерево: и когда я услышалъ трескъ ствола и шуршаніе вершины, медленно упавшей на землю, я ощутилъ жестокую боль въ сердцѣ, какъ будто самому мнѣ причинили страданіе. Я чувствовалъ также, что въ спорѣ Гарсдерфера съ отцомъ, побѣда осталась не на сторонѣ послѣдняго. Высокая круглая масса листвы съ вѣтвями, отягченными плодами, казалась мнѣ могилой моего счастія, и я невольно прослезился. Но въ то время какъ я, словно обезумѣвъ отъ горя, смотрѣлъ на мертвое дерево, чья-то легкая рука легла мнѣ на плечо, и я увидѣлъ возлѣ себя Катерину, старшую изъ Гарсдерферскихъ дочерей. Она просто и открыто, какъ во время нашихъ игръ, посмотрѣла мнѣ въ лицо и сказала печальнымъ тономъ:

— Бѣдное дерево! Теперь ты не можешь больше смотрѣть на меня съ его верхушки.

Катеринѣ шелъ тогда одиннадцатый годъ, и ея дѣтское сердечко не сознавало того, что произносили ея пунцовыя губки; я же хорошо понялъ смыслъ ея словъ. Дѣвочку радовало, что я такъ часто и съ такимъ горячимъ влеченіемъ смотрѣлъ на нее, и—почемъ знать—можетъ-быть слезы въ ея большихъ, ясныхъ, голубыхъ глазахъ вызваны были не только смертью добраго стараго дерева.

Я собрался съ духомъ и признался ей, что не зналъ ничего болѣе для себя привлекательнаго, какъ смотрѣть на нее съ вершины дерева. Я прибавилъ, въ видѣ утѣшенія, что постараюсь найти другое мѣстечко, откуда буду смотрѣть на нее, какъ бы трудно ни было туда взобраться.

Такое обѣщаніе было ей, должно-быть, по душѣ; она кивнула мнѣ головкой съ той гордой привѣтливостью, которой она тогда уже отличалась. Говорить далѣе намъ не пришлось, потому что маленькая Аннеле, которая всегда была тамъ, гдѣ ей быть не слѣдовало, съ громкими криками о гибели стараго дерева подбѣжала къ намъ. Тогда уже, рядомъ со срубленнымъ грушевымъ деревомъ, взошли сѣмена великой и прочной любви.

Когда я вернулся домой, отецъ мой быстрыми шагами ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ онъ страшно шумѣлъ или разгонялъ свое неудовольствіе грубоватой шуткой; но на этотъ разъ онъ лишь молча кусалъ себѣ усы. Рѣзкій отвѣтъ сосѣда серьезно оскорбилъ его; мать же, которая обыкновенно старалась все уладить и въ особенности любила Аннеле, на этотъ разъ запретила намъ играть съ сосѣдскими дѣтьми. Впрочемъ воздерживаться намъ отъ общенія съ ними пришлось недолго, такъ какъ Гарсдерферы раньше обыкновеннаго переѣхали въ городъ.

Что касается меня, то я былъ очень радъ этому обстоятельству, и дорога въ школу ежедневно убѣждала меня въ вѣрности положенія Эвклида, что лукъ длиннѣе тетивы, такъ какъ я неизмѣнно, вмѣсто прямой дороги въ монастырь, описывалъ дугу, чтобы пройти мимо Гарсдер-

ферскаго двора. Такимъ образомъ случалось, что я нерѣдко встрѣчался съ Катериной. И если намъ было запрещено обмѣниваться словами, и она скромно опускала глаза, когда я снималъ передъ нею шапку, то яркій румянецъ, заливавшій наши щеки, лучше всякихъ словъ говорилъ намъ, какъ мы любимъ другъ друга. Можетъ-быть, по этой-то причинѣ красный цвѣтъ и сдѣлался нашимъ излюбленнымъ цвѣтомъ. По крайней мѣрѣ у нея, еще до тѣхъ поръ какъ я поступилъ въ высшую школу, зимою всегда была красная ленточка въ толстыхъ, отливавшихъ золотомъ, косахъ; весною же—красный цвѣтокъ герани, а осенью—вѣтка рябины съ красными ягодами за лифомъ. Я тоже, хотя лѣто обыкновенно разлучало насъ, успѣвалъ добыть себѣ красный цвѣтокъ на шапку или на камзолъ. Гансъ Фолькамеръ все время былъ мнѣ наперсникомъ, а одно изъ близкихъ къ моей возлюбленной лицъ также замѣтило нашъ нѣмой разговоръ; когда улица была пуста, Аннеле, быстроногая бѣлочка, пользуясь тѣмъ, что Урсель, самая тихая и серьезная изъ сестеръ, смотрѣла въ сторону,—потихоньку пряталась за ея спину и показывала мнѣ оттуда то изображеніе святой Катерины, которое она приносила отъ монахинь, то большое К, написанное чернилами на ладони.

На слѣдующее лѣто Гарсдерферы поселились вмѣсто Энцендорфа въ Эшенбахѣ, на желѣзодѣлательномъ заводѣ; я же отправился, вмѣстѣ съ другомъ моимъ, Фолькамеромъ, въ Гейдельбергскій университетъ.

Когда снова растаялъ снѣгъ, и мы на Пасху пріѣхали домой, я, съ глубокой скорбью, узналъ о постигшемъ меня величайшемъ горѣ въ моей жизни: моя милая, дорогая матушка изнемогла подъ бременемъ страданій. Не было человѣка въ Нюрнбергѣ, который бы не цѣнилъ эту великодушную женщину, слабыя руки которой такъ часто направляли въ благую сторону избытокъ жизнерадостности ея супруга. Я засталъ отца то безпокойно метавшагося по комнатѣ, то въ изнеможеніи приникавшаго лбомъ къ подушкѣ, на которой покоилась голова дорогой усопшей. Между тѣмъ въ домъ приносили вѣнки за вѣнками для возложенія на гробъ умершей. Такіе нѣмые знаки уваженія производили на отца успокаивающее впечатлѣніе; только, когда принесли самый цѣнный вѣнокъ, отецъ быстро выпрямился и приказалъ ключницѣ отдать вѣнокъ тому, кто его принесъ, прибавивъ, что все, исходящее отъ этого человѣка, будетъ непріятно покойницѣ даже подъ могильнымъ холмомъ. Дѣло въ томъ, что отецъ замѣтилъ на одной изъ шелковыхъ лентъ имена Ганса и Маргариты Гарсдерферовъ; я же успѣлъ прочесть надпись и на другой лентѣ, носившую имена трехъ дочерей: Катерины, Урсулы и Анны. Вся кровь вскипѣла у меня въ жилахъ. Я схватилъ руку отца, поднесъ ее къ губамъ и, не забывая должнаго къ нему уваженія, указалъ на имена трехъ дѣвушекъ, умоляя его вспомнить, какъ мать любила этихъ дѣтей и какъ въ особенности ласкала маленькую Аннеле.

Слова мои были, должно-быть, сказаны въ добрый часъ. Отецъ взглянулъ вопрошающе въ лицо усопшей,—и отвѣтъ, который онъ прочелъ, былъ вѣроятно достаточно ясенъ, потому что онъ взялъ вѣнокъ изъ рукъ ключницы и едва слышно приказалъ поблагодарить Гарсдерферовъ.

Нѣсколько дней спустя, я посѣтилъ могилу дорогой усопшей и засталъ у свѣжаго могильнаго холма Катерину и Аннеле. Онѣ принесли съ собою два букета цвѣтовъ, собранныхъ ими на лугахъ, въ Эшенбахѣ. На этотъ разъ намъ удалось обмѣняться нѣсколькими словами и, хотя разговоръ нашъ былъ не длиннѣе предыдущаго, у грушеваго дерева, но и не менѣе знаменателенъ. Все, что я имѣлъ сказать Катеринѣ, заключалось въ словахъ: «Благодарю тебя, я не забуду этого

вовѣки». А ея отвѣтъ весь исчерпывался словами: «Она была такъ добра, Леонардъ, а ты составлялъ ея радость».

Мы молча пошли рядомъ къ воротамъ кладбища. Потомъ Катерина снова обернулась ко мнѣ и спросила, правда ли, что я скоро отправляюсь въ Италію? Я отвѣтилъ, что, хотя и имѣю разрѣшеніе заняться тамъ науками, но останусь дома до Михайлова дня, чтобы не покидать отца одного въ его горѣ.

Катерина возразила, что я поступаю хорошо, и, густо покраснѣвъ, протянула мнѣ свою руку. Маленькая Аннеле въ свою очередь протянула мнѣ ручку и прошептала такъ громко, чтобы мы оба могли ясно слышать ее:

— А вы никогда не забывайте другъ друга!..

Слова эти прозвучали такъ серьезно изъ устъ одиннадцатилѣтней дѣвочки, что я невольно улыбнулся. Катерина же схватила сестренку за руку и увлекла ее за собой. Черезъ нѣсколько шаговъ она однако остановилась, обернулась ко мнѣ, вѣроятно подъ вліяніемъ завѣта своей маленькой сестры—обернулась съ такимъ яснымъ и серьезнымъ взглядомъ, что онъ навсегда запечатлѣлся въ моей душѣ.

— А ты будешь помнить обо мнѣ?— спросила она.

Короткое, но твердое «да», сказанное мною въ отвѣтъ, закрѣпило нашъ союзъ навѣки.

Мнѣ было тогда девятнадцать лѣтъ, а ей около пятнадцати, но какъ я превышалъ цѣлой головой своихъ сверстниковъ, такъ и она переросла другихъ дѣвушекъ своихъ лѣтъ, и ея прекрасную дѣвичью голову можно было уже тогда украсить свадебнымъ вѣнкомъ.

Жизнь дома показалась мнѣ менѣе тяжелой, чѣмъ я ожидалъ. Какъ ни влекло меня въ ученую Италію, я находилъ возможнымъ и въ Нюрнбергѣ поучиться многому; къ тому же и мой другъ Фолькамеръ не покинулъ меня и остался со мной. Великій гуманистъ Виллибальдъ Пиркгеймеръ убѣдилъ насъ посвятить свое время изученію древнихъ, такъ какъ занятіе этимъ предметомъ свило себѣ гнѣздо и въ Нюрнбергѣ. Такимъ образомъ этотъ ученый государственный человѣкъ и воинъ, въ богатомъ, знатномъ домѣ котораго никогда не было недостатка въ знаменитыхъ посѣтителяхъ, сталъ знакомить насъ съ языкомъ грековъ, ихъ благороднымъ образомъ мыслей и поэтическимъ творчествомъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ императоръ Максимиліанъ прибылъ на рейхстагъ въ Аугсбургъ и намѣревался посѣтить и Нюрнбергъ. Мы уѣхали бы уже раньше, если бы достопочтенный Совѣтъ, желая оказать блестящій пріемъ высокому гостю, настроеніе духа котораго, по сообщеніямъ изъ Аугсбурга, было не изъ лучшихъ, не причислилъ меня и Ганса къ тѣмъ шести молодымъ дворянамъ, которые должны были состоять при особѣ императора. Впрочемъ, я не отказался бы отъ этого назначенія, если бы и имѣлъ къ тому возможность. Дѣло въ томъ, что и Катерина Гарсдерферъ, въ виду ея удивительно рано расцвѣтшей красоты, должна была, несмотря на свои пятнадцать лѣтъ, находиться въ числѣ молодыхъ дѣвушекъ, которымъ предстояло первымъ привѣтствовать императора.

Большинство этихъ дѣвушекъ принадлежало къ знатнымъ родамъ; однако было сдѣлано исключеніе для нѣкоторыхъ дочерей ремесленниковъ, отличавшихся особой красотой, и между прочимъ выборъ палъ на «Прекрасную Еву», т.-е. Еву Фейхтеръ, извѣстную всему Нюрнбергу дочь искуснаго золотыхъ дѣлъ мастера Ульриха Фейхтера, нашего сосѣда по городскому дому.

Выѣхавъ вмѣстѣ съ прочими молодыми людьми верхами навстрѣчу императору Максимиліану, я увидѣлъ Катерину въ ряду богато одѣтыхъ дѣвушекъ, увидѣлъ въ первый разъ съ достопамятнаго разговора у кладбищенскихъ воротъ. Одѣ-

тая въ отливавшее серебромъ, свѣтло-голубое, парчевое платье, съ головнымъ уборомъ въ видѣ сѣтки изъ жемчуга и голубыхъ сапфировъ, изъ-подъ которой пышной волной ниспадали ея золотистые волосы, она блистала такой ослѣпительной красотой, что я забылъ управлять своимъ молодымъ жеребцомъ и послѣ долженъ былъ выдержать съ нимъ цѣлую борьбу. Успокоивъ, наконецъ, дрожавшаго всѣмъ тѣломъ коня и заставивъ его подойти ближе къ ряду дѣвушекъ, я замѣтилъ у Катерины три пунцовыхъ полураспустившихся бутона розъ, выглядывавшихъ изъ брабантскаго кружева, которымъ былъ обшитъ четвероугольный вырѣзъ платья вокругъ ея юной, бѣлой, какъ лебедь, шейки. Я зналъ, что розы эти надѣты для меня, точно такъ же, какъ букетикъ красной гвоздики, прикрѣпленный драгоцѣннымъ запястьемъ къ моей шляпѣ съ перьями, былъ надѣтъ ради нея. Словно опьяненный сладкимъ чувствомъ любви, я увидѣлъ приближавшагося на конѣ государя, и, едва владѣя собой, соскочилъ подобно прочимъ на землю, чтобы помочь разостлать левантинскій коверъ, на которомъ императоръ принялъ привѣтствіе совѣта. Императоръ Максимиліанъ былъ человѣкъ царственной осанки и вмѣстѣ съ тѣмъ чарующей привѣтливости, но въ эту минуту я едва замѣчалъ и его высокую фигуру, и роскошную встрѣчу, приготовленную ему городомъ. Только когда онъ приблизился къ молодымъ дѣвушкамъ, во главѣ своей свиты изъ четырехсотъ герцоговъ, князей, графовъ, архіепископовъ, епископовъ и рыцарей, я снова овладѣлъ своимъ вниманіемъ. Прежде всего ему кинулась въ глаза Ева Фейхтеръ, и, дѣйствительно, она походила на пышно расцвѣтшую розу. Съ придворной рыцарской вѣжливостью императоръ приблизился къ ней и удостоилъ нѣсколькихъ милостивыхъ словъ, на которыя она отвѣчала столь же скромно, сколь находчиво.

Но вдругъ императоръ прервалъ свою рѣчь. Онъ замѣтилъ Катерину и тотчасъ же обратился къ пробсту церкви св. Зебальда, Мельхіору Пфинцингу, котораго онъ высоко цѣнилъ, какъ автора «Тейерданка». Узнавъ отъ него, что Катерина дочь Ганса Гарсдерфера, которому онъ былъ обязанъ за добрыя услуги богемской коронѣ, императоръ подошелъ прямо къ Катеринѣ и воскликнулъ:—«Ваше богемское отечество, очаровательная дѣвица, производитъ сверкающіе гранаты, красивыхъ по оперенію фазановъ и разныя другія, пріятныя глазу, сокровища. Но, чтобы узнать, что оно славится также прекрасными дѣвушками, столь полно олицетворяющими любезную намъ, гордую, златокудрую Германію, надо пріѣхать па Пегнинъ». Катерина возразила почтительно, но съ подобающей твердостью, что она не богемка, а нѣмка, дочь города Нюрнберга.

Тогда государь объявилъ, съ какимъ удовольствіемъ онъ убѣждается, что благородный городъ, «пчельникъ имперіи» производитъ кромѣ меда и другія сладкія вещи, а рыцарь Кунцъ фонъ-Розенъ, котораго его величество часто называлъ своимъ «веселымъ совѣтникомъ», также приблизился къ Катеринѣ и сказалъ, что если она, самая младшая изъ дѣвушекъ, ужѐ походитъ на королеву, то впослѣдствіи,—такъ какъ стоять на мѣстѣ означало бы идти назадъ, — ей не остается ничего иного, какъ сдѣлаться святой.

— Только, дай Богъ, безъ мученическаго вѣнца,—прибавилъ императоръ.— Передайте поклонъ вашему отцу и скажите, что я былъ бы очень радъ снова увидѣть его прекрасную дочь сегодня вечеромъ на балу въ ратушѣ.

Съ этими словами онъ направился къ ожидавшимъ его горожанамъ, чему я былъ очень радъ, потому что видѣлъ, какъ тяжело было Катеринѣ служить предметомъ общаго вниманія окружавшихъ ее тысячъ людей. Прямо противъ нея, на мѣстахъ

для зрителей, сидѣла нѣкая Гипперша, домоправительница Антона Тетцеля и,—какъ сестра жены ювелира Ульриха Фейхтера,—крестная мать прекрасной Евы. Она была пренепріятная, недоброжелательная женщина, всегда окруженная четырьмя или пятью кошками, за что мы, мальчуганы, дали ей прозвище Гиппеле-Міауле.

Видя, какъ милостиво императоръ обошелся съ ея крестницей, Гипперша высокомѣрнымъ взглядомъ обвела окружающихъ. Но когда высокій гость и рыцарь Кунцъ фонъ-Розенъ еще долѣе остановились передъ Катериной, выраженіе лица ея внезапно измѣнилось, и она съ притерной, лицемѣрной усмѣшкой посмотрѣла на удостоенную высокаго вниманія дѣвушку. Какъ ни молодъ я былъ, я тотчасъ почувствовалъ, что Катеринѣ нечего ждать отъ нея хорошаго.

Вечеромъ Гарсдерферы, несмотря на крайнюю молодость Катерины, повезли ее въ ратушу на балъ; поступить противъ ясно выраженнаго желанія императора Максимиліана было неудобно. И здѣсь высокій гость удостоилъ ее милостивымъ разговоромъ. Въ то время какъ я проходилъ со своей избранницей мимо, я слышалъ, какъ магдебургскій архіепископъ Эрнстъ проговорилъ, обращаясь къ его величеству и указывая на насъ:—«Вотъ парочка во вкусѣ Господа!»—на что императоръ Максимиліанъ возразилъ: — «А женская половина ея въ то же время и во вкусѣ одного изъ покорнѣйшихъ Его рабовъ».

Я осмѣлился пригласить Катерину на танецъ, не взирая на присутствіе ея родителей и многихъ высокопоставленныхъ лицъ. Во время швабскаго вальса мнѣ казалось, что слишкомъ много блаженства для меня, молодого мальчика, вести ее, куда вздумается, по своей волѣ, и летѣть съ нею вмѣстѣ по залѣ ратуши, словно я былъ въ раю. Въ теченіе той несравненной праздничной ночи мнѣ впервые удалось высказать Катеринѣ все, что жило въ моей душѣ, и услышать отъ нея, что она съ дѣтства носила мой образъ въ своемъ сердцѣ. Намъ посчастливилось въ то же время условиться между собою о многомъ.

Нѣсколько недѣль спустя я покинулъ родной городъ вмѣстѣ со своимъ товарищемъ; но тайны нашей не зналъ никто, за исключеніемъ моего друга, Ганса, и Бербеле Фолькамеръ, его младшей сестры, любимой подруги Катерины.

Сначала въ Падуѣ, потомъ въ Болоньѣ, гдѣ мы изучали не одну только юриспруденцію, я ежегодно получалъ одно или два письма, писанныхъ рукою моей возлюбленной. Нерѣдко, съ письмами Ганса Фолькамера, летѣло и мое письмо въ Нюрнбергъ, и такія постоянныя сношенія съ дорогой сердцу дѣвушкой удваивали мою энергію въ трудѣ и нѣсколько удовлетворяли мое горячее влеченіе къ ней и къ родинѣ. Изъ каждаго письма Катерины я убѣждался, какъ свято она хранитъ нашу любовь, но въ то же время чувствовалъ съ самаго начала, какъ что-то тяготитъ ей сердце. Вскорѣ открылось, что причиной было сильное отвращеніе ея ко лжи, къ которой ей постоянно приходилось прибѣгать, въ особенности по отношенію къ матери,—ради даннаго мнѣ слова. Когда же два знатныхъ молодыхъ человѣка стали одновременно просить у Ганса Гарсдерфера ея руки, и мать, съ своей стороны, стала настаивать, чтобы Катерина на одномъ изъ нихъ остановила свой выборъ, молодая дѣвушка не выдержала. Она нашла въ себѣ мужество прямо объявить суровому отцу, что сердце ея принадлежитъ другому. Мало того, дорогая дѣвушка осмѣлилась назвать мое имя. Тогда отецъ ея вскочилъ съ мѣста, словно ужаленный. Онъ сталъ крупными шагами ходить по комнатѣ и, рѣшительно махнувъ рукой, проговорилъ:

— Вздоръ, который ты скоро выкинешь изъ головы!

Потомъ онъ положилъ свою тяжелую

руку ей на плечо и прибавилъ болѣе мягкимъ тономъ:

— Я люблю васъ, дѣти; развѣ было что-либо, чего бы вы напрасно просили у меня? И взамѣнъ я требую только одного—повиновенія.

Въ тотъ же день онъ посовѣтовалъ претендентамъ постучаться въ другія двери, но уклонился отъ всякаго разговора о тайной любви Катерины. Мать иначе отнеслась къ дѣлу, и съ ея стороны не было недостатка ни въ просьбахъ, ни въ предостереженіяхъ, ни въ слезахъ. Катеринѣ было указано съ достаточной ясностью, что ея упрямство лишаетъ дорогую ей мать сна и радости. Сердце молодой дѣвушки разрывалось, по тѣмъ не менѣе она твердо сдержала клятву.

Этотъ періодъ времени представлялся для семьи Гарсдерферовъ весьма тернистымъ; впрочемъ, судьба не отказала и въ розахъ, чтобы украсить тяжелый крестъ. Въ удрученное сердце фрау Маргариты бросила не мало лучей свѣта веселость и жизненная радость расцвѣтавшей юной Аннеле; вторая же дочь, Урсель, едва выросшая изъ дѣтскихъ платьицъ, стала невѣстой, а затѣмъ и счастливой супругой Ганса Эбнера, очень достойнаго молодого человѣка, принадлежавшаго къ одному изъ древнѣйшихъ родовъ.

Все это послужило Катеринѣ нѣсколько въ пользу, но тѣмъ не менѣе мнѣ надо было быть слѣпымъ, чтобы не видѣть изъ ея писемъ, какъ ей тяжело. Поэтому меня сильно влекло къ ней, обратно въ Нюрнбергъ. Однако надо было еще ждать, пока мы не заслужимъ, какъ слѣдуетъ, нашихъ докторскихъ шляпъ. Но затѣмъ уже ничто больше не удерживало насъ въ Болоньѣ. Самое пребываніе въ Римѣ, который мы посѣтили по совѣту отца, мы рѣшили сократить, когда въ письмѣ отъ сестры моего друга Фолькамера мы нашли приписку, сдѣланную рукою Аннеле Гарсдерферъ: «Поторопись возвратиться, докторъ Леонардъ Гроландъ, если не хочешь, чтобы я возненавидѣла тебя за то, что ты мою гордую, высокомѣрную Катерину превратилъ въ какую-то блѣдную страдалицу. Если вы вернетесь скоро, я готова простить и Ганса Фолькамера. Онъ осмѣлился, въ поклонѣ, переданномъ мнѣ черезъ сестру его, Бербеле, назвать меня, большую Анну, «маленькой Аннеле».

Нельзя сказать, чтобы мы особенно берегли лошадей на обратномъ пути. Тѣмъ не менѣе насъ уже въ Италіи задерживали войска. Когда же мы достигли Баварской земли, нашему терпѣнію пришлось перенести еще большія испытанія. Вездѣ мы встрѣчали бряцаніе оружія. Дѣло въ томъ, что во время нашего отсутствія возгорѣлась война между пфальцграфомъ Рупрехтомъ, заявившимъ притязанія на наслѣдіе своей супруги, Елизаветы, дочери недавно скончавшагося Георга Богатаго,—которая лично выступила во всеоружіи въ походъ,—и герцогомъ Альбрехтомъ. За послѣдняго вступились императоръ и швабскій союзъ. Къ союзу примкнулъ и городъ Нюрнбергъ, вышедшій изъ борьбы обогащеннымъ новыми землями, тогда какъ Рупрехтъ и его высокомѣрная супруга лишились владѣній и самой жизни.

Когда мы, наконецъ, въ пятнадцатый день іюня мѣсяца, вступили въ родной городъ, мы застали тамъ общее ликованіе по поводу первой побѣды нашихъ военныхъ силъ. Отецъ тоже выступилъ въ походъ, а Гансъ Гарсдерферъ былъ даже въ числѣ пяти главныхъ военачальниковъ. Меня тоже тянуло въ бой; но я зачахъ бы съ тоски, если бы не увидѣлъ раньше ту, чей образъ, какъ путеводная звѣзда, удерживалъ меня на истинномъ пути.

Въ нашемъ домѣ было очень тихо въ отсутствіе отца. У Фолькамеровъ же наше возвращеніе вызвало шумную радость, и я благословлялъ усы и бороду, скрывавшіе нѣсколько румянецъ, выступавшій

на моихъ щекахъ, каждый разъ какъ начинали слишкомъ усердно восхищаться тѣмъ, что сдѣлала изъ меня Италія. Виллибальдъ Пиркгеймеръ, которому я цѣлыми часами долженъ былъ сообщать о моихъ занятіяхъ, предсказывалъ мнѣ славную будущность. Однако, во время обѣда въ честь новоприбывшихъ, на которомъ госпожа Фолькамеръ угощала насъ на славу, Пиркгеймера внезапно вызвали изъ столовой. По возвращеніи, этотъ достоуважаемый мужъ принесъ извѣстіе, которое поразило меня, какъ ударъ грома. Швейцарскіе ратники и ратники съ Боденскаго озера завели ссору съ четырьмя-стами богемскими наемниками, которые принялись-было грабить въ завоеванномъ городкѣ Герсбрукѣ. На мѣстѣ побоища осталось много убитыхъ. Но чѣмъ этотъ случай особенно поразилъ мои надежды, такъ это тѣмъ, что богемцы поступили на службу городу чрезъ посредство Ганса Гарсдерфера, а человѣкъ, во власти котораго была наша судьба, приписывалъ это нечестивое дѣяніе горячему вмѣшательству моего родного отца. Какъ сильно это должно было обострить и безъ того дурныя отношенія между обоими стариками, было слишкомъ для меня ясно. Мнѣ казалось, что бурный потокъ сорвалъ послѣдній мостъ на моемъ пути. Однако, мнѣ не суждено было остаться безъ утѣшенія. Передъ тѣмъ какъ я уходилъ отъ Фолькамеровъ, сестра моего друга сообщила мнѣ, что рано утромъ слѣдующаго дня я могу встрѣтить у нея мою возлюбленную.

Времени оставалось немного. Я намѣревался вручить Катеринѣ прекрасную золотую цѣпочку, которую я пріобрѣлъ для нея во Флоренціи; а между тѣмъ она была еще не вполнѣ готова. Мнѣ пришло въ голову украсить ее драгоцѣнной бездѣлушкой, подаренной мнѣ покойной матерью въ день моей конфирмаціи. Бездѣлушка эта изображала гербъ Гроландовъ съ тремя серпами, въ рамкѣ изъ переливающихся цвѣтами радуги алмазовъ. Золотыхъ дѣлъ мастеру оставалось только прикрѣпить ее къ цѣпочкѣ. Работа была пустая и, такъ какъ до полуночи оставалось еще болѣе часа, я постучался къ ювелиру Ульриху Фейхтеру, жившему совсѣмъ рядомъ съ нами на Эпидіенгофѣ. Къ сожалѣнію, однако, онъ еще не вернулся изъ винной горницы, и я засталъ только его жену и сестру ея, Гипперщу. Послѣдняя стала разспрашивать меня съ лицемѣрной любезностью о томъ, какъ мнѣ жилось въ чужихъ краяхъ. Искренности я могъ ожидать отъ нея столько же, сколько отъ ея кошекъ, и потому отвелъ хозяйку въ сторону, попросилъ ее никому ничего не говорить объ этомъ и сообщилъ ей о цѣли моего поздняго посѣщенія.

На слѣдующее утро, когда я зашелъ къ Ульриху Фейхтеру, цѣпочка моя была готова, но на этотъ разъ я засталъ у него его дочь, все еще прекрасную Еву, вышедшую замужъ за богатаго суконнаго фабриканта. Отецъ ея такъ сильно расхваливалъ работу цѣпочки, что ей захотѣлось примѣрить ее. Мнѣ это очень не понравилось: мнѣ казалось, что подарокъ мой будетъ оскверненъ, если другая женщина украситъ себя имъ раньше той, прекраснѣйшей изъ прекрасныхъ, для которой онъ предназначался. Я поспѣшилъ взять цѣпочку изъ рукъ Евы и вѣжливо сталъ прощаться, какъ вдругъ Гиппеле-Міауле, по своему обыкновенію крадучись, вошла въ комнату и подняла шумъ, какъ будто ее кто-нибудь обидѣлъ. Она кричала своимъ пронзительнымъ голосомъ, что Ева не какая-нибудь зачумленная, и что пока никому не извѣстно объ обрученіи г-на доктора Леонарда, а можетъ-быть и о чемъ-нибудь худшемъ: вѣдь не извѣстно, за что собственно дарится цѣпочка.

Однако сестра и зять Гипперши поспѣшили остановить ея непристойныя рѣчи. И если этому случаю и суждено было навлечь не мало непріятностей и бѣдствій на меня и Катерину,

то тутъ не виноваты ни Ева—въ сущности добрѣйшее существо—ни ея отецъ, ни добрѣйшая ея мать, которая болѣе всего могла бы обидѣться, а исключительно одна тетка Гиппеле.

Что же касается насъ обоихъ, то мы, къ сожалѣнію, сами сыграли въ руку Гипперщѣ. Мы провели у Фолькамеровъ счастливыя минуты свиданія, которыя вознаградили насъ за цѣлые годы сердечныхъ страданій; Катерина радовалась моему подарку такъ искренно, какъ будто никогда не имѣла ни малѣйшаго золотого украшенія,—и мы разстались, не зная, надолго ли. Въ этотъ день намъ впрочемъ предстояло увидѣться еще разъ, на молебнѣ у св. Зебальда по случаю побѣды нашихъ войскъ. Я, дѣйствительно, встрѣтилъ тамъ свою возлюбленную и, рядомъ съ нею, маленькую Аннеле, расцвѣтшую въ прелестнѣйшую молодую дѣвушку. Такого же мнѣнія былъ и другъ мой Гансъ, не сводившій съ нея глазъ. Мои же взоры и чувства были прикованы къ одной дѣвушкѣ, недалеко отъ меня стоявшей на колѣняхъ. Въ ней все казалось мнѣ совершенствомъ. Но наибольшее восхищеніе вызывалъ можетъ-быть ея бархатный беретъ:—вѣдь онъ повторялъ мнѣ все то, что я такъ охотно услыхалъ бы еще разъ изъ ея пунцовыхъ устъ. Беретъ былъ украшенъ красной розой, а по бархатному краю его вился мой подарокъ, золотая цѣпочка. Къ сожалѣнію, однако, цѣпь вмѣстѣ съ блестящимъ подвѣскомъ не одному мнѣ бросилась въ глаза. Я узналъ объ этомъ очень скоро. Когда я выходилъ изъ церкви, ко мнѣ протѣснилась Гиппеле-Міауле и прошептала мнѣ: — «Поздравляю съ милой, господинъ Леонардъ!.. Наша Ева врядъ ли согласилась бы явиться въ домъ Господень, вырядившись въ цѣпочку своего возлюбленнаго».

Съ этими словами маленькая фигура Гипперши скрылась въ толпѣ; но я слишкомъ скоро увидѣлъ слѣды ея злобной дѣятельности. Навѣстивъ отца въ Герсбрукѣ и найдя его въ полномъ здравіи за виномъ и военными забавами, я явился въ ратушу и выразилъ готовность нести свои гражданскія обязанности. Изъ достопочтенныхъ гражданъ я не засталъ почти никого, такъ какъ многіе изъ нихъ были при войскѣ. Въ парольной комнатѣ я остался одинъ на одинъ съ бургомистромъ Антономъ Тетцелемъ, и онъ, послѣ различныхъ праздныхъ разговоровъ, спросилъ меня неожиданно, съ которыхъ поръ состоялось мое обрученіе съ дѣвицей Катериной Гарсдерферъ. Я тотчасъ понялъ, откуда дуетъ вѣтеръ,—не даромъ Гипперша вела его хозяйство, и коротко отвѣтилъ, что онъ сообщаетъ мнѣ нѣчто совсѣмъ для меня новое. Онъ въ свою очередь возразилъ, что радъ это слышать, потому что уже справлялся у Ганса Гарсдерфера и узналъ, что никакого сговора не было. Тѣмъ не менѣе онъ, Тетцель, какъ хранитель правосудія и коллега отца упомянутой дѣвицы, долженъ просить меня заглянуть въ постановленія нашей общины, знакомство съ которыми онъ во мнѣ, какъ въ докторѣ правъ, во всякомъ случаѣ предполагаетъ. Съ этими словами Тетцель подвинулъ мнѣ толстый пергаментный фоліантъ и указалъ то мѣсто, гдѣ говорилось о мужчинахъ и женщинахъ, безъ вѣдома и предварительнаго разрѣшенія родителей или опекуновъ дающихъ брачное слово. Такое дѣяніе—сказано было въ самомъ началѣ—противно мірскому праву и естественному разуму. Легкомысліе въ дѣлѣ обрученія нарушаетъ цѣломудріе и благопристойность честнаго, Господомъ установленнаго брака; совѣсть тайно обручившихся подрывается и т. д. По вышеизложеннымъ и другимъ подобнымъ причинамъ, мужчины, ранѣе двадцатипятилѣтняго возраста, а дѣвушки ранѣе двадцатидвухлѣтняго, давшіе другъ другу слово безъ вѣдома родителей или опекуновъ, подвергаются строгой тѣлесной и имущественной карѣ.

Когда я пробѣжалъ эти, въ сущности

хорошо мнѣ извѣстныя закопоположенія, Тетцель спросилъ меня строгимъ, измѣнившимся тономъ, не нарушилъ ли я въ чемъ-либо этихъ постановленій и не приходится ли мнѣ опасаться послѣдствій такого нарушенія? Меня возмутилъ такой допросъ со стороны непризваннаго лица, и я отклонилъ дальнѣйшіе разспросы, сказавъ, что буду отвѣчать не передъ нимъ, а передъ своимъ отцомъ или передъ судьей.

Тетцель съ неудовольствіемъ захлопнулъ тяжелый фоліаптъ и возразилъ сердито, чтобы я поступилъ, какъ мнѣ угодно.

На слѣдующее утро, по возвращеніи отъ обѣдни, гдѣ я снова встрѣтилъ Катерину, я нашелъ въ своей квартирѣ приказнаго писца и городского ратника. Они перерыли, во имя закона, всѣ мои бумаги и не замедлили, конечно, найти письма Катерины. Въ тотъ же самый часъ другіе уполномоченные Совѣта обыскали вещи и вещицы моей нареченной, и такимъ образомъ мои письма, нѣсколько цвѣтковъ и цѣпочка съ драгоцѣнной подвѣской, изображавшей гербъ Гроландовъ, не укрылись отъ властей. Я отлично зналъ, по чьему наущенію было обращено вниманіе на эти послѣднія вещи.

Такимъ образомъ злое дѣло шло своимъ чередомъ, и тяжелѣе всего была для меня мысль, что нашу чистую любовь волочатъ по улицѣ, равно какъ и сознаніе сердечныхъ мукъ Катерины.

Отецъ ея, услышавшій въ Герсбрукѣ о дѣйствіяхъ суда, не удостоивалъ ни однимъ словомъ свою и безъ того перепуганную дочь.

Онъ проходилъ мимо Катерины, какъ будто не видѣлъ ея: но ея гордый духъ возмущался противъ такого пренебреженія. Ей суждено было въ это время пройти тяжелую школу. И для меня время это принесло много тяжелаго. Можетъ-быть, конечно, самаго худого можно было бы избѣжать, если бы я лучше умѣлъ гнуть свою неподатливую спину. Уже при первомъ допросѣ я упорно стоялъ на своемъ правѣ оставаться вѣрнымъ дѣвушкѣ, которая считала меня достойнымъ своей любви. Я дерзнулъ даже дать понять господамъ выборнымъ, что, если меня доведутъ до крайности, я представлю свое дѣло на усмотрѣніе императора. Такой шагъ былъ въ сущности весьма неудачепъ и долженъ былъ только возстановить противъ меня Совѣтъ, потому что по весьма похвальнымъ причинамъ ничто не было ему такъ непріятно, какъ вмѣшательство, съ чьей бы ни было стороны, въ его дѣла.

Итакъ, меня отвезли въ тюрьму, и я долженъ былъ просидѣть нѣсколько дней подъ замкомъ, въ качествѣ заключеннаго. Въ воскресенье, послѣ св. Луки, въ лѣто 1504-ое, мнѣ пришлось выслушать рѣшеніе достопочтеннаго Совѣта, противъ меня произнесенное. Судьи читали наши письма, вертѣли въ рукахъ цѣпочку, и выслушали Гиппершу, какъ достовѣрную свидѣтельницу. Все это подняло бурю въ моей молодой крови, и сдержать себя было выше моихъ силъ. Досточтимый Совѣтъ присудилъ меня къ двумъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія въ укрѣпленной башнѣ; впрочемъ, одинъ мѣсяцъ былъ милостиво прощенъ, а за другой предоставлено откупиться деньгами. Такъ я и поступилъ, и такимъ образомъ бѣда была устранена. Зато мнѣ было запрещено въ продолженіе пяти лѣтъ вступать въ черту города. Хотя мнѣ при этомъ объявили, что наказаніе это нисколько не затрагиваетъ моей чести, и что достопочтенныя власти откажутся отъ всякаго дальнѣйшаго вмѣшательства въ дѣло моего обрученія и выпустятъ меня изъ-подъ ареста, если я клятвенно обѣщаю примириться съ случившимся. Но я вовсе не былъ расположенъ подчиняться безъ сопротивленія такому долгому изгнанію изъ родного города. Виллибальдъ Пиркреймеръ оказалъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ большую услугу, и благодаря заступничеству его и его друга, великаго живописца

Альбрехта Дюрера, мнѣ удалось повергнуть мое дѣло на рѣшеніе императора Максиміліана. Въ Инсбрукѣ его величество изволилъ милостиво выслушать меня. Когда же онъ узналъ, что я подвергся изгнанію ради прекрасной Катерины Гарсдерферъ, онъ замѣтилъ съ улыбкой, что разстаться съ такой жемчужиной на пять недѣль такъ же тяжело, какъ съ другой женщиной на пять лѣтъ, и что вѣроятно и достопочтенныя власти будутъ такого же мнѣнія.

Посланіе къ Совѣту, данное мнѣ императоромъ, возымѣло свое дѣйствіе. Уже въ четвергъ, въ Доротеинъ день, приговоръ судей былъ отмѣненъ, и мнѣ приказано было явиться къ исполненію моихъ гражданскихъ обязанностей. Бургомистрами, ведшими дѣла въ теченіе того мѣсяца, когда я долженъ былъ принести присягу, были—старшимъ: мой главный врагъ Антонъ Тетцель, а младшимъ: мой лучшій другъ, Гансъ Фолькамеръ. Послѣдній опередилъ меня и въ томъ отношеніи, что успѣлъ обручиться съ Анной Гарсдерферъ и получить согласіе ея отца сочетаться съ нею бракомъ, какъ только ей исполнится восемнадцать лѣтъ. Я же былъ дальше, чѣмъ когда-либо, отъ осуществленія моихъ надеждъ. Дѣло въ томъ, что по управленію Герсбрукомъ, которымъ отецъ мой завѣдывалъ вмѣстѣ съ другимъ лицомъ, снова возникли острыя несогласія между нимъ и Гарсдерферомъ, которому было поручено достопочтеннымъ Совѣтомъ ввести порядокъ въ управленіе этимъ вновь покореннымъ городкомъ.

Впрочемъ, моему отцу уже не долго суждено было сталкиваться со старымъ своимъ врагомъ. Почувствовавъ себя разъ внезапно дурно за стаканомъ вина, онъ могъ послѣ того лишь съ большимъ трудомъ владѣть своимъ веселымъ языкомъ и долженъ былъ избѣгать какъ Совѣта, такъ и винной горницы.

Мнѣ, напротивъ того, пришлось многократно входить въ сношенія съ отцомъ Катерины. Трудясь усердно для Совѣта, я нерѣдко дѣлалъ для Гарсдерфера коекакія подготовительныя работы. Онъ всегда относился ко мнѣ привѣтливо: мало того, на второй годъ послѣ моего оправданія, онъ далъ мнѣ возможность воскресить свои надежды. Въ то время какъ онъ, по дѣламъ города, былъ посланъ въ Богемію, мнѣ дано было порученіе пересмотрѣть одно трудное дѣло, которое онъ отложилъ въ сторону. Гарсдерферъ возвратился передъ самымъ Рождествомъ и достопочтенный Совѣтъ предложилъ на его усмотрѣніе дѣло, которому я денно и нощно посвящалъ свои лучшія силы. Гарсдерферъ разсмотрѣлъ его со свойственной ему строгостью и точностью и нашелъ, что докладъ дѣла, свидѣтельствуя о большихъ дарованіяхъ писавшаго, составляетъ серьезный трудъ и можетъ быть рекомендованъ къ исполненію. А такъ какъ онъ, вполнѣ соглашаясь со мною вообще, находилъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ подробностяхъ,—измѣненія, на которыя указывала ему его зрѣлая опытность, я счелъ, что наступилъ удобный моментъ, и дерзнулъ почтительнѣйше просить его позволенія навѣстить его въ его домѣ. Тогда старикъ выпрямился во весь свой длинный ростъ и коротко и жестко возразилъ мнѣ:

— Городъ, для котораго мы оба работаемъ, и домъ, гдѣ я одинъ повелѣваю,—двѣ вещи разныя, господинъ докторъ Леонардъ Гроландъ.

И онъ повернулъ мнѣ спину. Мнѣ же показалось, что рушились мои лучшія надежды.

Наше дѣло, какъ мнѣ было извѣстно, нисколько не подвигалось въ домѣ Гарсдерферовъ, словно оно было заколдованное. Хотя съ тѣхъ поръ какъ слухъ о нашемъ тайномъ обрученіи сталъ переходить изъ устъ въ уста, женихи больше не являлись, и даже мать, казалось, брала нашу сторону; но Катерина и отецъ ея оставались какъ бы чу-

жими другъ другу. Аннеле была можетъ-быть права, когда отозвалась въ моемъ присутствіи о старшей сестрѣ своей: «Она не хочетъ научиться просить».— Я же зналъ сердце Катерины, помня, какъ искренно она благодарила меня за подаренную цѣпочку, и старался убѣдить ее, каждый разъ какъ встрѣчался съ ней у Бербеле Фолькамеръ, попытаться смягчить отца просьбами. Я восхвалялъ ея благородную душу и доказывалъ, что просьба и благодарность относятся другу къ другу, какъ мать и дитя, и что тотъ лишаетъ себя удовольствія благодарности, кто не умѣетъ просить. И Катерина охотно бы послѣдовала моему совѣту, но какъ только она со смиреніемъ и кротостью подходила къ отцу, уста отказывались выразить словами то, чѣмъ было полно ея сердце. Такимъ образомъ все оставалось по-старому, пока Гансъ Гарсдерферъ не вернулся изъ богемской земли и не далъ мнѣ понять, что двери его дома для меня закрыты. А между тѣмъ было не мало причинъ къ тому, чтобы настроить его болѣе милостиво. Не только выполненное имъ порученіе принесло громадную пользу городу, но и рѣшеніе его собственныхъ дѣлъ оказалось вполнѣ благопріятнымъ. Такой замкнутый человѣкъ, какъ онъ, конечно далекъ былъ отъ мысли посвятить женщинъ въ результаты своихъ трудовъ, но маленькая Аннеле тѣмъ не менѣе дерзнула поднять на великаго человѣка безстрашно свои веселые голубые глаза, стала задавать ему вопросы за вопросами, какъ будто имѣла на то полное право. На этотъ разъ у Гарсдерфера не хватило духу совсѣмъ замкнуться отъ нея, и онъ подтвердилъ хорошія вѣсти.

Надо сказать, что женская половина дома давно уже уговаривала отца построить лѣтній домикъ въ лежащемъ близъ города Гостенгофѣ, настолько просторный, чтобы онъ могъ вмѣстить всю семью, включая туда же и Урсель Эбнеръ—вторую дочь —вмѣстѣ съ мужемъ и ребенкомъ. Къ этому желанію, которому отецъ до тѣхъ поръ противился, Аннеле присоединила одинъ планъ, который долженъ былъ принести большую пользу ея сестрѣ Катеринѣ. Аннеле объявила отцу, что въ такой благопріятный годъ онъ долженъ великодушно дать и женщинамъ участіе въ выгодахъ, и когда онъ, за утреннимъ завтракомъ въ Рождественскій сочельникъ, объявилъ, что ему въ богемской землѣ приходила мысль выбрать для каждой изъ женщинъ своей семьи подарокъ, но за множествомъ заботъ, онъ не успѣлъ объ этомъ подумать, опять никто иная, какъ Аннеле, рѣшилась замѣтить, что такое упущеніе ее радуетъ, потому что теперь отецъ захочетъ загладить свою забывчивость и исполнить главнѣйшее ея желаніе. Онъ вѣдь хорошо знаетъ, чего онѣ желаютъ, и если готовъ дать свое согласіе, въ чемъ она не сомнѣвается, потому что рождественская ночь избрана для того, чтобы давать просимое и дѣлать людей счастливыми—такъ пусть онъ выйдетъ сегодня къ рождественской елкѣ съ этимъ цвѣткомъ на камзолѣ. Она побѣжала въ уголъ комнаты сорвала съ зеленаго куста только-что распустившуюся розу и протянула ее отцу съ лукавымъ поклономъ.

Гарсдерферъ, привыкшій къ разнымъ странностямъ Аннеле, слегка ударилъ ее розой по щекѣ и проговорилъ привѣтливо:

— Тебѣ, сорванцу, будетъ очень смѣшно, конечно, если старикъ украситъ себя цвѣтами... Впрочемъ, нѣтъ!.. Въ такую ночь, когда для всего человѣчества расцвѣла такая радость, —роза рядомъ съ вѣчно-зеленой елкой будетъ дѣйствительно у мѣста въ благочестивомъ старомъ нюрнбергскомъ домѣ.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты, и не успѣлъ онъ скрыться изъ виду, какъ Аннеле бросилась на грудь къ поблѣднѣвшей старшей сестрѣ своей и покрыла ее поцѣлуями. Планъ, который она затѣмъ сообщила осталь-

нымъ, вызвалъ сначала сопротивленіе матери, но потомъ былъ принятъ ею.

Для меня совѣщаніе это имѣло тѣ послѣдствія, что Гансъ Фолькамеръ пригласилъ меня отъ имени Гарсдерфера, въ ихъ домъ, на рождественскую елку. Мнѣ же пришлось отказаться отъ этого давно желаннаго приглашенія. За нѣсколько часовъ передъ тѣмъ моего отца постигъ новый ударъ. И только когда я, его первенецъ, держалъ его за руку, онъ чувствовалъ нѣкоторое облегченіе. Если бы я имѣлъ передъ собою на письмѣ и за печатью удостовѣреніе, что мое пребываніе дома будетъ стоить мнѣ жизни, я бы въ этотъ вечеръ не отошелъ отъ постели своего отца. Но мое отсутствіе ничуть не повредило исполненію плана Аннеле: елка съ рождественскими подарками состоялась у Гарсдерферовъ, какъ и всегда. Когда отецъ вступилъ въ залу съ розой на камзолѣ, Аннеле поспѣшила къ нему навстрѣчу съ вопросомъ:

— Значитъ, ты согласенъ?

Онъ отвѣчалъ такъ весело, какъ давно уже не приходилось отъ него слышать:

— Да, жена моя; да, дѣти!.. Да будетъ благословеніе Божіе на новомъ домѣ, моемъ рождественскомъ подаркѣ.

Слова эти прозвучали такъ искренно и такъ тепло, что бѣдной Аннеле показалось святотатствомъ нарушить доброе расположеніе отца какой-либо непріятностью. Но взглядъ, брошенный на Катерину, которая стояла рядомъ съ нею, тяжело дыша и съ дрожащими губами, возвратилъ ей утраченное мужество. Быстро принявъ рѣшеніе, Аннеле схватила сестру за руку и потянула ее къ отцу. Потомъ припала къ нему на грудь, поцѣловала его руку и сказала совсѣмъ не своимъ обычнымъ шутливымъ тономъ, а серьезно и съ глубокимъ чувствомъ:

— Ваше благословеніе, дорогой папа, мы понимаемъ, но только не для того дома, о которомъ вовсе и не было и рѣчи. Катерина... Посмотри, отецъ, на что она стала похожа отъ долгаго ожиданія и страданій!

— Это что значитъ? — воскликнулъ старикъ и сдѣлалъ движеніе, чтобы сорвать розу съ своего камзола; но Аннеле вцѣпилась въ его руку и проговорила испуганно:

— Не дѣлай этого, отецъ!.. Вспомни, что ты, Гансъ Гарсдерферъ, который никогда не отступалъ отъ даннаго слова: ты обѣщалъ, что эта роза будетъ знакомъ твоего согласія; и если мы немного схитрили, чтобы выманить твое слово для той, которую мы всѣ такъ любимъ и ты конечно тоже, потому что кто же другой такъ искрененъ, какъ Катерина, такъ прямодушенъ и такъ похожъ на тебя...

Но суровый человѣкъ уже высвободился изъ нѣжныхъ объятій дочери и, наперекоръ ея убѣжденіямъ, торопливо отцѣпилъ розу у себя на груди. Онъ намѣревался уже бросить цвѣтокъ на полъ, какъ вдругъ неожиданное обстоятельство помѣшало ему привести это намѣреніе въ исполненіе. Его гордая, непреклонная дочь кинулась передъ нимъ на колѣни и, простирая къ нему руки, воскликнула:

— Умоляю васъ, отецъ, умоляю!..—и, какъ бы не удовлетворяясь разъ высказанной просьбой, словно внутренній голосъ подсказывалъ ей, что нужно загладить прежнее упорство, она все повторяла среди рыданій:—умоляю, умоляю!

Тогда не выдержалъ желѣзный человѣкъ. Повинуясь внезапному порыву, Гарсдерферъ склонился къ своей благородной, гордой дочери, которая теперь, какъ нищая, смиренно лежала у его ногъ, и сильной рукой поднялъ ее; потомъ онъ взялъ ея прекрасную головку въ обѣ руки, поцѣловалъ ее въ лобъ и въ полные слезъ глаза и проговорилъ:

— На, возьми эту розу!.. Она выросла на почвѣ твоей любви и силы, съ которою ты переломила унаслѣдованный отъ отца гордый духъ, въ эту святую, благодатную, рождественскую ночь. Будь

счастлива съ твоимъ Леонардомъ; онъ тебя достоинъ!..

Вотъ какимъ образомъ Катерина сдѣлалась моей. Черезъ нѣсколько недѣль, 7-го февраля, была отпразднована наша свадьба, а немного спустя мы повели къ алтарю Аннеле и моего друга, Ганса Фолькамера.

Просить моя дорогая супруга не научилась и до нынѣшняго дня, и потому я долженъ былъ привыкнуть читать въ ея глазахъ, чего она желаетъ. И я не жалуюсь; такъ благодарить, какъ она, не умѣетъ никто другой.

Что же касается меня лично, то въ пасхальный понедѣльникъ того же года я былъ избранъ младшимъ бургомистромъ въ достопочтенный Совѣтъ; и если любовь моего сердца я посвящаю всецѣло моей дорогой, съ такимъ трудомъ завоеванной женѣ, то весь свой умъ и дарованія я отдаю на службу моему родному городу. Онъ выражаетъ мнѣ свою благодарность тѣмъ, что довѣряетъ мнѣ самые трудные вопросы и самыя важныя порученія.

Сколько счастья можетъ жизнь дать смертному, я узналъ чрезъ мою жену. И если мы, въ своей любви, нарушили писанные законы нашего добраго, стараго города, то противъ вѣчныхъ законовъ сердца, я думаю, мы не провинились ничѣмъ.

Тульскій хлѣбъ и калужское тѣсто.

Историческій разсказъ **С. Н. Шубинскаго.**

I.

Въ 1787 году императрица Екатерина II предприняла свое знаменитое путешествіе въ полуденный край Россіи. Путешествіе это, кромѣ желанія государыни лично осмотрѣть недавно пріобрѣтенныя области на югѣ и убѣдиться въ ихъ процвѣтаніи подъ управленіемъ князя Потемкина, имѣло также и политическое значеніе. Оно должно было показать Европѣ, какими источниками богатства и могущества обладаетъ Россія, и внушить страхъ ея недоброжелателямъ. Въ виду такой цѣли, путешествіе было обставлено съ необычайной пышностью, и сопровождать императрицу были приглашены французскій, англійскій и австрійскій послы при русскомъ дворѣ. Огромная свита ѣхала въ 150 экипажахъ, для которыхъ на каждой станціи заготовлялось до 500 лошадей при 200 ямщикахъ. Само собою разумѣется, что власти тѣхъ губерній, черезъ которыя лежалъ путь государыни, приняли всѣ мѣры для того, чтобы Екатерина могла видѣть только «радостныя и веселыя зрѣлища». Въ мѣстахъ ночлеговъ и отдыховъ строились временные дворцы, снабженные мебелью, столовыми приборами и разными припасами; при въѣздахъ въ города и села воздвигались тріумфальныя ворота; лѣса и рощи по пути превращались въ англійскіе сады; сооружались новыя и улучшались старыя дороги; изъ окрестностей сгонялись крестьяне, одѣтые въ нарядныя платья, и многочисленныя стада, располагавшіяся по придорожнымъ лугамъ; въ ночное время путь освѣщался кострами и смоляными бочками; для надзора за порядкомъ, на станціяхъ находились дворяне и при нихъ отставные солдаты и, на всякій случай, мастеровые, плотники, кузнецы и т. д. Тогдашній харьковскій намѣстникъ, генералъ-поручикъ Чертковъ, издалъ приказъ, по которому можно судить о распоряженіяхъ, дѣлавшихся для встрѣчи императрицы. Въ приказѣ по-

дробно излагается порядокъ, въ какомъ должны представляться государынѣ чиновники, дворяне, магистратъ и т. п. Обыватели должны ожидать карету императрицы въ лучшей одеждѣ, а «особливо дѣвки въ уборѣ на головахъ по ихъ обычаю съ цвѣтами, наблюдая, чтобы отнюдь никого въ разодранной одеждѣ, а паче пьяныхъ не было. При проѣздѣ императорской кареты да сдѣлаютъ они всѣ обыкновенные поклоны, а лучшіе обыватели могутъ поднести хлѣбъ и соль, а женщины цвѣты, а прочіе изъявляютъ свое восхищеніе приличными поступками и привѣтствіями». По всѣмъ улицамъ, гдѣ предполагался проѣздъ императрицы, велѣно было выбѣлить дома, исправить крыши и заборы, окна и двери украсить сосновыми вѣтвями и вѣнками изъ цвѣтовъ и травъ, а по вечерамъ ярко освѣщать; кромѣ того, въ окнахъ вывѣсить какія у кого сыщутся «портища, суконныя, стамедныя, или такія, изъ чего дѣлаются плахты, равно ковры и пилимы, такъ, чтобы оными покрылись завалины, что соблюсти во всѣхъ тѣхъ селеніяхъ, чрезъ которыя проѣздъ будетъ». Воспрещалось въ каретахъ, колясках, дрожкахъ и повозкахъ ѣхать на встрѣчу, а тѣмъ болѣе въ объѣздъ. Городовымъ магистратамъ вмѣнялось въ обязанность наблюдать, чтобы не были повышены цѣны на товары, особенно на съѣстные и питейные припасы, чтобы не было въ продажѣ ничего поврежденнаго и залежавшагося, чтобы торговцы сами «были одѣты опрятно и чисто, чтобы ихъ посуда, столы и лавки были чисты, фартуки незамаранные, и чтобы нигдѣ ничего не было завѣшано рогожами, въ шинкахъ же, чтобы никто на то время никого отнюдь не напаивалъ, подъ страхомъ не минуемаго истязанія». Приказывалось, чтобы нигдѣ «стѣсненія народа и шума, равно просящихъ милостыню и въ безобразномъ видѣ отнюдь не было, для чего въ городахъ и деревняхъ имѣть денные и точные караулы, кои бы неупустительно соблюдали чистоту, тишину и безопасность». «Сверхъ того,—прибавлялъ намѣстникъ,—надѣюсь, что господа дворяне поусердствуютъ на каждой станціи пріуготовить въ упряжку подъ императорскую карету по двѣнадцати добрыхъ, ѣзжалыхъ, цуговыхъ лошадей, хотя и разноцвѣтныхъ, съ исправною упряжкой и при нихъ по четыре человѣка форейторовъ въ красныхъ камзольчикахъ, съ красными стоячими воротниками, обшлага подкладки зеленые, съ бѣлыми жилетами и такимъ же исподнимъ платьемъ, въ черныхъ картузахъ; равномѣрно поставитъ себѣ дворянство за честь угостить во всѣхъ мѣстахъ высочайшую ея императорскаго величества особу, въ чемъ купечество не преминетъ участвовать». Въ заключеніе своего приказа, Чертковъ счелъ необходимымъ напомнить о законѣ 19 января 1765 года, въ которомъ было сказано, что «ежели явятся такіе предерзкіе, кои, не бивъ челомъ о своихъ дѣлахъ прежде въ учрежденныхъ правительствомъ присутственныхъ мѣстахъ, прошенія свои подавать будутъ ея императорскому величеству, то таковые строго наказываются: имѣющіе чины отдачею навсегда въ солдаты, а неимѣющіе чиновъ,—отсылкою въ каторгу, публичнымъ наказаніемъ, или поселеніемъ въ Нерчинскъ».

Въ числѣ городовъ, которые должна была посѣтить императрица, находилась Тула. Въ то время должность намѣстника тульскаго, калужскаго и рязанскаго, исправлялъ генералъ-поручикъ Михаилъ Никитичъ Кречетниковъ, боевую и административную дѣятельность котораго императрица очень цѣнила; человѣкъ энергическій, безкорыстный, но чрезвычайно тщеславный. Онъ имѣлъ слабость окружать себя почти царской пышностью и почестями, появлялся въ публикѣ всегда окруженный многочисленной свитой, напудренный, въ щегольскомъ нарядѣ, въ шелковыхъ чулкахъ, башмакахъ съ красными каблуками, въ бѣлыхъ перчаткахъ,

и держалъ себя высокомѣрно не только съ подчиненными, но и съ равными себѣ лицами, что создало ему при дворѣ не мало враговъ. Не особенно благоволилъ къ Кречетникову и всемогущій князь Потемкинъ, считавшій иногда необходимымъ, съ свойственной ему рѣзкостью и безцеремонностью, умѣрять спесь тульскаго намѣстника. Такъ, однажды, узнавъ о какой-то выходкѣ Кречетникова, Потемкинъ призвалъ къ себѣ своего любимца, извѣстнаго тогда остряка, генерала С. Л. Львова, и сказалъ ему:

— Кречетниковъ слишкомъ заважничался; поѣзжай и сбавь ему спеси.

Львовъ поспѣшилъ исполнить приказаніе и отправился въ Тулу.

Въ праздничный день, когда Кречетниковъ съ важной осанкой, окруженный ординарцами и предшествуемый парадно-разодѣтыми офиціантами, секретаремъ и чиновниками, появился въ пріемной залѣ, гдѣ собрались тульскіе граждане для принесенія ему поздравленія, вдругъ, среди воцарившейся тишины, раздался голосъ человѣка, одѣтаго въ поношенное, дорожное платье, который, вспрыгнувъ позади всѣхъ на стулъ, громко хлопалъ въ ладоши и кричалъ:

— Браво, Кречетниковъ, браво, браввиссимо!

Изумленные взоры всего общества обратились на смѣльчака. Удивленіе присутствовавшихъ усилилось еще болѣе, когда намѣстникъ подошелъ къ незнакомцу и, ласково протягивая ему руку, сказалъ:

— Какъ я радъ, многоуважаемый Сергѣй Лаврентьевичъ, что вижу васъ. Надолго ли къ намъ пожаловали?

Но незнакомецъ, заливаясь смѣхомъ, началъ убѣждать Кречетникова «воротиться въ гостиную и еще разъ позабавить его пышнымъ выходомъ».

— Бога ради, перестаньте шутить,— бормоталъ растерявшійся Кречетниковъ:— позвольте васъ обнять.

— Нѣтъ,—кричалъ Львовъ:—не сойду съ мѣста, пока не исполните моей просьбы. Мастерски играете свою роль.

Сконфуженному Кречетникову стоило не малыхъ усилій уговорить дерзкаго посланца Потемкина слѣзть со стула и прекратить злую шутку, которая, разумѣется, на нѣкоторое время достигла цѣли.

Императрица также не пропускала случая умѣрять властолюбивыя замашки Кречетникова, но дѣлала это въ формѣ болѣе деликатной, нежели Потемкинъ. При открытіи калужскаго намѣстничества, Кречетниковъ приказалъ, когда онъ будетъ шествовать въ соборъ, къ обѣднѣ, палить изъ пушекъ и звонить во всѣ колокола. Митрополитъ московскій Платонъ, которому была подчинена калужская епархія и который пріѣхалъ на открытіе намѣстничества, воспротивился колокольному звону. Между нимъ и Кречетниковымъ произошло по этому поводу непріятное объясненіе, но митрополитъ настоялъ на своемъ. Это дошло до свѣдѣнія Екатерины. По открытіи намѣстничества, Кречетниковъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ донесеніемъ и былъ принятъ милостиво.

— Былъ у васъ въ Калугѣ при открытіи московскій архіерей? — спросила его, между прочимъ, императрица.—Какъ вы встрѣтились? Вѣдь онъ не безъ норова.

— Встрѣтились пріятелями, разстались друзьями,—отвѣчалъ Кречетниковъ.

— А здѣсь какая прошла клевета,— продолжала императрица:—увѣряли, что онъ, въ день открытія, при поѣздкѣ въ соборъ, требовалъ отъ васъ для себя пальбы изъ пушекъ. Я не повѣрила: пришлось бы вамъ тогда требовать отъ него себѣ звона во всѣ колокола.

II.

Императрица должна была пріѣхать въ Тулу 20-го іюня и предполагала прожить въ ней три дня, главнымъ образомъ, для того, чтобы подробно осмотрѣть оружейный заводъ, имѣвшій тогда важное значеніе, такъ какъ онъ одинъ вы-

дѣлывалъ огнестрѣльное оружіе для всей нашей арміи. Конечно, Кречетниковъ приложилъ всѣ старанія, чтобы государыня вынесла изъ своего пребыванія въ Тулѣ самое пріятное впечатлѣніе. Городскія и заводскія строенія были подновлены и окрашены, въ разныхъ мѣстахъ воздвигнуты тріумфальныя ворота и арки, заготовлена блестящая иллюминація, составлена программа увеселеній: параднаго спектакля, бала, серенады на р. Упѣ, противъ дворца и т. п. Одно только смущало и заботило Кречетникова: въ тульской губерніи былъ неурожай, и цѣны на хлѣбъ стояли очень высокія. Опасаясь, что это обстоятельство можетъ разстроить императрицу, если сдѣлается ей извѣстнымъ, онъ рѣшился скрыть его и не упомянулъ о немъ ни слова въ своемъ всеподданнѣйшемъ рапортѣ о благосостояніи ввѣреннаго ему намѣстничества.

Очевидецъ, А. Т. Болотовъ, слѣдующимъ образомъ описываетъ въѣздъ Екатерины въ Тулу:

«Отъ намѣстника отдано приказаніе о встрѣчаніи государыни всѣми судьями и дворянствомъ подлѣ судебныхъ большихъ корпусовъ, гдѣ судьямъ велѣно было съ обѣихъ сторонъ стоять и дожидаться пріѣзда императрицы. Госпожамъ же всѣмъ указано въ нарядахъ своихъ собраться въ соборъ, мимо входа въ который надлежало государынѣ ѣхать. Не могу безъ смѣха вспомнить о той превеликой суетѣ, въ какой находились всѣ въ это достопамятное утро и какая скачка поднялась по всей Тулѣ каретъ и колясокъ и бѣготня взадъ и впередъ народа. Вся большая Кіевская улица, отъ самаго въѣзда и сооружаемыхъ при ономъ великолѣпныхъ тріумфальныхъ воротъ до самаго собора и далѣе до дворца, установилась въ одинъ почти мигъ безчисленнымъ множествомъ народа, съ неописанной нетерпѣливостью ожидавшимъ прибытія государыни и той минуты, въ которую онъ увидитъ свою обладательницу. Соборъ наполнился такъ боярынями, что сдѣлалась въ немъ отъ того духота совершенная. Всѣ онѣ одѣты были въ новые свои однорядные или женскіе мундиры, и всякая изъ нихъ старалась получить для себя лучшее и выгоднѣйшее мѣсто для смотринъ государыни, о которой всѣ здѣсь навѣрное полагали, что она, поравнявшись противъ собора, непремѣнно остановится и, вышедъ изъ кареты, войдетъ въ церковь для поклоненія святымъ иконамъ. Что касается намѣстника, то сей, распорядивъ нужное, съ нѣкоторыми изъ чиновниковъ своихъ и двѣнадцатью человѣками почетныхъ, выбранныхъ изъ молодыхъ дворянъ и одѣтыхъ въ богатое платье, поскакали верхами за городъ для встрѣчи императрицы. Въ семъ положеніи и стоя всѣ на своихъ мѣстахъ, провели мы все тогдашнее, прекрасное, свѣтлое и тихое лѣтнее утро. Наконецъ, въ двѣнадцатомъ часу утра, громъ пушечной за городомъ пальбы возвѣстилъ намъ о приближеніи къ городу императрицы. Въ мигъ тогда все и вся и весь народъ установился въ порядокъ и всѣ съ неизъяснимыми вожделѣніями стали дожидаться ея прибытія и глазами искать уже вдали ея кареты, ѣхавшей за многими другими, проскакавшими мимо насъ впереди. Наконецъ, показалась и она, окруженная множествомъ всадниковъ, скакавшихъ по обѣимъ сторонамъ оной. Самъ намѣстникъ скакалъ подлѣ кареты сей сбоку, верхомъ, и не успѣла оная поравняться противъ насъ, какъ всѣ мы отдали ей глубочайшій поклонъ. Но самое сіе поклоненіе и лишило насъ съ толикою нетерпѣливостью ожидаемаго удовольствія ее увидѣть, ибо, вмѣсто того, чтобы ей противъ насъ остановиться, какъ того мы всѣ ожидали, проскакала она мимо насъ такъ скоро, что мы, поднявъ головы свои, увидѣли уже карету ея далеко отъ насъ удалившуюся и посмотрѣли только вслѣдъ за оною. Столь же хорошо въ лестныхъ ожиданіяхъ своихъ обманулись

и всѣ наши госпожи-боярыни, находившіяся въ соборѣ, ибо и тамъ императрицѣ не угодно было выйти изъ кареты. Но она, остановившись на секунду, противъ отворенныхъ въ соборѣ дверей, перекрестилась только передъ вынесеннымъ къ ней архимандритомъ крестомъ и приказала тотчасъ продолжать путь свой далѣе ко дворцу. Итакъ, всѣ тутъ ожидавшія госпожи, искони не видавшія государыни въ глаза, принуждены были ни съ чѣмъ и съ чувствительнымъ неудовольствіемъ разъѣзжаться по своимъ домамъ и квартирамъ».

Императрица была очень утомлена путешествіемъ и предполагала, по пріѣздѣ въ Тулу, немного отдохнуть; но послѣ обѣда ей сообщили, что, по соглашенію Кречетникова съ статсъ-секретаремъ Храповицкимъ, въ этотъ день назначенъ парадный спектакль. Екатерина разсердилась и написала Храповицкому выговоръ:

«Съ крайнимъ удивленіемъ услышала я, вышедши изъ стола, что вы положили съ М. Н. Кречетниковымъ сегодня еще быть комедіи. Подобное положеніе, не доложась мнѣ, не подобаетъ дѣлать, понеже о томъ, что мнѣ угодно, или неугодно, никто знать не можетъ, и я въ опекунствѣ ни чьемъ быть не желаю».

Тѣмъ не менѣе, чтобы не огорчить тульскихъ жителей, государыня поѣхала въ театръ. «Не успѣло, передъ вечеромъ, все дворянство въ театръ съѣхаться,— пишетъ Болотовъ, — и всѣ ложи онаго донаитѣснѣйшимъ образомъ собой наполнить, какъ вошла государыня, въ сопровожденіи намѣстника и прочихъ господъ и госпожъ своей свиты. Минута вшествія ея, скажу, была восхитительная для всѣхъ. У всѣхъ глаза и сердца обращены были на оную и не успѣла государыня показаться, какъ съ возгремѣвшею вдругъ музыкою, всѣ, вставъ, ей наиглубочайшимъ образомъ поклонились и удостоены были и отъ ней соотвѣтственнымъ поклономъ. Съ сей минуты всѣхъ очи обращены были на нее во все продолженіе представленной тогда пьесы, которую едва ли и десятая часть народа видѣла. По окончаніи спектакля, поѣхала императрица обратно во дворецъ, а мы всѣ отправились за нею, для смотрѣнія иллюминаціи и серенады въ полномъ ихъ дѣйствіи и видѣ, ко дворцу; и провели остальное время сего вечера довольно весело, ибо было много зрѣнія достойнаго; въ особенности же любовался я безчисленнымъ множествомъ плошекъ, которыми всѣ стѣны и зубцы тульской старинной крѣпости и ея башенъ были иллюминованы, что представляло преузорочное зрѣлище, а таковое же душевное удовольствіе доставила всѣмъ присутствующимъ и тогдашняя серенада. Два, разъѣзжающія по рѣкѣ, мимо дворца, судна, были не только наипрекраснѣйшимъ образомъ разноцвѣтными огнями иллюминованы, но, кромѣ музыкантовъ и пѣвчихъ, наполнены были множествомъ господъ и госпожъ, и тихая, восхитительная гармонія духовой и вокальной музыки услаждала слухъ каждаго. Что касается императрицы, то она весь сей вечеръ провела во внутреннихъ покояхъ своихъ, въ отдохновеніи отъ трудовъ и безпокойствъ, съ путешествіемъ сопряженныхъ».

На другой день, утромъ, императрицѣ представлялись, во дворцѣ, дворяне, духовенство, чиновники, именитые граждане и всѣ были допущены къ цѣлованію руки. Затѣмъ государыня подробно осматривала оружейный заводъ, осталась очень довольна всѣмъ видѣннымъ и обѣщала вечеромъ пріѣхать на балъ, который ей давало тульское дворянство. Такимъ образомъ, все шло хорошо, и Кречетниковъ сіялъ отъ радости; но недруги его не дремали и старательно искали повода сдѣлать ему непріятность. Въ числѣ приближенныхъ государыни, питавшихъ къ нему непріязнь, находился оберъ-шталмейстеръ, Левъ Александровичъ Нарышкинъ, острякъ и шутникъ, пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ Екатерины и получившій право говорить и дѣ-

лать въ ея присутствіи все, что ему вздумается. Лучшую характеристику Нарышкина нарисовала сама Екатерина. «Это былъ человѣкъ,—говоритъ она въ своихъ запискахъ, — самый странный, какого когда-либо я знала. Никто не заставлялъ меня такъ смѣяться, какъ онъ. Это былъ шутъ до мозга костей, и если бы онъ не родился богатымъ, то могъ бы жить и наживать деньги своимъ необыкновеннымъ комическимъ талантомъ. Онъ былъ вовсе не глупъ, многому наслышался, но все слышанное чрезвычайно оригинально располагалось въ головѣ его. Онъ могъ распространяться въ разсужденіяхъ обо всякой наукѣ и обо всякомъ искусствѣ, употреблялъ техническіе термины, говорилъ непрерывно четверть часа и болѣе, но ни онъ самъ, ни его слушатели не понимали ни слова изъ его рѣчи, хотя она текла, какъ по маслу, и обыкновенно это оканчивалось тѣмъ, что все общество разражалось смѣхомъ». Вообще, Нарышкинъ являлся оживляющимъ элементомъ въ тѣсномъ домашнемъ кружкѣ императрицы. Онъ вносилъ въ него веселость, въ которой всѣ нуждались, до нѣкоторой степени стѣсняемые приличіями придворнаго этикета, и если эта веселость вносилась туда въ видѣ дурачествъ, то это обусловливалось тогдашними нравами. Но, балагуря и дурачась, Нарышкинъ, въ своихъ шуткахъ, умѣлъ иногда высказывать правду и обличать ложь, и Екатерина всегда снисходительно относилась къ его выходкамъ, зная его неподкупность и преданность къ себѣ.

Въ то время, какъ во дворцѣ происходилъ торжественный пріемъ и раздавались восторженныя рѣчи въ честь царицы, Нарышкинъ, одѣтый въ скромный костюмъ, безъ всякихъ знаковъ отличій, вмѣшался въ народную толпу, окружавшую дворецъ, прислушивался къ ея говору, пробрался на рынокъ, разспросилъ про цѣны на жизненные продукты и безъ труда узналъ о тяжеломъ положеніи, въ которомъ находились крестьяне и бѣдный людъ отъ недорода и высокихъ цѣнъ на хлѣбъ.

Утомленная пріемомъ и осмотромъ оружейнаго завода, Екатерина, вернувшись во дворецъ, сбросила парадное платье и, надѣвъ капотъ, сѣла отдохнуть, передъ обѣдомъ, у открытаго окна своего кабинета. Вдругъ она видитъ Нарышкина, идущаго мимо, съ двумя кряковыми утками въ рукѣ и палкой на плечѣ, на которую воткнута огромная коврига хлѣба. Изумленная государыня подзываетъ его и, догадываясь, что въ такой выходкѣ скрывается умыселъ, приказываетъ Нарышкину войти къ себѣ съ его оригинальной ношей.

— Что все это значитъ, Левъ Александровичъ?—спрашиваетъ императрица.

— Я принесъ вашему величеству тульскій ржаной хлѣбъ и двухъ утокъ, которыхъ вы жалуете...—отвѣчаетъ Нарышкинъ, кладя ихъ на столъ.

Екатерина сразу смекнула, въ чемъ дѣло.

— А по какой цѣнѣ за фунтъ купили вы этотъ хлѣбъ?

Нарышкинъ докладываетъ, что за каждый фунтъ печенаго, чернаго хлѣба онъ заплатилъ по четыре копейки.

— Быть не можетъ! Эта цѣна неслыханная! — говоритъ Екатерина и, заглянувъ въ лежавшій передъ ней рапортъ Кречетникова, прибавляетъ:—Напротивъ, мнѣ донесли, что въ Тулѣ такой хлѣбъ продается не дороже одной копейки мѣдью за фунтъ.

— Нѣтъ, государыня, вамъ донесли ложно; я самъ купилъ въ рынкѣ этотъ хлѣбъ, справлялся въ нѣсколькихъ лавкахъ, и цѣна его вездѣ одинакова.

— Удивляюсь, какъ же меня увѣряютъ, что въ здѣшней губерніи обильный урожай?

— Можетъ-быть, нынѣшняя жатва будетъ удовлетворительна, но въ прошломъ году былъ большой недородъ, и теперь народъ голодаетъ...

Екатерина молча взяла рапортъ Кречетникова и подала его Нарышкину.

Онъ пробѣжалъ бумагу и, возвращая ее, сказалъ съ улыбкой:

— Можетъ-быть, это ошибка... Впрочемъ, иногда рапорты бываютъ не достовѣрнѣе газетъ.

По лицу Екатерины скользнула тѣнь. Но чувство справедливаго негодованія противъ Кречетникова быстро смѣнилось въ ней чувствомъ сожалѣнія къ человѣку, который былъ ей преданъ и который, очевидно, рѣшился скрыть отъ нея правду единственно изъ желанія не нарушить ея спокойствія и свѣтлаго настроенія духа.

— Значитъ, Михаилъ Никитичъ обманулъ меня!—промолвила она.— Но довольно объ этомъ. Подите пошлите мнѣ графиню Скавронскую.

Когда графиня, состоявшая при императрицѣ статсъ-дамой, явилась, Екатерина объявила ей, что не поѣдетъ на балъ и, разсказавъ, въ чемъ дѣло, прибавила: — «могу ли я принять въ немъ участіе и веселиться, когда можетъ-быть здѣшніе жители терпятъ недостатокъ въ хлѣбѣ». Она поручила Скавронской отправиться вмѣсто себя и сообщить, что она не въ состояніи пріѣхать, вслѣдствіе внезапнаго нездоровья.

Между тѣмъ, въ залѣ благороднаго собранія спѣшно оканчивались приготовленія къ пріему императрицы. Широкая лѣстница, ярко освѣщенная кенкетами, была устлана тонкимъ краснымъ сукномъ и розовымъ бархатомъ, а площадка уставлена померанцевыми, лимонными и апельсинными деревьями. Огромныя зеркала, отражая въ себѣ предметы, расширяли пространство. Вся зала была убрана фестонами изъ свѣжихъ цвѣтовъ. Надъ мраморнымъ бюстомъ Екатерины, обставленнымъ лаврами и штамбовыми розами, возвышался транспарантъ съ ея вензелевымъ именемъ. Бѣлыя, гродетуровыя драпри съ широкою бахромою и кистями, перехваченныя вызолоченными аграфами, украшали всѣ окна, на которыхъ стояли цвѣты въ фарфоровыхъ горшкахъ, распространяя благоуханіе. Сотни восковыхъ свѣчей въ люстрахъ, обнизанныхъ хрустальными подвѣсками, и въ серебряныхъ канделябрахъ, заливали залу яркимъ свѣтомъ. Къ девяти часамъ все помѣщеніе собранія наполнилось безчисленнымъ множествомъ разодѣтыхъ дворянъ и ихъ семействъ, собравшихся съ разныхъ концовъ губерніи. «Всѣ съ крайнею нетерпѣливостью и вожделѣніемъ дожидались той минуты, въ которую государыня прибыть имѣетъ,—разсказываетъ Болотовъ.—Не успѣли мы нѣсколько осмотрѣться, какъ вдругъ закричали: ѣдетъ! ѣдетъ! Не успѣло слово это всюду разнестись, какъ въ мигъ произошла страшная между всѣми суета и волненіе. Всѣ поспѣшили какъ можно скорѣе становиться въ строй и составить изъ себя улицу для входа и прохода государыни, и сколько толчковъ надавано было при семъ случаѣ отъ протисненій другъ другу. Всякому хотѣлось встать впереди и занять выгоднѣйшее мѣсто, и у всѣхъ духъ почти переводился, какъ услышали уже вшествіе пріѣзжихъ въ сѣни. Наконецъ, загремѣла музыка, и въ тотъ же мигъ растворились настежь входныя двери. Но подумайте и вообразите себѣ, какъ сильно поразились всѣ, бывшіе тогда въ собраніи, и какъ изумились, увидавъ, вмѣсто государыни, нашего только намѣстника, ведущаго за руку графиню Скавронскую, спутницу императрицы, а за ними другихъ вельможъ, съ нею пріѣхавшихъ и ведущихъ также знаменитѣйшихъ госпожъ за руки, которыя не успѣли войти въ залу, какъ и пошли танцовать большой, длинный польскій. Господи! какое началось тогда у всѣхъ шептаніе и перешептываніе. Поразясь неожиданностью, спрашивали всѣ другъ у друга: «гдѣ же и что же государыня-то? развѣ она не изволитъ быть?» И съ неописаннымъ прискорбіемъ скоро услышали, что хотя она и намѣрена была удостоить сей

балъ своимъ посѣщеніемъ и осчастливить всю нашу публику своимъ присутствіемъ, но, по причинѣ усталости и небольшого недомоганія, ѣзду сію отложила, а изволила отпустить на балъ нашъ только всѣхъ своихъ спутниковъ и спутницъ. Не успѣло извѣстіе сіе по залѣ разнестись, какъ началось у всѣхъ неописанное о томъ сожалѣніе; всякъ изъявлялъ чувствованіе и прискорбіе о томъ другъ другу. Что же касается до госпожъ, обманувшихся въ наилестнѣйшихъ своихъ надеждахъ и увидѣвшихъ тогда, что всѣ ихъ траты и убытки, употребленные на свои наряды, обратились въ ничто и сдѣлались тщетными, то прискорбія, сожалѣнія и даже самой внутренней досады изобразить никакъ было не можно».

На другой день, рано утромъ, Екатерина, отдавъ съ вечера приказаніе какъ можно поспѣшнѣе готовиться къ отъѣзду, выѣхала изъ Тулы. Прощаясь съ Кречетниковымъ, она обошлась съ нимъ довольно ласково и лишь слегка замѣтила ему о чрезвычайно высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ въ городѣ. Кречетниковъ пришелъ въ величайшее смущеніе и замѣшательство, хотѣлъ что-то объяснить въ свое оправданіе, но императрица прервала его, сказавъ:

— Надобно поскорѣе помочь этому горю, чтобы не случилось большой бѣды,— и съ этими словами сѣла въ свою карету, выразивъ желаніе, чтобы никто ее не провожалъ.

Хотя гроза и благополучно миновала Кречетникова, но все-таки тульскій хлѣбъ далъ ему себя знать,—онъ не получилъ никакой награды.

III.

Прошло почти четыре года, но неудовольствіе государыни, вызванное тульскимъ хлѣбомъ, продолжало тяготѣть надъ Кречетниковымъ. Въ февралѣ 1791 года онъ получилъ увѣдомленіе, что свѣтлѣйшій князь Потемкинъ, проѣздомъ изъ Яссъ въ Петербургъ, намѣренъ остановиться въ Тулѣ для осмотра оружейнаго завода. При неограниченной почти власти и вліяніи, которыми пользовался Потемкинъ, посѣщеніе его имѣло столь же важное значеніе, какъ и посѣщеніе императрицы; иногда, одного слова этого капризнаго и избалованнаго вельможи было достаточно для того, чтобы составить счастіе или несчастіе людей, занимавшихъ даже высшія мѣста въ служебной іерархіи. Передъ нимъ всѣ заискивали и унижались, и всякая малѣйшая прихоть его исполнялась немедленно и безпрекословно. Кромѣ обычныхъ приготовленій для торжественнаго пріема Потемкина въ Тулѣ, Кречетниковъ, знавшій его привычки, распорядился, чтобы на каждой станціи было заготовлено все, что могло удовлетворить причудливый вкусъ свѣтлѣйшаго. Тульскій губернаторъ Лопухинъ ожидалъ Потемкина на границѣ мценскаго уѣзда, при чемъ Кречетниковъ поручилъ ему всячески заботиться объ удобствахъ свѣтлѣйшаго. Но Потемкинъ, въѣхавъ въ тульскую губернію, продолжалъ свой путь, нигдѣ не останавливаясь и даже не вылѣзая изъ дорожнаго дормеза, стекла котораго были постоянно опущены. Такимъ образомъ проскакалъ онъ, сопровождаемый губернаторомъ, капитанъ-исправникомъ и другими чиновниками, первыя двѣ станціи, гдѣ перемѣняли лошадей, а Лопухинъ все еще не видѣлъ его. Желая непремѣнно представиться свѣтлѣйшему и получить его приказанія, онъ обратился къ его любимому адъютанту Боуру, который былъ ему знакомъ и даже нѣсколько обязанъ. Въ Сергіевскѣ, въ шестидесяти верстахъ отъ Тулы, когда Боуръ, сидѣвшій вмѣстѣ съ Потемкинымъ, вышелъ изъ дормеза, Лопухинъ попросилъ его какимъ-нибудь средствомъ доставить ему случай увидѣть князя.

— Хорошо,—отвѣчалъ Боуръ:—я сдѣлаю все, что могу, но за успѣхъ не ручаюсь.

Затѣмъ, подойдя къ дормезу и обра-

щаясь къ другимъ адъютантамъ и спутникамъ князя, Боуръ громко сказалъ:

— Однако, здоровый сегодня морозъ! Какъ бы хорошо выпить стаканъ вина, или хоть водки, и чего-нибудь перекусить.

Потемкинъ молчалъ.

— Кто бы отъ этого отказался,—подхватилъ одинъ изъ адъютантовъ, переминаясь съ ноги на ногу у дормеза.— Вѣдь, теперь самое время для завтрака.

Потемкинъ молчалъ.

— Этакъ, чего добраго, можно и замерзнуть, — продолжалъ Боуръ.

— Ты шутишь, а намъ, право, не до шутокъ,—замѣтилъ другой адъютантъ.— Съ ранняго утра скачемъ въ открытыхъ саняхъ, хоть бы немного отогрѣться.

Потемкинъ молчалъ.

— Ваша свѣтлость, — сказалъ наконецъ Боуръ, потерявъ терпѣніе и придвинувшись къ самому окну дормеза: — здѣсь приготовленъ вкусный завтракъ.

Потемкинъ сдѣлалъ легкое движеніе.

— Тульскіе гольцы и горячіе калачи стоятъ вашего вниманія.

Стекло въ дормезѣ опустилось.

— Алексинскіе грузди и свѣжая осетровая икра заслуживаютъ того же.

— Ой ли?—лѣниво проговорилъ Потемкинъ.

— Кромѣ того, здѣсь отличный поваръ, который можетъ превосходно приготовить любимую вами яичницу съ ветчиной и лукомъ.

— Ну, вели отворить карету, — сказалъ свѣтлѣйшій, повидимому, соблазнившись этимъ блюдомъ русской кухни.

Потемкинъ вышелъ изъ дормеза, окинулъ усталымъ взглядомъ своихъ спутниковъ, и промолвилъ:

— Что съ вами дѣлать! Пойдемъ!

Они пошли къ почтовому дому, гдѣ ихъ, дѣйствительно, ожидали сытныя яства и бутылки съ разнообразными винами.

Сбросивъ соболью шубу, Потемкинъ въ какомъ-то изнеможеніи опустился въ вольтеровское кресло.

Боуръ доложилъ ему, что тульскій губернаторъ уже двѣ станціи сопровождаетъ ихъ и желаетъ представиться его свѣтлости.

— Попроси сюда господина губернатора,—отвѣчалъ онъ.

Боуръ поспѣшилъ отыскать Лопухина, сидѣвшаго въ сосѣдней комнатѣ, и крикнулъ ему:

— Пожалуйте поскорѣе къ его свѣтлости.

Разумѣется, Лопухинъ не заставилъ себя ждать. Увидя его, Потемкинъ сдѣлалъ легкое движеніе головой, что означало поклонъ, и холодно сказалъ:

— Напрасно вы безпокоились. Я слышалъ, что вы проѣхали съ нами двѣ станціи...

— Три, ваша свѣтлость, — отвѣчалъ Лопухинъ.

— Напрасно, повторяю вамъ. Я право не могъ знать этого, потому что не выходилъ изъ кареты. Я здѣсь немного отдохну и позавтракаю, а вы поѣзжайте съ Богомъ въ Тулу и поклонитесь Михаилу Никитичу, съ которымъ я скоро увижусь... Васъ же благодарю.

И Потемкинъ опять сдѣлалъ легкое движеніе головой. Лопухинъ поклонился, вышелъ изъ комнаты, надѣлъ шубу, сѣлъ въ сани и помчался въ городъ.

Послѣ завтрака, княжескій поѣздъ тронулся въ дальнѣйшій путь и въ шесть часовъ вечера въѣхалъ въ Тулу, которая по этому случаю освѣтилась блестящей иллюминаціей. Намѣстникъ, губернаторъ, вице-губернаторъ, губернскій предводитель съ дворянствомъ, военные генералы и штабъ-офицеры, почетный караулъ, чиновники присутственныхъ мѣстъ и оружейнаго вѣдомства встрѣтили князя у дворца. Потемкинъ находился въ хорошемъ расположеніи духа. Онъ былъ очень вѣжливъ съ Кречетниковымъ; повторилъ свою благодарность Лопухину, сказалъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ губернскому предводителю и генераламъ, принялъ ординарцевъ, похвалилъ почетный караулъ и,

вѣжливо раскланявшись со всѣми, пошелъ во внутренніе покои дворца, вмѣстѣ съ намѣстникомъ и губернаторомъ.

За обѣденнымъ столомъ, къ которому было приглашено болѣе сорока особъ, Потемкинъ, обращаясь къ Кречетникову, сидѣвшему съ нимъ рядомъ, сказалъ, указывая на нѣкоторыя кушанья, по тогдашнему обычаю, разставленныя на столѣ:

— Я замѣчаю, Михаилъ Никитичъ, что вы меня балуете. Все, что я видѣлъ и вижу, доказываетъ особое ваше обо мнѣ озабочиваніе...

— Очень радъ, ваша свѣтлость, — отвѣчалъ Кречетниковъ съ радостной улыбкой:—что я могъ угодить вамъ этими мелочами.

Взявъ съ тарелки огромную мясновскую рѣдьку, красовавшуюся подъ хрустальнымъ колпакомъ, Потемкинъ отрѣзалъ отъ нея толстый ломоть и продолжалъ:

— У васъ каждое блюдо такъ хорошо смотритъ, что я начинаю бояться за мой желудокъ...

Рѣдька чрезвычайно ему понравилась; но, къ величайшему удивленію всѣхъ, онъ взялъ вслѣдъ за тѣмъ свѣжій ананасъ, также находившійся на столѣ, разрѣзалъ его пополамъ и началъ ѣсть, замѣтивъ:

— У всякаго свой вкусъ.

Когда намѣстникъ провозгласилъ тостъ за здоровье князя, музыка заиграла тушъ, артиллерія, привезенная на этотъ случай изъ парка, открыла пальбу, а присутствовавшіе встали и крикнули «виватъ!»

— Спасибо вамъ, Михаилъ Никитичъ, — сказалъ Потемкинъ —Все это прекрасно, но здѣсь нѣтъ еще одной вещи, до которой я большой охотникъ и которую, помнится, вы присылали мнѣ въ Бендеры...

— Не могу догадаться, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ нѣсколько изумленный Кречетниковъ.

— Вы, вѣдь, и калужскій намѣстникъ?

— Точно такъ, ваша свѣтлость.

— Могу васъ увѣрить, что тульскіе обварные калачи едва ли лучше калужскаго тѣста...

Тотчасъ по окончаніи обѣда, нарочный курьеръ поскакалъ въ Калугу и на другой день, загнавъ нѣсколько лошадей, доставилъ къ завтраку князя калужское тѣсто.

Между тѣмъ, Потемкинъ не забылъ главнѣйшей цѣли своего пребыванія въ Тулѣ, — оружейнаго завода. Онъ посвятилъ ему два утра и осмотрѣлъ его подробно, во всѣхъ частяхъ. Многое онъ одобрилъ, но многое нашелъ требующимъ значительныхъ улучшеній и преобразованій. Потемкинъ тутъ же сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія и приказалъ выбрать двухъ чиновниковъ, которыхъ хотѣлъ послать въ Англію, для изученія оружейнаго искусства. Сверхъ того, онъ выразилъ намѣреніе вызвать изъ этого государства опытныхъ и знающихъ мастеровъ для закалки стали, которую дѣлали у насъ очень плохо. Предположенія князя осуществились, но уже послѣ его кончины.

Два дня народъ толпился на улицахъ, любопытствуя увидѣть знаменитаго вельможу. Два дня въ Тулѣ происходили безпрерывныя пиршества и увеселенія, раздавались музыка, пѣніе... Наконецъ, Потемкинъ уѣхалъ, и городъ снова вернулся къ своей однообразной и скучной жизни.

Калужское тѣсто оказалось для Кречетникова счастливѣе тульскаго хлѣба. По ходатайству Потемкина и докладу его о блестящемъ состояніи тульской губерніи и оружейнаго завода, императрица произвела Кречетникова въ генералъ-аншефы и сообщила ему объ этомъ собственноручнымъ и милостивымъ письмомъ.

Пювисъ-де-Шаваннъ.

Очеркъ В. Гензеля.

Въ лицѣ Пювисъ-де-Шаванна, скончавшагося 18-го октября 1898 г., Франція и вмѣстѣ съ нею весь художественный міръ лишились одного изъ самыхъ крупнѣйшихъ художниковъ нашего времени. Онъ—одинъ изъ немногихъ художниковъ, вызывающій одобреніе стариковъ и молодежи, мнѣнія которыхъ обыкновенно рѣдко совпадаютъ. Произведеніямъ Пювисъ-де-Шаванна отводилось почетное мѣсто на выставкахъ Марсова Поля; не только его картины, но даже его этюды и эскизные рисунки покупались государствомъ. Семидесятилѣтняя годовщина его рожденія, праздновавшаяся три года тому назадъ, была торжественнымъ событіемъ для всего артистическаго Парижа. Его имя извѣстно хорошо и въ Россіи, но дѣйствительно оцѣнить его можетъ только тотъ, кто побывалъ во Франціи. Образы, созданные Пювисъ-де-Шаванномъ, и мѣста, гдѣ эти образы продумывались имъ и закрѣплялись, составляютъ одно, нераздѣльное цѣлое: только видя ихъ въ томъ мѣстѣ и въ той формѣ, какъ они созданы, можно судить объ ихъ достоинствахъ. По отношенію къ твореніямъ Пювисъ-де-Шаванна особенно рѣзко сказалась несостоятельность искусственныхъ способовъ воспроизведенія живописи при помощи чернаго и бѣлаго цвѣтовъ: ни фотографія, ни рѣзьба по дереву, ни гравюра на металлѣ не дадутъ намъ представленія о характерѣ колорита, которымъ отличаются чудныя произведенія великаго художника.

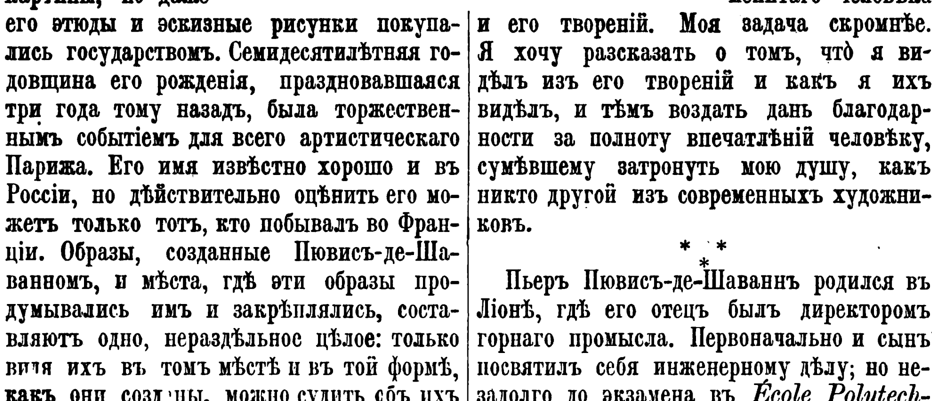

Пювисъ-де-Шаваннъ. († 18-го октября 1898 г.)

Я не намѣренъ представить въ этихъ строкахъ полный обликъ знаменитаго человѣка и его твореній. Моя задача скромнѣе. Я хочу разсказать о томъ, что я видѣлъ изъ его твореній и какъ я ихъ видѣлъ, и тѣмъ воздать дань благодарности за полноту впечатлѣній человѣку, сумѣвшему затронуть мою душу, какъ никто другой изъ современныхъ художниковъ.

* * *

Пьеръ Пювисъ-де-Шаваннъ родился въ Ліонѣ, гдѣ его отецъ былъ директоромъ горнаго промысла. Первоначально и сынъ посвятилъ себя инженерному дѣлу; но незадолго до экзамена въ *École Polytech-*

nique онъ заболѣлъ такъ сильно, что врачи посовѣтовали ему поѣхать на югъ для поправленія здоровья. Онъ отправился въ Италію, и здѣсь, передъ твореніями старыхъ мастеровъ, онъ принялъ рѣшеніе заняться живописью. Не легко далось ему новое дѣло: въ зрѣломъ возрастѣ браться за изученіе азбуки искусства трудно всякому.

Возвратившись въ Парижъ, онъ поступилъ въ мастерскую Анри Шеффера. Объ этомъ первомъ своемъ учителѣ онъ всегда вспоминалъ съ искреннею любовью.

У Делакруа, имѣвшаго въ то время такъ мало учениковъ, что платы за ихъ обученіе не хватало ему на наемъ мастерской, Пювисъ пробылъ всего четырнадцать дней; немного дольше продержался онъ и у Кутюра, мастерски передававшаго бытъ римлянъ временъ упадка. Случай, бывшій причиною его ухода отъ Кутюра, разсказывался многократно.

Ему пришлось какъ-то писать на заданную ему тему. День былъ дождливый. Модель стояла передъ нимъ въ блѣдно-сѣроватомъ свѣтѣ утра, и онъ добросовѣстно старался перенести ее на полотно. Въ это время подходитъ къ его мѣсту Кутюръ: быстро окинулъ онъ взглядомъ рисунокъ, сообразилъ, схватилъ кисть, смѣшалъ по испытанному рецепту краски... нѣсколько мазковъ—и все готово: натура представлена въ пышномъ золотистомъ тонѣ, присущемъ работамъ Веронезе. Пювису стало ясно, что ему здѣсь не мѣсто. Собравши свои пожитки, онъ ушелъ отъ Кутюра, рѣшивъ, что отнынѣ онъ будетъ учиться только у одной природы. Наступили тяжелыя времена. Приходилось бороться. Въ 1850 году жюри снисходительно допустило одну его картину въ Салонъ. Затѣмъ, девять лѣтъ кряду двери Салона были для него закрыты. Наконецъ, наступили лучшіе дни, но сколько времени протекло, пока его дѣйствительно признали! Работы у него стало столько, что онъ съ трудомъ могъ съ нею справляться. Предложенія сыпались на него со всѣхъ сторонъ. О чемъ онъ мечталъ въ юности, осуществилось на склонѣ лѣтъ.

Жилъ онъ, начиная съ 1852 года, все въ одномъ и томъ же домѣ на Монмартрѣ, въ которомъ жилъ и въ годы ученичества; только мастерскую свою онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ перевелъ въ красивый, старый паркъ въ Нельи, предмѣстьи Парижа. Каждый день онъ по два раза бодро шагалъ изъ дому въ мастерскую и обратно. Что значили 12 километровъ для бодраго, могучаго старика съ желѣзнымъ здоровьемъ, привыкшаго ѣсть только одинъ разъ въ день, когда покончитъ работу.

Пювисъ началъ съ писанія картинъ: онъ написалъ «Иродіаду», «Кающуюся Магдалину», «Мученическую смерть святого Севастіана». Какъ-то лѣтомъ 1854 г., онъ гостилъ у брата на дачѣ въ департаментѣ Сены и Луары. Въ одинъ прекрасный день ему пришло въ голову разрисовать столовую принадлежавшей его брату виллы. Не долго думая, онъ берется за работу, и въ скоромъ времени стѣны столовой украсились пятью фресками, изображавшими четыре времени года и возвращеніе блуднаго сына. Особымъ мастерствомъ эти фрески не поражаютъ: и въ выборѣ сюжета не видно оригинальности, и техническая разработка его грѣшитъ несамостоятельностью. Но, важно то, что, благодаря ихъ исполненію, художникъ вошелъ во вкусъ подобнаго рода живописи. Мысль, что, идя по этому пути, можно многаго добиться, не покидала съ тѣхъ поръ Пювисъ-де-Шаванна, и результатъ налицо: исторія наградитъ его безсмертіемъ, какъ *творца современной декоративной живописи*. Это не значитъ, что онъ совсѣмъ отказался отъ писанія картинъ послѣ своихъ первыхъ опытовъ на поприщѣ декоративной живописи. Онъ и картины писалъ, и не мало, и въ ихъ числѣ найдутся такія,

что останутся безсмертными, наравнѣ съ самимъ мастеромъ. Достаточно назвать его «Усѣкновеніе главы Іоанна Крестителя», или его «Бѣднаго рыбака», эту трогательную элегію, которою любуются посѣтители Люксембургскаго музея. Но все это не препятствовало окончательной побѣдѣ исподволь укоренявшейся въ его сознаніи мысли, что въ декоративной живописи его сила. «Истинная задача живописи — оживлять стѣны; внѣ этой цѣли не слѣдовало никогда писать ничего, кромѣ маленькихъ картинокъ».

Находятся люди, негодующіе за это на Шаванна, низводящаго, по ихъ мнѣнію, живопись на степень простой прислужницы строительнаго искусства. Эти люди не понимаютъ его. Архитектура должна имѣть въ живописи не слугу, а равноправную подругу. Совмѣстною работою всѣхъ отраслей искусства созидаются его перлы. Вотъ мысль Шаванна. Ею проникнуты и его произведенія.

* * *

Работою, впервые обратившею на него вниманіе большой публики, была его живопись на стѣнахъ лѣстницы музея въ Аміенѣ. Она имѣетъ свою исторію. Въ 1861 году Пювисъ отправилъ на выставку двѣ аллегорическія картины: «Миръ» и «Война». Ему за нихъ присудили вторую медаль, и «Миръ» былъ купленъ государствомъ. Убѣжденный въ томъ, что обѣ картины являются частями одного цѣлаго, художникъ отдалъ и «Войну» безплатно и, ободренный успѣхомъ, занялся двумя новыми картинами такихъ же размѣровъ. Онѣ должны были изображать «Отдыхъ» и «Трудъ». Но первыя картины были похоронены въ государственномъ складѣ, а на новыя не находилось покупателя. Выручилъ случай. Городъ Аміенъ выстроилъ себѣ музей. Архитекторъ, знакомый художника, случайно заходитъ къ нему и спрашиваетъ, не найдется ли у него чего-нибудь для украшенія голыхъ стѣнъ сооруженнаго имъ зданія?—«Попросите у правительства уступить вамъ мои: «Войну» и «Миръ». Быть-можетъ, онѣ вамъ подойдутъ»—былъ отвѣтъ Шаванна. На новомъ мѣстѣ картины оказались словно нарочно для него писанными. Обрадованный этимъ, художникъ предложилъ безплатно написать на противоположной сторонѣ, въ промежуткахъ между окнами, четыре отдѣльныхъ фигуры въ натуральную величину: «Знаменосца» и «Отчаяніе»—въ дополненіе къ «Войнѣ», и «Жнеца» и «Пряху», въ дополненіе къ «Миру», и кончилъ тѣмъ, что подарилъ музею «Отдыхъ» и «Трудъ». Эти двѣ картины, помѣщенныя на обоихъ узкихъ пролетахъ лѣстницы, были встрѣчены такимъ одобреніемъ, что городской совѣтъ Аміена, несмотря на бѣдность городской кассы, постановилъ заказать Пювису еще одну вещь. Она должна была украшать большую стѣну противъ входа. Такимъ образомъ создалось въ 1865 году «Ave Picardia Nutrix» *). Наконецъ, въ 1881 году, декоративныя украшенія были совсѣмъ закончены, и публика увидѣла на четвертой стѣнѣ «Pro Patria Ludus» **).

Отнынѣ Пикардійскій музей въ Аміенѣ сталъ такимъ же обязательнымъ мѣстомъ посѣщенія для интересующихся новѣйшею живописью, какъ знаменитый амьенскій соборъ—для любителей готической архитектуры. Въ этомъ музеѣ можно лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, прослѣдить, какъ росъ и сложился талантъ великаго художника, и убѣдиться, какъ много значатъ его труды для искусства. Посмотрите, какъ прогрессируетъ художникъ. Мѣсто «Мира», еще не свободнаго отъ условностей въ трактованіи сюжета, постепенно занимаютъ все болѣе совершенныя произведенія вплоть до «Pro Partia Ludus», въ которомъ мы наблюдаемъ всѣ завоеванія новѣйшаго искусства и въ то же время ярко выраженное своеобразіе автора. Очень жаль, что посѣтителю музея приходится обозрѣвать все въ обрат-

*) «Привѣтъ житницѣ Пикардіи».
**) «Патріотическія игры».

номъ порядкѣ. Онъ видитъ сначала зрѣлыя творенія, помѣщенныя при входѣ на лѣстницу, и потому, быть-можетъ, слегка разочаровывается тѣмъ, что видитъ въ «Галлереѣ Пювисъ-де-Шаванна», какъ назвалъ благодарный городъ прекраснѣйшую часть зданія.

Трое нагихъ всадниковъ, трубящихъ въ громадныя трубы, плѣнныя женщины, привязанныя къ кольямъ, старики-родители, оплакивающіе взятаго въ плѣнъ сына,—вотъ все, что бросается намъ въ глаза на картинѣ: «Война». Только на заднемъ планѣ можно примѣтить, хорошенько всмотрѣвшись, дикія сцены разгрома и убійства, пожара. Это очень просто и, все же, производитъ сильное впечатлѣніе. Даже самый наивный зритель сразу почувствуетъ, что передъ нимъ не эпизодъ той или другой войны, что это «сама война». Сильному впечатлѣнію, производимому этимъ произведеніемъ въ цѣломъ, вредятъ однако погрѣшности въ деталяхъ и нѣкоторая театральность фигуръ.

Вторую картину, не будь надъ нею надписи «*Concordia*», я бы принялъ за отдыхъ вернувшихся изъ счастливаго похода воиновъ. Воинъ, лежащій въ травѣ налѣво, кажется, только что снялъ съ головы шлемъ и бросилъ копье. Миловидныя женщины собираютъ плоды съ деревьевъ, протягиваютъ мужчинамъ розы и лавры и наполняютъ ихъ кубки медомъ. На переднемъ планѣ — дѣвушка, стоя на колѣняхъ, доитъ козу. Картина производитъ впечатлѣніе очень гармоничнаго произведенія. Впечатлѣніе это было бы еще сильнѣе, если бы краски были смягчены и число фигуръ не было такъ велико. Видно, что художникъ еще не на настоящемъ пути, хотя и не далекъ отъ него.

Всѣхъ этихъ отрицательныхъ сторонъ уже нѣтъ въ слѣдующихъ двухъ работахъ: «Трудѣ» и «Отдыхѣ». Компановка стала яснѣе, головы естественнѣе, обстановка проще. «Не будь я живописцемъ, я бы сталъ кузнецомъ»,—будто бы выразился однажды Пювисъ-де-Шаваннъ. Потому-то, должно быть, онъ и «Трудъ» воплотилъ въ фигурахъ кузнецовъ. И какіе же это все молодцы! Любо глядѣть, какъ они куютъ желѣзо на наковальнѣ, занявъ своими фигурами центръ картины. Позади ихъ, на лѣвой сторонѣ, ихъ товарищи раскаляютъ желѣзо до-бѣла въ горнѣ. Передній же планъ занятъ плотниками, занятыми своей работой. На заднемъ планѣ, направо виднѣется море, а налѣво тянутся покрытые лѣсомъ холмы. Какая теплота чувствуется въ природѣ, какою жизнерадостностью дышитъ эта картина. А «Отдыхъ» на противоположной сторонѣ?—Какъ эти обѣ картины дополняютъ другъ друга! Передъ вами чарующая взоръ долина; тихо переливается ручеекъ. Сумерки. Дневныя заботы на исходѣ. Стада овецъ спускаются съ холмовъ. Присѣвшій на срубленное дерево старецъ разсказываетъ окружившей его молодежи о пережитомъ.

Во всѣхъ этихъ картинахъ трактуются сюжеты общечеловѣческіе, не связанные съ опредѣленною мѣстностью и, потому, помѣщенные въ идеальной обстановкѣ. Совсѣмъ иначе трактуется «Ave Picardia Nutrix». Задача картины — прославить опредѣленную провинцію, представить, какими богатыми дарами надѣляетъ она своихъ дѣтей. Земледѣліе и скотоводство, плодоводство и рыболовство, обработка пеньки и льна—вотъ чѣмъ промышляетъ эта веселая равнина, раскинувшаяся къ сѣверо-западу отъ Парижа по теченію Соммы. Большая дверь въ средней части стѣны и двѣ поменьше—по бокамъ—придаютъ замѣчательную форму картинѣ. Онѣ какъ бы дѣлятъ ее на двѣ части. Нѣсколько мужчинъ, вращающихъ ручную мельницу, пастухъ со своими овцами—на заднемъ планѣ, и мужчина съ тремя молодыми дѣвушками, занятые изготовленіемъ сидра,—на переднемъ заполняютъ бо́льшую часть лѣвой стороны. Поа нблизости къ средней двери расположен

знаменитая группа стариковъ, эскизный рисунокъ которой недавно пріобрѣтенъ государствомъ; здѣсь же женщина съ груднымъ ребенкомъ. Мальчуганъ, заботливо поддерживаемый матерью, несетъ на головѣ корзину яблокъ и, весь сіяя отъ удовольствія, направляется къ дѣдушкѣ и бабушкѣ. На правой сторонѣ мы видимъ рѣку съ порослями ивы и ольхи по берегамъ. На одномъ берегу рыбачья семья развѣшиваетъ неводъ. Другой берегъ занятъ лодочниками и судостроителями. Въ самой рѣкѣ купаются дѣвушки. Несмотря на обиліе, особенно на лѣвой сторонѣ картины, превосходно выполненныхъ отдѣльныхъ фигуръ, художнику все же не удалось въ этой первой и, къ тому же, стѣсненной ограниченностью пространства исполинской работѣ, достигнуть полнаго единства и гармоничности красокъ и компановки. Такого результата онъ добился въ своихъ «Патріотическихъ играхъ».

Вы поднялись по лѣстницѣ до верху, оглядываетесь назадъ, и передъ вами, вмѣсто стѣнъ, куда-то исчезнувшихъ, — веселый пикардійскій ландшафтъ, которымъ вы недавно еще такъ любовались изъ оконъ вагона. Вамъ знакомы эти зеленые луга и тучныя поля со сжатыми полосами, покрытыми густою щетиною низко подрѣзанной соломы, знакомы и эти группы деревьевъ, и эти холмы. Только люди вамъ не знакомы: этихъ полунагихъ варваровъ, этихъ женщихъ, живописно драпирующихся въ свои одежды, вы не видали. Между тѣмъ, вы чувствуете, что это такіе же люди, какъ вы, страждущіе и плачущіе, наслаждающіеся и радующіеся, люди съ живою плотью и кровью. Вы съ интересомъ всматриваетесь въ группу юношей, метающихъ копья, и въ маститаго старца, избраннаго юношами судьею состязанія, и радостно любуетесь и молодою женщиною съ ребенкомъ, и мальчикомъ, ласкающимся къ добродушному бородачу, очевидно урвавшему для этого минутку отъ работы. Ихъ вы видите направо отъ себя, а налѣво двое молодыхъ людей сдѣлали передышку и весело болтаютъ съ дѣвушками; ближе къ краю — женщины накрываютъ столы для обѣда. Мы еще не перечислили всѣхъ фигуръ этой богатой картины, но размѣры ея таковы, что ясность компановки нисколько не страдаетъ отъ этого обилія.

* * *

Бо̀льшая часть этихъ шедевровъ была предоставлена художникомъ въ даръ городу Амьену. Выдающееся безкорыстіе Пювиса не осталось безъ вознагражденія. Послѣ «Picardia Nutrix» ему не пришлось сидѣть безъ дѣла въ ожиданіи заказовъ. Первымъ обратился къ нему муниципалитетъ города Марселя, въ 1867 году— съ предложеніемъ принять на себя работы по украшенію Лонгшанскаго дворца. Нѣсколько лѣтъ спустя художникъ получилъ аналогичное предложеніе отъ города Пуатье. Вполнѣ понятно, что чудное зданіе парижской ратуши такъ же не могло обойтись безъ работъ такого мастера, какъ Пювисъ-де-Шаваннъ. Жаль только, что въ этомъ великолѣпномъ музеѣ современной декоративной живописи онъ не представленъ такъ, какъ можно было бы пожелать. Его «Лѣто» и «Зима» помѣщены въ наименѣе благопріятномъ по освѣщенію мѣстѣ, а его живопись на лѣстницѣ помѣщенія префекта не всякій можетъ увидѣть, такъ какъ для доступа въ это помѣщеніе требуется особое разрѣшеніе.

«Зима» — одинъ изъ перловъ художника. Въ ней удивительны и отдѣльныя фигуры, и гармоничность цѣлаго. Передъ вами лѣсъ, занесенный снѣгомъ и словно окоченѣвшій отъ холода, голыя деревья съ тоскливо торчащими въ воздухѣ сучьями. Четверо мужчинъ валятъ могучее дерево. На переднемъ планѣ дровосѣкъ помогаетъ своему юному товарищу нагрузить на плечи громадную вязку хвороста. Рядомъ съ ними женская фигура въ изжелта сѣрой одеждѣ, опирающаяся на

палку—одна изъ характерныхъ фигуръ Пювиса. Зима — врагъ бѣдняковъ. Мы видимъ лѣвѣе молодую мать съ голодными, окоченѣвшими отъ холода малютками. Они ищутъ крова, гдѣ бы обогрѣться, и направляются къ полуразвалившемуся строенію, въ которомъ уже пріютился старикъ. Двое рабочихъ видимо тронуты ихъ печальнымъ положеніемъ. Одинъ изъ нихъ даетъ имъ хлѣба, другой грѣетъ у огня ноги одного изъ ребятъ. На заднемъ планѣ—веселая группа охотниковъ, немного ослабляющая мрачность общаго впечатлѣнія, производимаго картиною.—На противоположной стѣнѣ—«Лѣто». Оно должно было представлять характерный «pendant» къ гармоничной грандіозности «Зимы». Однако оно производитъ болѣе слабое впечатлѣніе. Цѣльности впечатлѣнія отчасти мѣшаетъ дверь въ средней части стѣнки. Влѣво и вправо отъ двери—фигуры купающихся женщинъ; немного дальше — по рѣкѣ плыветъ въ челнокѣ рыбакъ. Главная часть картины представляетъ залитый солнцемъ ландшафтъ — покрытый цвѣтами лугъ, по которому проѣзжаетъ возъ съ сѣномъ, отдѣльно стоящія каштановыя и тополевыя деревья, а на заднемъ планѣ—лѣсокъ.

Работы въ парижской ратушѣ (Hôtel de Ville) продолжались четыре года, съ 1889 по 1893 г. Одновременно художникъ написалъ одно большое панно и два поменьше для лѣстницы руанскаго музея. Я не могу сказать, чтобы это были самыя выдающіяся, по великолѣпію исполненія и глубинѣ замысла, созданія художника, но ни одно изъ твореній не пришлось мнѣ такъ по сердцу. Нигдѣ я такъ не убѣждался въ могучей силѣ его искусства; нигдѣ не выносилъ такого полнаго впечатлѣнія, доходившаго до иллюзіи: я не видѣлъ стѣнъ — я словно смотрѣлъ на улыбающійся ландшафтъ. Здѣсь я съ наибольшею ясностью постигъ ту цѣль, которую должно себѣ поставить искусство: гармоничное сліяніе идеализма съ натурализмомъ. Теперь такъ много пишутъ о побѣдѣ натурализма; между тѣмъ, нужно, чтобы онъ былъ не господиномъ, а слугою искусства. Пювисъ, на своемъ большомъ панно въ Руанѣ, представилъ намъ сенскій ландшафтъ совершенно такимъ же, какимъ мы его видимъ сквозь легкій туманъ лѣтняго дня; онъ населилъ его людьми такими, какихъ мы могли бы здѣсь видѣть повседневно, но какихъ мы, увы— не видимъ. Потому-то вся эта картина дышитъ чѣмъ-то идеальнымъ. Передъ нами люди съ плотью и кровью, но, все же, не такіе, какъ мы. Они могутъ смѣяться и плакать, какъ и мы, но, чтобы имъ приходилось переносить всѣ мелкія невзгоды земной юдоли,— этого мы себѣ представить не можемъ.

* * *

Послѣднія произведенія Шаванна находятся въ библіотекѣ города Бостона въ Америкѣ. Всего два года прошло съ тѣхъ поръ, какъ ихъ перевезли черезъ океанъ.

Часть ихъ предназначалась для украшенія пространства надъ дверью и по бокамъ ея и изображаетъ: «Музъ, привѣтствующихъ генія свѣта». Остальныя восемь картинъ одинаковаго размѣра изображаютъ главные роды поэзіи, философію и исторію, физику и химію. Передъ духовными очами сидящаго у моря Эсхила разыгрывается его драма «Прометей». Виргилій прогуливается раннимъ утромъ по саду и ищетъ вдохновенія въ пѣніи птицъ, въ яркой зелени деревьевъ и въ веселомъ жужжаніи пчелинаго роя. Къ слѣпому старцу—Гомеру—приближаются двѣ статныя женскія фигуры — Иліада и Одиссея — чтобы увѣнчать лаврами сѣдую голову поэта. Болѣе сильнаго и умиротворяющаго впечатлѣнія нельзя себѣ представить, чѣмъ то, какое производятъ эти изображенія драмы, лирики и эпоса. Фея, мановеніемъ волшебнаго жезла вызывающая «Духа прошедшихъ временъ» изъ мрачной глубины—это, разумѣется, исторія. Халдейскіе пастухи, указывающіе

другъ другу, въ изумленіи, на великолѣпіе звѣзднаго неба, — это первые астрономы на свѣтѣ. Затѣмъ слѣдуетъ «Философія»: молодой грекъ въ благородной позѣ опирается на парапетъ колоннады и съ блистающимъ взоромъ внимаетъ словамъ стоящаго передъ нимъ Платона. Физика представлена художникомъ очень смѣло и совсѣмъ по-новому: символизація неясна съ перваго взгляда, и вы не сразу поймете, что должны изображать обѣ женскія фигуры—«радостная вѣсть» и «печальная»,—пролетающія по телеграфнымъ проволокамъ надъ опоясанною горами долиною. То же можно сказать и про химію. Прелестная фея, почти ребенокъ, вызываетъ своими чарами въ ретортѣ различныя чудесныя превращенія. На нее глядятъ ея помощники—три маленькихъ духа. Въ смыслѣ живописи это произведеніе—одно изъ нѣжнѣйшихъ по колориту и наиболѣе гармоничныхъ. Основной тонъ картины — матовая синь, подернутая слегка нѣжно-золотистымъ сіяніемъ.

* * *

Враги упрекали Пювиса въ «блѣдности красокъ».—«Его произведенія страдаютъ малокровіемъ»—говорили они. Они забываютъ, что Пювисъ не мудрствовалъ, а писалъ то, что видѣлъ. Мѣсто дѣйствія большинства его произведеній—характерная французская равнина. Стòитъ только открыть глаза и взглянуть на эти пейзажи, бòльшую часть года подернутые серебристою дымкой, чтобы убѣдиться, что и ихъ освѣщеніе такое же нѣжное, такое же «анемичное», какъ и на картинахъ этого мастера. Упрекъ же въ томъ, что онъ предпочиталъ такіе дни и времена года, когда краски особенно нѣжны, что ему больше нравилось небо, слегка подернутое облаками, чѣмъ яркое сіяніе солнца, едва ли заслуживаетъ вниманія. Нельзя сверхъ того упускать изъ виду, что, въ большинствѣ случаевъ, причиною такого подбора красокъ было именно желаніе Шаванна сообразоваться съ характеромъ мѣста. Не могъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ, осенній ландшафтъ съ его мягкимъ освѣщеніемъ населить женскими фигурами въ ярко-красныхъ или зеленыхъ, какъ шпинатъ, платьяхъ. *Гармонія красокъ* была для него высшимъ, непреложнымъ закономъ. Онъ не начиналъ никогда работы, не установивъ напередъ характера основныхъ тоновъ и соотвѣтствующихъ имъ красокъ. Это онъ называлъ выработкою своихъ relais—опорныхъ пунктовъ. Онъ писалъ восковыми красками, и судя по нынѣшнему состоянію его старѣйшихъ работъ, онѣ обѣщаютъ долго не поддаваться вліянію времени. Къ тому же, онъ не писалъ прямо на стѣнѣ, а на холстѣ, который затѣмъ укрѣплялся на стѣнѣ.

Мотивы его пейзажа заимствованы, какъ уже сказано, большею частью, у холмистой равнины сѣверной Франціи. Мѣстность около Нантера къ западу отъ Парижа съ холмомъ Монъ-Валеріенъ послужила рамкою для его картины «Исторія святой Женевьевы», написанной на стѣнѣ «Пантеона» въ Парижѣ, а сенская долина съ башнями Руана, восхитительная мѣстность, которая никогда не изгладится изъ памяти тѣхъ, кому удалось взглянуть на нее съ высоты собора Богоматери Заступницы (Notre-Dame de Bonsecours), образуетъ заднiй планъ картины «Искусства и Природа», красующейся на стѣнахъ руанскаго музея; подъ тяжелымъ небомъ Пикардіи разъигрываются «Патріотическія игры».

— Откуда вы взяли этотъ мотивъ?—спросили однажды художника.

— Когда я ѣздилъ въ Аміенъ,—отвѣтилъ онъ: — я, не отходя отъ окна, наблюдалъ мѣстность, и когда я вернулся въ мастерскую, готовый пейзажъ былъ у меня передъ глазами.

Иногда, особенно въ его раннихъ работахъ, въ родѣ «Древняго видѣнія» или въ марсельскихъ панно, Пювису приходилось писать и южные пейзажи, но онъ

себя всегда чувствовалъ при этомъ какъ-то не по себѣ. Со времени своей юности онъ никогда болѣе не бывалъ въ Италіи, а къ Альпамъ чувствовалъ инстинктивное отвращеніе.

Въ своемъ пейзажѣ Пювисъ почти никогда не покидаетъ родной французской почвы. Въ людяхъ же его мы почти никогда не подмѣчаемъ кельто-латинскаго типа. Въ нихъ и слѣда нѣтъ французской ловкости и граціи. Высокія спокойныя фигуры идутъ намъ навстрѣчу, приводя на память частью классическій, частью германскій типъ. Мужчины его—воплощенная мощь и энергія; но, прежде всего, Пювисъ неутомимый поклонникъ женской красоты. Что въ его музахъ и граціяхъ сказываются классическіе ея прообразы, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; но и въ его деревенскихъ дѣвушкахъ нельзя не подмѣтить того же вліянія. Такъ, напримѣръ, въ главной фигурѣ «Отдыха» наблюдается быть-можетъ и безсознательное, но несомнѣнное вліяніе Венеры Милосской. Въ позднѣйшихъ работахъ эти классическія фигуры все болѣе и болѣе вытѣсняются фигурами средне-вѣковыхъ Туснельдъ съ русыми косами.

Пювисъ любитъ женщину въ ея нагой красѣ, и особенно любитъ ее въ классической или варварской одеждѣ, свободно облегающей красивыя формы. Всего больше любитъ онъ писать свободно-парящія женскія фигуры. И въ его послѣднихъ большихъ работахъ мы можемъ видѣть фигуры въ такой позѣ; таковы музы, привѣтствующія генія свѣта, океаниды, окружающія прикованнаго Прометея. Почти современны костюмы женщинъ на картинѣ въ Руанѣ. Разумѣется, въ нихъ и намека нѣтъ на корсеты или взбитые рукава; они просты и гладки и тѣмъ не менѣе красивы. Къ приверженцамъ феминизма, впрочемъ, Пювиса, повидимому, причислить нельзя. Его женщины рисуютъ, пишутъ красками, занимаются музыкою, но, прежде всего, онѣ—помощницы мужчины. Онѣ подаютъ ему инструменты, нужные при работѣ; онѣ стряпаютъ ему обѣдъ и подаютъ пѣнистое вино. Пока мужчины кузнечатъ и плотничаютъ, молодая мать кормитъ грудного ребенка. Это—ея работа.

* * *

Въ уборѣ снѣжномъ паркъ. Къ бесѣдкѣ отдаленной,
Гдѣ львы бѣлѣютъ при лунѣ,
Четой поспѣшною, счастливой и влюбленной
Мы шли тропинкой въ тишинѣ.

—

Луна. И лѣсъ, и даль—все въ ризѣ бѣлоснѣжной,—
Въ оцѣпенѣньи лѣсъ и даль...
О, первый поцѣлуй несдержанно-мятежный
Черезъ неснятую вуаль.

—

Въ объятіяхъ моихъ ты очи закрывала,
Мечтой любви упоена,

И, въ упоеньи, вновь ты губъ моихъ искала
И тороплива, и блѣдна.

—

Какъ быстро тайное свиданье промелькнуло,—
И ты, облитая луной,
Съ волной своихъ кудрей на грудь ко мнѣ прильнула,
Потомъ—разстались мы съ тобой.

—

Былого не вернуть. Но грезой ароматной,
Но прошлымъ дышатъ всѣ мечты!
О, будь благословенъ ты, вечеръ невозвратный,
О, будь благословенна ты!

П. Порфировъ.

Власть минуты.

Повѣсть **П. Гейзе.**

(Окончаніе.)

На слѣдующее утро садъ гостиницы въ Сальвадоре весь былъ въ цвѣту; легкій, ароматный вѣтерокъ заигрывалъ съ пальмами и агавами и шевелилъ вымпелами небольшихъ шлюпокъ, слегка покачивавшихся на своихъ цѣпяхъ. Когда докторъ пришелъ, около обѣденнаго времени, навѣстить молодую женщину, онъ засталъ ее въ саду спящей въ гамакѣ. Онъ долго смотрѣлъ на нее, съ искреннимъ удовольствіемъ любуясь красивыми, правильными чертами, широкими вѣками, мягко очерченнымъ, хотя нѣсколько блѣднымъ, ртомъ. Красивый зонтикъ, который, наполовину свѣсившись, застылъ въ ея рукѣ, обливалъ ей все лицо теплымъ отсвѣтомъ, прядь ея слегка волнистыхъ волосъ спустилась ей на лобъ и високъ, тонкія темныя брови были сдвинуты, грудь тяжело дышала. Онъ не могъ рѣшиться ее разбудить. Какъ разъ въ это время вверху, на террасѣ, зазвонили къ обѣду, и спавшая вскочила въ глубокомъ смятеніи. Она, какъ бы въ свое оправданіе, разсказала доктору, что провела ночь безъ сна, а теперь ее убаюкало ласковое, кроткое солнышко.

— Тѣмъ лучше, — сказалъ онъ: — у насъ въ нашихъ аптекахъ нѣтъ болѣе дѣйствительнаго средства, чѣмъ такой сонъ подъ лучами солнца.

За столомъ они сидѣли рядомъ, никакой пустой стулъ уже болѣе ихъ не раздѣлялъ. Онъ весело болталъ о посторонних предметахъ, она же, казалось, минутами едва его слушала. Онъ прекрасно видѣлъ, что она еще совершенно равнодушна, даже къ собственной судьбѣ.

Черезъ часъ послѣ обѣда служанка постучалась къ ней въ дверь. Докторъ приказалъ спросить, не желаетъ ли синьора съ нимъ прокатиться.

Въ первую минуту она хотѣла сказать: «нѣтъ», но затѣмъ одумалась. Она только кивнула головой, быстро надѣла свою черную шляпу съ сѣрыми страусо-

выми перьями и, пройдя вслѣдъ за дѣвушкой коридоромъ, вышла на заднее крыльцо дома.

— Дайте же мнѣ похвастать своимъ озеромъ, — воскликнулъ докторъ, завидѣвъ ее. Онъ ожидалъ ее, стоя около экипажа.—Сегодня озеро должно быть очаровательно... Но вы какъ будто еще сомнѣваетесь, вполнѣ ли безопасно ѣхать въ этомъ легкомъ экипажѣ. Или васъ смущаетъ мое общество? Вы боитесь сплетенъ и пересудовъ? Но вѣдь докторъ—не мужчина, въ особенности докторъ, убѣленный сѣдинами...

— О, — спокойно сказала она: — это меня ничуть не безпокоитъ, я никому болѣе не обязана давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Съ вашей стороны очень мило, что вы желаете взять на себя роль чичероне, хотя въ обществѣ со мною вамъ будетъ очень скучно.

Онъ посадилъ ее въ экипажъ, крикнулъ кучеру нѣсколько словъ по-итальянски, и они понеслись.

— Вы еще слишкомъ слабы для того, чтобы совершать длинныя прогулки пѣшкомъ,—сказалъ онъ.—Бродить по саду, полежать въ гамакѣ, да часа два покататься, вдыхая въ себя этотъ живительный воздухъ — вотъ что вы должны теперь дѣлать, и ручаюсь вамъ, что уже черезъ недѣлю вы себя не узнаете. Чтобы не утомлять васъ, я не буду надоѣдать вамъ своими разговорами. Да и, любуясь этими очаровательными видами, нѣмѣешь отъ восторга.

Они ѣхали вверхъ по широкой улицѣ, которая ведетъ въ Тормини, и при каждомъ поворотѣ передъ ними открывался новый видъ на озеро. Справа и слѣва, вокругъ маленькихъ, одинокихъ домиковъ съ черными крышами виднѣлись только-что зазеленѣвшіе виноградники, изрѣдка мелькало покрытое нѣжнымъ цвѣтомъ миндальное деревцо, а на заднемъ планѣ возвышались сѣрые, поросшіе оливковыми плантаціями, горные скаты. Чѣмъ выше они поднимались, тѣмъ очаровательнѣе разстилалась вокругъ нихъ изобилующая ущельями равнина, тѣмъ величественнѣе вздымалась еще сверкавшая бѣлизной, широкая вершина Монте-Бальдо надъ яркосвѣтившейся, синей глубиной озера. Обѣщаніе свое докторъ соблюдалъ строго. Онъ только перечислялъ ей названія мелкихъ деревушекъ, чрезъ которыя они проѣзжали, да наверху, когда они достигли того пункта, гдѣ большую дорогу пересѣкаютъ рельсы парового трамвая, который ходитъ въ Бретью, онъ спросилъ, не хочетъ ли она пить: на станціи въ Тормини-де можно получить стаканъ сноснаго вина.

Мальвина отрицательно покачала головой. Она уже и такъ опьянѣла отъ рѣзкаго мартовскаго воздуха, отъ солнца и отъ всѣхъ чаръ этого южнаго міра. Самъ онъ, однако, выпилъ немного краснаго вина и отдалъ остальное кучеру, добродушному человѣку, который порою подбадривалъ свою клячу смѣшными прибаутками. Затѣмъ они переѣхали на ту сторону, къ маленькой церкви Святого Петра, и, миновавъ двѣ, три похожія на гнѣзда, деревушки, потихоньку, описавъ широкій кругъ, снова поднялись наверхъ, когда горы восточнаго берега уже начали окрашиваться въ фіолетовый цвѣтъ. Болѣе часу отдыхали они въ церкви, наверху. Трудно было разстаться съ этимъ прохладнымъ мѣстечкомъ, откуда на далекое разстояніе виднѣлись долины и горы.

— Такъ-то,—сказалъ онъ, высаживая ее изъ экипажа у дверей гостиницы:— эту ночь вы проспите лучше, чѣмъ спали прошлую. Завтра, за полтора часа до обѣда, я явлюсь съ другимъ домашнимъ средствомъ противъ разстроенныхъ нервовъ, которое можетъ быть примѣнено и на воздухѣ. Но объ этомъ я вамъ сегодня ничего не скажу. Покойной ночи!

Онъ энергически потрясъ ей руку и направился къ своей одинокой квартирѣ.

На другой день онъ снова засталъ ее въ саду, въ полукруглой бесѣдкѣ

изъ бамбука, такъ какъ на опаленныхъ яркимъ солнцемъ садовыхъ дорожкахъ было уже слишкомъ жарко.

Онъ несъ подъ мышкой шахматную доску, которую положилъ на каменный столъ среди бесѣдки, придвинувъ къ нему стулъ.

— Мнѣ все ясно безъ словъ, — воскликнулъ онъ. — Я уже по глазамъ вашимъ вижу, что вы проспали добрыхъ восемь часовъ. Браво! А тутъ я принесъ вамъ болѣе цѣлесообразное занятіе, которое немного и заставляетъ работать голову, но зато успокаиваетъ кровь и нервы. Знакома вамъ эта игра? Ну, такъ поступайте ко мнѣ въ науку. Впрочемъ, это штука не мудреная.

Онъ сталъ ей объяснять правила игры, и они оба такъ сю заинтересовались, что не замѣтили, какъ прошло время и позвонили къ обѣду. Послѣ обѣда къ дому снова подъѣхалъ маленькій экипажъ, но прежній старый, въ заплатахъ, кожаный верхъ его былъ замѣненъ новымъ и колеса оказались тщательно вымытыми. Франческо объяснилъ, поклонившись въ сторону молодой женщины, что онъ сказалъ своему хозяину, что для такой прекрасной дамы экипажъ ужъ слишкомъ плохъ. Докторъ, смѣясь, перевелъ его слова своей спутницѣ, когда они снова катили по большой дорогѣ.

— Вы одержали побѣду, — сказалъ онъ: — этотъ добрый малый, посмотрите-ка, не только разукрасилъ экипажъ, но и свою собственную персону. Здѣшній народъ отличается большой чуткостью ко всему прекрасному.

Она выслушала это безъ малѣйшей улыбки и продолжала разсѣянно смотрѣть вдаль.

Сегодня они направились въ другую сторону и проѣзжали высоко надъ озеромъ; одно за другимъ выступали передъ ними небольшія мѣстечки: Гордоне, Фазано, Мадерно, Гносколоно и, наконецъ, Горньяно, гдѣ докторъ приказалъ остановиться. Онъ проводилъ свою спутницу въ садикъ чистенькой гостиницы на берегу озера, гдѣ и оставилъ ее, подъ сѣнью лавровыхъ и гранатныхъ деревьевъ, за чашкой чая.

— Прошу отпуска на часокъ,—сказалъ онъ. — Съ одного изъ здѣшнихъ уголковъ я набросалъ, ровно годъ тому назадъ, маленькій этюдъ акварелью, къ которому теперь, благо освѣщеніе то же самое, очень желалъ бы прибавить нѣсколько мазковъ. Тѣмъ временемъ вы не соскучитесь. Хозяйка — умная, хорошая женщина; она сейчасъ къ вамъ придетъ.

Когда онъ, менѣе чѣмъ черезъ часъ, вернулся, то засталъ молодую женщину въ одиночествѣ. Она сидѣла, подперевъ голову рукой и устремивъ глаза на голубую поверхность озера. Онъ тотчасъ замѣтилъ, что она плакала; разговоръ съ хозяйкой, повидимому, взволновалъ ее, но онъ притворился, что ничего не замѣчаетъ; она быстро овладѣла собой и спросила объ его этюдѣ. Онъ безмолвно раскрылъ ящикъ съ красками, въ крышку котораго была вставлена небольшая картинка, и видимо обрадовался ея одобренію работы, хотя еще имѣвшей видъ наброска, но обличавшей несомнѣнный талантъ.

— Эта пачкотня,—сказалъ онъ:—доставляетъ мнѣ безконечное удовольствіе. Этимъ дѣломъ я смолоду занимался и во время своей усиленной практики часто по немъ тосковалъ. То, чего желаешь въ молодости, въ старости получаешь въ изобиліи.

Затѣмъ онъ пошелъ въ домъ, чтобы расплатиться. Оказалось, что Мальвина уже сама это сдѣлала. Отъ хозяйки онъ, однако, узналъ, что у прекрасной молодой дамы, когда она съ нею завела рѣчь о супружескихъ дѣлахъ, въ полной увѣренности, что она втайнѣ обручена съ докторомъ, вдругъ сдѣлались очень грустные глаза, и она оборвала разговоръ.

— Она несчастна, — сказалъ докторъ:—къ тому же она слабаго здоровья. Но я надѣюсь ее вылѣчить.

— Вамъ бы слѣдовало на ней же-

ниться, господинъ докторъ, это было бы самымъ лучшимъ лѣченіемъ, да и вамъ самимъ имѣть милую жену было бы не лишнее.

— Что вамъ въ голову приходитъ! Она уже не свободна, да если-бъ и была — куда мнѣ, старику!

— Вы говорите это, потому что въ вашихъ густыхъ волосахъ немножко пыли накопилось! Вамъ впору еще заглядываться на самыхъ молоденькихъ.

Онъ пожалъ плечами и пошелъ звать Мальвину домой. Сидя совсѣмъ близко отъ нея, въ небольшомъ, быстро несшемся экипажѣ, онъ все время думалъ о словахъ хозяйки. Да, вотъ теперь возлѣ милой жены, *этой жены*, жизнь бы сызнова для него началась. Но — «прочь, мечта, хотя и золотая!» Онъ принудилъ себя снова стать веселымъ, а дивные виды, самые красивые и разнообразные на берегахъ этого озера, скоро разогнали легкій припадокъ меланхоліи. Онъ даже сталъ разговорчивѣе вчерашняго и не довольствовался одними лишь восторженными восклицаніями.

Кучеру нерѣдко приходилось останавливаться, когда дальнозоркіе глаза доктора замѣчали на краю дороги рѣдкій ранній цвѣтокъ, который ему необходимо было сорвать, чтобы положить его на колѣни своей спутницы. Когда они добрались до гостиницы, у нея въ рукахъ былъ большой, пестрый букетъ, и она знала названіе каждаго цвѣтка.

Такъ проходили для нихъ и послѣдующіе дни.

Если послѣ обѣда экипажъ Франческо не подъѣзжалъ къ гостиницѣ, это значило только, что докторъ приказалъ лодочнику гостиницы ждать съ своей лодкой внизу, у лѣстницы, которая вела къ озеру. Тогда они, сами усѣвшись за весла, направлялись или внизъ по бухтѣ, туда, гдѣ старый городъ съ своими двумя церквами и цвѣтущими садиками передъ домами старинной архитектуры особенно живописно выдѣлялся на горизонтѣ, или на ту сторону озера, къ кладбищу, мимо длинной величавой аллеи изъ кипарисовъ, которые, точно почетный караулъ, охраняютъ покой мертвыхъ, или еще далѣе къ мысу Манерба и къ острову Горда, съ его высокимъ замкомъ и съ гротами на берегу, въ которые врываются прозрачныя, какъ хрусталь, волны озера. Во время этихъ прогулокъ докторъ бывалъ особенно разговорчивъ: онъ разсказывалъ объ убогой жизни рыбаковъ, съ которою онъ, въ качествѣ врача, ознакомился вполнѣ основательно, а въ промежуткахъ углублялся въ изученіе постоянно смѣнявшейся игры красокъ, порою разражаясь комическими жалобами на то, что акварелисту ея не скопировать.

Молодая женщина относилась ко всему этому такъ, словно все, что она видѣла и слышала, задѣвало лишь ея внѣшнія чувства. Очень рѣдко она обращалась съ вопросомъ къ своему спутнику, но пожатіе ея руки, когда онъ съ нею прощался послѣ подобной экскурсіи, говорило ему, что усилія его не напрасны. Легкій румянецъ снова загорѣлся на ея щекахъ, углы рта ея перестали нервно подергиваться, выраженіе глазъ уже не было такимъ строго-сосредоточеннымъ.

Всѣ въ домѣ замѣтили эту перемѣну. Синьора Тріока, жена стараго хозяина, поздравила доктора съ результатами его лѣченія. Онъ пожалъ плечами.

— Мы еще не перевалили гору, — сказалъ онъ. Онъ сообщилъ только, что тутъ дѣло идетъ о тяжкой, нервной болѣзни, отъ которой молодая жена его пріятеля должна оправиться здѣсь, въ тиши.

Дней черезъ десять послѣ ея пріѣзда, когда Мальвина вошла въ бамбуковую бесѣдку, для своей обычной партіи въ шахматы, она увидѣла на каменномъ столѣ, у котораго уже усѣлся ея пріятель, чтобы разставить фигуры, письмо. Яркая краска залила ей все лицо. Она даже забыла поздороваться и неподвижно стояла у стула, устремивъ глаза на песокъ дорожки.

— Это письмо отъ Лудвига,—сказалъ онъ равнодушно, продолжая разставлять шахматы. — Онъ вложилъ его въ письмо ко мнѣ, вѣроятно, съ тѣмъ, чтобы оно вѣрнѣе дошло до васъ. Не хотите ли сначала прочесть его?

Она нѣсколько времени еще помолчала.

— Что онъ вамъ писалъ? — наконецъ съ трудомъ спросила она.

— О, ни слова о томъ, что между вами произошло. Пишетъ только, что онъ очень радъ, что вы подъ моимъ надзоромъ, такъ какъ вы еще очень нуждаетесь въ докторскихъ совѣтахъ. Ему, къ сожалѣнію, еще нельзя отлучиться, чтобы самому о васъ заботиться. Одно только меня удивляетъ,—какъ онъ узналъ, гдѣ вы? Вы вѣдь твердо рѣшились ни слова ему не писать.

Она покраснѣла еще сильнѣе.

— Я поступила необдуманно. Такъ какъ я упустила изъ виду здѣшній теплый климатъ, да и уѣхала я съ безумной поспѣшностью, то оказалось, что такихъ платьевъ, какія мнѣ здѣсь нужны, у меня не имѣется. А потому я написала своей горничной и приказала ей все, что мнѣ нужно, уложить въ сундукъ и переслать мнѣ сюда. Я не могла, чтобы не вызвать пересудовъ, написать ей, чтобы она ничего объ этомъ не говорила своему господину. Этимъ путемъ онъ и узналъ мой адресъ. Но это безразлично. Театръ закроется только черезъ два мѣсяца, замѣнить его никто не можетъ! Когда онъ наконецъ освободится, я уже давно буду въ другомъ мѣстѣ.

— Ну, какъ угодно. Я вамъ далъ слово объ этомъ предметѣ съ вами болѣе не говорить. Надо надѣяться, что вы тогда настолько оправитесь физически, что вамъ можно будетъ безъ вреда для здоровья улетѣть даже на край свѣта. Что-жъ, мы докончимъ ту партію, которую вчера прервали, или начнемъ новую?

Она не слышала вопроса.

— Будете вы ему отвѣчать?—спросила она, и голосъ выдалъ ея внутреннее волненіе.—Что вы ему напишете?

— Разумѣется, ни единаго слова о безднѣ, которая легла между вами и въ которую онъ мнѣ не далъ заглянуть. Напишу только, что вы, къ моей великой радости, замѣтно поправляетесь,—такъ какъ это, слава Богу, правда,—и что я счастливъ, что могу оказать его милой женѣ ничтожныя услуги въ качествѣ чичероне. Но развѣ вы не прочтете вашего письма?

Онъ подалъ ей письмо, она взяла его двумя дрожащими пальцами, подержала минуты двѣ въ рукѣ и затѣмъ, не распечатавъ, разорвала пополамъ. Лицо ея снова стало мертвенно-блѣднымъ, глаза сверкали какимъ-то дикимъ блескомъ, по мѣрѣ того какъ она медленно рвала письмо на мелкіе клочки, которые бросила на полъ. Затѣмъ она сказала только: «Сегодня я не могу играть и предпочла бы и послѣ обѣда остаться одна. Завтра мнѣ вѣроятно будетъ лучше».

Она поклонилась ему съ разсѣяннымъ видомъ и ушла. Онъ смотрѣлъ ей вслѣдъ, пока она не скрылась въ дверяхъ дома. «О, о! — проговорилъ онъ.—Неужто мы такъ еще недалеко ушли? Много предстоитъ еще тяжелой работы! Бѣдная женщина!»

На другой день она встрѣтилась съ нимъ очень смущенная, и по мягкому выраженію глазъ и задушевности голоса, видно было, что она желаетъ изгладить впечатлѣніе вчерашней рѣзкой сцены. Она принесла ему бѣлый, шелковый шарфъ, по угламъ котораго вышила небольшіе арабески. Этотъ шарфъ онъ долженъ надѣвать на шею въ вѣтреную погоду, такъ какъ онъ самъ ей говорилъ, что въ суровое время года легко простужается. Онъ очень обрадовался подарку и въ первый разъ поцѣловалъ красивую мягкую ручку, которая для него потрудилась. Затѣмъ они рядомъ сидѣли за столомъ, но бесѣда была односложнѣе, чѣмъ когда-либо.

Былъ дождливый день, за которымъ послѣдовали другіе, не менѣе дождливые.

Апрѣль, съ своей непостоянной погодой, давалъ себя знать и здѣсь. О прогулкахъ по водѣ или въ экипажѣ нечего было и думать, и они проводили долгіе, сѣрые, послѣобѣденные часы за шахматной доской; молодая женщина оказалась такой способной ученицей, что ея учитель вскорѣ долженъ былъ очень внимательно слѣдить за игрой, чтобы не проиграть. Когда она въ первый разъ выиграла партію, и онъ ее похвалилъ, глаза ея засвѣтились дѣтски-радостной гордостью. Но она покачала головой.

— Вы дали мнѣ выиграть,—сказала она.

— Конечно не преднамѣренно, — отвѣчалъ онъ.—Но я игралъ разсѣянно. Я постоянно смотрѣлъ на тонкія, голубыя жилки на вашей рукѣ. Въ первый разъ замѣтилъ я сходство этой руки съ другой, которая уже давно покоится въ могилѣ. Та была нѣсколько тоньше вашей, но совершенно такъ же двигались пальцы, когда она снимала фигуру съ доски. Къ сожалѣнію, мы, въ теченіе восьми лѣтъ, сыграли съ ней меньше партій, чѣмъ теперь съ вами.

Въ тотъ же вечеръ онъ, противъ своего обыкновенія, снова пришелъ въ гостиницу. Хозяйка обѣщала что-нибудь спѣть небольшому кружку своихъ «избранныхъ» жильцовъ. Собрались въ салонѣ. Мягкое освѣщеніе придавало салону довольно уютный видъ, и, хотя онъ былъ переполненъ мягкой мебелью и коврами, голосъ пѣвицы, которой одинъ изъ гостей аккомпанировалъ на фортепіано, звучалъ довольно сильно. Пѣвица начала съ народныхъ пѣсенъ, неаполитанскихъ и венеціанскихъ, затѣмъ спѣла извѣстную арію Гуно и, наконецъ, бравурную арію изъ какой-то *Didone abbandonata*, въ которой покинутая царица изливаетъ на невѣрнаго, троянскаго героя весь свой гнѣвъ и все свое страданіе.

Докторъ, сидѣвшій возлѣ Мальвины, содрогнулся при первыхъ звукахъ этой, хорошо ему знакомой, музыки и бросилъ испытующій взглядъ на свою сосѣдку. Только по ея сильной блѣдности понялъ онъ, какъ трудно ей было подавлять свое волненіе. Когда арія была почти окончена, и слушатели выражали свое одобреніе энергическими аплодисментами, она быстро поднялась, подошла къ хозяйкѣ, что-то ей шепнула, послѣ чего поспѣшно вышла изъ комнаты.

— Бѣдная! — сказала она, съ участіемъ гляля Мальвинѣ вслѣдъ.—У нея сдѣлался такой сильный приступъ мигрени, что каждый звукъ для нея пытка! Нѣтъ ли у васъ какого-нибудь средства противъ этого, докторъ?

Онъ пожалъ плечами.

— Сонъ и время! — сказалъ онъ.— Синьора Тріока, спойте намъ еще что-нибудь изъ Россини.

На другой день Мальвина ему призналась, что тоска ея разразилась судорожными рыданіями, и только послѣ полуночи она могла уснуть.

Но тутъ кончилась полоса дождей, и въ первое же утро, когда солнце согнало съ горъ послѣдніе клочья тумана, надъ озеромъ какъ будто засіяло настоящее лѣто.

— Завтра утромъ вы пораньше соберитесь на прогулку по озеру,—сказалъ докторъ Мальвинѣ, когда она вошла къ нему въ бамбуковую бесѣдку.—Мы отправимся въ Серміоне, на знаменитый полуостровъ у южнаго берега, воспѣтый и прославленный древнимъ римскимъ поэтомъ, который имѣлъ тамъ виллу. Благодаря нѣжнымъ стихамъ Катулла, полуостровъ этотъ посѣщается туристами въ теченіе двухъ тысячелѣтій. Я вполнѣ согласенъ съ поэтомъ и, по-моему, этотъ тихій уголокъ очаровательнѣе, чѣмъ Isola di Garda или оба знаменитыхъ острова на Lago Maggiore. Въ 10 часовъ приходитъ пароходъ изъ Ровы въ Сальвадоре и забираетъ съ собой тѣхъ, которые желаютъ отправиться въ Дезенцао, мимо Серміоне.

— Вы знаете, что я никогда не за-

ставляю себя ждать, — отвѣчала она:— радуюсь тому, что познакомлюсь съ вашимъ любимымъ уголкомъ.

Ровно въ назначенный часъ появилась она на слѣдующее утро въ саду и увидѣла, что докторъ ужъ ждетъ ее на тропинкѣ у пристани. Онъ привѣтствовалъ ее, весело помахивая своимъ большимъ зонтикомъ, обтянутымъ сѣрымъ полотномъ.

— Погода божественная!—воскликнулъ онъ.—Какъ вы сегодня хороши!

Въ первый разъ сказалъ онъ ей комплиментъ. И, дѣйствительно, въ своемъ свѣтломъ, лѣтнемъ платьѣ, въ шляпѣ съ широкими полями изъ серебристо-сѣрой соломы, украшенной густымъ букетомъ красныхъ маковъ, она была такъ юношески-прелестна, что комплиментъ вырвался у него прямо изъ души. Улыбка промелькнула на ея спокойномъ лицѣ, когда она ему отвѣтила:

— Вашъ лѣтній костюмъ вамъ также очень къ лицу и молодитъ васъ, по меньшей мѣрѣ, на десять лѣтъ. Это волшебное солнце все краситъ. Взгляните только, какъ расцвѣлъ садъ. А озеро-то! Мнѣ положительно не вѣрится, что море у Неаполя и Мессины ярче свѣтится.

— Конечно, нѣтъ. Но вы еще насмотритесь здѣсь всякихъ чудесъ.

Пароходъ съ шумомъ подошелъ. Къ сожалѣнію, онъ былъ набитъ публикой, которая желала воспользоваться чуднымъ днемъ. Многіе изъ обитателей гостиницы Сальвадоре также поднялись по траппу и заняли мѣста въ первомъ классѣ, подъ широко-раскинутымъ тентомъ.

— Пройдемте на носъ,—сказалъ докторъ.—Тамъ, во второмъ классѣ, мы избавимся отъ этой кутерьмы, а мой зонтикъ защититъ васъ отъ солнца.

Красивый пароходъ направился сначала мимо церкви къ гавани, гдѣ нѣсколько пассажировъ еще сѣло и высадилось, затѣмъ, описавъ широкую дугу, пересѣкъ бухту Сальвадоре и повернулся по направленію къ югу.

Докторъ и Мальвина молча сидѣли другъ возлѣ друга подъ сѣнью полотнянаго зонтика, и даже воздерживались отъ всякихъ возгласовъ восторга, совершенно уйдя въ яркое сіянье, которымъ сверкающее солнце заливало берега и горы. Только разъ спросилъ онъ, послѣ того какъ долго любовался ея слегка зарумянившимся молодымъ личикомъ:

— Вамъ хорошо?—Она только кивнула въ отвѣтъ.—Да,—продолжалъ онъ:—бываютъ минуты, когда у человѣка собственная жизнь какъ бы исчезаетъ, и ему кажется, точно его *я* тонетъ въ безконечномъ пространствѣ. Нигдѣ я этого такъ живо не чувствовалъ, какъ на этомъ озерѣ.

Когда пароходъ, послѣ быстраго перехода въ часъ съ четвертью, подошелъ къ полуострову, къ плоскому берегу котораго онъ даже не могъ пристать, ему навстрѣчу понеслись маленькія рыбачьи лодки, чтобы принять путешественниковъ, желавшихъ высадиться на берегъ. Слишкомъ двадцать человѣкъ туристовъ отправилось на Серміоне. Тотчасъ же по прибытіи, они собрались посѣтить гроты Катулла и прочія отмѣченныя въ путеводителѣ достопримѣчательности.

— Мы не будемъ настолько глупы, чтобы въ такомъ большомъ обществѣ совершать наше паломничество къ здѣшнимъ святынямъ, — сказалъ докторъ.— Предоставимъ толпѣ профановъ идти своей дорогой, а мы, тѣмъ временемъ, позавтракаемъ вонъ въ той гостиницѣ. Когда мы покончимъ съ трапезой, полчище вернется, и все это царство поэзіи будетъ предоставлено намъ однимъ.

Они побрели по улицамъ небольшого мѣстечка къ гостиницѣ, гдѣ хозяинъ и хозяйка приняли доктора, какъ друга дома. Онъ заказалъ завтракъ, а затѣмъ провелъ свою спутницу, черезъ домъ, на чистенькій дворикъ, выходившій на озеро, гдѣ подъ высокими фиговыми и олеандровыми деревьями виднѣлось нѣсколько накрытыхъ столовъ. Въ стѣнѣ, опоясывавшей дворикъ, было продѣлано отверстіе,

черезъ которое видно было нѣчто въ родѣ гавани, гдѣ пріютились рыбачьи лодки, покачивавшіяся на безпокойныхъ волнахъ.

— Здѣсь особенно хорошо осенью,— сказалъ онъ, когда они сѣли за столъ.— Видите ли вы эту сѣть изъ твердыхъ нитей, которая, идя отъ столба, что посреди двора, охватываетъ его. Все это мѣсто тогда густо обрастаетъ виноградными листьями, подъ сѣнью которыхъ можно наслаждаться чудной тѣнью, причемъ виноградъ къ десерту можно срывать тутъ же своими руками. Но вотъ намъ несутъ уже рыбу. Такихъ отличныхъ угрей, какихъ здѣсь подаютъ, вы нигдѣ болѣе не найдете на берегахъ этого озера.

Пока они пировали, въ самомъ веселомъ настроеніи, оказывая честь и красному вину, изъ дома вышла молодая дѣвушка, которая несла два пустыхъ ведра для воды и, перерѣзавъ дворъ наискось, направилась къ лѣстницѣ, которая спускалась къ озеру. Дѣвушка—ей врядъ ли было и семнадцать лѣтъ—была очень бѣдно одѣта, жиденькая коричневая юбочка свѣшивалась съ узкихъ бедръ лишь по щиколотокъ, полинялый желтый платокъ едва прикрывалъ худыя плечи, на босыхъ ногахъ были маленькіе башмачки съ деревянными подошвами.

Невзрачная фигурка была однако увѣнчана изящной головкой, съ профилемъ, отъ котораго бы не отказалась молодая римлянка, съ слегка загорѣлой кожей, на которой ярко выдѣлялись блестящіе сѣрые глаза и пунцовый ротикъ. Прядь совершенно черныхъ волосъ спускалась ей на лобъ; остальные густые волосы были собраны на затылкѣ въ толстый узелъ.

Доктора она узнала тотчасъ же, какъ вышла изъ дома, но скромно прошла мимо сидѣвшей за столомъ пары, привѣтствовавъ его только поклономъ и улыбкой.

—Какъ поживаете, Розина?—крикнулъ ей докторъ по-итальянски.

— Благодарю, недурно, а вы?—отозвалась она, вскинула глазами на молодую женщину и, не дождавшись отвѣта, исчезла между столбовъ, которые подпирали стѣну у воды.

— Милое дитя!—сказалъ докторъ.—Самое хорошенькое и самое бѣдное созданіе на цѣломъ островѣ. Отецъ ея утонулъ во время бури на озерѣ, мать вскорѣ затѣмъ умерла, съ одиннадцати лѣтъ сирота служитъ здѣсь въ гостиницѣ, гдѣ на нее взваливаютъ всякую черную работу, а кормятъ очень скупо. Но случается, что такая жалкая, худая травка разовьется пышнѣе иного оранжерейнаго цвѣтка. Никогда, хотя бы въ теченіе одного часа, не бывала она больна и никогда не жаловалась на свою судьбу. Вотъ уже годъ, какъ она обручена съ молодымъ рыбакомъ, который однако прежде долженъ накопить столько денегъ, чтобы имѣть возможность завести собственную лодку. Повѣрите ли, она никогда не бывала за предѣлами Серміоне? Разъ я ее спросилъ, не желаетъ ли она взглянуть на свѣтъ Божій? Она покачала головой и отвѣтила: «Что мнѣ тамъ дѣлать? Тоніо здѣсь». И она права. Гдѣ человѣкъ любитъ, тамъ для него и весь міръ. Вотъ она возвращается. Мнѣ хочется ее къ намъ подозвать. Я у нея въ большой милости съ тѣхъ поръ, какъ подарилъ ей какъ-то тоненькую цѣпочку изъ кораллов, которую она носитъ лишь по большимъ праздникамъ.

— Ну, Розина,—крикнулъ онъ ей:— когда же будетъ свадьба?

Она на минуту опустила на землю свои тяжелыя ведра.

— Когда Богу угодно будетъ!—сказала она своимъ звонкимъ, немного рѣзкимъ голосомъ.

— Развѣ тебѣ не кажется, что время тянется очень скучно?

— Мы бѣдны, и я должна работать. Мнѣ некогда скучать.

— Да у тебя и вправду еще много времени впереди. Но подойди-ка къ намъ

на минутку и выпей стаканъ вина. Ты нравишься этой доброй дамѣ.

Она быстро подняла свои ведра и покачала головой.

— Дама мнѣ тоже нравится, очень. Но мнѣ надо въ домъ. Да хранитъ васъ Богъ, господинъ докторъ, и да пошлетъ вамъ всякаго благополучія. Съ такой прекрасной супругой въ немъ не будетъ недостатка.

Съ этими словами она поспѣшно ушла, и ея стучащіе башмаки скрылись въ черной внутренности дома.

Мальвина поняла все, что сказала дѣвушка. За время своего пребыванія въ Сальвадоре, она усовершенствовалась въ итальянскомъ языкѣ, которому научилась во время своихъ уроковъ пѣнія. Тѣмъ не менѣе, оставшись снова наединѣ со своимъ пріятелемъ, она сказала возможно непринужденнымъ тономъ:

— Эта дѣвочка, которой вы покровительствуете, кажется, не только очень хорошенькая: у нея очень живой умъ, судя по быстротѣ, съ какой она болтала. Жаль, что нарѣчіе, на которомъ здѣсь говорятъ, остается для меня непонятнымъ.

На это онъ ничего не отвѣтилъ. Только когда нѣсколько человѣкъ изъ пароходнаго общества вошло во дворъ, онъ очнулся отъ своего мрачнаго раздумья.

— Пора начать нашу прогулку,—сказалъ онъ.—Вонъ полчище-то возвращается, и теперь островъ принадлежитъ намъ. Я избавлю васъ отъ лазанія на башню и отъ осмотра древнихъ историческихъ построекъ. Это можно видѣть и въ дождливый день. Сегодня мы будемъ только купаться въ солнечныхъ лучахъ и наслаждаться волшебной игрой красокъ.

Онъ взялъ зонтикъ, ящикъ съ рисовальными принадлежностями и всталъ. Когда они пробирались среди общества туристовъ, то прекрасно замѣтили, что головы склонялись одна къ другой, и слышался шопотъ. Это, однако, ихъ ничуть не смутило, а когда они проходили по темнымъ улицамъ, и онъ ей предложилъ руку, она, нисколько не колеблясь, взяла ее. Такъ выбрались они изъ тѣни, падавшей отъ домовъ, и вошли въ оливковыя плантаціи, которыя раскинуты во всю длину и ширину плоскаго острова, при чемъ то здѣсь, то тамъ надъ ними возвышается темная группа лавровыхъ деревьевъ.

Но солнечный жаръ лился на землю еще съ такой силой, что докторъ нашелъ удобнымъ раскрыть зонтикъ, подъ сѣнью котораго они и шли по не широкой проѣзжей дорогѣ. Изрѣдка онъ наклонялся, чтобы сорвать у края дороги цвѣтокъ дряквы или бѣлый, дикій гіацинтъ, такъ что его спутница вскорѣ приколола къ груди красивый, благоухавшій букетикъ. Говорили оба мало, а прислушивались къ стрекотанью кузнечиковъ въ вѣтвяхъ оливковыхъ деревьевъ и слѣдили глазами за ящерицами, которыхъ шумъ шаговъ загонялъ въ расщелины камней или подъ густой мохъ, разстилавшійся цѣлымъ ковромъ.

Толпа ободранныхъ, босоногихъ мальчишекъ, которая собралась - было слѣдовать за ними по пятамъ, отстала, когда докторъ бросилъ ей нѣсколько серебряныхъ монетъ.

— Они создаютъ себѣ доходъ,—смѣясь, сказалъ онъ.—Сопровождая пріѣзжихъ въ древне-римскую башню, они освѣщаютъ спичками ея подземелья, чтобы показать, что тамъ смотрѣть нечего. Вы можете въ этомъ убѣдиться на обратномъ пути. Теперь мы пройдемъ мимо. Долженъ вамъ признаться, что я когда-то, тамъ наверху, въ такъ - называемой виллѣ Катулла, началъ маленькій набросокъ, надъ которымъ очень желалъ бы сегодня еще поработать, благо освѣщеніе снова такъ благопріятно. А вамъ, тѣмъ временемъ, слѣдуетъ немного вздремнуть, такъ какъ я замѣтилъ, что вы устали; на васъ дѣйствуетъ солнце, которое вдругъ стало такъ страшно припекать, и вы забыли подлить воды въ то небольшое количество вина, которое вы выпили.

Она не отвѣчала: точно во снѣ опира-

лась она на его руку и изрѣдка жмурила глаза, когда мягкій вѣтерокъ обвѣвалъ ей лицо. Свою соломенную шляпу она сняла и повѣсила на правую руку, легкій ароматъ маленькаго букета доносился до нея, ей было такъ хорошо: она испытывала чувство, о которомъ онъ ранѣе говорилъ,—что бываютъ минуты, когда окружающій насъ міръ исчезаетъ, и намъ кажется, точно наше маленькое *я* тонетъ въ безконечномъ пространствѣ.

Наконецъ они дошли до развалинъ роскошной виллы, которую выстроилъ себѣ одинъ римскій патрицій (имя его давно забыто) на сѣверной сторонѣ полуострова, и которая теперь носитъ имя безсмертнаго поэта.

Лишь огромныя, массивныя, стѣнныя арки вздымались изъ зеленой пустыни, сквозь которыя вдали, внизу, виднѣлась сверкавшая поверхность озера. Взоръ охватывалъ далекій горизонтъ, вплоть до горъ, которыя господствуютъ надъ Ривой. Тропа терялась среди низкихъ тернистыхъ кустарниковъ и обильной, высокой травы. Тамъ и сямъ развалины обозначаютъ планъ самаго дома; почва между ними сильно опустилась; когда-то здѣсь былъ ходъ въ погреба; старый, престарый плющъ вьется по скаламъ и взбирается до самаго верхняго карниза развалившихся арокъ; небольшія деревца пустили здѣсь корни и поднимаютъ легкія вершины въ пронизанномъ солнечнымъ свѣтомъ эѳирѣ, внизу же о сѣрыя скалы разбиваются съ однообразнымъ шумомъ волны озера, и эта легкая музыка доносится вверхъ лишь въ видѣ еле уловимаго слухомъ дыханія стихіи.

— Вотъ то мѣстечко, которое я зарисовалъ въ послѣдній разъ,—сказалъ докторъ, останавливаясь у одной изъ арокъ.— Развѣ это не дивная картина,—эти красновато-желтыя стѣны изъ кирпича, на фонѣ сапфироваго цвѣта, а надъ берегомъ съ маленькими бѣлоснѣжными домиками, сѣрая стѣна горъ? Я вамъ совсѣмъ не покажу того, что тогда началъ. Можетъ-быть, сегодня я чего-нибудь добьюсь. Въ лучшемъ случаѣ подобная акварель вѣдь—въ родѣ переложенія для фортепіано, въ двѣ руки, звучной симфоніи, даже когда мастеръ, какимъ я, къ сожалѣнію, никогда не былъ, пуститъ въ ходъ все свое искусство. Если же онъ совсѣмъ дилетантъ, да и инструментъ, на которомъ онъ играетъ, не изъ лучшихъ и не изъ безукоризненно-настроенныхъ, то лишь самъ исполнитель находитъ удовольствіе въ своемъ бренчаньѣ, хотя восхитительная основная мелодія все же слышится.

Онъ бросилъ ящикъ съ красками въ высокую траву и оглянулся.

— Для васъ тамъ наверху готово дивное мѣстечко. Вы можете почивать въ тѣни. Тамъ уже давно солнца нѣтъ, въ то время какъ мнѣ здѣсь внизу еще и теперь нуженъ мой зонтикъ. Пожалуйте.

Онъ провелъ ее шаговъ десять вверхъ по скату, гдѣ въ густой и мягкой травѣ представилось ложе, которое, судя по помятымъ стеблямъ и травинкамъ, должно-быть, служило мѣстомъ отдохновенія и для другихъ усталыхъ людей. Густо поросшій мхомъ плоскій камень служитъ изголовьемъ, а молодая рябина поднимала свою вершину, точно балдахинъ, въ голубомъ воздухѣ.

— Ну, а теперь располагайтесь здѣсь поудобнѣе,—сказалъ онъ.—Ничто не потревожитъ вашего сна. Самъ я, правда, имѣю скверную привычку: во время своихъ «художественныхъ» работъ изрѣдка посвистывать. Но дѣлается это такъ тихо, что васъ не обезпокоитъ. Желаю хорошо отдохнуть и видѣть прекрасные сны.

Онъ кивнулъ ей, улыбаясь, и снова спустился внизъ, чтобы устроить свою мастерскую. Зонтикъ онъ воткнулъ за спиной глубоко въ землю, сѣлъ, вытянувъ ноги, ящикъ съ красками поставилъ передъ собой, прислонивъ къ ко-

лѣнамъ, и тотчасъ усердно принялся за работу.

Мальвина между тѣмъ улеглась, но головы еще не опустила на подушку изъ мха. Она слѣдила за докторомъ, какъ онъ обмакивалъ кисть въ баночку съ водой, а затѣмъ бралъ краски на маленькой палитрѣ. Ей былъ виденъ только его профиль, который выступалъ изъ-подъ края зонтика: твердо очерченный, прямой носъ, бѣлокурая рѣсница надъ спокойнымъ, голубымъ глазомъ, который такъ бодро и честно смотритъ на міръ Божій. Все пришло ей на память, чѣмъ она была ему обязана въ теченіе этихъ печальныхъ недѣль; она живо почувствовала, что она его развѣ только рукопожатіемъ, но еще ни однимъ словомъ не поблагодарила за безчисленныя, самоотверженныя, дружескія заботы. Она дала себѣ слово не уѣхать съ острова, не исправивъ своей ошибки.

Съ такими мыслями она, наконецъ, закрыла глаза, по, какъ ей казалось, не для того, чтобы спать, такъ какъ картина передъ нею была слишкомъ прекрасна, чтобы можно было такъ скоро ею насытиться. Да и докторъ еще разъ всталъ съ мѣста и поднялся къ ней, чтобы посмотрѣть, удобно ли ей лежать.

— Нѣтъ,—рѣшилъ онъ:—ваша подушка все же слишкомъ жестка, позвольте мнѣ покрыть ее моимъ сюртукомъ. Мнѣ и безъ того во время работы всегда слишкомъ жарко. Не желаете? Ну, какъ угодно. Итакъ: покойной ночи!

Она съ ласковой улыбкой посмотрѣла на него, и протянула ему руку.

— Вы такъ добры, милый другъ. Отъ всего сердца благодарю васъ.

— Есть за что!—пробормоталъ онъ.— Такое милое дитя надо же немножко и побаловать.

Онъ схватилъ руку, которую она ему протянула, и нѣсколько секундъ продержалъ ее въ своей рукѣ. Затѣмъ онъ, ласково кивнувъ ей, возвратился на свое мѣсто.

Теперь, когда она снова лежала одна въ мягкой травѣ, окруженная легкимъ стрекотаньемъ кузнечиковъ, обвѣянная сильнымъ и прянымъ ароматомъ цвѣтовъ, она вскорѣ впала въ блаженное забытье, которое смѣнилось разнообразными и странными снами.

Пестрый рядъ неопредѣленныхъ картинъ проносился передъ ея духовными очами, причемъ ни одна особенно глубоко ее не интересовала. Она только вся была проникнута сознаніемъ, что ей хорошо, тогда какъ со времени бѣгства изъ дома ее и по ночамъ посѣщали только зловѣщіе, мучительные сны. Кровь текла теплой струей по ея молодымъ членамъ, ея тоненькій носикъ вдыхалъ ароматный воздухъ.

Но вдругъ ей ясно представилось, что она вошла въ озаренное солнцемъ озеро, въ томъ видѣ, какъ она была, въ своемъ легкомъ, лѣтнемъ платьѣ. Плыла она совсѣмъ хорошо, хотя никогда этому искусству не обучалась, и проплыла довольно далеко, пока не увидѣла увѣнчаннаго снѣгомъ Монте-Бальдо, изъ-за котораго поднялась голова старца, которая грозными взглядами изъ-подъ бѣлыхъ рѣсницъ какъ бы гнала ее прочь. Одну минуту она думала, что утонетъ, но ея платье ее поддерживало, точно спасательный кругъ, и она уже видѣла берегъ совсѣмъ близко отъ себя, какъ среди скалъ внезапно появилась ненавистная фигура женщины, обольстившей ея мужа. Она стояла, злобно смѣясь, на выступѣ скалы, держа въ рукахъ длинное весло, которымъ отталкивала подплывавшую лодку. А теперь показалась позади ея стройная фигура мужа. Вмѣсто того, чтобы придти на помощь той, которая отчаянно боролась въ водѣ, онъ скрестилъ руки на груди и равнодушно смотрѣлъ мимо нея вдаль, хотя она громко звала его по имени. Тутъ у нея за спиной послышался шумъ. На длинной, плоской лодкѣ подъѣзжалъ добрый другъ; онъ перегнулся черезъ

край и втянулъ ее, Мальвину, въ лодку. Она слышала его ласковый голосъ, въ то время какъ та сирена на скалѣ разражалась рѣзкимъ хохотомъ, обнимала стоявшаго возлѣ нея мужчину и кидалась въ море, въ волнахъ котораго оба исчезли безслѣдно.

— Теперь мы съ тобой одни на свѣтѣ,—услыхала она слова своего избавителя.—Я только бѣдный рыбакъ, но эта лодка — моя, я могу прокормить тебя и себя. Но ты должна меня любить, какъ я уже давно тебя люблю. Хочешь?

— О,—шептала она:—я никого такъ не люблю, какъ тебя, уже давно хотѣла я тебѣ сказать, какъ я тебѣ благодарна. Теперь я принадлежу тебѣ всецѣло.

Глаза его заискрились счастьемъ, и онъ коснулся ея рта своими мягкими губами. Чувство блаженства переполнило ее всю, она горячо отвѣтила на его поцѣлуй и обвила руками его шею. «Милый, возлюбленный!»—шептала она. Но тутъ яркій лучъ дневного свѣта блеснулъ ей въ глаза, она широко ихъ раскрыла и еще съ минуту оставалась не въ полномъ сознаніи, какъ бы продолжая грезить. Ея руки обвились вокругъ шеи мужчины, ея губы... Минуту спустя, она приподнялась, руки ея оттолкнули стоявшаго передъ нею на колѣняхъ мужчину, яркій румянецъ залилъ ей все лицо. Что случилось? Какъ далеко завлекъ ее лукавый сонъ?

Онъ поднялся съ колѣнъ и нѣсколько минутъ простоялъ передъ нею, не говоря ни слова.

— Мальвина, — сказалъ онъ наконецъ, заикаясь: — можете ли вы простить меня? Когда вы все примете въ соображеніе — чары этой тишины, отъ которой умъ мутится — мое опьянѣніе отъ этой массы красоты, разлитой вокругъ — *отъ вашей красоты*, — вы и не подозрѣваете, какъ хороши вы были, когда спали, — отъ этой улыбки на вашихъ полуоткрытыхъ губахъ, которыя обыкновенно такъ строго сжаты— неужели какой-нибудь добрый духъ не заступится въ вашемъ сердцѣ за бѣднаго грѣшника, который самъ глубоко осуждаетъ себя за то, что и онъ поддался *власти минуты*?

Она медленно поднялась на ноги. Не глядя на него, какъ будто его слова скользнули мимо ея ушей, она надѣла шляпу и взяла въ руки зонтикъ. Она снова была очень блѣдна, грудь ея тяжело дышала, букетикъ она вынула изъ-за корсажа и, какъ бы шутя, въ разсѣянности, уронила его.

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь,—сказала она:—если еще желаете немного порисовать. Я, тѣмъ временемъ, потихоньку пойду назадъ и подробнѣе осмотрю островъ. Вамъ вѣдь это все знакомо. Пароходъ, который долженъ насъ забрать, приходитъ въ пять часовъ. Тамъ мы и встрѣтимся.

Такъ они разошлись.

Онъ прекрасно понималъ ея настроеніе. «Просто стыдно, — смущенно бормоталъ онъ про себя, глядя во слѣдъ медленно удалявшейся:—до чего слаба наша плоть. Эта бѣдная, одинокая женщина, жена моего пріятеля, простодушно, съ глубокимъ довѣріемъ къ моей честности, спокойно уснула себѣ близъ меня, а я— старикашка, впрочемъ: *сѣдина въ бороду*... Теперь бы я могъ... Нѣтъ, въ сущности я былъ бы дуракъ, если-бъ раскаивался въ томъ, что случилось. Если-бъ я серьезно оскорбилъ ее своимъ невольнымъ увлеченіемъ ея красотой, она бы не ушла, не прогнавъ меня навѣки. Но она и сама чувствуетъ себя виноватой, а потому и не рѣшается произнести надо мною приговоръ. Кто знаетъ, что ей такое могло присниться. Боже мой, не всегда же мы можемъ располагать всѣми нашими чувствами. А если и она испытала на себѣ власть минуты, то не должна на меня сердиться за то, что и я при этомъ сыгралъ нѣкоторую роль».

Въ глубокомъ раздумьѣ возвратился онъ на свое мѣсто. Но охота къ работѣ исчезла. Онъ собралъ рисовальныя принадлежности, взялъ зонтикъ и медленно выбрался изъ хаоса развалинъ — на просторъ. Но едва онъ снова очутился на тропѣ, пересѣкавшей оливковую плантацію, по которой часъ тому назадъ шелъ съ нею, довѣрчиво опиравшеюся на его руку,—имъ овладѣло страстное желаніе ее разыскать. Тотъ единственный поцѣлуй, на который она такъ нѣжно отвѣчала, еще горѣлъ у него на губахъ, онъ чувствовалъ, что если-бъ онъ теперь снова стоялъ передъ нею на колѣняхъ, онъ бы не такъ быстро оторвалъ свои губы отъ ея губъ, онъ бы смѣлѣе насладился блаженствомъ минуты, чѣмъ въ тотъ первый мигъ самозабвенія. Развѣ онъ недостаточно молодъ, чтобы еще разъ пожить полной жизнью. Кто можетъ его осуждать, если онъ сохранитъ то, что нашелъ на пути, въ видѣ достоянія, которымъ никто не владѣетъ? Она къ нему уже и теперь расположена,—это онъ видѣлъ ясно, такъ какъ она его обняла и, поддавшись инстинктивному чувству, привлекла къ себѣ. Правда, она, затѣмъ, его оттолкнула, какъ и подобало скромной женщинѣ, пришедшей въ полное сознаніе. Но когда они почувствуютъ себя совершенно свободными, когда внѣшнія узы, которыя еще связываютъ ее съ измѣнникомъ, будутъ порваны,—она тогда увидитъ всю его серьезную привязанность, всю его безграничную преданность!..

У него голова кружилась при мысли, что онъ назоветъ ее своей, увидитъ осуществившимся желаніе Розины, сулившей ему «блаженство». Въ какомъ-то экстазѣ, въ упоеніи шелъ онъ далѣе, всматривался направо и налѣво въ падавшую отъ оливковыхъ деревьевъ тѣнь и даже раза два окликнулъ Мальвину. Но ея и слѣдъ пропалъ.

Не было ея и въ старой церкви на холмѣ, всѣ уголки которой онъ обыскалъ. Ясно было, что она хотѣла отъ него спрятаться, чтобы скрыть свое раскаяніе, свой стыдъ. Ему показалось, что онъ именно этого и желалъ. Если-бъ она была къ нему равнодушна, она бы холодно посмотрѣла на него и отнеслась бы къ его дерзости, какъ къ проступку, заслуживающему не наказанія, а только презрѣнія.

Можетъ-быть, она, убѣгая отъ него, заблудилась въ отдаленной части острова, и можетъ не поспѣть къ пароходу. Тогда она будетъ вынуждена провести ночь на островѣ, и ему представится удобный случай выяснить ихъ дальнѣйшія отношенія.

Съ подобными мыслями добрался онъ наконецъ снова до гостиницы.

— Синьора болѣе не показывалась,— сказала ему Розина, которую онъ встрѣтилъ на кухнѣ.

Онъ уплатилъ по счету и подарилъ, въ своемъ радостномъ настроеніи, золотую десяти-франковую монету молодой пророчицѣ. Затѣмъ онъ возвратился на площадь, близъ которой лодки ожидали прибытія парохода.

Но и здѣсь, среди небольшой группы туристовъ, не видно было той, которую онъ искалъ. Когда же на озерѣ показался пароходъ, и рыбаки начали приглашать своихъ пассажировъ садиться въ лодки, она, спокойнымъ шагомъ, нисколько не торопясь, вышла изъ узкой, боковой улицы, съ лицомъ, на которомъ ничто не выдавало особаго, внутренняго волненія. Пройдя мимо своего друга и отказавшись отъ предложенной ей руки, она прыгнула въ лодку и, опять-таки отвергнувъ всякую помощь, взобралась на пароходъ по шаткимъ сходнямъ.

На этотъ разъ она помѣстилась на скамейкѣ въ первомъ классѣ, раскрыла свой небольшой зонтикъ, закинула его за спину и устремила пристальный взоръ на горы, на томъ берегу. Онъ подвинулъ къ ней, для себя, складной стулъ и, съ нѣкото-

рымъ смущеніемъ, начала разговоръ. Она вѣжливо отвѣчала, какъ будто бы съ нею говорилъ какой-нибудь незнакомый спутникъ. Мало-по-малу замолчалъ и онъ, въ немъ поднимался гнѣвъ, его злило, что она, послѣ всего, что случилось, можетъ такъ холодно съ нимъ обращаться. Тѣмъ не менѣе онъ цѣнилъ ее слишкомъ высоко, чтобы счесть ея обращеніе за маневръ кокетки, желавшей лишь глубже затянуть его въ свои сѣти. Онъ только съ горечью сознавалъ, что цѣль, къ которой онъ стремился, слишкомъ еще отъ него далека.

Такъ окончили они, молча и грустно, свой обратный путь. Всѣ чары прелестнаго дня ничего не говорили ихъ глазамъ и чувству. Когда пароходъ, снова описавъ широкій кругъ, переѣзжалъ бухту Сальвадоре и подошелъ къ пристани, молодая женщина быстро поднялась и вмѣшалась въ толпу пассажировъ, которая тѣснилась у сходенъ. Еле поспѣвая, онъ шелъ за нею по пятамъ черезъ узкій мостикъ и только-что вошелъ подъ арку дома на набережной, какъ замѣтилъ, что она, точно испугавшись привидѣнія, вдругъ остановилась и вся содрогнулась. Въ ту же минуту онъ увидѣлъ молодого человѣка, который пробирался сквозь толпу ожидавшихъ зрителей и, протянувъ руку съ восклицаніемъ: «Здравствуй, Мальвина!» — подошелъ къ ней.

Оцѣпенѣніе ея продолжалось лишь нѣсколько секундъ. Затѣмъ она поздоровалась съ нимъ и сказала: «Какъ ты сюда попалъ? Я тебя не ожидала».

По красивому, обрамленному длинными темными волосами лицу молодого человѣка, который въ первую минуту смотрѣлъ на нее съ тревожно-напряженнымъ выраженіемъ, промелькнулъ точно лучъ свѣта, какъ будто у него съ души свалилось бремя.

— Мальвина,—сказалъ онъ: — я прекрасно зналъ, что я бы не выдержалъ, даже если-бъ обстоятельства... но вотъ и нашъ другъ, мой вѣрный Іоганъ. Тысячи вамъ привѣтствій, дорогой другъ! Но сначала выберемтесь изъ этой толчеи. Мнѣ прежде всего нужно вамъ объяснить:

Онъ хотѣлъ, чтобы жена взяла его подъ руку, но она, мягко отъ этого уклонившись, пошла одна между докторомъ и мужемъ и свернула въ темную улицу, которая вела къ городскимъ воротамъ и къ гостиницѣ.

— Мы васъ не ждали,—сказалъ докторъ, которому очень трудно было состроить радостную мину.—Значитъ, оказалось возможнымъ довѣрить вашу капельмейстерскую палочку другому, ранѣе окончанія сезона?

— О,—отвѣтилъ тотъ, обращая свое покраснѣвшее лицо къ домамъ: — благодаря счастливому случаю наша опера вдругъ потерпѣла крушеніе. Примадонна, очень капризная особа, позволила себѣ устроить директору чрезвычайно бурную сцену. Блестящіе результаты гастролей Андроде, который сказалъ ей нѣсколько комплиментовъ, она главнымъ образомъ приписала себѣ и теперь предъявила различныя требованія, совершенно безсмысленныя и неисполнимыя. Тогда она, безъ дальнихъ околичностей, уѣхала, чтобы дать намъ почувствовать всю свою силу и могущество, и директору ничего болѣе не оставалось, какъ предпринять путешествіе, для того, чтобы отыскать ей замѣстительницу. Во всякомъ случаѣ въ теченіе недѣли не можетъ быть и рѣчи о большихъ операхъ, а для опереттъ и водевилей меня и безъ того, въ случаѣ болѣзни, замѣняетъ нашъ концертмейстеръ—первая скрипка. А потому я, безъ всякихъ затрудненій, получилъ отпускъ. Но я бы во всякомъ случаѣ его добился, чтобы наконецъ лично убѣдиться въ томъ, какъ здѣсь живется вашей милой паціенткѣ, такъ какъ она даже вѣсточками меня не баловала. Съ радостью вижу, докторъ, что вы снова проявляете на дѣлѣ все ваше искусство и ваши знанія. Какъ давно уже Мальвина не смотрѣла

такимъ яснымъ взоромъ, не имѣла такого чуднаго цвѣта лица!

Онъ завладѣлъ рукой жены и быстро поцѣловалъ эту руку, что Мальвина допустила, сильно покраснѣвъ. Все, что онъ говорилъ, вся его манера себя держать обнаруживали милый, легко увлекающійся характеръ, причемъ прорывавшееся изрѣдка смущеніе, когда онъ отваживался взглянуть женѣ прямо въ лицо. дѣлало его только еще привлекательнѣе,

Разговоръ, пока они не дошли до гостиницы, поддерживалъ почти онъ одинъ. Тутъ докторъ простился, наотрѣзъ отказавшись зайти къ нимъ.

— Я не до такой степени безтактенъ, чтобы при свиданіи молодыхъ супруговъ, послѣ разлуки, играть роль третьяго лица, — шутилъ онъ, дѣлая усилія надъ собою.—Мы еще не разъ будемъ имѣть случай, за бутылкой асти поболтать о старыхъ временахъ. А теперь до свиданія!

Когда онъ затѣмъ въ одиночествѣ продолжалъ путь по направленію къ своему дому, на душѣ у него было очень скверно. Его огорчила не столько необходимость отречься отъ всѣхъ упоительныхъ мечтаній о будущемъ, какимъ онъ предавался незадолго до того,—сколько сознаніе, что онъ поступилъ нечестно, дозволивъ себѣ *пожелать жены ближняго своего*. Не долженъ ли былъ этотъ ближній, какъ бы тяжко онъ ни провинился, именно отъ друга ждать снисхожденія и помощи. Теперь онъ благодарилъ Провидѣніе, что не случилось того, что онъ рисовалъ себѣ въ своей дерзкой фантазіи,—что они оба не остались дольше на Серміоне.

Въ такомъ пастроеніи добрался онъ до своей квартиры, закурилъ сигару и усѣлся на крытой галлереѣ, съ намѣреніемъ углубиться въ чтеніе медицинской брошюры. Въ садикѣ, который спускался отъ его дома къ озеру, было совершенно тихо, на водѣ только изрѣдка показывался челнокъ. Тѣмъ не менѣе онъ не могъ сосредоточить своихъ мыслей на томъ, что хотѣлъ читать. Постоянно возвращались онѣ къ озаренной солнцемъ пустынѣ, витали среди развалинъ виллы римскаго патриція. Онъ съ глубокимъ вздохомъ собирался насильно направить ихъ на то, что его непосредственно окружало.

Вдругъ дверь за его спиной распахнулась, и показалась фигура его молодого пріятеля.

— Простите, дорогой, что помѣшаю вамъ читать,—сказалъ онъ, въ нервномъ возбужденіи потрясая руку доктора:—но мнѣ остаются только эти часы для того, чтобы побесѣдовать съ вами по душѣ? Прежде всего позвольте поблагодарить васъ за тѣ поистинѣ отеческія заботы и попеченія, какими вы окружали мою жену. Никому другому въ такой короткій срокъ не удалось бы вызвать такую радостную перемѣну въ ея здоровьѣ, не говоря уже о состояніи ея нервовъ. Теперь я могу вамъ въ этомъ признаться, да вы можетъ-быть уже и сами догадались,—между нами произошла размолвка, въ которой виноватъ былъ я одинъ. Она чувствовала потребность на нѣкоторое время отдалиться отъ меня. Но вѣдь всякій знаетъ, что разлука часто усиливаетъ душевное отчужденіе, и въ томъ, что здѣсь этого не случилось, я обязанъ, — это мое убѣжденіе, которое она мнѣ еще подтвердила,—лишь вашему дружескому посредничеству. Вы вторично возвратили меня къ жизни. Правда, въ ней еще замѣтенъ остатокъ болѣзни. Она еще не относится ко мнѣ такъ вполнѣ сердечно, какъ прежде; но уже и то, что она при встрѣчѣ подала мнѣ руку и хочетъ со мной возвратиться... Да, подумайте, завтра утромъ ранехонько, мы отправляемся на пароходѣ, который идетъ въ Риву. Я не смѣлъ ей сказать, какъ мило было бы, если-бъ мы провели здѣсь недѣлю моего отпуска, здѣсь же отпраздновали бы полное примиреніе въ обществѣ самаго вѣрнаго нашего друга. Но она твердо рѣшила, теперь же, немедленно вернуться

домой. Она сейчасъ же принялась укладывать свой сундукъ, а затѣмъ попросила меня оставить ее одну, такъ какъ она смертельно устала отъ своей поѣздки и хочетъ рано лечь спать, чтобы завтра не опоздать на пароходъ. Мнѣ пришлось подчиниться ея волѣ. А теперь я здѣсь, чтобы спросить, не вернетесь ли вы со мной въ гостиницу, чтобы намъ вмѣстѣ распить бутылку асти за здоровье Мальвины.

Докторъ далъ ему говорить, не проронивъ ни слова. Теперь онъ спокойно отвѣтилъ:

— Вы должны извинить меня, дорогой маэстро. У меня здѣсь маленькая, очень скромная практика среди сельскаго населенія, и мнѣ еще сегодня вечеромъ необходимо обязательно навѣстить больную въ Фазано. А потому я лишенъ возможности выпить съ вами на прощаніе стаканъ вина... Возвращусь я поздно, и конечно не прочь былъ бы принять ваше предложеніе, но вамъ самимъ надо завтра очень рано встать. Завтра утромъ я, конечно, зайду, чтобы проститься съ вашей милой женой, конечно, если не просплю урочнаго часа. Насчетъ выздоровленія Мальвины можете быть совершенно спокойны: оно теперь пойдетъ своимъ порядкомъ, безъ дальнѣйшихъ задержекъ, а то малое, чѣмъ я этому способствовалъ, не стòитъ благодарности:—я уже съ избыткомъ вознагражденъ самымъ лѣченіемъ.

Они обнялись, и докторъ остался одинъ. Онъ спустился въ погребъ и досталъ бутылку самаго стараго и самаго крѣпкаго вина. Но выпитое на сонъ грядущій вино дѣйствія не оказало. Еще долго послѣ полуночи бросала маленькая рабочая лампа свой слабый, красноватый свѣтъ на гранатные кусты, обвивавшіе столбы его галлереи.

Поэтому не мудрено, что онъ на слѣдующее утро опоздалъ. Но когда пароходъ шелъ полнымъ ходомъ мимо лѣстницы, которая спускалась къ водѣ изъ его садика, онъ стоялъ на верхней ступенькѣ и махалъ своей большой, сѣрой шляпой. Съ парохода энергично отвѣчали на привѣтствіе. Стройный молодой человѣкъ, обнимавшій за талію женскую фигуру, которая неподвижно стояла возлѣ него, махалъ платкомъ. Молодая женщина лишь медленно поднимала и опускала руку, въ видѣ привѣтствія. Глаза ея были въ такой густой тѣни отъ большой соломенной шляпы, что онъ никакъ не могъ разобрать, съ какимъ выраженіемъ они на него смотрятъ.

200° ниже нуля.

Очеркъ **В. А. Фрей.**

I.

— «У одного царя,—такъ начнетъ, бывало, старая няня одну изъ безчисленныхъ своихъ сказокъ: — родилась дочь. Состоялся пиръ на весь міръ. Желая узнать будущее новорожденной, царь приказалъ пригласить къ своему столу также и всѣхъ колдуновъ и волшебницъ своего царства. Когда приглашенные размѣстились вокругъ громаднаго стола и намѣревались уже съ нескрываемымъ удовольствіемъ приступить къ уничтоженію радушно предложенныхъ всевозможныхъ изысканныхъ блюдъ, на порогѣ зала появилась вдругъ разгнѣванная древняя старуха - волшебница, которую оплошавшіе придворные позабыли почему-то позвать на царскій пиръ.

«— За то, что ты, государь,—обратилась новоприбывшая къ хозяину: — позабылъ обо мнѣ, дочь твоя не воспользуется тѣмъ счастьемъ, которое предскажутъ ей присутствующіе здѣсь прорицатели, такъ же, какъ и вы всѣ, приглашенные къ царскому столу, не отвѣдаете сегодня ни одного изъ стоящихъ передъ вами вкусныхъ яствъ. Съ этими словами злая волшебница протянула по направленію къ столу свой жезлъ, и въ тотъ же мигъ всѣ приготовленныя для гостей кушанья и напитки превратились въ лёдъ».

Вышеприведенная сказка невольно пришла мнѣ на память, когда я прочелъ недавно корреспонденцію изъ Америки по поводу курьезной шутки физика Томсона, продѣланной имъ въ Лайнѣ (въ штатѣ Масачусетсѣ) со своими коллегами. Нѣсколько профессоровъ собрались на обѣдъ въ одномъ изъ мѣстныхъ ресторановъ. Гости сѣли къ столу, и лакеи принесли уже супъ, какъ вдругъ одинъ изъ участвующихъ воскликнулъ: «смотрите, супъ оледенѣлъ!» Всѣ потянулись къ мискѣ и дѣйствительно нашли въ ней, вмѣсто супа, кусокъ льда. Подали второе блюдо—рыбу. Едва лишь ее принесли, послышался новый возгласъ: «Положительно надъ нами смѣются, это не рыба, а какой-то бутафорскій предметъ,—она тверда, какъ камень!» Слѣдующія блюда подверглись той же участи. Жаркое замерзло, какъ только его подали на столъ, хлѣбъ затвердѣлъ, какъ сталь, вино превратилось въ лёдъ, вода также замерзла. Лакеи пригласили управляющаго ресторана, хозяина, но всѣ они одинаково увѣряли гостей, что плита на кухнѣ раскалена до-красна, термометръ въ столовой показываетъ нормальные 18 градусовъ тепла, а поэтому они положительно недоумѣваютъ, отчего собственно могло произойти столь удивительное явленіе. Тѣмъ не менѣе обѣдъ пришлось конечно отмѣнить; но долго еще послѣ этого неудавшагося пира граждане города Лайна на разные лады толковали о причинахъ такого необычайнаго случая, пока наконецъ загадка не была разъяснена самимъ Томсономъ. Оказалось, что послѣдній, ради шутки, захватилъ съ собой, собираясь на этотъ обѣдъ, небольшой сосудъ съ жидкимъ воздухомъ, дѣйствію котораго и подвергъ въ удобные моменты пищу и напитки. Свойства и характерныя особенности упомянутаго своеобразнаго вида нашего обыкновеннаго атмосфернаго воздуха настолько интересны и поразительны, что заслуживаютъ нѣкотораго вниманія нашихъ читателей.

Мы знаемъ уже, что окружающій нашу землю воздухъ, которымъ мы дышимъ, состоитъ, какъ учитъ насъ по крайней мѣрѣ современная физика, изъ трехъ смѣшанныхъ въ извѣстной пропорціи газовъ: азота, кислорода и углекислоты. Позднѣйшіе химики нашли впрочемъ въ воздухѣ еще два газа: гелій и криптонъ, а недавно американскій ученый Чарльзъ Брушъ сообщилъ въ нью-іоркскомъ обществѣ для споспѣшествованія наукамъ объ открытіи имъ еще одного новаго газа, названнаго «этеріономъ». Не представляетъ для насъ новости также и то, что газы, которые вообще можно разсматривать, какъ въ высшей степени разрѣженные пары, подобно послѣднимъ, могутъ, при болѣе или менѣе значительномъ давленіи на нихъ и охлажденіи, обращаться въ жидкости. Для сгущенія (т.-е. превращенія въ жидкій видъ) нѣкоторыхъ изъ газовъ достаточно бываетъ одного сжатія или охлажденія, для большей же части газовъ необходимо прибѣгать одновременно къ тому и другому. Такіе опыты вполнѣ успѣшно дѣлались еще въ началѣ истекающаго столѣтія знаменитыми англійскими учеными Фарадеемъ и Дэви. Такъ, напр., первому изъ нихъ уже въ 1823 г. удалось превратить въ жидкое состояніе хлоръ, при чемъ не лишены нѣкотораго интереса также и самыя обстоятельства, предшествовавшія этому превращенію.

Когда молодой ученый производилъ опыты надъ хлоромъ, въ лабораторію вошелъ одинъ изъ профессоровъ. Подойдя къ Фара-

дею и замѣтивъ у него въ трубкѣ съ хлоромъ какія-то капли жира, онъ презрительно улыбнулся и посовѣтовалъ употреблять для опытовъ болѣе чистый матеріалъ. Замѣчаніе это, понятно, сильно оскорбило Фарадея. Но зато и месть не заставила себя долго ждать. На слѣдующій же день самонадѣянный профессоръ получилъ отъ Фарадея, хотя и короткую, но внушительную записку: «Видѣнныя вами вчера капли жира были ничто иное, какъ жидкій хлоръ».

Такимъ образомъ Дэви и Фарадею удалось кромѣ хлора превратить въ жидкій видъ сѣрнистый водородъ, амміакъ и углекислоту. Впослѣдствіи многіе физики занимались рѣшеніемъ вопроса о сгущеніи газовъ; но шесть изъ этихъ послѣднихъ, а именно: кислородъ, водородъ, азотъ, окись азота, окись углерода и углеродисто-водородный или, такъ называемый, болотный газъ, не поддавались никакимъ усиліямъ экспериментаторовъ, пока въ исходѣ 1877 года физикомъ Кальете во Франціи и Раулемъ Пикте въ Женевѣ одновременно не была разрѣшена наконецъ и эта задача.

При помощи совершенно различныхъ приборовъ названные ученые обратили всѣ упомянутые шесть газовъ не только въ жидкій, но даже и въ твердый видъ, хотя впрочемъ два изъ этихъ газовъ, а именно: водородъ и азотъ въ новыхъ своихъ видахъ, т.-е. въ образѣ вполнѣ устойчивой жидкости, долго сохраняться не могли. Такъ напр. первый, вытекая или, точнѣе сказать, падая съ твердостью дробинокъ изъ аппарата, тотчасъ же, вслѣдствіе быстраго испаренія, снова обращался въ газъ; второй же въ жидкомъ состояніи можно было удержать едва лишь нѣсколько секундъ.

Только въ 1883 г. польскимъ ученымъ Вроблевскому и Ольшевскому удалось добиться болѣе успѣшныхъ превращеній въ жидкости этихъ послѣднихъ газовъ съ помощью усовершенствованнаго прибора Кальете. Одинъ изъ важнѣйшихъ практическихъ результатовъ ихъ опытовъ заключается въ томъ, что нынѣ появились наконецъ въ продажѣ и притомъ по довольно умѣреннымъ цѣнамъ нѣкоторые жидкіе газы, какъ-то хлористый метилъ, сѣрнистая и угольная кислота. Эти жидкости содержатся обыкновенно въ чугунныхъ или стальныхъ цилиндрахъ, запираемыхъ винтовыми кранами. Жидкая угольная кислота приготовляется въ настоящее время въ Германіи, близъ Берлина, и продается въ большихъ стальныхъ цилиндрахъ, вмѣщающихъ въ себѣ около 20 фунтовъ.

Однако и Вроблевскому не пришлось увидѣть водородъ въ абсолютномъ жидкомъ видѣ. Единственною наградою его усиленныхъ трудовъ было то, что этотъ непокорный газъ теперь уже не испарялся такъ мгновенно, какъ у Пикте, но оставался на стѣнкахъ стеклянной трубочки прибора, въ видѣ какихъ-то туманныхъ пятенъ, которыя преждевременно было называть жидкостью. Безусловно полную побѣду надъ водородомъ удалось одержать лишь недавно англичанину Джемсу Дьюару.

Благодаря усовершенствованному своему аппарату, онъ 30-го апрѣля текущаго года получилъ наконецъ около 50 куб. сант. водородной жидкости въ полномъ смыслѣ этого слова. Тому же Дьюару удалось превратить въ жидкое состояніе также и «гелій». Такимъ образомъ цѣлымъ рядомъ послѣдовательныхъ опытовъ людей науки для каждаго отдѣльнаго простого газа установлены мало-по-малу вполнѣ опредѣленные законы, обусловливающіе переходъ ихъ изъ газообразнаго состоянія въ жидкое, и слѣдовательно до рѣшенія вопроса объ обращеніи въ жидкость сложныхъ газовъ, къ которымъ принадлежитъ нашъ атмосферный воздухъ, оставался уже одинъ шагъ. Совокупность всѣхъ этихъ данныхъ воочію подтвердила теорію знаменитаго химика прошлаго вѣка Лавуазье, предсказавшаго когда-то, что если бы наша земля подверглась вдругъ очень сильному охлажденію, то всѣ земныя воды превратились

бы въ твердыя тѣла (родъ хрупкаго минерала, наподобіе кварца), а окружающая насъ атмосфера упала бы на землю въ видѣ жидкости. Дьюаръ съ замѣчательною точностью вычислилъ предѣльный градусъ температуры, необходимой для такой метаморфозы, найдя, что при холодѣ въ 200° Цельзія (160° Реомюра или 424° Фаренгейта) вокругъ земли, вмѣсто воздуха, образовался бы слой жидкости, толщиною въ 11,5 метровъ. Англійскій ученый вскорѣ не замедлилъ доказать свои вычисленія, довольно легко обративъ въ своей лабораторіи въ безцвѣтную жидкость нашъ обыкновенный атмосферный воздухъ. Однако нельзя сказать, чтобы первая порція (8 золотниковъ) полученной имъ воздушной жидкости обошлась ему особенно дешево—на всѣ приспособленія и потребные для этого матеріалы и приборы истрачено было, какъ говорятъ, нѣсколько тысячъ рублей. Столь значительныя затраты, необходимыя для полученія жидкаго воздуха, очевидно исключали всякую возможность воспользоваться имъ для цѣлей промышленности, въ которой, благодаря открытымъ въ жидкомъ воздухѣ чудодѣйственнымъ свойствамъ, ему предстоитъ играть немаловажную роль. Объ устраненіи этого важнаго неудобства позаботился американецъ Чарльзъ Триплеръ, устроившій,—правда пока еще въ миніатюрѣ, — настолько простой, дешевый и удачный приборчикъ для добыванія новоявленнаго продукта, что при помощи его въ теченіе десяти часовъ можно легко приготовлять отъ 30 до 40 галлоновъ жидкаго воздуха.

Система Триплера основана на томъ, чтобы возможно быстро отнять у воздуха теплоту, сообщая ему взамѣнъ того столь значительный холодъ, что входящій въ аппаратъ воздухъ превращается въ жидкость уже при одномъ нормальномъ атмосферномъ давленіи. При посредствѣ особаго нагнетательнаго насоса воздухъ вгоняется въ приборъ, заключающій въ себѣ такъ называемые змѣевики, т.-е. мѣдныя изогнутыя трубки, а также краны и клапаны, причемъ температура воздуха такъ быстро понижается, что чрезъ какую-нибудь четверть часа послѣ приведенія аппарата въ дѣйствіе жидкій воздухъ начинаетъ уже бѣжать тонкою струйкою изъ крана.

Чтобы яснѣе понять, почему именно входящій въ приборъ воздухъ подвергается столь скорому охлажденію, необходимо добавить, что самыя трубки (змѣевики), по которымъ онъ проходитъ, помѣщены въ особой коробкѣ (придуманной еще Фарадеемъ) съ охлаждающей жидкостью, какою можетъ быть этиленъ, жидкая угольная кислота или даже тотъ же самый жидкій воздухъ. Извѣстно, что углекислота въ жидкомъ своемъ видѣ обладаетъ способностью при своемъ испареніи приводить остающееся количество жидкости въ снѣгообразное состояніе, но для большаго удобства къ ней прибавляютъ еще немного спирта или, еще лучше эѳира, въ соединеніи съ которыми снѣгъ обращается въ родъ тѣста, гораздо плотнѣе облегающаго змѣевикъ, а самый холодъ достигаетъ высшей степени.

II.

Итакъ, теперь, когда вопросъ о быстромъ и дешевомъ способѣ обращенія газообразнаго воздуха въ жидкое состояніе вполнѣ успѣшно разрѣшенъ, не безъинтересно будетъ всесторонне разсмотрѣть, достаточно ли оказались вознаграждены чуть ли не вѣковые труды цѣлаго сонма ученыхъ, старавшихся превратить газы въ жидкости, и какихъ собственно практическихъ результатовъ слѣдуетъ ожидать человѣчеству отъ этого новаго вклада въ науку.

По наружному виду жидкій воздухъ, быстро наполняющій подставленный къ крану аппарата сосудъ, очень напоминаетъ нашу обыкновенную воду, отличаясь отъ нея развѣ только своимъ нѣсколько голубова-

тымъ оттѣнкомъ, который, однако, по мѣрѣ испаренія жидкости, принимаетъ все болѣе и болѣе голубую окраску. Вспомнимъ, что главныя составныя части воздуха— азотъ и кислородъ. При обращеніи ихъ въ жидкости, первый остается совершенно безцвѣтнымъ и прозрачнымъ, тогда какъ второй получаетъ характерный голубовато-стальной цвѣтъ. Азотъ, какъ болѣе летучій, испаряется несравненно быстрѣе, почему въ сосудѣ и остается вскорѣ одинъ лишь жидкій кислородъ упомянутаго голубоватаго цвѣта. Впрочемъ нельзя сказать, чтобы жидкій воздухъ, собранный въ обыкновенную посуду, хотя бы, напримѣръ, въ стаканъ или кружку, вообще особенно долго сохранялся. Онъ тотчасъ же начинаетъ шумно кипѣть, разбрасывая въ стороны брызги, но кипѣніе это скоро же и ослабѣваетъ, какъ только стаканъ охладится до температуры жидкости, которая тѣмъ не менѣе столь быстро продолжаетъ испаряться, что менѣе чѣмъ черезъ полчаса только довольно порядочный слой ледяныхъ кристалловъ, оставшійся въ стаканѣ, напомнитъ намъ, что недавно тутъ былъ и жидкій воздухъ. Дьюаръ однако ухитрился изобрѣсти для храненія жидкаго воздуха особый стеклянный баллонъ съ двойными стѣнками, между которыми находится абсолютная пустота. Въ такой оригинальной посудѣ воздушная жидкость, испаряясь уже несравненно спокойнѣе, можетъ продержаться часа три и болѣе. Судя по бурному кипѣнію жидкости, легко можно предположить, что она горячая, на самомъ же дѣлѣ оказывается, что все, приходящее хотя бы въ малѣйшее соприкосновеніе съ жидкимъ воздухомъ, замерзаетъ съ изумительною быстротой, самое же кипѣніе послѣдняго объясняется тѣмъ, что, обладая температурой до 200° Цельзія ниже нуля, воздушная жидкость вполнѣ естественно черезчуръ шумно выражаетъ свое стремленіе соединиться со своимъ роднымъ братомъ,—т.-е. съ окружающимъ ее теплымъ воздухомъ. О холодѣ въ 200° намъ приходится слышать въ первый разъ, почему и неудивительно, что явленія, которыя приходится наблюдать при такой исключительной температурѣ, кажутся намъ прямо чудесными. Извѣстно, напримѣръ, что по расплавленному чугуну можно безопасно, но конечно быстро, пробѣжать босикомъ, такъ какъ образующійся кругомъ ступни слой пара, подобно перчаткѣ, защититъ ее на одно мгновеніе отъ обжога. Совершенно на томъ же основаніи мы безъ всякаго для себя вреда можемъ на секунду окунуть въ жидкій воздухъ руку. Замѣчательно, что кромѣ легкаго холода мы ничего другого не почувствуемъ, даже рука наша останется совершенно сухою. Опытъ этотъ могутъ однако производить лишь люди, отличающіеся особеннымъ проворствомъ: малѣйшее промедленіе можетъ превратить руку въ кусокъ льда. Пикте однажды случайно и притомъ еще сравнительно легко обжогъ себѣ руку жидкимъ воздухомъ: рана не заживала въ продолженіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ.

Можно было бы разсказать массу всевозможныхъ опытовъ, произведенныхъ съ жидкимъ воздухомъ, которые становятся все болѣе и болѣе эффектными, по мѣрѣ того, какъ изъ пробнаго сосуда улетучивается жидкій азотъ, а остается одна лишь кислородная жидкость; но такъ какъ предметомъ настоящаго очерка служитъ собственно одинъ жидкій воздухъ, то мы коснемся здѣсь лишь опытовъ, производимыхъ при исключительномъ участіи послѣдняго.

Чуть ли не самымъ интереснымъ явленіемъ будетъ, пожалуй, опытъ подогрѣванія жидкаго воздуха на огнѣ, въ конечномъ результатѣ чего получатся куски льда. Для этого опыта берутъ какую-нибудь металлическую посуду, напримѣръ котелокъ или чайникъ. Мы знаемъ уже, что если налить туда жидкаго воздуха, то сейчасъ же начнется бурное кипѣніе, энергія коего ослабѣваетъ по мѣрѣ охлажденія самаго сосуда. Но довольно бу-

детъ поставить нашъ чайникъ на сильный огонь, какъ кипѣніе снова нѣсколько усиливается, на днѣ же чайника надъ самымъ огнемъ образуется слой льда. Стоитъ теперь лишь бросить въ чайникъ кусокъ льда, и жидкій воздухъ закипаетъ съ новою силою, какъ будто бы мы бросили туда не ледъ, а кусокъ раскаленнаго металла. Когда же мы прибавимъ въ чайникъ немного воды, наша воздушная жидкость начнетъ положительно неистовствовать: клокочетъ, бѣжитъ черезъ край, а изъ носика чайника стремительно съ шумомъ и брызгами вылетаетъ струя пара. Можно смѣло предположить, что нашъ кипятокъ теперь уже вполнѣ готовъ,—остается лишь заваривать чай. Какое однако разочарованіе! Открывъ крышку чайника, мы кромѣ кусковъ самаго твердѣйшаго льда болѣе ничего тамъ не находимъ.

Поразительная сила, присущая жидкому воздуху, доказывается слѣдующимъ опытомъ. Въ металлическій цилиндръ наливаютъ нѣсколько капель воздушной жидкости. Цилиндръ закрывается плотной деревянной пробкой, которую вколачиваютъ даже молоткомъ въ единственное отверстіе цилиндра. Почти тотчасъ же раздается выстрѣлъ, какъ изъ пистолета, и пробка летитъ въ потолокъ, оставляя тамъ довольно глубокій слѣдъ силы своего удара. 1 куб. футъ жидкаго воздуха содержитъ въ себѣ около 800 куб. футовъ обыкновеннаго. Неудивительно поэтому, что воздушная жидкость, переходя снова въ газъ, должна расширяться въ 800 разъ своего объема, чѣмъ понятно и объясняется громадное давленіе, вызванное приведеннымъ опытомъ.

Не менѣе интересно также характерное видоизмѣненіе въ свойствахъ разныхъ металловъ, подвергаемыхъ продолжительному дѣйствію жидкаго воздуха. Такъ напримѣръ сталь, желѣзо и жесть становятся хрупкими и разбиваются, какъ стекло, тогда какъ свойства золота, серебра, платины, алюминія и мѣди остаются почти безъ измѣненія при самыхъ низкихъ температурахъ.

Попробуемъ бросить въ жидкій воздухъ каучуковый шарикъ. Послѣдній свободно плаваетъ тамъ, при чемъ выходящій изъ сосуда паръ, какъ бы стелется по краямъ, не поднимаясь однако вверхъ, подобно облаку. Причиной тому служитъ нѣсколько большая тяжесть этого пара въ сравненіи съ окружающимъ его обыкновеннымъ воздухомъ. Что же случилось между тѣмъ съ нашимъ каучуковымъ шарикомъ. Едва только мы вынули его изъ воздушной жидкости и уронили на полъ, какъ эластичный до того каучукъ разлетѣлся вдребезги.

Любопытно бываетъ наблюдать, когда нормальный комнатный воздухъ самопроизвольно сгущается отъ одного лишь прикосновенія своего къ стѣнкамъ сосуда, въ которомъ кипитъ жидкій воздухъ. Для этого берутъ обыкновенный, такъ-называемый, пробирный стаканчикъ, куда и вливаютъ немного воздушной жидкости. Окружающая атмосфера, сгущенная при нормальномъ давленіи, обращается тотчасъ же въ капли, обильно падающія на полъ. На полу онѣ мгновенно испаряются въ парообразное облако, причемъ однако полъ остается совершенно сухимъ. Вполнѣ точно уяснить себѣ исключительныя особенности, представляемыя температурой въ 200° Ц. холода, едва ли является для всѣхъ возможнымъ. Если мы скажемъ, что новоявленная жидкость обладаетъ, напримѣръ, способностью обратить ну хотя бы кусокъ сырого мяса въ такой твердый ледъ, который при легкомъ ударѣ будетъ звенѣть, какъ осколокъ металла, то подобный фактъ едва ли убѣдитъ насъ, что для этого фокуса требуется непремѣнно 200° холода. Всѣ отлично знаютъ, что зачастую при морозѣ въ 20—30 градусовъ мясо промерзаетъ ничуть не меньше. Самымъ высшимъ предѣломъ еще достаточно понятнаго для насъ холода служитъ развѣ способность ртути и спирта выдерживать холодъ въ 40—60°.

На помянутыхъ свойствахъ ртути и спирта основано было, какъ извѣстно, даже устройство термометровъ или градусниковъ, при чемъ для жителей средней и южной полосъ Россіи, гдѣ холодъ рѣдко бываетъ выше 40°, вполнѣ пригодными считались ртутные термометры, въ арктическихъ же странахъ, въ которыхъ ртуть частенько замерзала подъ вліяніемъ естественнаго холода, явилась необходимость пользоваться спиртовыми измѣрителями морозовъ. Нынѣ же, съ открытіемъ жидкаго воздуха, намъ приходится поневолѣ знакомиться съ болѣе значительными проявленіями своеобразной вседеденящей температуры. Довольно будетъ сказать, что какъ ртуть, такъ равно и спиртъ въ конецъ побѣждены новою воздушною жидкостью. Ртуть превращается въ какую-то твердую полосу, похожую скорѣй на кусокъ олова, и притомъ пріобрѣтаетъ столь убійственную температуру, что отъ малѣйшаго прикосновенія къ ней у смѣльчаковъ появляются на пальцахъ пузыри. Спиртъ же, подъ дѣйствіемъ жидкаго воздуха, превращается въ ледяную сосульку.

Послѣ такихъ краснорѣчивыхъ фактовъ намъ остается конечно только удивляться поразительнымъ свойствамъ только-что подареннаго намъ современными учеными продукта, хотя впрочемъ всѣ проявляемыя послѣднимъ чудеса обусловливаются лишь тѣмъ сильнымъ пониженіемъ температуры, которое намъ лично не приходилось еще наблюдать.

III.

Однако, независимо отъ любопытства, возбуждаемаго опытами этого рода, вполнѣ естественно является вопросъ, для чего собственно можетъ потребоваться намъ какъ вновь открытая воздушная жидкость вообще, такъ и присущій ей 200° холодъ въ частности? Само собой разумѣется, что дать точный отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ пока еще преждевременно. Тѣмъ не менѣе, даже и изъ того, что намъ уже извѣстно, смѣло можно вывести заключеніе, что на долю жидкаго воздуха въ недалекомъ будущемъ, очевидно, выпадетъ крупная роль произвести, рука-объ-руку съ другимъ великимъ открытіемъ—лучами Рентгена, цѣлый переворотъ, какъ въ медицинѣ, техникѣ и т. п. прикладныхъ наукахъ, такъ и въ большинствѣ отраслей промышленности и даже торговли.

Прежде всего, конечно, жидкій воздухъ оказывается несомнѣнно наиудобнѣйшимъ матеріаломъ для разнообразныхъ потребностей быстраго охлажденія. Трудно даже представить себѣ что-либо другое болѣе пригодное для этой цѣли, чѣмъ жидкій воздухъ съ его чистымъ и сухимъ холодомъ, легко поддающимся притомъ любому регулированію и контролю. Какъ благодарны будутъ за такой неоцѣненный подарокъ жители жаркихъ странъ, которые не только свои продукты, но даже и самихъ-то себя не знаютъ, какъ уберечь отъ палящаго зноя.

Отъ примѣненія же жидкаго воздуха въ медицинѣ американскіе врачи ожидаютъ прямо-таки чудодѣйственныхъ успѣховъ. Дѣло въ томъ, что, какъ это было фактически установлено ими, во время процесса испаренія болѣе или менѣе значительнаго количества воздушной жидкости комнатная атмосфера безусловно очищается отъ всевозможныхъ бактерій и прочихъ микроорганизмовъ. Если же еще прибавить къ очищенному такимъ способомъ воздуху извѣстное количество жидкаго озона, то комнатному воздуху представляется полная возможность придать любое химическое соединеніе, сообразно съ тѣми или другими потребностями, вызываемыми характеромъ и ходомъ болѣзни. Такъ, кому, напримѣръ, не извѣстно, какъ благотворно дѣйствуетъ на больныхъ легочными болѣзнями вдыханіе воздуха, сильно насыщеннаго кислородомъ. Выше мы уже обращали вниманіе читателя на крайне быстрое выдѣленіе изъ жидкаго воздуха паровъ азота,

а такъ какъ благодаря этому въ жидкости вскорѣ остается одинъ лишь кислородъ, то проектируемое заграничными медиками примѣненіе послѣдняго для упомянутыхъ цѣлей дѣлается само собой понятнымъ. Даже и самыя охладительныя свойства жидкаго воздуха медики надѣются утилизировать на пользу страждущаго человѣчества. Нечего, впрочемъ, и доказывать, что въ госпиталяхъ и больницахъ, гдѣ-нибудь подъ тропиками, масса больныхъ зачастую погибаетъ именно по причинѣ рѣзкихъ особенностей климата. Сколько жертвъ, напр., унесла уже тамъ желтая лихорадка. Изучивъ однако бактеріи этой болѣзни, изслѣдователи пришли къ тому заключенію, что при температурѣ ниже нуля эти болѣзнетворные микроорганизмы безусловно всѣ погибаютъ, слѣдовательно являющаяся теперь возможность, благодаря жидкому воздуху, помѣщать больныхъ въ соотвѣтствующія условія, очевидно, дастъ въ руки медицины болѣе дѣйствительное орудіе для борьбы съ этою грозною тропическою болѣзнью.

Мало того, доктора предполагаютъ воспользоваться холодомъ воздушной жидкости непосредственно, въ видѣ незамѣнимаго средства для прижиганія, напр., опухолей, рака и т. п. Исходя изъ тѣхъ соображеній, что жидкій воздухъ, касаясь человѣческаго тѣла, разрушаетъ пораженныя ткани мышцъ, и при этомъ крайне легко поддается наблюденію оператора, медики пророчатъ новому медикаменту громадную будущность, ставя его выше традиціоннаго ляписа.

Наконецъ, страдающимъ астмою (одышкою) и чахоткою улыбается пріятная перспектива, не мѣняя своего мѣстожительства, пользоваться чистымъ, прохладнымъ и здоровымъ воздухомъ, измѣняя химическій составъ послѣдняго по строгому предписанію докторовъ. Уже неоднократно практиковавшійся удобный и безопасный способъ перевозки жидкаго воздуха на значительныя разстоянія даетъ полную возможность заняться приготовленіемъ жидкаго воздуха въ странахъ болѣе здоровыхъ въ климатическомъ отношеніи и перевозить его оттуда въ любое мѣсто.

Страшная взрывчатая сила воздушной жидкости также, конечно, отведетъ ей не послѣднее мѣсто въ техникѣ и вообще во всѣхъ тѣхъ отрасляхъ труда, искусства и науки, гдѣ только можетъ потребоваться двигательная или разрушительная энергія.

Въ заключеніе остается упомянуть о томъ, что съ открытіемъ жидкаго воздуха вступитъ несомнѣнно въ новую фазу вопросъ объ аэронавтикѣ, и произойдетъ переворотъ въ разныхъ работахъ подъ водой вообще, а въ постройкѣ подводныхъ судовъ въ частности.

Что новаго въ литературѣ?

Критическіе очерки Р. И. Сементковскаго.

Характеристика стараго года.—Что намъ дастъ новый?—Исканіе красоты.—Искусство и политика.—Шестидесятые года и декадентство.—Гр. Л.Н. Толстой.—Современныя направленія въ искусствѣ.—Новые русскіе художественные журналы.—Чѣмъ они другъ отъ друга отличаются?—Ихъ программы.—Статья г. Антокольскаго.—«Духи», диктующіе стихи.—Г. Васнецовъ.—«Гимнъ красотѣ» г. Коринфскаго.—Нашелъ ли «новую красоту» г. Бальмонтъ?—Искусство и этика.

I.

Когда эта книжка *Литературныхъ Приложеній* попадетъ въ руки читателя, онъ будетъ прощаться со старымъ годомъ и встрѣчать новый. Чѣмъ же мы помянемъ старика, и чего пожелаемъ отъ вступающаго въ его права юноши? Отвѣтить на первый вопросъ значитъ отвѣтить и на второй. Въ чемъ старый годъ намъ не угодилъ, въ томъ, можетъ-быть, угодитъ намъ новый.

1898 годъ начался всѣмъ памятнымъ из-

слѣдованіемъ гр. Л. Толстого: «Чтó такое искусство?» Въ этомъ изслѣдованіи знаменитый нашъ писатель задался предварительнымъ вопросомъ о томъ, чтó такое красота. Само собою разумѣется, что поставленный имъ вопросъ, равно какъ и данный имъ отвѣтъ вызвали цѣлый рядъ статей, брошюръ, книгъ, авторы которыхъ заняли то или другое положеніе относительно высказанныхъ гр. Толстымъ взглядовъ. Такимъ образомъ вопросъ: чтó такое красота?—подвергся въ теченіе года безконечному обсужденію; завершился же годъ одновременнымъ появленіемъ двухъ художественныхъ журналовъ, т. е. повременныхъ изданій, также рѣшающихъ вопросъ, что такое красота, и ставящихъ себѣ задачею распространеніе вѣрныхъ о ней понятій.

Повидимому истекающій годъ слѣдовательно былъ преимущественно посвященъ вопросамъ искусства. Но движеніе это началось раньше. Уже въ 1897 г. появился большой романъ г. Боборыкина: «Пó другому», въ которомъ главная героиня является типичною для нашихъ дней искательницею красоты. Но г. Боборыкинъ не сочинилъ своей героини, а взялъ ее прямо изъ жизни, отмѣтилъ только то, чтò въ ней теперь происходитъ. Въ свое время я на цѣломъ рядѣ примѣровъ выяснилъ, что «исканіе красоты» представляетъ теперь у насъ очень распространенное явленіе, и старался показать, что это—явленіе вовсе не случайное.

Дѣйствительно, великія реформы Царя-Освободителя, память котораго недавно такъ торжественно чествовала вся Россія, направили вниманіе русскаго общества на вопросы, повидимому не имѣвшіе ничего общаго съ искусствомъ. Наше отечество переживало тогда дни кипучей дѣятельности, направленной къ возрожденію его на новыхъ экономическихъ и общественныхъ основаніяхъ. Если въ средніе вѣка говорили, что философія должна быть прислужницею богословія, то въ разгаръ 60-хъ годовъ искусство было превращено въ орудіе политики. Самостоятельныхъ задачъ за искусствомъ не признавалось: искусство должно было поступить на службу къ политикѣ; и беллетристика, поэзія, живопись, ваяніе — все это получало свое содержаніе, свой жизненный нервъ со стороны. Всякій человѣкъ долженъ быть прежде всего гражданиномъ: художники пера, кисти, рѣзца не могутъ составлять исключенія; они должны быть прежде всего гражданами,—слѣдовательно заимствовать свои идеалы изъ области политики.

Правда, и въ то время шли уже усиленные споры о тенденціозномъ и самостоятельномъ искусствѣ, т.-е. о томъ, долженъ ли художникъ быть совершенно свободнымъ въ своемъ творчествѣ или подчиняться разнымъ злобамъ дня. Однако громадное большинство художниковъ не протестовало противъ порабощенія искусства. Рабство ихъ не тяготило, потому что наложенныя на нихъ цѣпи были золотыя: съ одной стороны сами художники увлекались тѣмъ движеніемъ, которое происходило въ обществѣ, а съ другой примкнуть къ этому движенію значило нажить если не деньги, то, по крайней мѣрѣ, славу.

Но общественное движеніе 60-хъ годовъ стихло. Общество постепенно пришло къ сознанію, что надо обратиться къ трезвому и выдержанному труду во всѣхъ сферахъ народной жизни, что порывами и подвигами не много сдѣлаешь, что требуется вдумчивое отношеніе къ очень прозаичнымъ вопросамъ экономическимъ, сельско-хозяйственнымъ, техническимъ и т. п., что требуется дѣловитость, упорный трудъ, практичность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, искусство утратило у насъ свою руководительницу—политику—и оказалось въ какомъ-то безпомощномъ положеніи. Со всѣхъ сторонъ раздались вопросы: Откуда же намъ взять идеалы? Какимъ содержаніемъ наполнить формы, оказавшіяся вдругъ пустыми? Художники начали метаться изъ стороны въ сторону; они почувствовали, что утратили всякую путеводную нить, что, освободившись отъ рабства политики, они сами не знаютъ, что дѣлать съ своею свободою.

Какъ обыкновенно водится у насъ, многіе обратили свои взоры на Западъ, ожидая оттуда спасительнаго слова. Такимъ образомъ перенесено было на русскую почву то западное движеніе, которое извѣстно подъ сбивчивымъ и неяснымъ названіемъ символизма и декадентства. Беллетристы, поэты, художники начали творить въ какомъ-то новомъ жанрѣ, озадачившемъ русское общество своими странностями. Другіе писатели и художники остались вѣрны старымъ традиціямъ, третьи обратились всецѣло къ безразличнымъ сюжетамъ, къ простому фотографированію дѣйствительности, къ ландшафту, «мертвой природѣ» или сосредоточили свое вниманіе на историческихъ сюжетахъ.

Вотъ въ этотъ-то моментъ и раздалось громкое слово гр. Л. Толстого. Поставивъ вопросъ: что такое искусство? — и выяснивъ, что рѣшеніе его зависитъ отъ рѣшенія вопроса: что такое красота? — онъ рѣшительно высказался въ томъ смыслѣ, что красоту слѣдуетъ понимать исключительно въ смыслѣ нравственной красоты. Въ противоположность людямъ 60-хъ годовъ, онъ отвергъ служебную роль искусства по

отношенію къ *политикѣ*, но провозгласилъ подчиненіе искусства *этикѣ*.

Нельзя не признать, что, формулируя такимъ образомъ вопросъ, знаменитый нашъ писатель коснулся существенной стороны движенія, которое нынѣ происходитъ въ русскомъ обществѣ. Если идеалы 60-хъ годовъ перестали насъ волновать, вызвали въ насъ чувство разочарованія, то главнымъ образомъ потому, что они обнаружили нашу собственную несостоятельность, нашу неспособность перейти отъ фразы къ дѣлу, нашу умственную и нравственную дряблость. Мы жили для народа только на словахъ; любовь къ народу была по большей части только красивою вывѣскою, подъ прикрытіемъ которой царствовалъ подчасъ неограниченный эгоизмъ. Все это общеизвѣстно. Но если это такъ, то гдѣ же выходъ? Очевидно, надо прежде всего признать, что хорошимъ гражданиномъ можетъ быть только хорошій человѣкъ. Значитъ, центръ тяжести вопроса переносится изъ общественной жизни въ частную, изъ политики—въ этику. Нравственный принципъ давно былъ провозглашенъ гр. Л. Толстымъ основою народнаго благополучія, и этотъ же принципъ онъ всецѣло теперь перенесъ и въ область искусства.

II.

Этотъ общій ходъ русскаго общественнаго самосознанія необходимо себѣ уяснить, чтобы разобраться въ тѣхъ теченіяхъ, которыя въ настоящее время замѣчаются въ искусствѣ. Теченій этихъ три. Одни художники— они, можетъ-быть, составляютъ большинство—придерживаются стараго искусства, но вмѣстѣ съ тѣмъ испытываютъ многоразличныя сомнѣнія, они продолжаютъ творить, но въ душѣ разочарованы. Другіе—хотя это теченіе сказывается слабѣе всего на практикѣ и преобладаетъ въ теоріи—замѣняютъ политику этикою и ищутъ въ области послѣдней идеаловъ. Наконецъ третьи отвергаютъ и политику, и этику, и старое искусство, пытаясь создать новыя формы, установить новые идеалы, совершенно независимо отъ всѣхъ традицій.

Только что появившіеся художественные журналы, о которыхъ я упоминалъ выше, принадлежатъ къ первому и третьему направленіямъ; второе остается пока безъ самостоятельнаго органа. Журналъ *Искусство*, издаваемый обществомъ поощренія художествъ, несомнѣнно примыкаетъ къ старому искусству, хотя въ то же время носитъ явные признаки разочарованія имъ. Журналъ *Міръ искусства*, издаваемый княгинею Тенишевой и г. Мамонтовымъ, не только не разочарованъ, но даже проявляетъ воинственное настроеніе—онъ рѣшительно отвергаетъ старое искусство и столь же рѣшительно вѣритъ въ новое.

Подтвердимъ это примѣрами.

Въ журналѣ *Искусство* нѣтъ руководящей статьи, которая могла бы служить исповѣдью журнала, но редакція дала мѣсто статьѣ извѣстнаго нашего скульптора г. Антокольскаго и, слѣдовательно, признаетъ себя съ нимъ солидарною. Эта статья озаглавлена: *По поводу книги гр. Л. Н. Толстого объ искусствѣ*, и вотъ что́ въ ней говорится:

«Чего въ сущности, — спрашиваетъ авторъ:—достигло искусство въ наше время? Въ музыкѣ—формы оперы, въ живописи—новой вѣтви пейзажа, далѣе—способа писать открытый воздухъ, plein air (замѣтьте: все это формы, способы!), въ скульптурѣ—застой, а архитектура продолжаетъ только подражать прошлому. Искусство въ нашъ вѣкъ сдѣлало только своеобразную эволюцію: начало оно съ псевдо-классицизма, скоро перешло затѣмъ къ романтизму, потомъ къ реализму, далѣе къ натурализму, импрессіонизму... и вдругъ сдѣлало крутой поворотъ къ псевдо-мистицизму и ко всевозможнѣйшимъ *псевдо*. Такимъ образомъ оно, съ чего начало, тѣмъ и кончило: начало съ *псевдо* и кончило имъ же. Правда, были прекрасныя попытки проникнуть глубже въ душу человѣка, но попытки остались попытками, начало осталось безъ конца, не успѣвши расцвѣсть— уже отцвѣло».

Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ: «Когда ходишь по выставкамъ среди нѣсколькихъ тысячъ картинъ, легіона статуй и т. п., то поневолѣ задаешь себѣ вопросъ: каковы же нынѣшніе идеалы въ искусствѣ, чего мы требуемъ отъ него, и что оно намъ даетъ? Отвѣты, къ сожалѣнію, получаются весьма печальные. Идеала—*никакого или почти никакого...* Правда и красота, это — два устоя, на которыхъ зиждется искусство. Какія это прекрасныя слова, написанныя на пескѣ! Какъ они далеки отъ истины, какъ они одно другому противорѣчатъ въ дѣйствительности нашей нынѣшней жизни».

О новомъ искусствѣ г. Антокольскій выражается слѣдующимъ образомъ: «Однѣ формы, одна красота безъ внутренняго содержанія для меня то же, что красивый фасадъ безъ дома... Заговоривъ о декадентахъ, не могу не отмѣтить одного печальнаго факта, касающагося въ особенности насъ, русскихъ... Молодые художники съ благороднымъ негодованіемъ и легкими ногами пустились догонять заграничныя новости, чтобы съ помощью финляндцевъ спасать отечественное искусство. Отъ всей души желаю имъ успѣха; только сомнѣваюсь,—не позд-

нелько ли теперь увлекаться тѣмъ, *на что мода за границею начинаетъ уже проходить.* Да и что будетъ новаго, если мы будемъ *дѣлать уже сдѣланное?*»

Окончательный выводъ автора слѣдующій: «Теперь и въ жизни, какъ и въ искусствѣ, то же декадентство, тѣ же крайности, та же раздвоенность между умомъ и чувствомъ— и та же путаница. *А если нѣтъ идеала въ жизни, то откуда же быть ему въ искусствѣ?* Искусство можетъ дать только лучше того, что есть, но не можетъ дать того, чего нѣтъ».

Я воспроизвелъ основную мысль г. Антокольскаго его же собственными словами. Они очень ясны, и никакихъ сомнѣній не допускаютъ. Авторъ любитъ старое искусство, потому что въ немъ были и совершенство формы, и плодотворные для прежнихъ временъ идеалы; онъ совершенно отрицательно относится къ новому искусству, потому что плодотворныхъ идеаловъ въ немъ нѣтъ, а формы представляются ему сомнительными. Такимъ образомъ г. Антокольскій находится какъ бы на перепутьи: старую дорогу онъ отвергаетъ, потому что она привела къ отсутствію пригодныхъ для современности идеаловъ; новую онъ не рѣшается избрать, потому что на ней идеаловъ пока не видно.

Обратимся теперь къ другому журналу, въ избыткѣ снабженному руководящими статьями. Мы и тутъ приведемъ рядъ выдержекъ, чтобы дать читателямъ полную возможность составить себѣ безпристрастное сужденіе о взглядахъ журнала. «Наши судьи,—говорится въ первой руководящей статьѣ:—не могли (?) признать, что это искривленное поколѣніе упадка, декадентовъ, выучилось зорко видѣть все, сумѣло пытливо прочитать всю длинную книгу предшествующихъ ошибокъ и рѣшилось все переоцѣнить, открыто надсмѣяться надъ безапелляціонностью прежнихъ обожаній, но за то и уважать своихъ избранниковъ и преклоняться безгранично, безъ предвзятыхъ условныхъ рамокъ и заранѣе установленныхъ опредѣленныхъ требованій». Затѣмъ авторъ руководящей статьи спрашиваетъ,—кто же собственно эти «судьи, эти враги, эти учителя»? «Соотвѣтствуя тремъ пережитымъ эпохамъ, они распадаются на три раздѣльныя категоріи. Первая группа продолжаетъ въ блаженномъ оцѣпенѣніи, подобно китайскимъ кукламъ, кланяться уже излизанному великолѣпію псевдо-классическихъ монументовъ и сквозь лорнетъ восхищаться лоснящемуся (?), какъ паркетъ, ремеслу (?) Тадемъ и Бакаловичей—это декаденты классицизма, самые ветхіе, а потому и неисправимые враги. Вторая группа,— это сентиментальные вздыхатели, замирающіе подъ звуки Lied'овъ Мендельсона, считающіе Дюма и Эжена Сю за серьезное чтеніе и въ живописи не ушедшіе дальше безчисленныхъ мадоннъ, изготовляемыхъ на плодовитыхъ нѣмецкихъ фабрикахъ. Это—декаденты-романтики, страшные враги, потому что имя имъ—легіонъ. И наконецъ третья группа—еще недавняя группа, которая думала, что удивила свѣтъ своимъ смѣлымъ открытіемъ, вытащивъ на полотна лапти и лохмотья, когда это недостижимо (?) лучше и свѣжѣе (?) уже было сдѣлано пятьдесятъ лѣтъ раньше великими Бальзакомъ и Милле. Эта (?) группа слишкомъ болтливая и повторяющая лишь зады уже давно сказаннаго и хорошо сказаннаго—это (?) декаденты реализма, скучные враги, все еще мнящіе о бодрости своихъ размякшихъ мускуловъ и о своевременности своихъ затхлыхъ истинъ». Вотъ кто враги журнала. Они—настоящіе декаденты. Сами же издатели журнала не причисляютъ себя къ декадентамъ. «Упадка нѣтъ, и быть не можетъ,—говорятъ они:—потому что намъ не съ чего падать, потому что для того, чтобы осмѣлиться провозгласить паденіе, надо было раньше создать великое зданіе, съ котораго возможно было бы намъ низвергнуться внизъ и разбиться о камни его. Какой же храмъ человѣческаго генія мы разбиваемъ? Покажите, дайте намъ этотъ храмъ,—умоляютъ издатели:—чтобы взобраться на него и чтобъ потомъ, не удержавшись, въ свою очередь рухнуть съ него безъ страха и съ сознаніемъ нашего прошедшаго величія».

Для полноты параллели отмѣтимъ еще, что г. Антокольскій называетъ изслѣдованіе гр. Л. Толстого: *Что такое искусство?* «книгою удивительною», хотя и не безъ оговорокъ, а г. Дягилевъ, редакторъ журнала *Міръ искусства*, выражается слѣдующимъ образомъ: «Проповѣдуя, вмѣсто искусства, какое-то упражненіе въ добродѣтели, надо совершенно выдѣлить эту дѣятельность изъ области эстетики и предоставить ей удовольствіе (?) процвѣтать въ сферѣ морально-педагогическихъ нотацій, оставивъ въ покоѣ далекое и чуждое ей художество». По мнѣнію г. Дягилева, художникъ или, какъ онъ его называетъ, «творецъ» «долженъ любить лишь красоту и лишь съ нею вести бесѣду во время нѣжнаго, таинственнаго проявленія своей божественной природы»...

III.

Мы видимъ, слѣдовательно, что направленіе двухъ новыхъ художественныхъ журналовъ сводится къ слѣдующему: *Искусство* защищаетъ, хотя и вяло, старое искусство и

отрицаетъ новое; *Міръ искусства* отрицаетъ старое искусство и энергично признаетъ новое.

Это въ теоріи; на практикѣ оба журнала однако плохо выдерживаютъ свое направленіе, и это уже бросается въ глаза, если обратить вниманіе на ихъ внѣшній видъ.

Такъ, напримѣръ, обложки обоихъ журналовъ составлены въ декадентскомъ вкусѣ. Шрифтъ избранъ очень вычурный; именно взяты старинныя матрицы, и по нимъ отлитъ новый шрифтъ, хотя и крупный, но весьма неудобный для непривычнаго глаза. Далѣе, въ обоихъ журналахъ встрѣчаются снимки съ картинъ, на которыхъ даже разобрать трудно, что онѣ собственно изображаютъ,—такъ онѣ неудовлетворительны въ техническомъ отношеніи. Особенно это слѣдуетъ сказать о журналѣ *Міръ искусства*. Въ немъ встрѣчается только нѣсколько рисунковъ, которые производятъ художественное впечатлѣніе. Наконецъ, какъ уже замѣтили читатели изъ приведенныхъ нами выдержекъ, сторонники новаго искусства даже въ грамматикѣ не особенно сильны.

Все это насъ убѣждаетъ, что оба журнала,—какъ ни различно ихъ направленіе,—имѣютъ довольно странное понятіе о красотѣ. Прежде всего отъ художественнаго журнала требуется, чтобы внѣшняя сторона его была безукоризненна: вѣдь художественный журналъ,—каково бы ни было его направленіе—долженъ служить красотѣ, содѣйствовать развитію вкуса, и конечно онъ своей задачи не достигнетъ, если будетъ знакомить своихъ читателей съ произведеніями искусства въ искаженномъ видѣ и комментировать ихъ на безграмотномъ языкѣ.

Примѣровъ большой небрежности, необдуманности, странныхъ выходокъ встрѣчается въ обоихъ журналахъ не мало. Такъ, въ приведенной нами выдержкѣ *Міръ искусства* говоритъ о трехъ эпохахъ, пережитыхъ искусствомъ, и соотвѣтственно группируетъ художниковъ, при чемъ въ первую группу включаетъ Тадему и Бакаловича, во вторую Мендельсона, Дюма и Сю вмѣстѣ съ художниками, изображающими мадоннъ; въ третью—художниковъ «вытащившихъ на полотна лапти и лохмотья». Всякому однако извѣстно, что Тадема и Бакаловичъ живы и продолжаютъ писать картины, что Мендельсонъ, Дюма и Сю давно уже умерли и что художники, «вытащившіе на полотна лапти и лохмотья», здравствуютъ отчасти и понынѣ. Въ какомъ же отношеніи находятся эти три «пережитыя» эпохи, и какимъ образомъ можно сваливать въ одну кучу Мендельсона, Дюма, Сю и художниковъ, изображающихъ безчисленныхъ мадоннъ, признавая ихъ представителями одного и того же художественнаго направленія? Въ статьѣ, помѣщенной въ *Искусствѣ*, перечисляются всѣ народы и племена, на языки которыхъ переведены произведенія гр. Л. Толстого. Въ этомъ перечнѣ мы между прочимъ встрѣчаемъ нѣмцевъ, итальянцевъ, венгерцевъ, чеховъ, хорватовъ, словаковъ, галиційцевъ, поляковъ, сербовъ, евреевъ, и тутъ же говорится, что одни только австрійцы представляютъ какое-то непонятное исключеніе. Выходитъ, какъ будто существуетъ какой-то особый австрійскій языкъ, на который до сихъ поръ не переведены произведенія Толстого.

А что, напримѣръ, сказать о замѣткѣ, редактированной буквально слѣдующимъ образомъ: «Несчастной Англіи грозятъ выставки картинъ русскихъ художниковъ: Ю. Клевера и В. Верещагина. Какъ предохранить русское искусство и англійскую публику отъ такого непріятнаго сюрприза?»

Больше—ни слова. И читателю предоставляется самому составить себѣ понятіе о томъ, что собственно эта замѣтка означаетъ.

Но это все еще мелочи. Въ *Міръ искусства* мы встрѣчаемъ некрологъ, посвященный Полонскому. Въ этомъ некрологѣ однимъ взмахомъ пера упразднены всѣ стихотворенія Полонскаго, за исключеніемъ тѣхъ, которыя подсказаны лѣсовикомъ или, какъ въ некрологѣ говорится, «лѣснымъ духомъ». Авторъ некролога говоритъ, что «Полонскій и въ краткихъ стихахъ, и въ длинныхъ поэмахъ непрестанно сознательно стремился къ людямъ, желалъ схватить и отразить существующее, дѣйствительное, важное и насущное. Но все это разлетается, какъ пыльный вихрь на большой дорогѣ подъ властнымъ и чистымъ дуновеніемъ лѣсного духа». Какой это лѣсной духъ, мы оставляемъ на совѣсти автора, какъ и то, что онъ даетъ такое превратное толкованіе музѣ Полонскаго. Надо имѣть въ высшей степени своеобразныя понятія о красотѣ, чтобы упразднить все, что подсказываетъ поэту жизнь и вдумчивое къ ней отношеніе, и восторгаться тѣмъ, что ему подсказываютъ какіе-то лѣшіе. Въ данномъ же случаѣ это вдобавокъ еще непростительная клевета на поэта, у котораго вылился чудный стихъ:

Писатель, если только онъ
Волна, а океанъ—Россія,
Не можетъ быть не возмущенъ,
Когда возмущена стихія.

Писатель, если только онъ
Есть нервъ великаго народа,
Не можетъ быть не пораженъ,
Когда поражена свобода.

Значитъ, не лѣшій, а русская жизнь подсказывала Полонскому его прекрасныя, по задушевности и отзывчивости, стихотворенія.

Но возвратимся къ обзору содержанія двухъ новыхъ художественныхъ журналовъ. Оказывается, что оба они отводятъ главное мѣсто снимкамъ съ картинъ и рисунковъ г. Васнецова. Значитъ, оба они одинаково признаютъ нашего даровитаго художника, и этому, конечно, нельзя не порадоваться, хотя въ то же время возникаетъ вопросъ: почему оба журнала проявляютъ такое единомысліе, несмотря на совершенно противоположное направленіе? И вотъ тутъ мы наталкиваемся на поразительный фактъ, что оба журнала, отводя столько мѣста снимкамъ съ картинъ г. Васнецова, не дали обстоятельной характеристики этого замѣчательнаго художника. «*Міръ искусства*» его замолчалъ, а «*Искусство*» ограничилось воспоминаніями и замѣтками о немъ, хотя и очень цѣнными и обстоятельными, но все же имѣющими лишь біографическій или библіографическій характеръ. Такимъ образомъ, оба журнала, очевидно, вполнѣ признаютъ талантъ г. Васнецова, но не умѣютъ истолковать читателямъ, каковы отличительныя черты его творчества, сами не знаютъ, принадлежитъ ли онъ къ старой или новой школѣ, творитъ ли онъ по образцамъ старыхъ мастеровъ или открылъ новый путь въ искусствѣ.

Не очевидно ли послѣ всего этого, что какъ «*Искусство*», такъ и «*Міръ искусства*» имѣютъ очень сбивчивыя и неясныя понятія о красотѣ? Правда, «*Міръ искусства*» восторгается норвежскимъ художникомъ Веренскіольдомъ. Но это представляется намъ плохою шуткою: представьте себѣ, что ребенокъ взялъ свои игрушки: лодочки, солдатиковъ и т. д. и вымазалъ ихъ чернилами, — и вы получите ясное понятіе о рисункахъ г. Веренскіольда, какъ они воспроизведены въ журналѣ. Тутъ нѣтъ красоты,—есть только пародія на красоту.

IV.

Такимъ образомъ, изучая внѣшній видъ и внутреннее содержаніе нашихъ новыхъ художественныхъ журналовъ, мы не можемъ составить себѣ яснаго понятія объ ихъ эстетическихъ требованіяхъ. Сбивчивъ, неясенъ избранный ими матеріалъ; сбивчивы и неясны ихъ разсужденія. И люди, отвергающіе старое искусство, и люди, защищающіе его, повидимому, одинаково не знаютъ, что имъ въ настоящее время признавать красотою.

Если мы отъ художниковъ обратимся къ поэтамъ, то мы вынесемъ приблизительно такое же впечатлѣніе. Такъ, напримѣръ, г. Коринфскій издалъ сборникъ стихотвореній, озаглавивъ его: «*Гимнъ красотѣ*». Но пробѣгите этотъ сборникъ съ начала до конца, и вы все-таки не уясните себѣ, что поэтъ разумѣетъ подъ красотою. Правда, онъ намъ говоритъ, что красота, и только красота спасаетъ насъ отъ «гибели позорной», что она одна не покоряется житейской слѣпой суетѣ, что она возноситъ насъ отъ темной земли ближе къ свѣтлой мечтѣ. Въ одномъ стихотвореніи онъ даже говоритъ, что если и нѣтъ новой красоты во вселенной, то есть новые пути къ «предвѣчной красотѣ». Но каковы эти пути, онъ намъ не указываетъ: нельзя же въ самомъ дѣлѣ признавать новымъ путемъ къ красотѣ простое отрѣшеніе отъ «суетного свѣта» и принесеніе «священной жертвы Аполлону», о которыхъ намъ говорилъ уже въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи Пушкинъ. Все это старо, какъ міръ: поэты всегда склонны были возноситься отъ суетной земли къ небесамъ. Мы скорѣе уяснимъ себѣ, что такое красота,—хотя далеко не новая,—когда вчитаемся въ нѣкоторыя стихотворенія г. Коринфскаго, гдѣ онъ просто описываетъ намъ природу и творитъ, такъ сказать, подчиняясь старымъ-престарымъ традиціямъ. Тутъ у него вырываются прекрасныя строфы, которыя служатъ наглядымъ доказательствомъ его даровитости; но ни новой красоты, ни даже новыхъ путей къ «предвѣчной красотѣ» онъ намъ не открываетъ.

Можетъ быть, это удалось другому современному поэту, г. Бальмонту. Когда-то этотъ поэтъ былъ «сыномъ земли и во всемъ походилъ на другихъ людей», но затѣмъ онъ разлюбилъ «земную печаль и удалился за предѣлы и правды, и лжи».

Отъ такого поэта можно ожидать, что онъ намъ откроетъ ту «предвѣчную красоту», которая не имѣетъ ничего общаго съ земною печалью, правдою и ложью.

Когда поэтъ ушелъ отъ земли, онъ прежде всего открылъ, что «времени нѣтъ», затѣмъ сталъ «льнуть къ деревьямъ», сердце его «окаймилось багряной чертой», его сталъ «баюкать иней», женщины, «смотрящія равнодушно, какъ тонутъ вдали корабли, цѣловали его, не любя», «когда онъ восходилъ, онъ спѣшилъ опрокинуться внизъ», ему начали сниться «волхвы откровеній, намеки на сверхъ-человѣка», онъ понялъ, что «противъ духа тьмы вѣнчаннаго змѣя и скорпіона стоитъ собака», и что эта собака—«всевластный свѣтъ лучистаго владыки», которая лаетъ: «будь твердъ, я жду, благоговѣй», онъ понялъ еще, что люди «отступники между уставшихъ враговъ, и видятъ лишь гробъ и альковъ», онъ понялъ, что луна—

«небесная кадильница», и въ душѣ его возгорѣлось сильное желаніе. Чего же онъ захотѣлъ? «Тѣни послѣдней», онъ захотѣлъ «дремоты», но не простой дремоты, а «ночной». Потому-то онъ и озаглавилъ сборникъ своихъ стихотвореній: «тишиной».

Вотъ что случилось съ г. Бальмонтомъ, когда онъ разлюбилъ земную печаль и ушелъ за предѣлы правды и лжи. Посѣтивъ «мертвые корабли», разсыпавъ на своемъ пути безчисленныя «искры», побывавъ «въ дымкѣ нѣжно-золотой» и въ «царствѣ льдовъ», онъ наконецъ страстно пожелалъ выспаться.

Позвольте однако узнать, гдѣ тутъ красота? Тутъ есть только много вычурности, изысканности, тутъ есть потуги на оригинальность,—словомъ тутъ есть все, чѣмъ отличаются сторонники новой красоты, но самой красоты-то нѣтъ, потому что она ни въ какомъ случаѣ не мирится съ вычурностью. Поэтому такъ называемое новое искусство и продержалось недолго. Г. Антокольскій совершенно правъ, говоря, что за границею мода на него уже начинаетъ проходить. Про одного извѣстнаго французскаго представителя такъ-называемаго декадентства разсказываютъ, что, когда онъ обратилъ на себя общее вниманіе своими вычурными произведеніями, сталъ въ нѣкоторомъ родѣ знаменитостью и женился на богатой дѣвушкѣ, онъ заявилъ, что теперь-де для него настало время приняться за настоящую поэзію. Этотъ анекдотъ очень характеренъ, потому что дѣйствительно между сторонниками новаго искусства есть не мало такихъ, которые прибѣгаютъ къ нему исключительно для того, чтобы обратить на себя вниманіе публики. Если же взять искреннихъ символистовъ и декадентовъ, то ихъ нарожденіе объясняется отчасти модою, но главнымъ образомъ желаніемъ замѣнить отжившіе будто бы идеалы новыми. Въ поискахъ за этими новыми идеалами, они принимаютъ, какъ выразился Полонскій, болотные огоньки за путеводныя звѣзды.

V.

Я въ началѣ моего очерка старался выяснить, почему прежніе идеалы не удовлетворяютъ нашихъ художниковъ. Героическое время нашихъ общественныхъ стремленій миновало и замѣнилось днями трезвой практичной работы на пользу родины и ея культурныхъ успѣховъ. Подъемъ духа замѣнился для художниковъ прострацією. Это явленіе наблюдается не только у насъ, въ Россіи, но и за границею, потому что и западныя государства пережили съ конца прошлаго вѣка до половины нынѣшняго также своего рода эпоху геройскихъ общественныхъ подвиговъ. Начались эти подвиги во время великой французской революціи и закончились они 48-мъ годомъ. Не даромъ пессимистическое настроеніе зарождается именно послѣ французской революціи, не даромъ именно въ это время нарождается и романтизмъ,—это стремленіе во что бы то ни стало сохранить героическое настроеніе, хотя жизнь не давала ему никакой пищи. До какой болѣзненности доходитъ оно у Байрона и у Гейне! И когда окончательно выяснилось, что жизнь не даетъ ему пищи, пессимизмъ, отсутствіе жизненныхъ идеаловъ окончательно восторжествовало.

Совершенно то же, только въ нѣсколько другой формѣ и въ уменьшенномъ масштабѣ, произошло и у насъ, въ Россіи, во второй половинѣ истекающаго вѣка, начиная съ 60-хъ годовъ и кончая настоящимъ временемъ.

Какъ на Западѣ, такъ и у насъ ни художники, ни критики не отдаютъ себѣ яснаго отчета въ этой тѣсной зависимости жизни и искусства, въ этой неразрывной связи между общественнымъ движеніемъ и творчествомъ художника. Но пора понять эту связь, пора уяснить себѣ значеніе глубоко вѣрнаго замѣчанія г. Антокольскаго, что если нѣтъ идеаловъ въ жизни, то имъ не откуда быть и въ искусствѣ. Искусство стремится къ возвышенному, а этого повидимому и не хватаетъ жизни. Жизнь сдѣлалась-де мелкою, ничтожною: въ ней отсутствуетъ героическое,—подвигъ, красота громкихъ начинаній...

Такъ ли это однако на самомъ дѣлѣ? Пока живъ человѣкъ, возвышенное и благородное въ немъ не изсякнетъ, и при ближайшемъ анализѣ вѣроятно окажется, что люди теперь не хуже и не лучше, чѣмъ были прежде. Но если они не хуже и не лучше, то они теперь, какъ всегда, склонны жить традиціями, избравъ себѣ какой-нибудь путь, упорно слѣдуютъ ему, хотя бы и выяснилось, что онъ къ цѣли не приводитъ. Когда же становится очевиднымъ, что по избранному пути идти дальше некуда, люди склонны роптать, предаваться отчаянію, но только не вступить на новую дорогу. Вотъ почему въ настоящее время такъ распространено пессимистическое настроеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе удалиться изъ дѣйствительной жизни въ міръ безпорядочныхъ грезъ. Эти грёзы—какъ онѣ ни нелѣпы—принимаются за жизненные идеалы, за нѣчто важное, существенное, возникаетъ какая-то отрѣшенность отъ жизни, доходящая до того, что, какъ выразился г. Бальмонтъ, повторяя слова Ницше, люди склонны уйти за предѣлы правды и лжи, добра и зла.

Новая красота, въ лицѣ большинства своихъ представителей, отвергаетъ нравственный законъ. Но можетъ ли искусство обойтись безъ этическаго принципа? Правъ ли г. Дягилевъ, что добродѣтель и искусство не имѣютъ между собою ничего общаго, что добродѣтель составляетъ только достояніе «морально-педагогическихъ нотацій»? Какое ужасное заблужденіе! Да вѣдь если устранить нравственный законъ изъ искусства, то вмѣстѣ съ тѣмъ придется похоронить самыя выдающіяся его произведенія или по крайней мѣрѣ лишить ихъ того, что окружаетъ ихъ наибольшимъ обаяніемъ въ нашихъ глазахъ. Во что превратится *Фаустъ*, если мы устранимъ вопросы о томъ, каковы должны быть нормальныя отношенія между мужчиной и женщиной, въ чемъ заключается нравственное значеніе науки, каково должно быть служеніе человѣка обществу? Будетъ ли Гамлетъ дѣйствовать такъ сильно на наши чувства, такъ мощно ударять по струнамъ нашего сердца, если мы взглянемъ на него, только какъ на психологическую проблему, устранивъ вопросъ о тѣхъ душевныхъ силахъ, которыя приводятъ къ добру и злу? Куда дѣвался бы тотъ священный трепетъ возмущенной до глубины души, который мы испытываемъ, читая *Мертвыя души* или *Обломова*, если бы печальные герои Гоголя и Гончарова не имѣли никакого отношенія къ нашему нравственному чувству?

Нѣтъ, всѣ великія произведенія искусства находятся въ самой тѣсной и неразрывной связи съ законами нравственности. Возьмемъ ли мы древній міръ, средніе вѣка, эпоху возрожденія, XVIII и XIX вѣка, вездѣ и всюду мы увидимъ, что нравственный міръ человѣка составляетъ ту почву, на которой выростаютъ великія произведенія искусства. Не была ли готовность жертвовать собою на пользу государства, чувство самоотреченія, самоотверженнаго служенія обществу тѣмъ нервомъ, который далъ жизнь античной красотѣ съ ея миѳологическими, т.-е. религіозными сюжетами? Надо ли указывать, что и искусство среднихъ вѣковъ было все основано на религіозномъ чувствѣ? А вѣдь религія составляетъ одно изъ проявленій нравственнаго сознанія человѣка? Надо ли указывать, что эпоха возрожденія съ ея безсмертными художественными произведеніями была выраженіемъ борьбы, которую велъ человѣкъ за свободу своего духа и нравственной своей личности? Стоитъ ли выяснить, что и новое искусство находится въ тѣснѣйшей связи съ тѣми общественными и политическими движеніями, которыя пережила Европа въ XVIII и XIX в.? А вѣдь общественныя и политическія движенія тоже въ значительной степени основаны на нравственномъ законѣ, на томъ, что человѣкъ признаетъ справедливымъ въ обществѣ и государствѣ.

Наконецъ, почему люди, возводящіе красоту въ единственный законъ художественнаго творчества, не хотятъ признать высшій видъ красоты, какимъ является нравственная красота? По выраженію нашего великаго поэта, природа сіяетъ вѣчною красою; но онъ же называетъ ее равнодушной. Ей дѣла нѣтъ до добра и зла, до человѣческаго счастья и несчастья. Она совершаетъ свое неумолимое дѣло и совершенно безучастна къ человѣческимъ страданіямъ, къ человѣческой радости. О, конечно горные ландшафты бываютъ дивно хороши, грозныя явленія природы наполняютъ нашу душу страхомъ, живописные ландшафты настраиваютъ насъ на тотъ или другой ладъ и художникъ не можетъ относиться равнодушно къ природѣ. Но, спрашивается, можетъ ли онъ безъ извращенія своихъ человѣческихъ чувствъ относиться равнодушно къ страданіямъ и радостямъ людей, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ тому, что вызываетъ эти страданія и радости, къ тѣмъ идеямъ и чувствамъ, которыя содѣйствуютъ или препятствуютъ человѣческому благополучію? Нѣтъ, нельзя признать истиннымъ художникомъ того, кто не въ состояніи понять дивной нравственной красоты смерти Сократа. Нельзя признать истиннымъ художникомъ того, кто, какъ выразился Полонскій, «не возмущенъ, когда возмущена стихія», т.-е. то общество, тотъ народъ, въ которомъ онъ живетъ. Художникъ, отвергающій нравственную, идейную красоту, либо вовсе не художникъ, либо художникъ, лишенный того чувства, на которомъ зиждется человѣческое общество, которымъ опредѣляется его благополучіе. И заслуга гр. Л. Толстого заключается въ томъ, что онъ ясно на это указалъ. Искусство не должно быть орудіемъ политики, оно не должно быть и орудіемъ этики, потому что художникъ прежде всего долженъ быть свободенъ. Но столь же вѣрно, что истиннымъ художникомъ никогда не будетъ тотъ, кто творитъ внѣ общества и государства, кто разрываетъ связь съ нравственнымъ закономъ, кто не въ состояніи уяснить себѣ нравственной красоты... Современное искусство выйдетъ изъ теперешняго переходнаго своего состоянія только тогда, когда оно уяснитъ себѣ эту истину и воспользуется совершенствомъ формы, чтобы раскрыть и освѣтить идеальное содержаніе окружающей насъ дѣйствительности.

Библіографія.

(Книги, поступившія въ редакцію.)

Авенаріусъ, В. П. Школа жизни великаго юмориста. Третья повѣсть изъ біогр. трилогіи „Ученическіе годы Гоголя". СПБ. 1899. Ц. 1 р. 75 к.

Біографическая трилогія—подъ общимъ заглавіемъ „Ученическіе годы Гоголя"—заключаетъ въ себѣ повѣсти, вышедшія раньше: *Гоголь-гимназистъ* и *Гоголь-студентъ* и появившуюся надняхъ — *Школа жизни*. О двухъ первыхъ въ нашемъ журналѣ были своевременно даны отзывы. О третьей же приходится сказать, что она не только не уступаетъ двумъ своимъ предшественницамъ, но во многомъ превосходитъ ихъ. Тонъ повѣсти выдержанъ безукоризненно, не попадается ни одной неточности, которыя, казалось, были бы неизбѣжны во всякомъ беллетристическомъ пересказѣ, основанномъ на противорѣчивыхъ подчасъ біографическихъ данныхъ; мастерски нарисована картина быта того времени и переданъ духъ его. Повѣсть читается съ увлеченіемъ, а вся трилогія представляетъ цѣнный вкладъ въ художественно-историческую русскую литературу. Чтобы добросовѣстно исполнить огромную задачу, взятую на себя авторомъ, ему нужно было потратить не мало труда и времени и съ любовью отдаться своему дѣлу. Въ результатѣ получилась прекрасная книга, которая будетъ читаться и юношами, и людьми зрѣлаго возраста съ одинаковымъ интересомъ и которая займетъ почетное мѣсто въ каждой библіотекѣ. Книга издана прекрасно и снабжена портретами и рисунками въ достаточномъ количествѣ.

Акинфіевъ, И. Я. О растительныхъ и преимущественно лѣсныхъ зонахъ въ Центральномъ Кавказѣ. Екатеринославъ. 1897.

Архангельская, А. Г. Для чего доктора дѣлаютъ операціи и какая отъ того бываетъ польза больному. Изданіе комиссіи по распространенію гигіен. знаній въ народѣ общ. русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова. Москва. Ц. 5 к.

Baron de Baye. De Penza a Minoussinsk. Souvenirs d'une mission. Extrait de la Revue de Géographie. Paris. Libraire Nilsson. 1898.

Въ бѣгломъ очеркѣ на 50 страницахъ французскій ученый археологъ, баронъ де-Бай, извѣстный своими изслѣдованіями о Россіи, излагаетъ съ присущимъ ему талантомъ разнообразныя впечатлѣнія, вынесенныя имъ на протяженіи добраго десятка тысячъ верстъ по пути отъ Пензы до Минусинска. Текстъ иллюстрированъ удачными фотографіями, по которымъ соотечественники автора могутъ ознакомиться со всѣмъ, что останавливало на себѣ его вниманіе. Типичные представители населенія, интересные моменты путешествія схвачены очень живо. Во всемъ очеркѣ чувствуется горячій интересъ автора ко всему, что касается Россіи.

Біографическая библіотека Ф. Павленкова. 1. Вашингтонъ. 2. Демосѳенъ и Цицеронъ. 3. Герценъ. 4. Лютеръ. 5. Александръ Македонскій и Юлій Цезарь. СПБ. 1898. Ц. каждому тому 25 к.

Г. Павленковымъ издано уже болѣе 185 біографій замѣчательныхъ людей,—представителей религіи и церкви, народныхъ героевъ, ученыхъ, философовъ, филантроповъ, путешественниковъ, изобрѣтателей, русскихъ и иностранныхъ писателей, художниковъ, музыкантовъ и актеровъ. Говорить о значеніи этого обширнаго предпріятія не представляется необходимымъ, такъ какъ оно для всякаго ясно. Поэтому мы ограничиваемся простымъ указаніемъ на вновь вышедшія біографіи.

Брандесъ, Г. Литература XIX вѣка въ ея главнѣйшихъ теченіяхъ. Перев. съ нѣм. М. Іолшина. СПБ. Ц. 75 к.

Этотъ томъ извѣстнаго сочиненія датскаго критика заключаетъ въ себѣ очеркъ англійской литературы. Мы знакомимся въ ней съ главнѣйшими представителями англійской литературы первой половины XIX вѣка: Соути, Вальтеръ Скоттомъ, Томасомъ Муромъ, Шелли и Байрономъ.

Brandt von, W. Die Chinesische Philosophie und der Staats-Confuzianismus. Stuttgart. 1898.

Бунинъ, И. А. Подъ открытымъ небомъ. Стихотворенія. Москва. 1898. Ц. 30 к.

Бѣлинскій В. Г. Литература, поэзія, театръ. Изд. Зинченко. СПБ. 1899. Ц. 10 к.

Веббъ, Сидней. Положеніе труда въ Англіи за послѣднія 60 лѣтъ. СПБ. 1899. Ц. 15 к.

Величкина, В. М. Швейцарія. Изд. „Посредника". М. 1898. Ц. 50 к.

Виндельбандъ, В. Исторія философіи. Перев. П. Рудина. СПБ. 1898. Ц. 3 р.

Вирховъ, Р. Гигіена одежды. Пер. съ нѣм. СПБ. 1899. Ц. 30 к.

Краткій, но интересно составленный очеркъ о гигіеническомъ значеніи одежды прочтется не безъ пользы интересующимися этимъ важнымъ вопросомъ, на который, къ сожалѣнію, до сихъ поръ мало обращаютъ вниманія. Изложенію предмета предпосланъ историческій очеркъ и очеркъ психологіи одежды.

Вундтъ, В. Гипнотизмъ и внушеніе. Перев. съ нѣм. Я. Колубовскаго. Изд. 2-е. СПБ. 1898. Ц. 60 к.

Настоящее изданіе статьи знаменитаго нѣмецкаго психолога Вундта, первоначально появившейся въ *Philosophische Studien*, отличается отъ перваго тѣмъ, что въ него внесены изъ нѣмецкаго отдѣльнаго изданія всѣ вставки, дополненія и поправки автора. Статья Вундта написана весьма популярно и всесторонне обнимаетъ предметъ своего изслѣдованія; особый интересъ для читателей имѣетъ послѣдняя глава—„практическое значеніе гипнотизма". Переводъ г. Колубовскаго отличается большими достоинствами — точностью и литературнымъ слогомъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ рекомендуемъ эту книжку вниманію читателей.

Гильти, К., проф. Популярные очерки по нравственной философіи. Пер. Вольдмерштейна. СПБ. 1898. Ц. 50 к.

Считаемъ нужнымъ предупредить читателей, что та же книга появилась уже раньше въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ: „О счастьи", такъ что лица, купившія послѣднюю, должны воздержаться отъ пріобрѣтенія „Популярныхъ очерковъ".

Гюйо, М. Собраніе сочиненій. Т. I. Пер. Н. Южина. СПБ. 1898. Ц. за четыре тома 4 р.

Гюйо—талантливый философъ новѣйшаго времени, умершій въ 1888 году тридцати четырехъ лѣтъ отъ роду. Ясность мысли и умѣнье справляться съ научными матеріалами обратили на него серьезное вниманіе критики и публики. Въ вышедшій теперь первый томъ его сочиненій вошла „Исторія и критика современныхъ англійскихъ ученій о нравственности" — капитальный

трудъ, еще ни разу не переводившійся цѣликомъ на русскій языкъ.

Дантъ, Алигіери. Божественной комедіи часть вторая: чистилище. Пер. съ итальян. М. А. Горбова. Съ объясн. и прим. М. 1898.

Это — въ полномъ смыслѣ слова — роскошное изданіе. Предназначается оно, однако, не для тѣхъ, кто желалъ бы познакомиться съ безсмертнымъ произведеніемъ Данта въ художественномъ переводѣ. Стоитъ привести хотя бы краткій отрывокъ, чтобы въ этомъ убѣдиться. „Едва жъ они завидѣли передъ собой, какъ пресѣкался свѣтъ на землѣ направо отъ меня, и тѣнь моя простерлась до утесовъ, всѣ стали вразъ и даже вспять подались; а остальные, шедшіе за ними, зачѣмъ, не вѣдая, но то же повторили". Въ такомъ видѣ переведена вся вторая часть „Божественной комедіи". Это, какъ видятъ читатели, буквальный переводъ, представляющій, однако, смѣшеніе поэтической и прозаической формы, современнаго русскаго языка съ древне-славянскимъ. Поэтому книгу можно рекомендовать только лицамъ, „*изучающимъ*" „Божественную комедію". Предпосылаемая переводу біографія Данта, многочисленные комментаріи и примѣчанія служатъ прекраснымъ подспорьемъ.

Дорфъ, Д. Я. Сибирская язва. Изд. комиссіи по распростр. гигіенич. знаній въ народѣ О-ва русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова. М. 1898. Ц. 5 к.

Ибервегъ - Гейнце. Исторія новой философіи въ сжатомъ очеркѣ. Пер. Я. Колубовскій. Вып. I. СПБ. 1898. Ц. 2 р. 50 к.

Нельзя не порадоваться появленію новаго русскаго изданія этого капитальнаго труда нѣмецкаго философа. Для всѣхъ лицъ, желающихъ познакомиться съ новой философіей, книга эта безусловно необходима, представляя массу цѣнныхъ библіографическихъ указаній. За достоинство перевода ручается имя переводчика, дополнившаго библіографическія указанія автора включеніемъ всѣхъ книгъ по новой философіи, вышедшихъ на русскомъ языкѣ.

Изборникъ Развѣдчика. Книга X. Изд. В. А. Березовскаго. СПБ. 1898. Ц. 1 р. 20 к.

Касиненко, Юрій. Малороссы во Франціи. Т. I. Лубны. 1898. Ц. 80 к.

Кедринъ, О. Е. Историческій обзоръ тактики русскихъ войскъ, какъ введеніе къ ея изученію. Изд. кн. маг. В. В. Думнова. М. 1899. Ц. 40 к.

Клоддъ, Э. Исторія первобытныхъ людей. Съ 88 рис. Пер. съ англ. М. Энгельгардта. СПБ. 1898. Ц. 40 к.

Ученіе о первобытномъ человѣкѣ получило особенно быстрое развитіе за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ. Брошюра Э. Клодда является скорѣе „повторительнымъ курсомъ" этого ученія и даетъ читателю краткіе очерки по исторіи человѣка на землѣ, по каменному вѣку и по вѣку металловъ. Книжка обильно снабжена пояснительными рисунками.

Краткій очеркъ дѣятельности комитета для помощи поморамъ Русскаго Сѣвера. 1894—1898. СПБ. 1899.

Лабріола, А. Къ вопросу о матеріалистическомъ взглядѣ на исторію. СПБ. 1898. Ц. 50 к.

Landor, H. S. Auf verbotenen Wegen. Leipzig. 1898.

Въ этой книгѣ авторъ описываетъ свое путешествіе въ мало доступный Тибетъ. Описаніе его очень интересно, снабжено многочисленными рисунками и читается, какъ романъ. Трудно, однако, провѣрить достовѣрность сообщаемыхъ данныхъ, и авторъ, кажется, воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы вымысломъ усилить интересъ своей книги.

Лансонъ, Г. Исторія французской литературы. XVII вѣкъ. Пер. съ франц. З. Венгеровой. СПБ. Ц. 1 р.

Лансонъ, Г. Исторія французской литературы. XVIII вѣкъ. Пер. съ франц. П. О. Морозова. СПБ. 1899. Ц. 1 р.

Мордвиновъ, А. Конференція мира и военное дѣло. Изд. В. А. Березовскаго. СПБ. 1899. Ц. 25 к.

Le Musée Social. Les lauréats du travail agricole. 20 octobre 1898. Paris. Calman Lévy, éditeur.

Мысли протоіерея Іоанна Ильича Сергіева, настоятеля Кронштадтскаго Андреевскаго собора, о различныхъ предметахъ христіанской вѣры и нравственности. Изд. 2-е дополн., М. Г. Кривошлыка. СПБ. 1899. Ц. 15 к.

Новичъ, Н. Поэты Финляндіи и Эстляндіи. СПБ. 1898. Ц. 50 к.

Этотъ маленькій сборникъ стихотвореній финскихъ и эстонскихъ поэтовъ содержитъ не мало прекрасныхъ стихотвореній, проникнутыхъ истинною поэзіею. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ, „Ойонъ Паво", „Млечный путь", „Съ весеннею ласточкою", уже извѣстны нашимъ читателямъ, потому что впервые появились въ „Нивѣ", и представляютъ собою перлы поэтическаго творчества. Въ концѣ сборника помѣщены краткія біографіи тѣхъ поэтовъ, стихотворенія которыхъ вошли въ сборникъ.

Основные вопросы по сочиненіямъ Пирогова Изд. А. Л. Трунова. СПБ. 1899. Ц. 25 к.

Отчетъ О-ва для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи за 1897 г. XXXIV-й годъ. СПБ. 1898.

Памяти графа Михаила Николаевича Муравьева. Изд. Виленскаго уѣзднаго комитета попечительства о народной трезвости. Вильна. 1898.

Позняковъ, Н. И. Въ лучшіе годы. Собраніе стихотвореній. СПБ. 1898.

Это собраніе стихотвореній нашего почтеннаго сотрудника состоитъ преимущественно изъ переводныхъ вещей. Выборъ по большей части удачный; переводчика одинаково вдохновляютъ какъ старые, такъ и новые поэты. Что касается до оригинальныхъ стихотвореній, то они проникнуты благородною тенденціею, при чемъ авторъ, какъ показываетъ самое названіе сборника, болѣе сочувствуетъ прошлому, чѣмъ настоящему.

Полиновскій, М. Б. Искорки. Юмор. и сат. стихотворенія. Одесса. 1898. Ц. 30 к.

Программы чтенія для самообразованія. Третье, вновь переработанное и дополненное, изданіе Отдѣла для содѣйствія самообразованію въ Комитетѣ Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній. СПБ. 1899. Ц. 40 к.

Программы эти имѣютъ въ виду насущную потребность въ нашемъ обществѣ — стремленіе къ самообразованію, и, нужно отдать справедливость, онѣ являются единственнымъ и весьма дѣльнымъ руководствомъ для огромной массы людей, желающихъ расширить свое міросозерцаніе путемъ чтенія. Имѣя въ виду разный уровень образованія читателей, „Отдѣлъ для содѣйствія самообразованію" издалъ двухъ родовъ программы по естествознанію и по всѣмъ гуманитарнымъ наукамъ: энциклопедическую, въ которой по каждой наукѣ указываются лишь важнѣйшіе вопросы, знакомство съ которыми необходимо для каждаго образованнаго человѣка, — и отдѣльныя программы по тѣмъ же наукамъ, сопровождаемыя указаніями на литературу предмета преимущественно на русскомъ языкѣ и лишь въ крайнемъ случаѣ на иностранныхъ языкахъ, при чемъ предполагается знакомство съ курсомъ средне-учебныхъ заведеній. По каждому предмету программы составлены спеціалистами. Распространенію этой очень полезной книги должна много способствовать и дешевизна ея. Фактъ выхода программъ третьимъ изданіемъ доказываетъ, какъ велика потребность въ нихъ.

Пэйо, Ж. Самовоспитаніе воли. СПБ. 1899. Ц. 35 к.

Слабохарактерность, какъ говорятъ, болѣзнь нашего времени. Она и составляетъ предметъ изслѣдованія книжки Пэйо, въ которой онъ удачно пытается свести въ одно цѣлое выработанные наукой методы воспитанія и самовоспитанія, которые служатъ къ укрѣпленію воли.

Рецензіи народныхъ изданій по медицинѣ и гигіенѣ. Труды комиссіи по распростран. гигіенич. знаній въ народѣ О-ва Русскихъ Врачей въ память Н. И. Пирогова. М. 1898. Ц. 50 к.

Рибо, Т. Гнѣвъ. Психофизіологическій этюдъ. Перев. И. Рапгофа. СПБ. 1899. Ц. 25 к.

Рибо, Т. Эволюція общихъ идей. Перев. съ франц. М. Гольдсмитъ. Изд. Ф. Павленкова. СПБ. 1898. Ц. 60 к.

Румянцевъ, А. Что есть прекрасное? Мысли Сократа. М. 1898.

Сборникъ статей въ помощь самообразованію по математикѣ, физикѣ, химіи и астрономіи, составленныхъ кружкомъ преподавателей. Вып. IV (съ 5 портретами и 78 чертежами). М. 1898. Ц. 1 р. 20 к.

Настоящій четвертый выпускъ заканчиваетъ собою это прекрасное изданіе. Весь онъ посвященъ астрономіи (космографіи), основные принципы и главнѣйшія особенности которой изложены въ четырнадцати статьяхъ, написанныхъ, какъ было уже отмѣчено нами относительно прежнихъ выпусковъ, ясно, толково и общедоступно. Книга выдѣляется своей изящной внѣшностью.

Сеньобосъ, Ш. Политическая исторія Европы. (1814—1896). Пер. съ фр. подъ ред. проф. А. Трачевскаго. Изд. Ф. Павленкова. СПБ. 1898. Ц. 1 р. 50 к.

Талантливому сочиненію Ш. Сеньобоса очень повезло въ русской литературѣ, такъ какъ въ короткій промежутокъ времени вышло четыре изданія *Политической исторіи Европы* (два изданія г-жи Поповой, одно г. Суворина и одно— г. Павленкова). Изданіе г. Павленкова полнѣе другихъ; оно даже полнѣе французскаго изданія, потому что въ него вошло 16 страницъ, относящихся къ внѣшней исторіи Европы, не вошедшихъ, по нѣкоторымъ личнымъ соображеніямъ автора, въ его французское изданіе. Кромѣ того, изданіе г. Павленкова дешевле другихъ (цѣна изданія г. Суворина 4 р., г-жи Поповой—2 руб. 50 к., но къ нему приложены портреты политическихъ дѣятелей), и заключаетъ въ себѣ предисловіе г. Сеньобоса, написанное имъ для русской публики. Мы не будемъ говорить здѣсь о достоинствахъ этого труда парижскаго профессора; скажемъ только, что для всѣхъ, интересующихся и занимающихся политической исторіей, онъ представляетъ необходимое руководство и пособіе, какъ справочная книга, а для большой публики является сжатой общей картиной новѣйшей исторіи вплоть до 1896 г.

Сергѣенко, П. Какъ живетъ и работаетъ гр. Л. Н. Толстой. М. 1898. Ц. 2 р. 50 к.

Читатели наши уже отчасти знакомы съ этою книгою по выдержкамъ и рисункамъ изъ нея, помѣщеннымъ недавно въ „Нивѣ". Всякій образованный человѣкъ интересуется, конечно, личностью знаменитаго нашего писателя, а вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ не порадоваться появленію книги, въ которой собраны многообразныя свѣдѣнія о теперешней его жизни. Свѣдѣнія эти почерпнуты у самаго источника, такъ какъ авторъ книги часто бывалъ въ Ясной Полянѣ и сообщаетъ въ ней только то, что самъ видѣлъ и слышалъ.

Славнинъ, Н. С. Первоучка. Азбука для самоучекъ и учащихся въ школахъ. Изд. 2-е. Екатеринбургъ. 1898. Ц. 20 к.

Соборъ св. Владиміра въ Кіевѣ. Изданіе С. В. Кульженко. Кіевъ. 1898. Ц. 10 р.

Этотъ роскошно изданный альбомъ въ большомъ форматѣ in quarto имѣетъ въ виду дать представленіе о художественныхъ сокровищахъ собора св. Владиміра въ Кіевѣ, считающагося отнынѣ однимъ изъ крупнѣйшихъ памятниковъ русской религіозной живописи. И нельзя не признать, что прекрасно воспроизведенныя иллюстраціи альбома (105—въ текстѣ и 42—на отдѣльныхъ листахъ) даютъ полное представленіе о дивныхъ художественныхъ твореніяхъ Васнецова, Нестерова, Котарбинскаго, Свѣдомскаго и Прахова. Всѣ эти многочисленныя копіи съ иконъ и наиболѣе интересныхъ орнаментовъ собора воспроизведены фотогравюрой и нѣкоторыя— хромолитографіей. По внѣшнему своему виду изданіе представляетъ строго выдержанное подражаніе рукописи одиннадцатаго вѣка, въ стилѣ котораго и построенъ самый соборъ. Глядя на это прекрасное изданіе, можно только радоваться развитію у насъ, въ Россіи, книгопечатнаго и литографскаго дѣла.

Сорель, А. Монтескье. Съ предисл. проф. П. Виноградова. М. 1898. Ц. 40 к.

Спенсеръ, Г. Хорошее и дурное поведеніе. Изд. А. Л. Трунова. СПБ. 1899. Ц. 50 к.

Сперанскій, Н. О дурной болѣзни. Изд. комиссіи по распростран. гигіенич. знаній въ народѣ О-ва Русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова. М. 1898. Ц. 5 к.

Спутникъ здоровья. Общедоступный еженедѣльный журналъ №№ 1—6. Изд. Т-ва „Народная Польза". СПБ. Ц. въ годъ съ 12-ю приложеніями 5 р.

Общедоступный медицинскій журналъ—явленіе весьма желательное. Онъ можетъ принести большую пользу въ различныхъ сферахъ нашей общественной жизни, въ особенности же въ глуши провинціи, въ народной школѣ, въ помѣщичьей семьѣ. Судя по именамъ сотрудниковъ новаго журнала, въ числѣ которыхъ есть много нашихъ выдающихся медицинскихъ силъ, и по содержанію вышедшихъ первыхъ пяти нумеровъ, журналу можно предсказать успѣхъ. Статьи разнообразны по содержанію и имѣютъ практическое значеніе, таковы напр.—статья „*Фальсификація и борьба съ нею*", „*Развитіе физической силы*", „*Массажъ и врачебная гимнастика*" и пр. Въ видѣ приложенія къ 1-му № дана книжка акад. кн. Тарханова—„*Простуда*". Общедоступному характеру журнала вполнѣ отвѣчаетъ и общедоступная цѣна.

Сысоевъ, Вл. Выходъ. Маленькая повѣсть. М. 1898. Ц. 10 к.

Тиндаль, Д. Уроки по электричеству. Перев. съ англ. Е. А. Предтеченскій. Изд. кн. маг. П. В. Луковникова. СПБ. 1898. Ц. 50 к.

Тиченеръ, Э. Очерки психологіи. Пер. съ англ. М. Чепинской. СПБ. 1898. Ц. 1 р.

Touring-Club de France. Revue mensuelle. Paraissant le 15 novembre 1898. Paris, 5, Rue Coq-Héron.

Тэнъ, И. В Шекспиръ. Переводъ съ франц. Изд. I. Юровскаго. Одесса. 1898. Ц. 15 к.

Цигельротъ, д-ръ. Нервность нашего времени. СПБ. 1898. Ц. 25 к.

Въ соціально-гигіеническомъ этюдѣ главнаго врача берлинской санаторіи, д-ра Цигельрота, указаны причины нервности нашего времени и средства къ ея устраненію.

Ціолковскій, К. Самостоятельное горизонтальное движеніе управляемаго аэростата. Одесса. 1898.

Chambrun, comte de. Wagner à Carlsruhe. Paris. 1898. Prix: 5 fr.

Швидченко, Е. (Б. Быстровъ). Рождественская елка. Ея происхожденіе, смыслъ, значеніе и программа. Съ нотнымъ приложеніемъ (для воспитателей, учителей и родителей). СПБ. 1898. Ц. 25 к.

Г. Швидченко въ своей книжечкѣ объясняетъ въ краткихъ чертахъ происхожденіе и значеніе рождественскаго елочнаго торжества, а въ заключеніе,—что болѣе цѣнно,—даетъ программу

школьнаго празднованія Рождества и нѣсколько колядокъ съ нотами, записанныхъ и аранжированныхъ авторомъ.

Щегловъ, Иванъ. Народный театръ въ очеркахъ и картинкахъ. Изданіе второе, значительно исправленное и дополненное. Изданіе А. С. Суворина. СПБ. 1898. Ц. 1 р. 50 к.

Эта интересная, живо и горячо написанная книга г. Щеглова обратила на себя вниманіе еще при первомъ выходѣ въ свѣтъ, подъ заглавіемъ „О народномъ театрѣ". Въ новомъ второмъ изданіи книга вновь пересмотрѣна, значительно исправлена и почти втрое дополнена. Вопросъ о народномъ театрѣ въ настоящее время выдвинутъ на ближайшую очередь почти во всей Россіи, и трудъ г. Щеглова освѣщаетъ этотъ вопросъ со многихъ сторонъ. Кромѣ дополненій къ тексту книги, авторъ приложилъ еще списокъ книгъ и статей по народному театру, могущій заинтересовать многихъ занимающихся этимъ дѣломъ, и свои четыре одноактныя шутки для народной сцены: „Солдатская любовь", „Плѣнный турокъ", „Докторъ на полчаса" и „Милордъ Георгъ". Пьески эти, написанныя очень живо, неоднократно исполнялись въ спектакляхъ для народа и солдатъ и пользовались успѣхомъ.

Энгельмейеръ, П. К. Критика научныхъ и художественныхъ ученій гр. Л. Н. Толстого. М. 1898. Ц. 35 к.

Юревичъ, Г. Я. Сборникъ ариѳметическихъ задачъ для начальныхъ училищъ. Часть первая. Ц. 10 к. Часть вторая. Ц. 10 к. Изд. кн. маг. Н. Карбасникова. СПБ. 1899.

СМѢСЬ.

Прощеніе грѣховъ въ доминиканскомъ монастырѣ. Въ «Русской Старинѣ» находимъ любопытный разсказъ о злоупотребленіяхъ такъ называемой «индульгенціей», происходившихъ въ Вильнѣ во времена Муравьева.

Чтобы войти въ церковь виленскаго доминиканскаго монастыря,—читаемъ въ этомъ разсказѣ,—надобно пройти чрезъ весьма обширный коридоръ, слабо освѣщенный. Въ концѣ коридора, при входѣ въ церковь на стѣнѣ видна была икона св. Доминика, передъ которою постоянно теплилась лампада; по обѣ стороны иконы были повѣшены двѣ таблицы: на одной означены самые тяжкіе грѣхи, а на другой—небольшіе, и тѣ, и другіе были подъ нумерами. Ниже образа были прикрѣплены къ стѣнѣ двѣ кружки и повѣшены два мѣшка съ нумерами на манеръ тѣхъ, которые употребляются при игрѣ въ лото. Подлѣ образа на низкомъ табуретѣ постоянно сидѣлъ старый монахъ.

Всякій желавшій прощенія одного изъ написанныхъ на таблицахъ грѣховъ долженъ былъ преклониться передъ иконою, потомъ положить въ кружку для прощенія тяжкаго грѣха 2 злота (30 к.), а для менѣе важнаго—1 злотъ (15 к.); затѣмъ монахъ бралъ одинъ изъ мѣшковъ,—смотря по тому, прощенія какого грѣха желали получить—трясъ его, такъ же, какъ при лото, и подавалъ грѣшнику. Сей послѣдній вынималъ изъ мѣшка нумеръ и подыскивалъ по таблицѣ, какому грѣху соотвѣтствуетъ вынутый нумеръ; такимъ образомъ найденный на таблицѣ по вынутому нумеру грѣхъ прощался.

Во время постовъ и праздниковъ грѣшники сильно играли въ это лото, что приносило не малые доходы монастырю.

Когда М. Н. Муравьевъ узналъ объ этомъ, онъ тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе о прекращеніи этого лото или лотереи, а икону со всѣми принадлежностями приказалъ поставить въ одну изъ своихъ пріемныхъ залъ для общаго обозрѣнія. Эта икона долго оставалась во дворцѣ.

Рихардъ Вагнеръ, Бюловъ и Листъ. Листъ однажды разсказывалъ г-жѣ Илькѣ Горовицъ-Барнай, обнародовавшей цѣлый рядъ воспоминаній о Францѣ Листѣ, — что Вагнеръ, Бюловъ и онъ въ молодости жили вмѣстѣ въ Лейпцигѣ и очень весело проводили время. «То есть, — говорилъ Листъ:—веселъ былъ собственно я, потому что прозаическое настоящее мало удовлетворяло Вагнера, мечтавшаго о будущемъ. Бюлова мы называли «критикомъ» и побаивались — я въ особенности — его остраго языка.

«Само собою разумѣется, у всѣхъ насъ большею частью не было денегъ. Несмотря на то, Вагнеръ предъявлялъ къ нашей скромной кассѣ весьма большія требованія. Онъ совершенно не могъ выносить недостатка въ деньгахъ, и мы старались какъ можно менѣе давать ему чувствовать этотъ недостатокъ.

«Въ этотъ годъ, послѣ долгой прекрасной осени, вдругъ наступили холода, и нервный Вагнеръ очень страдалъ отъ такой рѣзкой перемѣны температуры. Онъ требовалъ, чтобы комната была вытоплена. Два дня происходили между нимъ и Бюловымъ дебаты, слѣдуетъ ли покупать дрова, въ виду плохого состоянія кассы. Меня не спрашивали: Бюловъ зналъ, что я всегда готовъ уступить, но онъ, какъ отвѣтственный министръ финансовъ, находилъ, что прямо смѣшно топить печи въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

«— Но если мнѣ холодно!—съ бѣшенствомъ кричалъ Вагнеръ, на что неумолимый Бюловъ совѣтовалъ ему побѣгать по улицѣ, чтобы согрѣться или погрѣться около своей музы. И смѣясь собственному дешевому и злому остроумію, Бюловъ, вмѣстѣ со мной, вышелъ изъ комнаты.

«Каково же было наше удивленіе, когда, вернувшись черезъ два часа домой, мы застали Вагнера въ жарко натопленной комнатѣ. Онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, глубоко погрузившись въ свою работу. Лицо его было красно. — Откуда? началъ-было Бюловъ, но языкъ прилипъ у него къ гортани, когда онъ окинулъ взглядомъ комнату и

понялъ, откуда Вагнеръ досталъ себѣ дровъ. Всѣ стулья и наши два письменныхъ стола лежали изломанные на полу. Вагнеръ у всѣхъ обломалъ ножки и затопилъ ими печь.

«Отъ бѣшенства Бюловъ не могъ выговорить ни слова. Я же стоялъ въ дверяхъ и хохоталъ надъ такимъ геніальнымъ, хотя и нѣсколько безцеремоннымъ способомъ помочь своей бѣдѣ. Бюловъ кричалъ, охалъ, что мы должны теперь купить хозяйкѣ новые столы и стулья, а пока намъ не на чемъ ни сидѣть, ни работать. Вагнеръ отвѣтилъ со злостью.—У меня есть, что мнѣ надо!.. Кто такъ, какъ вы оба, любитъ прогуливаться, тому не нужны ни столы, ни стулья. Если бы ты своевременно далъ денегъ на дрова, ваша драгоцѣнная мебель была бы цѣла до сихъ поръ. Ты самъ хотѣлъ этого!..—Дрова конечно обошлись бы дешевле...

«На другой день я получилъ небольшую сумму денегъ и купилъ дровъ и новую мебель. Вагнеръ сейчасъ же выбралъ себѣ, что было получше, но я возразилъ, смѣясь:

«— Только знай!.. Новую мебель я сейчасъ же застрахую».

Роль Россіи въ франко-прусской войнѣ. Въ воспоминаніяхъ Жерве, печатающихся въ «Историческомъ Вѣстникѣ» помѣщенъ одинъ любопытный историческій документъ, который мы приводимъ здѣсь дословно.

Послѣ пораженій при Вертѣ, Седанѣ, Мецѣ и другихъ городахъ, голодный Парижъ также сдался на капитуляцію и подписалъ миръ, отдавая нѣмцамъ Эльзасъ, часть Лотарингіи и приплачивая къ этому пять милліардовъ франковъ.

Маститый императоръ Вильгельмъ, тотчасъ по достиженіи успѣшныхъ результатовъ, извѣстилъ о томъ нашего государя, своего лучшаго друга. Его телеграмма, какъ историческій документъ и доказательство признательности Пруссіи русскому царю, достойна особаго вниманія. Вотъ она дословно:

«Версаль, 14 (26) февраля, въ 2 часа 7 минутъ.

«Его императорскому величеству государю императору всероссійскому Александру II.

«Съ невыразимымъ чувствомъ я вознесъ благодареніе Всевышнему! Увѣдомляю васъ, что предварительныя условія о мирѣ сейчасъ подписаны Бисмаркомъ и Тьеромъ. Эльзасъ, но безъ Бельфора, и Нѣмецкая Лотарингія съ Мецомъ уступлены Германіи; пять милліардовъ контрибуціи будутъ уплачены Франціею; по мѣрѣ выплаты этой суммы страна будетъ очищена въ теченіе трехъ лѣтъ. Парижъ будетъ частью занятъ до утвержденія мира національнымъ собраніемъ въ Бордо. Подробности мирнаго договора будутъ обсуждаться въ Брюсселѣ. Если утвержденіе состоится, мы, наконецъ, достигнемъ конца войны, столь же славной, сколько кровопролитной, объявленной намъ съ безпримѣрнымъ легкомысліемъ.

«Никогда Пруссія не забудетъ, что она вамъ обязана тѣмъ, что война не приняла крайнихъ размѣровъ. Да благословитъ васъ за это Господь!»

«До конца жизни признательный другъ
«Вильгельмъ».

Государь нашъ благоволилъ на эту телеграмму дать слѣдующій отвѣтъ:

«Императору германскому, королю прусскому.

«С.-Петербургъ, 15 февраля 1871 года.

«Благодарю васъ за сообщеніе подробностей о предварительныхъ условіяхъ мира и раздѣляю вашу радость. Дай Богъ, чтобы послѣдствіемъ былъ твердый миръ. Счастливъ, что могъ, какъ преданный другъ, доказать вамъ мое сочувствіе. Да будетъ дружба, насъ связывающая, залогомъ счастья и славы нашихъ обоихъ государствъ».
«Александръ».

Телеграмма германскаго императора ясно доказала, что онъ вполнѣ цѣнилъ ту громадную помощь, которую Россія оказала Германіи своимъ нейтралитетомъ, благодаря чему вся остальная Европа воздержалась отъ вмѣшательства въ ея дѣла съ Франціей

Быстрота подземныхъ ударовъ при землетрясеніяхъ. Руководитель греческихъ изслѣдованій о землетрясеніяхъ, Агамемнонъ, обнародовалъ слѣдующія, сдѣланныя имъ, интересныя вычисленія, касающіяся сильнаго прошлогодняго землетрясенія въ Калькуттѣ. Агамемнонъ кладетъ въ основаніе своихъ вычисленій то обстоятельство, что названное землетрясеніе получило начало въ Ассамѣ, мѣстности, лежащей подъ 25° сѣв. широты и 91° восточной долготы. Калькутты же, отстоящей отъ Ассама на четыреста километровъ, оно достигло, по однимъ наблюденіямъ, въ 11 час. 4 мин. и 6 сек.; по удостовѣренію же руководителя индійскихъ почвенныхъ изслѣдованій — въ 11 час. 7 мин. Разница, повидимому, не большая, но для измѣренія быстроты явленія весьма значительная. Въ первомъ случаѣ, подземный ударъ дошелъ бы изъ Ассама въ Калькутту со скоростью 9-ти, а во второмъ случаѣ—11 километровъ въ секунду. Землетрясеніе началось быстро слѣдовавшими одно за другимъ колебаніями земли, продолжавшимися около 23 минутъ; затѣмъ слѣдовали колебанія съ бо̀льшими проме-

жутками, при чемъ быстрота колебаній не превышала 2,6 — 2,8 километровъ въ секунду. Распространеніе названнаго землетрясенія было громадно; оно отмѣчено девятнадцатью европейскими обсерваторіями, изъ которыхъ эдинбургская находится на разстояніи 7970 километровъ отъ его исходной точки. Все это громадное пространство было пройдено первыми подземными ударами всего въ 13 минутъ.

ШАХМАТЫ

подъ редакціей Э. С. Шифферса.

Задача № 60.

О. Немо и К. Эрлинъ (Вѣна).

Черные.

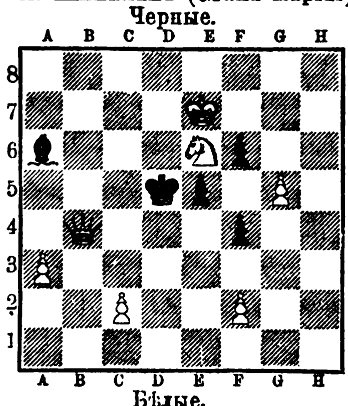
Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

Задача № 61.

В. А. Шинкманъ (Grand Rapids).

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

Партіи изъ Вѣнскаго международнаго турнира 1898 г.

ФРАНЦУЗСКАЯ ПАРТІЯ.

Играна въ 6 турѣ 27 мая (8 іюня 1898 г.).

Шлехтеръ. Бѣлые.	Шовальтеръ. Черные.
1. e2 — e4	e7 — e6
2. d2 — d4	d7 — d5
3. С. f1 — d3	К. g8 — f6

Здѣсь сильнѣе 3 c7 — c5.

4. e4 — e5	К. f6 — d7
5. К. g1 — f3	c7 — c5
6. c2 — c3	К. b8 — c6
7. 0 — 0	Ф. d8 — b6
8. d4 : c5	С. f8 : c5
9. b2 — b4	С. c5 — e7
10. Л. f1 — e1	a7 — a6
11. Ф. d1 — c2	h7 — h6
12. Ф. c2 — e2	Ф. b6 — c7
13. К. b1 — d2	К. c6 — a7
14. С. c1 — b2	К. d7 — b6
15. Л. a1 — c1	К. b6 — a4
16. С. b2 — a1	b7 — b5
17. К. f3 — d4	С. c8 — d7
18. Ф. e2 — g4	g7 — g5
19. c3 — c4!	. . .

Превосходное пожертвованіе, быстро ведущее къ цѣли.

19. . . .	d5 : c4
20. С. d3 : c4	d5 : c4
21. К. d2 : c4	Л. a8 — c8
22. К. c4 — d6+	С. e7 : d6
23. Л. c1 : c7	С. d6 : c7
24. Ф. g4 — d1	К. a4 — b6
25. К. d4 — f5!	К. b6 — d5

На 25... e6 : f5, очевидно послѣдуетъ 26. e5 — e6.

26. К. f5 — d6+	С. e7 : d6
27. e5 : d6	0 — 0
28. Ф. d1 — d4	f7 — f6
29. Ф. d4 : a7	Л. f8 — f7
30. Ф. a7 : a6	К. d5 : b4
31. Ф. a6 — b7	К. b4 — d3
32. Л. e1 — b1	К. d3 — f4
33. С. a1 : f6	Л. c8 — c2
34. Ф. b7 — e4	Л. c2 — e2
35. Л. b1 — b8+	Л. f7 — f8
36. Л. b8 : f8+	Кр. g8 : f8
37. Ф. e4 — b1	e6 — e5
38. h2 — h3	e5 — e4
39. Ф. b1 — b8+	Кр. f8 — f7
40. Ф. b8 — d8	С. d7 — c6
41. Ф. d8 — e7+	Кр. f7 — g6
42. Ф. e7 — g7+	Кр. g6 — h5
43. С. f6 : g5!	Сдался.

Этимъ ходомъ Шлехтеръ, ведшій всю партію мастерски, форсируетъ матъ.

СИЦИЛІАНСКАЯ ПАРТІЯ.

Играна въ 29 турѣ, 30 іюня (12 іюля) 1898 г.

Бэрдъ. Бѣлые.	Липке. Черные.
1. e2 — e4	c7 — c5
2. К. g1 — f3	e7 — e6
3. d2 — d4	c5 : d4
4. К. f3 : d4	К. g8 — f6
5. С. f1 — d3	К. b8 — c6
6. К. d4 : c6	b7 : c6
7. 0 — 0	d7 — d5
8. К. b1 — c3	С. f8 — e7
9. b2 — b3	0 — 0
10. e4 — e5	К. f6 — d7
11. Л. f1 — e1	f7 — f5
12. e5 : f6	К. d7 : f6
13. h2 — h3	С. e7 — d6
14. С. c1 — b2	. . .

Здѣсь слѣдовало играть 14. f2—f4, чтобы помѣшать надвиганію черной королевской пѣшки.

14 . . .	e6 — e5
15. К. c3 — a4	e5 — e4

16. С. d3 — f1?	К. f6 — g4!
17. Л. e1 — e2	. . .

На 17. h3. послѣдуетъ Ф. h4; 18. g3, С : g3; 19. fg, Ф : g3+ и f8 — f2.

17. . . .	Л. f8 — f2!
18. h3 : g4	. . .

Не помогло бы и 18. Л : f2; 18 . . . Ф. h4; 19. Л. e2, Ф. g3; 20. hg, e3; 21. Л : e3, Ф : e3+; 22. Кр. h1, Ф. h6+; 23. Кр. g1, С. g3 и т. д.

18. . . .	Ф. d8 — h4
19. Ф. d1 — d4	. . .

Черные объявили матъ въ 3 хода.

ИСПАНСКАЯ ПАРТІЯ.

Играна въ 29 турѣ.

Яновскій. Бѣлые.	Шовальтеръ. Черные.
1. e2 — e4	e7 — e5
2. К. g1 — f3	К. b8 — c6
3. С. f1 — b5	К. g8 — f6
4. 0 — 0	К. f6 : e4
5. d2 — d4	К. e4 — d6
6. С. c1 — g5	. . .

Ходъ, впервые сдѣланный здѣсь Пильсбери.

6. . . .	С. f8 — e7
7. С. b5 : c6	d7 : c6
8. d4 : e5	. . .

При правильномъ отвѣтѣ черныхъ, бѣлые не пріобрѣтаютъ ни малѣйшій выгоды; поэтому сильнѣе 8. С : e7 и 9. de, причемъ бѣлые имѣютъ шансы получить проходную пѣшку на королевскомъ флангѣ.

8. . . .	К. d6 — f5

Гораздо лучше было 8 . . . С : g5, напр., 9. К : g5, Ф : g5; 10. ed, cd (или 10 . . . С e6; 11. dc, Ф. e5); 11. Ф : d6. Ф. e7; или 9. ed, С. f6! Въ обоихъ случаяхъ у черныхъ хорошая партія.

9. Ф. d1 : d8+	Кр. e8 : d8

Теперь получилось хорошо извѣстное положеніе съ тою разницею, что черные не могутъ сохранить своихъ двухъ слоновъ.

10. К. b1 — c3	h7 — h6
11. Л. a1 — d1+	Кр. d8 — e8
12. С. g5 : e7	К. f5 : e7

Нельзя 12 . . . Кр : e7, по причинѣ g2—g4.

13. К. f3 — d4	К. e7 — f5
14. К. d4 — e2	Кр. e8 — e7
15. К. e2 — f4	С. c8 — e6
16. К. f4 : e6	Кр. e7 : e6
17. g2 — g4	Кр. f5 — h4?

Лучше было К. e7, но и тогда игра бѣлыхъ предпочтительнѣе.

18. f2 — f4	g7 — g6
19. К. c3 — e4	b7 — b6
20. Кр. g1 — f2	Л. a8 — g8
21. К. e4 — f6	Л. g8 — d8
22. Кр. f2 — g3	g6 — g5
23. f4 — f5+!	Кр. e6 — e7
24. c2 — c4	a7 — a5
25. a2 — a4	Л. h8 — f8
26. К. f6 — h5!	c6 — c5

Это разстраиваетъ пѣшечное понижение черныхъ на ферзевомъ флангѣ; однако, у черныхъ нѣтъ удовлетворительной защиты, такъ какъ на выжидательные ходы (напр., Л. f8—g8) послѣдовали бы 27. Л. f1—e1! съ угрозой f5—f6+ и К. h5—g7.

27. К. h5 — f6	c7 — c6
28. К. f6 — e4	Л. d8 — d4
29. Л. d1 : d4	c5 : d4
30. Л. f1 — d1	Л. f8 — d8
31. Л. d1 — d3	Кр. e7 — f8
32. К. e4 — f2!	Л. d8 — e8

Если 32 . . . c6—c5, то 33. Л. b3 и К. d3.

33. Л. d3 : d4	Л. e8 : e5
34. Л. d4 — e4	Л. e5 — e7
35. c4 — c5	Л. e7 — b7
36. К. f2 — d3	b6 : c5
37. Л. e4 — c4	Л. b7 — e7
38. Кр. g3 — f2	Л. e7 — d7
39. Кр. f2 — e2	К. h4 — g2
40. Л. c4 : c5	Л. d7 — d4
41. Л. c5 : a5	Л. d4 : g4
42. f5 — f6	Кр. f8 — g8
43. Л. a5 — a8+	Кр. g8 — h7
44. a4 — a5	К. g2 — f4+
45. Кр. e2 — f3	Л. g4 — h4
46. К. d3 — e5	К. f4 — d5
47. a5 — a6	Л. h4 — f4+
48. Кр. f3 — g3	Л. f4 — a4
49. Л. a8 — a7	Кр. h7 — g8
50. Л. a7 : f7	К. d5 : f6
51. Л. f7 : f6	Л. a4 : a6
52. Л. f6 : c6	Сдался.

ФРАНЦУЗСКАЯ ПАРТІЯ.

Играна въ 38 турѣ, 13 (25 іюля) 1898 г.

Шифферсъ. Бѣлые.	Беринъ. Черные.
1. e2 — e4	e7 — e6
2. d2 — d4	d7 — d5
3. К. b1 — c3	К. g8 — f6
4. С. c1 — g5	d5 : e4

Этотъ ходъ рекомендуетъ Ласкеръ, повидимому, однако, 4. С. f8 — e7 сильнѣе.

5. К. c3 : e4	К. b8 — d7
6. К. g1 — f3	С. f8 — e7
7. К. e4 : f6+	К. d7 : f6
8. С. f1 — d3	0 — 0
9. 0 — 0	. . .

Сильнѣе чѣмъ 9. Ф. e2, какъ игралъ Пильсбери противъ Берна; тогда черные съ большей выгодой играютъ c7—c5.

9. . . .	c7 — c5
10. d4 : c5	С e7 : c5
11. Ф. d1 — e2	С c5 — e7
12. Л. a1 — d1	Ф. d8 — a5
13. a2 — a3	h7 — h6
14. С. g5 — h4	Ф. a5 — h5

Послѣдніе 3 хода черныхъ не къ ихъ выгодѣ, какъ покажутъ послѣдствія.

15. h2 — h3	Л. f8 — d8
16. b2 — b4	. . .

Подготовляя g2 — g4.

16. . . .	Кр. g8 — f8

Чтобы можно было пойти Ф. d5.

17. g2 — g4	Ф. h5 — d5
18. c2 — c4	Ф. d5 — c6
19. К. f3 — e5	Ф. c6 — a4
20. Ф. e2 — b2	Ф. a4 — e8
21. f2 — f4	К. f6 — d7
22. g4 — g5!	. . .

Теперь грозитъ 23. gh и К : d7+ или К. e5—g6+. У черныхъ нѣтъ защиты.

22. . . .	h6 — h5
23. С. d3 — e2	f7 — f5
24. g5 : f6	g7 : f6
25. К. e5 : d7+	С. c8 : d7
26. С. h4 : f6	Ф. e8 — g6+
27. С. f6 — g5	С. e7 : g5
28. f4 : g5+	Кр. f8 — g8
29. Ф. b2 — f6	Ф. g6 : f6
30. Л. f1 : f6	Л. a8 — c8
31. С. e2 : h5	С. d7 — c6
32. Л. d1 : d8+	Л. c8 : d8
33. Л. f6 : e6	Л. d8 — d3
34. С. h5 — g4	a7 — a6
35. Л. e6 — e7	Л. d3 : a3
36. g5 — g6	Кр. g8 — f8
37. g6 — g7+	Сдался.

Рѣшенія шахматныхъ задачъ, помѣщенныхъ въ № 10 Литерат. Прилож. „Нивы“, за октябрь 1898 г.

№ 52. И. Фридлиціусъ. Матъ въ 3 хода.
1. Л. e3—f3, С : c4; 2. c3+ и т. д.
1. . . . ., К : c4 (С. d3); 2. Л. d3+ и т. д.
1. . . . ., С : f3 (f5); 2. Ф a1+ и т. д.
1. . . . ., Кр : c4; 2. Л. f4+ и т. д.
1. . . . ., ∾; 2. Ф. h4+ и т. д.

№ 53. Н. Эрлинъ. Матъ въ 3 хода.
1. С. e3—g5, К. a5; 2. К : f3 и т. д.
1. . . . ., К. c5; 2. К. e3+ и т. д.
1. . . . ., К : d4; 2. К : d6+ и т. д.

№ 54. С. Трчала. Матъ въ 3 хода.

1. Ф. a2—a4, e1 Ф.; 2. С. f1+ и т. д.
1. . . . ., Кр : f4; 2. С. d3+ и т. д.
1. . . . ., С : f4; 2. Ф. c2+ и т. д.
1. . . . ., Кр : f5; 2. С e6+! и т. д.
1. . . . ., ∾; 2. С. b5+ и т. д.

Правильныя рѣшенія прислали: **Андре** (Царск. С.); **О. Ш. Готтесманъ** (Любарь, Вол. г.) (всѣхъ задачъ); **Н. Е. Авругинъ** (ст. Сновская Л.-Р. ж. д.); **И. М. Мень** (Чернобыль); **Н. П. Лавровъ** (Москва); **Ф. И. Ахапкинъ** (ст. Бурашево, Твер. г.); **Б. А. Зѣвакинъ** и **Н. О. Малининъ** (Калуга); **Шахмафилъ** (Орелъ); **Б. З. Немировскій** (Херсонск. губ.).

Корреспонденція.

М. Н. Л. (Калуга). Рекомендуемъ руководство **Жанъ Дюфрень и Эмануилъ Ласкеръ**, перев. Э. С. Шифферса; изд. М. М. Жеребцова. Цѣна налож. плат. 3 р. Выписать можно, адресуясь къ Э. С. Шифферсу. СПБ., за Невской заставой, Муравьевскій пер. д. 16.

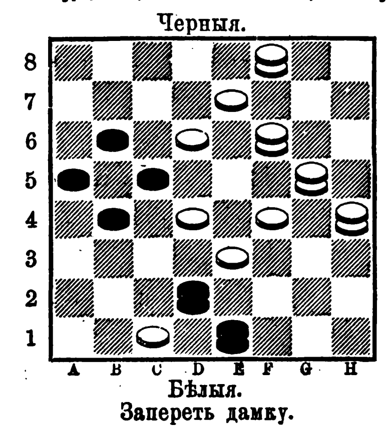
На-дняхъ вышелъ послѣдній листъ (21-й) сборника всѣхъ партій (350) Вѣнскаго международнаго турнира 1898 г. «Kaiser-Jubilaeums-Turnier». Цѣна 4 р. 50 к. Выписать можно, адресуясь: Redaction der Wiener Schachzeitung, Wien, Schottengasse, 7.

ШАШКИ.

Задача № 62.

П. Я. Бурцевъ (Звенигскій затонъ, Каз. губ.).

Черныя.

Бѣлыя.

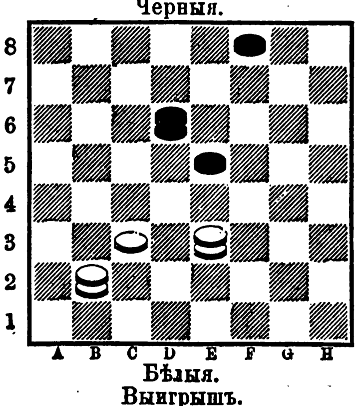
Запереть дамку.

Этюдъ № 63.

И. Ф. Краевскій (СПБ.).

Изъ журнала „Шашки“.

Черныя.

Бѣлыя.

Выигрышъ.

ЗАДАЧИ И ИГРЫ

подъ редакціей **Ю. О. Г.**

Ариѳметическая задача № 64.

Съ трехъ капиталовъ, изъ коихъ первый былъ отданъ въ ростъ по 5, другой по 6 и третій по 4½%, по прошествіи 3 лѣтъ и 4 мѣсяц. получено прибыли 6,855 руб. Опредѣлить размѣръ каждаго изъ капиталовъ, если извѣстно, что второй капиталъ былъ менѣе перваго на 850 р., а третій на ту же сумму болѣе перваго.

Задача № 65.

Желѣзная дорога въ два пути соединяетъ города А и В, и ѣзды между ними ровно сутки. Каждый часъ отправляется съ обоихъ концовъ одновременно по одному поѣзду. Если ѣхать изъ А въ В, то сколько поѣздовъ встрѣтится по пути?

Задача № 66.

Н. В. П.

1	11	6	18	15	4	5	- 103
17	3	1	19	9	21	31	- 88
28	16	7	18	3	21	1	- 108
21	19	13	12	1	29	13	- 64
- 67	- 82	- 43	- 61	- 30	- 54	- 26	

Перемѣстить данныя числа въ квадратахъ прямоугольника такъ, чтобы суммы чиселъ каждаго изъ столбцовъ соотвѣтствовали числамъ, поставленнымъ съ боковъ прямоугольника, и чтобы, замѣненныя соотвѣтствующими буквами, эти числа дали пословицу.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ Р. И. Сементковскій.

Тип. А. Ф. Маркса, Средн. Подьяч., № 1.
Дозволено цензурою. СПБ. 7 декабря 1898 г.

